

Вальтер
Скотт

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Вальтер Скотт

С О Б Р А Н И Е С О Ч И Н Е Н И Й

в двадцати томах

Под общей редакцией

Б. Г. РЕИЗОВА, Р. М. САМАРИНА,

Б. Б. ТОМАШЕВСКОГО

*Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ*

Москва 1963 Ленинград

Вальтер Скотт

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

том двенадцатый

ПИРАТ

Перевод с английского
В. С. ДАВИДЕНКОВОЙ

Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1963 Ленинград

WALTER SCOTT
THE PIRATE

Редакция перевода
И. А. Лихачева

Комментарии
В. Н. Шейнкера

П И Р А Т

ПРЕДИСЛОВИЕ К «ПИРАТУ»

Постой, корабль там был.¹

Эту строчку из «Старого моряка» вполне уместно поставить в начале настоящего краткого предисловия, ибо те весьма скудные знания и сведения о жителях Шетлендского архипелага и об окружающей их природе, которые автор попытался воплотить в романе «Пират», он приобрел именно во время морского путешествия.

Дело в том, что автор получил приглашение сопровождать особую комиссию службы северных маяков, которая летом и осенью 1814 года собиралась обойти морским путем берега Шотландии, посетив при этом и различные группы окружающих ее островов. Главной целью этой комиссии было ознакомиться с состоянием многочисленных маяков, находящихся в ведении службы, — сооружений необыкновенно важных как с общественной, так и с военной точки зрения. Среди лиц, привлекаемых к этой важной работе, находятся и шерифы всех приморских графств, являющиеся членами комиссии *ex officio*.² Джентльмены эти ведут свою работу совершенно безвозмездно, однако в тех случаях, когда они считают

¹ Перевод Н. Гумилева.

² По обязанности (*лат.*).

нужным посетить тот или иной маяк, в их распоряжение предоставляют вооруженную яхту, хорошо оснащенную и снабженную всем необходимым. При комиссии в качестве советника по техническим вопросам состоит весьма опытный инженер, мистер Роберт Стивенсон. Автор сопровождал настоящую экспедицию в качестве гостя, ибо хотя он и является шерифом Селкеркшира, но графство это, подобно королевству Богемии в истории капрала Трима, не имеет морского порта, и поэтому высшее должностное лицо его не входит, само собой разумеется, в состав вышеупомянутой комиссии; обстоятельство это, впрочем, не имело большого значения, ибо все члены ее были старыми друзьями, близкими товарищами по профессии и всегда готовы были оказать друг другу любую услугу.

Важная работа, бывшая основной целью путешествия, имела немало приятных сторон, поскольку связана была с посещением мест, неизменно привлекающих внимание любознательного путешественника; ведь каждый пустынный мыс или опасный риф, который должен быть отмечен маяком, бывает обычно окружен весьма живописной картиной прибрежных скал, пещер и пенистых бурунов. Временем своим мы располагали совершенно свободно, и, так как большинство из нас умело ходить под парусами, мы в любую минуту могли превратить противный для нас ветер в попутный и пойти в фордевинд к какой-либо лежащей у нас с подветренной стороны и вызывающей наше любопытство цели.

Таким образом, с приятной надеждой сочетать общественную пользу с кое-какими развлечениями, мы вышли из Литского порта 26 июля 1814 года, обогнули восточный берег Шотландии, уделяя должное внимание различным его достопримечательностям, а затем проследовали к Шетлендскому и Оркнейскому архипелагам; там мы на некоторое время задержались из-за удивительных особенностей этих стран, где встретили много для себя нового. Осмотрев все, что было любопытного в Ultima Thule¹ древних, где солнце в эту пору года вставало так рано, что,

¹ Отдаленной Туле (лат.).

пожалуй, и вообще не считало нужным ложиться спать, мы обогнули крайнюю северную оконечность Шотландии и бегло осмотрели Гебридские острова, где мы встретили очень радушный прием. Затем, словно для того, чтобы придать нашей маленькой экспедиции некоторый ореол опасности, судьба позволила нам мельком увидеть вдали нечто весьма похожее, как утверждали, на американский крейсер. И, таким образом, мы получили возможность поразмыслить над тем, как бы мы выглядели, если бы нас забрали в плен и отвезли в Соединенные Штаты. После посещения поэтических берегов Морвены и окрестностей Обана мы направились к берегам Ирландии, осмотрели Дорогу Гигантов, чтобы иметь возможность сравнить ее с виденной нами по пути Стаффой. Наконец, примерно в середине сентября, мы завершили наше путешествие в устье Клайда, в порту Гринок.

Таким образом окончилась наша поездка, особенно приятная тем, что яхта была прекрасно оборудована и из экипажа ее (оставляя достаточное количество людей на борту) всегда можно было выделить команду для шлюпки; это давало нам возможность посещать берег во всех тех случаях, когда нас влекла к тому вполне естественная любознательность. Мысленно возвращаясь к этой радостной поре своей жизни, я не могу не добавить, что между шестью или семью друзьями, принимавшими участие в экспедиции, хотя им и пришлось не одну неделю провести вместе на небольшом суденышке и многие из них, несомненно, обладали весьма различными вкусами и наклонностями, ни разу не возникло ни малейшего спора или разногласия, ибо каждый всегда был готов подчинить свои личные прихоти желаниям своих друзей. Благодаря подобному взаимному согласию все задачи нашей маленькой экспедиции были без труда выполнены, и мы вполне могли бы отнести на свой собственный счет прекрасные строки из морской песни Аллана Каннингхэма:

Морской простор нам домом был,
И славно нам жилось!

Однако к самым чистым воспоминаниям об этих радостных днях примешивается печаль. По возвращении из столь приятного путешествия я узнал о безвременной кончине одной дамы, которая служила украшением как своей родины, так и общества, где она занимала высокое положение, и которая в течение многих лет дарила меня своей дружбой. Последовавшая затем смерть одного из моих товарищей по путешествию, и притом самого близкого друга, какого я когда-либо имел, также набросила свою тень на воспоминания, которые, не будь они омрачены этими событиями, были бы весьма отрадны.

Здесь я должен вкратце заметить, что моя работа во время экспедиции — если вообще это можно назвать работой — заключалась в отыскании мест, которые могли бы послужить подходящим фоном для «Повелителя островов» — поэмы, которую я в те дни угрожал подарить публике и которая впоследствии была действительно напечатана, не вызвав, однако, особого интереса у читателей. Но, поскольку в то же самое время анонимный роман «Уэверли» начинал приобретать некоторую известность, я уже предвкушал возможность второй попытки в той же области литературы и на диких Оркнейских и Шетлендских островах увидел много такого, что, по-моему, показалось бы в высшей степени интересным, если бы было введено в роман, местом действия которого послужили бы эти острова. Историю пирата Гау я услышал от одной старой сивиллы (подробнее я говорю о ней в примечании к этому тому), которая существовала главным образом торговлей благоприятными ветрами, продавая их морякам Стромнесса. Любопытное явление представляют собой благодущие и гостеприимство шетлендских земельных собственников, которые отнеслись ко мне с тем большей любезностью, что некоторые из них были друзьями моего отца и поддерживали с ним переписку.

Чтобы воскресить образ типичного норвежского юдаллера,¹ мне пришлось пользоваться рассказами

¹ Юдаллерами назывались в Шетлендии свободные от ленных повинностей землевладельцы, получившие свои права еще

о лицах, живших на одно или два поколения раньше нас, ибо в настоящее время место этих первоначальных насельников архипелага заняло шотландское дворянство и язык их, так же как особенности быта, успел уже полностью исчезнуть. Единственная разница, которую в наши дни можно наблюдать между знатью этих островов и Шотландии, заключается в том, что имущественное положение наших более северных соотечественников гораздо более уравнено и среди тамошних землевладельцев не найдется ни одного крупного богача, который, выставляя напоказ свою роскошь, заставил бы менее состоятельных роптать на свою скромную долю. Естественным следствием такого равенства состояний является дешевизна жизни, и поэтому многие офицеры полка, стоявшего в то время гарнизоном в форте Шарлотта в Леруике, которым подходил срок перевода в другое место, очень сожалели, что им придется покинуть страну, где на скромное жалованье, недостаточное для жизни в столице, они могли удовлетворить все свои нужды. Странно было слышать, как уроженцы веселой Англии с грустью говорят о своем отъезде с унылых островов Ultima Thule.

Таковы некоторые мелкие подробности, связанные с возникновением настоящего романа, появившегося через несколько лет после приятного путешествия, впечатления от которого послужили его основой.

Картина нравов, изображенная мной в романе, является в силу необходимости в значительной мере вымышленной, хотя она и основана на отголосках прошлого, которые, заставляя угадывать то, что некогда имело место, могут, пожалуй, в известной мере подсказать, каков был характер общества в этих глухих, но чрезвычайно интересных окраинах.

В одном отношении критики, быть может, слишком опрометчиво осудили меня, утверждая, что образ Норны является простой копией Мег Меррилиз. Оче-

по старым норвежским законам, тогда как ленные, феодальные владения были введены на островах шотландцами, (*Прим. автора.*)

видно, в данном случае мне не удалось выразить именно то, что я желал, ибо иначе этот образ не был бы столь превратно понят. Мне думается, что каждый, кто возьмет на себя труд внимательно прочитать «Пирата», не сможет не заметить, что Норна, жертва угрызений совести и расстроенного рассудка, поверившая в собственный обман и впитавшая в себя все дикие легенды и нелепые суеверия Севера, представляет собой нечто совершенно отличное от цыганки Мег Меррилиз из Дамфризшира, чьи претензии на сверхъестественное могущество не превосходят возможностей норвудской предсказательницы. Мне кажется, что причины, повлиявшие на образование у Норны столь своеобразного склада характера, были установлены достаточно верно. Это, однако, отнюдь не означает, что строение, которое автор возвел на этом основании, безупречно, иначе никаких бы объяснений с его стороны не потребовалось. Маловероятным выглядит также способность Норны вселять в окружающих веру в свое мнимое сверхъестественное могущество. Но должен сказать, что нередко поражаешься, когда видишь, какого успеха может достигнуть у крайне суеверного и невежественного населения обманщик, если он в то же время человек страстный и восторженный.

Здесь уместно привести двестише, согласно которому

Приятно обмануть,
Приятно и поддаться нам обману.

Действительно, как я не раз уже замечал в других произведениях, объяснение явлений и событий сверхъестественного характера вполне реальными причинами часто оказывается почти столь же неправдоподобным, как самая фантастическая история. Надо сознаться, что даже талант госпожи Рэдклиф не всегда умел преодолевать подобные затруднения.

Эбботсфорд, 1 мая 1831 года.

Глава I

О берег глухо бьет волна,
На высях ветер изнемог,
Но чья там, в Туле, песнь слышна:
«Не для тебя ль я арфу сжег?»

Макнил

Длинный, узкий, причудливой формы остров, размерами намного превосходящий все другие острова Шетлендского архипелага и называемый поэтому Мейнлендом или Главным, завершается необычайной высоты утесом — Самборо-Хэдом, как хорошо было известно морякам, бороздившим бурные волны моря вокруг той страны, которую древние называли Туле. Утес этот, подставляя свою голую вершину и нагие склоны напору бушующих волн, образует крайнюю юго-восточную оконечность острова и непрерывно подвергается воздействию мощного и чрезвычайно стремительного морского течения, которое, возникая между Оркнейскими и Шетлендскими островами, несется с силой, уступающей лишь течению в проливе Пентленд-фёрт. Название свое оно получило от упоминавшегося выше мыса и именуется Руст-оф-Самборо: слово *руст* на Шетлендских островах служит для обозначения всех подобного рода морских течений.

Со стороны суши мыс этот покрыт низкой травой и довольно круто спускается к небольшому перешейку, изрытому множеством узких и длинных бухт; образуясь с обеих сторон острова, они постепенно проникают все глубже и глубже, и, кажется, недалеко то время, когда воды их окончательно сольются и превратят Самборо-Хэд в остров. То, что ныне является мысом, окажется пустынным скалистым островком, отрезанным от суши, крайним выступом которой он является в настоящее время.

Люди, однако, в прежние годы считали, должно быть, такое событие весьма отдаленным или маловероятным, ибо некий норвежский викинг давних лет, а может быть, как гласят другие предания и указывает само название «Ярлсхоф», древний ярл или граф с Оркнейских островов нашел этот уголок земли подходящим для того, чтобы построить на нем свой замок. Теперь он давно заброшен, и даже развалины его можно различить с трудом, ибо сыпучие пески, движимые постоянно дующими в том краю бурными ветрами, занесли и почти погребли то, что еще сохранилось от бывших построек. Однако в конце семнадцатого века часть графского жилища оставалась все еще целой и обитаемой. То было неприглядное строение, сложенное из грубо отесанного камня; ничто в нем не радовало глаза и не пленяло воображения. Чтобы получить о нем подходящее понятие, пусть современный читатель представит себе большой, старомодный, длинный и узкий дом под островерхой крышей из плит серого песчаника. Редкие небольшие оконца были разбросаны по всему зданию без всякого порядка. К главному корпусу в прежние годы лепилось несколько пристроек меньшего размера, содержащих службы и помещения, предназначенные для свиты и челяди графа, но все они превратились в руины: стропила пошли на дрова или на другие нужды, стены во многих местах развалились, и, довершая общее разрушение, песок успел уже проникнуть в здание и покрыл слоем в два или три фута прежние жилые покои.

Среди всего этого запустения жителям деревушки Ярлсхоф удалось благодаря неусыпному труду и заботам сохранить несколько акров плодородной земли, обнесенной со всех сторон оградой и бывшей ранее садом; на клочке этом, защищенном стенами дома от непрерывно дующих с моря ветров, можно было разводить те овощи, которые соответствовали климату, а вернее — каким позволяли произрастать постоянные морские бури. Действительно, хотя Шетлендские острова не так страдают от морозов, как области внутренней Шотландии, однако выращивать здесь даже самые обычные овощи возможно только под защитой какой-либо постройки; что же касается кустарников или деревьев, то о них не приходится и упоминать — такова сила все сметающего на своем пути морского ветра.

Недалеко от замка и почти на самом берегу моря, там, где небольшая бухта образует нечто вроде естественной гавани — постоянного прибежища трех или четырех рыбачьих суденышек, примостилось несколько убогих коттеджей селения Ярлсхоф. Жители его откупали все земли лендлорда на тех же, весьма обременительных условиях, что и прочие мелкие арендаторы того времени; сам же он имел свою резиденцию в более благоприятной местности, совсем в другой части острова, и редко посещал свои владения у Самборо-Хэда. То был достойный и прямодушный шетлендский джентльмен, несколько крутого нрава — естественное следствие того, что его окружали лишь подчиненные ему люди, — и питавший, пожалуй, чрезмерную склонность к застольным беседам, — быть может, потому, что располагал слишком большим досугом, — но, впрочем, неизменно открытый, добрый и щедрый по отношению к подвластным ему людям, приветливый и гостеприимный с посторонними. Он принадлежал к древнему и благородному норвежскому роду, что особенно привлекало к нему сердца простолюдинов, в большинстве своем бывших также потомками древних норвежцев, тогда как лэрды, или земельные собственники, были обычно выходцами из Шотландии и в те далекие времена все еще рассма-

тривались как пришельцы и захватчики. Магнус Тройл, возводивший свой род к тому самому ярлу, что основал Ярлсхоф, придерживался этого взгляда с особой страстностью.

Что касается арендатора ярлсхофских земель, то жители деревушки во многих случаях испытали на себе его доброту и сердечность. Когда мистер Мертон — таково было имя теперешнего обитателя старого замка — впервые прибыл на Шетлендские острова (а произошло это за несколько лет до начала нашего повествования), его приняли в доме мистера Тройла с тем горячим и искренним радушием, которым славятся шетлендцы. Никто не спрашивал, откуда он родом, куда направляется, с какой целью посетил столь отдаленный уголок империи и как долго полагает оставаться его гостем. Несмотря на то, что приезжий был для всех совершенным незнакомцем, на него сразу посыпался целый град приглашений: каждая усадьба, где он гостил, становилась для него домом, и он мог жить в нем сколько ему было угодно как настоящий член семьи, не привлекая к себе и сам не обращая ни на кого особого внимания, до тех пор, пока не находил для себя удобным перебраться в другое место. Это кажущееся равнодушие к званию, личности и общественному положению гостя объяснялось отнюдь не безразличием радушных хозяев — островитяне были по природе столь же любопытны, как и весь род человеческий, — но их чрезвычайной деликатностью, ибо задавать вопросы, на которые гостю было бы затруднительно или неприятно ответить, считалось у них величайшим нарушением законов гостеприимства. Итак, вместо того чтобы, как это бывает в других странах, выпытывать у мистера Мертона то, о чем ему желательно было умолчать, щепетильные шетлендцы довольствовались тщательным собиранием тех отрывочных сведений, какие могли получить от него во время обычной беседы.

Но скорее из скалы в Аравийской пустыне хлынула бы вода, чем мистер Бэзил Мертон пустился бы в откровенные рассказы о самом себе или случайно о чем-нибудь проговорился, и учтивы обитатели

страны Туле никогда еще, очевидно, не подвергались столь тяжкому искусству, как в данном случае, ибо хорошее воспитание заставляло их воздерживаться от расспросов столь таинственной личности.

Все, что было известно о незнакомце, легко можно выразить в двух словах: мистер Мертон прибыл в Леруик, в те времена уже достигнувший известного значения, но еще не признанный главным городом острова, на небольшом голландском судне, сопровождаемый одним только сыном, красивым мальчиком лет четырнадцати. Самому Мертону могло в то время быть немногим более сорока. Голландец, шкипер судна, познакомил его с несколькими своими закадычными друзьями, которым он доставлял джин и имбирные пряники в обмен на низкорослых шетлендских бычков, копченых гусей и чулки из овечьей шерсти; и хотя голландец сказал только, что «минхер Мертон заплатил за проест как шентльмен и тал, кроме тафо, еще крейцтоллар матрозам», этой рекомендации было достаточно, чтобы ввести приезжего в весьма почтенный круг знакомых, который в дальнейшем еще расширился, ибо чужеземец оказался человеком в высшей степени воспитанным и образованным.

Это выяснилось, однако, почти против его воли, ибо Мертон столь же неохотно говорил на общие темы, как и о себе лично. Порой, однако, удавалось вовлечь его в спор, и тогда он невольно обнаруживал разносторонние познания и хорошее знакомство со светом. Иногда, словно желая отблагодарить за оказанное гостеприимство, он заставлял себя, вопреки своим природным склонностям, принимать участие в жизни окружающих его людей, особенно если разговор принимал серьезный, мрачный или саркастический оттенок, что более всего соответствовало его собственному характеру. В подобных случаях шетлендцы единодушно приходили к выводу, что он получил блестящее образование, только одна отрасль которого была оставлена в самом поразительном пренебрежении: мистер Мертон едва мог отличить нос корабля от кормы, а в управлении судами разбирался не лучше коровы. Окружающих поражало,

как столь полное незнание самой необходимой в жизни науки — таковой она, во всяком случае, считалась на Шетлендских островах — могло сочетаться с блестящими познаниями во всех других областях. Тем не менее факт оставался фактом.

В тех же случаях, когда его не удавалось вовлечь вышеупомянутым образом в общую беседу, Бэзил Мертон оставался мрачным и стремился к уединению. Шумного веселья он избегал, и даже умеренная веселость тесного круга друзей неизбежно наводила на него еще более глубокую грусть, чем обычно.

Женщины, как известно, чрезвычайно любят проникать в тайны своих ближних и облегчать их печали, особенно если дело идет о мужчине видном собой, в полном расцвете лет. Возможно поэтому, что среди голубоглазых и белокурых дочерей Туле таинственный и задумчивый незнакомец без труда отыскал бы красавицу, готовую стать его утешительницей, если бы проявил хоть малейшее желание принять от нее столь любезную услугу. Однако Мертон не только не делал к тому никаких попыток, но, казалось, явно избегал общества прекрасного пола, к которому мы в наших горестях как телесного, так и душевного свойства обычно обращаемся в поисках утешения и сочувствия.

К вышеназванным странностям мистера Мертона присоединялась еще одна, особенно неприятная его хозяину и главному покровителю Магнусу Тройлу. Этот шетлендский магнат происходил по отцовской линии, как мы уже говорили, от союза одного из представителей древнего норвежского рода с благородной датчанкой и придерживался того благочестивого убеждения, что чарка голландской можжевеловой настойки, или нанца, служит лучшим лекарством от забот и огорчений, каковы бы они ни были. Но мистер Мертон к подобным средствам никогда не прибегал: он пил воду и одну только воду, и ни уговоры, ни просьбы не могли заставить его отведать напитка более крепкого, чем тот, что сверкает в чистом ручье. Этого-то как раз и не мог перенести Магнус Тройл, это-то и казалось ему вопиющим нарушением древ-

них норвежских законов гостеприимства. Сам он соблюдал их весьма ревностно и хотя любил утверждать, что ни разу в жизни не лег в постель пьяным (разумеется, в его собственном понимании слова), однако нельзя было доказать, что он хоть раз в жизни отправился спать в совершенно трезвом состоянии. Чем же тогда, спрашивается, пленял незнакомец окружавшее его общество, чем искупал он недовольство, вызываемое его строгим нравом и воздержанием? Прежде всего он обладал манерами и уверенностью в обращении, изобличавшими в нем человека с известным положением; затем, хотя и полагали, что он не слишком богат, однако расходы его указывали, что он далеко не беден; наконец, он мог быть интересным собеседником, хотя, как мы уже говорили, только в тех случаях, когда ему самому это было угодно. Свое презрение к людям и отвращение ко всякого рода делам и событиям обыденной жизни он выражал в весьма смелых парадоксах, которые его простодушные собеседники, не выдавшие ничего лучшего, принимали за тонкий ум. Наконец, его окружала непроницаемая тайна, и присутствие его представляло поэтому такой же интерес, как загадка, над которой людям нравится без конца ломать голову именно по той причине, что разгадать ее они не в силах.

Несмотря, однако, на все эти достоинства мистера Мертонна, между ним и Магнусом Тройлом имелись столь существенные различия, что гость, прожив некоторое время в главной резиденции своего хозяина, приятно удивил его, когда однажды вечером, после того, как оба часа два просидели в полном молчании, потягивая бренди и воду (следует оговориться, что Магнус пил бренди, а Мертон — воду из соседнего ручья), гость попросил хозяина сдать ему внаем заброшенный дом в Ярлсхофе, в отдаленнейшей части округа Данроснесс, у самого Самборо-Хэда. «Вот уж буду рад от него избавиться! — заметил про себя Магнус. — Бутылка опять пойдет себе спокойно по кругу, и эта постная физиономия не будет больше мешать ее путешествию. Вот только без него на лимоны-то я

совсем разорюсь, ибо одного его взгляда было достаточно, чтобы подкислить целый океан пунша».

Однако добрейший шетлендец честно и бескорыстно принялся отговаривать Мертона, указывая ему на одиночество и неудобства, какие ожидают его в Ярлсхофе.

— В старом доме, — сказал он, — вряд ли найдется даже самая необходимая мебель. Соседей — ни души на много миль в окружности. Из съестного вы одну только соленую треску там и получите, а гостями вашими только и будут, что чайки да глупыши.

— Дорогой друг, — возразил ему на это Мертон, — если вы хотели упомянуть обстоятельства, делающие для меня Ярлсхоф самым приятным местом на свете, так вы не могли выбрать лучших: вблизи моего убежища не будет ни человеческой роскоши, ни человеческого общества. Нашлось бы только мне и моему мальчику где укрыться от непогоды — вот все, чего я ищу. Итак, назначьте плату, мистер Тройл, и дозвоьте мне арендовать у вас Ярлсхоф.

— Плату? — повторил шетлендец. — Ну какая же плата может быть за старый дом, где никто со смерти моей матери — упокой господи ее душу! — не жил. А что до укрытия, так старые стены, слава богу, еще держатся и вынесут не одну бурю. Но ради всего святого, мистер Мертон, хорошенько обдумайте свое решение. И для любого из моих земляков поселиться в Ярлсхофе было бы сущим безумием, а уж для вас... Вы ведь из других краев, будь то Англия, Шотландия или Ирландия — безразлично, мы ведь не знаем...

— Да это к делу и не относится, — довольно резко перебил его Мертон.

— О, конечно, конечно, оно и селедочного хвоста не стоит, — согласился лэрд, — только, должен сказать, вас я как раз за то и люблю, что вы не шотландец, я просто уверен, что не шотландец. Налетели они к нам сюда, как дикие гуси. Каждый управитель притащил за собой целую стаю сородичей, да еще и свой собственный выводок в придачу. Уселись они прочно на наших местах, а теперь попробуйте заставьте-ка их снова убраться на свои голые горы или равнины! Они уже и вкус нашей шетлендской говядины узнали и

наши чудесные воу¹ и озера увидели. Нет уж, сэр, — продолжал Магнус, все более одушевляясь и потягивая наполовину разбавленный спирт, что в одно и то же время возбуждало его чувства против захватчиков и смягчало возникавшие при этом горькие мысли, — нет, сэр, старые времена и добрые старые обычаи на наши острова уж не вернутся! Наши прежние землевладельцы — Пэтерсоны, Фи, Шлагбреннеры, Торбьорны — все они уступили место разным там Гиффордам, Скоттам, Мауатам... Самые-то их имена указывают, что они или их предки — чужие в стране, где мы, Тройлы, обитали еще задолго до того, как Торфяной Эйнар научил островитян топить печи торфом, за что благодарные потомки и дали ему такое прозвище.

Раз начав говорить на эту тему, владелец Ярлсхофа становился чрезвычайно многоречив, чему Мертон неизменно радовался, ибо тогда ему не надо было поддерживать разговора и он мог отдаться собственным мрачным думам, предоставив Магнусу разглагольствовать об изменившихся временах и людях. Но как раз когда Магнус пришел к следующему печальному выводу: «И весьма вероятно, что уже через сто лет ни одного *мерка*, да куда там, ни одного *юра* не останется во владении норвежцев, настоящих шетлендских юдаллеров», он вспомнил о своем госте и тотчас же остановился.

— Да вы не подумайте, — добавил он, — против вас-то я ничего не имею, живите на моей земле на здоровье, мистер Мертон. Но только Ярлсхоф — совсем дикое место... Откуда вы родом — не знаю, но только, наверное, вы тоже скажете, как и другие приезжие, что на вашей родине климат лучше, это уж все вы так говорите, а еще думаете поселиться там, откуда местные жители и те бегут. Не выпить ли нам? — заметил он мимоходом. — Не хотите? Ну, тогда за ваше здоровье!

— Дорогой сэр, — ответил Мертон, — климат не имеет для меня никакого значения. Было бы доста-

¹ Озера с соленой водой или небольшие бухты. (Прим автора)

точно воздуха для моих легких, а какого — аравийского или лапландского, мне совершенно безразлично.

— Ну, воздуха там хватит, — ответил Магнус, — в нем у вас недостатка не будет. Правда, там он немного сыроват — так уверяют приезжие, но против сырости есть прекрасные средства. За ваше здоровье, мистер Мертон! Да, придется-таки вам научиться этому, а заодно уж и трубку курить. Вот тогда, как вы сами сказали, шетлендский воздух будет для вас все равно что аравийский. Но видали ли вы Ярлсхоф?

Мертон признался, что нет.

— Значит, — возразил Магнус, — вы сами не знаете, что затеяли. Вы, пожалуй, думаете, что там такая же удобная бухта, как здесь, и дом стоит на берегу закрытого воу, так что сельди к самому порогу подходят; ну так вы, дорогой мой, жестоко ошибаетесь. В Ярлсхофе вы увидите только бурные волны, что бьются о голые скалы, да течение Руст-оф-Самборо, что несется со скоростью пятнадцати миль в час.

— Зато я там не увижу потока человеческих страстей, — заметил Мертон.

— И услышите вы там одни только вопли и крики больших бакланов, буревестников да чаек, и так с самого рассвета и до заката.

— Я и на это согласен, друг мой, — ответил ему Мертон, — только бы не слышать женской болтовни.

— А, — воскликнул старый норвежец, — это вы потому сказали, что слышите, как мои дочки Минна и Бренда и ваш Мордонт поют в саду. Ну, а мне их юные голоса милей, нежели пение жаворонка — один раз я слышал его в Кейтнесе, или соловья — о нем-то я только читал. Но раз вы увезете Мордонта, с кем же мои девочки будут тогда играть?

— Что ж, им придется обойтись без него, — ответил Мертон. — Поверьте, в любом возрасте они найдут с кем играть и кого водить за нос. Но все дело в том, мистер Тройл, согласны ли вы уступить мне в аренду дом в Ярлсхофе?

— Ну ладно, пусть будет по-вашему, раз уж вы обязательно хотите жить в таком пустынном месте.

переехало на жительство лицо, превосходившее их по положению. В те дни — ибо теперешние времена намного изменились к лучшему — появление господина почти неизбежно влекло за собой добавочные тяготы и поборы, для которых, под тем или иным предлогом, система феодальных повинностей представляла тысячу различных возможностей. В каждом подобном случае часть скудного дохода, добытого тяжким трудом, изымалась в пользу могущественного соседа и господина, называемого тэксменом. Но обитатели Ярлсхофа вскоре убедились, что со стороны Бэзила Мертонна им нечего было опасаться подобного рода притеснений. Его личные средства — независимо от того, велики они были или малы, — во всяком случае, полностью соответствовали его расходам, носившим, если судить по его образу жизни, самый умеренный характер. Всю его роскошь составляли немногие книги и физические приборы, присылавшиеся ему при случае из Лондона. Это указывало, с одной стороны, на необычное для Шетлендских островов богатство, хотя стол мистера Мертонна и весь остальной уклад его жизни не превышали того, что можно было встретить в домах самых скромных шетлендских собственников.

Жителей поселка, однако, мало заботило положение их господина, коль скоро они увидели, что их собственное не только не ухудшилось, но, пожалуй, даже улучшилось с его приездом. Когда же они окончательно убедились, что им нечего бояться притеснений с его стороны, то пришли к дружному выводу о необходимости извлечь из его пребывания всю возможную выгоду и пустились на разные мелкие хитрости: за все стали запрашивать с него невероятные цены, а то и прямо прибегать к вымогательству. Вначале присезжий давал себя обирать с самым философским спокойствием. Вскоре, однако, произошло событие, по-новому осветившее его характер и прекратившее дальнейшие попытки заполучить с него лишнее.

Однажды на кухне замка поднялся спор между старой служанкой, выполнявшей обязанности домоправительницы, и Суэйном Эриксоном, достойнейшим

из шетлендцев, когда-либо ходивших ловить рыбу в *хааф*.¹ Спор этот, как всегда бывает в подобных случаях, разгорался все сильнее и становился все громче, пока не достиг наконец ушей Мертона, или, как его называли в округе, — самого хозяина. Удалившись в уединенную башню, он как раз в это время был занят разбором только что прибывшего из Лондона ящика с книгами; после долгих задержек ящик этот попал сначала в Гулль, оттуда на китобойном судне — в Леруик и, наконец, достиг Ярлсхофа. Мертона охватило раздражение, намного превосходившее ту досаду, которую обычно чувствует человек бездеятельный, когда какая-либо неприятность побуждает его к действию. Он спустился на поле боя и так неожиданно, властно и прямо потребовал объяснения, что обе стороны, несмотря на неоднократные попытки увернуться, оказались не в состоянии скрыть от своего господина, что его честная домоправительница и не менее честный рыбак не поделили примерно стопроцентной надбавки к цене на треску, которую первая купила у второго для господского стола.

Когда это окончательно выяснилось и подтвердилось полным признанием со стороны провинившихся, мистер Мертон остановил на них взгляд, где крайнее презрение, по-видимому, боролось с зарождающимся гневом.

— Ах ты старая ведьма, — сказал он наконец, — сию же секунду вон из моего дома! И знай, что я выгоняю тебя не потому, что ты лгунья, воровка и неблагодарная тварь: все эти качества столь же присущи тебе, как самое имя «женщина», — но потому, что ты в моем доме посмела возвысить голос! А ты, мошенник, если ты думаешь, что обдирать чужестранца так же просто, как сдирать ворвань с кита, так помни, что я прекрасно знаю свои права, которые, как уполномоченный вашего землевладельца Магнуса Тройла, могу предъявить вам, стоит мне захотеть. Попробуйте только вывести меня из терпения, и вы

¹ То есть в открытое море, в противоположность рыболовству вдоль берега. (Прим. автора)

на собственной шкуре узнаете, что мне так же легко уничтожить ваше благополучие, как вам — прервать мои занятия. Мне прекрасно известно, что такое *скэт*, и *уоттл*, и *хокхен*, и *хэгалеф*, и все прочие повинности, которыми опутали вас ваши прежние и теперешние лорды. И не будет среди вас ни единого, кто не проклял бы день, когда вам мало показалось воровать мои деньги, а понадобилось еще нарушить мой покой перебранкой, да еще на вашем ужасном северном наречии, которое режет слух хуже, чем крики полярных чаек.

В ответ на все эти упреки Суэйн не нашел ничего лучшего, как покорнейше просить его милость принять треску без всякой платы и на том покончить дело. Но тут мистер Мертон не смог больше сдерживать свой гнев: одной рукой он швырнул деньги рыбаку в лицо, а другой схватил рыбу и так хлестнул его по спине, что тот вылетел за дверь; вдогонку за ним полетела и рыба.

На этот раз в действиях чужеземца проглянула такая страшная и неукротимая ярость, что Суэйн не только не остановился подобрать свои деньги или злополучную рыбину, но со всех ног побежал в деревушку, где поспешил сообщить своим односельчанам, что, если они будут и дальше обманывать мистера Мертона, он, на их горе, обернется новым Пейтом Стюартом¹ и станет рубить головы и вешать без всякого суда и снисхождения.

Сюда же явилась и отставленная от должности домоправительница, чтобы посоветоваться с соседями и родней — она тоже была из этого селения, — как бы снова вернуться на вожаемое место, которого она столь внезапно лишилась. Престарелый ранслар, чей голос имел самый большой вес на всех совещаниях общины, выслушав отчет о случившемся, заявил, что Суэйн Эриксон зашел уж слишком далеко, запросив так много с мистера Мертона, и, как бы хозяин ни

¹ Суэйн имел в виду, очевидно, Патрика Стюарта, оркнейского ярла, казненного за тиранию и притеснение жителей этих далеких островов в начале семнадцатого столетия. (*Прим. автора.*)

объяснял свою ярость, настоящая-то причина, конечно, заключалась в том, что с него спросили пенни, а не полпенни за фунт самой обыкновенной трески. Поэтому он настоятельно советует всему обществу никогда впредь не запрашивать больше чем по три пенса на шиллинг; из-за столь ничтожной надбавки господин в замке не станет с ними ссориться: зла он им делать не собирается, а значит, можно надеяться, что хоть в малой мере, но согласится делать добро.

— А три на двенадцать, — заключил умудренный опытом ранслар, — так это вполне приличная, умеренная надбавка, угодная и господу богу и святому Роналду.

Итак, согласуя дальнейшие действия с расценкой, столь разумно предложенной рансларом, жители Ярлсхофа впредь стали обшчитывать Мертонна лишь в весьма пристойных пределах двадцати пяти процентов сверх обычной цены товара. Впрочем, с подобным тарифом должны были бы согласиться все набобы, армейские интенданты, биржевые спекулянты и прочие особы, коим быстро приобретенное богатство дало возможность обосноваться на земле и жить помещиками на весьма широкую ногу, почитая этот налог, взимаемый с них сельскими соседями, вполне приемлемым. Мертон придерживался, очевидно, того же мнения, ибо не проявлял больше беспокойства по поводу своих домашних расходов.

Уладив таким образом собственные дела, старейшины ярлсхофского селения принялись обсуждать случившееся с Суертой — опальной матроной, изгнанной из замка. Им было чрезвычайно желательно снова восстановить ее, как испытанного и полезного союзника, в должности домоправительницы, если к тому имелась еще возможность. В данном случае, однако, вся их мудрость оказалась бессильной, и Суерта в отчаянии решила обратиться за помощью к Мордонту. С ним у нее сложились довольно дружеские отношения, ибо она знала множество старинных норвежских баллад и страшных рассказов о трау, или драу (так звались гномы скальдов), кото-

рыми суеверная древность населила уединенные пещеры и мрачные лощины Данроснесса, равно как и прочих областей Шетлендии.

— Суерта, — сказал ей юноша, — я вряд ли смогу что-либо для тебя сделать, но ты можешь помочь себе сама. Видишь ли, гнев моего отца похож на ярость тех древних богатырей берсеркеров, о которых поется в твоих песнях.

— Ах, рыбка моего сердца, — ответила с жалобным хныканьем Суерта, — берсеркеры были богатыри, что жили еще до блаженных времен святого Олафа, и они, как бесноватые, бросались и на мечи, и на копья, и на гарпуны, и на мушкеты, и ломали их все на куски, точь-в-точь как молодой кит рвет неводы для ловли сельдей. А потом ярость эта у них проходила, и они становились слабыми-слабыми, ну прямо делай с ними что хочешь.¹

— Вот-вот, Суерта, то же самое происходит и с моим отцом, — сказал Мордонт, — он, видишь ли, когда успокоится, страшно не любит вспоминать о своем гневе и этим как раз и похож на берсеркеров: сегодня он рвет и мечет, а завтра и думать не хочет о случившемся. Потому-то он никого еще не взял в замок на твое место, и, с тех пор как ты ушла, на нашей кухне не состряпано ни куска горячей пищи и не испечено ни одного хлеба, так что питаемся мы только теми холодными остатками, что нашлись в кладовой. Так вот, Суерта, ручаюсь, что если ты смело вернешься в замок и возьмешься снова за свои дела, ты не услышишь от отца ни одного худого слова.

Суерта, однако, не сразу решилась последовать столь дерзкому совету. Она сказала, что, по ее разумению, «мистер Мертон, когда рассердился, стал

¹ Саги древних скальдов изобилуют описаниями этих героев и не оставляют никакого сомнения в том, что берсеркеры, именуемые так потому, что они сражались без доспехов, умели при помощи известных им снадобий приводить себя в исступление, на время которого обретали силу и ярость безумцев. Известно, что индийские воины добиваются того же при помощи опнума или гашиша. (Прим. автора.)

похож вовсе не на берсеркера, а скорей на нечистого: глаза его метали молнии, а с губ срывалась пена; а что до нее самой, то подвергать себя снова подобной опасности — значит только искушать всевышнего».

В конце концов, однако, поощряемая сыном, она решилась еще раз предстать перед отцом и, облачившись в свое обычное будничное платье, на чем особенно настаивал Мордонт, пробралась в замок, сразу же приступила к исполнению своих разнообразных и многочисленных обязанностей и казалась настолько глубоко ими занятой, словно никогда их и не бросала.

В первый день после возвращения Суерта не показывалась на глаза хозяину, надеясь, что, после того как мистер Мертон в течение трех дней питался одним холодным мясом, горячее блюдо, приготовленное со всей тщательностью, какую допускала ее нехитрая стряпня, сумеет вернуть ей его благосклонность. Когда же Мордонт сказал ей, что отец даже не заметил перемены в пище, и она сама убедилась, что, снова и снова попадаясь ему нечаянно на глаза, не производит на своего удивительного хозяина ни малейшего впечатления, она вообразила, что все происшедшее совершенно улетучилось у него из памяти, и принялась столь же деятельно исполнять свои обязанности, как и раньше. В подобном убеждении пребывала она до тех пор, пока ей не случилось однажды в споре с другой служанкой повысить голос: проходивший мимо Мертон грозно взглянул на нее и промолвил только одно слово: «Помни», но таким тоном, который надолго заставил ее держать язык за зубами.

Если Мертон проявлял подобные странности как глава дома, то не менее странным образом воспитывал он сына. Он редко выказывал по отношению к юноше отеческие чувства, однако, когда находился в обычном своем состоянии духа, забота об образовании Мордонта казалась главной целью его жизни. Он располагал книгами и достаточным запасом сведений для того, чтобы взять на себя труд наставника

по основным отраслям знаний, и как педагог был аккуратен, выдержан и строг, если не сказать — суров, неукоснительно требуя от своего ученика прилежания, необходимого для достижения успехов. Однако при изучении истории, которой в ряду прочих предметов отведено было весьма значительное место, так же как и сочинений классических авторов, они нередко сталкивались с фактами или рассуждениями, производившими на Мертоня чрезвычайное действие: мгновенно он приходил в то состояние, которое Суерта, Суэйн и даже Мордонт стали называть его «черным часом». Обычно Мертон заранее чувствовал приближение подобного приступа и удалялся в свою комнату, куда никому, даже Мордонту, не разрешал входить. Там он оставался в полном одиночестве в продолжение нескольких дней, а иногда и недель, выходя лишь изредка и в самое неожиданное время, чтобы съесть кушанье, заботливо поставленное для него где-либо поблизости, хотя ел он в эти дни поразительно мало. Иногда, особенно когда время приближалось к зимнему солнцевороту и почти каждый шетлендец стремился провести суровую пору года у домашнего очага, угощаясь и веселясь, несчастный облакался в морской плащ темного цвета и уходил на берег бурного моря или в безлюдную пустошь, где, скитаясь под безрадостным небом, мог по крайней мере предаваться скорбным и мятущимся думам, никем не замечаемый и никого не рискующий встретить.

Когда Мордонт сделался старше, он научился распознавать особые признаки, предшествовавшие подобным периодам мрачного отчаяния, и стал заботиться о том, чтобы ограждать в эти дни своего отца от внезапных и несвоевременных посещений, которые всегда приводили больного в ярость, а также о том, чтобы у него было все необходимое для поддержания жизни. Вскоре Мордонт заметил, что подобные приступы меланхолии заметно удлинялись, если во время такого «черного часа» он ненароком попадался Мертону на глаза. Поэтому как из уважения к чувствам отца, так и в силу собственной склонности к занятиям, требующим движения и ловкости, и к развле-

чениям, свойственным его возрасту, Мордонт стал на эти дни покидать Ярлсхоф и даже удаляться из Данроснесса; он был уверен, что отец, даже если его «черный час» минет в отсутствие сына, не будет особенно доискиваться, где и как юноша провел это время, — лишь бы он не оказался свидетелем отцовской слабости, что было для Мертона совершенно невыносимым.

Итак, в эти периоды все виды развлечений, какие только можно было встретить на острове, оказывались к услугам молодого Мертона, и во время подобных перерывов в учении ему предоставлялась полная свобода на деле проявлять свою смелость, живость и решительность. Вместе с юношами ближнего поселка нередко занимался он тем опасным видом охоты, по сравнению с которым «страшное ремесло собирателей серпника» может быть названо приятной прогулкой по ровной местности; часто присоединялся он к полночным экспедициям птицеловов за яйцами и птенцами морских птиц и во время этих дерзких походов на прибрежные скалы головокружительной высоты вызывал удивление старших охотников ловкостью, находчивостью и силой, поразительными для мальчика его лет и к тому же уроженца чужого края.¹

Мордонт часто также сопровождал Суэйна или других рыбаков в продолжительные и опасные плаванья далеко в открытое море, обучаясь у них искусству управлять парусами, в каковом шетлендцы не только не уступают, но, быть может, даже превосходят всех других уроженцев Британской империи. Эти поездки таили в себе для Мордонта особую прелесть и помимо рыбной ловли.

¹ Бывают при этом и несчастные случаи. Так, во время моего посещения острова Фэр-Айл в 1814 году мальчик лет четырнадцати разбился, сорвавшись со скалы, недели за две до нашего приезда. Несчастье произошло почти на глазах у его матери, которая копала торф совсем неподалеку. Ребенок упал в море, и тело его так и не было найдено. Жители острова, однако, считают подобную смерть доблестной, впрочем, поскольку дети начинают лазать по скалам с очень раннего возраста, количество несчастных случаев значительно меньше, чем можно было бы ожидать (*Прим. автора*)

В ту эпоху старые норвежские саги были еще живы в памяти народа и часто повторялись рыбаками, не забывшими еще древний норвежский язык, на котором говорили их предки. В мрачной романтике этих скандинавских сказок было много пленительного для юношеского воображения, и удивительные легенды о берсеркерах, викингах, гномах, великанах и чародеях, которые Мордонт слышал из уст местных жителей, не только, по его мнению, не уступали мифам античной древности, но порой даже соперничали с ними. Рыбаки часто указывали ему на окрестности как на место, где разворачивалось действие древних поэм: их полупели-полупроизносили голосами столь же суровыми, если не столь же громкими, как грохот волн, над которыми они раздавались. Часто Мордонту указывали на бухту, куда они шли, как на место кровавого морского боя; едва заметная груда бесформенных камней на высоком мысе оказывалась даном — замком могучего в свое время ярла или знаменитого пирата; одиноко воздымавшийся на пустынном болоте серый камень отмечал могилу героя; мрачная пещера, в глубину которой море стремилло свои тяжелые, длинные, непрерывно катящиеся волны, оказывалась жилищем прославленной колдуньи.

Океан также хранил свои тайны, тем сильнее возбуждавшие воображение, что в течение более чем полугода море бывало различимо лишь сквозь сумеречную дымку. Его бездонные глубины и неведомые пещеры таили, по уверению Суэйна и прочих рыбаков, искушенных в преданиях старины, такие чудеса, которые с презрением отвергаются современными мореплавателями. Говорили, что в тихом, озаренном луной заливе, где волны, шумя, набегают на усеянный ракушками гладкий песок побережья, порой еще можно было увидеть скользящую по воде русалку и услышать, как она, вторя дыханию ветра, поет о подземных чудесах или в торжественных песнопениях вещает грядущее. До сих пор еще полагали, что в подводных убежищах Северного океана скрывается кракен — величайшее из всех живущих

созданий. Порой, когда дымчатая гряда покрывала морскую даль, глаз искушенного моряка различал рога чудовищного левнафана, то исчезающие, то вновь появлявшиеся в клубах тумана. Человек тогда налегал на весла или спешил ставить парус и как можно скорее уходил, чтобы внезапный водоворот, неизбежный при погружении на дно столь огромной туши, не увлек его утлое суденышко туда, где ждут свою жертву бесчисленные щупальца чудовища. Рыбаки рассказывали и про морского змея: поднимаясь из глубины океана, он вытягивал до самого неба бесконечно длинную шею, покрытую гривой, как у боевого коня, и глядел вниз, словно с вершины мачты, широко открытыми сверкающими глазами, как будто выбирая себе добычу или жертву.

Много необыкновенных историй об этих и о других не столь известных чудесах знали в те времена шетлендцы, чьи потомки до сих пор еще не вполне утратили в них веру.

Подобные легенды всюду, разумеется, имеют хождение среди простого народа, но насколько сильнее пленяют они воображение там, где простираются глубокие и грозные северные моря, в стране стремнин и скал, вздымающихся на многие сотни футов над берегом, в опаснейших морских проливах, среди течений и водоворотов, нескончаемых подводных рифов, где кипит и пенится вечно живой океан, у преддверия мрачных пещер, в самую глубь которых не отваживается проникнуть ни пловец, ни ладья, среди уединенных и часто необитаемых островов или перед развалинами древних северных крепостей, едва различимых в тусклом свете полярной зимы. Мордонту с его романтическим характером подобные суеверия давали приятную и увлекательную пищу для воображения, и он часто, наполовину сомневаясь в них и наполовину им веря, заслушивался песнями о чудесах природы и существах, созданных доверчивой фантазией жителей, песнями, певшимися на грубом, но выразительном языке древних скальдов.

У него не было недостатка, однако, и в других, более мирных и веселых развлечениях, скорее подхо-

дящих для его возраста, чем старинные поверья и опасные предприятия, упомянутые нами выше. Зима, когда из-за краткости дня работа становится почти невозможной, бывает в Шетлендии порой пирушек, празднеств и шумных забав. Все, что удалось рыбаку приобрести летом, все тратится, а иногда попросту расточается на игры и потехи у его гостеприимного очага. Землевладельцы и дворяне дают в это время полный простор своим склонностям попить и развлечься с друзьями, в домах у них не переводятся гости, и зимнюю стужу они гонят прочь смехом и шутками, пением, танцами и полными стаканами вина.

Среди развлечений этого веселого, хотя и сурового, времени года никто из молодых людей не вносил большего задора в танцы или оживления — в пирушки, чем молодой чужестранец Мордонт Мертон. Когда душевное состояние его отца допускало, а вернее — требовало его отсутствия, он посещал одну усадьбу за другой и, куда бы ни приходил, всюду становился желанным гостем, охотно присоединяя свой голос к поющим или вступая в круг танцующих. Шлюпка, а если погода, как это часто случалось, не позволяла подобного способа передвижения, то один из многочисленных пони, которые, пасясь целыми стадами на болотах, находились, можно сказать, в распоряжении любого, способного поймать это полудикое животное, доставляли его из одного поместья в другое. Никто не мог превзойти его в исполнении воинственного танца с мечами — потехи, восходившей еще к обычаям древних скандинавов. Он играл на *гью* и на обыкновенной скрипке унылые и трогательные местные мелодии, но мог так же ловко и умело разнообразить их живыми напевами Северной Шотландии. Когда ряженные, или, как говорят в Шотландии, *гизарды*, отправлялись к кому-либо из соседних лэрдов или богатых юдаллеров, молодежь заранее радовалась, если удавалось заручиться согласием Мертона взять на себя роль *скадлера* — главаря веселой компании. Резвясь и проказничая, вел он тогда свою свиту из дома в дом, всюду принося веселье и заставляя сожалеть о своем уходе. Мордонт

приобрел, таким образом, всеобщую известность и любовь большинства семейств, составлявших патриархальное общество Главного острова. Чаше всего, однако, и с наибольшей охотой посещал он дом ленд-лорда и покровителя его отца — Магнуса Тройла.

Но не один только радушный прием со стороны достойного старого магната и не сознание, что он, по существу, является патроном его отца, делали посещения Мордонта столь частыми. Правда, рука, сердечно протянутая для приветствия, столь же сердечно пожималась юношей, в то время как почтенный юдаллер приподнимался со своего огромного кресла из цельного дуба, украшенного грубой резьбой работы какого-нибудь гамбургского плотника и обитого искусно выделанными тюленьими шкурами, и возглашал свое «добро пожаловать» голосом, каким в древние времена встречал бы наступление *Иула* — главного праздника гóтов. В доме Магнуса Тройла имелся магнит, несравненно сильнее притягивавший к себе Мордонта, — молодые сердца, чья радость при встрече с ним, хотя и не выражалась так громко, была столь же искренней, как и приветствие старого юдаллера. Но это не такая тема, о которой можно говорить в конце главы.

Глава III

О Бесси Бэлл и Мэри Грей,
Как были вы прелестны!
Соломой крыт, в тени ветвей
Стоял ваш домик тесный.

Вчера я Бесс любил сильней
Всех девушек на свете,
А нынче взоры Мэри Грей
Меня поймали в сети.

Шотландская песня

Мы уже упоминали о Минне и Бренде — дочерях Магнуса Тройла. Мать их умерла много лет тому назад. То были прелестные девушки: старшая едва достигла восемнадцати лет, иными словами — была

на год или два моложе Мордонта Мертонa, а младшей еще не минуло и семнадцати. Дочери были для старого отца радостью сердца и светом очей, и хотя он и баловал их сверх всякой меры, что могло иметь для обеих сторон самые печальные последствия, однако дочери отвечали на любовь отца такой нежной привязанностью, что даже безрассудное баловство не в силах было вызвать в них ни тени непочтительности или девичьих капризов. Разница в характерах и внешности обеих сестер была поистине поразительной, хотя, как это нередко случается, сочеталась с известным семейным сходством.

Мать их была шотландской леди, родом из горного Сатерленда, дочерью предводителя клана, изгнанного во время усобиц семнадцатого века из своей родной страны. Он нашел для себя пристанище на мирных Шетлендских островах, которые при всей своей бедности и уединенности обладали одним хорошим свойством: они остались не тронуты раздорами и не запятнаны гражданскими распрями тех времен. Сент-Клер — таково было имя изгнанника — тосковал по родной долине, башням своего древнего замка, людям своего клана и утраченной власти и умер вскоре после прибытия на Шетлендские острова. Красота его осиротевшей дочери, несмотря на ее шотландское происхождение, покорила твердое сердце Магнуса Тройла. Он открыл ей свои намерения, был встречен благосклонно, и она стала его женой. Она скончалась на пятом году супружеской жизни, оставив Магнуса навеки оплакивать краткие дни своего семейного счастья.

От матери Минна унаследовала величественную осанку, темные глаза, иссиня-черные кудри и тонко очерченные брови — свидетели того, что она по крайней мере с материнской стороны не принадлежит по крови к обитателям страны Туле. Ее ланиты —

О, нежными, не бледными зови их! —

были тронуты таким легким и нежным румянцем, что многим подобное преобладание лилий над розами казалось даже чрезмерным. В этой лилейной белизне,

однако, не таилось ничего ни болезненного, ни темного: то был естественный цвет здоровья, чрезвычайно гармонировавший с чертами, казалось, нарочно созданными для возвышенного характера. Стоило, однако, Минне Тройл услышать рассказ о человеческом горе или какой-нибудь несправедливости, как кровь тотчас же прилиwała к ее щекам, показывая, как горячо бьется сердце девушки, несмотря на то, что выражение ее лица и манера себя держать свидетельствовали о серьезности и сдержанности нрава и склонности к уединению. Если посторонним порой казалось, что ее прекрасные черты отуманены грустью, для которой ни возраст Минны, ни ее положение в свете не могли служить основанием, то, узнав ее ближе, они вскоре начинали понимать, что истинной причиной этой задумчивости были внутренняя спокойная сосредоточенность и духовная сила, делавшие Минну равнодушной к пустым событиям повседневности. Многие, поняв, что меланхолия Минны — не следствие действительных горестей, а лишь устремление души к предметам более возвышенным, чем то, что ее окружает, могли бы, пожалуй, пожелать ей большего счастья, но вряд ли захотели, чтобы она стала веселей, — так прелестна была она в своей искренней, неподдельной серьезности. Иными словами, несмотря на крайнее наше желание избежать столь избитого сравнения с ангелом, нельзя не признать, что в строгой красоте девушки, сдержанной и вместе с тем изящной свободе движений, в музыке ее голоса и невинной чистоте взгляда было нечто, говорившее что Минна Тройл — существо иного, высшего и лучшего мира и лишь случайный гость на нашей не достойной ее земле.

Бренда, почти такая же красивая и столь же прелестная и невинная, как Минна, настолько же не походила на сестру наружностью, как характером, вкусами и поведением. Ее густые локоны были того светло-каштанового оттенка, который в потоке солнечного света отликает золотом, но стоит лучам скользнуть прочь, как снова темнеет. Ее глаза, рот

и чудесные зубы, которые она не стеснялась часто показывать в избытке непосредственной резвости, свежий, здоровый, но не слишком яркий румянец, оттенявший белую, как только что выпавший снег, кожу, подчеркивали ее скандинавское происхождение. Стройная как фея, она была несколько ниже ростом, чем Минна, но, пожалуй, даже изящней ее. Беззаботная и почти по-детски легкая поступь, взгляд, который благодаря природной невинной живости на всем, казалось, останавливался с радостью, привлекали к себе всеобщее восхищение еще больше, чем спокойное обаяние Минны, хотя чувство, внушаемое последней, могло оказаться, пожалуй, более глубоким и благоговейным.

Склонности прелестных сестер были столь же различны, как и их внешность. Правда, в силу сердечной привязанности ни одной нельзя было отдать предпочтения — так нежно любили обе своего отца и друг друга. Но веселость, которую Бренда вносила в окружающую ее повседневность, казалась совершенно неисчерпаемой, тогда как менее жизнерадостная Минна не находила, по-видимому, в окрестном обществе особого интереса, и оно не способно было развлечь ее. Она словно позволяла потоку развлечений и радостей увлечь себя, но не прилагала со своей стороны никаких стараний, чтобы внести в него и свою долю. Она скорее снисходила к забавам, чем предавалась им, и наибольшую радость доставляли ей серьезные и уединенные занятия. Книги были ей недоступны — Шетлендия того времени предоставляла мало возможностей для получения тех мудрых уроков,

Что мертвые преподают живым,

да и Магнус Тройл, как видно из нашего описания, не принадлежал к числу тех, в чьем доме можно было найти достаточные к тому средства. Но книга природы лежала раскрытая перед Минной, величайшая из книг, неизменно вызывающая в нас изумление и восхищение даже тогда, когда мы не в силах полностью понять ее. Растительность пустынных Шет-

лендских островов, раковины на их побережьях и бесчисленные пернатые племена, гнездящиеся на неприступных утесах, были так же хорошо знакомы Минне Тройл, как и самому опытному охотнику. Она одарена была изумительной наблюдательностью, от которой редко отвлекали ее какие-либо посторонние чувства, и то, что ей удавалось узнать в результате постоянного и терпеливого внимания, неизгладимо запечатлевалось в ее исключительной от природы памяти. Вместе с тем Минна глубоко ощущала величие дикой и мрачной страны, где ей суждено было жить. Океан во всех своих бесчисленных превращениях, то величественно прекрасный, то грозный, и неприступные скалы, откликавшиеся на немолчный рокот волн и на крики морских птиц, были для нее полны очарования, в каком бы виде ни представляли перед ней в непрерывной смене времен года. Она обладала восторженной чувствительностью, свойственной романтически настроенным соотечественникам ее матери, и любовь к природе была для нее страстью, способной не только поглощать ее мысли, но и потрясать до самой глубины ее душу. Те самые картины, которые у сестры ее вызывали мимолетное, но быстро проходившее чувство страха или волнения, не оставляя заметного следа, долго еще продолжали занимать воображение Минны, и не только в часы одиночества и в тишине ночи, но и тогда, когда ее окружали люди. Порой Минна, сидя в кругу своих близких, становилась неподвижной, как прекрасная статуя, и мысли ее уносились вдаль, к дикому морскому берегу и еще более диким горам ее родных островов. Тем не менее, если внимание девушки удавалось привлечь к общей беседе, она с увлечением присоединялась к ней, и мало кто умел придать тогда разговору большую занимательность и доставить большее удовольствие окружающим. И хотя во всем ее облике было нечто, внушавшее, несмотря на ее крайнюю молодость, не только симпатию, но и невольное уважение, однако ее живую, веселую и милую сестру окружающие любили не меньше, чем сдержанную и задумчивую Минну.

В самом деле, прелестные сестры были не только радостью своих друзей, но и гордостью тех уединенных островов, где люди известного круга, оторванные от света и связанные друг с другом прочно укоренившимися обычаями гостеприимства, составляли как бы единую дружную семью.

Странствующий поэт и музыкант-самоучка, испытывавший на своем веку немало превратностей и вернувшийся в конце концов доживать свои дни на родной остров, воспел дочерей Магнуса в поэме, озаглавленной им «Ночь и День», где, говоря о Минне, предвосхитил, хотя и в весьма грубой форме, чудесные строки Байрона:

Она идет во всей красе —
Светла, как ночь ее страны.
Вся глубь небес и звезды все
В ее очах заключены,
Как солнце в утренней росе,
Но только мраком смягчены.¹

Отец так сильно любил обеих девушек, что трудно было сказать, которую из двух — больше, разве что он предпочитал общество своей серьезной дочери во время прогулок, а резвушка — у домашнего камелька; искал Минну, когда ему становилось грустно, и Бренду — когда бывал весел; иными словами, Минна была его любимицей до полудня, а Бренда — вечером, после того, как чаша уже обошла круговую.

Но еще более поразительным было то, что привязанность Мордонта Мертоня распределялась между обеими милыми сестрами с той же беспристрастностью, как и отцовская любовь Магнуса. С самого отрочества, как мы уже говорили, он бывал частым гостем в Боро-Уестре, несмотря на то, что последняя находилась на расстоянии почти двадцати миль от Ярлсхофа и местность между обеими резиденциями была весьма труднопроходимой. Холмистая пустошь, покрытая болотами и трясинами и пересеченная мор-

¹ Перевод С. Маршака.

скими бухтами или фьордами, вдающимися со всех сторон в сушу, так же как и обилие рек и пресных озер делали дорогу весьма затруднительной и даже опасной, особенно в зимнее время года. Однако едва Мордонт замечал по душевному состоянию отца, что лучше быть от него подальше, как — в этом можно было не сомневаться, — невзирая на все опасности и трудности, он уже на следующий день появлялся в Боро-Уестре, проделав весь путь быстрее самого ловкого местного уроженца.

Его, конечно, считали поклонником одной из дочерей Магнуса, а когда заметили особую благосклонность старого юдаллера к юноше, то никто уже больше не сомневался, что Мордонт мог рассчитывать на руку одной из этих родовитых красавиц. В его владение перешло бы после свадьбы немалое число островков, каменистых болот и участков, годных для рыбного промысла и предназначавшихся в приданое любимому детищу, а в будущем он мог оказаться обладателем половины всех земель древнего рода Тройлов, когда теперешнего их хозяина не станет. Это казалось вполне разумным предположением и, по крайней мере теоретически, было не хуже обосновано, чем многие имеющие хождение в свете так называемые неопровержимые истины. Но увы! С каким бы старанием и проницательностью ни следили кумушки за поведением обеих сторон, они никак не могли решить главного, а именно — к которой из юных особ Мордонт был более привязан. Он обращался с ними так, как любящий и преданный брат мог бы обращаться с сестрами, настолько для него равными, что ни единый вздох не перевешивал чашу его привязанности в ту или иную сторону. Если же, как это порой случалось, одна из девушек становилась предметом его особого внимания, то, видимо, только потому, что в данный момент наиболее ярко проявлялись свойственные именно ей таланты и склонности.

Сестры были прекрасными исполнительницами несложных напевов своего родного Севера, и, когда они занимались музыкой, Мордонт был их постоян-

ным товарищем и наставником в этом благородном искусстве. С Минной разучивал он простые, суровые и торжественные мелодии, под аккомпанемент которых древние скальды и арфисты воспевали деяния героев. С не меньшей охотой помогал он Бренде разбирать более сложные и веселые пьесы по нотам, которые любящий отец выписывал для дочерей из английской или шотландской столицы. А во время долгих бесед с девушками Мордонт, в чьем характере глубокая и пылкая восторженность сочеталась с веселыми и непосредственными порывами юности, с одинаковым увлечением слушал и рассказы Минны о суровом и поэтическом прошлом и милую, часто остроумную, болтовню ее резвой сестры. Короче говоря, он настолько не отдавал предпочтения ни одной из девушек, что, как порою сам говорил, Минна казалась ему всего прелестней тогда, когда беззаботная сестра заставляла ее хоть на время забыть свою постоянную серьезность, а Бренда — в те минуты, когда тихо сидела и внимала чему-либо, подчиняясь влиянию Минны и разделяя ее глубокое и страстное воодушевление.

Общество Главного острова, таким образом, потеряло, как говорят охотники, след и после многих колебаний в пользу то одной, то другой сестры пришло лишь к выводу, что молодой человек обязательно женится на одной из них, а на которой из двух — выяснится, очевидно, тогда, когда наступившая возмужалость или вмешательство грозного старого Магнуса помогут мейстеру Мордонту Мертону разобраться в собственных чувствах.

«Хорошенькое дело, — обычно заключали кумушки, — он и родом-то не здешний, и никому не известно, есть ли у него что за душой! А еще ломается, делает вид, что по своей прихоти может выбрать одну из самых благородных красавиц Шетлендии! Да будь мы на месте Магнуса Тройла, мы бы скоро докопались до сути дела...» — и так далее. Все эти замечания, однако, произносились лишь шепотом, ибо в крутом нраве юдаллера таилось еще слишком много старой норвежской горячности, чтобы безопасно было

совать нос в его домашние дела. Таково было положение Мордонта Мертон в семье мистера Тройла из Боро-Уестры, когда произошли следующие события.

Глава IV

Негоже в путь пускаться нынче утром —
Туман одел холмы, поля и рощи,
Как серый плат — недавнюю вдову...
И, право слово, хоть я мягок сердцем,
А предпочту внимать слезам, и вздохам,
И вдовьим причитаньям об усопшем,
И перечню всех доблестей его,
Чем, находясь во власти урагана,
Внимать его порывам.

«Двойная свадьба»

Стояла уже поздняя весна, когда, проведя целую неделю в Боро-Уестре среди забав и развлечений, Мордонт Мертон стал прощаться с семьей хозяина, ссылаясь на необходимость своего возвращения в Ярлсхоф. Его принялись отговаривать обе девушки и с особой настойчивостью сам Магнус: он не видел причины, почему Мордонту следует вернуться домой. Если бы его отец хотел повидаться с ним — чего, кстати, Магнус не предполагал, — так ему достаточно было вскочить в шлюпку Суэйна или оседлать пони, коли он предпочитает путешествовать посуху, и он повидал бы не только своего сына, но и еще двадцать человек в придачу, которые были бы весьма рады удостовериться, что Мертон за время своего долгого затворничества не вполне утерять дар человеческой речи, — «хотя должен признаться, — присовокупил достойный юдаллер, — что, когда он еще среди нас жил, никто не проявлял этого самого дара реже, чем он».

Мордонт согласился со всем, что касалось молчаливости и нелюдимости его отца, но в то же время заметил, что первое из этих свойств делало его собственное возвращение тем более необходимым, ибо он являлся обычным средством общения между отцом

и окружающими, тогда как второе еще усугубляло эту необходимость, так как, поскольку мистер Мертон был лишен иного общества, естественно было, чтобы сын возможно скорее вернулся к нему.

— Что же до приезда моего отца в Боро-Уестру, — прибавил юноша, — так с таким же успехом мог бы сюда явиться сам Самборо-Хэд.

— Да, вот это был бы, можно сказать, обременительный гость, — заметил Магнус. — Но ты по крайней мере хоть пообедаешь с нами сегодня? Ведь мы ждем в гости Муниссов, Квиндейлов, Торсливоу и не знаю, кого там еще, и сверх тех тридцати человек, что провели здесь прошлую счастливую ночь, у нас будет еще столько ночлежников, сколько в спальнях, беседках, амбарах и лодочных сараях поместится постелей, а то и просто охапок ячменной соломы. А ты от всего этого хочешь уехать!

— А как же веселые танцы сегодня вечером? — прибавила Бренда полуукоризненным-полуобожненным тоном. — Ведь с острова Пабы приедут молодые люди и будут исполнять танец с мечами, а кто же выступит тогда с нашей стороны, чтобы поддержать честь Главного острова?

— Ну, тут у вас найдется много хороших танцоров, Бренда, — ответил Мордонт, — даже если я никогда больше не войду в круг танцующих. А где есть хорошие танцоры, Бренда Тройл всегда найдет себе достойного кавалера. Что до меня, то я сегодня вечером буду отплясывать на пустошах Данроснесса.

— Не говори так, Мордонт, — прервала его Минна, во время разговора тревожно глядевшая в окно, — не пускайся в путь, по крайней мере сегодня, через Данроснесскую пустошь.

— А почему не сегодня, Минна? — со смехом спросил Мордонт. — Чем сегодняшней день хуже завтрашнего?

— О, утренний туман тяжелой пеленой накрыл ту гряду островов и ни разу не дал нам взглянуть на Фитфул-Хэд — высокий утес, что венчает вон ту величественную горную цепь. Птицы держат путь к берегу, а утка-пеганка нынче кажется сквозь туман

не меньше большого баклана.¹ Посмотри, даже буревестники ищут убежища в скалах.

— И выдержат шторм получше королевского фрегата, — прибавил ее отец. — Да, это предвещает бурю, когда они так вот спешат укрыться.

— Оставайся-ка лучше с нами, — сказала Минна своему другу, — подымется страшная буря, но мы спокойно сможем смотреть на нее из окон Боро-Уест-ры, зная, что никто из близких не подвергается ее ярости. Чувствуешь, как душен и зноен воздух, хотя еще весна, и так тихо, что ни одна былинка не дрогнет на вересковой пустоши. Останься, Мордонт, эти признаки предвещают, что буря будет ужасной.

— Ну что же, тем скорее следует мне отправляться, — решил Мордонт, не имея возможности отрицать примет, прекрасно подмеченных его зорким взглядом. — А если непогода слишком разыграется, так я заночую в Стурборо

— Что? — воскликнул Магнус. — Ты хочешь променять нас на общество посланного новым губернатором новенького шотландского управляющего, что должен научить нас, шетлендских дикарей, всяким новшествам? Ступай своей дорогой, приятель, раз ты вот какие запел песни.

— Да нет же, нет, — возразил ему Мордонт, — мне только любопытно было бы взглянуть на новые орудия, что он привез с собой.

— Да, да, дурачки всегда дивятся диковинкам! А хотел бы я знать, как это его новый плуг справится с нашими шетлендскими скалами! — перебил его Магнус.

— Я зайду в Стурборо только в том случае, — сказал юноша, уважая предубеждения старого юдаллера против всякого рода нововведений, — если эти приметы действительно предсказывают бурю; если же дело кончится одним ливнем, что всего вероятнее, так ничего. Думаю, что я не растаю.

¹ Часто можно видеть, как эти большие бакланы смело летают над бурными водами Шетлендского архипелага, но еще чаще — как они рядами сидят на каком-нибудь рифе или скале, подобно черным брауншвейгцам в 1815 году (Прим. автора)

— Дело не ограничится ливнем, — сказала Минна, — взгляни: с каждым мгновением тучи становятся все гуще и гуще, и бледные алые и фиолетовые полосы радуги, предвещающие бурю, все чаще появляются на их темно-свинцовом фоне.

— Все это я вижу, — ответил Мордонт, — но тем более мне нечего медлить. Прощай, Минна, я пришлю тебе перья орла, если на островах Фэр-Айл или Фаула водятся еще орлы. Всего доброго, моя маленькая Бренда, думай обо мне хоть немножко, как бы хорошо ни плясали твои гости с острова Пабы.

— Будь по крайней мере осторожен, если ты все-таки хочешь уйти, — сказали ему на прощанье сестры.

Старый Магнус побранил их для вида за то, что они видят какую-то опасность в том, что энергичный молодой человек померится силами с весенней бурей на суше или на море. Кончил он, однако, тем, что и сам серьезно посоветовал Мордонту отложить путешествие или по крайней мере остановиться в Стурборо.

— Ибо, — сказал он, — задним умом всегда лучше жить, а раз уж подворье этого шотландского выходца будет у тебя как раз под ветром, что ж, заверни к нему — в бурю пригодна любая гавань. Но только не думай, что дверь у него закрыта на одну щеколду, какая бы там ни разыгралась буря: в Шотландии в ходу такие вещи, как задвижки и засовы, хотя, слава святому Роналду, у нас их нет и в помине, кроме разве одного только большого замка в старом замке Скэллоуэй — на него еще до сих пор ходят взглянуть как на диковинку. Может быть, замки и засовы — тоже усовершенствования, которым нас, бедных, хочет научить этот шотландец. Но отправляйся, Мордонт, раз уж ты непременно решил идти. Эх, будь ты года на три постарше, тебе полагалась бы подорожная чарка, но молодежи не следует пить, разве что после обеда; а чарку вместо тебя осушу я сам, чтобы не нарушать хорошего обычая, а то еще приключится что-нибудь недоброе. Ну, счастливого тебе пути, мой мальчик!

С этими словами юдаллер залпом осушил высокий кубок бренди столь же безнаказанно, как если бы это был стакан ключевой воды. Итак, после множества сожалений и напутствий Мордонт покинул наконец гостеприимный дом, где жизнь была такой уютной. Уходя, он бросил последний взгляд на выходящие из труб густые клубы дыма и мысленно представил себе безлюдный, одинокий и запущенный Ярлсхоф, сравнил молчаливую меланхолию своего отца с горячим участием тех, кого он только что покинул, и невольно вздохнул от нахлынувших на него при этом мыслей.

Признаки надвигавшейся бури не обманули предчувствий Минны. Не успел Мордонт пробыть в дороге и трех часов, как ветер, хотя утром в воздухе стояла мертвая тишь, начал вздыхать и стонать, словно заранее оплакивая те разрушения, которые совершит, когда придет в неистовство, подобно безумцу, охваченному мрачной тоской перед наступлением буйного припадка. Затем, постепенно усиливаясь, ветер завыл, заревел и забушевал со всей яростью северного шторма. К нему присоединился ливень вперемешку с градом и принялся с неумолимой яростью хлестать окружающие путника холмы и скалы, отвлекая его, несмотря на крайние его усилия, от поисков правильного пути, что было особенно затруднительным в местности, лишенной не только дорог, но даже едва намеченных троп, которых мог бы придерживаться путник. К тому же вся пустошь была пересечена ручьями, большими лужами, озерами и лагунами. Все эти воды были теперь взбиты в клубящуюся пену, большая часть которой, подхваченная вихрем, уносилась далеко от своего водоема. Соленый привкус влаги, бьющей в лицо Мордонту, скоро показал ему, что к пене внутренних озер и потоков примешивались брызги далекого океана, приведенного в неистовство бурей.

Среди этих разбушевавшихся сил природы Мордонт Мертон упорно продвигался вперед, как человек, хорошо знакомый с подобной борьбой стихий; самые усилия, которые он должен был прилагать,

чтобы противостоять их ярости, казались ему проявлением решительности и мужества. Он даже чувствовал, как это бывает в минуты больших испытаний, что сознание силы, помогавшей ему преодолевать все препятствия, является для него своего рода почетной наградой. То, что он различал и находил свой путь в такие минуты, когда овец сносило с холмов, а птицы падали с неба, было для него лучшим доказательством собственного превосходства.

«Ну, — сказал он сам себе, — друзьям моим в Боро-Уестре не придется услышать обо мне того же, что о старом полоумном Рингане Юинсене, чья шлюпка затонула между рейдом и пристанью. Тому, кто, как я, навострился лазать по скалам, не страшны ни огонь, ни вода, ни буря на море, ни трясина на суше».

Итак, он упорно продвигался вперед, борясь с ураганом, и, за отсутствием вех, обычно указывающих путнику дорогу (ибо скалы, горы и выступы были скрыты туманом и мраком), инстинктивно руководствовался каждой малейшей особенностью ландшафта, могущей служить путеводным знаком, чему научило его долгое общение с дикой природой Севера. Таким образом, повторяем, пробивался он вперед, то останавливаясь и пережидая, то даже, когда порывы бури становились слишком сильными, ложась на землю. Когда же они хоть немного стихали, он быстро и смело бросался вперед, отдаваясь на волю ветра. Если же это оказывалось невозможным, юноша использовал обходные тропы, маневрируя, словно корабль, идущий короткими галсами, но не уступая ни одной пяди завоеванного с таким трудом пути.

Однако, несмотря на всю опытность и смелость Мордонта, положение его было в достаточной степени неприятным и даже опасным. Не потому, что его матеросская куртка и панталоны — обычный дорожный костюм шетлендского юноши — насквозь промокли: в столь влажном климате это легко могло произойти и в любой другой день. Нет, самое страшное было то, что, несмотря на свои крайние усилия, Мордонт продвигался вперед чрезвычайно медленно: потоки вы-

шли из берегов и залили все кругом, стоячие воды болот смешались со струями ливня, все это сделало знакомую дорогу весьма опасной и неоднократно вынуждало путника совершать далекие, в обычное время совершенно ненужные обходы. Таким образом, Мордонт, которого, несмотря на его молодость и силу, буря неоднократно отбрасывала назад и сбивала с дороги, от души обрадовался, когда, утомленный долгим путем и упорной борьбой с дождем и ветром, увидел наконец усадьбу Стурборо, или Харфру, как местные уроженцы называли жилище мистера Триптолемуса Йеллоули. Губернатор Оркнейских и Шетлендских островов, человек весьма предприимчивый, послал его в Ultima Thule древних римлян для насаждения там таких новшеств, какие в те давние времена вряд ли существовали даже в самой Шотландии.

В конце концов, преодолев немалые трудности, Мордонт добрался до жилья почтенного агронома; на много миль в окружности это было единственное убежище от неослабевающей бури. Мордонт подошел прямо к двери в полной уверенности, что его тотчас же впустят, и немало удивился, увидев, что она не просто закрыта на щеколду — это еще можно было бы объяснить непогодой, — но и задвинута засовом, а мы уже знаем из слов Магнуса Тройла, что засовы в тех краях были почти неизвестны. Мордонт принялся стучать, звать и в конце концов колотить по двери палкой и камнями, что было вполне естественно для юноши, чье нетерпение все возрастало как из-за бушевавшего кругом ненастья, так и от встречи со столь неожиданным и необычным препятствием, как запертая изнутри дверь. Поскольку ему пришлось, однако, стучать и кричать в течение многих минут, тщетно выражая таким образом свое нетерпение и не получая никакого ответа, мы воспользуемся этим временем, чтобы сообщить читателю, кто такой был Триптолемус Йеллоули и каким образом получил он столь удивительное имя.

Старый Джаспер Йеллоули, отец Триптолемуса, хотя родился у подножия Роузберри Топпинга, был,

однако, введен в заблуждение одним благородным шотландским графом, который, как хитрый северянин, убедил добродушного йоркширца арендовать ферму в Мирнсе, где, само собой разумеется, он вскоре обнаружил, что дело обстоит вовсе не так, как можно было ожидать. Тщетно трудился упрямый фермер, пытаясь особо тщательной обработкой возместить вредное влияние слишком холодной почвы и влажного климата. С этим ему, пожалуй, удалось бы справиться, но из-за близкого соседства Грампианских гор ферма его непрерывно подвергалась посещениям обитавших неподалеку джентльменов, одетых в пледы, и то, что сделало из юного Норвала воина и героя, совершенно разорило Джаспера Йеллоули. Правда, до известной степени он был вознагражден за свои убытки тем впечатлением, какое его румяные щеки и могучая фигура произвели на мисс Барбару Клинкскейл, дочь покойного и сестру здравствовавшего в то время Клинкскейла из Клинкскейла.

Союз этот был признан во всей округе ужасающим и противоестественным, ибо род Клинкскейлов столь же славился шотландской заносчивостью, сколь и шотландской скупостью. Но мисс Бэйби обладала своим собственным порядочным состоянием в две тысячи марок, находившимся в полном ее распоряжении, и была женщиной весьма неглупой и к тому же *major*¹ и *sui juris*² (как сообщил ей писец, составлявший брачный контракт) в течение уже целых двадцати лет. Поэтому она, не задумываясь о последствиях и не обращая внимания на пересуды, отдала свою руку добродушному йоркширскому йомену. Ее брат и более зажиточные сородичи с негодованием отвернулись от нее и едва не отреклись от столь унижившей себя родственницы. Но род Клинкскейлов, как и прочие шотландские семьи того времени, включал огромное количество далеко не столь щепетильных сородичей — кузенов десятой, а то и шестнадца-

¹ Совершеннолетней (лат.).

² Правоспособной (лат.).

той степени родства, которые не только признали свою родственницу Бэйби после ее брака с Йеллоули, но даже снизошли до того, что согласились вкушать бобы со свиной (хотя в ту эпоху шотландцы питали к последней такое же отвращение, как и евреи) за столом ее супруга и охотно скрепили бы свою дружбу с ним небольшим займом, если бы его любезная женушка, разбиравшаяся в подобных хитростях не хуже любой другой обитательницы Мирнса, не наложила запрет на такого рода попытки к более тесному сближению. Более того — она знала, как заставить юного Дейлбеликита, старого Дугалда Бэрсуорда, лэрда Бэндиброла и других заплатить за гостеприимство, в котором не считала удобным им отказывать: при их посредстве она договорилась с предприимчивыми молодчиками, что живут по ту сторону Кэрна, и те, увидав, что разоряемый их набегами фермер «породнился с самими господами, которые милостиво кивают ему и в церкви и на базарной площади», согласились за весьма умеренные отступные прекратить дальнейшие посягательства на его собственность.

Столь блистательные успехи примирили Джаспера с той властью, какую жена возымела над ним и которая еще более утвердилась, когда миссис Йеллоули... позвольте... как бы это выразиться поделikatнее... одним словом, оказалась в интересном положении. По этому случаю ей приснился однажды удивительный сон, что нередко бывает с женщинами на исходе беременности, если ребенку суждена великая будущность. Ей, видите ли, «возьми да и приснись», как выразился ее супруг, что она благополучно разрешилась от бремени плугом, запряженным тремя парами энгесширских быков. Будучи великим знатоком всякого рода знамений, она тотчас же принялась вместе с другими кумушками обсуждать, что бы такое это могло значить. После долгих колебаний простодушный Джаспер попытался было высказать свое собственное мнение: «Сон, дескать, скорее имеет отношение к вещам прошедшим, чем к будущим, и, может статься, был вызван тем, что нервы миссис

Йеллоули испытали небольшое потрясение, когда она на дороге за домом неожиданно столкнулась с его собственным большим плугом, запряженным шестью быками, гордостью его сердца». Но добрые приятельницы подняли такой крик и так возмутились подобного рода объяснением, что Джасперу пришлось заткнуть уши и броситься вон из комнаты.

— Что он только говорит! — завопила старая деревенская ковенантка. — Что он говорит! Носится со своими быками ну прямо как язычник с вефильским тельцом! Но только не за земным плугом пойдет славный мальчик, — что новорожденный будет мальчиком, можете не сомневаться, — а за плугом Духа. И сама я надеюсь еще увидеть, как станет он проповедовать да качать головой с кафедры, а то, еще того лучше, прямо с высокого холма.

— Ну уж нет! К черту ваши ковенантские штучки! — воскликнула престарелая леди Гленпрозинг. — К чему это прелестному сынишке нашей приятельницы качать до одури головой, как этот ваш благочестивый Джеймс Гатри, о котором вы только и болтаете? Нет уж, он пойдет куда более верной дорогой и станет себе таким хорошеньким приходским священником, а там, глядишь, достигнет и сана епископа... Ну что, разве плохо?

Перчатка, открыто брошенная одной сивиллой, была тут же подхвачена другой, и спор между пресвитерианством и епископальной церковью разгорелся с такой яростью и сопровождался таким криком или, вернее, визгом — стаканчик коричной настойки, обошедший честную компанию, только подлил масла в огонь, — что Джасперу пришлось вернуться в комнату с рукоятью плуга в руке, и только страх перед ним и нежелание показать себя в не совсем подобающем виде перед «посторонним мужчиной» заставили спорящие стороны несколько уюмо-ниться.

Не знаю, то ли от нетерпения как можно скорее подарить свету существо, которому суждена была столь блестящая, хоть и неопределенная будущность, то ли бедная миссис Йеллоули была чрезмерно на-

пугана поднявшейся вокруг нее суматохой, но только она вдруг почувствовала себя плохо и даже, вопреки обычно принятым и предусмотренным при подобных обстоятельствах выражениям, «намного хуже, чем можно было ожидать». Тут она воспользовалась удобным случаем и, пока была еще способна соображать, вырвала у своего исполненного сострадания супруга два обещания: во-первых, дать при крещении ребенку, чье появление грозило ей обойтись так дорого, имя, в котором отражалось бы ниспосланное ей свыше предзнаменование, а во-вторых, воспитать его для служения церкви. Осмотрительный йоркширец согласился на все ее требования, полагая, что в данную минуту и в подобном деле у нее имеется достаточно оснований, чтобы диктовать свою волю. Вот при каких обстоятельствах появился наконец на свет младенец мужского пола. Мать находилась, однако, в таком состоянии, что в течение многих дней не могла даже спросить, в какой мере данные ей обещания были выполнены. Когда же она стала поправляться, ей сообщили, что, поскольку оказалось необходимым окрестить ребенка немедленно, его назвали Триптолемус, ибо священник, человек, получивший некоторое классическое образование, нашел, что это имя весьма красивым образом и совершенно в духе античности намекает на мистический плуг, запряженный тремя парами быков. Миссис Йеллоули отнюдь не пришла в восторг от того, как именно исполнили ее волю, однако, поскольку роптать было бы теперь так же бесполезно, как и в знаменитом случае с Тристрамом Шенди, она примирилась с подобным языческим именем и решила бороться с влиянием, которое оно могло оказать на ее сына, воспитав последнего в духе, не допускающем и мысли о каких-то там лемехах, резаках, рукоятках, отвалах и всем прочем, связанном с презренной и тяжелой работой пахаря.

Хитрый йоркширец Джаспер потихоньку посмеивался себе в кулак, видя, что яблочко, пожалуй, упадет недалеко от старой яблони и маленький Триппи выйдет скорее в батюшку веселым йоркширским

Йоменом, а не в благородную, но несколько *aigre*¹ родню из дома Клинкскейлов. С затаенной радостью примечал отец, что любимой колыбельной младенца была «Пахарь посвистывает», а первыми словами, которые он научился лепетать, — клички быков. Более того — «малый» предпочитал домашний эль шотландскому двухпенсовому и особенно неохотно расставался с кружкой в том случае, когда Джасперу при помощи одному ему известных махинаций удавалось добавить в котел во время варки двойное количество солода против того, какое допускалось по самому щедрому рецепту, принятому в домоводстве его бережливой супруги. Отец также заметил, что, когда никакие иные средства не могли остановить его рева, Трип сразу же умолкал, стоило только позвякать над его ухом уздечкой. Исходя из всех этих признаков, Джаспер часто божился, что малыш уж наверно вырастет истинным йоркширцем, а доля, унаследованная от матери и всего материнского рода, окажется самой малой.

Тем временем, примерно через год после рождения Триптолемуса, миссис Йеллоули разрешилась от бремени девочкой. Ее назвали в честь матери Барбарой, и с самого младенчества у нее уже обнаружились узкий и длинный нос и тонкие губы, которыми семейство Клинкскейлов отличалось от всех других обитателей Мирнса. По мере того как девочка подрастала, жадность, с какой она хватала игрушки Триптолемуса, и упорство, с каким не желала расставаться с ними, вместе со склонностью кусаться, щипаться и царапаться по самому малому поводу или даже без всякого повода, заставили внимательных наблюдателей единодушно признать, что мисс Бэйби «ну прямо вылитая мать». Злые языки не стеснялись даже утверждать, что жадность клинкскейльского рода не была в данном случае ни смягчена, ни разбавлена кровью Веселой Англии. Молодой Дейлбеликит бывал в те дни весьма частым гостем миссис Йеллоули, и не могло не казаться в высшей степени

¹ Кислого нрава (франц.).

странным, что хозяйка, которая, как всем было прекрасно известно, никогда ничего не давала даром, тут с необычной щедростью наполняла тарелку и наливала до краев кружку такому бездельнику и шалопаю. Впрочем, достаточно было хоть раз увидеть суровые и строго добродетельные черты миссис Йеллоули, чтобы сразу оценить по достоинству и ее необычное поведение и изысканный вкус Дейлбеликита.

Тем временем юный Триптолемус успел усвоить те начатки школьной премудрости, какие смог преподать ему местный священник, ибо хотя госпожа Йеллоули примыкала к остаткам гонимого пресвитерианства, но ее жизнерадостный муж, воспитанный среди черных ряс и молитвенников, принадлежал к установленной законом церкви. Когда настало для того время, Триптолемуса послали в колледж Сент-Эндрюса для дальнейшего образования. Отправиться-то он туда отправился, но одним глазком все оглядывался назад — на отцовский плуг, отцовские оладьи и отцовский эль, весьма жалким заменителем которого было слабое пиво, подаваемое в колледже и прозванное там «мочегоном». Мальчик, правда, делал некоторые успехи, но вскорости обнаружилось, что он питает особую склонность к тем античным авторам, чьи произведения трактуют главным образом об усовершенствованиях в сельском хозяйстве. Он терпеливо изучал «Буколики» Вергилия, знал наизусть «Георгики», но «Энеиду» совершенно не выносил; особенно возмущался он знаменитой строчкой о несущейся коннице, ибо, согласно его пониманию слова *putrem*,¹ получалось, что всадники в пылу атаки мчались прямо по свежееунавоженному полю. Катон, римский цензор, был его любимым античным героем и философом, но не за то, что проповедовал строгость нравов, а за сочинение «*De re rustica*».² Привычной

¹ Рыхлое; унавоженное (лат.). *Quadrupedumque putrem sonitu quatit ungula campum* (Прим. автора.) — Топотом звонких копыт потрясается рыхлое поле. (Перевод В. Брюсова.)

² «О сельском хозяйстве» (лат.).

поговоркой юного Триптолемуса стала фраза Цицерона: «Jam neminem antepones Catoni».¹ Ему нравились Палладий и Теренций Варрон, а томик сочинений Колумеллы был его постоянным спутником.

Кроме этих древних знаменитостей, юноша уважал и более современных авторов — Тассера, Хартлиба и других, писавших о сельском хозяйстве, не оставляя он без внимания и разглагольствований «Пастуха Солсберийской долины» и более осведомленных филوماتов, которые, вместо того чтобы загромождать свои альманахи пустыми пророчествами политических событий, ограничивались предсказаниями, какие посевы удадутся, а какие — нет, явно стремясь привлечь внимание читателя к тем культурам, хороший урожай которых можно было предсказать почти с полной уверенностью. Одним словом, эти скромные мудрецы, не заботясь о возвышении или падении империй, довольствовались тем, что указывали подходящее время для жатвы и посева, стараясь угадать, какую погоду вернее всего следует ожидать в каждом месяце: так, например, если будет угодно небу, то в январе пойдет снег, а июль — автор ручается своим добрым именем — в целом окажется солнечным. Хотя ректор колледжа святого Леонарда был, в общем, весьма доволен своим спокойным, трудолюбивым и прилежным воспитанником Триптолемусом Йеллоули и считал его, во всяком случае, вполне достойным имени из четырех слогов, да еще с латинским окончанием, однако он далеко не одобрял столь исключительного пристрастия Триптолемуса к его любимым авторам. «Постоянно думать о земле, — говорил он, — все равно — удобренной или неудобренной, — это слишком уж пахнет черноземом, если не чем-нибудь еще того хуже». Тщетно побуждал ректор своего ученика заняться более возвышенными предметами — историей, поэзией или богословием — Триптолемус Йеллоули упорно придер-

¹ Уж выше Катона ты не поставишь никого (лат.).

живался своей собственной линии поведения. Читая о битве при Фарсале, он не думал о том, что исход ее угрожал свободе тогдашнего мира, а соображал, какой, должно быть, хороший урожай дали эматийские поля на следующий год.

Что касается отечественной поэзии, то Триптолемуса с трудом можно было уговорить прочесть хоть одно английское двустишие; единственное исключение делал он, как мы уже говорили, для старика Тассера, чьи «Сто добрых советов по сельскому хозяйству» он выучил наизусть. Исключение сделал он также для «Видения Петра-пахаря». Прельстясь заглавием, Триптолемус поспешил купить книжку у корбейника, но, прочитав первые две страницы, бросил ее в огонь, как бесстыдный и обманчиво озаглавленный политический пасквиль. Столь же решительно покончил Триптолемус и с богословием, напомнив своим наставникам, что возделывать землю и добывать хлеб трудами рук своих и в поте лица своего — участь, назначенная человеку после грехопадения, и что сам он будет прилагать все усилия для выполнения работы, столь необходимой для существования, предоставив другим разрешать сколько душе угодно более глубокие вопросы теологии.

Столь узкий круг интересов Триптолемуса, ограниченный пределами одной только сельской жизни, внушал сомнения, принесут ли его успехи в науках и то, как он пожелает применить их на деле, должное удовлетворение честолюбивым надеждам его любящей маменьки. Он, правда, был не против того, чтобы стать служителем церкви: это вполне подошло бы к свойственной ему некоторой душевной лени, которая часто сопутствует склонности к отвлеченным размышлениям. Он питал надежду — хорошо, если бы таковы были только его личные намерения, — шесть дней в неделю возделывать землю, а в седьмой, как положено, произнести проповедь, затем пообедать в обществе какого-нибудь дородного землевладельца средней руки или сельского лэрда, а после обеда выкурить с ним трубочку и распить кружку, ведя заду-

шевную беседу все на одну и ту же неистощимую тему: *quid faciat laetes segetes*.¹

Впрочем, для проведения в жизнь подобного плана, кроме того, что в основе его не лежало, как говорили тогда, «прочного корня», необходимо было иметь пасторский дом с клочком земли, а получить его можно было, только признав епископальную церковь и совершив ряд других, чудовищных по представлениям того времени, уступок. Неизвестно еще, смогли ли бы дом, усадьба при нем и содержание как деньгами, так и натурой преодолеть приверженность почтенной леди к пресвитерианству, но усердию ее не суждено было подвергнуться столь тяжкому испытанию: она умерла, прежде чем сын ее закончил образование, и оставила огорченного супруга ровно настолько неутешным, насколько и следовало ожидать. Первым же действием единоличного управления Джаспера было взять сына из колледжа Сент-Эндрюса, чтобы использовать его как помощника в сельскохозяйственных работах. Вот тут-то, казалось, и должен был Триптолемус Йеллоули, призванный наконец применить на практике все то, что он с таким рвением изучал теоретически, возрадоваться, если употребить сравнение, которое он сам нашел бы весьма удачным, как корова, дорвавшаяся до клевера. Но увы! Сколь неверны предположения и обманчивы надежды человечества!

Один насмешливый философ, Демокрит наших дней, как-то раз, рассуждая о нравах, сравнил человеческую жизнь с доской, усеянной отверстиями, для каждого из которых имеется колышек, к нему специально пригнанный. Но, поскольку колышки эти втыкаются в отверстия весьма поспешно и как попало, случай ведет неизбежно к самым нелепым ошибкам. «Ибо как часто мы видим, — выразительно закончил оратор, — как часто мы видим круглых людей, засунутых в треугольные дырки!» Эта новая иллюстрация к превратностям фортуны заставила всех присутствующих покатиться со смеху, за исключе-

¹ Что делает ниву урожайной (*лат.*).

нием одного тучного олдермена, который принял сказанное на свой счет и заявил, что тут вовсе не над чем смеяться. Воспользовавшись этим в самом деле блестящим сравнением, мы совершенно ясно увидим, что Триптолемус Йеллоули явился в этот мир по меньшей мере на сотню лет раньше срока. Если бы он выступил на предназначенном ему поприще в наше время, иными словами — если бы он процветал в любые годы из последних тридцати — сорока лет, то обязательно занял бы пост вице-президента какого-нибудь знаменитого сельскохозяйственного общества и вершил бы дела под покровительством какого-либо благородного герцога или лорда, который, в зависимости от обстоятельств, мог бы знать, а мог и не знать разницы между упряжной лошастью и упряжкой лошади. Не подлежит никакому сомнению, что в наши дни Триптолемус достиг бы высокого положения, ибо он был чрезвычайно сведущ по части всех тех мелочей, которые, будучи совершенно ненужными для практического применения, прекрасно создают репутацию знатока в любом деле, а особенно в сельском хозяйстве. Но увы! Триптолемус Йеллоули, как мы уже говорили, явился в этот мир по меньшей мере на сто лет раньше, чем ему следовало, и вот, вместо того чтобы восседать в кресле, с деревянным молоточком в одной руке и бокалом портвейна в другой, провозглашая тосты «за скотоводство во всех его отраслях», ему пришлось, повинувшись отцу, взяться за рукоятки плуга и погонять быков, тогда как в наши дни он прославлял бы их прекрасные стати и, вместо того чтобы колотить их батоном по крестцу, орудовал бы над их филейными частями с помощью ножа и вилки.

Старый Джаспер сетовал, что никто не умеет так красно разглагольствовать об общинном и личном, пшенице и сурепице, полях и выгонах, как его ученый сын, которого он всегда называл Толемус, «но что же делать, — прибавлял он, как истый стоик и последователь Сенеки, — если ему ничего, ну прямо-таки ничего не удастся!» Дело пошло еще хуже, когда, по прошествии нескольких лет, состарившийся

и одряхлевший Джаспер вынужден был окончательно передать бразды правления своему многоумному, но малоопытному сыну.

Можно было подумать, что природа, словно нарочно, строила Триптолемусу всяческие козни, ибо ферма его оказалась одной из самых неподатливых во всем Мирнсе и приносила ему одни огорчения; как он над ней ни бился, она давала, казалось, все, кроме того, что нужно в сельском хозяйстве: изобилие чертополоха говорило о чрезмерной сухости почвы, а целые чащи папоротника — об излишней влажности; крапива указывала на участки, когда-то удобренные известью, а глубокие борозды, проходившие в самых неподходящих местах, означали, согласно народным поверьям, что земля эта в древности обрабатывалась пиктами. Не было там недостатка ни в камнях, что, по мнению некоторых фермеров, согревает почву, ни в родниках, что, по мнению других, освежает и увлажняет ее. Напрасно бедняга Триптолемус, действуя согласно то одному, то другому мнению, пытался выжать хоть какую-то пользу из этих предполагаемых качеств почвы — ни кусочка масла не удавалось сбить ему, чтобы намазать на собственный хлеб; таков же был, впрочем, и удел незадачливого Тассера, которому его «Сто добрых советов по сельскому хозяйству», столь полезные для других современников, не принесли и ста пенсов дохода.¹

В самом деле, за исключением какой-нибудь сотни акров пахоты, которой старый Джаспер давно уже понял необходимость ограничить свои труды, вся остальная земля его годилась разве только на то, чтобы порвать упряжку и до смерти замучить скотину. Что же касается дохода с той части, которую имело смысл обрабатывать, то он полностью погло-

¹ Английский агроном изложил это сам в следующих строчках:

Я нивы воспевал, бывало,
Я пел, как пашут, бороздят,
Но труд был тяжек, чести мало,
И вот пою на новый лад.

(Прим. автора.)

щался затратами на различные хозяйственные мероприятия Триптолемуса и его увлечение всякого рода новшествами. «Мужики и скоты, — жаловался он, говоря о своих работниках и лошадях, — все производят, но они же все и пожирают». Впрочем, подобные итоги можно найти в приходо-расходных книгах многих фермеров из благородных.

В наши дни подобное хозяйничанье скоро привело бы Триптолемуса к печальному концу: он получил бы кредит в банке, с помощью дутых векселей пустился бы в рискованные предприятия и вскоре увидел бы свои посевы и инвентарь, живой и мертвый, конфискованными по приказу шерифа. Но в те времена человеку было не так-то просто довести себя до разорения. Хозяйство шотландских фермеров находилось на столь одинаково низком уровне, что было совершенно немыслимо найти хоть сколько-нибудь выдающуюся точку, падая с которой человек умудрился бы действительно с треском сломать себе шею. Земледельцы оказывались тогда в положении людей, которые, не имея ни малейшей возможности влезть в долги, могли дойти до страшной нужды, но никоим образом — до банкротства. Впрочем, несмотря на неизменное крушение всех проектов Триптолемуса, связанные с ними расходы уравнивались теми сбережениями, которые доставляла исключительная экономия его сестры Барбары. Старания ее на этом поприще были поистине изумительными. И уж именно ей, а не кому иному удалось бы претворить в жизнь (если бы это действительно было возможным) мечту того ученого-философа, который провозгласил, что спать — пустая выдумка, а есть — только привычка; на глазах всего мира он, казалось, уже отучился и от того и от другого, но, к несчастью, совершенно случайно обнаружилось, что он в близких отношениях с кухаркой, которая возмещала все его лишения, предоставляя ему тайный доступ в кладовую и местечко на своем собственном ложе. Но Барбара Йеллоули не прибегала к подобного рода хитростям. Она вставала рано, ложилась поздно, и ее изнуренные непосильным бодрствованием и непомерной работой

служанки были уверены, что она, как кошка, не спит всю ночь. Что касается еды, то самый воздух, казалось, служил для нее роскошным угощением, и она с удовольствием сделала бы его таковым и для всех своих домашних. Ее брат, напротив, кроме того, что был изрядным лентяем, обладал еще и некоторой склонностью к чревоугодию и не прочь был бы время от времени полакомиться кусочком мяса — хотя бы для того, чтобы знать, насколько упитанны его овцы, однако такое пожелание не могло бы сильнее поразить миссис Барбару, чем намерение съесть ребенка, и Триптолемус, будучи по характеру уступчивым и покладистым, примирился с необходимостью вечно поститься и почитал себя счастливым, когда получал немного масла к овсяной лепешке или, поскольку они жили на берегу Эска, хоть изредка избегал тягостной обязанности вкушать рыбу, которая, независимо от времени года, неизменно появлялась у них на столе шесть дней в неделю из семи.

Но хотя миссис Барбара добросовестно присоединяла к общему капиталу все сбережения, которые ее потрясающая способность к экономии могла наскреести по мелочам, и хотя брат с сестрой истратили, правда прибегая к этому только в крайних случаях, всю или почти всю материнскую часть наследства, уже близок был день, когда они оказались бы не в силах противостоять далее несчастной звезде Триптолемуса, как выражался он сам, или естественным результатам его нелепых предприятий, как выражались другие.

По счастью, в это печальное и грозное для них время из машины появился, к величайшему их облегчению, некий бог. Говоря простым английским языком, знатное лицо, которому принадлежала их ферма, прибыло в находящийся по соседству замок в карете шестериком, со скороходами, словом — во всем великолепии семнадцатого века.

Этот благородный дворянин был сыном того лорда, который в свое время переселил покойного Джаспера из Йоркшира в Шотландию; он оказался, подобно отцу, человеком с фантазиями и склонным ко

всякого рода прожектерству.¹ Среди бесчисленных превратностей того времени он сумел, однако, устроить очень ловко свои собственные дела, получив на ряд лет управление отдаленными Оркнейскими и Шетлендскими островами. За это он должен был платить известную ренту, но вместе с тем, в качестве губернатора, получал право выжимать из имений или доходов государства в этих областях все, что только было возможно.

И вот его светлости пришла в голову мысль, сама по себе весьма разумная, что из дарованных ему полномочий можно извлечь гораздо большую выгоду, если ввести различные усовершенствования в обработку принадлежащих короне земель на Оркнейских и Шетлендских островах. Зная кое-что о нашем друге Триптолемусе, он подумал (это была уже не столь удачная мысль), что последний мог бы оказаться лицом, способным осуществить его планы на практике. Он послал за Триптолемусом, и, когда тот явился в величественный Холл-хауз, на милорда произвел такое впечатление догматический тон, которым наш приятель обсуждал любой вопрос сельского хозяйства, что он тут же, не теряя времени, обеспечил себе помощь столь ценного сотрудника, освободив его прежде всего от не приносящей никакого дохода фермы.

Соглашение было выработано соответственно пожеланиям самого Триптолемуса, который в результате многолетнего опыта пришел к некоторому не вполне осознанному выводу; хотя он не склонен был недооценивать свои способности и ни на минуту в них не сомневался, он все же предпочитал,

¹ Управление Шетлендии. В то время, о котором идет речь, графы Мортонны управляли Оркнейскими и Шетлендскими островами по праву, первоначально дарованному им в 1643 году, подтвержденному в 1707 году и ставшему неограниченным в 1742 году. Это позволило им сосредоточить в своих руках обширные земельные владения и большую власть, которую они обычно осуществляли при посредстве управляющих, называемых губернаторами. В 1766 году тогдашний граф Мортон перепродал свои права сэру Лоренсу Дандесу; в настоящее время право это осуществляется его сыном. (*Прим. автора.*)

чтобы все тревоги и риск пришлось на долю его на-
нимателя. И действительно, ожидаемые доходы, как
он доложил своему патрону, должны были достигнуть
таких огромных размеров, что губернатор отбросил
всякую мысль о возможном участии своего управ-
ляющего в предполагаемых прибылях, ибо, как ни
примитивны были приемы, применяемые в сельском
хозяйстве Шотландии, они все же значительно пре-
восходили те, которые были известны и распростра-
нены в то время в стране Туле, а Триптолемус Йел-
лоули, кроме того, считал, что его собственные глубо-
кие познания в области сельского хозяйства намного
превосходят даже то, что было известно и практико-
валось в самом Мирнсе. Итак, намечаемые улучше-
ния должны были, очевидно, принести двойную вы-
году, и губернатору надлежало получать весь доход,
за вычетом весьма приличного вознаграждения управ-
ляющему Йеллоули, которому к тому же предостав-
лялся дом и участок земли, необходимые для со-
держания его семейства. Радость охватила сердце
миссис Барбары при вести о столь счастливом завер-
шении того, что могло бы окончиться так же пла-
чевно, как аренда их фермы Колдэйкрз.

— Ну уж если теперь мы не сумеем нажиться, ко-
гда все будет идти в дом и ничего — из дома, — ска-
зала она, — так мы, значит, хуже всяких язычников!

На некоторое время Триптолемус превратился в
весьма деятельного человека: он пыхтел и потел, вы-
пивал и закусывал в каждой кабачке, куда попадал,
заказывая и приобретая сельскохозяйственные ору-
дия, необходимые жителям обреченных цивилизации
островов, судьбе которых грозила столь огромная
перемена. Странными показались бы эти орудия, пред-
ставленные на рассмотрение какому-нибудь современ-
ному сельскохозяйственному обществу! Но все от-
носительно, и громоздкое сооружение из дерева, на-
зываемое старым шотландским плугом, показалось
бы шотландскому фермеру наших дней не менее уди-
вительным, чем латы и шлемы воинов Кортеса — сол-
датам нашей теперешней армии. Однако Кортес за-
воевал Мексику, а введение в стране Туле шотланд-

ского плуга, несомненно, было бы огромным шагом вперед в ее сельском хозяйстве.

Нам так и не удалось выяснить, почему Триптолемус предпочел обосновать свою резиденцию в Шетлендии, а не на Оркнейских островах. Быть может, он считал, что из двух родственных народов жители Шетлендии обладают более скромным и уступчивым нравом; а быть может, расположение дома и участка, в самом деле весьма приличное, показалось ему предпочтительнее того, что он мог получить на Помоне — главном острове Оркнейского архипелага. В Харфре, или, как ее иначе именовали, в Стурборо — по названию остатков пиктской крепости, находящихся почти рядом с усадьбой, управляющий и обосновался во всей полноте своих правомочий.

Он решил прославить полученное при крещении имя неусыпными стараниями просветить шетлендцев как посредством наставлений, так и собственным примером и намного расширить их весьма ограниченные сведения о тех самых насущных трудах, которыми живет человек.

Глава V

Стояла осень на дворе,
И ветер дул сырой.
Старик старухе говорит:
«Старуха, дверь закрой!»

«Мне только дверь
и закрывать,
Другого дела нет.
По мне, пускай она стоит
Открытой сотню лет!»

*Старинная песня*¹

Мы можем только надеяться, что благосклонный читатель не нашел слишком скучной заключительную часть последней главы; во всяком случае, его нетерпение вряд ли может сравниться с тем, какое испы-

¹ Перевод С. Маршака.

тывал юный Мордонт Мертон, в то время как молния сверкала за молнией, ветер, кружась и непрерывно меняясь, дул со всей яростью настоящего урагана и дождь лил как из ведра. Юноша стучал, звал и бранился у дверей старой усадьбы Харфра, с нетерпением ожидая, когда же его наконец впустят, и совершенно не понимал, по каким причинам отказывают в приюте путнику, да еще в столь ужасную непогоду. Наконец, убедившись, что и стук и крики — все было напрасным, он отступил от дома настолько, чтобы иметь возможность увидеть его трубы, и «сквозь бурю и мрак» ясно различил, к своему еще большему отчаянию, что хотя приближался полдень — в те времена неизменный час обеда на всем Шетлендском архипелаге, однако из труб не поднималось ни струйки дыма, указывающего на соответственные приготовления.

Гневное нетерпение Мордонта сменилось тогда искренними тревогой и опасениями. Он настолько привык к широкому гостеприимству шетлендцев, что у него сразу возникла мысль, уж не стряслась ли с обитателями дома какая-нибудь странная и непонятная беда; юноша немедленно принялся искать лазейку, через которую он мог бы самовольно проникнуть в дом, чтобы выяснить, что же случилось с его обитателями, и вместе с тем самому укрыться от все возрастающей бури. Но и эти старания оказались столь же бесплодными, как и прежние громкие требования впустить его. Триптолемус с сестрой прекрасно слышали весь поднятый Мордонтом шум и уже успели горячо поспорить по поводу того, открывать же дверь или нет.

Миссис Бэйби, как мы уже говорили, не очень-то склонна была выполнять обряды шетлендского хлебо-сольства. На бывшей их ферме Колдэйкрз в Мирнсе ее боялись и ненавидели все неимущие путники, корбейники, цыгане, нищие и прочий подобный люд, надолго оставлявший по себе недобрую память, и никто из них, гордо заявляла она, не смел похвастаться, что слышал, как звякает шеколда на ее двери. Для недавно поселившихся в Шетлендии Триптолемуса и

его сестры исключительная честность и простота всех, без различия звания, жителей были внове, а потому страх и недоверчивость, с одной стороны, и скупость — с другой, заставляли миссис Бэйби избегать всяких странствующих гостей хоть сколько-нибудь сомнительного характера. В этом отношении с ней согласен был и сам Триптолемус, который, не будучи по природе ни подозрительным, ни скупым, знал, однако, что хороших людей мало, а хороших фермеров — и того меньше, и благоразумно придерживался мудрого правила, что самосохранение — основной закон природы. Подобные предварительные замечания могут послужить своего рода комментарием к следующему диалогу между братом и сестрой:

— Ох, пронеси господи, — сказал Триптолемус, сидя за столом в кухне и перелистывая своего старого школьного Вергилия, — ну и денек выдался для посевов ячменя! А хорошо говорит мудрый мантуанец о *ventis surgentibus*,¹ о том, как воеет в горах и бьются волны о берег... Вот только леса-то здесь нет, Бэйби. Скажи-ка на милость, где здесь, на этих новых местах, найдем мы *petogum tigtur*² — слышишь, сестрица Бэйби?

— Ну, что там еще за глупости взбрели тебе на ум? — спросила Бэйби, высунув голову из темного закоулка кухни, где она занята была какими-то неизвестными хозяйственными делами.

Брат обратился к ней скорее по привычке, чем в надежде получить ответ, и как только увидел ее унылый красный нос, пронизательные серые глазки и вообще все заостренные черты ее кислой физиономии, обрамленной болтающимися лопастями незавязанного чепца, так сразу же понял, что вопрос его вряд ли будет встречен приветливо и ему придется выдержать целый град упреков, прежде чем он сможет снова вернуться к интересующей его теме.

— Слышишь, мистер Йеллоули, — продолжала сестрица Бэйби, выходя на середину комнаты, — чего

¹ Подымающихся ветрах (лат.).

² Ропот рош (лат.).

это ты ко мне привязался? Не видишь, что ли, что я выше головы занята всякими хозяйственными заботами?

— Да нет, Бэйби, мне ничего не нужно, — ответил Триптолемус, — просто я сам себе говорил, что вот есть здесь и море, и ветер, и дождь, и всего в достаточном количестве, но где же лес, Бэйби, где же дрова? Вот ты мне что скажи!

— Дрова? — переспросила Бэйби. — Да не гляди я за ними в оба — получше тебя, братец, — так у нас, по чести говоря, скоро не осталось бы ни полена, кроме того чурбана, который торчит у тебя на плечах! Вчера только парни принесли нам обломки, что море выбросило, так из них шесть унций уже потратили, сварили тебе сегодня утром овсянки, а только, по чести говоря, будь ты бережливый хозяин, поел бы себе дрэммока, раз уж тебе непременно понадобилось завтракать, а не тратил бы за один присест и муку и дрова!

— Иными словами, Бэйби, — возразил Триптолемус, который не прочь был иногда самым серьезным тоном отпустить шуточку, — ты хочешь сказать, что когда мы разводим огонь, то должны воздерживаться от пищи, а когда у нас есть еда, то не следует зажигать огня, ибо слишком большая роскошь наслаждаться двумя такими великими благами сразу! Счастье еще, что ты не предлагаешь подыхать с голоду и холоду *unico contextu*!¹ Но должен тебе сказать, что я не в состоянии держаться на одной только овсяной болтушке, называй ты ее хоть дрэммок, хоть крауди или как там еще хочешь. Мне нужна горячая пища!

— Ну и простофиля же ты, братец! — воскликнула Бэйби. — Ну кто тебе мешает сварить похлебку в воскресенье, а в понедельник доесть ее холодную, раз уж ты такой разборчивый? Многие и почище тебя, а все пальчики облизали бы после такого угощения!

¹ Соединенными воедино (лат.).

— Помилуй нас бог, сестрица, — ответил Триптолемус, — да на таких харчах я ноги протяну! Мне останется тогда только распрячь быков, лечь, да и ожидать своего смертного часа. Ведь ты сама знаешь, что у нас в доме спрятано то, на что можно было бы купить муки для всей Шетлендии, да еще на все двенадцать месяцев, а ты жалеешь мне миски горячей каши, когда я работаю, можно сказать, не покладая рук!

— Тсс! Придержи-ка свой болтливый язык, — прервала его Бэйби, с опаской оглядываясь кругом. — Ну и умник же ты — орешь во всю глотку о сокровище, что спрятано в доме! Хороший ты, нечего сказать, сторож ему! А тут еще, клянусь богом, кто-то в дверь стучит!

— Ну что ж, поди тогда и открой, Бэйби, — сказал ее братец, радуясь всему, что обещало прервать разгоревшийся спор.

— Поди и открой! Послушайте только, что он говорит! — повторила Бэйби одновременно с досадой и страхом и вместе с тем гордая сознанием своего превосходства над братом. — Поди и открой! Ишь ты, как он распоряжается! Открыть, да и дать разбойникам унести все, что только есть в доме!

— Разбойникам! — повторил, в свою очередь, Триптолемус. — Да на этих островах разбойники такая же редкость, как ягнята на рождество. Сто раз твердил я тебе и еще раз говорю: нет здесь горцев, чтобы разорять нас. Это страна мирная и честная. *O fortunati nimium!*¹

— Ну чем тебе тут поможет святой Риньян, Толемус? — спросила его сестра, принявшая произнесенную им цитату за обращение к католическому святому. — И потом ладно уж, пускай тут нет горцев, зато могут найтись люди и похуже. Вчера еще мимо нашего окна прошли пять или шесть молодцов, право, таких же страшных, как и те, что спускались к нам из Клохнабена, и в руках у них были страшные железины... Правда, их называют китовыми ножами,

¹ О безмерно счастливые! (лат.).

да выглядят-то они точь-в-точь как кортики и кинжалы! Нет, уж честный человек не понесет такого орудия!

В эту минуту в промежутке между двумя порывами грозного, ревущего за стеной урагана явственно слышались удары и крики Мордонта. Охваченные неподдельной тревогой, брат с сестрой в страхе переглянулись.

— Ну, если они только слышали про серебро, — сказала Бэйби, и от страха нос ее из красного сделался синим, — считай, что мы с тобой погибшие люди!

— А ты чего болтаешь? — перебил ее Триптолемус. — Теперь как раз и надо придержать язык. Ступай к слуховому окошку и посмотри, сколько их там, а я тем временем заряжу свой испанский мушкет... Да иди осторожно, словно по свежеснесенным яйцам.

Бэйби прокралась к окну и доложила, что видит «только одного молодчика; он стучит и кричит словно сумасшедший, а сколько их там еще, в засаде, так она того сказать не может».

— В засаде? Глупости, — заявил Триптолемус и дрожащей рукой отложил в сторону шомпол, которым пытался зарядить ружье. — Ручаюсь, что никого там больше и не видно и не слышно! Это всего лишь какой-нибудь бедный парень, захваченный по дороге бурей, который ищет приюта под нашим кровом и не прочь чем-нибудь подкрепить свои силы. Открой дверь, Бэйби, надо поступить по-христиански.

— А лезть в окно — это по-христиански? — спросила Бэйби и испустила жалобный вопль, в то время как Мордонт, выставив одну из рам, спрыгнул в кухню; вода лила с него, как с речного бога.

Перепуганный Триптолемус прицелился в юношу из мушкета, который так и не успел зарядить, но в это мгновение незванный гость закричал:

— Стойте, стойте! Какого дьявола держите вы дверь на запоре в такую погоду и целитесь в голову честному человеку, словно это тюлень?

— А ты кто такой, приятель, и что тебе здесь нужно? — спросил Триптолемус, стукнув прикладом об пол.

— Что мне нужно? — повторил Мордонт. — Да все! Мне нужно поесть, попить, обсушиться, получить постель на ночь и пони завтра утром, чтобы доехать до Ярлсхофа.

— Ну вот, а ты еще говорил, — попрекнула Бэйби своего братца, — что здесь нет ни разбойников катеранов, ни тунеядцев. Да слышал ли ты когда-либо, чтобы какой-нибудь бродяга без штанов, из тех, что вроде у нас там были, заявлял о том, что ему надо, так открыто и так дерзко! Ну проваливай, проваливай, приятель, кончай музыку, да и ступай откуда пришел. Это дом управляющего его светлости губернатора, а не постоялый двор для бродяг и попрошаек.

В ответ на столь наивное требование убраться Мордонт расхохотался миссис Бэйби прямо в лицо.

— Как! — воскликнул он. — Покинуть возведенные человеческой рукой стены в такое страшное ненастье? Да что я, по-вашему, олуша или баклан, что вы хлопаєте в ладоши и визжите как сумасшедшая, чтобы выгнать меня на двор в такую бурю?

— Так вы что же, молодой человек, — сказал Триптолемус, — намереваетесь, значит, остаться в нашем доме *volens polens*,¹ иначе говоря — независимо от того, хотим мы этого или нет?

— Хотите ли вы! — воскликнул Мордонт. — Да какое право имеете вы хотеть или не хотеть? Разве вы не слышите, как гремит гром? Разве вы не слышите, как льет дождь? Разве вы не видите молний? И разве вы забыли, что это единственный дом на протяжении я уж и не знаю скольких миль? Послушайте, уважаемые сударь и сударыня, может быть, это просто шотландская шутка, но она странно звучит в ушах шетлендца. Э, да вы и огонь погасили, а у меня зубы пляшут джигу от холода; но эту беду я мигом поправлю.

¹ Волей-неволей (лат.).

Мордонт схватил щипцы, разгреб в камине золу и дал разгореться торфу, который, по расчетам хозяйки, должен был тлеть в течение еще многих часов; затем юноша осмотрелся, увидел в углу запасы выброшенного морем леса, который миссис Бэйби тратила по унциям, схватил три или четыре полена и бросил их все сразу в камин. Огонь, получив столь необычное подкрепление, послал в трубу такой мощный столб дыма, какой давно уже не поднимался над кровлей усадьбы Харфра.

Пока гость хозяйничал таким образом совершенно как дома, Бэйби все время подталкивала управляющего локтем, подстрекая его выгнать непрошеного посетителя вон. Но для свершения подобного подвига у Триптолемуса Йеллоули не было ни мужества, ни желания; к тому же в случае открытого столкновения с молодым незнакомцем Триптолемус вряд ли мог рассчитывать на благоприятный для себя исход. Крепкая и стройная фигура Мордонта Мертонна особенно выгодно вырисовывалась под одеждой простого моряка; его карие, сверкающие глаза, красивая голова, оживленное лицо, густые черные кудри и смелый, открытый взгляд представляли резкий контраст с хозяином того дома, куда юноша так бесцеремонно ворвался. Триптолемус был приземистый, неуклюжий, кривоногий, с толстым, задранным кверху носом, самый кончик которого красиво отливал медью, свидетельствуя о том, что служитель Цереры при случае не прочь был поклониться и Бахусу. Нечего и говорить, что схватка между противниками со столь различной наружностью и силами оказалась бы неравной, да и разница между двадцатью и пятьюдесятью годами тоже была не в пользу слабейшего. Впрочем, управляющий в глубине души был честным и добрым человеком, и когда он убедился, что его гостю в самом деле не нужно ничего, кроме убежища от непогоды, то, несмотря на подстрекательства своей сестрицы Бэйби, решил оказать разумную помощь такому привлекательному юноше. Он не знал только, как ему половчее перейти от роли грубого защитника своей домашней крепости перед лицом дерз-

кого захватчика к роли радушного хозяина. Тем временем Бэйби, которая стояла, напуганная крайне бесцеремонными манерами и действиями незнакомца, выступила на защиту своих личных интересов.

— Честное слово, парень, — обратилась она к Мордонту, — не очень-то ты стесняешься: запалил такой огонь, да еще взял самые что ни на есть лучшие дрова; не кизяки, видишь ли, тебе потребовались, а добрые дубовые доски!

— Ну, вам-то они дешево достались, сударыня, — беззаботно ответил Мордонт, — нечего скаредничать и отнимать у огня то, что море послало вам даром. Эти славные дубовые шпангоуты честно выполнили свой последний долг на земле и на море, пока не распались под ногами храбрецов, управлявших судном.

— Да уж что правда, то правда, — ответила, несколько смягчившись, старая дева. — А ведь страшно, поди, на море в такую бурю! Ну ладно, садись и грейся, раз дрова все равно горят.

— Да, да, — подтвердил Триптолемус, — одно удовольствие глядеть на яркое пламя. Ведь я не видал его с тех самых пор, как покинул Колдэйкрз.

— И не скоро увидишь опять, — сказала Бэйби, — разве что загорится дом или поблизости найдется каменный уголь.

— А почему бы здесь и не найтись углю? — чванливо воскликнул управляющий. — Послушай, почему бы углю не оказаться в Шетлендии? Ведь нашли же его в Файфе! А в особенности теперь, когда у губернатора есть на этих островах дальновидный и осторожный управляющий, который может сделать все нужные изыскания. Ведь и Файф и Шетлендия — прибрежные страны, разве не так?

— Вот что, Толемус Йеллоули, — ответила ему сестра, у которой были свои причины бояться затей любезного братца, когда он напал на какой-либо ложный след, — попробуй только пообещать милорду хороший доход от такой вот чепухи, и, помани мое слово, не успеем мы здесь как следует обосноваться, как все выйдет на чистую воду и придется нам снова

тащиться бог весть куда. Уж я знаю: стоит кому-нибудь только заикнуться перед тобой о золотом руднике, и ты тут же расхвастаешься, что не пройдет и года, как в кармане у тебя зазвонят португальские дублоны.

— А почему бы и нет? — спросил Триптолемус. — Может, у тебя в голове и не умещается, что на Оркнейских островах есть местность, именуемая Офир или что-то в этом роде, и не мог разве мудрый царь Соломон именно сюда послать свои корабли и слуг за четырьмястами пятьюдесятью талантами? Уж он-то знал, куда ехать или посылать за золотом, а ведь ты, надеюсь, веришь тому, что написано в Библии, Бэйби?

Услышав ссылку на священное писание, хоть и приведенную несколько *mal à propos*,¹ Бэйби приумолкла и ответила только нечленораздельным «гм», выражающим и недоверие и досаду, тогда как брат ее продолжал, обращаясь к Мордонту:

— Вот погодите только, вы все увидите, какие изменения произведет металл даже в такой суровой стране, как ваша. Вы, я думаю, и не слыхивали ни о меди, ни о железной руде на этих ваших островах?

Мордонт ответил, что слышал о находке медной руды возле скал Конигсборо.

— Да, да, медь обнаружена также и у озера Лох-оф-Суона, вот как. А вы, молодежь, думаете небось, что вам все известно не хуже, чем такому доке, как я?

Бэйби, которая все это время внимательно и усердно приглядывалась к юноше, внезапно заговорила в духе, совершенно для ее брата неожиданным:

— Ты бы уж лучше, мистер Йеллоули, предложил молодому человеку сухое платье и позаботился бы чем-нибудь накормить его, а не сидел бы да не навел тоску бесконечными своими рассуждениями, словно погода и так недостаточно скверная и без твоей помощи. А может быть, паренек выпил бы бленда или еще там чего, коли у тебя хватит любезности спросить его?

¹ Некстати (франц.).

Триптолемус чрезвычайно удивился подобному предложению, ибо хорошо знал характер особы, от которой оно исходило, но Мордонт ответил, что он «был бы очень рад сменить одежду на сухую, но просит прощения и не будет ничего пить, прежде чем не закусит чем-либо существенным».

Триптолемус увел его в соседнюю комнату, достал перемену платья и предложил юноше переодеться, а сам вернулся на кухню, чрезвычайно встревоженный столь необычным для его сестры приступом гостеприимства. «Она, должно быть, «фэй»,¹ — подумал он, — и в таком случае долго уже не протянет; и хотя я окажусь тогда наследником всего ее приданого, а жаль мне будет потерять ее: очень уж хорошо справлялась она со всем хозяйством и хоть подтягивала порой подпругу слишком туго, ну да зато тем крепче держалось седло».

Когда Триптолемус вернулся на кухню, он увидел, что дурные предчувствия его полностью подтверждаются, ибо миссис Бэйби занята была совершенно неслыханным для нее делом: она ставила варить целого копченого гуся, который вместе с прочими своими собратьями давно уже висел в широкой трубе очага. При этом Бэйби приговаривала: «Рано или поздно, а ведь все равно съедят его, так пусть уж лучше достанется этому бедному мальчику».

— Что все это значит, сестрица? — спросил Триптолемус. — Ты, я вижу, развела тут большую стряпню. Какой же это у нас сегодня праздник?

— А такой самый, какой был у израильтян, когда они в Египте сидели у котлов с мясом. Не знаешь ты, любезный братец, кто находится у тебя в доме в этот благословенный день!

— Что верно, то верно, — ответил Триптолемус, — ничего я об этом не знаю, так же точно, как статей лошади, которой никогда не видел. Сначала я

¹ Когда у человека внезапно меняется характер — скупой, например, становится щедрым, а ворчун — весельчаком, то в Шотландии говорят, что он «фэй», обреченный, иными словами — ему предстоит скорая смерть, предвестником которой и являются подобные изменения нрава. (Прим. автора)

принял было парнишку за коробейника, но уж больно у него хорошие манеры, да и короба за спиной нет.

— Э, да много ты во всем этом, братец, понимаешь, — сказала сестрица Бэйби, — столько же, надо думать, сколько и твои черные бычки. Ну, да уж ладно, если ты ничего не знаешь о нашем госте, так хоть Тронду-то Дронсдотер знаешь?

— Тронду Дронсдотер! — повторил Триптолемус. — Ну как же мне ее не знать, когда я плачу ей по два шотландских пенса за день работы в доме, хоть работает она так, словно огонь жжет ее пальцы! Уж лучше бы я платил девушке-шотландке четыре пенса английским серебром!

— Вот самые разумные слова, какие ты только сказал за все сегодняшнее утро. Ну ладно; так вот, Тронда знает этого паренька очень хорошо и часто мне про него рассказывала. Отца его называют Молчальником из Самборо и говорят, что он знает ся с нечистой силой.

— Потише, потише! Все это вздор! И всегда-то эти шетлендцы болтают подобные глупости, — ответил Триптолемус. — Когда требуется денек поработать, так они обязательно или через щипцы переступят, или с недобрым человеком повстречаются, или лодка у них к солнцу носом повернется, и в тот день они уж и пальцем не двинут!

— Ну ладно, ладно, братец, ты так умно рассуждаешь, — сказала Бэйби, — оттого, что нахватался латыни у себя там в Сент-Эндрюсе; а вот поможет ли тебе вся твоя ученость угадать, что у этого паренька на шее?

— Шелковый платок, да еще вымокший, что твоя кухонная тряпка, — мне пришлось одолжить ему один из моих галстуков, — ответил Триптолемус.

— Шелковый платок, как бы не так! — громко воскликнула Бэйби, а затем, понизив голос почти до шепота, словно боясь, как бы ее не услышали, прибавила: — Золотая цепочка, вот что!

— Золотая цепочка, — повторил, как эхо, Триптолемус.

— Вот то-то и оно, милый мой! Ну, что ты на это скажешь? В округе поговаривают, как мне передавала Тронда, что король живущих под землей драу подарил эту цепь его отцу, Молчальнику из Самборо.

— Уж лучше бы ты сама была молчалиницей, женщина, а если бы говорила, так что-либо разумное! — сказал Триптолемус. — Значит, вся разгадка в том, что этот парень — сын богатого чужеземца: вот ты и варишь для него гуся, которого берегла к Михайлову дню.

— Твоя правда, братец, да только надобно же и богу угождать и друзей приобретать; да к тому же, — прибавила Бэйби (ибо даже она не стояла выше пристрастия своего пола к приятной наружности), — у паренька такое красивое личико!

— Ну да, — сказал Триптолемус, — многим красавчикам ты отперла бы дверь, как бы они ни хныкали, если бы у них не было золотой цепочки на шее.

— А то как же, братец, — ответила Барбара, — неужто мне разоряться ради каждого бродяги и попрошайки, что постучится к нам в бурю? А этого-то юношу все знают и очень хорошо о нем отзываются. Тронда сказала, что он должен жениться на одной из дочерей богатого юдаллера Магнуса Тройла. Как только решит, на которой — помощи ему господь! — так и свадьбу сыграют. И прощай тогда и наше доброе имя, да и покой в придачу, коли оставим мы его теперь без участия, хоть и заявился он к нам неожиданно-негаданно.

— Разумеется, самое лучшее объяснение, почему пускают человека в свой дом, так это то, что ему не смеют сказать: «Проходи мимо!» — ответил Триптолемус. — Однако, поскольку здесь есть, оказывается, люди из высшего круга, пусть этот юноша узнает, с кем он в моем лице имеет дело. — И, подойдя к двери, Триптолемус позвал:

— Heus tibi, Dave! ¹

— Adsum, ² — ответил Мордонт.

¹ Эй, Дав! (лат.).

² Я здесь (лат.).

— Гм, — произнес ученый муж, — а он не совсем-таки неуч в смысле классических языков, как я вижу. Но попробуем испытать его дальше:

— Имеете ли вы какое-либо представление о землепашестве, юный джентльмен?

— По правде говоря, сэр, нет, — ответил Мордонт. — Меня учили только бороздить море и собирать жатву на скалах.

— Бороздить море! — повторил Триптолемус. — Ну, такие борозды боронить не приходится, а что до жатвы на скалах, так вы говорите, должно быть, о яйцах селедочных чаек или как вы там их еще называете. Ну, такого рода жатву ранслар должен был бы запретить под страхом наказания: очень уж легко честному человеку, собирая подобный урожай, сломать себе шею. А я, признаюсь, не вижу, что за удовольствие болтаться на веревке между небом и землей. Случись это со мной, так я предпочел бы, пожалуй, чтобы другой конец ее был привязан хоть к виселице: тогда я уж знал бы наверное, что не оборвусь.

— А я, право, посоветовал бы вам попробовать! — воскликнул Мордонт. — Поверьте, нет на свете высшего наслаждения, как чувствовать, что ты паришь высоко в небе, над тобой — недостижимая вершина утеса, а внизу — бушующий океан. Веревка, за которую держишься, кажется тогда тонкой, как шелковинка, а нога опирается на выступ такой узкий, что на нем с трудом уместилась бы чайка. Чувствовать и знать все это и вместе с тем быть уверенным, что гибкость твоего тела и твердость духа поддерживает тебя так же надежно, как ястреба — его крылья. Да, тогда действительно ощущаешь себя почти не связанным с землей, которую попираешь ногами.

Триптолемус широко раскрыл глаза от удивления, услышав столь восторженное описание забавы, которая ему самому представлялась весьма малопривлекательной, а его сестра при виде сверкающих глаз и воодушевления юного сорвиголовы воскликнула:

— Ах, господи, и герой же вы, молодой человек!

— Ну уж и герой! — повторил Триптолемус. — Носится себе между землей и небом, словно гусь какой, вместо того чтобы ступать по terra firma.¹ Но здесь есть настоящий гусь, который сейчас придется нам весьма кстати, если он уже сварился. Давай-ка сюда, Бэйби, тарелки и соль, хотя, по совести говоря, соли-то в нем, должно быть, достаточно. Да, вот это так лакомый кусочек! Думаю только, что одни шетлендцы способны с такой опасностью для жизни ловить гусей, а поймав, пускать их на варевое!

— Да уж ясное дело, — подтвердила его сестра, (и за весь день это был единственный случай, когда они сошлись во мнениях), — ни в Ангюсе, ни в Мирнсе ни одной хозяйке и на ум не взбрело бы варить гуся, когда можно приготовить его на вертеле. А это еще что за гость? — прибавила она, с возмущением обернувшись к дверям. — Ну так я и знала: отодвинь только засов, так бродячих псов не оберешься! Но кто же это открыл ему?

— Разумеется, я, — ответил Мордонт, — нельзя же, чтобы бедняга без конца колотил в вашу столь туго отворяющуюся дверь, да еще под таким ливнем! А вот это пригодится, чтобы поддержать огонь, — прибавил он, вытаскивая из скоб дубовый брус, которым закладывали дверь, и бросая его в очаг, откуда его тотчас же выхватила взбешенная миссис Бэйби.

— Да ведь это, — закричала она, — выброшенный морем дуб, другого тут не сыщешь, а парень хватает его, словно еловое полено! Ну, а ты кто таков, выкладывай, — обернулась она к незнакомцу. — Да такого наглеца и глаза-то мои не видывали!

— Я коробейник, с позволения вашей милости, — ответил непрощеный гость — коренастый, невысокого роста простолюдин, по внешности действительно похожий на коробейника, каких на Шетлендских островах называют джаггерами. — Ну, не доводилось мне еще попадать в такую бурю, и никогда еще я так не желал укрыться в тихой гавани! А здесь, слава создателю, и огонек и крыша над головой.

¹ Твердой земле (лат.).

При этом он подвинул к очагу табуретку и без дальнейших церемоний уселся. Миссис Бэйби воззрилась на него прямо «ястребиным» взглядом, не зная, как выразить свое негодование еще крепче, чем словами; она уже поглядывала на кипящий котелок, как на подходящее для этой цели орудие, когда в кухню, припадая на одну ногу, вбежала старая, полумертвая от голода служанка — та самая уже упомянутая Тронда, которая разделяла с миссис Бэйби труды по хозяйству и раньше скрывалась где-то в глубине дома. Крики ее, несомненно, предвещали еще новое бедствие.

Сначала единственными ее членораздельными звуками были: «О хозяин!» и «О миссис!» Затем она закричала:

— Лучшее в доме, все, что ни на есть лучшее, скорей на стол, да и того-то не хватит! Сюда идет старая Норна из Фитфул-Хэда, а страшнее колдуньи не встретишь на всех островах!

— Где же это она могла быть? — произнес Мордонт, но не с ужасом, как старая служанка, а с очевидным и даже радостным изумлением. — Впрочем, нечего и спрашивать: чем хуже погода, тем вернее, что Норна блуждает под открытым небом.

— Как, еще нищенка? — воскликнула ошеломленная Бэйби, которую подобное нашествие гостей привело почти в бешенство. — Ну уж я показала бы ей, как бродяжничать, будь только мой братец настоящим мужчиной и найдись в Скэллоуе хоть пара наручников да позорный столб!

— Не выковано еще то железо на наковальне, что могло бы удержать Норну, — возразила старая прислужница. — Вот она! Ради всего святого, говорите с ней поучтивее да поосторожнее, не то она всю пражу нам на выюшках запутает!

Тем временем в комнату вступила женщина такого высокого роста, что капюшон ее почти касался притолоки; она осенила себя крестом и торжественно произнесла:

— Благословение божье и святого Роналда да будет над открытой дверью, и проклятье их и мое да па-

дет на скупцов, чья рука не отвергается для милостыни.

— А кто ты такая, что смеешь благословлять и проклинать в чужом доме? Да что же это за несчастная страна, где нельзя и часу посидеть спокойно, во славу господу, не боясь за свое добро! То и дело врываются к тебе всякие бродяги, клянчат себе да попрошайничают, да еще один-то прямо вслед за другим, словно стая диких гусей.

Проницательный читатель, разумеется, сразу же догадался, что эта речь была произнесена сестрицей Бэйби, и может представить себе, какое действие оказали бы эти слова на вновь прибывшую, если бы Тронда и Мордонт оба тут же не бросились к оскорбленной, стараясь смирить ее негодование. Старая служанка принялась о чем-то умолять ее на норвежском языке, а Мордонт сказал по-английски:

— Они чужестранцы, Норна, и не знают ни вашего имени, ни кто вы такая; они не знают также и обычаев нашей страны, а потому вы должны простить им эту негостеприимную встречу.

— Ну нет, я не отказываю в гостеприимстве, молодой человек, — сказал Триптолемус, — *miseris succingere disco*.¹ Гусь, которому предстояло висеть над очагом до самого Михайлова дня, варится в котелке для вас; но будь у меня хоть двадцать гусей, похоже на то, что найдется достаточно ртов, чтобы съесть их все, до последнего перышка, а это уж дело негоднее.

— Как это дело негоднее, жалкий раб? — спросила, резко повернувшись к нему, таинственная Норна, и притом с таким жаром, что он невольно вздрогнул. — Как это дело негоднее? Вези сюда, если хочешь, свои доселе нам неведомые плуги, лопаты и бороны, сменяй на новые все орудия наших предков, от сошника и до мышеловки, но знай: ты находишься в стране, завоеванной некогда белокурами северными витязями, и оставь нам по крайней мере их гостеприимство, дабы все знали, от каких великих и благородных предков мы ведем свое происхождение.

¹ Я учусь помогать несчастным (лат.).

Берегись, говорю я тебе! Знай, что, пока Норна глядит с высоты Фитфул-Хэда на необозримые воды, люди земли Туле могут еще защищаться. Если мужчины наши перестали быть героями и не готовят больше пиршеств для воронья, так женщины не забыли еще того искусства, что с давних пор возвышало их над всеми, делая из них королев и прорицательниц!

Незнакомка, произнесшая эту удивительную тираду, столько же поражала своей наружностью, сколько необычайно надменным и величественным видом и речью. Черты ее лица, голос и фигура были таковы, что она вполне могла бы изображать на сцене Бондуку или Боадицею бриттов, мудрую Велледу, Ауринию или другую вещающую судьбы прорицательницу, вдохновлявшую на бой племена древних готов. Строгие и правильные черты ее лица могли бы считаться даже красивыми, если бы время и суровая природа Севера не наложили на них своей печати. Годы, а может быть, и горе притушили огонь ее темно-синих, почти черных глаз и осыпали снегом пряди волос, выбившиеся из-под капюшона и растрепанные бурей. Ее верхняя одежда, с которой струилась вода, была из грубой темной ткани, называемой уодмэл и в те времена весьма распространенной на Шетлендских островах, так же как в Исландии и Норвегии. Когда Норна сбросила с плеч этот плащ, то оказалась в короткой кофте из синего тисненого бархата и алом корсаже, вышитом потускневшим серебром. Пояс ее украшали накладные серебряные знаки планет. Синий передник, вышитый такими же эмблемами, покрывал ее юбку из алого сукна. Грубые и прочные башмаки из местной сыромятной кожи были крест-накрест перевязаны шнурками, наподобие римских котурнов, поверх красных чулок. На поясе у нее висело весьма двусмысленного вида оружие, которое могло сойти и за жертвенный нож и за кинжал, так что обладательницу его можно было по желанию считать древней жрицей или колдуньей. В руке она держала четырехгранный посох с вырезанными на нем руническими знаками и изображениями, своего рода

переносный и вечный календарь, подобный тому, какие были в употреблении у древних жителей Скандинавии; посох этот в глазах суеверного человека легко мог сойти за магический жезл.

Таковы были внешний вид, черты и одежда Норны из Фитфул-Хэда; многим внушала она уважение, многим — страх, но почти всем — благоговение. В любой другой части Шотландии даже гораздо меньших улик было бы достаточно, чтобы она возбудила подозрение жестоких инквизиторов, которым Тайный совет передавал свои полномочия преследовать, подвергать пыткам и, в конечном итоге, предавать пламени обвиненных в ведовстве и чернокнижии. Но суеверия подобного рода, прежде чем исчезнуть окончательно, проходят обычно две стадии: на ранних ступенях жизни общества население всегда глубоко чтит тех, кто одарен якобы сверхъестественным могуществом. По мере того как усиливается власть религии и растут знания, подобных лиц начинают ненавидеть и бояться, а в конце концов считать просто обманщиками. Шотландия находилась на втором этапе подобного развития: страх перед колдовством был велик, и сильна ненависть к тем, кого в нем подозревали. Но Шетлендский архипелаг представлял как бы небольшой обособленный мирок, где главным образом среди простого, невежественного населения бытовало еще много древних северных суеверий, в том числе и глубокое почитание тех, кто обладал якобы сверхъестественными познаниями и властью над стихиями, что составляло существенную часть древней скандинавской религии. Во всяком случае, если обитатели страны Туле и считали, что кудесники вершат свои действия, заключив договор с сатаной, они также твердо верили, что среди них есть и такие, что состоят в союзе с духами иного, далеко не столь страшного рода — с древними гномами, которых в Шетлендии называют трау или драу, или с более современными — феями и прочими подобными существами.

Среди лиц, заподозренных в сношениях с бесплотными духами, Норна, происходившая из семьи,

издавна притязавшей на подобный дар, занимала столь видное положение, что получила имя одной из трех роковых сестер, прядущих нить человеческих судеб, в знак своего сверхъестественного могущества. И сама она и все ее родные тщательно скрывали ее настоящее, данное ей при крещении имя, ибо с обнаружением этой тайны их суеверные понятия связывали неизбежные губительные последствия. В те времена сомнению могло подвергаться только то, чистым ли путем получила она свою власть. В наше время возник бы иной вопрос: была ли она явной обманщицей или таинства воображаемого искусства так глубоко подействовали на ее рассудок, что она, быть может, и сама до известной степени верила в свои сверхъестественные познания? Достоверно только то, что она исполняла свою роль с такой не допускающей никаких сомнений уверенностью, держалась и действовала с таким достоинством, речь ее звучала с такой силой и она выказывала при этом такую непреклонность воли, что даже величайшему скептику трудно было бы усомниться в искренности ее восторженных порывов, хотя притязания ее и могли бы вызвать у него улыбку.

Глава VI

Отец! Когда своею властью волны
Ты взбушевал, утишь их!

*«Буря»*¹

Перед самым приходом Норны ураган несколько стих, да иначе в самый разгар его она и не могла бы добраться до Харфры. Но едва она столь неожиданным образом присоединилась к обществу, которое случай свел в жилище Триптолемуса Йеллоули, как буря внезапно обрела свою прежнюю силу и забушевала вокруг дома с такой яростью, что находившиеся

¹ Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

под его кровлей перестали ощущать что-либо, кроме страха, как бы старое строение не обрушилось им на головы.

Перепуганная миссис Бэйби дала выход своему чувству в громких восклицаниях:

— Господи помилуй! Вот уж воистину последний наш день настал! Ну и страна! Кругом просто какие-то ряженные да пугала! А ты-то, ты, дурак, просто-филя, — обернулась она к брату, ибо ко всем взрываю ярости у нее неизменно примешивалась капля язвительности, — угораздило же тебя покинуть наш добрый Мирнс и переселиться сюда, где ничего не видишь, кроме дерзких попрошаек и нищebroдов в своем собственном доме, а за дверями — чистое наказание господне!

— Послушай, сестрица Бэйби, — ответил обиженный агроном, — говорю тебе, что все переменится и исправится, все, за исключением, — прибавил он сквозь зубы, — дурного характера сварливой бабы, от которого любая буря покажется еще горше!

Старая служанка и коробейник тем временем горячо упрасивали о чем-то Норну, но поскольку выражались они по-норвежски, хозяин дома так ничего и не понял.

Норна слушала с гордым и непреклонным видом и наконец громко ответила по-английски:

— Нет, не хочу! А вот если этот дом превратится в груду развалин, прежде чем настанет утро, кому будут нужны тогда помешанный на новшествах фантазер и скаредная, злая баба, которые в нем проживают? Им понадобится явиться сюда, чтобы изменить шетлендские обычаи, — посмотрим, по вкусу ли им придется шетлендская буря! Ну, а теперь тот, кто не хочет погибнуть, — прочь из этого дома!

Коробейник схватил свой небольшой короб и поспешно стал привязывать его себе на спину, старая служанка набросила на плечи плащ, и оба, казалось, готовы были как можно скорее покинуть дом.

Триптолемус Йеллоули, несколько встревоженный подобными приготовлениями, нетвердым от страшных предчувствий голосом спросил Мордонта, думает ли

он, что им действительно грозит какая-либо опасность — настоящая опасность.

— Не знаю, — ответил юноша, — пожалуй, я еще никогда не видел такой сильной бури. Норна лучше чем кто-либо другой скажет нам, когда ураган сможет затихнуть, ибо никто на островах не умеет предсказывать погоду так, как она.

— И это, по-твоему, все, что умеет Норна? — спросила старая сивилла. — Так знай же, что ее могущество не ограничивается столь жалкими пределами! Слушай меня, Мордонт, юноша из чужой земли, но с добрым сердцем: уйдешь ли ты из этого обреченного дома вместе с теми, кто собирается сейчас покинуть его?

— Нет, не уйду и не хочу уходить, Норна, — ответил Мордонт. — Я не знаю ваших побуждений, не знаю, почему вы хотите, чтобы я ушел, но из-за этих непонятных угроз я не покину крова, где меня радушно приняли во время сегодняшней страшной бури. Если хозяева не привыкли к обычному у нас широкому гостеприимству, так я тем более благодарен им за то, что они отступились от своих правил и открыли мне двери.

— Вот так смелый паренек! — сказала миссис Бэйби, достаточно суеверная, чтобы испугаться угроз той, которая, очевидно, была колдуньей; сестра Триптолемуса, несмотря на свою всегдашнюю раздражительность, узость взглядов и недовольство всем на свете, способна была, как все сильные личности, на проявление более высоких чувств и умела ценить великодушие в других, хотя и считала, что ей самой великодушие не по карману. — Вот так смелый паренек, — повторила она, — для него не жаль и десятка гусей! Будь только они у меня, уж я бы ему их и наварила и нажарила! Бьюсь об заклад, что он сын джентльмена, а не какого-нибудь там скряги.

— Послушайся меня, юный Мордонт, — сказала Норна, — и удались из этого дома. Великое будущее предназначено тебе судьбой. Ты не должен оставаться в этом презренном жилище, чтобы погибнуть под его жалкими развалинами вместе с его недостойными

обитателями: их жизни так же ненужны миру, как и сорные травы, что сейчас покрывают соломенную кровлю, а скоро будут лежать раздавленными рядом с их искалеченными телами.

— Я... я... я выйду, — пробормотал Йеллоули, который, хоть и старался вести себя как подобает ученому и разумному мужу, начал, однако, серьезно опасаться за исход всего дела, ибо дом был старый и буря жестоко сотрясала стены.

— Это еще зачем? — спросила его сестра. — Надеюсь, что дух, повелевающий ветрами, не имеет такой власти над теми, кто создан по образу и подобию божию, чтобы повалить прочный дом на наши головы только потому, что какая-то крикливая баба, — здесь она метнула дерзкий взгляд в сторону шетлендской пифии, — хвастает перед нами своим колдовством, словно мы просто псы какие и должны ползать перед ней по ее приказанию!

— Да я только хотел, — сказал Триптолемус, устыдившись своей трусости, — взглянуть, как там мои всходы ячменя — здорово, должно быть, помяла их буря. Но если сей почтенной женщине угодно будет переждать у нас, так я думаю, что лучше всего нам присесть и посидеть себе спокойно, пока погода наладится и можно будет снова взяться за работу.

— Почтенная женщина? — повторила Бэйби. — Как бы не так! Мерзкая ведьма и воровка, вот ты кто! Убирайся отсюда, потаскуха! — прибавила она, поворачиваясь прямо к Норне. — Вон из честного дома, или я не я буду, если не пройдуся по тебе вальком!¹

Норна бросила на нее взгляд, полный величайшего презрения, затем повернулась к окну и стала внимательно всматриваться в небо. Тем временем старая служанка Тронда, подкравшись как можно ближе к своей хозяйке, принялась умолять ее, во имя всего,

¹ Валек шотландским хозяйкам служил для того же, для чего теперь служат каток и скалка: колотить выстиранное белье на гладком камне, который так и назывался стиральным камнем. (Прим. автора.)

что только дорого сердцу мужчины или женщины, не сердить Норну из Фитфул-Хэда:

— Ведь у вас, в вашей шотландской стороне, и не водится-то таких колдуний! Да ведь ей ничего не стоит пронестись верхом на той вон туче, все равно как кому другому — на простом пони!

— Ну а я все-таки доживу до того, что своими глазами увижу, как она пронесется на облаке дыма от смоляной бочки, и это будет самый для нее подходящий скакун!

Норна снова взглянула на взбешенную миссис Бэйби Йеллоули с тем неизъяснимым пренебрежением, которое так хорошо выражали ее надменные черты, и ближе подошла к окну, выходившему на северо-запад, откуда, казалось, в эту минуту дул ветер; некоторое время она стояла, скрестив руки и глядя на свинцовое небо, по которому неслись темные косматые тучи. Порой буря затихала на несколько томительных и мрачных мгновений, чтобы затем разразиться с новой силой.

Норна наблюдала борьбу стихий как нечто хорошо ей знакомое; однако к строгому спокойствию ее черт вместе с сознанием собственной ответственности примешивался некоторый оттенок тревоги — так чародей смотрит на духа, которого сам же вызвал: он знает, как снова подчинить его своей воле, но сейчас тот все еще являет обличье, страшное для существа из плоти и крови. Тем временем остальные вели себя по-разному, каждый — в зависимости от собственных ощущений: Мордонт, хотя прекрасно понимал грозившую всем опасность, испытывал скорее любопытство, чем страх. Он слышал, что Норна будто бы обладала властью над стихиями, и теперь лишь ожидал случая лично убедиться, так ли это в действительности. Триптолемус Йеллоули стоял, пораженный тем, что намного превосходило пределы его понимания, и, если говорить правду, почтенный агроном чувствовал скорее страх, чем любопытство. Сестрица его, видимо, несколько не интересовалась поведением Норны, хотя трудно сказать, гнев или страх отражались в пронзительном взгляде ее глаз и плотно сжатых губах. Раз-

носчик и старая Тронда, уверенные, что дом не рухнет, пока грозная Норна находится под его кровлей, были готовы броситься вон в то же мгновение, что и она.

Некоторое время Норна, не двигаясь и не произнося ни слова, смотрела на небо. Вдруг она медленным и торжественным движением протянула свой посох из черного дуба к той части небосвода, откуда неслись самые яростные порывы ветра, и в минуту его крайнего неистовства запела норвежское заклинание, до сих пор сохранившееся на острове Унст под названием «Песня Рейм-кеннара», хотя многие называют ее «Песней бури».

В следующих строках дается вольный перевод этой песни, ибо невозможно дословно передать множество эллиптических и метафорических выражений, свойственных древней скандинавской поэзии:

Грозный орел далекого северо-запада,
Ты, несущий в когтях громовые стрелы,
Ты, чьи шумные крылья вздымают седой океан,
Ты губишь стада, ты гонишь по воле своей корабли,
Разрушаешь высокие башни,
Но сквозь злобные крики свои,
Сквозь шум своих крыльев раскрытых,
Хотя крик твой подобен воплям погибающего народа,
Хотя шум твоих крыльев подобен грохоту тысячи волн,
Ты, гневный и быстрый, должен услышать
Голос Рейм-кеннара.

На пути своем встретил ты сосны Тронхейма,
И легли их темно-зеленые кроны возле
вывороченных корней.

На пути ты встретил скитальца морей,
Стройный и крепкий корабль пирата, —
И, покорный тебе, спустил он свой марсель,
Которого не спускал в боях с королевской армадой.
На пути своем встретил ты башню, одетую облаками,
Необоримый оплот когда-то могучих ярлов, —
И камни ее зубцов
Легли вблизи очага, там, где прежде шумели гости.

Но и ты смиришься, гордый тучегонитель,
Услышав голос Рейм-кеннара.

Есть стихи, от которых в лесу остановится
вдруг олень,
Хоть темные псы за ним, по следу его несутся.
Есть стихи, от которых ястреб в полете замрет,
Как сокол, в путах ножных, в клобучке,
Послушный внезапному свисту хозяина.
Ты же смеешься над криками утопающих моряков,
Над треском падающих деревьев,
Над стонами жалкой, припавшей к земле толпы,
Когда рушатся своды храма во время молитвы,
Но есть слова, которым и ты должен внимать,
Если пропеты они Рейм-кеннаром.

Много зла причинил ты на море:
Вдовы ломают руки на его берегах.
Много горя ты причинил и на суше:
Пахарь сложил в отчаянье руки.
Перестань же веять крылами, —
Пусть утихнет темная глубь океана,
Перестань же сверкать очами, —
Пусть уснут громовые стрелы в колчане у Одина;
Смирись, незримый скакун северо-запада,
И усни по велению Норны, Рейм-кеннара!

Мы уже говорили, что Мордонт любил романтическую поэзию и романтические положения. Неудивительно поэтому, что он с величайшим интересом слушал грозное заклинание самого грозного ветра из всей розы ветров, певшееся притом с каким-то диким одушевлением. Но хотя в стране, где он жил уже так давно, ему приходилось немало слышать о рунических стихах и скандинавских заклинаниях, это не сделало его суеверным, и он не мог представить себе, что буря, бушевавшая до тех пор без удержу, а теперь начинавшая затихать, в самом деле подчинилась колдовским песнопениям Норны. Несомненно было одно: ураган действительно проходил, и страшная опасность миновала. Было, однако, вполне вероятно, что север-

ная пифия заранее предвидела подобный исход, опираясь на признаки, незаметные для тех, кто не жил так долго в стране или не привык следить за явлениями природы глазом строгого и внимательного наблюдателя. В глубоких познаниях Норны Мордонт не сомневался, а они в значительной степени могли служить объяснением того, что казалось в ее действиях сверхъестественным. Однако благородные черты ее лица, наполовину закрытого растрепанными волосами, и величие, с которым она одновременно и угрожала и приказывала невидимому духу бури, невольно побуждали юношу уверовать во власть магических сил. И если какой-либо смертной женщине и суждено было обладать подобным могуществом над естественными законами мироздания, то именно Норна из Фитфул-Хэда, судя по всему ее поведению, внешнему облику и чертам лица, предназначена была для столь высокого удела.

Но остальным не пришлось раздумывать так долго, чтобы признать полное могущество Норны. Тронда и корабейник давно уже верили в ее безграничную власть над стихиями, а Триптолемус и его сестра смотрели друг на друга с изумлением и тревогой, особенно когда ветер и в самом деле начал стихать, что ясно можно было заметить во время пауз, которыми Норна разделяла строфы своего заклинания. За последней строфой наступило долгое молчание; затем Норна запела снова, но уже другим, гораздо более мягким, голосом:

Орел далеких северо-западных вод,
Ты услышал голос Норны, Рейм-кеннара,
По приказу ее опустил ты широкие крылья
И мирно сложил их.
Благословляю тебя на обратный путь!
И когда ты слетишь с высот,
Да будет сладок твой сон в глубине
 безвестного моря.
Спи, доколе судьба не пробудит тебя опять.
Грозный орел северо-запада, ты слышал голос
 Рейм-кеннара.

— А подходящая это была бы песенка во время жатвы — ни один колос не осыпался бы, — прошептал агроном сестре. — Надо поласковой поговорить с ней: может, она и уступит нам свой секрет за сотню шотландских фунтов.

— За сотню дурацких голов! — возразила Бэйби. — Да предложи ты ей попросту пять марок серебром. Все ведьмы, каких я только встречала, были бедны, как Иов.

Норна обернулась к хозяевам, словно прочла их мысли, а может быть, так оно и было. Окинув их взглядом, полным царственного презрения, она подошла к столу, где уже стоял скудный обед миссис Барбары, налила из глиняного кувшина в небольшую деревянную чашку бленда — кисловатого напитка, приготовляемого из обрата, отломил кусок от ячменной лепешки, поела и попила, а затем снова обернулась к скаредным хозяевам:

— Я не говорю вам слов благодарности за то, что подкрепила силы свои вашей снедью, ибо вы не предлагали мне разделить с вами трапезу. Благодарность же, обращенная к скряге, подобна небесной росе, павшей на утесы острова Фаула, где ничему живому она не может придать сил. Я не говорю вам слов благодарности, но плачу вам тем, что вы цените больше, нежели благодарность всех обитателей Хиалл-ландии, дабы не могли вы сказать, что Норна из Фитфул-Хэда ела ваш хлеб и пила из вашей чаши, оставив вас сокрушаться над ущербом, нанесенным вашему имуществу. — С этими словами она положила на стол небольшую старинную золотую монету с грубым и полустертым изображением какого-то древнего скандинавского короля.

Триптолемус и его сестра громко запротестовали против подобной щедрости: первый стал уверять, что он не содержатель харчевни, а вторая воскликнула:

— Да что эта ведьма рехнулась, что ли? Да где это видано, чтобы в благородном семействе Клинскейлов обед давали за деньги!

— Или за простую благодарность, — пробормотал себе под нос ее братец, — не уступай своего, сестренка!

— Ну, чего еще ты там думаешь да гадаешь, дурень этакий, — сказала его милая сестрица, от которой не ускользнул смысл его бормотания, — верни-ка ты лучше этой особе ее побрякушку и радуйся, что можешь так легко ее сбыть: завтра же утром она обернулась бы у нас камнем, а то, глядишь, и чем-нибудь похуже.

Честный управляющий взял золотой, чтобы вернуть его по принадлежности, но невольно содрогнулся, увидев выбитое на нем изображение, и дрожащей рукой передал монету сестре.

— Да, — снова заговорила пифия, словно читая мысли удивленной парочки, — вы уже видели такие деньги. Горе вам, коли вы истратите их не должным образом! Не принесут они счастья корыстолюбивым и алчным! В благородной борьбе достались они и должны быть растрочены с благородной щедростью. Казна, лежащая под холодной плитой очага, когда-нибудь, как зарытый в землю талант, выступит свидетелем против скупости своих обладателей.

Этот непонятный намек, казалось, страшно напугал и поразил миссис Бэйби и ее братца. Последний, заикаясь, стал бормотать Норне что-то похожее на приглашение остаться у них на ночь или хотя бы разделить с ними обед, как он сначала выразился; однако, оглядев присутствующих и вспомнив ограниченное содержимое котелка, он поправился и выразил надежду, что она согласится отведать скромной закуски, которая будет подана на стол скорее, чем можно распряхь быков.

— Не подобает мне есть в этом доме, не подобает мне здесь спать, — ответила Норна, — я не только избавлю вас от собственного присутствия, но уведу и ваших непрошенных гостей. Мордонт, — прибавила она, обращаясь к молодому Мертону, — «черный час» твоего отца прошел, и он ждет тебя сегодня вечером.

— А вы направляетесь туда же? — спросил юноша. — Тогда я только перехвачу кусочек, а потом помогу вам в пути, матушка. Ручьи, должно быть, все вышли из берегов, и дорога стала опасной.

— Нет, тропы наши расходятся, — ответила старая сивилла, — и Норна в своих странствиях не нуждается, чтобы рука смертного поддерживала ее. Те, что ждут меня там, далеко на востоке, сумеют сделать стезю мою безопасной и легкой. Ты же, Брайс Снейлсфут, — продолжала она, обращаясь к корабейнику, — поспедай в Самборо: Руст приготовил тебе там богатую жатву, ее стоит собрать. Много ценных товаров ищут себе отныне новых хозяев, а заботливый шкипер спит непробудным сном в глубине океана, и дела нет ему до того, что прибой швыряет о берег его тюки и ящики.

— Ну нет, матушка, — возразил Снейлсфут, — я никому не желаю гибели ради собственной выгоды, но как не возблагодарить создателя, когда он благословляет своими щедротами худую мою торговлишку. Только так уж всегда: одному убыток, а другому от этого польза; а раз уж бури многое разрушают на земле, так вполне справедливо, если они посылают нам что-нибудь с моря. Ну, а я уж позволю себе, по вашему примеру, матушка, признаться у хозяев кусочек ячменного хлеба да глоток бленда, а засим пожелаю всего хорошего — поблагодарю этого доброго джентльмена и леди и пойду себе потихоньку в Ярлсхоф, как вы советуете.

— Да, — ответила Норна, — где пролилась кровь, туда слетаются орлы, а где на берег выброшен разбитый корабль, там торгош так же спешит поживиться добычей, как акула — насытиться мертвечиной.

Такой упрек — если это действительно был упрек — оказался выше понимания странствующего разносчика, который, думая лишь о возможной добыче, забрал свою котомку и аршин, служивший ему посохом, и спросил Мордонта — ибо в той дикой стране подобная фамильярность была вполне допустима, не составит ли он ему компанию.

— Я немного задержусь, пообедаю с мистером Йеллоули и миссис Бэйби, — ответил юноша, — а через каких-нибудь полчаса тоже отправлюсь в путь-дорогу.

— Ну, а я так заберу свою долю с собой, — сказал коробейник. С этими словами он пробормотал краткую молитву, нисколько не стесняясь отломил себе — так по крайней мере представилось скупой миссис Бэйби — не менее двух третей хлеба, долго не отрывал губ от кувшина с блендом, захватил горсть мелкой рыбешки, называемой силлок, которую служанка только что поставила на стол, и без дальнейших церемоний покинул комнату.

— Вот это уж истинно глоток коробейника!¹ — воскликнула обобранная миссис Бэйби. — Правильно, видно, говорят в народе: на жажду они жалуются только для отвода глаз, а на самом деле стараются брюхо набить. Эх, были бы в этой стране законы против бродяг! Не то что я хотела бы закрыть свою дверь перед носом порядочных людей, — прибавила она, взглянув на Мордонта, — особенно когда на дворе настоящее светопреставление! Но я вижу, что гусь уже на столе, — ах он бедняжка!

Слова были произнесены тоном искреннего участия к копченому гусю, который хоть и долго провисел безжизненной тушей в трубе ее очага, однако для миссис Бэйби был гораздо милее в таком виде, чем когда с криком носился под облаками.

Мордонт засмеялся и сел за стол, затем обернулся, чтобы взглянуть на Норну, но она во время разговора с коробейником незаметно выскользнула из дома.

— Хорошо, что убралась эта упрямая ведьма, — сказала миссис Бэйби, — хоть она и оставила здесь золотую монету нам на вечный позор...

— Тише, хозяйка, ради всего святого, тише, — остановила ее Тронда Дронсдотер. — Ну кто может

¹ Глоток коробейника превратился в Шотландии в своего рода поговорку, ибо эти пешие торговцы имели обыкновение скромно просить только глоток воды, тогда как на самом деле рассчитывали на еду. (*Прим. автора.*)

знать, где она сейчас? Вдруг да она слышит нас, хоть мы ее и не видим!

Миссис Бэйби с испугом огляделась по сторонам, но тотчас же вновь овладела собой, ибо по природе своей была не менее храброй, чем дерзкой, и заявила:

— Как прежде гнала я ее, так и теперь гоню вон, все равно — видит и слышит ли она меня или бредет себе где-нибудь по дороге. А ты, ты, неотесанный дурень, — обратилась она к несчастному Триптолему-су, — ты чего пялишь глаза? А еще был студентом в Сент-Эндрюсе, учил там всякую премудрость да латынь, как ты уверяешь, а сам испугался вранья шалой старухи! Ну, читай свою самую ученую молитву! Ведьма там она или нет — плевать мне на нее, а мы себе преспокойно пообедаем. А что до ее червонца, так никто не посмеет сказать, что я прикарманила ее деньги. Я отдам их какому-нибудь бедняку, то есть заповедаю их ему после смерти,¹ а до тех пор буду хранить в кошельке на счастье и так их и не истрачу. Ну, читай же свою самую ученую молитву, братец, и давайте есть и пить.

— Уж лучше бы, хозяин, прочесть огаатус² святому Роналду и бросить шестипенсовик через левое плечо, — сказала Тронда.³

— Да, как же, чтобы ты так и подхватила его, негодница! — ответила неумолимая миссис Бэйби. — Не скоро небось удастся тебе заработать столько денег честным трудом. Ну, садись, Триптолемус, нечего раздумывать о всяких там рассказах полоумной бабы.

¹ «Заповедаю после смерти» означает «оставлю по завещанию»; к благотворительности подобного рода прибегали тогда многие, в том числе и почтенная особа в нашем повествовании. (Прим автора.)

² Огаатус (вместо огетус) — «Помолимся» (лат.).

³ Хотя шетлендцы давно уже примирились с протестантизмом, однако некоторые древние обряды католического суеверия долго еще держались среди населения. Так, в сильную бурю рыбак должен был обещать «огетус» святому Роналду и в исполнение его бросить небольшую монетку в окно разрушенной католической часовни. (Прим. автора.)

— Полоумной или умной, — ответил Йеллоули, — а только знает она больше, чем мне того хотелось бы. А ведь просто страшно было, когда этакий ветер взял да и стих от слов такой же вот смертной, как и мы с тобой. А ее слова про плиту под очагом... Прямо не знаю, что и думать...

— А не знаешь, что думать, — грубо перебила его миссис Бэйби, — так придержи по крайней мере язык!

Агроном ничего не ответил, но уселся за скромную трапезу и с необычайной сердечностью принялся угощать своего нового знакомого, который первым ворвался к нему в дом в качестве непрошеного гостя, а теперь уходил из него последним. Рыбешка быстро исчезла со стола, а копченый гусь со всеми приправами буквально улетучился, так что на долю Тронды, которой полагалось обглаживать кости, не осталось никакой или почти никакой работы. После обеда Триптолемус достал бутылку бренди, но Мордонт, почти столь же воздержанный, как и его отец, нанес весьма незначительный убыток хозяину, проявившему столь не свойственное ему хлебосольство.

В продолжение трапезы брат и сестра узнали так много о юном Мордонте и об его отце, что Бэйби даже воспротивилась желанию юноши снова переодеться в мокрое платье и стала уговаривать его (рискуя ко всем расходам этого дня прибавить еще дорогостоящий ужин) пробыть у них до завтрашнего утра. Но то, что сказала юноше Норна, только усилило его желание вернуться домой; к тому же, как бы далеко ни простиралось гостеприимство, оказанное ему в Стурборо, однако ничто не манило его остаться там подольше. Поэтому он согласился занять у агронома его одежду, обещая как можно скорее возвратить ее и прислать за своей собственной. Затем он любезно распрощался с Триптолемусом и миссис Бэйби, причем последняя, хоть и огорченная потерей гуся, утешилась, однако, тем, что потратилась (раз подобная трата была все равно неизбежной) по крайней мере для такого красивого и веселого молодого человека.

Глава VII

Нет, ничего могучий океан
Не совершает лишь наполовину,
И жертвам, что в пучину увлекает,
И смерть несет он, и дает гробницу

Старинная пьеса

От Стурборо до Ярлсхофа насчитывалось десять «длинных шотландских миль», хотя на пути пешехода не лежали все те препятствия, которые приходилось преодолевать Тэму О'Шэнтеру, ибо в стране, где нет ни изгородей, ни каменных оград, не может быть также «ни закладных жердей, ни перелазов». Однако число «текучих вод и торфяных болот», через которые предстояло перебираться путнику, вполне уравнивало отсутствие вышеупомянутых препон и делало путешествие столь же трудным и опасным, как возвращение Тэма О'Шэнтера из Эйра. Впрочем, ни ведьм, ни колдунов Мордону по дороге не встретилось. Он вышел из Стурборо уже на склоне дня и только к одиннадцати часам вечера благополучно добрался до Ярлсхофа. Вокруг дома все было тихо и темно, и ему пришлось два или три раза свистнуть под окном Суерты, прежде чем она отозвалась.

При первом сигнале ей приснился приятный сон — она увидела того самого молодого китобоя, который лет сорок тому назад подавал такой же условный знак под окном ее хижины; при втором она проснулась и вспомнила, что Джонни Фи уже много лет как спит глубоким сном в холодных водах Гренландии, а сама она служит домоправительницей в Ярлсхофе; при третьем Суерта встала и открыла окно.

— Ну, кого это еще там принесло в такой неурочный час? — спросила она.

— Это я, — ответил Мордонт.

— А с чего ж это вы не вошли в дом? Ведь дверь-то на щеколде; в кухне под торфом тлеет огонь, а трут — возле, взяли бы да и зажгли себе свечку сами.

— Все это прекрасно, — ответил Мордонт, — но я хочу знать, как себя чувствует отец.

— Да хозяин-то ничего, по-прежнему... Вас вот спрашивал, мейстер Мордонт, уж больно вы далеко разгуливаете да поздно домой возвращаетесь, молодой человек!

— Так, значит, его «черный час» прошел, Суерта?

— Да, прошел, — ответила домоправительница, — и батюшка ваш опять стал разумным и добрым, насколько это для бедного джентльмена возможно! Вчерашний день я даже два раза сама, первая, обратилась к нему, так сначала он ответил мне вежливо, ну прямо вот как вы сами, а второй раз велел не досаждать ему: ну, тут мне и взбрело на ум, что больно уж три — хорошее число, дай, думаю, заговорю с ним и в третий раз — на счастье, значит, — взяла, да и заговорила, так он, правда, обозвал меня старой болтливой ведьмой, но вполне спокойно, прилично.

— Ну довольно, довольно, Суерта, — ответил Мордонт, — лучше встань и дай мне чего-нибудь поесть, а то я не очень-то сытно пообедал сегодня.

— Ну, значит, вы были у этих новых приезжих, в Стурборо. Ведь во всяком другом доме на наших островах вам подали бы самое что ни на есть лучшее из всего, что только имеется! А не привелось вам встретить по дороге Норну из Фитфул-Хэда? Она утром ушла в Стурборо, а к ночи воротилась.

— Возвратилась! Так она, значит, здесь? Но как могла она пройти больше трех лиг за такое короткое время?

— Ну, кто знает, каким способом она путешествует! Но только говорила она ранслару, это я сама собственными ушами слышала, что собиралась в Боро-Уестру повидаться там с Минной Тройл, да только в Стурборо — она, правда, говорила не в Стурборо, а в Харфре, ведь она иначе это место не называет — встретилось ей что-то такое, от чего она к нам обратно и повернула. Но идите-ка в дом, найдется уж вам чем сытно поужинать: кладовая-то у нас не пуста, да и не на замке, хоть хозяин мой и чужеземец и на чердаке у него, как говорит ранслар, не все ладно.

Мордонт обогнул дом и вошел в кухню, где Суерта вскоре подала ему обильный, хотя и простой ужин, который вполне вознаградила его за скудное гостеприимство в Стурборо.

На следующее утро чувство некоторой усталости заставило юношу позже обычного покинуть постель, и, таким образом, вопреки установившемуся порядку, он уже застал своего отца в помещении, служившем одновременно столовой, комнатой для занятий и вообще всем, чем угодно, кроме спальни и кухни. Сын приветствовал отца с молчаливой почтительностью, ожидая, чтобы тот заговорил первым.

— Тебя вчера не было дома, Мордонт? — спросил мистер Мертон. Мордонт отсутствовал больше недели, но он часто замечал, что отец его в периоды своих болезненных приступов не ощущал хода времени; поэтому на вопрос старшего Мертона он просто ответил утвердительно.

— И ты был, я полагаю, в Боро-Уэстре? — продолжал отец.

— Да, сэр, — ответил Мордонт.

Мертон-старший на некоторое время погрузился в молчание и принялся шагать по комнате, охваченный такой мрачной задумчивостью, что, казалось, у него вот-вот снова начнется припадок черной меланхолии. Вдруг он повернулся к сыну и произнес вопросительным тоном:

— У Магнуса Тройла — две дочери; теперь это, должно быть, уже молодые девушки... и, говорят, красавицы?

— Да, сэр, таково всеобщее мнение, — ответил Мордонт, пораженный тем, что отец его интересуется представительницами пола, о котором всегда отзывался с крайним пренебрежением. Изумление юноши еще увеличилось, когда Мертон столь же неожиданно задал ему следующий вопрос:

— А которая, по-твоему, красивее?

— По-моему, сэр? — повторил Мордонт с некоторым удивлением, однако ничуть не смутившись. — Я, право, здесь не судья, я никогда не задумывался

над тем, которая красивее. Они обе очень хорошенькие девушки.

— Ты избегаешь прямого ответа на мой вопрос, Мордонт, но если я желаю знать твое мнение в данном случае, быть может, у меня есть на то особые причины. Я не привык болтать попусту, а поэтому спрашиваю тебя снова: которая из дочерей Магнуса Тройла кажется тебе красивее?

— Право, сэр... — ответил Мордонт. — Да нет, вы просто шутите, когда спрашиваете меня о таких вещах.

— Знайте, молодой человек, — заявил ему Мертон, и в глазах его сверкнуло нетерпение, — что я никогда не шучу. Поэтому отвечайте на мой вопрос.

— Но, сэр, даю вам честное слово, — сказал Мордонт, — что никак не могу отдать предпочтение одной из этих молодых леди. Обе очень хорошенькие, но совершенно непохожи друг на друга. Минна — брюнетка и гораздо серьезнее сестры, но хотя она и серьезна, однако совсем не скучна и не угрюма.

— Гм, — произнес Мертон, — ты сам был воспитан в строгом духе, и эта Минна, я думаю, больше тебе по вкусу?

— Нет, сэр, я никак не могу сказать, что она нравится мне больше Бренды, которая резва, как ягненок весенним утром; правда, она меньше ростом, но так хорошо сложена, так изящно танцует...

— Что с ней приятно проводить время молодому человеку, у которого скучный дом и мрачный отец?

Никогда и ничем отец так не удивлял Мордонта, как упорством, с каким продолжал говорить на тему, столь чуждую его привычному образу мыслей и рассуждений; юноша снова ограничился ответом, что обе молодые леди достойны всяческого восхищения, но он никогда в своих мыслях не ставил одну ниже другой, так как это было бы просто несправедливо. Другие, быть может, и отдают предпочтение одной из девушек, в зависимости от того, что кому нравится: серьезный характер или веселый, темные волосы или светлые, но если спросить его, то он лично считает, что

если у одной из них и есть какие-то свои особые прелести, то им обязательно соответствует нечто столь же привлекательное в другой.

Возможно, что, несмотря на все равнодушие, с которым Мордонт отвечал отцу, тот все же не удовлетворился бы его объяснениями, но в эту минуту Сурерта внесла завтрак, и юноша, хотя накануне ужинал достаточно поздно, принялся за еду с аппетитом, явно доказывавшим, что это занятие для него куда важнее, чем только что происшедший разговор, и ему нечего, по-видимому, прибавить к тому, что он уже сказал раньше. Отец прикрыл глаза рукой и долго пристально глядел на сына, занятого утренней трапезой. Ни в одном жесте юноши нельзя было подметить ни смущения, ни сознания того, что за ним наблюдают: все в нем было естественно, искренне, чистосердечно.

— Нет, сердце его свободно, — пробормотал про себя мистер Мертон. — Он так юн, жизнерадостен и впечатлителен, так красив и привлекателен и лицом и фигурой... Странно, что в его возрасте и при данных обстоятельствах он еще избежал сетей, в которые попадают все, живущие в этом мире!

Когда с завтраком было покончено, Мордонт взглянул на отца, ожидая его приказаний, но старший Мертон, вместо того чтобы предложить ему, как всегда, приступить к очередным занятиям, взял шляпу и палку и изъявил желание, чтобы Мордонт сопровождал его на вершину утеса Самборо-Хэд, откуда он хотел взглянуть на океан, который, несомненно, еще не утих после вчерашней бури. Юноши в годы Мордонта всегда охотно променяют домашние занятия на развлечение, требующее физических сил и энергии, поэтому он с живостью вскочил на ноги, чтобы исполнить желание отца. Спустя несколько минут оба уже взбирались на холм, который поднимался со стороны суши довольно крутым, поросшим травой откосом, а над морем резко обрывался страшной отвесной пропастью.

День был великолепный. У ветра хватало силы лишь на то, чтобы тревожить легкие кудрявые облачка, разбросанные вдоль горизонта; временами они на-

бегали на солнце, покрывая ландшафт множеством темных и светлых пятен, что обычно хотя бы на краткое время придает голой и однообразной местности своеобразное очарование, присущее возделанной и покрытой насаждениями земле. Тысячи беглых оттенков света и тени играли над бескрайними просторами вересковых пустошей, скал и фьордов, которые, по мере того как отец и сын поднимались в гору, открывались перед ними все более широким кругом.

Старший из путников часто останавливался и осматривал окружающую местность; сначала Мордонту казалось, что отец задерживается, чтобы полюбоваться ее красотой, однако, по мере того как они поднимались все выше, сын стал замечать, что дыхание отца учащается, а походка делается неуверенной и усталой, и вскоре он, к немалой своей тревоге, убедился, что на этот раз у отца его просто не хватает сил и что подъем для него оказался труднее и утомительнее обычного. Мордонт подошел к отцу и молча подставил ему свою руку для опоры, что было с его стороны столько же проявлением сыновней почтительности, сколько и знаком уважения юноши к человеку почтенного возраста. Сначала Мертон принял эту услугу как должное, ибо, не говоря ни слова, воспользовался предложенной ему помощью.

Так продолжалось, однако, не более двух или трех минут: не успели путники пройти и пятидесяти ярдов, как Мертон резко, если не сказать — грубо, оттолкнул от себя Мордонта, затем, словно ужаленный каким-то внезапным воспоминанием, начал взбираться на кручу такими широкими и быстрыми шагами, что Мордонт, в свою очередь, пришлось напрягать все силы, чтобы не отстать от него. Сын хорошо знал странный нрав своего отца и догадывался по многим малозаметным признакам, что отец не любит его, несмотря на то, что тратит столько сил на его образование. Мордонт знал также, что был единственным близким ему человеком на целом свете. Но никогда еще не ощущал он этой отчужденности так ясно и сильно, как сейчас, когда Мертон внезапно и грубо отказался от помощи сына. Ведь старики обычно с охотой

принимают подобные услуги от юношей, даже не связанных с ними родственными узами. Они считают это должной данью, которую столь же приятно предлагать, сколь и получать. Но Мертон, видимо, не заметил, какое впечатление произвела его резкость на Мордонта. Он остановился на небольшом ровном участке, которого они тем временем достигли, и обратился к сыну равнодушным — пожалуй, даже подчеркнуто равнодушным — тоном:

— Ну, раз ничего особенно притягательного для тебя на этих диких островах нет, тебе, вероятно, случалось думать, что неплохо было бы повидать и тот широкий мир, что лежит за их пределами?

— Поверьте, сэр, — возразил Мордонт, — что я никогда не думал о подобных вещах.

— А почему бы и нет, молодой человек? — спросил его отец. — Для тебя, в твоем возрасте, подобные мысли вполне естественны. Для меня в твои годы было мало и Великобритании со всем ее разнообразием, так что же говорить об этих опоясанных морем торфяных болотах?

— Право, сэр, я никогда не думал о том, чтобы покинуть Шетлендию, — ответил сын. — Здесь я счастлив, здесь у меня есть друзья. Да и вам, сэр, будет недоставать меня, если только...

— Ну, не станешь же ты уверять меня, — с некоторой поспешностью перебил его отец, — что остаешься или хочешь остаться здесь только из любви ко мне?

— А почему бы и нет, сэр? — мягко ответил Мордонт. — Это мой долг, и надеюсь, что я до сих пор выполнял его.

— О да, понятно, — повторил Мертон тем же тоном, — это твой долг — долг собаки следовать за слугой, который кормит ее.

— А разве она не делает этого, сэр? — спросил Мордонт.

— Да, конечно, — ответил его отец, отвернувшись, — но привязывается она только к тому, кто ласкает ее.

— Надеюсь, сэр, — возразил Мордонт, — что вы не можете упрекнуть меня...

— Ну, довольно об этом, довольно! — резко перебил его Мертон. — Мы оба сделали друг для друга все, что могли. Скоро нам придется расстаться, пусть же это послужит для нас утешением, если в минуту разлуки нам вообще потребуется утешение.

— Я готов во всем подчиниться вашим желаниям, — сказал Мордонт, не слишком опечаленный тем, что перед ним, видимо, открывается возможность взглянуть на божий мир. — Вам будет угодно, полагаю, чтобы я начал свои путешествия с похода на китобойном судне?

— На китобойном судне! — воскликнул Мертон. — Вот уж, нечего сказать, хорошенький способ повидать свет! Хотя ты, конечно, повторяешь чужое мнение. Но довольно об этом на сегодня. Скажи мне лучше, где ты укрылся вчера от бури?

— В Стурборо, в доме нового управляющего, что приехал из Шотландии.

— А, у этого сумасбродного педанта, охотника до всяких затей, — сказал Мертон. — Ну, а еще кто там был?

— Его сестра, сэр, и старая Норна из Фитфул-Хэда.

— Как, повелительница стихий! — насмешливо произнес Мертон. — Та, которая может изменить направление ветра, сдвинув свой чепец на сторону, подобно тому, как, говорят, делал это король Эрик, поворачивая задом наперед свою шапку. Однако эта дама отлучается далеко от дома! Ну, как идут ее дела? Все богатеет, продавая благоприятные ветры судам, спешащим в гавань?

— Право, не знаю, сэр, — ответил Мордонт: он вспомнил то, чему только вчера был свидетелем, и потому не мог полностью разделить суждение своего отца.

— Ты что, считаешь этот вопрос слишком серьезным для шуток или, быть может, находишь ее товар слишком легковесным, чтобы на него обращать внимание? — продолжал Мертон тем же саркастическим

тоном, означавшим у него самое большое проявление веселости, на какое он был способен. — Но давай рассуждать по существу: все на свете покупается и продается, так почему же не стать товаром и ветру, если только продавец сумеет найти покупателя? Все на земле продажно — от поверхности и до самых глубоких недр: огонь и топливо непрерывно покупаются и продаются, несчастные рыбаки, которые тащат по бурному океану свои сети, покупают себе право утонуть в нем; за какие же особые заслуги должен быть воздух исключен из этой всемирной купли-продажи? Все, что находится на земле, под землей и вокруг земли, имеет свою цену, своих продавцов и своих покупателей. Во многих странах священники продадут тебе долю небесного блаженства, и во всех странах без исключения ценой здоровья, богатства и чистой совести люди покупают себе изрядную дозу ада. Так почему же Норне не торговать своим товаром?

— Да, против этого мне нечего возразить, — ответил Мордонт, — только уж лучше бы она вела розничную торговлю, а то вчера она торговала оптом, и каждый за свои деньги получал от нее товар с большим походом.

— Должно быть, так, — сказал Мертон, останавливаясь на краю страшного обрыва, до которого они наконец добрались, — и последствия видны еще до сих пор.

У их ног гигантский мыс круто обрывался над бескрайним бушующим океаном. Обращенная к морю сторона этого дикого утеса состояла из мягкого песчаного сланца, который, постепенно разрушаясь под воздействием воздуха и погоды, трескался и расщеплялся на отдельные громадные плиты, едва державшиеся над самой бездной. Во время бури глыбы эти срывались и, круша все на своем пути, скатывались в потревоженную ими пучину волн, бившихся о подножия скал. Много таких огромных осколков было разбросано под утесом, с которого они когда-то упали, и прибой пенился и бушевал среди них с силой, обычной в столь высоких широтах.

Стоя на краю пропасти, Мертон и его сын глядели на необъятный океан, все еще кативший могучую мертвую зыбь, поднятую разбушевавшимся накануне штормом. Море было слишком глубоко растроjeno, чтобы быстро успокоиться. Валы разбивались о берег с яростью, равно поражающей слух и зрение, и грозили немедленной гибелью всему, что могло быть захвачено бурным течением, пронесившимся мимо мыса. Природа, какой бы она ни являлась нам — величественной ли, прекрасной или ужасной, таит в себе что-то неодолимо влекущее, чего не способна ослабить даже привычка, и потому оба путника — и отец и сын — опустились на скалу и отдались созерцанию неистовых волн, достигавших в своем гневe самого подножия утеса.

Вдруг Мордонт, чьи глаза были острее, а внимание — живее, чем у отца, вскочил с криком:

— Боже мой, там, в Русте, судно!

Мертон посмотрел на северо-запад, где действительно среди бушующих вод виднелся какой-то предмет.

— Оно потеряло паруса, — сказал Мертон и, поглядев в подозрную трубу, добавил: — И мачты тоже, по воде носится один только остов.

— Его мчит прямо на Самборо-Хэд! — воскликнул Мордонт. — Оно не сможет его обогнуть!

— Да им никто и не управляет, — заметил Мертон, — экипаж, очевидно, покинул его.

— А в такую бурю, как вчера, — добавил Мордонт, — ни одна шлюпка не могла уцелеть, даже с самыми опытными гребцами. Все, должно быть, погибли!

— По всей видимости, да! — ответил Мертон с мрачным спокойствием. — И рано или поздно, а все на нем должны были погибнуть. И не все ли равно, поймал ли их птицелов, от которого нет никому спасения, накрыв их своей сетью всех вместе на том вот разбитом судне, или хватал поодиночке, по мере того как случай бросал их ему в руки. Какое это имеет значение? На палубе и на поле боя рок так же подстерегает нас, как дома — за столом или в постели.

И если мы счастливо избежем одной опасности, так только для того, чтобы влачить все то же безрадостное и томительное существование до тех пор, пока не погибнем от другой. Так пусть же приходит тот час, к которому разум должен был бы научить нас стремиться, хотя природа и вложила в наши души непреодолимый страх перед ним. Тебе подобные рассуждения, верно, кажутся странными, ибо жизнь для тебя еще нова, но, прежде чем ты достигнешь моего возраста, они уже станут привычными спутниками твоих мыслей.

— Но я думаю, сэр, — возразил Мордонт, — что такое отвращение к жизни не обязательно для всех, достигнувших преклонного возраста?

— Для всех, кто достаточно умен, чтобы оценить жизнь по достоинству, — ответил Мертон. — Те же, у кого, подобно Магнусу Тройлу, животное начало преобладает над духовным настолько, что они способны испытывать наслаждение от одного удовлетворения своих физических потребностей, — те, возможно, подобно скотам, могут находить счастье в самом факте своего существования.

Мордонту были не по душе ни эта философия, ни приведенный Мертоном пример. Он считал, что человек, который так хорошо выполнял свой долг по отношению к окружающим, как добрый старый юдаллер, имеет больше прав на то, чтобы солнце озаряло счастьем закат его дней, чем если бы он ко всему оставался равнодушным. Юноша, однако, не стал поддерживать этого разговора, ибо знал, что спорить с отцом всегда означало в конце концов рассердить его, и поэтому он снова обратил свой взор к потерпевшему крушение судну.

Жалкий обломок — ибо теперь оно было уже немногим лучше обломка, — подхваченный быстриной, со страшной скоростью несясь прямо к подножию утеса, на краю которого стояли Мертон с сыном. Много, однако, прошло времени, прежде чем они сумели как следует рассмотреть то, что вначале казалось им просто черным пятном среди волн, а затем, приблизившись, стало походить на кита, который то едва поды-

мал над водой своей спинной плавник, то открывал взгляду огромный черный бок. В конце концов, однако, они смогли яснее разглядеть судно, ибо огромные, грозные валы, несшие его к берегу, попеременно то вздымали его высоко на самые свои гребни, то погружали в глубокие провалы между ними. На вид это было судно водоизмещением в двести — триста тонн, способное обороняться от нападения, ибо в бортах его можно было различить орудийные порты. Оно потеряло мачты, должно быть, во время вчерашнего шторма и, полузатонув, служило теперь игрушкой свирепой стихии. Было совершенно очевидно, что команда, оказавшись не в состоянии ни управлять кораблем, ни откачивать воду, бросилась в шлюпки и покинула корабль на произвол судьбы. Казалось поэтому, что, какова бы ни была участь судна, о судьбе его экипажа можно было не тревожиться, и все же Мордонт и его отец, затаив дыхание, с ужасом следили, как это чудесное произведение людского гения, созданное для того, чтобы покорять воды и спорить с ветром, теперь готовилось стать их жалкой добычей.

Судно подвигалось вперед, и с каждой саженью огромный черный остов его казался еще огромнее. Вот оно взлетело на гребень чудовищной волны: несколько мгновений она несла его, затем вместе со своей ношей обрушилась на берег, и стихия в один миг восторжествовала над творением рук человеческих.

Как мы уже говорили, волна, подняв несчастное судно и помчав его на скалы, обнажила на мгновение весь его корпус. Когда же она отхлынула от подножия утесов, судно перестало существовать, и отступающий вал повлек за собой обратно в пучину только бесчисленное количество бимсов, кусков обшивки, бочек и тому подобных предметов, чтобы следующая волна опять подхватила их и опять швырнула о скалы.

В этот миг Мордонту почудилось, что он видит человека, плывущего на доске или бочке: его относило в сторону от главного течения к небольшой песчаной косе, где вода была неглубокой и волны бушевали с меньшей силой. При виде погибающего первым порывом отважного юноши было крикнуть: «Он жив, его

можно спасти!» Вторым — быстро измерив взглядом крутой обрыв, броситься вниз (иначе нельзя было назвать его стремительное движение) и, используя каждую трещину, расселину или выступ, начать спуск, показавшийся бы стороннему наблюдателю совершенным безумием.

— Стой, приказываю тебе, сумасшедший! — воскликнул его отец. — Это верная смерть! Беги к тропинке налево, там не так опасно! — Но Мордонт был уже полностью поглощен трудностями своей страшной затеи.

«Впрочем, зачем мне останавливать его? — подумал Мертон, успокаивая свою тревогу мрачной и бездушной философией, которой поставил себе за должное следовать. — Если и суждено ему погибнуть сейчас, совершая подвиг человеколюбия, когда он охвачен благородными и возвышенными чувствами и счастлив сознанием своей ловкости и молодой силы, — если и суждено ему погибнуть сейчас, то разве не избежит он тогда мизантропии, угрызений совести, преклонного возраста и сознания уходящих телесных и душевных сил? Но я не хочу смотреть на это, не хочу! Я не могу видеть, как внезапно погаснет огонь его юной жизни».

Мертон отвернулся от пропасти и поспешил налево — туда, где, на расстоянии не более четверти мили, начиналась *рива*, или расселина в скале, по которой вилась тропа, называемая тропой Эрика; далеко не безопасная и не легкая, она служила, однако, единственным путем, по которому жители Ярлсхофа могли в случае необходимости спускаться к подножию прибрежных скал.

Но раньше чем Мертон добрался до начала этой тропы, его смелый и решительный сын уже завершил свое намного более отчаянное нисхождение. Какие бы неожиданные препятствия, не замеченные им сверху, не вставали перед ним, вынуждая его отклоняться от прямой дороги и избирать иные, более извилистые пути, — ничто не могло остановить его. Не раз огромные каменные глыбы, на которые он рассчитывал опереться всей своей тяжестью, срывались у него из-под

ног и с грохотом скатывались вниз, в бушующий океан. Раз или два такие оборвавшиеся камни падали сверху и задевали его, словно хотели увлечь вместе с собой в пропасть. Но отважное сердце, верный глаз, цепкие руки и крепкие ноги помогли ему благополучно довести до конца свою отчаянную попытку, и через какие-нибудь семь минут он уже был внизу, под отвесной скалой, с высоты которой столь рискованным образом спустился.

Он стоял теперь на небольшом выдающемся в море выступе из камней, песка и гальки; с правой стороны волны бились о подножие утеса, а с левой — узкая прибрежная полоса простиралась до того места, где к морю выходила расселина, именуемая тропой Эрика, по которой полагал спуститься отец Мордонта.

Когда судно раскололось и распалось на части, все то, что после первого удара всплыло на поверхность, было вновь унесено океаном, кроме нескольких обломков, бочек, рундуков и тому подобных вещей, которые сильным водоворотом, возникшим при отходе волны, выбросило на берег или прибило к той узкой полоске земли, где стоял сейчас Мордонт. Острый глаз юноши быстро различил среди них тот предмет, который уже раньше привлек его внимание и теперь, на близком расстоянии, оказался действительно человеком, и притом в самом опасном положении. Руки его крепко и судорожно сжимали доску, за которую он схватился в момент гибели судна, но сознание, а вместе с ним и способность двигаться покинули его; доску, наполовину выброшенную на берег, наполовину погруженную в воду, в любое мгновение могло снова унести в море, и тогда гибель несчастного стала бы неизбежной. Едва Мордонт осознал это, как увидел огромную набегающую волну и поспешил броситься на помощь пострадавшему, прежде чем она обрушится на него, ибо сознавал, что, отступая, она уж наверняка унесет с собой и свою жертву.

Юноша кинулся в воду и вцепился в безжизненное тело так же крепко, как собака — в свою добычу, хотя его побуждали совершенно иные чувства. Отступающий вал, однако, с непредвиденной силой потащил с

собой и Мордонта, которому пришлось теперь бороться не только за жизнь незнакомца, но и за свою собственную, ибо хотя он и слыл хорошим пловцом, но течение было здесь так стремительно, что легко могло разбить его о скалы или унести с собой в открытое море. Он устоял, однако, и, прежде чем нагрянула следующая волна, вытащил на узкую полосу сухого песка человека и доску, которую тот продолжал крепко прижимать к себе. Но как сохранить, как снова раздуть угасающее пламя жизни, как перенести в более безопасное место несчастного, который сам не в силах был ничего сделать для собственного спасения? Вот вопросы, которые Мордонт задавал себе, не находя на них ответа.

Он взглянул на вершину утеса, где оставил отца, и окликнул его, призывая к себе на помощь, но глаза его не различили знакомой фигуры, и ответом ему послужил один только крик морских чаек. Юноша снова опустил взгляд на незнакомца. Богато расшитое по моде того времени платье, тонкое белье, перстни на пальцах — все говорило, что он принадлежал к высшим кругам общества, а бледное и искаженное лицо его было молодо и красиво. Он еще дышал, но дыхание его было еле заметно, жизнь едва теплилась в теле и, казалось, вот-вот погаснет, если тотчас же не будет чем-либо поддержана. Развязать несчастному галстук, повернуть его лицом к ветру и слегка приподнять — вот все, что мог сделать для него Мордонт, озабоченно озиравшийся по сторонам в поисках кого-либо, кто помог бы ему перенести пострадавшего в более безопасное место.

В эту минуту он заметил человека, медленно и осторожно пробиравшегося вдоль берега. У Мордонта мелькнула было надежда, что это его отец, но он тотчас же вспомнил, что тот не мог так быстро спуститься по окольной тропе, которой по необходимости должен был следовать; к тому же подходивший был гораздо ниже ростом.

Когда он приблизился, Мордонт без труда узнал того самого корабейника, которого вчера еще видел в Харфре и неоднократно встречал и ранее.

— Брайс! Эй, Брайс, сюда! — закричал он как можно громче, но корабейник, занятый тем, что подбирал вещи, выброшенные на берег после кораблекрушения, и оттаскивал их на недоступное волнам место, сначала не обратил никакого внимания на призывы юноши.

Когда же он наконец подошел к Мордонту, то вовсе не для того, чтобы помочь ему, а чтобы выбрать за безрассудную выходку — спасение человека.

— Да в своем ли вы уме? — воскликнул он. — Сколько уж лет живете в Шетлендии, а не боитесь спасти утопающего! Не знаете вы разве, что если только вернете его к жизни, так уж он обязательно чем-нибудь да навредит вам. Уж лучше бы вы, мейстер Мордонт, приложили свои силы к более выгодному дельцу. Помогите-ка мне вытащить на берег пару-другую этих вот ящиков, пока еще никто сюда не явился, и мы с вами как добрые христиане честно поделим то, что сам господь бог послал нам, и возблагодарим за это всевышнего.

Мордонту действительно был знаком этот жестокий предрассудок, распространенный в прежние времена среди простого народа Шетлендии; быть может, он потому так прочно там укоренился, что служил своего рода оправданием для тех, кто, отказывая в помощи жертвам кораблекрушения, одновременно присваивал их имущество. Во всяком случае, убеждение, что спасенный утопающий в будущем обязательно причинит спасшему его какое-то зло, странным образом противоречило самому характеру шетлендцев: гостеприимные, щедрые и бескорыстные во всех других случаях, они должны были в силу этого суеверия отказывать в помощи людям, подвергавшимся смертельной опасности, столь частой на их скалистых берегах, омываемых бурным морем. Мы счастливы добавить, что уговоры и пример поселившихся там землевладельцев совершенно искоренили даже самые следы этого бесчеловечного предрассудка, воспоминание о котором сохранилось еще, пожалуй, в памяти некоторых и поныне здравствующих старцев. Странно, что сердца шетлендцев могли оставаться безучаст-

ными по отношению к жертвам той же грозной стихии, от которой они сами столь жестоко и часто страдали; быть может, однако, постоянное созерцание опасности и сознание ее близости притупляют ощущения независимо от того, постигло ли бедствие тебя самого или человека тебе постороннего.

Брайс с особым упорством держался этого древнего поверья в значительной степени потому, что пополнение его короба товарами происходило не столько за счет лавок Леруика или Кёркуолла, сколько в результате северо-западных штормов, подобных разыгравшемуся накануне, в каковых случаях Брайс, будучи человеком по-своему весьма благочестивым, никогда не забывал возблагодарить господ. Поговаривали даже, что если бы он потратил на помощь пострадавшим от кораблекрушений столько же времени, сколько на собирание их тюков и ящиков, то спас бы много душ, но лишился бы многих доходов. Сейчас он не обращал никакого внимания на настойчивые призывы Мордонта, хотя оба они стояли на одной и той же узкой песчаной косе. Брайс хорошо знал, что именно сюда прибывает волнами те обломки, которые море выбрасывает на берег, и теперь, не теряя времени, он спасал и присваивал то, что казалось ему наименее громоздким и наиболее ценным, и совершенно погрузился в это занятие. Наконец Мордонт увидел, что честный коробейник решил завладеть прочным морским сундуком из индийского дерева, сработанным, очевидно, иноземными мастерами и окованным для большей прочности медью. Крепкий замок, однако, как ни старался Брайс открыть его, никак не поддавался, и в конце концов разносчик с невозмутимым спокойствием вынул из кармана аккуратно сделанные молоток и долото и принялся сбивать петли.

Донельзя возмущенный подобной наглостью, Мордонт схватил обломок дерева, валявшийся рядом, и, бережно опустив спасенного им человека на песок, побежал к Брайсу и замахнулся на него, крича:

— Ах ты, бессердечный, бесчеловечный негодяй! Сейчас же встань и помоги мне привести в себя этого

человека и перенести его в безопасное место, подальше от воды, а не то я изобью тебя тут же как собаку, да еще расскажу Магнусу Тройлу, что ты вор, и он задаст тебе такую порку, что небо покажется тебе с овчинку, а потом прогонит тебя навсегда с острова!

Как раз в тот момент, когда до ушей Брайса донеслось столь малолюбезное приветствие, крышка сундука наконец отскочила и взору предстало его содержимое: разнообразное платье как морского, так и гражданского покроя, сорочки, простые и обшитые кружевами, серебряный компас, палаш с серебряным эфесом и прочие ценные предметы, которые, как хорошо знал коробейник, привлекли бы многих покупателей. Он уже готов был вскочить на ноги, схватить палаш — оружие, как известно, и колющее и режущее — и, по выражению Спенсера, «учинить баталию», чтобы не лишиться добычи и не потерпеть вмешательства в свои дела. Брайс, хоть и невысокий ростом, был, однако, крепок и коренаст, едва перешагнув цветущую пору жизни; к тому же он располагал более совершенным оружием и мог поэтому причинить Мордонту больше неприятностей, чем того заслуживали доброта и рыцарские чувства юноши.

В ответ на повторные и настойчивые требования Мордонта бросить добычу и заняться спасением несчастного коробейник возразил вызывающим тоном:

— Не бранитесь, сэр, не бранитесь. Я не потерплю, чтобы на меня кричали. Обирать египтян — мое законное право! И попробуйте только, троньте меня хоть пальцем — я вас проучу так, что до самого рождества не забудете!

Мордонт тут же бросился бы на дерзкого коробейника, чтобы испытать его храбрость, но в это мгновение кто-то громко произнес за его спиной: «Остановитесь!» То был голос Норны из Фитфул-Хэда, которая в разгар ссоры незаметно подошла к спорящим.

← Остановитесь! — повторила она, — Ты, Брайс, окажи Мордонту помощь, которой он требует. Она принесет тебе больше, говорю я, нежели вся твоя сегодняшняя добыча,

— Это дорогое голландское полотно, — сказал коробейник, щупая ткань одной из сорочек со знанием дела, с каким хозяйки и знатоки оценивают изделия ткацкого станка, — это дорогое голландское полотно, и какое прочное — прямо коленкор. Но вашу просьбу, матушка, я уважу. Я уважил бы и просьбу мейстера Мордонта, да только он стал ругаться и кричать, а от этого у меня все нутро переворачивается; вот я и забылся немного, — прибавил коробейник, сменив вызывающий тон на вкрадчивый и униженный, каким он обычно уговаривал покупателей. Затем он вытащил из кармана фляжку и подошел к пострадавшему.

— Тут у меня бренди — первый сорт, — сказал он, — и коли это его не оживит, так, верно, уж ничто не поможет. — С этими словами Брайс, предварительно отхлебнув немного, словно желая доказать высокое качество напитка, хотел уже приложить фляжку к губам незнакомца, как вдруг отдернул руку и взглянул на Норну.

— А вы отведете от меня зло, какое он может мне сделать, коли я помогу ему? Вы ведь знаете, матушка, что говорят в народе.

Вместо ответа Норна взяла фляжку из рук Брайса и стала растирать виски и грудь пострадавшего, приказав Мордону приподнять его голову так, чтобы он мог извергнуть морскую воду, которой наглотался, когда тонул.

Коробейник с минуту безучастно смотрел на них, а затем произнес:

— Надо думать, теперь-то уж не так страшно помочь ему, когда он не в воде, а лежит себе спокойно на сухом бережку. Надо думать, что главная-то беда грозит тому, кто первый его тронул. А ведь просто жалость берет смотреть, как от перстеньков распухли у бедняги пальцы: руки-то у него, глядите, стали синие, словно краб, что еще не сварился.

С этими словами Брайс схватил холодную руку несчастного, по которой только что пробежала легкая дрожь — знак возвращавшейся к нему жизни, — и принялся из человеколюбия снимать с нее перстни, представлявшие, видимо, известную ценность.

— Если дорога тебе жизнь — не тронь, — строгим голосом произнесла Норна, — или я пошлю тебе такое испытание, что конец придет путешествиям твоим с острова на остров.

— Что вы, что вы, ради всего святого, матушка, не говорите такого! — взмолился коробейник. — Я сделаю все, что вам только угодно, и так, как вы пожелаете. У меня и вчера уже разломило всю спину, а ведь это самое последнее дело для нашего брата разносчика, коли он не сможет спокойно ходить с места на место со своим коробом да честно зарабатывать гроши и подбирать то, что господь бог для него на берег выбрасывает.

— Тогда слушай меня, — сказала Норна, — слушай, и ты не раскаешься: подними этого человека на спину — у тебя достаточно широкие плечи; жизнь его стоит дорого, и щедрая награда ожидает тебя.

— Да уж наградить-то меня придется, — сказал коробейник, задумчиво глядя на взломанный сундук и другие разбросанные по песку предметы, — человек-то этот, видишь ли, встал между мной и этим добром, а заberi я все это сегодня, так не знал бы нужды до конца дней! А теперь будет оно валяться, пока следующий прилив не унесет его опять в море вдогонку тем, кто владел им еще вчера утром.

— Не бойся, — сказала Норна. — Его еще приберут к рукам. Взгляни, вот уже слетаются черные вороны — видно, чутье у них не хуже твоего.

Она была права: несколько человек из селения Ярлсхоф уже спешили вдоль берега, торопясь урвать свою долю добычи.

Коробейник при виде их жалобно застонал.

— Вот всегда так, — сказал он, — ярлсхофцы уж тут поработают — они на это известные мастера, так что и обрывка гнилого троса здесь не оставят! Да хуже всего, что не хватает у них смекалки вознести благодарность госуду за все полученное. Старый наш ранслар Нийл Роналдсон — так тот, чтобы послушать проповедь, и мили не может пройти, а как узнает, что разбилось судно, так проковыляет и все десять.

Впрочем, Норна обладала над ним, видимо, столь исключительной властью, что Брайс без дальних слов взвалил на плечи несчастного, который подавал уже явные признаки жизни, и безропотно потащился вдоль берега со своей ношей, которую бережно поддерживал Мордонт. Незнакомец, когда его уносили, указал на сундук и пытался пробормотать несколько слов, на что Норна ответила:

— Хорошо, он будет в сохранности.

Направляясь к тропе Эрика, по которой им предстояло подняться на утес, Норна и ее спутники встретили жителей Ярлсхофа, спешивших в противоположном направлении. Мужчины и женщины при встрече почтительно уступали Норне дорогу и кланялись ей, и на лицах у многих отражался при этом страх. Она сделала несколько шагов вперед, затем обернулась и окликнула ранслара, который, хотя подобного рода действия были скорее освящены обычаем, нежели законом, сопровождал своих односельчан в их грабительской вылазке.

— Нийл Роналдсон, — сказала Норна, — запомни мои слова. Там, на берегу, стоит сундук с только что оторванной крышкой. Пусть его перенесут в твой дом в Ярлсхофе. Да смотри, чтобы все было в целости, чтобы не тронули в нем ни единой вещи. А посмеет кто хотя бы в него заглянуть — уж лучше было б тому лежать в могиле. Ты знаешь, что я слов на ветер не бросаю и не потерплю непослушания.

— Все будет исполнено, как вы того желаете, матушка, — ответил Роналдсон, — уж будьте покойны, никто не осмелится тронуть ящик, раз таково ваше приказание.

Далеко позади прочих шла старая женщина; она ворчала себе под нос, кляня свою дряхлость, которая заставляла ее плестись в хвосте, и все же спешила изо всех сил, боясь упустить свою долю поживы.

Поравнявшись с ней, Мордонт чрезвычайно удивился, ибо узнал их старую домоправительницу.

— Что это значит, Суерта? — спросил он. — Как это ты оказалась так далеко от дома?

— Да я только вышла взглянуть, где это запропалился мой бедный хозяин, а с ним и ваша милость, — ответила Суерта, которая чувствовала себя пойманной на месте преступления, ибо мистер Мертон не раз высказывал свое крайнее неодобрение по поводу экспедиций, подобных той, в какой она сейчас принимала участие.

Но Мордонт был слишком занят своими собственными мыслями, чтобы обратить внимание на ее провинность.

— А ты встретила отца? — спросил он.

— Как же, как же, — ответила Суерта, — бедный джентльмен один-одинешенек сползал по тропе Эрика, и как это только он не сложил там свои косточки — ведь никогда-то в жизни он не лазал по скалам. Так уж я пустилась на всякие хитрости и уговорила его идти домой, а потом стала разыскивать вас: бегите скорей за ним в замок, ох, боюсь, что ему совсем плохо.

— Отец нездоров? — воскликнул Мордонт, припоминая приступ слабости, охвативший Мертона во время их утренней прогулки.

— Совсем, совсем плохо, — заныла Суерта, жалобно качая головой, — он стал такой белый, такой белый... Ах, бедный мой господин, и подумать только — он хотел спуститься по риве!

— Возвращайся домой, Мордонт, — приказала слышавшая их разговор Норна. — Я возьму на себя попечение об этом несчастном, а если ты захочешь его видеть, то найдешь в доме ранслара. Все, что ты смог, ты уже для него сделал.

Мордонт почувствовал, что она права, и, приказав Суерте немедленно следовать за ним, пошел по дороге к дому.

Суерта с неохотой поплелась за своим юным хозяином, но как только он углубился в ущелье и скрылся у нее из глаз, тотчас же повернула в обратную сторону, бормоча:

— Идти домой? Как бы не так! Идти домой и упустить такой чудесный случай заполучить себе новый плащ и новый платок. Да такой оказии не было,

поди, уж десять лет! Ну нет! Такой богатой находки не случалось на нашем берегу с того самого раза, как разбились «Дженни и Джеймс», еще во времена короля Чарли.

С этими словами Суерта заковыляла прочь со всей скоростью, на какую была способна, и так как бодрый дух легко подчиняет себе тщедушную плоть, помчалась с необычайной быстротой, чтобы получить и свою часть добычи. Вскоре она достигла побережья, где ранслар, не забывая набивать свои собственные мешки, уговаривал остальных честно делить поживу, как подобает добрым соседям, предоставляя старикам и немощным должную долю, ибо, как он благочестиво прибавил, тогда господь благословит их берег и пошлет им еще до зимы «много-много разбитых кораблей».

Глава VIII

Красив, приветлив, полон сил,
Как дикий барс, изящен был
Мой юный господин,
А в милой резвости своей
Он был, пожалуй, веселей,
Чем молодой дельфин.

Вордсворт

Ноги у Мордонта Мертон были молодые, и он быстро добрался до Ярлсхофа. В дом он почти вбежал, ибо слова Суерты, произнесенные не без умысла, до известной степени подтверждали то, что он сам видел во время утренней прогулки. Мордонт застал отца в общей комнате, где тот, усталый, присел отдохнуть; однако первый же вопрос убедил юношу, что почтенная женщина прибегла к маленькому обману, чтобы избавиться от них обоих.

— Где этот умирающий, ради чьего спасения ты так умно рисковал собственной головой? — осведомился старший Мертон у младшего.

— Норна, сэр, — ответил Мордонт, — взяла его на свое попечение, а в этих делах она разбирается.

— Значит, она не только ведьма, но еще и знахарка? — добавил старый Мертон. — Ну, тем лучше, одной заботой меньше. А я по совету Суерты поспешил домой за корпией и повязками, ибо она бормотала что-то о переломанных костях.

Мордонт промолчал, хорошо зная, что Мертон не будет продолжать расспросов, и не желая подводить старую домоправительницу или вызвать у отца одну из тех бурных вспышек гнева, которым он был подвержен, когда, вопреки обыкновению, считал себя вынужденным вмешиваться в поведение своей служанки.

Суерта возвратилась домой только к вечеру, изнемогая от усталости и с довольно объемистым узлом, содержащим, видимо, ее долю награбленного. Мордонт тотчас же разыскал ее и стал укорять в том, что она обманула и мистера Мертона и его самого, но у почтенной особы не оказалось недостатка в оправданиях.

— Хотите верьте, хотите нет, — заявила она, — а только когда я собственными своими глазами увидела, как мой юный хозяин полез вниз по скале, ну прямо как дикая кошка, я решила, что тут без увечий не обойдется и хорошо еще, если перевязка поможет. Вот я и уговорила мистера Мертона пойти домой за корпией, и уж верьте не верьте, а он, право же, был нездоров и с лица стал совсем белый, как полотно, — я так ему и сказала, помереть мне на этом самом месте, — и это увидел бы всякий, кто случился бы там в это время.

— Но все-таки, Суерта, — возразил Мордонт, как только ее крикливые оправдания позволили ему вставить свое слово, — как же так получилось, что ты, вместо того чтобы заниматься дома стряпней и сидеть за прялкой, оказалась сегодня утром у тропы Эрика и проявила столь ненужную заботу о моем отце и обо мне? А что в этом узле, Суерта? Сдается мне, что ты нарушила закон и вышла пожитья обломками кораблекрушения.

— Ах вы мой красавчик, да благословит вас святой Роналд! — воскликнула Суерта полузаискиваю-

щим-полушутливым тоном. — Неужели вы хотите помешать бедной старухе немного подновить свою одежду, когда столько добра лежит себе на песке и так и ждет, не подберет ли его кто. Ах, мейстер Мордонт, да ведь один только вид разбитого судна способен даже нашего пастора сманить с кафедры на самой середине проповеди, а вы хотите, чтобы бедная, старая, ничему не ученая женщина осталась у своей кудели и прялки! Да и много ли мне перепало за целый-то день работы? Клочок-другой полотна, да два-три куса грубого сукна, ну и кое-что еще... Хорошие-то вещи на этом свете достаются тем, кто посильнее да посмелее.

— Да, Суерта, — ответил Мордонт, — и это тем прискорбнее, что тебе и на этом и на том свете еще достанется за то, что ты обкрадывала потерпевших крушение.

— Ах, любезный вы мой, ну кому будет охота наказывать бедную старуху за какой-то узел с тряпьем? Бранят в народе графа Патрика, чернят его, а ведь он был благодетелем для нашего берега и дал нам мудрые законы, не велел спасать корабли, что попадают на рифы.¹ А моряки, как, слышала я, говорил Брайс-коробейник, — раз их киль коснулся дна, так и теряют право на свое имущество; да к тому же ведь они все потонули, померли, упокой господь их душеньки, да, потонули и померли, и не нужны им теперь никакие земные блага, так же как и славным ярлам и викингам давних времен не нужны больше сокровища, что зарывали с ними в могилы и склепы тому уже много-много лет. Да разве я вам о них не рассказывала, не пела о том, как Олаф Трюгверсон велел зарыть с ним в могилу пять золотых корон?

— Нет, Суерта, — ответил Мордонт, которому хотелось немного помучить хитрую старую грабительницу, — ты никогда мне об этом не рассказывала; но зато я должен тебе сказать, что чужестранец, которого Норна распорядилась отнести в поселок, настолько

¹ Это буквально соответствует действительности. (Прим. автора)

оправился, что завтра же спросит, куда вы запрятали то, что награбили на берегу.

— А кто зайкнется ему об этом, золотой вы мой? — спросила Суерта, лукаво заглядывая снизу в лицо своему молодому хозяину. — К тому же, должна сказать вам, есть у меня среди всего прочего хороший кусочек атласа как раз на камзол для вашей милости: обновите в первый же раз, как отправитесь в гости.

Мордонт не мог не расхохотаться над хитроумной попыткой почтенной старушки подкупить его и из свидетеля превратить в соучастника грабежа; он приказал ей поторопиться с обедом и вернулся к мистеру Мертону, который продолжал сидеть на том же месте и почти в той же позе, в какой сын оставил его.

Когда их недолгая и скромная трапеза была окончена, Мордонт сообщил отцу о своем намерении спуститься в поселок и навестить потерпевшего.

Старик кивком головы выразил свое согласие.

— Ему там, должно быть, очень неудобно, — сказал сын, на что последовал новый кивок головы. — Судя по его внешности, — продолжал Мордонт, — он принадлежит к лучшим слоям общества, и даже если бедняки хозяева приложат все усилия, чтобы обставить его как можно удобнее, в его теперешнем состоянии...

— Я знаю, что ты хочешь сказать, — перебил его отец, — ты считаешь, что мы должны в какой-то мере помочь ему. Ну что ж, ступай к нему. Если у него нет денег, пусть назовет нужную сумму, и он получит ее, но поместить его у нас, войти с ним в какие-то сношения — нет, этого я и не могу и не хочу! Я удалился на самые дальние из Британских островов затем, чтобы избежать новых друзей и новых лиц, и не допущу, чтобы кто-либо из них врывался ко мне со своим счастьем или со своим горем. Когда ты проживешь еще с десятков лет и лучше узнаешь мир, то прежние друзья оставят по себе такую память, что отобьют у тебя охоту заводить новых во все остающиеся дни твоей жизни. Ступай же, что ты стоишь? А он пусть

уезжает из этих мест! Я не хочу видеть никого, кроме здешних простолюдинов: размеры и характер их мелких плутней мне хорошо известны, и с ними я могу примириться, как со злом, слишком ничтожным, чтобы вызывать возмущение. — С этими словами он бросил сыну кошелек и подал ему знак удалиться как можно скорее.

Мордонту не понадобилось много времени, чтобы дойти до селения. В мрачном жилище Нийла Роналдсона он застал незнакомца сидящим около тлеющего в очаге торфа на том самом сундуке, который пробудил столь алчные чувства в душе благочестивого корабейника Брайса Снейлсфута. Самого ранслара не было дома: он распределял со всей должной беспристрастностью выброшенные на берег вещи между жителями своей общины, разбирая жалобы, восстанавливая справедливость и выказывая себя при этом (хотя все дело с начала и до конца было сплошным беззаконием) мудрым и осторожным, входящим во все подробности судьей. Ибо в те времена, а быть может, и значительно позже, простолюдины Шетлендских островов придерживались того же мнения, что и варвары (при подобных же обстоятельствах), а именно, что все выброшенное к ним на берег становится их бесспорной собственностью.

Марджери Бимбистер, достойная супруга ранслара, была дома и представила Мордонта своему гостю следующим не слишком церемонным образом.

— Вот сын нашего тэксмена; может, вы хоть ему скажете свое имя, раз уж никак не хотите сказать его нам. Не будь он таким расторопным, вряд ли вам пришлось бы еще с кем-нибудь разговаривать на этом свете.

Незнакомец поднялся и пожал Мордонту руку со словами, что, видимо, ему он обязан спасением своей жизни и своего сундука.

— Остальное имущество, — прибавил он, — все равно что погибло в море, ибо здешние жители набросились на него, как черти на свою добычу.

— Не многого, значит, стоит ваше морское искусство, — вмешалась Марджери, — почему это вы не

обошли сторонкой наш Самборо-Хэд? Не вышел же он сам собой вам навстречу. .

— Оставь нас на одну минуту, любезная хозяйшка, — сказал Мордонт, — мне нужно с глазу на глаз поговорить с джентльменом.

— Хорош, нечего сказать, джентльмен, — воскликнула, напирая на последнее слово, Марджерри. — Правда, вид у него довольно приятный, ничего не скажешь, — добавила она, еще раз оглядев незнакомца, — а все ж таки сомнительно мне, что он настоящий джентльмен.

Мордонт тоже взглянул на него, но пришел к совершенно обратному выводу. то был стройный мужчина крепкого сложения и скорее высокого роста. Мордонт, правда, был мало знаком со светом, но ему показалось, что энергичное, загорелое, красивое лицо его нового знакомого говорило, что он побывал под различными широтами, а простое и открытое обращение обличало в нем моряка. На вопросы Мордонта о его самочувствии он отвечал весьма бодро и заявил, что стоит ему хорошо отдохнуть одну ночь — и последние следы пережитой катастрофы исчезнут; вместе с тем он с досадой говорил о жадности и любопытстве своих хозяев.

— Болтливая старуха, — сказал он, — целый день приставала ко мне, желая узнать название погибшего судна, как будто ей еще мало было той доли поживы, что она получила! Я был его главным владельцем, а они не оставили мне ничего, кроме носильных вещей. Но должно же быть в этой варварской стране какое-то должностное лицо, хотя бы мировой судья, способный выручить человека, попавшего в руки рабителей?

Мордонт назвал Магнуса Тройла, самого крупного землевладельца и в то же время фюда, или местного окружного судью, как лицо, которое, очевидно, сумеет защитить права пострадавшего; юноша прибавил, что, к сожалению, сам он еще так молод, а отец его — всего лишь уединившийся на этих островах чужестранец, и поэтому они лишены возможности оказать незнакомцу покровительство, в котором он нуждается.

— Ну, что касается вас, так вы сделали для меня достаточно, — сказал моряк. — Эх, будь у меня под рукой хоть пять молодцов из тех сорока, что отправились кормить рыб, стал бы я, черт возьми, просить правосудия, да я просто совершил бы его сам!

— Сорок человек! — воскликнул Мордонт. — Много же у вас было народу для такого небольшого судна!

— Да и этого не хватало! У нас было десять бортовых орудий, не считая легких носовых пушек. Но во время плаванья в морях Новой Испании мы лишились многих людей и вместе с тем загрузились товарами. Шесть пушек пришлось снять и использовать как балласт. Эх, была бы у меня достаточная команда, никогда не погибли бы мы так дьявольски глупо! Молодцы мои выбились из сил, работая помпами, и решили спустить шлюпки, оставив меня на судне выкручиваться как я сам сумею. Но теперь мерзавцы получили по заслугам, и я могу милостиво простить их: шлюпки затопило, люди погибли, а я — здесь.

— Значит, вы прибыли на север из Вест-Индии? — спросил Мордонт.

— Да, да, судно называлось «Добрая надежда», это был капер из Бристоля. И везло же ему в морях Новой Испании: и в торговых делах и в захвате вражеских судов! Да, кончилось теперь его счастье! Мое имя — Клемент Кливленд, капитан и один из владельцев судна, как вы уже знаете. Родом я из Бристоля; моего отца, старого Клема Кливленда из Колледж Грина, все там хорошо знали в ратуше.

У Мордонта не было никаких прав более подробно о чем-либо расспрашивать чужеземца, и все же ему казалось, что любопытство его удовлетворено лишь наполовину. В тоне Кливленда слышалась какая-то нарочитая, вызывающая грубость или резкость, для которых не было, собственно говоря, достаточных оснований. Правда, он пострадал по вине островитян, но со стороны Мордонта видел одно лишь участие и желание помочь, а получалось так, словно он обвинял всех окружающих в нанесенном ему ущербе.

Мордонт опустил глаза и молчал, не зная, уйти ли ему или предлагать и дальше свои услуги. Кливленд, однако, словно угадал его мысли, ибо тут же прибавил более дружелюбным тоном:

— Я человек прямой, мейстер Мертон — так, кажется, ваше имя, — и я разорен, окончательно разорен, а от этого обходительней не становишься. Но вы приняли во мне горячее дружеское участие, и, может быть, в душе я даже благодарен вам больше, чем могу высказать это словами, и потому, прежде чем покинуть здешние места, мне хотелось бы подарить вам мое охотничье ружье. Из него вы за восемьдесят шагов всадите сотню дробин в широкополую голландскую шляпу; оно метко бьет, и пулей за полторы сотни ярдов я убил из него дикого буйвола. У меня есть еще два ружья, столь же хороших, если не лучших по качеству, так что, прошу вас, возьмите это себе на память.

— Но тогда, значит, я тоже приму участие в разделе выброшенного на берег, — со смехом заявил Мордонт.

— Ничего подобного, — возразил Кливленд, открывая ящик, в котором оказалось несколько ружей и пистолетов, — как видите, мне удалось спасти не только гардероб, но и мое личное оружие — все по милости той высокой старухи в темном плаще, — и, между нами говоря, это стоит всего, что я потерял, — прибавил он, понизив голос и оглядываясь. — В присутствии здешних сухопутных акул я говорю, что разорен, но это отнюдь не значит, что у меня так-таки ничего и не осталось. Нет, нет, здесь у меня имеется нечто получше дробы для охоты за морской дичью. — С этими словами он вытащил огромную сумку с надписью: «Крупная дробь» — и показал Мордонту, что она полна испанских пистолей и портагезов, как тогда называли большие португальские золотые монеты.

— Как видите, — прибавил он, — у меня достаточно балласта, чтобы снова придать кораблю надлежащую остойчивость; так как же, согласны вы теперь взять ружье?

— Ну, раз вам уж так хочется подарить его мне, — сказал со смехом Мордонт, — то возьму с удовольствием. Я только что собирался спросить у вас по поручению моего отца, — прибавил он, доставая кошелек, — не нуждаетесь ли вы в такого же рода балласте?

— Благодарю, но вы видите, что в этом отношении я достаточно обеспечен. Возьмите это ружье, оно долго и верно служило мне, и надеюсь, что так же послужит и вам, хотя, пожалуй, в ваших руках оно не свершит уже столь славного путешествия. Вы, конечно, умеете стрелять?

— Да, довольно прилично, — ответил Мордонт, любуясь прекрасным, с золотой насечкой, испанским ружьем малого калибра, с необычайно длинным стволом, как все ружья, предназначенные для охоты за морской дичью или для стрелковых состязаний.

— Вы не найдете ружья, — продолжал его бывший хозяин, — которое так точно било бы дробью, а пуль вы за двести ярдов убьете тюленя с самого высокого утеса вашего неприступного берега. И все же, повторяю, эта старая хлопушка никогда не сослужит вам той службы, какую сослужила мне.

— Я, может быть, не так хорошо стреляю, — сказал Мордонт.

— Гм, может быть, и так, — возразил Кливленд, — но дело не в этом. А вот как вам понравится такая штука: подстрелить из него рулевого, как было однажды, когда мы брали на abordаж испанское судно? Доны потеряли голову, мы навалились на них с крамбола, бросились с тесаками в руках на палубу и захватили корабль! О, игра стоила свеч! Это был «El Santo Francisco»¹ — прекрасно оснащенная бригантина, спешившая в Порто Белло и нагруженная золотом и неграми. Мой кусочек свинца принес нам, как видите, двести тысяч пистолей.

— Пока что я такой дичи не стрелял, — произнес Мордонт.

¹ «Святой Франциск» (исп.).

— Ну, всему свое время: не поднимешь якоря, пока вода не позволит. Но ведь вы — ловкий, красивый, энергичный молодой человек, почему бы вам не предпринять небольшую прогулку в погоне за такими вот безделушками? — спросил он, положив руку на мешок с золотом.

— Отец собирается вскоре отправить меня путешествовать, — ответил Мордонт; он привык с величайшим уважением относиться к представителям королевского флота и чувствовал себя чрезвычайно польщенным, услышав подобное предложение из уст человека, который представлялся ему самым заправским моряком.

— Ну, за такие намерения я его уважаю, — сказал капитан, — и обязательно навещу его, прежде чем снимусь с якоря. Дело в том, что судно мое шло в сопровождении консорты, который, будь он проклят, носится теперь где-то около этих островов. Товарищи, конечно, разыщут меня, хотя мы расстались во время налетевшего шквала, если только они тоже не отправились к Дэви Джонсу. Впрочем, их судно было лучше оснащено и не так сильно загружено, как мое: оно должно было выдержать вчерашний шторм. Так вот, мы и повесим на нем вашу койку и за одно плавание сделаем из вас и моряка и мужчину.

— О, я бы этого очень хотел, — ответил Мордонт, который страстно желал познакомиться с окружающим миром побольше, чем позволяли ему пустынные острова, где он жил до тех пор. — Но это должен решить отец.

— Ваш отец? Какие пустяки! — воскликнул капитан Кливленд. — Хотя, впрочем, вы совершенно правы, — поправился он, — я так давно живу на море и просто не могу себе представить, чтобы кто-то, кроме капитана или судовладельца, мог решать что-либо. Но вы совершенно правы. Я сейчас же пойду к старому джентльмену и поговорю с ним. Он живет, не правда ли, в том прелестном, новеньком здании, что виднеется там, на расстоянии четверти мили?

— Он действительно живет в той старой развалине, — сказал Мордонт, — но никаких посетителей не терпит.

— Ну, тогда вы должны похлопотать о себе сами, ибо я не могу долго задерживаться в этих широтах. Поскольку ваш отец не занимает никакой должности, я вынужден буду обратиться к этому — как вы его называли? — Магнусу Тройлу, который хоть и не мировой судья, но что-то в этом роде и сумеет, должно быть, уладить мое дело. Здешние жители завладели двумя-тремя вещами, которые я должен получить обратно и получу наверняка. А остальное пусть уж возьмут себе, будь они прокляты! Не дадите ли вы мне рекомендательного письма к этому Магнусу?

— Вряд ли в этом есть необходимость, — ответил Мордонт. — Достаточно того, что вы — потерпевший кораблекрушение и нуждаетесь в его помощи; но я могу, конечно, написать ему.

— Тогда, — сказал капитан, доставая из сундука письменный прибор, — вот вам все, что для этого требуется. А я тем временем, поскольку люки были раздраны, должен забить их и позаботиться о сохранности груза.

Пока Мордонт писал Магнусу Тройлу, излагая обстоятельства, при которых капитан Кливленд оказался выброшенным на их берег, последний, предварительно отобрав и отложив в сторону кое-какое платье и необходимые предметы обихода, какие могли поместиться в дорожной сумке, взял молоток и гвозди и не хуже заправского плотника заколотил крышку; затем, для большей надежности, присовокупил еще веревку, которой перевязал сундук, и закончил свою работу мастерски сделанным морским узлом.

— Я оставляю все у вас на хранении, за исключением вот этого и вот этих, — сказал он, указывая на сумку с золотом, тесак и пистолеты, — они предохранят меня в будущем от возможной разлуки с моими портагезами.

— В этой стране вам не представится случая пустить в ход оружие, — сказал Мордонт. — Здесь ребенок может пройти с полным кошельком золота от Самборо-Хэда до самого Ско-оф-Унста, и никто его не тронет.

— Не слишком ли это смело сказано, мой юный друг, учитывая то, что происходит сейчас в поселке?

— О, — возразил несколько сконфуженный Мордонт, — то, что выброшено на сушу морем, жители считают своей законной собственностью. Можно подумать, что они — последователи сэра Артегала, который говорит:

Имеет каждый право на трофей,
И то, чем море раз уж овладело,
Разбив суда и потопив людей
Иль иначе свершив лихое дело, —
Оно как дар на гребнях бурных вод
Тому, кому захочет, принесет,

— Ну, за эти слова я теперь еще больше буду почитать театральные пьесы и баллады, хотя, должен сознаться, в свое время я их очень любил. Да, это хорошее правило, и многие моряки его придерживаются. То, что море посылает нам, то наше, это бесспорно. Однако на тот случай, если ваш добрый народ решит, что суша, подобно морю, тоже может подарить ему вещи, якобы лишившиеся хозяина, я уж осмелюсь взять с собой в дорогу тесак и пистолеты. Вас же прошу присмотреть за тем, чтобы сундук мой был перенесен к вам в дом, а также, поскольку вы пользуетесь некоторым влиянием среди местного населения, найти проводника, который указал бы мне дорогу и снес мою сумку.

— А как вы хотите отправиться, морем или сушей? — спросил его вместо ответа Мордонт.

— Морем? — воскликнул Кливленд. — Как, в одной из этих ореховых скорлупок, да вдобавок еще и расколотой? Нет, сушей, сушей — во всяком случае, пока я не ознакомлюсь основательно с предлагаемым мне экипажем, судном и маршрутом.

На этом они расстались. Капитан Кливленд получил проводника, который взялся провести его в Боро-Уестру, а сундук под присмотром Мордонта был перенесен в замок Ярлсхоф.

Глава IX

Он — вежливый купец и осторожный, И, как Автолик, он не отпускает
Бесчисленных острот и шуток плоских, Но приправляет свой товар мишурный
Советами полезными, как гуся Шалфеем с розмарином приправляют.

Старинная пьеса

На следующее утро Мордонт в ответ на расспросы отца начал было рассказывать о потерпевшем, которого вытащил из воды, но не успел он повторить двух или трех подробностей, сообщенных ему Кливлендом, как мистером Мертоном овладело явное беспокойство. Он вскочил с места, начал ходить взад и вперед по комнате, а затем удалился в свою спальню, где затворялся обычно во время приступов свойственного ему душевного недуга. Правда, вечером он вышел без каких-либо признаков болезненного состояния, но само собой разумеется, что сын опасался даже намекать на предмет, столь взволновавший его отца.

Мордонту предоставлялось, таким образом, самому, не торопясь, и без чьей-либо помощи составить себе мнение о новом знакомце, посланном ему морем. В конце концов он, к немалому своему удивлению, пришел к тому выводу, что, в общем, впечатление, произведенное на него чужестранцем, было менее благоприятным, чем можно было ожидать. Юноше начало даже казаться, что в этом человеке таится что-то отталкивающее. Правда, он был красив, держался просто и обладал располагающими к себе манерами, но вместе с тем в нем чувствовались высокомерие и сознание собственного превосходства, что не очень нравилось Мордону. Как страстный охотник,

юноша был в восторге от испанского ружья, разбирал и снова собирал его с неослабевающим интересом, тщательно разглядывая самые мелкие детали замка и украшений, но вместе с тем он испытывал некоторое смущение, вспоминая, как оно ему досталось.

«Мне не следовало принимать подобный подарок, — думал он. — Быть может, капитан Кливленд дал мне его в виде платы за ту ничтожную услугу, которую я оказал ему. А с другой стороны, было бы неучтиво отказаться от столь любезно предложенного подарка. И все же Кливленд не тот человек, которому приятно быть чем-либо обязанным».

Однако первый же день необыкновенно удачной охоты уничтожил последние сомнения Мордонта, и он, подобно многим молодым стрелкам, пришел к выводу, что все прочие ружья — детские хлопушки по сравнению с его собственным. Зато каким скучным и презренным показался ему теперь удел стрелять чаек и тюленей, когда на свете существует такая дичь, как французы и испанцы, когда можно брать на бордаж суда и одним выстрелом убирать рулевого. Отец его, правда, уже упоминал о том, что юноше предстояло покинуть Шетлендские острова, но его неопытное воображение не могло представить ему никаких иных возможностей, кроме связанных с морем, хорошо знакомым ему с самого детства. В прежние дни его честолюбивые помыслы не шли дальше участия в какой-либо трудной и опасной рыболовной экспедиции в Гренландию, где шетлендских рыбаков ожидали самые суровые испытания. Но теперь снова разгорелась война, и подвиги сэра Фрэнсиса Дрейка, капитана Моргана и других смелых искателей приключений, о которых Мордонт прочел в книжке, купленной у Брайса Снейлсфута, произвели на ум юного Мертонна неизгладимое впечатление. Часто вспоминал он предложение капитана Кливленда взять его с собой в плавание, хотя привлекательность подобной перспективы порой омрачалась сомнением — не найдет ли он в конце концов у своего будущего командира слишком много отрицательных черт? Он уже понимал, что Кливленд чрезвычайно самоуверен,

а при случае может оказаться и деспотом, и если в самой любезности его уже ощущалось сознание собственного превосходства, то в минуты гнева это неприятное свойство могло проявиться намного резче, чем пришлось бы по вкусу его подчиненным. И все же, несмотря на всю рискованность подобного предприятия, согласись только его отец, с какой радостью, думал Мордонт, пустился бы он в море, на поиски невиданных стран и опасных приключений. Он собирался совершить множество героических подвигов и мысленно уже представлял себе, как вновь и вновь будет рассказывать о них двум прелестным сестрам из Боро-Уестры и как Минна, внимая ему, будет плакать, Бренда — улыбаться, а обе — восхищаться его мужеством, и это послужит ему лучшей наградой за совершенные доблестные деяния и испытанные опасности, ибо домашний очаг Магнуса Тройла, словно магнит, привлекал к себе все его мысли, и, где бы они ни витали в течение дня, в конце концов они неизменно находили себе приют под его кровом.

Часто Мордонт порывался сообщить отцу о своем разговоре с Кливлендом и о предложении последнего, но когда он в самых кратких и общих словах стал рассказывать историю неизвестного моряка (на следующее же утро после того, как последний покинул деревню), это так дурно повлияло на душевное состояние мистера Мертонна, что в дальнейшем Мордонт избегал даже намека на происшедшее. «Я всегда успею, — думал он, — сказать ему о том, что мне предложил капитан Кливленд, когда прибудет его консорт и он повторит свое предложение на этот раз уже официально», — что, как полагал Мордонт, должно было совершиться в ближайшем будущем.

Но дни превращались в недели, недели — в месяцы, а о Кливленде не было ни слуху, ни духу. Мордонту удалось только узнать во время одного из заходов к ним Брайса Снейлсфута, что капитан находится в Боро-Уестре, где проживает на правах члена семьи. Юноша несколько удивился этому, хотя безграничное гостеприимство шетлендцев, которое Магнус Тройл благодаря своему богатству и природной

склонности проявлял особенно широко, делало совершенно естественным пребывание незнакомца у него в доме до тех пор, пока тот находит это для себя удобным.

Правда, могло показаться странным, что Кливленд не отправился разыскивать свой консорт на северные острова или не поселился в Леруике, куда рыболовные суда часто привозят вести с берегов и из портов Шотландии и Голландии. Почему также не прислал он за своим сундуком, оставленным в Ярлсхофе? И в конце концов Мордонт находил, что было бы простой вежливостью со стороны чужеземца подать какую-либо весть о себе — хотя бы в знак того, что он помнит своего юного спасителя.

Ко всем этим мыслям присоединялась другая, еще более неприятная и еще труднее объяснимая. До появления Кливленда не проходило и недели без того, чтобы Мордонт не получал из Боро-Уестры дружеского привета или какого-либо знака внимания, и не было недостатка в предложениях для такого постоянного общения: то Минне требовались слова какой-нибудь древней норвежской баллады, то ей нужны были для пополнения одной из многочисленных коллекций птичьего перья, или яйца, или раковины, или образцы каких-либо редких водорослей. То Бренда посылала загадку с предложением разгадать ее или песню с требованием ее выучить. А то добрый старый юдаллер в коряво начертанной записке, которая смело могла бы сойти за древнюю руническую надпись, передавал сердечный привет своему милому юному другу, с прибавлением какого-нибудь лакомства и с убедительной просьбой явиться в Боро-Уестру как можно скорее и пробыть там как можно дольше. Эти любезные знаки внимания часто доставлялись особым гонцом, а кроме того, не было никого, совершавшего путь из Боро-Уестры в Ярлсхоф сушей или морем, кто бы не принес Мордонту дружеского приветствия от юдаллера и его домашних. Однако в последнее время подобные случаи начали становиться все более и более редкими, и вот уже несколько недель, как в Ярлсхофе не было получено из Боро-Уестры ни единой весточки.

Мордонт прекрасно видел и чувствовал происходящую перемену, и она его чрезвычайно угнетала. Желая узнать, если это возможно, причину подобного отчуждения, он начал, насколько позволяли ему гордость и осторожность, расспрашивать Брайса, какие тот принес новости, стараясь в то же время сохранить вид полнейшего равнодушия.

— Как же, как же, большие новости, — ответил коробейник, — да еще как много новостей! Эта твердолобая деревенщина, новый наш управляющий, хочет изменить все наши бисмары и лиспанды,¹ а достойный наш фоуд Магнус Тройл поклялся, что скорей спустит Триптолемуса Йеллоули с вершины Брассы-Крэга, чем сменит их на какие-то там безмены или еще на что другое.

— И это все? — осведомился Мордонт весьма безучастным тоном.

— Все? Неужто вам еще мало? — спросил коробейник. — А по мне, так более чем достаточно. Да вы подумайте только: как же людям тогда покупать и продавать, когда для каждой вещи будет новая мера?

— Да, это правда, — согласился Мордонт, — но скажи-ка, не появились ли у наших берегов какие-либо чужеземные суда?

— Как же, как же, целых шесть голландских рыболовных посудин из Брассы, да еще, довелось мне слышать, галиот с высокой кормой и гафельным гротом зашел в бухту Скэллоуэй; надо думать, что из Норвегии.

— А военных судов или шлюпов не было видно?

— Нет, ни единого, — ответил коробейник, — ведь «Коршун», посыльное судно, уже ушло вместе со всеми рекрутами, что насильно забрали во флот. Эх, когда б на то воля господня, да не будь на нем наших ребят, потонуть бы ему на самом глубоком месте!

— А что нового в Боро-Уестре? Все ли там здоровы?

¹ Меры веса норвежского происхождения, до сих пор еще распространенные на Шетлендских островах. (*Прим. автора.*)

— Да, и здоровы и благополучны, на мой взгляд — так даже слишком. Больно уж много веселятся они, да хохочут, да что ни вечер танцуют, и в народе стали уже поговаривать, что все с этим, с чужим капитаном, что живет у них в доме; его еще выбросило на берег у Самборо-Хэда. Ну, тогда-то ему было не до смеха.

— Веселятся, танцуют каждый вечер, — повторил Мордонт, не очень-то обрадованный подобными вестями. — А с кем же танцует капитан Кливленд?

— Да с которой захочет, с той и танцует, — ответил коробейник. — Верьте не верьте, а только он всех заставил плясать под свою дудку. Ну, мое дело сторона, я и смотреть-то не хочу на все их штучки да шуточки. А только всем надо помнить, что жизнь наша соткана из гнилой пряжи.

— А ты, чтобы люди не забывали столь душе-спасительной истины, и продаешь им столь непрочные товары? — спросил Мордонт, возмущенный как тоном ответа, так и явным лицемерием отвечавшего.

— Это вы для того, значит, чтобы я не забывал, что и вы сами, мейстер Мордонт, тоже любите поплясать да повеселиться. Но только я уже человек пожилой и не могу говорить против своей совести. А что до вас, так вы, уж верно, будете на балу в Боро-Уестре в канун Иванова дня — бедные ослепленные грешники прозывают его святым Иоанном, — и вам потребуются всякие там суетные наряды: штаны в обтяжку, камзолы и все прочее. А у меня есть как раз кое-что такое из Фландрии... — С этими словами торговец поставил свою переносную лавку на стол и принялся распаковывать ее.

— Бал, — повторил Мордонт, — бал накануне Иванова дня! Что, тебя просили передать мне приглашение, Брайс?

— По совести говоря — нет, да ведь вы и без того знаете, что вам будут рады, хоть с приглашением, хоть без приглашения. Капитан этот, как бишь его, он назначен у них самым главным из всей компании, по-вашему говоря — скадлером.

— Ах, черт бы его побрал! — воскликнул, не сдержавшись, пораженный Мордонт.

— Все в свое время, молодой человек, все в свое время, — ответил коробейник, — не торопись погонять чужое стадо! Дьявол — он свое возьмет, это уж будьте покойны, он-то найдет, кого ему надобно. И нечего смотреть на меня словно дикая кошка, все мои слова — чистая правда. Чужеземец-то этот, как бишь его, купил у меня такой же камзол, как я вам сейчас покажу, малиновый, с золотой каймой и богатой вышивкой. А для вас у меня припасен точно такой же, только все по зеленому полю. И коли вы хотите быть не хуже капитана, так бесприменно должны купить этот камзол: в наши дни девушки все больше на золото засматриваются! Вот, взгляните-ка, — прибавил он, поворачивая свой товар во все стороны, — сперва вот так, на свет, а потом, чтобы свет на него падал, а теперь по ворсу, а там против ворса — и все-то он выходит первый сорт. Вещица эта из Антверпена, и цена ей четыре доллара. Капитан ваш так обрадовался, что бросил мне золотую монету короля Иакова в двадцать шиллингов, да еще сказал, чтобы я оставил себе сдачу и убирался к... Ах он бедный нечестивец, верьте не верьте, а жаль мне его!

Не задумываясь, относится ли сожаление коробейника к беспечности капитана Кливленда в мирских делах или к его религиозным заблуждениям, Мордонт отвернулся, скрестил руки и принялся ходить по комнате, бормоча:

— Не приглашен... Чужой человек будет первым на празднике! — Он с такой горячностью повторял эти слова, что Брайс частично уловил их значение.

— Ну, что до приглашения, мейстер Мордонт, не осмелюсь точно сказать, но сдается мне, что вас еще пригласят.

— Значит, мое имя упоминали? — спросил юноша.

— Вот уж не могу поручиться, чтобы да, — ответил Брайс Снейлсфут, — но только напрасно это вы так кисло смотрите и голову отворачиваете, словно

тюлень, что уходит с берега в воду. Я ведь своими ушами слышал, что там будет вся молодежь из наших мест, и мыслимое ли дело, чтобы они обошли вас, давнишнего своего приятеля да к тому же лучшего танцора и забавника (дай бог, чтобы в свое время вас можно было бы похвалить за что-то более путное!). Да такого плясуна, как вы, запиликай только скрипка, не сыскать отсюда и до самого Унста. По моему разумению, вы все равно что приглашены, и как хотите, а только нужен вам для этой okazji новый камзол: ведь там все будут разряжены в пух и прах — господь помилуй несчастных грешников!

Говоря это, Брайс следил своими тусклыми зелеными глазками за каждым движением молодого Мертона, который ходил взад и вперед по комнате, погруженный в глубокую задумчивость; видимо, корабейник понимал ее совершенно превратно, ибо думал, как Клавдио, что если кто-либо печален, то, конечно, оттого, что у него нет денег. Поэтому Брайс, после недолгого молчания, обратился к юноше со следующими словами:

— Ну, да вы об этом не печальтесь, мейстер Мордонт; сказать по правде, с капитана, как бишь его, я взял настоящую цену, ну а с вами мы поладим по-приятельски: вы ведь старый мой друг и покупатель, я и возьму с вас, как говорится, по карману, а могу и подождать, хотите — так до Мартынова дня, а то и до самого сретения. Я ведь человек деликатный, мейстер Мордонт, упаси боже, чтобы я стал кого торопить с уплатой, да еще приятеля, что не раз расплачивался со мной чистоганом. А коли угодно, можете рассчитаться со мной птичьими перьями, или шкурками морской выдры, или еще какими мехами — никто лучше вас не умеет раздобыть подобный товар; для того я и снабдил вас порохом первого сорта. И не припомню, говорил ли я, что он из ящика капитана Планкета с вооруженного брига «Мэри», что разбился у Ско-оф-Унст тому уже шесть лет. Сам Планкет тоже был охотник хоть куда, и счастье, что порох выбросило на берег неподмоченным. Я не продаю его никому, кроме самых метких стрелков. Вот,

значит, коли есть у вас товарищ такого рода, что годится в обмен на камзол, так по рукам. Вас непременно будут ждать в Боро-Уестре в канун Иванова дня, а выглядеть вам хуже, чем этот, как бишь его, капитан, просто зазорно.

— Да, ждут меня или нет, а я там буду, — сказал Мордонт, резко остановился и выхватил из рук коробейника камзол, — и, как вы верно сказали, стыдиться меня им не придется.

— Полегче, полегче, мейстер Мордонт! — закричал коробейник. — Вы хватаете камзол, словно это тук грубого уодмэла, да вы разорвете его на клочки — ведь мой товар нежный! А цена ему, значит, четыре доллара. Прикажете записать их за вами?

— Нет, — быстро ответил Мордонт и, вынув кошелек, бросил деньги коробейнику.

— Ну, теперь носить вам этот камзол да радоваться, — произнес довольный Брайс, — а мне — расторговаться на ваши денежки, и спаси нас небо от земной суеты и земного стяжательства и пошли вам светлые льняные ризы праведников — о них же подобает заботиться более, нежели о всяких мирских кисеях, батистах, шелках и бархатах; а мне пошли, господи, таланты, что дороже испанских золотых и голландских долларов, и... Но что это стряслось с пареньком, с чего это он комкает драгоценный атлас, словно клок сена?

В эту минуту вошла старая домоправительница Суерта, и Мордонт с беззаботной небрежностью бросил ей свою покупку, словно желая поскорее избавиться от нее, и велел спрятать. Затем он схватил ружье, стоявшее в углу, забрал свои охотничьи принадлежности и, не замечая попытки Брайса завести с ним разговор о «чудесной тюленьей шкурке, мягкой, прямо как замша», из которой были сделаны ремень и чехол его ружья, поспешно выбежал вон.

Некоторое время коробейник своими зелеными, хитрыми, всюду ищущими, где бы пожить, гляделками, о которых нам уже приходилось упоминать выше, смотрел вслед покупателю, столь непочтительно обошедшемуся с его товаром.

Суерта тоже посмотрела вслед Мордонту с некоторым изумлением.

— Паренек-то, пожалуй, немного не в себе, — заявила она.

— Какое там не в себе! — повторил коробейник. — Он скоро свихнется еще почище, чем его отец. Обращаться этак с вещью, что стоила ему целых четыре доллара! Вот уж, точно, дурит словно фэйфец, как говорят рыбаки с восточных островов.

— Четыре доллара за эту зеленую тряпку! — воскликнула Суерта, услышав цифру, неосторожно слетевшую с губ Брайса. — Вот это сделка так сделка! И не знаю, право, он ли такой дурак или ты уж больно ловкий пройдоха, Брайс Снейлсфут!

— Да я ведь не говорил, что камзол стоил ему точно четыре доллара, — заявил коробейник, — а когда бы даже и стоил, так что же, разве деньги у парня не его собственные и не волен он ими распоряжаться, как вздумает? Он ведь уже не маленький! А между прочим, камзол и вправду стоит этих денег, и даже еще больше.

— Между прочим, — холодно повторила Суерта, — посмотрим, что скажет на это его отец.

— Ну, неужто ты будешь такой вредной, миссис Суерта? — сказал разносчик. — Плохо ты, видно, хочешь отблагодарить меня за чудесный платок, что я привез тебе из самого Леруика.

— Да и цену ты тоже заломил за него чудесную, — ответила Суерта, — будто я не знаю, чем кончаются все твои добрые дела.

— Ну, хочешь, сама назови свою цену. А то пусть лежит, пока тебе не придет нужда покупать что для хозяйства или для хозяина, а тогда мы все в один счет и запишем.

— А ведь и верно, твоя правда, Брайс Снейлсфут. Как подумаю, так скоро нам как раз понадобится столовое белье — где уж нам самим прясть-то и все такое прочее; иное дело, будь у нас хозяйка, а то мы ведь ничего не делаем дома.

— Вот это я называю жить по писанию, — сказал разносчик. — «Ступайте на торжище к продающим и покупающим». Ох, и полезное же это изречение!

— Прямо одно удовольствие иметь дело с таким разумником: из всего-то он состряпает выгодное дельце, — сказала Суерта. — Да, теперь, когда я получше рассмотрела покупку нашего дурачка, так и впрямь вижу, что цена этому камзолу четыре доллара.

Глава X

По воле своей управлял
я погодой и временами года.
Солнце подчинялось мне и переходило
от тропика к тропику,
послушное моим велениям,
и тучи по моему приказанию
проливались дождем.

«Расселас»

Всякая внезапная неприятность, вселяющая в нас ощущения тревоги или обиды, приводит людей преклонного возраста к мрачному и унылому бездействию, юношей же, наоборот, побуждает к страстным и энергичным поступкам; так настигнутый стрелой олень стремится заглушить боль от раны быстротой своего бега. Когда Мордонт схватил ружье и бросился вон из дома, он неудержимо понесся вперед через пустоши и болота, с единственной целью спастись, если возможно, от жгучего чувства обиды. Гордость его была глубоко уязвлена словами корабейника, которые в точности подтверждали сомнения, возникшие у него в связи с долгим и совершенно непривычным молчанием его друзей из Боро-Уестры.

Если бы судьба обрела великого Цезаря, как говорит поэт:

Быть первым борцом на зеленом лугу,

то, очевидно, победа более удачливого соперника в этом простонародном состязании была бы для него

столь же тяжелой, как поражение в борьбе за владычество над миром. Так и Мордонт Мертон, видя себя упавшим с той высоты, которую он занимал как первый кавалер среди молодежи острова, чувствовал себя оскорбленным, возмущенным и в то же время униженным. Красавицы сестры, чьих улыбок все домогались, сестры, к которым он питал такую горячую родственную привязанность, что к ней невольно примешивалась чистая и невинная, хотя и неясная, нежность, более глубокая, чем нежность брата, — эти сестры, казалось, отвернулись от него. Для него не было тайной, что, по единодушному мнению всего Данроснесса и даже всего Мейнленда, он мог стать избранником любой из них; а теперь неожиданно и без малейшей его вины он стал значить для них так мало, что утратил даже право считаться их обычным знакомым. Старый юдаллер, от которого, по самому складу его доброго и открытого нрава, можно было бы ожидать большего постоянства, оказался, однако, столь же изменчивым, как и его дочери, и бедный Мордонт лишился одновременно и улыбок обеих красавиц и благосклонности влиятельного лица. Мысли эти терзали его, и он ускорял шаги, чтобы убежать от них, если только это было возможно.

Не задумываясь о том, куда именно он направляется, Мордонт быстро шел по местности, в которой ни живые изгороди, ни стены, ни заборы не встают на пути пешехода, и в конце концов достиг уединенного места, где среди крутых, поросших вереском холмов, резко обрывающихся у самого края воды, лежит маленькое пресноводное озерцо, каких множество в Шетлендии. Стоки их образуют ручьи и речушки, снабжающие страну водой и приводящие в движение небольшие мельницы, которые мелют зерно для местных жителей.

Был нежаркий летний день. Солнечные лучи, как это часто бывает в Шетлендии, рассеивались и умерялись пронизывавшей воздух серебристой дымкой; она ослабляла резкие противоположности света и теней, придавая даже яркому полдню скромное очарование вечерних сумерек. Маленькое озеро, не более трех

четвертей мили в окружности, было совершенно неподвижно. Порой только, когда одна из бесчисленных водяных птиц, скользящих по его поверхности, на мгновение ныряла в воду, на нем расходились широкие круги ряби. Глубина придавала воде тот лазурный, голубовато-зеленый оттенок, из-за которого озеро и получило название Грин-Лох. Сейчас оно лежало, как зеркало, среди окружавших его мрачных холмов, с такой четкостью отражавшихся в его недрах, что едва можно было различить, где кончается вода и начинается берег. Более того — из-за легкой дымки, смягчавшей все очертания, случайный путник даже не понял бы, что перед ним водное пространство. Трудно было представить себе более пустынный пейзаж, все подробности которого выступали с особой четкостью из-за полнейшего безветрия, более спокойное, бесцветное, бледное небо и большую тишину. Даже многочисленные пернатые обитатели озера отказались от обычных своих взлетов и выкриков и бесшумно плавали по ничем не возмущаемой глади.

Без какой-либо определенной цели, без всякого намерения, почти даже не думая о том, что он делает, Мордонт вскинул ружье и выстрелил в противоположный берег. Крупная дробь, словно град, покрыла рябью небольшой участок воды, холмы отозвались на звук выстрела, и эхо за эхом стало повторять его снова, и снова, и снова; водяные птицы взлетели и, словно подхваченные водоворотом, закружились беспорядочными кругами, отвечая на эхо тысячью голосов, от низких воплей морской, или серой, чайки до жалобных криков моськи, или трехпалой чайки.

Некоторое время Мордонт смотрел на это шумное сборище со злобным чувством, которое он сейчас готов был испытывать ко всему окружающему — как к живым существам, так и к неодушевленной природе, хотя бы совершенно непричастным к его мукам.

— Ну что же, — говорил он, — кружитесь, ныряйте, пищите и вопите сколько угодно только потому, что вы увидели незнакомый дотоле предмет и слышали необычный звук. Да, многие в подлунном мире

похожи на вас. Но вы по крайней мере узнаете, — прибавил он, снова заряжая ружье, — что необычные предметы и необычные звуки, да и необычные знакомства в придачу, таят в себе часто немалую долю опасности. А впрочем, — прибавил он после некоторого раздумья, — зачем мне срывать досаду на этих безвредных чайках, не имеющих никакого отношения к забывшим меня друзьям? Я так их любил, а они так легко променяли меня на первого встречного, которого случай забросил к нам на берег!

Пока юноша стоял так, опершись на ружье и отдавшись течению печальных мыслей, он вдруг почувствовал, что кто-то тронул его за плечо. Мордонт глянул назад и увидел Норну из Фитфул-Хэда, закутанную в темный широкий плащ. Она заметила юношу с гребня холма и спустилась к озеру по небольшой ложбине, скрывавшей ее до тех пор, пока она не подошла к Мордонту так неслышно, что он обернулся лишь тогда, когда она коснулась его.

Мордонт Мертон по складу своего характера не был ни робок, ни легковерен, а более широкий, чем обычно, круг прочитанного до известной степени ограждал его ум от влияния пустых и ложных суеверий. Было бы, однако, совершенным чудом, если бы, живя на Шетлендских островах в середине семнадцатого века, он обладал мировоззрением, возникшим в Шотландии лишь двумя поколениями позже. В глубине души он сомневался, насколько велико сверхъестественное могущество Норны, да и существует ли оно на самом деле, а это в стране, где все безоговорочно его признавали, являлось уже большим шагом вперед на пути сознательного неверия, хотя неверие это ограничивалось пока одними сомнениями. Норна действительно была необыкновенной женщиной: одаренная ни с чем не сравнимой, почти нечеловеческой энергией, она действовала всегда по своим собственным, ей одной известным побуждениям, совершенно, казалось, не зависящим от простых житейских расчетов. Под влиянием подобных мыслей, усвоенных им с ранней юности, Мордонт не без некоторой тревоги увидал эту таинственную женщину, столь внезапно

появившуюся рядом с ним. Она смотрела на него тем грустным и суровым взглядом, каким, согласно древним норвежским сагам, роковые девы валькирии, избирающие тех, кто должен погибнуть в бою, смотрели на юных героев, которых они отметили для того, чтобы разделить с ними пиршество Одина.

В самом деле, встретиться с Норной наедине в отдаленной от человеческих взоров местности считалось по меньшей мере дурным предзнаменованием. Полагали, что в подобных случаях она является пророчицей бед и самая встреча с ней предвещает несчастье. Мало кто из жителей острова, привыкших видеть Норну в людных местах, не задрожал бы от страха, встретив ее на пустынном берегу Грин-Лоха.

— Никогда не причиняла я тебе зла, Мордонт Мертон, — сказала она, уловив, быть может, во взгляде юноши тень этого суеверного ужаса, — и никогда не причиню тебе его, не бойся!

— Я и не боюсь, — ответил Мордонт, стараясь отогнать смутное предчувствие беды, казавшееся ему недостойным мужчины. — Чего мне бояться, матушка? Вы всегда относились ко мне хорошо.

— А между тем, о Мордонт, ты не из наших краев, но ни единому из тех, в чьих жилах течет шетлендская кровь, ни единому из тех благородных отпрысков древних оркнейских ярлов, что сидят у очага Магнуса Тройла, — ни единому из них, говорю я, не желаю я такого счастья, как тебе, славный и мужественный мальчик. Ты едва достиг пятнадцати лет, когда я надела тебе на шею эту волшебную цепь. Не руки смертных выковали ее — то знают все на островах. Нет, выкована она руками драу¹ в тайниках их

¹ Драу, или трау, происходящие от норвежских дуэргаров и несколько родственные гномам, обитают, как и последние, внутри зеленых холмов и в пещерах и проявляют особое могущество в полночь. Они замечательные искусники во всякого рода поделках из железа, а порой и драгоценных металлов. Иногда они благосклонны к людям, но чаще капризны и злобны. Среди простого народа Шетлендских островов вера в их существование до сих пор распространена повсеместно. На соседних Фарерских островах их называют фодденскенланд, или подземным народцем, и Лукас Джекобсон Дийбз, хорошо знакомый с их природой, уве-

глубоких пещер. И без страха ступила твоя нога на утесы Нортмавена, где прежде ступали одни перепончатые лапы морской чайки. И без страха повел ты свой челн в глубь Бриннастерской пещеры, где прежде одни лишь гренландские тюлени¹ дремали во мраке. И ты хорошо это знаешь: с того дня, как я дала тебе талисман, все на островах полюбили тебя как брата, полюбили тебя как сына, признали в тебе юношу, одаренного превыше всех прочих, охраняемого теми силами, чье могущество наступает в час, когда ночь встречается с днем.

— Увы, матушка! — промолвил Мордонт. — Ваш любезный дар, возможно, и принес мне всеобщую благосклонность, но он не в силах был сохранить ее для меня, а быть может, я сам не сумел удержать ее. Но не все ли равно? Я научусь обходиться без других, как они обошлись без меня. Отец говорит, что скоро я покину эти острова, поэтому, милая матушка, возьмите обратно ваш волшебный подарок — пусть он принесет другому счастье более длительное, чем мне.

— Не презирай дара безымянного племени, — сказала, нахмурив брови, Норна, но затем, внезапно сменив недовольство на мрачную торжественность, прибавила: — Не презирай их, о Мордонт, но и не ищи их расположения. Опустись на этот серый камень. Ты — названный сын мой, ради тебя я отброшу, насколько это возможно, все, что возвышает меня над прочими смертными, и буду говорить с тобой, как мать говорит с ребенком.

Это сказано было грустным, дрожащим голосом и, в сочетании с торжественностью ее речи и величественностью осанки, должно было, очевидно, возбудить участие и привлечь особое внимание. Мордонт

ряет, что они обитают в местах, оскверненных пролитой кровью или какими-либо особыми греховными деяниями. У них есть нечто вроде государственного устройства, по всей видимости — монархического. (*Прим. автора.*)

¹ Крупнейшая порода тюленей, избирающих для своего пребывания самые глухие и уединенные убежища. См. «Шетлендию» доктора Эдмондстона, том II, стр. 294. (*Прим. автора.*)

опустился на указанный ему камень — обломок скалы, который, вместе со множеством других, разбросанных кругом, сорвался во время зимней бури с утеса и лежал теперь у его подножия, почти касаясь воды. Норна тоже опустилась на камень, футах в трех от юноши, и завернулась в свой плащ, оставив на виду только лоб, глаза и прядь седых волос, да и те затенял ее темный капюшон из домотканой шерсти. Затем она заговорила тоном, значительность и важность которого, столь часто свойственные безумию, боролись, видимо, с глубоко скрытыми силами какого-то необычного и тайного душевного горя.

— Я не всегда была такой, как сейчас, — начала Норна. — Я не всегда была мудрой, могущественной владычицей стихий, перед которой юность останавливается в смущении, а старость обнажает убеленную сединами голову. Были дни, когда при моем появлении не умолкало веселье, когда я разделяла людские страсти и несла свою долю человеческих радостей и горестей. То было время бессилия, время безумия, время беспечного и бесполезного смеха, время беспричинных и невинных слез. И все же, несмотря на все безумства тех дней, их горести и их слабости, чего бы не дала Норна из Фитфул-Хэда, чтобы снова стать простой и счастливой девушкой, какой была она в юности! Слушай меня, Мордонт, терпеливо слушай, ибо никто еще не слышал моих жалоб и никто никогда больше их не услышит. Но я буду той, кем должна быть, — продолжала она, поднимаясь во весь рост и вздымая худые, изможденные руки, — повелительницей и защитницей этих пустынных, обездоленных судьбой островов. Я буду той, чьих ног без ее дозволения не омочит морская волна, даже когда ярость ее не знает границ; я буду той, чьей одежды не тронет вихрь, даже когда он срывает с домов кровли. Будь же мне свидетелем, Мордонт Мертон, ты, который слышал мои слова в Харфре и видел, как бури утихла от их звучания, будь мне свидетелем!

Противоречить Норне в минуту ее высшего восторженного порыва казалось Мордонту и жестоким и бесполезным, даже если бы он был вполне уверен,

что перед ним лишенная рассудка женщина, а не могучая заклинательница.

— Я слышал, как вы пели, — сказал он, — и видел, как ослабела буря.

— Ослабела! — воскликнула Норна, грозно ударив землю посохом из черного дуба. — Ты говоришь не всю правду, она сразу же стихла, быстрее, чем дитя, которое баюкает нянька. Но довольно, ты знаешь мое могущество, но ты не знаешь — смертные не знают и никогда не узнают, какой ценой обрела я это могущество. О Мордонт, никогда, даже за ту необъятную власть, которой гордились норвежцы, когда стяги их развевались от Бергена до Палестины, никогда ни за какие блага нашей земной юдоли не отдавай душевного мира за величие, подобное величию Норны! — Она снова опустилась на камень, закрыла лицо плащом и, судя по судорожным движениям, вздымавшим ее грудь, казалось, горько плакала.

— Милая Норна, — начал Мордонт и остановился, не зная, какими словами утешить несчастную женщину, — милая Норна, — снова повторил он, — если на душе у вас лежит какая-то тяжесть, не лучше ли вам пойти к нашему достойному пастырю в Данроснесе? Говорят, что вы вот уже много лет не бывали там, где собираются все христиане, а это нельзя называть ни похвальным, ни правильным. Все знают, что вы умеете врачевать телесные недуги, но когда болен дух, тогда следует обращаться к врачу душ.

Норна, которая до того сидела опустив голову, сначала медленно выпрямилась, потом внезапно вскочила на ноги, откинула назад плащ, протянула руки, на губах ее появилась пена, глаза засверкали, и она воскликнула голосом, похожим на вопль.

— Как! Это ты говоришь про меня? Это меня ты отсылаешь к священнику? Разве ты хочешь, чтобы несчастный умер от ужаса? Мне — пойти в молитвенный дом? Разве ты хочешь, чтобы крыша обрушилась на головы невинных молящихся и кровь их смешалась с молитвами? Мне, мне обратиться к небесному исцелителю? Разве ты хочешь, чтобы дьявол открыто, перед лицом небес и людей потребовал свою добычу?

При виде крайнего возбуждения Норны Мордонту невольно пришла на ум мысль, широко распространенная и общепринятая в Шетлендии в те суеверные времена.

— Несчастливая! — воскликнул он. — Если ты и вправду заключила союз со злыми силами, почему же ты не хочешь покаяться? Но поступай как знаешь, а я не могу, не смею, как христианин, оставаться долее в твоём присутствии. И возьми обратно свой дар, — прибавил он, протягивая Норне цепь, — он никогда не принесет мне добра и боюсь, что уже принес мне зло.

— Остановись и выслушай меня до конца, безрасудный ребенок, — сказала Норна спокойным тоном, словно смятение и ужас, отразившиеся на лице Мордонта, привели ее в себя. — Выслушай меня: я не из тех, кто предался врагу рода человеческого, и не от него обрела я свое искусство и могущество. Да, я умилила неземные силы жертвой, назвать которую не осмелится язык смертных, но, видит бог, вина моя в этом не более вины слепца, упавшего в пропасть, которой он не мог ни видеть, ни избежать. О, не покидай меня, не беги от меня в минуту моей слабости, побудь со мной, пока не пройдет искушение, или я брошусь в это озеро и избавлюсь одновременно и от своего могущества и от своего несчастья!

Мордонт всегда испытывал к этой удивительной женщине добрые чувства, вызванные, очевидно, той теплотой и вниманием, с какими она отнеслась к нему с первых же дней его появления на острове, и теперь опять покорно опустил на камень, готовый слушать дальше. Он надеялся, что мало-помалу ей удастся побороть свое страшное возбуждение, и действительно, не много потребовалось времени для того, чтобы она, как и ожидал Мордонт, вновь овладела собой и продолжала своим обычным, твердым и повелительным тоном:

— Не о себе собиралась я держать речь, Мордонт, когда увидела тебя с вершины вон того серого

утеса и спустилась, чтобы встретиться с тобой. Моя участь решена безвозвратно, и никакие перемены, будь то к добру или к злу, для меня невозможны. О себе я давно уже не тревожусь. Но к тем, кого она любит, Норна из Фитфул-Хэда сохранила чувства, которые еще связуют ее с человеческим родом. Слушай же: в гнездо орла, благороднейшего из всех, обитающих на этих высоких утесах, заползла гадюка. Протянешь ли ты руку помощи, чтобы раздавить ее и спасти благородное потомство могучего северного владыки?

— Говорите яснее, матушка, если хотите, чтобы я вас понял, — сказал Мордонт, — я не мастер разгадывать загадки.

— Хорошо, я буду говорить яснее. Ты ведь знаешь обитателей Боро-Уестры, прелестных дочерей доброго старого юдаллера Магнуса Тройла, Минну и Бренду? Ты ведь знаешь и любишь их?

— Я знал их, матушка, — ответил Мордонт, — и любил их, вам это известно лучше чем кому бы то ни было.

— Узнать их однажды, — произнесла с особым чувством Норна, — значит узнать их на всю жизнь. Полюбить их однажды — значит полюбить их навеки.

— Полюбить их однажды — значит всегда желать им добра, — поправил ее юноша, — только и всего. Я скажу вам, Норна, всю правду: друзья мои из Боро-Уестры в последнее время совсем забыли меня. Но откройте мне, каким способом могу я быть им полезным, и я докажу, как хорошо помню прежнюю доброту и как мало обижен на теперешнюю холодность.

— Хорошо сказано, — ответила Норна, — я подввергну твою преданность испытанию. Магнус Тройл пригрел у себя на груди змею, и его прелестным дочерям угрожают козни коварного и презренного негодяя.

— Вы говорите о чужестранце Кливленде? — спросил Мордонт.

— Да, о том, кто называет себя этим именем, — ответила Норна, — о чужеземце, которого мы нашли лежащим, словно жалкий пучок водорослей, на берегу, у подножия Самборо-Хэда. Какое-то предчувствие шептало мне тогда, что не следует касаться его, а лучше оставить на песке, пока волны, выбросившие его на сушу, не унесут его снова в море. И теперь я раскаиваюсь, что не послушалась этого чувства.

— А я, — возразил Мордонт, — не раскаиваюсь, что выполнил долг, подобающий христианину. И какое право имею я сожалеть об этом? Если Минне, Бренде, Магнусу и всем остальным чужестранец нравится больше, чем я, как могу я обижаться? Да меня просто подняли бы на смех, вздумай я с ним равняться.

— Правильно, — сказала Норна, — и я надеюсь, что они окажутся достойными твоей бескорыстной дружбы.

— Но мне непонятно, — продолжал Мордонт, — какую, полагаете вы, могу я оказать им услугу? Я только что узнал от корабейника Брайса, что капитан Кливленд совершенно околдовал и молодых леди из Боро-Уестры и самого юдаллера. Мне не очень хотелось бы вторгаться туда, где меня не желают видеть, или ставить свои доморощенные достоинства в один ряд с доблестями капитана Кливленда. Он может рассказывать о сражениях, об убитых им французах, а я — лишь о птичьих гнездах и о том, как я стрелял тюленей; у него нарядное платье и гордая осанка, а я просто одет и просто воспитан. Столь блестящему кавалеру так же легко поймать сердца окружающих, как охотнику — заманить кайру в силки.

— Ты несправедлив к себе, — возразила Норна, — и еще более несправедлив к Минне и Бренде. И не слишком доверяй рассказам Брайса: он, как хищная косатка, готов свернуть с пути и нырять за любой подачкой, брошенной рыбаком. Если тебя очернили в глазах Магнуса Тройла, то поверь, тут не обошлось без этого подлеца корабейника. Но пусть

он строит свои козни — я не перестаю следить за ним.

— Но почему же, матушка, — спросил Мордонт, — вы сами не скажете Магнусу то, что сказали мне?

— Потому что, — ответила Норна, — тот, кто в своем самомнении почитает себя великим мудрецом, должен получить горький урок на собственном опыте. Только вчера говорила я с Магнусом, и что же он мне ответил? «Милая Норна, ты стареешь». И это сказал он, связанный со мной столь многими и столь тесными узами, он, потомок древних норвежских ярлов, он, Магнус Тройл, сказал это мне, Норне. И сделал он это в угоду тому, кого море выбросило на берег, как пучок негодных водорослей! Но если Магнус презирает советы старости, пусть его обрадует юность! Благо ему, что мы не оставляем его во власти собственного безумия. Ступай поэтому, как обычно, в Боро-Уестру на праздник Иоанна Крестителя.

— Но меня не пригласили, матушка, — возразил Мордонт, — я не нужен им, не желанен, забыт; быть может, меня даже не захотят узнать, когда я явлюсь к ним... И все же должен признаться, что я сам хотел туда отправиться.

— Это была верная мысль, — ответила Норна, — так и следует поступить. Мы навещаем друзей во время телесного недуга, почему же не навестить их во время недуга душевного, когда они ослеплены собственным благополучием? Ступай же в Боро-Уестру, Мордонт, там, быть может, мы встретимся, но пока пути наши расходятся. Прощай и никому не рассказывай об этой встрече.

Они расстались. Мордонт долго еще стоял у озера, провожая глазами Норну, пока ее высокая мрачная фигура не исчезла за поворотом лощины, по которой она спускалась. Затем он вернулся домой, решив последовать совету, столь согласному с его собственными желаниями.

Глава XI

Все древние устоя
И все привычки ваши я сменю.
Пить, есть и спать, ходить, глядеть
и думать
Вы станете по-новому теперь.
На брачном ложе сменитесь местами:
Жена у края ляжет, муж — у стенки.
Всю старину переверну вверх дном я
И назову, подумайте, реформой!

«Мы не в ладу»

День праздника приближался, а Мордонт, без которого еще недавно не обходилось на острове ни одно торжество, все не получал приглашения. Между тем повсюду только и говорили, какими милостями и благосклонностью доброго старого юдаллера из Боро-Уестры пользуется капитан Кливленд. Суерта и старик ранслар, слыша о таких переменах, лишь качали головой и всяческими намеками и обиняками напоминали Мордонту, что он сам навлек на себя беду, неосторожно проявив столь ярое усердие в деле спасения утопающего, когда тот лежал под скалами Самборо-Хэда и любая волна могла вновь унести его в море.

— Не дело это идти наперекор соленой воде, — говорила Суерта. — Как станешь ей перечить, так уж добра не жди.

— Что правда, то правда, — добавлял ранслар, — умные-то люди всегда оставляют воде и веревке то, что им попало: вытащенный из воды и вынутый из петли никому не приносит счастья. Кто пристрелил Уилла Петерсона из Носса? Да не кто иной, как тот самый голландец, которого он вытащил из воды. Ну, бросить там утопающему доску или конец какой — это еще куда ни шло, христианский долг, а руки держи от него подальше, коли хочешь жить-поживать да добра наживать и не видеть от него вреда.

— Да уж, ты у нас, ранслар, из всех, что забрасывают сети, самый-то честный да самый-то умный, — поддакивала, испуская глубокие вздохи, Суер-

та, — тебе ли не знать, когда и как помогать ближнему.

— Что правда, то правда, — отвечал ранслар, — порядочно деньков прожил я на свете и слышал, как еще старые люди обо всем этом говорили; да я первый из всех шетлендцев брошусь по-христиански помогать человеку на твердой земле; а коли он кричит «спасайте» из соленой воды, так это уж совсем другая статья.

— И подумать только, что парень этот, Кливленд, стал поперек дороги нашему мейстеру Мордонту, — говорила Суерта, — а еще прошлой троицей он был в глазах Магнуса Тройла украшением всего острова; а ведь Магнус, коли в голове у него ясно, почитается по уму да и по богатству первым во всей стране.

— Ну, на этот раз он добра не дождется, — ответил ранслар с чрезвычайно глубокомысленным видом, — а все оттого, Суерта, что самый разумный человек — себя я, по-честному сознаюсь, вовсе таковым не считаю — лишь немногим разумней чайки и не легче ему добиться добра, делая глупости, чем мне перешагнуть через Самборо-Хэд. Раз или два в жизни со мной то же самое приключалось. Но мы скоро узнаем, какой бедой все это кончится, ибо добра тут ждать нечего.

И Суерта добавляла тем же пророческим тоном:

— Это точно, добра тут ждать нечего, — что правда, то правда.

Подобные мрачные предсказания, повторяемые время от времени, не могли не оказать на Мордонта известное влияние. Он не думал, конечно, что неприятное положение, в котором он очутился, было естественным и роковым последствием совершенного им доброго дела — спасения утопающего. Он испытывал, однако, такое чувство, словно его опутали какие-то чары, сущность и сила которых ему самому непонятны, словно судьбой его руководило какое-то не подвластное его воле и, по-видимому, малодружелюбное к нему начало. Измученный неизвестностью и чрезвычайно встревоженный, он не отступал, однако, от своего решения во что бы то ни стало

явиться на предстоящее празднество; в то же время его не покидала уверенность, что неизбежно должно произойти какое-то событие, которое окажет решающее влияние на все его грядущие намерения и надежды.

Поскольку здоровье Мертон-старшего в эти дни не внушало никаких опасений, сыну пришлось поставить его в известность о своем предполагаемом путешествии в Боро-Уестру. Когда он сообщил об этом мистеру Мертону, тот пожелал узнать, какие причины побуждают юношу отправиться туда именно в настоящее время.

— Приближается Иванов день, — ответил Мордонт, — и на праздник соберется вся молодежь острова.

— И ты, конечно, горишь нетерпением прибавить к их числу еще одного глупца? Ну что же, иди, но смотри ступай осторожно — ты выбираешь опасный путь, и помни, что падение с утесов Фаулы может быть не столь роковым.

— Разрешите мне узнать, сэр, от чего именно вы меня предостерегаете? — спросил Мордонт, нарушая сдержанность, установившуюся в отношениях между ним и его странным отцом.

— У Магнуса Тройла две дочери, — ответил Мертон. — Ты достиг того возраста, когда юноша восторгается подобными пустыми созданиями для того, чтобы потом проклинать день, когда глаза его увидели свет божий! Бойся их, говорю я тебе, ибо как верно то, что смерть и грех пришли в мир через женщину, так же верно и то, что их нежные слова и еще более нежные взгляды ведут к гибели всякого, кто вздумает им поверить.

Мордонт и раньше замечал явную неприязнь своего отца к особам прекрасного пола, но никогда еще не слышал, чтобы Мертон позволил себе говорить о них в столь резких и определенных выражениях. Он ответил, что дочери Магнуса Тройла не дороже для него прочих шетлендских девушек.

— Они даже меньше для меня значат, — прибавил он, — ибо сами отняли у меня свою дружбу без всякого тому объяснения.

— И ты отправляешься в надежде снова завоевать ее? — спросил отец. — Глупый мотылек, которому однажды уже удалось избежать пламени свечи, не опалив крыльев! Мало тебе безопасного мрака этих пустынных мест, что ты снова летишь на огонь, на котором в конце концов все-таки сгоришь? Но зачем буду я попусту тратить слова, желая спасти тебя от неизбежной судьбы? Иди, куда она зовет тебя.

На следующий день, уже в канун праздника, Мордонт отправился в Боро-Уэстру, размышляя то о наказе Норны, то о зловещих намеках отца, то о дурных предсказаниях Суерты и ранслара и невольно приходя в уныние от стольких сулящих ему одни беды пророчеств.

«Все это предвещает мне холодный прием в Боро-Уэстре, — говорил он себе, — но тем короче будет там мое пребывание. Я хочу только выяснить, изменилось ли их отношение ко мне из-за наветов этого заезжего моряка или в силу их собственного непостоянства и любви к перемене общества. В первом случае я постараюсь за себя постоять, и берегись тогда, капитан Кливленд! Во втором... Ну что ж, прощай тогда Боро-Уэстра и все ее обитатели!»

В то время как он обдумывал эту вторую возможность, оскорбленная гордость и прилив прежней нежности к тем, с кем, быть может, ему придется навсегда распрощаться, вызвали на глазах его слезы. Юноша с досадой поспешил смахнуть их и, прибавив шагу, продолжал путь.

Погода на этот раз стояла ясная и тихая, и легкость, с которой Мордонт подвигался вперед, представляла резкий контраст трудностям, встававшим у него на пути, когда он в последний раз шел по этой дороге. Однако в душе он испытывал чувства куда менее приятные.

«Я подставлял свою грудь ветру, — говорил он себе, — но на сердце у меня было легко и ясно. Хотел бы я сейчас быть таким же беззаботным, даже если бы мне пришлось ради этого бороться с самым страшным ураганом, когда-либо бушевавшим над нашими пустынными холмами!»

Таковы были мысли Мордонта, когда он около полудня подошел к Харфре, где, как читатель, должно быть, помнит, проживал изобретательный мистер Йеллоули. Пускаясь на этот раз в дорогу, наш юный путешественник принял все необходимые меры для того, чтобы не зависеть от хозяев дома, которые успели уже, как известные скряги, снискать себе дурную славу по всему острову. Мордонт нес с собой поэтому в небольшой сумке запас провизии, вполне достаточный и для более длительного путешествия. Однако из вежливости или, вернее, из желания избавиться от собственных беспокойных мыслей он все же зашел в дом, где застал страшную суматоху. Сам Триптолемус, обутый в огромнейшие ботфорты, грохоча каблуками, носился вверх и вниз по лестнице, пронзительным голосом взывая к сестре и служанке Тронде, которые отвечали ему еще более дикими и затейливыми воплями. В конце концов глазам Мордонта предстала сама почтенная миссис Бэйби, облаченная в платье, называвшееся в те времена «иосифом». То было широкое одеяние, когда-то зеленого цвета, а ныне из-за обилия заплат и пятен уподобившееся многоцветным одеждам патриарха, чье имя оно носило. На высокой конусообразной шляпе, приобретенной в давно прошедшие времена, когда тщеславие миссис Бэйби восторжествовало над ее скупостью, торчало перо, столь же близко знакомое с дождем и ветром, как крылья чайки. Таков был парадный костюм почтенной особы; кроме того, в руке она держала старомодный, но оправленный в серебро хлыстик. Наряд этот, так же как ее решительный вид и походка, ясно говорил, что миссис Барбара Йеллоули тоже собралась в дорогу и дела ей нет, как говорится, до того, что об этом подумают.

Она первая заметила появление Мордонта и приветствовала его с несколько смешанными чувствами.

— Господи помилуй! — воскликнула она. — Да это тот самый веселый паренек с этой штукой на шее, что съел нашего гуся с такой же легкостью, словно это был морской жаворонок!

В первой части этой тирады отразился восторг перед золотой цепью, которая в свое время произвела на нее такое глубокое впечатление, тогда как в последней — воспоминание о безвременной гибели копченого гуся.

— Бьюсь об заклад, — тотчас же прибавила она, — что нам с ним по дороге.

— Я направляюсь в Боро-Уестру, миссис Йеллоули, — ответил Мордонт.

— Ну, тогда, значит, мы счастливы будем воспользоваться вашим обществом, — ответила Бэйби. — Сейчас еще слишком рано для обеда, но если вы хотите ячменной лепешки или глоток бленда... Хотя вредно путешествовать на полный желудок, а кроме того, не стоит портить себе аппетит перед угощением, которое ожидает нас в Боро-Уестре, а там-то, можно не сомневаться, всего будет в изобилии.

Мордонт достал свои припасы, говоря, что не хочет вторично злоупотреблять гостеприимством хозяев, и пригласил их разделить с ним то, что он может предложить. Бедному Триптолемусу редко приходилось видеть за обедом и половину тех яств, какие оказались у его гостя на завтрак, и он набросился на еду, как Санчо на «пену» с горшков Камачо, и даже сама почтенная леди не смогла удержаться от искушения, хотя поддалась ему не столь откровенно и даже с несколько сконфуженным видом: она, видите ли, велела уже потушить огонь — ведь просто жалость тратить понапрасну дрова в такой холодной стране, а ей и в голову не пришло сготовить что-либо заранее, так как они как раз собирались выезжать. После этого ей оставалось только прибавить, что *подорожники* юного джентльмена весьма аппетитны на вид, а кроме того, ей любопытно узнать, таким ли самым способом заготавливают здесь впрок говядину, как и у них, на севере Шотландии. В итоге этих сложных соображений уважаемая миссис Бэйби приняла весьма деятельное участие в угощении, разделить которое ей столь неожиданно довелось.

Когда эта импровизированная трапеза была закончена, управляющий изъявил намерение пуститься

наконец в путь, и тут Мордонту стало ясно, что любезность, с какой его встретила миссис Бэйби, была не вполне бескорыстна. Дело в том, что ни она, ни ее ученый братец не очень-то были расположены доверить свои особы пустынным просторам Шетлендии, не имея проводника, и хотя они могли воспользоваться услугами одного из своих же занятых в поле работников, однако бережливый агроном заявил, что это означало бы потерять самое меньшее один рабочий день, а миссис Бэйби еще усугубила его опасения, воскликнув:

— Один рабочий день? Скажи — двадцать! Да как только носы этих бездельников учуют запах капустного варева, а уши услышат пиликанье скрипки, так не заманишь тогда их обратно ни на какую приманку.

Теперь же счастливый приход Мордонта, и притом как раз вовремя, не говоря уже об угощении, которое он принес с собой, сделал его настолько желанным гостем, насколько это вообще было возможно в доме, где в обычных случаях хозяева питали к гостям одно только отвращение. К тому же мистер Йеллоули не мог оставаться равнодушным к приятной перспективе изложить по дороге своему юному спутнику все подробности предполагаемых им в Шетлендии усовершенствований и насладиться тем, чем судьба редко баловала его, а именно обществом терпеливого и внимательного слушателя.

Так как управляющий и его сестра предполагали ехать верхом, то потребовалось достать лошадь и для Мордонта. Это не представляло особых трудностей, ибо множество мохнатых, коренастых, коротконогих пони постоянно бродит без всякого присмотра на вересковых пустошах, служащих общественным выгоном для скота каждого селения; там пасутся вперемежку пони местной породы, гуси, свиньи, козы, овцы и низкорослые шетлендские коровы, причем зачастую в таких количествах, что едва могут добыть себе пропитание среди этой убогой растительности. Разумеется, каждая такая птица или скотина является чьей-то собственностью, на каждом животном выжжено или вытатуировано тавро его владельца, но когда какому-

либо путешественнику нужен на время пони, он со спокойной совестью берет первого, которого удастся поймать, надевает на него недоуздок и, проскакав на нем столько, сколько нужно, возвращает животному свободу и предоставляет ему добираться до дому, в каковых случаях пони проявляют обычно достаточную сообразительность.

Хотя подобное свободное пользование личной собственностью представляло как раз один из тех возмутительных пережитков, которые Триптолемус предполагал искоренить, однако как человек, умудренный житейским опытом, он в то же время не гнушался возможностью воспользоваться столь распространенным обычаем и снисходительно соглашался признать его весьма подходящим для тех, кто, как, например, он сам, не имел своих лошадей, которыми в отместку могли бы воспользоваться соседи. Итак, с холмов были приведены три пони, три маленьких лохматых конька, скорее похожих на медведей, чем на животных из породы лошадей, но в достаточной степени сильных, сообразительных и способных выносить такие же тяготы и столь же дурное обращение, как и все живые существа в мире.

Два таких пони были уже полностью снаряжены для путешествия. На одном, предназначенном для собственной персоны великолепной миссис Йеллоули, красовалось внушительных размеров дамское седло весьма почтенного возраста, представлявшее собой сооружение из подушек и подушечек, с обеих сторон которого свисала попона старинного тканья; первоначально рассчитанная для лошади обычного роста, она покрывала крохотного скакуна, на которого была теперь накинута, от ушей до хвоста и от лопаток до щеток, оставляя на виду одну голову, которая гордо вздымалась над всем этим нагромождением, словно геральдический лев, выглядывающий из кустов. Мордонт галантно посадил прекрасную миссис Йеллоули, что потребовало от него весьма небольшого усилия, на самый верх ее гороподобного седла. Вполне возможно, что, увидев свою особу предметом столь любезного внимания и чувствуя себя наряженной

в свое лучшее платье, чего давно уже не случалось, миссис Бэйби предалась несколько необычным мечтам, и привычные думы о бережливости, бывшие ее ежедневной и всепоглощающей заботой, расцвелись яркими красками. Она опустила глаза на свой полинявший «иосиф» и длинную, висевшую по обеим сторонам седла попону и с улыбкой заметила Мордонту, что путешествовать в хорошую погоду и в приятной компании — истинное удовольствие. «Жаль только, — прибавила она, бросив взгляд на те места, где вышивка потерлась и порвалась, — что при этом так изнашиваются вещи».

Тем временем брат ее весьма решительно уселся на своего конька, и так как, несмотря на ясную погоду, агроном накинул поверх прочей одежды широкий красный плащ, пони его совершенно потонул в складках материи, превзойдя в этом отношении даже лошадку миссис Бэйби. Животное оказалось, однако, весьма бойкого и неподатливого нрава: почувствовав на спине тяжесть Триптолемуса, оно запрыгало и завертелось с живостью, которая, несмотря на йоркширское происхождение всадника, делала его пребывание в седле весьма беспокойным. Кроме того, поскольку различить самого конька можно было, лишь внимательно всматриваясь, прыжки его уже на небольшом расстоянии казались добровольными движениями окутанного плащом всадника, которые тот совершал без помощи каких-либо иных ног, кроме данных ему природой, и контраст между серьезным и даже страдальческим выражением лица Триптолемуса и дикими прыжками, сопровождавшими его рысь по пустоши, вызвал бы смех у каждого, кто мог бы увидеть его в эту минуту.

Мордонт сопровождал достойную парочку верхом на первом попавшемся пони, которого, согласно простым обычаям того времени и страны, удалось принудительно завербовать для него и на котором не было иных принадлежностей для езды, кроме недоуздка. Мистер Йеллоули, весьма довольный легкостью, с какой проводника его удалось снабдить лошадью, в душе своей решил, что этот грубый обычай, позво-

ляющий путнику забрать любого коня без всякого разрешения хозяина, не следует упразднить по крайней мере до тех пор, пока сам он не приобретет целого табуна пони и в отношении его коней ему не начнут платить тою же монетой.

Что же касается других порядков и непорядков, царивших в стране, Триптолемус проявил себя к ним далеко не столь снисходительным. Он завел с Мордонтом бесконечный и утомительный разговор, или, вернее, заставил его слушать нескончаемые разглагольствования о том, какие в Шетлендии имеют произойти перемены в связи с личным его, Триптолемуса, появлением. Правда, он не был искушен в современном искусстве махинаций, при посредстве которых хозяйство можно усовершенствовать до столь высокой степени, что имение полностью пройдет у владельца между пальцев. Однако Триптолемус в своей собственной персоне сосредоточивал если не знания, то, во всяком случае, всю энергию целого агрономического общества, и никто из позднейших его последователей не мог бы превзойти его в благородном презрении к заботе об уравнивании доходов и расходов и в доблестном стремлении к великому преобразованию лица земли. Успех в этом деле должен был, подобно добродетели, уже сам таить в себе награду.

Каждый участок дикой гористой местности, по которой следовали наши всадники, руководствуясь указаниями Мордонта, подсказывал пылкому воображению управляющего возможность какого-либо изменения или усовершенствования: тут он проложит дорогу по едва проходимой лощине, где сейчас одни только уверенно ступавшие существа, на которых ехали наши путники, могли подвигаться более или менее безопасно; там он построит прекрасные дома на месте *скио*, или убогих лачуг, сложенных из ничем не связанных камней, где жители разделявали и заготавливали впрок рыбу; он научит их варить добрый эль вместо бленда; он заставит их насадить леса там, где никогда не росло ни единого дерева, и отыскивать скрытые под землей ценные породы в краю, где

датский шиллинг почитался монетой высокого достоинства. Все эти и многие другие изменения полагал произвести в стране уважаемый агроном, уверенно разглагольствуя о той поддержке и помощи, которые, без сомнения, окажут ему высшие слои населения, и в первую очередь — Магнус Тройл.

— Не пройдет и нескольких часов, — говорил он, — как я уже сообщу ему, бедняге, некоторые из своих соображений, и вы увидите, какой благодарностью преисполнится он к тому, кто принесет ему знания, которые намного дороже богатства.

— Я не советовал бы вам возлагать на это слишком большие надежды, — осторожно заметил Мордонт. — Ладью Магнуса Тройла не так-то просто направить против его воли. Он любит свои обычаи и обычаи своей родины, и вам легче было бы, пожалуй, научить вашего пони нырять по-тюленьи, чем убедить Магнуса заменить какой-либо норвежский порядок шотландским. И со всем этим, хотя он твердо держится старинных устоев, он может, как и всякий другой, оказаться непостоянным по отношению к своим старым друзьям.

— *Neus, tu inepte!*¹ — произнес воспитанник колледжа Сент-Эндрюса. — Постоянен он или непостоянен, какое это может иметь значение? Разве я не облечен здесь полным доверием и властью и разве простой фоуд, каким варварским званием этот Магнус Тройл все еще величает себя, посмеет оспаривать мои взгляды и не соглашаться с моими доводами, когда я представляю высокую особу самого губернатора Оркнейских и Шетлендских островов?

— И все же, — продолжал Мордонт, — я не советовал бы вам нападать слишком резко на его предрассудки. Магнус Тройл со дня своего рождения и до настоящего времени никого не считал здесь выше себя, а на старого коня не так-то легко впервые надеть узду. Кроме того, он ни разу в жизни не выслушал ни одного длинного объяснения и поэтому, весьма вероятно, начнет бранить предлагаемые вами ре-

¹ Эх ты, несмышленный! (лат)

формы, прежде чем вы успеете убедить его в их преимуществах.

— Да что вы, мой юный друг, — возразил управляющий, — неужто вы полагаете, что на этих островах может найтись человек, столь жестоко ослепленный, чтобы не видеть здешних ужаснейших порядков? Да способен ли человек, — продолжал он, все более и более одушевляясь, — способно ли даже бессловесное животное смотреть на то, что виднеется вон там и что жители имеют дерзость именовать мельницей, и не дрожать при этом за судьбу своего зерна, вверяя его столь несовершенному сооружению? Да ведь несчастным шетлендцам приходится иметь по крайней мере по полсотни таких мельничек в приходе, и каждая вертит себе свой убогий жернов, прикрытый тростниковой кровлей, едва превосходящей по своим размерам простой улей. И все это вместо одной мощной и красивой мельницы, принадлежащей какому-либо барону, шум от которой слышен далеко в окрестности, а мука сыплется из лотка целыми форпитами.

— Ну, ну, братец, — отозвалась его сестрица, — нечего говорить, умно ты рассуждаешь. Что дороже, го и лучше, так ведь у тебя выходит! И никак не влезет в твою башку, умник ты этакий, что в здешней стране каждый сам мелет свою горсть муки и не знает себе никаких там ни баронских мельниц, ни приписок к мельницам, ни мельничных податей, ни прочих подобных выдумок. А сколько раз я своими ушами слышала, как ты торговался со старым Эди Недерстейном, мельником в Гриндлбарне, и с его помощником о плате за помол в городе и в деревне, о плате в одну пригоршню и в две, о плате помощникам и о всех прочих платах. А теперь что же, ты хочешь навязать все эти заботы на головы тех несчастных, что построили каждый для себя по мельничке, пусть даже таких плохих, как эта!

— Нечего тут болтать о плате в две пригоршни и о плате помощникам! — закричал возмущенный агроном. — Да лучше отдать половину зерна мельнику, лишь бы другая была смолота как следует, по-христиански, нежели засыпать доброе зерно в подобную

игрушечную вертушку. Посмотри только на нее, Бэйби... Стой, проклятая бестия! — Последнее восклицание относилось к пони, который, едва седок его остановился, чтобы указать на все недостатки шетлендской мельнички, стал проявлять чрезвычайное беспокойство. — Посмотри-ка только, да ведь эта штука немногим будет получше ручной мельницы. У нее нет ни водяного, ни цевочного колеса, ни шестерни, ни воронки (стой, говорят тебе, ишь хитрая бестия!), тут за четверть часа не намелешь и чашки муки, да и та будет похожа скорее на отруби для пойла, чем на муку для хлеба. Вот почему (стой, говорят тебе!), почему, почему... Да сам черт, видно, вселился в это животное, что никак с ним не справиться!

Не успел Триптолемус произнести эти слова, как пони, который уже некоторое время проявлял признаки явного нетерпения — пытался встать на дыбы и гарцевал на месте, тут неожиданно опустил голову и так вскинул задом, что послал своего всадника прямо в небольшую речушку, приводившую в действие то самое ничтожное устройство, которое служило предметом его рассмотрения. Вслед за тем пони, выпутавшись из складок плаща и обретя свободу, помчался в родную пустошь, сопровождая свой бег презрительным ржаньем и отбрыкиваясь через каждые пять ярдов.

Чистосердечно хохоча над бедой, постигшей достойного агронома, Мордонт помог ему подняться на ноги, тогда как миссис Бэйби саркастически поздравила его с тем, что он, к счастью, упал в мелкие воды шетлендской речушки, а не в омут шотландской мельничной запруды. Триптолемус, однако, считал ниже своего достоинства отвечать на подобные насмешки. Едва он встал на ноги, отряхнулся и убедился, что складки плаща помешали ему основательно промокнуть в мелком ручье, как громко воскликнул:

— Я разведу здесь жеребцов из Ланаркшира и племенных кобыл из Эйршира, я не оставлю на островах ни единого из этих проклятых вырожденков, которые только увечат добрых людей. Слышишь, Бэйби, я освобожу страну от подобной нечисти!

— Лучше выжми-ка хорошенько свой плащ, — ответила Бэйби.

Тем временем Мордонт старался поймать в табуне, бродившем поблизости, другого пони. Сплетя из тростника недоуздок, юноша благополучно водрузил упавшего духом агронома на более смиренного, хоть и не столь резвого скакуна, чем тот, на котором он ехал ранее.

Падение мистера Йеллоули подействовало на его настроение как сильная доза успокоительного, и на протяжении целых пяти миль он не произнес почти ни единого слова, предоставив поле деятельности вздыханиям и сетованиям сестры своей Бэйби по поводу старой уздечки, которую, убегая, унес с собой пони. Уздечка эта, по словам миссис Йеллоули, если считать до троицына дня, так прослужила бы целых восемнадцать лет, а теперь она, можно сказать, все равно что выброшена. Убедившись, что отныне ей предоставляется полная свобода действий, престарелая леди пустилась в пространные рассуждения о бережливости. По понятиям миссис Бэйби, добродетель эта состояла из целой системы воздержаний, и хотя в данном случае они соблюдались с единственной целью сбережения средств, однако, покоясь на других основаниях, могли бы составить немалую заслугу для какого-либо сурового аскета.

Мордонт почти не прерывал ее. Видя, что уже близок час прибытия их в Боро-Уестру, он задумался над тем, какого рода встреча ожидает его со стороны двух юных красавиц, и не слушал поучений старой леди, как бы мудры они ни были, что слабое пиво полезней для здоровья, чем крепкий эль, и что если бы ее брат, упав с лошади, повредил себе лодыжку, так камфара и масло намного скорее поставили бы его снова на ноги, чем снадобья всех врачей мира.

Мало-помалу унылая пустошь, по которой до сих пор ехали наши путники, сменилась более живописным ландшафтом; взорам их открылось соленое озеро, или, вернее, рукав моря, далеко углубившийся в сушу и окруженный ровной и плодородной местно-

стью, покрытой такими пышными посевами, каких многоопытный глаз Триптолемуса не видел еще нигде в Шетлендии. Посреди этой земли Гошен возвышался замок Боро-Уэстра. Позади него тянулась гряда поросших вереском холмов, защищавших его от северных и восточных ветров, а перед ним простирался прелестный пейзаж с видом на озеро, сливающийся с ним океан, соседние острова и далекие горы. Как над крышей замка, так и почти над каждым коттеджем лежавшей рядом с ним деревушки поднимались густые облака вкусно пахнувших паров и дыма — признак того, что приготовления к празднику не ограничивались жилищем одного Магнуса, а распространялись на всю округу.

— Вот уж, право слово, — сказала миссис Бэйби, — можно подумать, что вся деревня горит! Самые склоны холмов — и те пропитались здесь запахом расточительности, и тому, кто по-настоящему голоден, достаточно помахать ячменной лепешкой в клубах дыма, что идет из всех этих труб, и не надо ему тогда никакого иного приварка.¹

Глава XII

Это значит,
Что пылкий друг остыл, заметь,
Луций,
Когда любовь пресыщена и тает,
То внешний церемониал ей нужен.
Уверток нет в прямой и честной
вере.

«Юлий Цезарь»²

Если дым из труб Боро-Уэстры, уносившийся по направлению к нагим холмам, окружавшим замок, мог бы, как полагала миссис Барбара, насытить го-

¹ Приварком называется в Шотландии все, что служит добавлением к сухому хлебу сыр, сушеная рыба или вообще кусок чего-либо вкусного (*Прим автора*)

² Перевод М. Зенкевича.

лодного, то шум, доносившийся из кухонь, мог бы вернуть слух глухому. То было смешение самых различных звуков, и все они обещали веселую и радужную встречу. Не менее приятное зрелище открывалось при этом и глазам.

Отовсюду подъезжали кавалькады друзей, и ненужные им больше пони разбегались во все стороны, чтобы кратчайшим путем вернуться на свои вересковые пастбища, — таков, как мы уже говорили, был обычный способ распускать завербованную на один день кавалерию. В небольшой, но удобной гавани, обслуживавшей замок и деревню, высаживались те из приглашенных, которые, живя на далеких островах или вдоль побережья, вынуждены были совершать поездку морем.

Мордонт и его спутники видели, как различные группы прибывающих останавливались, чтобы обменяться приветствиями, а затем одни за другими спешили к замку; его настежь распахнутые двери поглощали такое количество гостей, что, казалось, здание, несмотря на свои огромные размеры, вполне соответствующие богатству и гостеприимству хозяина, вряд ли на этот раз сможет вместить всех.

Среди несвязных возгласов и приветствий, раздававшихся при входе каждой новой компании, Мордонту казалось, что он различает громкий смех и сердечное «добро пожаловать» самого высокочтимого хозяина, и юношу еще сильнее охватило мучительное сомнение, встретит ли он такой же теплый прием, какой щедро оказывался всем прибывающим. Подъехав ближе, наши путники слышали пиликанье и бравурные рулады настраиваемых скрипок, ибо нетерпеливые музыканты начали уже извлекать из них звуки, которым предстояло оживлять вечернее празднество. Слышен был также визг поварят и громкие приказания и брань самого повара; в другое время они резали бы слух, но сейчас, смешиваясь с прочими шумами и вызывая к тому же некоторые весьма приятные ассоциации, не составляли резкого контраста с прочими партиями хора, всегда предшествующего сельскому пиршеству.

Между тем Мордонт и его спутники подвигались вперед, каждый погруженный в свои собственные думы. О чувствах нашего друга мы уже говорили. Пораженная масштабами приготовлений, Бэйби погружилась в самые меланхолические мысли, прикинув в уме, какое огромное количество провизии истратили за один раз, чтобы насытить все кричавшие кругом рты. Эти чудовищные издержки, хотя они и не касались ни в коей мере ее собственного кармана, приводили ее в ужас: так равнодушный зритель трепещет при виде резни, хотя бы самому ему не грозила никакая опасность. Иными словами, от одного только лицемерия подобных излишеств ей чуть было не стало дурно, как Брюсу-абиссинцу, когда у него на глазах по приказу Раса Михаила изрубили на куски несчастных певцов из Гондара. Что касается Триптолемуса, то когда путники проезжали мимо гумна, где в таком же беспорядке, как во всех шетлендских хозяйствах, валялись грубые и устарелые местные сельскохозяйственные орудия, он тотчас же обратил внимание на недостатки плуга с одной рукояткой, или *твискара*, которым режут торф, и саней, служащих для перевозки грузов, одним словом — всего, что отличает обычай островитян от обычаев, принятых в самой Шотландии. При виде всех этих несовершенств Триптолемус почувствовал, что кровь его вскипела, как у храброго воина при виде оружия и знамени врага, с которым ему предстоит сразиться. Верный своим высоким стремлениям, он не столько думал о голоде, дававшем себя знать после долгой дороги — хотя удовлетворить его таким угощением, какое предстояло сегодня, редко выпадало бедняге на долю, — сколько о предпринятой им задаче по смягчению нравов и усовершенствованию хозяйства на вверенных ему островах.

— *Jacta est alea*,¹ — бормотал он про себя, — сегодняшний день покажет, достойны ли шетлендцы наших забот или их умы так же непригодны для обработки, как и их торфяные болота. Будем, однако

¹ Жребий брошен (лат.).

же, осмотрительны и выберем для выступления подходящий момент. Я знаю по своему собственному опыту, что при настоящем положении вещей не рассудку следует предоставить первое место, а желудку. Добрый кусок того самого ростбифа, что распространяет столь аппетитный запах, послужит весьма подходящим введением для моего великого плана по улучшению породы скота.

Тем временем путники наши подошли к низкому, но весьма внушительному фасаду замка, служившего резиденцией Магнусу Тройлу и состоявшего из частей, сооруженных, видимо, в весьма разное время: огромные и неуклюжие пристройки поспешно возводились вокруг основного корпуса по мере того, как росло благосостояние или увеличивалась семья сменявших друг друга владельцев. На большом, широком подъезде, под низким сводом, опиравшимся на два массивных, покрытых резьбой столба, которые когда-то служили носовыми украшениями кораблей, погибших у берегов острова, стоял сам Магнус Тройл, выполняющий гостеприимную обязанность встречать и приветствовать многочисленных поочередно подходивших к нему гостей. К его рослой, дородной фигуре чрезвычайно шел синий кафтан старинного покроя на алой подкладке, с золотыми петлицами и золотым шитьем вдоль швов, вокруг петель и на широких обшлагах. Энергичные и мужественные черты его лица, обветренного и загорелого под частым воздействием суровой природы, почтенные серебряные кудри, незнакомые с искусством парикмахера и лишь небрежно перевязанные сзади лентой, в изобилии ниспадавшие из-под полей украшенной золотым галуном шляпы, говорили одновременно о его преклонных годах, пылком и вместе с тем уравновешенном нраве и крепком телосложении. Когда путники наши приблизились к Магнусу Тройлу, на лице у него промелькнула тень недовольства, вытеснив на мгновение простое и сердечное радушие, с которым он встречал всех предшествовавших гостей. Сделав несколько шагов навстречу Триптолемусу Йеллоули, он гордо выпрямился, словно желая пред-

стать перед ним не просто добрым и гостеприимным хозяином, но и величественным и могучим юдаллером.

— Добро пожаловать, мистер Йеллоули, — обратился он к агроному, — добро пожаловать в Уестру. Ветер занес вас на суровый берег, и мы, уроженцы этих мест, должны встретить вас как можно сердечнее. А эта леди, я полагаю, ваша сестрица? Тогда, миссис Барбара Йеллоули, окажите мне честь и позвольте приветствовать вас попросту, по-соседски.

Говоря это, Магнус со смелой, но в то же время почтительной любезностью, которой уже не встретить в наш измельчавший век, рискнул почтить приветствием увядающую щеку старой девы, которая настолько забыла свою обычную сварливость, что ответила на этот знак внимания чем-то отдаленно напоминающим улыбку. Затем Магнус пристально посмотрел на Мордонта Мертонна и, не протягивая руки, сказал голосом, несколько прерывавшимся от сдерживаемого волнения:

— Вас я тоже прошу пожаловать, мейстер Мордонт.

— Если бы я не ожидал этих слов, — ответил юноша, справедливо обиженный холодностью хозяина, — я не явился бы сюда; но еще не поздно, и я могу повернуть обратно.

— Молодой человек, — возразил Магнус, — вам лучше чем кому-либо известно, что никто не может повернуть обратно от этих дверей, не оскорбив тем самым хозяина. Не расстраивайте же, прошу вас, моих гостей своими несвоевременными сомнениями. Когда Магнус Тройл говорит «прошу пожаловать», так это относится ко всем, кто может его услышать, ибо голос его для всех одинаково громок. А теперь, уважаемые гости, входите, и посмотрим, какие развлечения приготовили для вас мои девочки.

С этими словами, стараясь быть в равной степени внимательным ко всем присутствующим, чтобы Мордонт не принял на свой счет какой-либо особой любезности или не обиделся на отсутствие таковой, юдаллер провел гостей в дом; там, в двух простор-

ных залах, служивших в данном случае чем-то вроде современных гостиных, уже теснилась пестрая толпа приглашенных.

Обстановка этих зал была, как и следовало ожидать, чрезвычайно простой, однако отличалась особенностями, характерными для островов, омываемых столь бурными морями. Магнус Тройл, как и большая часть крупных землевладельцев Шетлендии, оказывал всегда самую дружескую помощь путешественникам, попавшим в беду как на суше, так и на море, и неоднократно вынужден был проявлять свою власть, защищая имущество и жизнь потерпевших крушение мореплавателей. Суда, однако, так часто разбивались у этих страшных берегов и столько вещей, никому больше не принадлежавших, выбрасывалось на сушу, что внутреннее убранство дома служило прямым доказательством бесчинств океана и осуществления того права, которое на языке юристов именуется *флотсам* и *джетсам*. Стулья, стоявшие вдоль стен, были такого рода, какой обычно встречается в каютах, и многие из них — иностранной работы; зеркала и горки, служившие как для украшения, так и для хозяйственных нужд, первоначально предназначались, судя по форме, для судов, а один или два шкафа были сработаны из какого-то заморского, невиданного дерева. Даже перегородка, разделявшая комнаты, казалось, была переделана из судовой переборки крупного корабля и приспособлена к своему теперешнему назначению неумелой и грубой рукой какого-нибудь местного плотника. Чужеземцу все эти предметы, столь очевидно напоминавшие о человеческих несчастьях, могли бы на первый взгляд показаться слишком резким контрастом с картиной жизнерадостного веселья, фоном которой они теперь служили, но для местных жителей подобное сочетание было настолько привычным, что оно ни на мгновение не нарушало их радостного настроения.

В толпившуюся в гостиных молодежь появление Мордонта вдохнуло новую струю веселья. Все окру-

жили юношу, удивляясь его долгому отсутствию и засыпая его вопросами, из которых он сразу же понял, что отсутствие это считалось с его стороны совершенно добровольным.

Такой дружеский прием избавил Мордонта от одной весьма мучительной мысли, ибо он увидел, что, как бы ни были предубеждены против него обитатели Боро-Уэстры, это касалось только их лично. Он понял также, к своему большому облегчению, что не упал в глазах всего общества и что ему придется оправдываться, когда наступит для того время, в глазах только одной семьи. Это уже было утешительно, хотя сердце его продолжало тревожно биться при мысли о встрече с отдалившимися от него, но все еще любимыми подругами. Объяснив свое долгое отсутствие нездоровьем мистера Мертонна, он стал переходить от одной группы друзей и гостей к другой, из которых каждый, казалось, хотел удержать его около себя подольше. Затем он постарался избавиться от своих дорожных спутников, вначале цеплявшихся за него, как репей, и с этой целью познакомил их с одним или двумя знатными семействами; наконец он достиг дверей в небольшую комнату, примыкавшую к упомянутым парадным залам, которую Минне и Бренде разрешено было убрать по своему вкусу и считать своей собственной гостиной.

Мордонт вложил немалую долю изобретательности и труда в отделку этого любимого девушками уголка и расстановку в нем мебели и во время своего последнего пребывания в Боро-Уэстре пользовался таким же свободным доступом в него и мог проводить там столько же времени, как и настоящие его хозяйки. Но теперь все до такой степени изменилось, что, взявшись за ручку двери, он остановился, не зная, имеет ли право нажать на нее. Тут послышался голос Бренды.

— Входите же, — сказала она тоном человека, потревоженного нежелательным посетителем, которого спешат выслушать, чтобы скорее от него отделаться.

Мордонт вошел в причудливо отделанную гостиную девушек, убранную по случаю праздника многочисленными новыми украшениями, в том числе весьма ценными. Дочери Магнуса Тройла сидели и горячо обсуждали что-то с чужестранцем Кливлендом и маленьким, щуплым старичком, чьи глаза сохранили еще живость духа, помогавшего ему в былое время переносить тысячи превратностей изменчивой и беспокойной жизни. Дух этот, не покинувший его и в преклонном возрасте, не внушал, быть может, благоговейного трепета перед его седидами, но зато привлекал к нему сердца друзей намного сильнее, чем это могли бы сделать более серьезные и не столь поэтические внешность и характер. Сейчас он отошел в сторону и с лукавой проницательностью в любопытном взоре следил за встречей Мордонта с двумя прелестными сестрами.

Прием, оказанный молодому человеку, в общем, напоминал прием самого Магнуса, но девушки не сумели так хорошо скрыть свои чувства: сразу было видно, что они сознают, сколько перемен произошло со времени их последней встречи. Обе покраснели, когда, поднявшись с места, но не прогибая Мордонту руки и, конечно, не подставляя для поцелуя щеку, что не только разрешалось, но почти требовалось местными обычаями, обратились к нему с приветствием, каким встречали обычных знакомых. Но краска смущения на лице старшей сестры оказалась лишь признаком недолгого волнения, которое исчезает так же быстро, как и вызвавшее его чувство. В следующее же мгновение Минна снова стояла перед юношей спокойная и холодная, отвечая со сдержанной и осторожной учтивостью на общепринятые любезные слова, которые Мордонт неверным голосом силился из себя выдавить. Смятение Бренды носило, по крайней мере внешне, иной, более глубокий и волнующий характер. Краска смущения покрыла не только ее лицо, но и стройную шею и ту часть прелестной груди, которую обнажал вырез ее корсажа. Она и не пыталась отвечать на робкое «здравствуйте», с которым Мордонт обратился непосредственно

к ней, но устремила на него взгляд, где наряду с неудовольствием видно было и сожаление при мысли о прежних беззаботных днях. В то же мгновение Мордонт со всей ясностью понял, что привязанность Минны к нему угасла, но что, быть может, еще возможно вернуть дружбу более сердечной Бренды. Так велика, однако, непоследовательность человеческого натуры, что хотя до того юноша не делал никакого существенного различия между двумя красивыми и привлекательными девушками, однако теперь расположение той, которая выказала себя наиболее равнодушной, получило в глазах его особую цену.

От этой мимолетной мысли отвлек его Кливленд, который подошел, чтобы с прямотушием военного человека поблагодарить своего спасителя. Он не поспешил раньше лишь потому, что не хотел мешать обмену обычными приветствиями между гостем и хозяйками дома. Капитан приблизился с таким любезным видом, что Мордонту, хотя он и утратил благосклонность обитателей Боро-Уестры с того самого момента, как незнакомец появился на острове и стал своим человеком в доме юдаллера, не оставалось ничего другого, как с должной учтивостью ответить на его поклон, с довольным видом выслушать его благодарность и выразить надежду, что время, проведенное им с момента их последней встречи, прошло для него приятно.

Кливленд уже готов был ответить, но упомянутый нами маленький человечек предупредил его: бросившись вперед, он схватил Мордонта за руку, поцеловал его в лоб, а затем одновременно и повторил его вопрос и дал на него ответ:

— Как проходит время в Боро-Уестре? Ты ли спрашиваешь об этом, о принц утесов и круч? Как может оно проходить иначе, как не уносясь в своем полете на крыльях красоты и веселья?

— А также остроумия и песен, мой добрый старый друг, — добавил полушутя-полусерьезно Мордонт, горячо пожимая старичку руку. — Уж они-то обязательно присутствуют там, где находится Клод Холкро.

— Не смейся надо мной, мой мальчик, — ответил тот. — Когда ноги твои будут едва плестись, остроумие замерзнет, а голос начнет фальшивить...

— Ну зачем вы клеветеете на себя, мой милый учитель? — возразил Мордонт, который рад был воспользоваться эксцентрическим характером своего старого друга, чтобы завести нечто похожее на беседу, смягчить неловкость этой странной встречи, а между тем исподволь сделать некоторые наблюдения, прежде чем потребовать объяснения по поводу перемены к нему со стороны хозяев дома. — Не говорите так, — продолжал он, — время щадит барда. Вы сами не раз твердили, что певец разделяет бессмертие своих песен, и я уверен, что великий английский поэт, о котором вы нам рассказывали, превосходил вас годами, когда был загребным на шлюпке всех остроумцев Лондона.

Мордонт намекал на один эпизод из жизни Клода Холкро, который являлся для него тем, что французы называют «cheval de bataille»,¹ одного упоминания о котором было достаточно, чтобы старый певец тотчас же вскочил в седло и пустился вскачь.

Его смеющиеся глаза загорелись своеобразным восторгом, который простые смертные, пожалуй, называли бы безумным, и он с жаром ухватился за свою любимую тему.

— Увы, увы, дорогой мой Мордонт, серебро — это всегда серебро, и с годами оно не теряет своего блеска, а олово — есть олово, и чем дальше, тем оно становится все более тусклым. Не подобает бедному Холкро упоминать свое имя рядом с именем бессмертного Джона Драйдена, но истинная правда — я, должно быть, уже говорил вам об этом, — что мне дано было лицезреть великого человека, более того — мне привелось побывать в знаменитой «Кофейне талантов», как ее тогда называли, и однажды я удостоился даже взять понюшку табаку из его собственной табакерки. Вам я, должно быть, рассказывал про этот случай, но капитан Кливленд ни разу еще не слышал

¹ Дословно: боевым конем, здесь — коньком (франц.).

моей истории. Так вот, доложу вам, жил я тогда на Рассел-стрит... Я не спрашиваю, разумеется, знакома ли вам Рассел-стрит в Ковент-Гардене, капитан Кливленд?

— Да, мне достаточно точно известна ее широта, мистер Холкро, — ответил, улыбаясь, Кливленд, — но, помнится, вы вчера уже рассказывали про этот случай, а кроме того, у нас сейчас спешное дело: вам предстоит сыграть вашу новую песню, а нам — выучить ее.

— Ну нет, теперь она больше не годится, — сказал Холкро, — теперь требуется что-либо, где мог бы участвовать наш милый Мордонт: ведь он лучший певец на всем острове как в дуэте, так и в сольной партии, и я не дотронусь до струн, если Мордонт Мертон не примет участия в нашем концерте. Ну, что вы скажете на это, прекрасная Ночь, каково ваше мнение, ясная Денница? — прибавил он, обращаясь к молодым девушкам, которым, как мы упоминали, он давно уже дал эти аллегорические имена.

— Мистер Мордонт Мертон, — сказала Минна, — пришел слишком поздно, чтобы выступать вместе с нами; это очень печально для нас, но ничего не поделаешь.

— Как? Что? — поспешно возразил Холкро. — То есть как это слишком поздно? Да ведь вы постоянно пели вместе. Поверьте моему слову, милые мои девочки, что старые песни — самые лучшие, а старые друзья — самые верные. У мистера Кливленда прекрасный бас, этого нельзя не признать, но я хотел бы, чтобы для первого своего номера вы положились на эффект, который произведет одно из двадцати прекрасных трио, где тенор Мордонта так чудесно сливается с вашими нежными голосами. Я уверен, что наша прелестная Денница в душе своей одобряет подобное изменение программы.

— Никогда в жизни, дядюшка Холкро, вы так жестоко не ошибались, — сказала Бренда и опять покраснела, но на этот раз скорее от досады, чем от смущения.

— Но как же так? — спросил старый поэт, помолчав, а затем взглянув сначала на одну, а потом на другую сестру. — Что это у нас сегодня Непроглядная Ночь и Багряная Утренняя Заря — предвестники дурной погоды? В чем дело, юные леди, на кого вы обижены, уж не на меня ли? Когда молодежь затеет ссору, обязательно старик окажется виноватым.

— Нет, вы ни в чем не виноваты, дядюшка Холкро, — сказала Минна, поднимаясь и беря сестру под руку, — если тут вообще есть виновные.

— Уж не тот ли, кто пришел последним, обидел вас, Минна? — спросил Мордонт, стараясь говорить спокойным, шутливым тоном.

— Когда на обиду отвечают презрением, — возразила со своей обычной серьезностью Минна, — то не обращают внимания на обидчика.

— Возможно ли, Минна, — воскликнул Мордонт, — что это вы так говорите со мной? А вы, Бренда, вы тоже способны так поспешно осудить меня, не уделив мне ни минуты для честного и откровенного объяснения?

— Тот, кто лучше нас с вами знает, как поступать, — тихо, но твердо произнесла Бренда, — объявил нам свою волю, и она должна быть выполнена! Сестрица, мне кажется, что мы достаточно пробыли здесь, и присутствие наше требуется теперь в другом месте. Мистер Мертон извинит нас, но сегодня мы, право, очень заняты. — И она удалилась под руку с сестрой.

Напрасно Клод Холкро пытался остановить девушек, воскликнув с театральным жестом:

— Но, День и Ночь, все это очень странно!

Тогда он повернулся к Мордонту и прибавил:

— Впрочем, молодые особы подвержены приступам непостоянства, подтверждая тем самым, как сказал наш поэт Спенсер, что:

Среди живых созданий до сих пор
Изменчивость господствует всевластно.

— А вы, капитан Кливленд, — продолжал он, — может быть, вы знаете, из-за чего это так расстроились наши юные грации?

— О, тот только спутается в расчетах, — ответил Кливленд, — кто станет доискиваться, почему ветер подул с другого румба или девушка изменила свою склонность. Будь я на месте мистера Мордонта, я не стал бы задавать гордым красавицам больше ни одного вопроса.

— Ну что же, капитан Кливленд, — ответил Мордонт, — это дружеский совет, и то, что я не просил его у вас, не помешает мне последовать ему. Но позвольте мне, в свою очередь, задать вам вопрос: сами вы так же равнодушны к мнению ваших друзей женского пола, как считаете это обязательным для меня?

— Кто, я? — переспросил Кливленд с видом полнейшего безразличия. — Да ведь я над подобными вещами особенно не задумываюсь. Я еще не встречал женщины, о которой стоило бы вспомнить еще раз после того, как поднят якорь. На берегу — другое дело, и я готов смеяться, петь, танцевать и любезничать, если это им нравится, с двадцатью девушками даже вдвое хуже тех, которые нас только что покинули; но, поверьте, я нимало не обижусь, если по звуку боцманской дудки они изменят свой курс. Все шансы за то, что я сделаю поворот через фордевинд так же скоро, как они.

Больному редко бывает приятно, когда его утешают тем, что недуг, на который он жалуется, вовсе не так серьезен, и Мордонт поэтому вдвойне был обижен на Кливленда: и за то, что тот заметил его смущение, и за то, что стремился навязать ему свои собственные взгляды. Поэтому юноша довольно резко ответил, что чувствовать так, как капитан Кливленд, могут только люди, обладающие искусством становиться общими любимцами, куда бы ни забросила их судьба, и для которых не играет роли, что они потеряют в одном месте, так как они уверены, что их заслуги позволят им в другом наверстать с лихвой упущенное.

Мордонт говорил иронически; однако следует признать, что в манерах Кливленда действительно сквозило светское самодовольство и сознание собственных, хотя бы внешних, достоинств, которые делали его вмешательство в чужие дела вдвойне неприятным. Как говорит сэр Луциус О'Триггер, капитан Кливленд выглядел таким победителем, что это даже раздражало. Он был молод, красив, самоуверен, несколько грубоватые манеры моряка весьма шли ему, казались совершенно естественными и, быть может, более соответствовали нравам далеких островов, на которых он теперь оказался и где даже в самых знатных семьях большая степень утонченности сделала бы его общество далеко не столь желательным. В настоящем случае он ограничился тем, что в ответ на видимое недовольство Мордонта Мертона весело улыбнулся и сказал:

— Вы сердитесь на меня, мой юный друг, но вы не добьетесь того, чтобы и я рассердился на вас. Прелестные ручки всех красавиц, каких я когда-либо встречал в жизни, никогда не смогли бы вытащить меня из пучины Самборо. Поэтому, прошу вас, не ищите со мной ссоры, и пусть мистер Холкро будет свидетелем тому, что я спустил и гюйс и марсель и, если вы даже дадите по мне бортовой залп, я не вправе отвечать ни единым выстрелом.

— Да, да, — добавил Клод Холкро, — вы должны подружиться с капитаном Кливлендом, Мордонт. Никогда не ссорьтесь с другом из-за женского непостоянства. Подумайте только, ведь если бы красавицы не меняли своих склонностей, как бы мы тогда, черт побери, умудрились сочинить о них столько стихов? Даже сам великий Драйден, достоуважаемый Джон Драйден, ну что мог бы он написать о девушке, которая всегда постоянна? Это было бы все равно что воспевать в стихах мельничную запруду. Да как раз эти-то именно течения, стремнины и водовороты, приливы и отливы, что то набегают, то прочь отступают, — о небо, стоит мне только подумать о них, как я начинаю говорить в рифму! — то дарят нам улыбки, то приходят в неистовство, то ластятся к нам, то

готовы нас поглотить, то приносят нам наслаждение, то гибель и так далее и тому подобное... Да ведь это и есть истинная душа поэзии. А вы никогда не слышали моего «Прощания с девицей из Нортмавена»? На самом-то деле бедняжку звали Бет Стимбистер, но для благозвучия я назвал ее Марией, а себя — Гаконем, в честь славного моего предка Гакона Голдмунда, Гакон Золотые Уста, что прибыл на этот остров вместе с Гарольдом Гарфагером и был его главным скальдом. Да, о чем это я начал рассказывать? Ах да, о бедной Бетти Стимбистер. Так вот, из-за этой-то самой Бетти, правда, отчасти тоже из-за каких-то пустяковых долгов, должен я был покинуть Хиалтландские острова — ах, насколько же это лучше звучит, чем Зетлендские или Шетлендские, — и пуститься странствовать по белу свету; и пришлось же мне побродяжничать с той поры! Свой путь, капитан Кливленд, стал я пробивать, как и всякий другой, у которого легко в голове, легко в кошельке, но зато легко и на сердце; пробивал я себе путь и расплачивался где острым словечком, где деньжатами. Видел я, как сменяли и низлагали королей так же просто, как прогоняют с земли арендатора. Знал я всех знаменитостей нашего века, а прежде всего — достославного Джона Драйдена! Ну-ка, кто еще из жителей острова может не кривя душой похвастаться тем же? Я взял однажды понюшку из его собственной табакерки! Сейчас я вам расскажу, как это было...

— Но вы хотели прочесть нам стихотворение, мистер Холкро, — сказал капитан Кливленд.

— Стихотворение? — повторил Холкро, хватая капитана за пуговицу, ибо он так часто видел, как слушатели разбегались во время его рассказов, что заранее принимал все возможные меры, чтобы удержать их. — Стихотворение? Я поднес его вместе с пятнадцатью другими бессмертному Джону. Но вы услышите его, вы услышите все мои стихи, если хоть минутку постоите на месте, и ты тоже, Мордонт, мой милый мальчик. Вот уж добрых полгода, как я не слышал от тебя ни слова, а ты собираешься сбежать

от меня! — С этими словами Холкро поймал его другой рукой.

— Ну, теперь он взял нас обоих на буксир, — сказал моряк, — и нам ничего иного не остается, как выслушать одну из его историй, хотя травит он их не хуже военного моряка во время «собаки».

— Нет, нет; теперь уж вы помолчите, а говорить предоставьте мне, — строго сказал гоэт; Кливленд и Мордонт переглянулись с выражением комической покорности и смиренно приготовились слушать столь хорошо им знакомый, всегда один и тот же, неизбежный рассказ.

— Ну, теперь я вам все изложу подробно, — продолжал Холкро. — Итак, бросало меня по свету, как и многих других молодых людей. Брался я, чтобы как-то просуществовать, и за то, и за другое, и за третье, ибо, слава всевышнему, я был на все руки мастер. Но больше всего посвящал я времени музам, да, им оставался я верен, хотя неблагодарные плутовки и не подумали наградить меня, как иных болванов, собственной каретой, запряженной шестеркой коней! Так и продержался я до тех пор, пока не скончался престарелый кузен мой, Лоренс Линклеттер, и не оставил мне в здешних краях крохотного островка... Правда, Калтмалинди состоял с ним в столь же близком родстве, как и я, но Лоренс ценил в человеке ум, хотя сам обладал им в весьма малой степени. Оставил он мне этот островок — о, одни голые скалы, точь-в-точь Парнас, и вот теперь есть у меня и пенни на расходы, и пенни — отложить на черный день, и пенни — подать неимущему. А для друзей найдется у меня и бутылка вина и удобная постель, как вы сами сможете убедиться, если согласитесь последовать за мной, когда здешние празднества окончатся... Но где бишь я остановился?

— Надеюсь, что уже недалеко от порта, — ответил Кливленд, но Холкро был слишком ретивым рассказчиком, чтобы смутиться даже при столь явном намеке.

— Ах да, — продолжал он с довольным видом человека, вновь ухватившего нить своего повествова-

ния, — жил я тогда на Рассел-стрит, у старого Тимоти Тимблтуэйта. О, это был самый модный портной, известный в те времена всему Лондону! Он одевал умнейших людей столицы, так же как и глупейших баловней фортуны, и, представьте себе, заставлял последних расплачиваться за первых! Умному человеку никогда не отказывал он в кредите, разве что в шутку или для того, чтобы получить остроумный ответ. Он состоял в переписке со всеми выдающимися людьми Лондона и хранил письма от Крауна, Тэйта, Прайора, Тома Брауна и прочих знаменитостей того времени, и в письмах этих, скажу я вам, таились такие перлы остроумия, что можно было просто помереть со смеху, и все они как одно заканчивались просьбами об отсрочке.

— Ну, портному-то, пожалуй, подобные шутки казались не слишком веселыми, — заметил Мордонт.

— О что вы, что вы! — возразил страстный защитник Тима. — Да ведь он — между прочим, родом он из Камберленда — был щедр как принц и умер, обладая богатством принца. Горе тому разжиревшему на сладкой пище олдермену, который попадался Тиму «под его портновский утюг» после получения одного из таких писем! Смею вас уверить, что бедняге приходилось расплачиваться за двоих! А знаете, ведь это Тим послужил прообразом Тома Биббера в комедии великого Джона «Сумасбродный шеголь», и мне доподлинно известно, что Тим оказывал Джону кредит и снабжал его деньгами из своего собственного кармана в ту пору, когда все его блестящие придворные друзья от него отвернулись. Мне он тоже оказывал особое доверие, и однажды я целых два месяца не платил ему за свою каморку под крышей. Разумеется, я старался по мере сил тоже услужить ему чем-либо. Не подумайте, пожалуйста, чтобы я кроил там или шил, это было бы несовместимо со званием дворянина, но я составлял для него счета, вел книги...

— Разносил по домам платья всяким талантам и олдерменам и получал кров за эту работу? — перебил рассказчика Кливленд.

— Вот уж нет, черт побери! — возразил Холкро. — Ничего подобного не было. Но вы сбили меня... Где бишь я остановился?

— Пусть теперь сам дьявол определяет для вас широту, — воскликнул капитан, вырывая свою пуговицу из крепко вцепившихся в нее большого и указательного пальцев неумолимого барда, — а мне некогда заниматься сейчас наблюдениями! — и с этими словами он выбежал вон из комнаты.

— Неуч, невежа, самоуверенный грубиян, — сказал, глядя ему вслед, Клод Холкро, — у него столь же мало умения вести себя, как и ума в пустой башке под дурацким колпаком. Не понимаю, что Магнус и эти глупенькие девочки могли в нем найти! А кроме того, он постоянно рассказывает ужасающе нудные истории о своих похождениях и морских битвах и лжет при этом, я нисколько не сомневаюсь, на каждом слове. О Мордонт, милый мой мальчик, вот тебе пример, а вернее, предостережение: никогда не говори долго о самом себе. Ты иногда склонен слишком много распространяться о своих приключениях на скалах, прибрежных утесах и прочих подобных местах, а ведь это нарушает ход общей беседы и не дает высказаться другим присутствующим. Но я вижу, ты горишь нетерпением узнать, что же было дальше... Да, постой-ка, на чем бишь я остановился?

— Боюсь, что придется отложить продолжение на послеобеда, мистер Холкро, — сказал Мордонт; он тоже подумывал, как бы ему сбежать, но хотел проявить при этом больше деликатности по отношению к своему старому другу, чем нашел это нужным сделать Кливленд.

— О нет, милый мой мальчик! — воскликнул Холкро, видя, что сейчас потеряет последнего своего слушателя. — Не покидай хоть ты меня: никогда не следуй столь дурному примеру и не обижай старых друзей. Много трудных дорог прошел я по жизненному пути, но насколько они становились легче, когда я мог опереться на такого преданного друга, как ты.

С этими словами он отпустил пуговицу Мордонта и, осторожно взяв юношу под руку, захватил его,

таким образом, еще крепче. Мордонт не сопротивлялся, тронутый намеком престарелого поэта на охлаждение старых знакомых, которое только что испытал на самом себе. Но когда рассказчик снова задал свой ужасающий вопрос: «Так на чем бишь я остановился?» — Мордонт, предпочитавший поэзию Холкро его прозе, напомнил ему о песне, которую тот сочинил, в первый раз покидая Шетлендию. Для Мордонта, правда, стихи эти не были новинкой, но, поскольку читателю они неизвестны, мы приведем их здесь как достойный образец поэтического творчества сладкогласного потомка Гакона Золотые Уста. По мнению многих достаточно авторитетных судей, наш приятель занимал вполне приличное место среди тогдашних сочинителей мадригалов и не хуже, чем многие столичные сочинители остроумных или нежных сонетов, умел увековечить в стихах красавиц шетлендских долин или гор.

Он был к тому же сносный музыкант и теперь, отпустив свою жертву, схватил инструмент, представлявший собой некое подобие лютни, и стал настраивать его для аккомпанеента, приговаривая при этом, чтобы не терять даром времени:

— Я учился играть на лютне у того же музыканта, что и добряк Шедуэл — Толстый Том, как его называли... Достославный Джон еще так грубо посмеялся над ним — помнишь, Мордонт?..

И ныне ты, как новый Арион,
Ногтем из лютни извлекая звон,
Плывешь, и над зеркальной гладью вод
Дискант пищит от страха, бас ревет.

Ну, лютню я кое-как настроил, что же тебе спеть? Ах да, балладу о девушке из Нортмавена, бедной Бет Стимбистер! В стихах я называю ее Мария. Бетси — хорошо для английской песенки, а в наших краях лучше звучит Мария. — С этими словами, после небольшой прелюдии, Холкро запел довольно приятным голосом и с подобающим чувством следующую песню:

Прощай, о Нортмавен,
 И Хилсуик седой,
 И тихая гавань,
 И бурный прибой,
 Кручи береговые,
 Дальних рифов гряда,
 И ты, о Мария,
 Прощай навсегда!

И проходы, где смело
 Гакон проплывал,
 Где пеною белой
 Скрыты выступы скал,
 Выйди, дева, на стену,
 Видишь — плещет вода,
 Друг узнал про измену
 И уплыл навсегда.

Ложных клятв мне не надо,
 Брось их в пенный прибой,
 Повторят их наяды
 На песках, под скалой,
 Огласят они берег
 Горьким плачем тогда,
 Но друг тебе верить
 Перестал навсегда.

Тщетно в мире ищу я
 Такой островок,
 Где, подругу целуя,
 Друг ей верить бы мог.
 Губят страсти земные
 Человеческий род,
 Нас лишь в небе, Мария,
 Гавань тихая ждет.

— Я вижу, мой юный друг, что эта песня тронула тебя так же, как и всех, кто ее слышал, — сказал Клод Холкро. — Слова и музыка — моего собственного сочинения, и, не говоря уже о том, что стихи

ладно скроены, в них есть... как бы это сказать... простота и непосредственность чувства, которые проникают в души слушателей. Даже твой отец не мог устоять перед ними, а уж его сердце столь неуязвимо для поэзии и песен, что стрела самого Аполлона не сумела бы пронзить его. Отец твой в свое время, должно быть, жестоко пострадал от женщины, недаром он так ненавидит всю их породу. Да, да, таковы уж их чары, и все мы в свое время перенесли те же страдания. Но пойдем, мой мальчик, в зале уже собираются кавалеры и дамы, и как нас прекрасный пол ни мучил, а плохо нам пришлось бы без их общества. Но сначала вдумайся еще раз в последние строчки:

Нас лишь в небе, Мария,
Гавань тихая ждет.

Да, на небе наше спасение, а не на том островке суши, о котором я пел и которого никогда не было и не будет. И еще обрати внимание, что в моем стихотворении нет никаких языческих вольностей, которыми Рочестер, Этеридж и прочие проказники любят украшать теперь свои стихи. Мою песню смело мог бы спеть пастор, а служба — подтягивать ему. Однако вот досада, зазвонил колокол, пора идти; но ничего, мы вечером заберемся в какой-нибудь укромный угол, и там я доскажу тебе до конца свою историю.

Глава XIII

Ломился стол под тяжестью жарких,
Вино сверкало в кубках золотых,
И резал мясо, ел и пил там каждый;
И лишь тогда, когда утихла жажда
И ярость насыщенья улеглась,
Пришелец мудрый начал свой рассказ.

«Одиссея»

Столы Магнуса Тройла ломились под тяжестью изобильного угощения. Огромное число приглашенных пировало в зале, еще больше бедных соседей,

арендагоров, работников и слуг всякого рода угощалось на дворе вместе с бесчисленным множеством менее имущих и менее почетных лиц, пришедших из окрестных деревушек и сел за двадцать миль в окружности, чтобы получить свою долю от щедрот великодушного юдаллера. Подобное зрелище одновременно и поражало Триптолемуса Йеллоули и заставляло в душе сомневаться, не будет ли с его стороны опрометчивым предложить восседавшему во главе столь роскошной трапезы хозяину в самый разгар веселья коренное изменение всех обычаев и нравов страны.

Правда, дальновидного агронома поддерживало сознание, что он один, своей собственной персоной, представляет кладезь премудрости, намного превосходящий то, чем могли похвастаться все остальные гости вместе взятые, не говоря уже о самом Магнусе, ибо размах его хлебосольства являлся в представлении Триптолемуса достаточным признаком безрассудства. Однако Амфитрион, восседающий во главе своего пиршественного стола, безраздельно властвует, хоть и на время, над умами даже наиболее выдающихся своих гостей, и если угощение сделано по всем правилам, а вина — надлежащего качества, то униительно видеть, как ни искусство, ни ум, ни даже высокое положение в обществе не могут обрести свое естественное и привычное превосходство над даятелем всех этих земных благ, и, уж во всяком случае, до тех пор, пока не подадут кофе. Триптолемус прекрасно понимал всю силу подобного временного превосходства, но ему чрезвычайно хотелось хоть чем-то проявить себя, чтобы оправдать свое хвастовство перед сестрой и Мордонтом, и он украдкой посматривал на них, желая убедиться, не уронил ли в их глазах своего достоинства, бесконечно откладывая предполагаемое наступление на возмутительные местные обычаи.

Миссис Барбара полностью погрузилась в созерцание происходивших за трапезой опустошений, подобных которым ей не приходилось еще видеть на своем веку. Она удивлялась равнодушию хозяина и полному пренебрежению со стороны гостей теми

правилами поведения за столом, которые она с детства привыкла считать непреложными: пирующие не стеснялись пробовать блюда еще не початые, которые, следовательно, можно было подать еще и на ужин, и разрушали их с той же легкостью, как если бы их уже отведало с полдюжины гостей. Казалось, никто — а меньше всего глава дома — не следил за тем, чтобы уничтожались только те кушанья, которые из-за их формы нельзя было подать дважды, и чтобы атаки не распространялись на солидные куски жаркого, паштеты и другие изделия, которые по правилам разумного домоводства предназначены были выдержать двойной натиск. Согласно представлению миссис Барбары о благовоспитанности, гостям не полагалось сразу же накидываться на все эти яства, а следовало их оставить про запас, подобно тому как Полифем в своей пещере приберегал пленника «Никто», чтобы съесть его последним. Погрузившись в раздумье, вызванное подобными нарушениями застольного устава, и мысленно подсчитывая, какие запасы холодного мяса могла бы она сделать из остатков жареной и печеной снеди, обеспечив тем самым свою кладовую почти на весь год, миссис Барбара весьма мало беспокоилась о том, выдержит ли ее брат до конца ту роль, которую он намеревался взять на себя.

Мордонт Мертон также был занят мыслями, весьма далекими от тех, что волновали будущего реформатора возмутительных шетлендских нравов. Юноша сидел за столом между двумя веселыми красотками страны Туле, которые, не обижаясь на то, что в прежние времена он отдавал предпочтение дочерям юдаллера, радовались случаю, пославшему им столь приятного собеседника, который к тому же, будучи их соседом по столу, мог, весьма вероятно, оказаться еще их кавалером в предстоящих танцах. Расточая, однако, своим прелестным соседкам все принятые в обществе любезности, Мордонт не переставал украдкой, но вместе с тем весьма внимательно следить за охладевшими к нему приятельницами, Минной и Брендой. Время от времени посматривал он и на

юдаллера, однако не мог заметить в нем ничего, кроме обычного радушного и несколько шумного проявления гостеприимства, которым Магнус имел обыкновение оживлять подобные торжественные пиршества. Но по различному выражению лиц обеих девушек Мордонт угадал многое, что навело его на весьма печальные мысли.

Капитан Кливленд сидел между сестрами и усердно ухаживал за обеими, но Мордону, который со своего места мог видеть и слышать большую часть того, что между ними происходило, казалось, что особое предпочтение отдает он старшей. Это, видимо, замечала и младшая, ибо она неоднократно бросала взгляд в сторону Мордонта, и юноше чудилось, что он видит в нем нечто похожее на сожаление о прерванной дружбе и печальное воспоминание о прежних, лучших временах. Минна же была всецело поглощена любезностями своего соседа, и самый факт этот приводил Мордонта в изумление и негодование.

Минна, такая серьезная, благоразумная, сдержанная, самые черты и манеры которой изобличали возвышенный характер, Минна, любящая уединение и те пути познания, на которых люди предпочитают обходиться без спутников, Минна — враг пустого веселья, подруга задумчивой печали, страстная любительница одиноких прогулок к горным источникам и глухим долинам, одним словом — девушка, по самому своему нраву не способная плениться смелыми, грубыми и дерзкими ухаживаниями такого человека, как капитан Кливленд, отдавала, однако, ему, пока он сидел рядом с ней, все свое внимание, вся была зрение и слух и внимала ему с такими интересом и благосклонностью, которые для Мордонта, хорошо умевшего читать ее чувства по выражению лица, были явным признаком величайшего с ее стороны увлечения. Когда юноша понял это, в сердце его вспыхнуло возмущение, распространившееся как на избранника Минны, который занял его место, так и на нее саму, столь опрометчиво изменившую своему собственному характеру.

«В чем притягательная сила этого человека? — спрашивал он себя. — Чем обладает он, кроме гордого и дерзкого сознания собственной важности, основанного только на том, что он одержал несколько ничтожных побед на море и привык к мелочному деспотизму над командой вверенного ему корабля? Он уснащает свою речь морскими выражениями в гораздо большей степени, чем это позволил бы себе любой офицер британского флота, а его остроумие, заслужившее ему столько улыбок, такого пошиба, какого в прежние времена Минна не потерпела бы ни на одну минуту. Даже Бренда, видимо, меньше увлечена его любезностями, чем Минна, которой они так мало подходят».

Мордонт, однако, вдвойне ошибался, делая столь суровые выводы. Во-первых, глядя на Кливленда в известной степени глазами соперника, он слишком строго осуждал его манеры и поведение. Они были, правда, не очень изысканными, но это не имело большого значения в стране, населенной столь простыми и нетребовательными людьми, как шетлендцы того времени. С другой стороны, Кливленд обладал свойственным морякам прямодушием, большой природной сообразительностью, немалой долей остроумия, безграничной уверенностью в себе и той предприимчивой дерзостью, которая даже при отсутствии иных привлекательных качеств нередко обеспечивает успех у прекрасного пола. Мордонт заблуждался также, полагая, что Кливленд не мог понравиться Минне Тройл из-за несходства самых основных черт их характеров. Имей наш юный друг немного более жизненного опыта, он не мог бы не заметить, что, подобно тому как союзы сплошь и рядом заключаются между парами, совершенно непохожими друг на друга ни лицом, ни фигурой, так — а это случается еще чаще — и между людьми, одаренными совершенно различными чувствами, вкусами, стремлениями и понятиями; и, быть может, не будет с нашей стороны чересчур смелым утверждать, что две трети совершаемых на наших глазах браков заключается между ли-

цами, которые, судя а priori, вряд ли могли чем-то привлекать друг друга.

Основной внутренней причиной такого на первый взгляд странного явления следует считать прежде всего мудрую заботу провидения о том, чтобы ум, талант и прочие приятного рода качества были распределены по свету с возможно большей равномерностью. Ибо чему уподобился бы наш мир, если бы умные сочетались браком только с умными, образованные — с образованными, добрые — с добрыми и даже красивые — только с красивыми? Не очевидно ли, что тогда низшие касты глупцов, невежд, грубиянов и уродов (составляющих, к слову сказать, большинство человеческого рода), осужденные исключительно на общение друг с другом, и физически и духовно опустились бы мало-помалу до звериного облика орангутангов. Поэтому, когда мы видим союз «невинной кротости и грубой силы», мы можем оплакивать того из двух, кто обречен на страдание, но должны в то же время преклониться перед скрытым умыслом мудрого провидения, которое уравнивает таким образом добро и зло, вознаграждает семью за дурные качества одного из родителей лучшими, более благородными задатками другого, обеспечивая тем самым подрастающему поколению нежные заботы и попечение хотя бы одного из тех, чьим естественным долгом они являются. Если бы не частые случаи подобного рода союзов, какими бы неподходящими друг к другу ни казались с первого взгляда обе стороны, — мир не был бы тем, чем назначил ему быть наш мудрый создатель: местом, где добро смешано со злом, где человеку суждены испытания и скорбь, где злейшие невзгоды всегда смягчаются чем-то, что делает их выносимыми для смиренных и терпеливых душ, и где величайшие блага несут с собой примесь отравляющей их горечи.

Но взглянемся внимательнее в причины, вызывающие столь странные привязанности, и мы поймем, что они основаны отнюдь не на полном несходстве или противоположности характеров, как это кажется, если наблюдать одни только их видимые последствия.

Мудрая цель, которую преследует провидение, допускающая в браке сочетание самых противоречивых склонностей, нравов и миропониманий, совершаются не в силу какого-то таинственного побуждения, которое, вопреки естественным законам природы, влечет мужчин и женщин к союзу, в глазах света совершенно для них неподходящему. Нет, как в поступках обыденной жизни, точно так и в душевных движениях нам дана свободная воля, и она-то как в первом, так и во втором случае нередко и вводит нас в заблуждение. Нередко натуры восторженные создают в своем воображении некий идеальный образ, а затем сами себя обманывают, находя отдаленное с ним сходство в каком-либо реально существующем лице; при этом фантазия их немедленно и совершенно бескорыстно спешит наделить его всеми свойствами, необходимыми для того, чтобы он стал неким воплощением «beau idéal».¹ Но никому, пожалуй, даже в счастливейшем браке с любимым человеком не удавалось обнаружить всех ожидаемых в нем качеств; в огромном большинстве случаев мечтателя очень скоро постигает величайшее душевное разочарование, и ему становится ясно, что он построил воздушный замок своего счастья на призрачной радуге, которая сама возникла лишь благодаря особому состоянию атмосферы.

Будь Мордонт лучше знаком с жизнью и ходом человеческих дел, он не удивился бы, что такого человека, как Кливленд, красивого, смелого и энергичного, встречавшего на своем веку немало несомненных опасностей и говорившего о них как о забаве, такая мечтательница, как Минна, мысленно одарила огромной долей тех доблестей, которые в ее пылком воображении составляли образ настоящего героя. Если в простых и даже несколько грубоватых манерах Кливленда и не было особой изысканности, то по крайней мере за ними не скрывалось притворства, и хотя он не обладал светским лоском, у него было достаточно природного здравого смысла и умения

¹ Совершенной красоты (франц.).

себя вести, чтобы поддерживать созданную Минной иллюзию, пусть даже только в отношении внешних проявлений своего нрава.

Едва ли следует говорить, что все вышеприведенные рассуждения относятся только к так называемым бракам по любви, ибо если одна из сторон основывает свою склонность на преимуществах материального свойства, связанных с денежными доходами или недвижимой собственностью, то после приобретения таковых ее, конечно, не может постигнуть разочарование, если только она с горечью не осознает, что переоценила то счастье, которое они приносят, и недооценила неизбежно сопутствующие им неудобства.

Относясь с некоторым пристрастием к чернокудрой красавице, героине нашего романа, мы с охотой посвятили ей это небольшое отступление, желая пролить свет на некоторые особенности ее поведения, которые — мы готовы признать это — выглядят достаточно неестественными в романе, хотя в обыденной жизни представляют собой весьма частое явление. Нам хотелось объяснить, как получилось, что именно Минна переоценила склонности, таланты и дарования молодого красавца, посвящавшего ей все свое время и помыслы и чье обожание делало ее предметом зависти почти всех хорошеньких женщин, в немалом числе сидевших за пиршественным столом. Может быть, если прекрасные читательницы возьмут на себя труд заглянуть в собственное сердце, они согласятся, что, если какой-либо юноша проявляет изысканный вкус, выбирая из целого круга соперниц, весьма охотно принявших бы его ухаживания, одну и делает ее предметом своего исключительного внимания, дает ему право ожидать от своей избранницы (если не в силу какого-либо иного чувства, то хотя бы из чувства признательности) проявления к нему изрядной доли благосклонности и даже пристрастия. Если после всего сказанного поведение Минны все же покажется непоследовательным и ненатуральным, то это уже не наша вина, ибо мы излагаем факты такими, каковы они бывают в действительности, не имея

претензии придавать большую достоверность событиям, которые на первый взгляд уклоняются от нее, и не наделяя постоянством самое непостоянное во вселенной — сердце прекрасной и избалованной успехом женщины.

Нужда, мать всех искусств, может научить также и притворству, и Мордонт, хотя и был новичком в ее школе, не преминул воспользоваться данными ею уроками. Он понял, что если хочет следить за поведением тех, на ком сосредоточены были все его мысли, то прежде всего должен скрыть свои собственные чувства и казаться настолько увлеченным своими соседками за столом, чтобы Минна и Бренда подумали, будто он ничего другого и не замечает. Веселые Мэдди и Клара Гроутсеттар, которые считались богатейшими невестами на острове и в настоящую минуту были счастливы уже одним тем, что сидели за столом вдали от бдительного ока своей тетушки, почтенной леди Глоуроурам, с радостью встретили попытки Мордонта быть любезным и занимательным и принялись отвечать ему тем же. Вскоре между ними завязалась увлекательная беседа, которую джентльмен, как это обычно бывает, оживлял своим остроумием или потугами на остроумие, а дамы от души надо всем смеялись и все одобряли. Однако среди этого показного веселья Мордонт не забывал время от времени возможно незаметней бросать испытующий взгляд на дочерей Магнуса, и снова ему показалось, что старшая, увлеченная разговором с Кливлендом, не уделяла окружающему обществу ни малейшего внимания, тогда как Бренда, убедившись, что Мордонт занят другими, все чаще посматривала с выражением и досады и грусти на компанию, в которой он теперь находился. Юношу чрезвычайно тронули смущение и тревога, отражавшиеся, как ему казалось, на ее лице, и он мысленно положил в тот же вечер непременно найти случай для более обстоятельного с ней объяснения. Он хорошо помнил слова Норны, что прелестным сестрам грозит опасность, какая именно — оставалось для него тайной, но он сильно подозревал, что она

крылась в том глубоком заблуждении, в каком пре-
бывали девушки относительно истинного характера
дерзкого и самоуверенного чужестранца, и тут же
втайне решил сделать все возможное, чтобы разо-
блачить Кливленда и спасти подруг своего дет-
ства.

Предавшись подобным мыслям, он мало-помалу
стал все меньше внимания уделять обеим мисс Гро-
утсеттар и, быть может, совсем забыл бы о необхо-
димости разыгрывать перед дочерьми Магнуса Трой-
ла роль равнодушного зрителя, если бы не подали
знака дамам удалиться из-за стола. Минна со свой-
ственной ей грацией величаво склонила голову в об-
щем поклоне, с особой выразительностью взглянув
при этом на Кливленда. Бренда, вся вспыхнув, что
случалось всякий раз, когда она сознавала, что за
ее действиями, хотя бы самыми незначительными,
наблюдает посторонние, поспешила сделать тот же
прощальный поклон с замешательством, близким к
неловкости, которое, однако, благодаря ее юности и
застенчивости выглядело и естественным и очень ми-
лым. Снова Мордону показалось, что она отыскивала
его глазами среди всего многолюдного общества.
Впервые он отважился встретить ее взгляд и отве-
тить на него. Бренда, заметив это, вспыхнула еще
больше, и к смущению на ее лице прибавилась тень
недовольства

Когда дамы удалились, мужчины принялись пить
всерьез и по-настоящему, что по обычаям того вре-
мени неизменно должно было предшествовать вечер-
ним танцам. Сам старый Магнус как словами, так
и собственным примером призывал присутствующих
«даром времени не терять, ибо дамы скоро заставят
их немало поработать ногами». В то же время он
подавал знак стоявшему позади него седовласому слу-
ге, одетому в платье данцигского шкипера, который,
в дополнение ко многим другим обязанностям, вы-
полнял еще и обязанности дворецкого.

— Скажи-ка, Эрик Скэмбистер, — обратился к
нему хозяин, — нагружен ли уже корабль «Веселый
кантонский моряк»?

— Даже выше ватерлинии, — ответил шетлендский Ганимед, — добрым нанцем, ямайским сахаром и португальскими лимонами, не говоря уже о мускатном орехе, тостах и воде прямо из Шеликотского источника.

Громко и долго смеялись гости над этой узаконенной обычаем шуткой между хозяином и дворецким, служившей своего рода предисловием к появлению чудовищных размеров пуншевой чаши. То был подарок, сделанный Магнусу капитаном одного из судов почтенной Ост-Индской компании, которое по пути из Китая домой было отнесено непогодой на север, в Леруикский залив, где ему удалось расстаться с частью груза, не без некоторого ущерба для королевской таможни.

Магнус Тройл, один из главных его покупателей, оказавший, сверх того, капитану Кули немало услуг, при отплытии корабля получил в подарок этот великолепный пиршественный сосуд, при одном виде которого, когда Эрик Скэмбистер вошел, сгибаясь под его тяжестью, гул одобрения пронесся среди присутствующих. Полными до краев кубками встречены были добрые традиционные тосты за процветание Шетлендии. «Смерть головам, на которых никогда не растут волосы!» — таково было пожелание успеха в рыбной ловле, объявленное громовым голосом самого юдаллера. Клод Холкро при всеобщем одобрении предложил: «Здоровье высокочтимого хозяина и прелестных сестер хозяйшек! Да здравствует род человеческий! Смерть рыбам! За изобилие плодов земных!»

То же пожелание высказал еще более выразительно убежденный сединами старый приятель Магнуса в словах: «Отверзи, господи, пасть серой рыбы и прости свою руку над посевами!»

Гостям предоставлены были широкие возможности для поддержания подобных тостов, выражающих всеобщие чувства. Тех, кто сидел поблизости от могущей вместить целое Средиземное море пуншевой чаши, оделял сам юдаллер, собственной щедрой рукой наполняя их высокие кубки; те же, кто

сидел на значительном от него расстоянии, наливали свои стаканы из огромной серебряной фляги, называемой в шутку баркасом: наполняемая по мере надобности пуншем из большой чаши, она служила для доставки драгоценной влаги в отдаленнейшие концы стола, вызывая при этом множество веселых острот по поводу частоты своих рейсов. Торговые сношения шетлендцев с иностранными кораблями, а также с возвращавшимися на родину судами Ост-Индской компании давно уже распространили в стране привычку к тому крепкому напитку, каким был нагружен «Веселый кантонский моряк», и никто во всей земле Туле не умел сочетать отдельные его ингредиенты искуснее старого Эрика Скэмбистера, за что он и был известен по всему архипелагу под именем Пуншмейстера. Так древние норвежцы награждали героев своих баллад, Ролло Быстроногого и других, эпитетами, выражавшими превосходство их в силе и ловкости над всеми прочими смертными.

Добрый напиток не замедлил сделать свое дело и вселил веселье в сердца пирующих. Гости с большим успехом спели несколько древних норвежских застолий, тем самым доказав, что хотя, за отсутствием подходящих условий, современные шетлендцы и не могут проявить боевую доблесть своих предков, однако до сих пор еще способны деятельно и ревностно разделять те утехы Валгаллы, которые состоят в поглощении целых океанов меда и эля, обещанных Одином всякому, кто удостоится разделить с ним его скандинавский рай. В конце концов, возбужденные возлияниями и пением, застенчивые осмелели, а скромные стали болтливыми; все стремились говорить, и никто не хотел слушать; каждый оседлал своего конька и призывал соседа в свидетели своей ловкости. В числе прочих и маленький бард, подсевший к нашему другу Мордону Мертону, выразил неукоснительное намерение начать и закончить, проводя его по всем широтам и долготам, рассказ о том, как он был представлен достославному Джону Драйдену. А Триптолемус Йеллоули, воодушевившись, забыл невольную робость, охватившую его при виде

окружающего изобилия и почтения, с каким гости относились к Магнусу Тройлу, и принялся излагать удивленному и даже несколько оскорбленному юдаллеру некоторые из своих проектов по улучшению жизни в Шетлендии, которыми он хвастался перед своими спутниками во время утреннего путешествия.

Но предлагаемые им новшества и то, как они были восприняты Магнусом Тройлом, должны уже быть изложены в следующей главе.

Глава XIV

Обычаев своих мы не нарушим.

Ведь сам закон не тот же ли

обычай

Старинный, а религия — для тех

Из смертных, кто к религии

привержен, —

Не та же ли привычка почитать

То именно, что почитали предки?

Так сохраним обычаи свои.

Старинная пьеса

Мы оставили гостей Магнуса Тройла в самом разгаре веселого бражничанья. Мордонт, так же как и его отец, избегал хмельной чаши и не принимал поэтому участия в оживлении, которое «Веселый кантонский моряк» вызывал среди гостей, занятых его разгрузкой, в то время как «баркас» совершал свои рейсы вокруг стола. Но именно благодаря своему грустному виду наш юный друг и показался самой подходящей жертвой для словоохотливого рассказчика Клода Холкро, который, находя его в состоянии, весьма подходящем для роли слушателя, набросился на него, руководимый тем же инстинктом, что и хищный ворон, выбирающий из всего стада ослабевшую овцу, с которой ему легче всего будет справиться. С радостью воспользовался поэт рассеянностью Мордонта и его видимым нежеланием активно сопротивляться. С неизменной ловкостью, свойственной всем прозаикам, постарался он путем неограниченных отступле-

ний растянуть свое повествование вдвое, так что рассказ его уподобился лошади, идущей аллюром «grand pas»,¹ когда кажется, что она несется во весь дух, тогда как на самом деле подвигается едва ли на какой-нибудь ярд за четверть часа. В конце концов Холкро удалось-таки рассказать, уснадив повествование самыми различными подробностями и дополнениями, историю своего почтенного хозяина — знаменитого портного с Рассел-стрит, включив в нее беглый очерк о пяти его родственниках, анекдоты о трех его главных соперниках и высказав несколько общих суждений о костюмах и модах того времени. Прогулявшись, таким образом, по окрестностям и внешним укреплениям своего повествования, он достиг наконец главной цитадели, каковой в данном случае и являлась «Кофейня талантов». Рассказчик помедлил еще, однако, на ее пороге, чтобы разъяснить, на каких, собственно, основаниях хозяин его получал порой право доступа в этот храм муз.

— Оно зиждилось, — заявил Холкро, — на двух главных его достоинствах: терпении и терпимости, ибо друг мой Тимблтуэйт сам не лишен был остроумия: никогда не обижался на шутки, которыми бездельники завсегдатаи кофейни угощали его, словно взрывами петард и шутих в карнавальную ночь. И, видишь ли, хотя многие, да, пожалуй, даже большинство из этих остряков, были связаны с ним кое-какими обязательствами, однако не в его правилах было напоминать талантливym людям о столь неприятных мелочах, как уплата долга. Ты, милый мой Мордонт, может быть, назовешь это обыкновенной учтивостью, ибо в здешней стране редко берут или дают взаймы и, благодарение небу, нет здесь ни бейлифов, ни шерифов, что хватают несчастных людей за шиворот и тащат в кутузку, да и тюрем-то нет, куда бы их можно было упрятать, но все же поверь, что такого кроткого агнца, каким был мой бедный, дорогой покойный хозяин Тимблтуэйт, редко найдешь в списках лондонских обывателей. Я мог бы порассказать тебе о таких

¹ Наметь, или курцгалоп (франц.).

штучках этих проклятых лондонских ремесленников, какие они не только с другими, а и со мной лично проделывали, что у тебя волосы на голове встанут дыбом. Но чего это, черт возьми, старый Магнус вдруг разорался? Он ревет, словно хочет перекричать порыв сильнейшего норд-веста.

Действительно, зычен был голос старого юдалера, когда, выведенный из себя проектами преобразований, которые управляющий неустрашимо навязывал ему, требуя их немедленного обсуждения, Магнус ответил ему (здесь подойдет оссиановский оборот речи) голосом, гремящим, как прибой, дробящийся о скалы:

— Какие там еще деревья, господин управляющий! Нет, уж о деревьях вы мне лучше не говорите! По мне, хоть бы ни одного не было на нашем острове достаточно высокого, чтобы повесить на нем бездельника. Не нуждаемся мы ни в каких деревьях, кроме тех славных деревьев, что возвышаются в наших гаванях: ветки у них — рей, а листва — стоячий таке-лаж.

— Так вот, значит, что касается осушки Брэбастерского озера, как я вам уже докладывал, мейстер Магнус Тройл, — продолжал настойчивый агроном, — так это, по моему мнению, поведет к весьма важным результатам, а спустить озеро можно только двумя способами: либо через Линклейтерскую долину, либо через Скэлмистерский ручей. Так вот, если мы определим их уровни...

— Есть еще и третий способ, мейстер Йеллоули, — перебил его хозяин дома.

— Должен сознаться, что больше никаких не вижу, — ответил Триптолемус со всей той серьезностью, какой только может пожелать шутник для продолжения шутки, — поскольку на юге холм, называемый Брэбастер, а на севере — высокая гряда... Вот название-то ее вылетело у меня из головы...

— Да бросьте вы все эти ваши холмы да гряды, мейстер Йеллоули, уверяю вас, что есть третий способ осушить озеро, и только его, пока жив, я согласен испробовать. По вашим словам, губернатор и я —

совместные владельцы этих мест, прекрасно. Так вот, пусть каждый из нас спустит в озеро по равной доле бренди, лимонного сока и сахара — тут хватит одного, много — двух кораблей, — а потом соберем всех веселых юдаллеров острова, и через двадцать четыре часа на том месте, где сейчас Брэбастерское озеро, вы увидите сухое дно.

Вся застольица дружно и одобрительно захохотала над столь своевременной и уместной шуткой, и Триптолемусу пришлось хотя бы на время умолкнуть. Снова провозгласили веселый тост, еще раз спели застольную песню и помогли разгрузиться «Кантонскому моряку», между тем как щедрый «баркас» совершил еще один рейс вокруг стола.

Дуэт Магнуса с Триптолемусом, который в силу своей повышенной страстности привлек на время всеобщее внимание, потонул в пиршественном гуле, и поэту Холкро снова удалось насильственно завладеть вниманием Мордонта Мертона.

— Да, так на чем это я бишь остановился? — спросил он, и тон его лучше всяких слов показал утомленному слушателю, какую часть этой хаотической истории оставалось еще ему выслушать. — Ах да, на пороге «Кофейни талантов». Так вот, основал ее один из...

— Но, дорогой мистер Холкро, — несколько нетерпеливо перебил его Мордонт, — вы хотели рассказать о вашей встрече с Драйденом.

— С достославным Джоном? Как же, как же... Да, так на чем это я бишь остановился? Да, на «Кофейне талантов». Так вот, не успели мы войти, как лакеи и все прочие так и воззрились на меня. Добряка Тимблуэйти они и до того прекрасно знали. По этому поводу я могу рассказать тебе один случай...

— А что же Джон Драйден? — перебил его Мордонт тоном, не допуская никаких дальнейших отступлений.

— Да, да, конечно, я и говорю о Джоне Драйдене. Так на чем же я бишь остановился? Ах да, так вот, значит, стояли мы у самой стойки; один из слуг молот там кофе, а другой рассыпал табак в пакетики по

одному пенни — выкурить трубку стоило как раз пенни; тут-то он впервые и предстал перед моими глазами. Рядом с ним сидел некто по имени Деннис, тот самый, что...

— А Джон Драйден, как же он выглядел? — спросил Мордонт.

— Это был маленький толстенький старичок, седой, без парика, в прекрасно сшитом черном костюме, который облегал его, как перчатка. Честный Тимблтуэйт всегда собственноручно кроил платье для distinguished Джона, а покрой рукава у него был просто изумительный, это уж ты можешь мне поверить. Но здесь нет никакой возможности разговаривать... Черт бы побрал этого шотландца, опять они с Магнусом сцепились!

Так оно и было. Но на этот раз Клода Холкро прервал не удар грома, которому можно было уподобить предыдущие зычные возгласы юдаллера, — сейчас между противниками шел упорный и громкий спор: вопросы, ответы, резкие возражения и остроумные реплики так и сыпались друг за другом, словно доносящийся издали треск беглой ружейной перестрелки

— Разумные доводы! — кричал юдаллер. — А вот мы сейчас разберем, что это за такие разумные доводы, и ответ на них подыщем тоже разумный. А если вам нашего разума мало, так у нас в придачу еще и поэзия найдется. Эй, Холкро, дружок мой!

Хотя призыв этот прервал поэта на самой середине его любимого рассказа (если можно вообще говорить о середине там, где нет ни начала, ни конца), однако он вострепнулся при этих словах, как отряд легкой пехоты, получивший приказ идти на помощь гренадерам. Маленький человечек гордо выпрямился, ударил по столу кулаком и всем своим видом выразил готовность грудью встать на защиту своего радушного хозяина, как и подобает благовоспитанному гостю. Триптолемус был несколько смущен столь неожиданным подкреплением, явившимся на помощь противнику. Как осмотнительный полководец, он придержал стремительную атаку, начатую на ни с чем не сообраз-

ные шетлендские обычаи, и снова заговорил лишь тогда, когда юдаллер принудил его к тому оскорбительным вопросом:

— Ну, где же они теперь, ваши разумные доводы, мейстер Йеллоули, которыми вы меня только что оглушали?

— Сию минуту, уважаемый сэръ, — ответил Йеллоули. — Ну что, скажите на милость, можете вы или кто другой выставить в защиту неуклюжего орудия, что в вашей косной стране называют плугом? Даже дикие горцы в Кейтнесе или Садерленде, так и те своим *гаскромхом*, или как они там его называют, могут вспахать и больше и лучше.

— Да чем же это вам так не нравится наш плуг? — спросил юдаллер. — Что нашли вы в нем нехорошего? Пашет он себе нашу землю, я не знаю, что вам еще от него нужно!

— Да ведь у него только одна рукоять, или, по-вашему, по-шетлендскому, «ходуля»! — воскликнул Триптолемус.

— А какому бы пахарю, черт побери, — вмешался поэт, желая вставить и свое острое словцо, — взбрело в голову ходить на двух ходулях, если бы он прекрасно справлялся и с одной?

— Или вот еще что, — добавил Магнус Тройл, — ну как бы Нийл из Лапнесса, что лишился руки, после того как упал с утеса Сломи Шею, ну как бы мог он пахать плугом с двумя рукоятями?

— Упряжь у вас из сыромятной тюленьей кожи! — продолжал Триптолемус.

— Ну так что же! Зато дубленая кожа остается для других поделок, — ответил Магнус Тройл.

— А тянут ваш плуг несчастные волы, запряженные по четыре ярма в ряд, а позади этого жалкого орудия должны идти две женщины и доделывать борозды лопатами.

— Выпейте-ка лучше стаканчик, мейстер Йеллоули, — сказал юдаллер, — и, как говорится у вас в Шотландии — «дело заботы стоит». Волы наши, видите ли, с норовом, и ни один не даст другому идти впереди себя. А парни наши так вежливы и хорошо

воспитаны, что даже в поле не согласны работать без дамского общества. Плуги наши пашут нам землю, земля родит ячмень, мы варим себе эль, едим свой хлеб и всегда готовы разделить его с чужестранцами. За ваше здоровье, мейстер Йеллоули!

Слова эти сказаны были тоном, полагавшим конец всякого рода препирательствам, и Холкро шепнул Мордонту:

— Ну, спор окончен, и мы снова можем вернуться к достославному Джону. Так вот, сидел он в своем прекрасном черном костюме — за него, как сказал мне после мой добрый хозяин, вот уже два года, как все еще не было уплачено, — и тут я увидел его глаза, ах, что за глаза! Это был не тот горящий, жгучий, орлиный взор, который мы, поэты, так часто воспеваем, нет, то был мягкий, глубокий, задумчивый и в то же время пронизательный взгляд. В жизни не встречал я ничего подобного, разве что у маленького Стивена Клинкаго, скрипача из Папастоу, — он еще...

— Но вы же не кончили рассказывать о Джоне Драйдене! — перебил его Мордонт. За неимением иного развлечения он стал находить даже некоторый интерес в том, чтобы не давать старому джентльмену уклоняться в сторону. Так пастухи загоняют в стадо своенравного барана, когда хотят поймать его.

Клод Холкро, воскликнув, как обычно: «Ах да, конечно, про достославного Джона!» — вернулся к своему рассказу:

— Так вот, сэр, взглянул он таким вот самым взглядом, как я описал, на моего хозяина и сказал: «Ну, милейший Тим, что это там у тебя?» И тут все знаменитости, все лорды, все джентльмены, — а они всегда липли к нему, как красотки на ярмарке к корабейнику, — все они перед нами расступились, и прошли мы прямо к камину, возле которого у Джона было свое излюбленное кресло — летом, как я слышал, кресло это выносили на балкон, но тогда, когда я удостоился увидеть его, оно стояло у камина. Итак, прошествовал это Тим Тимблтуэйт, гордый как лев, через всю толпу, а следом за ним — и я. А под мышкой был у меня небольшой сверток... Я нес его так, случайно...

просто мальчишки посыльного не оказалось под рукой, и надо было выручить хозяина; а кроме того, я хотел придать себе деловой вид: в «Кофейню талантов», надо сказать, не допускались посторонние иначе как по делу. Я слышал, как сэр Чарлз Седли сострил однажды по этому поводу...

— Но вы опять уклонились от достославного Джона! — воскликнул Мордонт.

— Ах да, поистине достославным следует называть его! Теперь превозносят всяких там Блэкморев, Шедуэлов и прочих, но только они недостойны развязать ремень на башмаке Джона Драйдена. «Ну, — спросил он моего хозяина, — что у вас тут?» И тогда Тим поклонился ему, клянусь, ниже, чем герцогу какому, и сказал, что взял на себя смелость явиться и показать ему материю, такую, как леди Элизабет выбрала себе для капота. «А который же это из ваших гусей, Тим, несет ее под крылом?» — «Это, с вашего разрешения, оркнейский гусь, мистер Драйден, — ответил Тим, который мог сострить по любому поводу, — и он принес, сэр, тетрадь своих стихотворений, чтобы ваша милость изволила взглянуть на них». — «А, так он у вас амфибия?» — спросил достославный Джон и взял рукопись. Тут, кажется мне, я охотнее бы согласился стать лицом к целой батарее заряженных пушек, чем слушать, как шелестят в его руках страницы моей тетради, хотя при этом он никаких обидных замечаний не делал. А потом просмотрел он мои стихи и соблаговолил сказать весьма одобряющим тоном и с такой добродушной улыбкой на лице... конечно, если не сравнивать улыбки пожилого толстенького человека с улыбкой Минны или Бренды, это была самая привлекательная улыбка, которую я когда-либо видел... «Подумайте, Тим, — сказал он, — этот гусь еще возьмет да и превратится на вашу голову в лебедя!» Тут он слегка усмехнулся, и все кругом засмеялись, громче всего те, что стояли дальше всех и не могли поэтому даже расслышать шутки. Все знали, что раз он сам усмехнулся, значит есть над чем посмеяться, и так уж и брали это на веру. А потом шутку эту подхватили и стали повторять и молодые

клерки из Темпла, и остряки, и щеголи, и все только и спрашивали друг у друга, кто мы такие. Один французский молодчик старался объяснить им, что это, дескать, не кто иной, как мосье Тим Тимблтуэйт, но он произносил то Дамблтэт, то Тимблтэт, так что совсем запутался, и объяснение его грозило затянуться...

«Так же, как и ваша история», — подумал было Мордонт, но в ту же минуту рассказу был положен конец громким и решительным голосом юдаллера:

— Не хочу я вас больше слушать, господин управляющий!

— Но позвольте мне по крайней мере сказать еще хоть несколько слов о породе ваших лошадей, — жалобным тоном взмолился Йеллоули. — Ваши пони, дорогой сэр, ростом не больше кошек, но зато нравом — настоящие тигры!

— Ну так что же из этого? — спросил Магнус. — Ростом они, правда, невелики, но тем легче на них садиться — и безопаснее с них падать («Как это на себе самом испытал Триптолемус сегодня утром», — подумал Мордонт), а что до их нрава, так пусть не ездит на них тот, кто не может с ними справиться.

Сознание собственной виновности заставило агронома воздержаться от ответа, и он бросил только умоляющий взгляд на Мордонта, как бы прося не выдавать тайну его утреннего падения. Юдаллер, сочтя себя победителем (хотя и не подозревая истинной причины этой победы), заявил громким и непреклонным тоном, свойственным тому, кто за всю свою жизнь не привык ни встречать противодействия, ни терпеть его:

— Клянусь кровью святого мученика Магнуса, хороши же вы, как погляжу я на вас, господин управляющий Йеллоули! Являетесь к нам из чужой страны, ничего-то ни в наших законах, ни в наших обычаях, ни в языке не смыслите — и хотите тут над нами начальствовать, а мы чтобы сделались вашими рабами.

— Учениками, уважаемый сэр, только учениками! — воскликнул Йеллоули. — И это для вашего же блага.

— Ну, нам уж не по возрасту ходить в школу, — ответил юдаллер, — и еще раз говорю вам: мы будем сеять свой хлеб и собирать его в житницы так же, как это делали наши деды. Мы будем есть то, что посылает нам отец наш небесный, и двери наши будут открыты для чужестранцев так же, как если бы и их двери были всегда для нас открыты. Если в наших обычаях есть что-либо несовершенное, то мы в свое время исправим это. Но в Иванов день следует иметь легкое сердце и резвые ноги, а кто еще раз осмелится заговорить о «разумных доводах» или еще о чем-либо подобном, так тот у меня проглотит целую пинту морской воды, уж это будьте уверены. А теперь пусть нагрузят еще раз «Веселого кантонца» на радость его верным приверженцам, а остальные пусть идут развлекаться: слышите, скрипачи уже зазывают нас. Бьюсь об заклад, что у красавиц наших ножки так сами уж и ходят. А вы, мейстер Йеллоули, не обижайтесь... Эге, дружище, да тебе, я вижу, качка «Веселого моряка» не прошла даром. — По правде говоря, в движениях почтенного Триптолемуса, когда он направился к своему хозяину, обнаружилась некоторая неустойчивость). — Но ничего, сейчас мы отучим тебя от морской походки, и ты запляшешь вовсю с нашими красавицами. Вперед, мейстер Йеллоули, давай-ка я возьму тебя на абордаж, а то, я вижу, дружище *Трип*, тебя уже начало «*трипать*» из стороны в сторону. Ха-ха-ха!

С этими словами все еще статный, хотя и видавший на веку своем бури юдаллер двинулся вперед, подобный военному кораблю, прошедшему через сотни штормов, и повел за собой на буксире, словно только что захваченный приз, своего дорогого гостя. Большая часть приглашенных с радостными возгласами последовала за хозяином дома, но несколько заправских бражников воспользовались правом выбора, которое предоставил им юдаллер, и остались за столом, чтобы еще раз разгрузить «Веселого моряка». Снова провозгласили тост за здоровье отсутствующего хозяина и за процветание его гостеприимного крова. Много было высказано и других сердечных

здравиц, служивших всякий раз убедительным поводом для осушения очередного кубка благородного пунша.

Остальные гости устремились в помещение для танцев, простотой своей вполне соответствовавшее эпохе и стране. Гостиные и приемные залы в те времена даже в Шотландии встречались только в домах знатных лиц, а здесь, на Шетлендских островах, были и совсем неизвестны. Но длинный, низкий, неправильной формы сарай, служивший порой для хранения товаров, порой для свалки всякого ненужного хлама, а то и для тысячи других целей, был хорошо знаком молодежи Данроснесса и прочих Шетлендских округов как место веселых танцев, неизменно оживлявших празднества, которые так часто задавал Магнус Тройл.

Один вид подобной бальной залы привел бы в ужас светское общество, собравшееся танцевать кадрили или вальс. В этом невысоком, как мы уже говорили, помещении царил полумрак, ибо лампы, свечи, корабельные фонари и всякие прочие *канделябры* еле освещали пол, груды товаров и самые разнообразные, повсюду нагроможденные предметы. Были тут и запасы на зиму, и товары, предназначенные для отправки за море, и подарки Нептуна, сделанные им за счет потерпевших крушение кораблей, чьи владельцы так и остались неизвестными. Некоторые вещи были получены хозяином в обмен на рыбу и прочие продукты его владений, ибо он, как и многие другие помещики того времени, был столько же купцом, сколько землевладельцем. Все эти рундуки, ящики, бочонки и тому подобное вместе с их содержимым были составлены к стенке один на другой, чтобы очистить место танцующим, которые так же легко и весело, как в самой роскошной зале Сент-Джеймского прихода, отплясывали свои живые и грациозные местные танцы.

Старики, пришедшие взглянуть на молодежь, порядком смахивали на компанию старых тритонов, собравшихся посмотреть на забавы морских нимф, — столь суровый вид обрело большинство из этих по-

чтенных шетлендцев в борьбе со стихиями, и такое сходство со сказочными обитателями морских глубин придавали им косматые гривы, а у многих — по обычаю древних норвежцев, бороды. Зато молодые люди были на редкость хороши собой: высоки, прекрасно сложены и изящны; у мужчин были длинные светлорусые волосы: лица их, не успевшие еще загрубеть под воздействием суровой природы, горели свежим румянцем, имевшим у девушек оттенок необыкновенной нежности. Врожденная музыкальность позволяла им с исключительной точностью следовать ритму небольшого оркестра, который играл весьма недурно. Старики, стоя или сидя на старых корабельных рундуках, заменявших стулья, судили о достоинствах и недостатках танцоров и сравнивали их искусство со своими собственными успехами много лет тому назад; порой, согревшись дополнительной чаркой, ибо фляга продолжала ходить среди них вкруговую, они принимались прищелкивать пальцами и притопывать ногами в такт музыке.

Мордонт наблюдал картину всеобщего веселья с горьким сознанием, что он лишился прежних своих преимуществ и не выполняет больше важных обязанностей распорядителя танцев или руководителя игр, перешедших к чужестранцу Кливленду. Желая, однако, во что бы то ни стало скрыть чувство досады, которое, как он понимал, было неумно поддерживать и недостойно мужчины показывать, он подошел к своим прелестным соседкам, которым во время обеда так понравился, с намерением пригласить одну из них на танцы. Но ужасная древняя старуха, та самая леди Глоуроурам, которая терпела чрезмерную веселость своих племянниц только потому, что место ее за столом делало всякое вмешательство с ее стороны бесполезным, теперь отнюдь не была расположена поощрять дальнейшее сближение их с Мордонтом, которое вытекало из такого приглашения. Поэтому она взяла на себя труд, от имени обеих племянниц, которые, надув губки, молча и грустно сидели рядом с ней, сообщить мистеру Мордонту, предварительно поблагодарив его за любезность, что молодые леди

обеспечены приглашениями уже на весь сегодняшний вечер. Однако Мордонт, продолжавший издали следить за девушками, вскоре убедился, что эти мнимые приглашения были лишь поводом избавиться от него, ибо увидел, как обе веселые сестрицы пошли танцевать с первыми же вслед за ним подошедшими кавалерами. Возмущенный столь явным пренебрежением и не желая подвергнуться еще раз тому же, Мордонт Мертон вышел из круга молодежи, смешался с толпой второстепенных зрителей, теснившихся в глубине комнаты, и там, вдали от взоров остальных танцующих, пытался перенести свою обиду как можно мужественнее, что удавалось ему очень плохо, и со всем философским спокойствием, на какое был способен его возраст, что ему совсем не удавалось.

Глава XV

Мне факел! Пусть беспечные танцоры
Камыш бездушный каблуками топчут
Я вспоминаю поговорку дедов:
«Внесу вам свет и зрителем останусь».

«Ромео и Джульетта»¹

Юноша, как утверждает моралист Джонсон, забывает об игрушечной лошадке, человек зрелых лет — о своей первой любви, и поэтому горе Мордонта Мертон, когда он увидел себя исключенным из веселой среды танцующих, может показаться смешным многим из моих читателей, которые, впрочем, сочли бы свое негодование вполне оправданным, если бы лишились привычного места в каком-нибудь другом обществе. В доме Магнуса не было, однако, недостатка в развлечениях для тех, кому танцы были не по вкусу или кому не досталось подходящей пары. Холкро оказался теперь совершенно в своей сфере: он собрал вокруг себя кружок слушателей и декламировал им свои стихи, по выразительности чтения не уступая

¹ Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

самому достославному Джону. Наградой ему были одобрения, расточаемые обычно поэтам, читающим собственные произведения, во всяком случае до тех пор, пока отзывы эти могут долетать до слуха автора.

Поэзия Холкро могла бы представить немалый интерес как для любителей древности, так и для поклонников муз, ибо иные из его стихотворений были переводами саг древних скальдов, а другие — подражанием им. Саги эти долго еще пелись рыбаками тех дальних стран, так что, когда поэмы Грея впервые стали известны на Оркнейских островах, старики сразу узнали оду «Роковые сестры», которую под названием «Волшебницы» они со страхом и восхищением слушали во времена своего детства; рыбаки Северного Роналдшо и других отдаленных островов до сих пор обычно исполняют ее в ответ на просьбу спеть какую-либо норвежскую песню.

Наполовину внимая стихам Холкро, наполовину погруженный в собственные думы, Мордонт Мертон стоял у самых дверей, в последних рядах слушателей, окружавших старого барда, который пел следующее подражание норманской военной песне, местами разнобразя ее медленный, дикий и заунывный мотив живостью и выразительностью своего исполнения.

*ПЕСНЬ
ГАРОЛЬДА ГАРФАГЕРА*

Солнце встало в мгле багровой,
Ветер загудел сурово,
Со скалы взлетел орел,
Волк покинул темный дол,
В небо воронье взвилось,
Выбежал бродячий пес,
И поднялся над землей
Клекот, рев, и грай, и вой:
«Попируем нынче вволю —
Стяг Гарольдов реет в поле!»

Сотни шлемов грозно блещут,
Сотни буйных грив трепещут,

Сотни рук, подъяв булат,
Силам вражеским грозят.
Звуки труб, кольчуг бряцанье,
Крик вождей и коней ржанье,
И над шумною толпой
Барда голос призывной:
«Пеший, конный, силой бранной
Выступайте в бой, норманны!

Павших в поле не считая,
Гладких троп не выбирая,
Сон и пищу позабыв,
Мчитесь в гущу вражьих нив
И сверкающей косою
Собирайте жатву боя.
Добрый колос и волчец —
Все кровавый скосит жнец.
Пеший, конный, силой бранной
На врага, вперед, норманны!

Воин, избранный судьбой,
Слышишь, Один за тобой
Выслал дочь на бой кровавый.
Что же изберешь ты: славу,
Золото, покой и мир,
Иль Валгаллы вечный пир,
Где слились в бессмертный дар
Чаши пыл и битвы жар?
Пеший, конный, в слятке бранной
Смерть встречайте, как норманны!»

— Бедные, ослепленные язычники! — воскликнул Триптолемус с таким глубоким вздохом, что он походил на стон. — Они говорят о вечно полных чашах эля, но хотелось бы мне знать, засевали они когда-либо хоть клочок земли? Ну хотя бы рядом с усадьбой?

— Тем больше, значит, заслуга этих молодчиков, соседushка Йеллоули, — ответил поэт, — если они умудрялись варить эль, не имея ячменя.

— Ячменя! Да разве можно их ячмень сравнить с настоящим ячменем! — воскликнул дотошный агроном. — Слыханное ли дело говорить о ячмене в здеш-

них краях?! Четырехрядка, мой друг, четырехрядка! Вот все, что тут можно сеять. Да и то удивительно, как это она у вас колосится. Вы царапаете землю огромным, неуклюжим орудием, которое, правда, называете плугом, но с таким же успехом вы могли бы ковырять землю зубьями старой гребенки. А взглянули бы вы на лемех, да на отрез, да на полоз настоящего, крепкого шотландского плуга, за которым идет молодчик — Самсон, да и только! И как наляжет он на рукоятки, так, кажется, целую бы гору выворотил! Пара статных быков да пара широкогрудых коней тянут себе постромки, топчут землю и глину, и остается позади борозда глубиной что твой сточный желоб! Да уж, чьи глаза видали такое зрелище, так тому и впрямь есть чем похвалиться, почище чем всеми вашими унылыми допотопными историями о войнах да убийствах, которых и без того в вашей стране слишком много, а вы еще превозносите да воспеваете всякие кровавые деяния, мейстер Клод Холкро!

— Вот уж это нехорошо! — с возмущением воскликнул маленький человечек и гордо выпрямился, словно на него одного была возложена вся оборона Оркнейского архипелага. — Вот уж это нехорошо — поносить в присутствии человека его родину, когда он не знает ни как, ни чем защищаться или иным образом отплатить обидчику. Да, было время, когда мы не умели варить хороший эль и гнать водку, зато мы всегда знали, где найти их для себя готовыми. Но теперь потомки викингов, богатырей и берсеркеров так же не способны держать в руке меч, как и слабые женщины. Правда, они все еще могут гордиться умением налегать на весла или лазать по скалам, но ничего иного, более достойного внимания, не мог бы сообщить о вас, простодушные обитатели Хиалтландии, даже сам достославный Джон.

— Славно сказано, дорогой наш поэт! — воскликнул Кливленд, который во время перерыва между танцами подошел к беседующим. — Древние богатыри, о которых вы столько рассказали нам вчера вечером, достойны того, чтобы подвиги их воспевались

под звуки арфы. То были храбрые молодчики, верные друзья моря и враги всем, кто бороздил его воды. Корабли их, пожалуй, были довольно неуклюжими, но если правда, что они добирались на них до самого Леванта, так вряд ли более ловкие ребята поднимали когда-либо марсель.

— Да, — подтвердил Холкро, — это вы верно о них говорите. В те дни тот, кто жил не далее двадцати миль от синего моря, не мог поручиться за свою жизнь и имущество. Знаете, ведь в Европе служили молебны в каждой церкви о спасении от ярости норманнов. Во Франции и Англии, да что там, даже в Шотландии, как бы гордо шотландцы ни задирали сейчас головы, не было тогда ни одной бухты или гавани, где наши предки не чувствовали бы себя хозяевами куда больше, чем жалкие местные жители. А теперь, видите ли, мы уж и ячменя вырастить не можем без помощи шотландцев, — здесь он бросил саркастический взгляд на управляющего. — Да, хотел бы я дожждаться того дня, когда мы опять скрестим с ними оружие!

— О, да вы настоящий герой! — воскликнул Кливленд.

— Ах, — продолжал маленький бард, — хотел бы я, будь это возможно, снова увидеть, как наши корабли, которые когда-то назывались морскими драконами, снова поплыли бы под черным, цвета воронова крыла, флагом, развевающимся на мачте, и с палубами, сверкающими оружием, а не заваленными треской... И пошли бы мы тогда дерзкой рукой добывать то, в чем отказывает нам бесплодная почва, рассчитываясь за прежние и теперешние обиды, пожиная то, что не сеяли, и собирая плоды там, где ничего не сажали. Со смехом носились бы мы по свету и с улыбкой расставались бы с ним, когда пробьет час.

Так говорил Клод Холкро, разумеется, не вполне серьезно и, во всяком случае, не совсем в трезвом состоянии, ибо его голова (и так-то не очень крепкая) совсем пошла кругом под влиянием пришедших ему на память пятидесяти саг и, сверх того, еще пяти кубков асквибо и бренди.

— Опять сказано так, как подобает настоящему герою! — воскликнул полушутя-полусерьезно Кливленд и хлопнул его по плечу.

— Как настоящему безумцу, вот что, — сказал Магнус Тройл, ибо пылкая речь маленького барда привлекла и его внимание. — Ну куда бы вы теперь поплыли и с кем стали сражаться? Мы все, насколько я знаю, подданные одного королевства. И хотелось бы вам напомнить, что подобное путешествие привело бы вас прямо в порт, что зовется виселицей. Шотландцев я недолюбиваю — не в обиду вам будь сказано, мейстер Йеллоули, — вернее, я так уж и быть примирился бы с ними, сиди они только смирно в своей стране и оставь в покое нас, наши обычаи и наши нравы. А если они ждут, что я наброшусь на них, как какой-то бесноватый берсеркер, так они могут спокойно ждать этого до второго пришествия. А со всеми, как говорится в пословице, «морскими дарами да земными плодами», да в компании добрых соседей, что помогают нам с этими благами справиться, так, слава святому Магнусу, мы, как мне кажется, можем почитать себя даже слишком счастливыми.

— Да, я знаю, что такое война, сэр, — заметил один из старцев, — и я скорей пустился бы по Самборо-Русту в яичной скорлупе или какой еще худшей посудине, чем снова пошел бы сражаться.

— А позвольте вас спросить, в каких это войнах проявилась ваша доблесть? — спросил Холкро. Чувство глубокого уважения не позволяло ему спорить с хозяином, но он совершенно не склонен был отступать перед более скромным собеседником.

— Я был завербован, — ответил престарелый Тристон, — в армию Монтроза, когда он явился сюда, помнится, в тысяча шестьсот пятьдесят первом году и забрал многих из нас с собой в Стратнавернские пустыни, чтобы всем нам перерезали там глотки.¹ Да, уж этого-то я никогда не забуду! Пришлось нам тогда

¹ Монтроз во время последней безрассудной попытки захватить Шотландию увеличил свою небольшую армию, состоявшую из датчан и шотландских приверженцев короля, за счет несколь-

поголодать! Дорого бы я дал в те дни за кусок бороуэстрской говядины или хотя бы за блюдо соленых рыбок! А тут наши горцы пригнали как раз лакомое такое стадо горного скота, ну, мы с ним долго не церемонились, сразу же перестреляли, перекололи, ободрали, выпотрошили и принялись варить да жарить, что кому больше по вкусу, и только это с бород наших закапало сало, слышим — спаси нас господи! — конский топот, потом выстрелы — один, другой, а там целый залп... Офицеры приказали нам строиться, мы стали смекать, куда бы это нам подальше улепетнуть, а тут и налетели они на нас, пешие да конные, со старым Джоном Арри, или Харри,¹ или как там еще его называют, во главе, и как бросились они на нас, как пошли крошить, как стали мы падать, ну точь-в-точь бычки, что сами мы резали пять минут назад.

— А Монтроз? — раздался в эту минуту нежный голос прелестной Минны. — Что делал в это время Монтроз, и как он выглядел?

— Выглядел он как лев, увидевший перед собой охотников, — ответил престарелый джентльмен, — но мне некогда было особенно разглядывать его — я смотрел, как бы поскорее удрать подальше за холмы.

— Так вы, значит, бросили его? — спросила Минна тоном глубочайшего презрения.

ких отрядов необученных новобранцев, поспешно завербованных — или, вернее, забранных — с Оркнейских и Шетлендских островов. Парни эти, у которых сердце не лежало ни к защищаемому делу, ни к военной службе, проявили весьма посредственный пыл, когда им пришлось участвовать в сражениях. (Прим. автора.)

¹ Здесь, как в дальнейшем будет отмечено в тексте, память шетлендского воина очень подвела его. Сэр Джон Арри, храбрый солдат-наемник, служил в то время в армии Монтроза и был вместе с последним взят в плен. Однако он так часто переходил со стороны на сторону, что вышеупомянутая ошибка вполне понятна. По окончании военных действий он был казнен ковенантёрами,

Уж больше Уорик изменять не смог.

Отрядом, разбившим Монтроза, командовал Стрэчен, (Прим. автора.)

— Это случилось не по моей вине, миссис Минна, — ответил старец с некоторым смущением. — Да к тому же и был я там не по своей охоте; а кроме того, ну чем бы я мог помочь ему? Все остальные бежали, словно овцы, чего же мне было ждать?

— Вы могли бы умереть вместе с ним, — ответила Минна.

— И остаться жить вечно в бессмертных стихах, — добавил Клод Холкро.

— Чувствительно вам благодарен, миссис Минна, — сказал прямодушный шетлендец, — и вам также, старый друг мой Холкро, но я предпочитаю, оставшись в живых, выпить за здоровье вас обоих добрый кубок эля, чем оказаться героем ваших песен, погибнув сорок или пятьдесят лет назад. Впрочем, бежать или сражаться — какое это имело тогда значение, раз все привело к одному? Схватили они беднягу Монтроза, несмотря на все его подвиги, схватили и меня, хотя за мной никаких подвигов не числилось; его, несчастного, повесили, а что до меня...

— А вас выпороли и солью натерли, если есть справедливость на небе! — воскликнул Кливленд, выведенный из терпения нудным рассказом миролюбивого шетлендца о его собственной трусости, которой он, видимо, ничуть не стыдился.

— Ну, ну, — вмешался Магнус, — стегайте себе лошадей и солите говядину... Не воображаете же вы, что ваши brave капитанские замашки заставят нашего доброго старого Хагена устыдиться того, что он не дал себя убить несколько десятков лет тому назад? Вы сами смотрели смерти в лицо, мой храбрый молодой друг, но смотрели глазами юноши, который ищет славы. А ведь мы — народ мирный, правда, мирный только до тех пор, пока кто-нибудь не дерзнет оскорбить нас или наших соседей. А тогда они, пожалуй, увидят, что наша норвежская кровь не многим холоднее той, что текла в жилах у скандинавов, оставивших нам наши имена и родословные. Но пойдемте скорей смотреть танец с мечами; пусть посетившие нас чужестранцы увидят, что наши руки и наши мечи не совсем еще раззнакомились друг с другом.

Из старого ящика с оружием быстро достали дюжину тесаков с заржавленными клинками, свидетельствовавшими о том, как редко покидали те свои ножны, и вооружили ими двенадцать юных шетлендцев, к которым присоединились шесть девушек во главе с Минной Тройл. Музыканты заиграли мелодию старинного норвежского воинственного танца, который, быть может, до сих пор еще исполняется на тех далеких островах.

Первые фигуры его были грациозны и торжественны: юноши с высоко поднятыми мечами двигались медленно и плавно. Но мало-помалу темп делался все быстрее, танцоры воодушевились, движения их ускорились, мечи в такт музыке скрестились с мечами, и пляска приняла вид весьма опасной забавы, хотя каждый удар наносился с такой верностью, меткостью и точностью, что в действительности танцорам ничто не угрожало. Удивительной в этом зрелище была смелость пляшущих девушек: то, окруженные воинами, они казались сабинянками в объятиях своих возлюбленных римлян, то проходили под стальной аркой из скрещенных над их прекрасными головами мечей, точно амазонки, присоединившиеся к пиррической пляске воинов Тесея.

Но самый изумительный образ, необычайно гармонировавший со всем действием, являла Минна Тройл — недаром Холкро давно уже прозвал ее королевой мечей: она скользила среди вооруженных юношей, словно сверкающие клинки были самой обычной для нее обстановкой или покорными ее воле игрушками. Когда фигуры танца стали все более усложняться и частый, почти непрерывный, звон оружия заставил некоторых девушек затрепетать от страха, пылающие ланиты Минны, ее губы и глаза — все, казалось, выражало упоение, и чем быстрее сверкали и громче звенели мечи, тем увереннее становилась она, словно чувствуя себя в своей родной стихии. Наконец музыка оборвалась, и Минна, согласно правилам танца, на мгновение осталась одна среди зала, как принцесса, приказавшая своей свите и страже — танцевавшим с ней девушкам и юношам — отступить и

оставить ее на время в одиночестве. Сама она находилась словно во власти некоего видения, созданного ее фантазией, и весь облик ее необычайно подходил к тому величественному образу, который она олицетворяла в глазах зрителей. Однако Минна почти тотчас же опомнилась и вспыхнула, словно стыдясь того, что на миг сосредоточила на себе внимание всех присутствующих. Изящным движением протянула она руку Кливленду, который, хотя сам не принимал участия в танце, почел своим долгом отвести ее на место.

Когда они проходили мимо Мордонта, тот успел заметить, что Кливленд шепнул что-то Минне на ухо, а она, быстро ответив ему, смутилась еще больше, чем под устремленными на нее взорами всего общества. Это вновь пробудило в Мордонте подозрения, ибо характер Минны был ему хорошо известен и он знал, с каким безразличием и холодностью встречала она обычные комплименты и любезности, которые при ее красоте и положении были ей хорошо знакомы.

«Неужели же она в самом деле любит этого чужестранца? — мелькнула в уме Мордонта тревожная мысль. — А если и так, — подумал он далее, — то какое мне до всего этого дело?» Вслед за тем он пришел к выводу, что, хотя всегда считал себя только другом Минны и Бренды, а теперь лишился и этой дружбы, он все же имел право в силу своей прежней близости к ним огорчаться и досадовать оттого, что Минна подарила свою привязанность лицу, по мнению Мордонта, совершенно ее недостойному. Весьма вероятно, что к рассуждениям подобного рода примешивалась доля уязвленного самолюбия и едва уловимая тень личного сожаления, скрытые под маской беспристрастного великодушия. Но в невольнo возникающих у нас даже самых возвышенных мыслях всегда столько низменных примесей, что поистине печальное занятие — слишком глубоко вникать в побудительные причины даже благороднейших человеческих поступков. Мы, во всяком случае, посоветовали бы принимать за чистую монету добрые намерения своих ближних, предоставляя каждому право подвергать жесточайшей проверке чистоту собственных побуждений.

За танцами с мечами последовали другие хореографические упражнения, а затем песни, в исполнение которых певцы вкладывали всю душу, а слушатели всякий раз, как представлялся случай, неизменно присоединяли свой голос к любимым припевам. В такой обстановке музыка, пусть простая и даже грубоватая, проявляет свою естественную власть над благородными душами и вызывает то глубокое волнение, которого зачастую не в силах достигнуть самые искусные творения виднейших композиторов. Для неискушенного слуха они — слишком тонкое блюдо, хотя, несомненно, доставляют своеобразное наслаждение тем, кого природные способности и образование научили понимать и ценить трудные и сложные сочетания звуков.

Было уже около полуночи, когда стук в дверь и мелодичные звуки гъю и лэнгспила возвестили о прибытии новых гостей, перед которыми согласно гостеприимным обычаям страны тотчас же были широко раскрыты все двери.

Глава XVI

Предчувствует душа, что волей звезд
Началом несказанных бедствий будет
Ночное это празднество.

«Ромео и Джульетта»¹

Новоприбывшие согласно обычаю, принятому во всем мире на подобных празднествах, оказались наряженными в своеобразные маскарадные костюмы и изображали тритонов и сирен, которыми старинные предания и народные поверья населяют просторы северных морей. Тритонами, или на языке шетлендцев того времени — шупелтинами, были причудливо одетые юноши с накладными бородами из льняной кудели, в таких же париках и в венках из водорослей с нанизанными на них ракушками и другими дарами моря.

¹ Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

Подобные же украшения красовались на их светло-голубых или зеленоватых мантиях из неоднократно уже упоминавшегося уодмэла. В руках они держали трезубцы и прочие подобающие им эмблемы. Верный своему классическому вкусу Клод Холкро, изобретавший костюмы для ряженных, не забыл и огромных конических раковин, в которые время от времени дуло то одно, то другое из этих сказочных существ, извлекающая из них резкие и хриплые звуки, к величайшему неудовольствию всех стоящих поблизости.

Участвующие в кортеже nereиды и морские нимфы были одеты, как и следовало ожидать, с гораздо большим вкусом и намного наряднее, чем божества мужского пола. Фантастические одеяния из зеленого шелка и других дорогих и изысканных тканей были задуманы и выполнены так, чтобы, приближаясь по возможности к одежде сказочных обитательниц вод, соответственно нашему о них представлению, выгодно показать стройность и красоту очаровательных масок. Браслеты и ракушки, украшавшие шеи и щиколотки прелестных сирен, нередко переплетались с настоящими жемчугами, и, в общем, дочери страны Туле выглядели так, что, пожалуй, оказали бы честь двору самой Амфитриты, особенно принимая во внимание их светлые кудри, голубые глаза, нежный румянец и тонкие черты лица. Мы не беремся утверждать, что наряженные сиренами девушки изображали их с той же точностью, как прислужницы Клеопатры, которые, по словам комментаторов Шекспира, умудрились устроить себе даже рыбы хвосты, и притом так искусно, что эти путы или концы (упомянутые комментаторы никак не могут сказать, какое чтение правильное: *bends* или *ends*¹) выглядели как настоящие украшения. Да и в самом деле, если бы шетлендские сирены не оставили своих ножек в их естественном состоянии, как могли бы они тогда исполнить прелестный танец, которым отблагодарили присутствующих за оказанный им радушный прием?

¹ См. прекрасный разбор этого места в издании Шекспира с разночтениями. (Прим. автора)

Вскоре обнаружилось, что ряженные были совсем не пришельцами, а частью гостей, которые незадолго до того незаметно скрылись, чтобы переодеться и еще одной новой забавой оживить праздничный вечер. Муза Клода Холкро, весьма деятельная в подобных случаях, снабдила их подходящей песней, образец которой мы прилагаем ниже. Пели поочередно сирена и тритон, а затем женские и мужские полухоры подхватывали припев и вторили голосам главных исполнителей.

Сирена

Собирая жемчуг скатный,
В недрах моря мы живем
И о дивной славе ратной
Древних викингов поем.
В наши тайные затоны
Долетает грозный шквал,
Как возлюбленного стоны,
Что к ногам любимой пал.
И как жаворонков стая,
Ввысь вспорхнувшая с земли,
К детям северного края,
Мы на празднество пришли.

Тритон

На морских конях гарцуя,
Грозно пеня все кругом,
Гоним мы змею морскую,
Весть о буре подаем.
Громко трубим мы, коль в море
Меж чудовищ бой идет,
Но напев наш полон горя,
Если гибнет утлый бот.
И бразды в морях взрывая,
Словно плугом — грудь земли.
Дети северного края,
К вам на праздник мы пришли.

Сирены и тритоны

В глубине морской пучины
Ваша радость нам слышна,
Только голоса кручины
Не домчит до нас волна.
Ваши пляски так нам любы,
Что веселою гурьбой,
Наши раковины-трубы,
Смех и песни взяв с собой,
Мы из бездны океана,
Что вздымает корабли,
К вам, сыны страны туманной,
И плясать и петь пришли.

В заключительном хоре слились голоса всех участников, кроме тех тритонов, которых научили дуть в раковины и производить, таким образом, своего рода грубый аккомпанемент, звучавший, впрочем, весьма эффектно. Слова песни, так же как исполнение ее, были встречены громкими рукоплесканиями тех присутствующих, которые считали себя достойными в этой области судьями, но в особенный восторг пришел Триптолемус Йеллоули: ухо его уловило родные ему звуко сочетания «плуг» и «бразды», а так как мозг его настолько пропитался пуншем, что мог воспринимать все слышимое лишь в буквальном смысле, то он, призывая Мордонта в свидетели, во всеуслышание заявил, что хотя стыд и позор потратить такое количество доброй кудели на какие-то там бороды и парики для тритонов, но в песне содержались единственные осмысленные слова, которые он слышал за весь день.

Мордону, однако, некогда было отвечать агроному, ибо он, не отрывая глаз, следил за движениями одной из масок, которая, как только вошла, незаметно коснулась его руки, подкрепив этот жест весьма выразительным взглядом, и хотя Мордонт не знал, кем могла она оказаться, он ждал от нее какого-то весьма важного сообщения. Сирена, подавшая ему столь смелый знак, была замаскирована с гораздо

большей тщательностью, чем ее подруги: свободный и широкий плащ скрывал всю ее фигуру, а лицо было закрыто шелковой маской. Мордонт заметил, что она, мало-помалу отдаляясь от своих спутников, в конце концов оказалась, словно привлеченная свежим воздухом, возле приоткрытой двери. Тут она еще раз выразительно взглянула на юношу и, воспользовавшись тем, что внимание окружающих было приковано к остальным ряженным, выскользнула из залы.

Мордонт, не колеблясь, бросился вслед за своей таинственной путеводительницей — так мы по справедливости можем назвать маску, которая на миг остановилась, чтобы он видел, куда она направляется, а затем быстро пошла к берегу воу, или соленого озера, широко раскинувшегося перед замком. Небольшие легкие волны сверкали и переливались в свете полной луны, которая, присоединяя свои лучи к ясным сумеркам летней северной ночи, делала совершенно нечувствительным отсутствие солнца: на западе след от его захода еще виден был на волнах, тогда как восточная часть горизонта уже загоралась утренней зарей.

Для Мордонта не представляло поэтому никакого труда следить за своей таинственной вожатой, которая шла перед ним через холмы и ложбины прямо к морю, обогнула прибрежные скалы и направилась к месту, где он в дни своей прежней дружбы с обитателями Боро-Уэстры собственными руками соорудил нечто вроде уединенной беседки, под сенью которой дочери Магнуса проводили обычно в хорошую погоду большую часть времени. Здесь, значит, и должно было произойти объяснение, ибо маска остановилась и, после минутного колебания, опустилась на грубую скамью. Из чьих же уст суждено ему было услышать это объяснение? Сначала на ум Мордонту пришла Норна, но ее высокая фигура и медленная, торжественная поступь резко отличались от роста и движений изящной сирены, шедшей впереди него таким легким шагом, словно она в самом деле была настоящей жилицей вод, которая замешкалась на берегу и теперь, страшась навлечь на себя гнев Амфитриты, спешила вернуться в свою родную стихию. Но если

это не Норна, то одна только Бренда, думал Мордонт, могла таким образом увлечь его за собой. И когда незнакомка опустилась на скамью и сняла с лица маску, она действительно оказалась Брендой. Хотя Мордонт не чувствовал перед ней никакой вины и ему нечего было бояться встречи с ней, однако робость так легко овладевает молодыми и чистыми существами независимо от их пола, что он смутился, словно в самом деле стоял перед лицом справедливо обиженной им девушки. Бренда испытывала не меньшее замешательство, но поскольку она сама искала этого свидания и понимала, что оно должно быть по возможности кратким, то заговорила первая.

— Мордонт, — нерешительно начала она, но тотчас поправилась и продолжала, — мистер Мертон, вас, конечно, удивляет, что я позволила себе такую необычайную вольность.

— До сегодняшнего утра, — ответил Мордонт, — никакие знаки дружеского участия со стороны вас или вашей сестры не могли бы удивить меня, и то, что вы без всякого к тому повода избегали меня в течение стольких часов, удивляет меня гораздо больше, чем теперешнее ваше решение со мной встретиться. Во имя неба, Бренда, скажите, чем оскорбил я вас и почему наши отношения так резко изменились?

— Так было угодно отцу, — ответила Бренда, — вот все, что я могу сказать. Разве этого не достаточно?

— Нет, не достаточно! — воскликнул Мертон. — Ваш отец мог так внезапно и решительно изменить свое мнение обо мне и отвернуться от меня только под влиянием какого-то жестокого заблуждения. Скажите мне, умоляю вас, в чем оно заключается, и я согласен пасть в ваших глазах до уровня самого низкого простолюдина на этих островах, если не сумею доказать, что перемена ко мне вашего отца основана на каком-то досадном недоразумении или чудовищном обмане.

— Может быть, и так, — ответила Бренда, — я надеюсь, что это так, и мое желание встретиться здесь с вами подтверждает, как сильна эта надежда. Но

только мне очень трудно, вернее — просто невозможно, объяснить вам, почему так разгневан отец. Норна уже спорила с ним из-за этого, и боюсь, что они расстались чуть ли не в ссоре, а вы сами знаете, что так просто они не поссорятся.

— Я заметил, — сказал Мордонт, — что ваш отец всегда считается с мнением Норны и прощает ей такие чудачества, каких никогда не простил бы другому; да, это я заметил, хотя он не из тех, кто слепо верит в сверхъестественное могущество, на которое она претендует.

— Они дальние родственники, — ответила Бренда, — в юности были друзьями и даже, как я слышала, должны были пожениться. Но, после того как умер отец Норны, у нее появились странности, и тогда дело разладилось, если оно вообще было когда-либо слажено. Отец, разумеется, очень уважает ее, и я боюсь, что его предубеждение против вас пустило уже очень глубокие корни, раз он из-за этого чуть не поссорился с Норной.

— О Бренда, благослови вас небо за то, что вы назвали чувства вашего отца предубеждением! — с жаром воскликнул Мертон. — Вы всегда были такой доброй — понятно, что вы не могли долго выказывать даже напускную жестокость.

— Да, она была в самом деле напускной, — ответила Бренда, мало-помалу снова впадая в тот доверчивый тон, каким привыкла разговаривать со своим другом детства. — Я никогда не думала, Мордонт, никогда серьезно не верила, что ты способен дурно отзываться о Минне или обо мне.

— Что? — воскликнул Мордонт, давая волю своей природной вспыльчивости. — Но кто же посмел говорить подобные вещи? Ну, пусть не надеется, что я дам его языку безнаказанно болтаться между зубами! Клянусь святым мучеником Магнусом, я вырву этот язык и швырну его стервятникам!

— Нет, нет, не надо! — взмолилась Бренда. — Когда ты сердишься, ты пугаешь меня, и тогда я лучше уйду.

— Уйдешь, — повторил Мордонт, — и не скажешь мне, ни что это за клевета, ни кто этот грязный клеветник?

— О, он был не один, — ответила Бренда, — многие внушали моему отцу, что... Нет, я не могу повторить их слова, но только многие, многие говорили...

— Да будь их хоть целая сотня, Бренда, я расправлюсь с ними так, как сказал. Великий боже! Обвинять меня, что я дурно отзывался о тех, кого я уважаю и ценю больше всего в мире! Я сейчас же вернусь в замок и заставлю твоего отца признать мою правоту перед всеми присутствующими.

— О нет, ради всего святого! — воскликнула Бренда. — Не возвращайся туда, или ты сделаешь меня самым несчастным существом на свете.

— Тогда скажи мне по крайней мере, верно ли я думаю, — продолжал Мордонт, — что Кливленд — один из тех, кто порочил меня?

— Нет, нет, — с жаром возразила Бренда, — ты выпадаешь из одной ошибки в другую, еще более ужасную. Ты назвал меня своим другом, и я хочу отблагодарить тебя тем же: подожди немного и послушай, что я хочу сказать тебе. Наш разговор и так уже затянулся слишком долго, и с каждым мгновением нам все опаснее оставаться вместе.

— Так скажи мне, — спросил Мордонт, глубоко тронутый крайним волнением и страхом молодой девушки, — чего ты требуешь, и знай: какова бы ни была твоя просьба, я приложу все усилия, чтобы ее выполнить.

— Ну так вот, этот капитан, — начала Бренда, — этот Кливленд...

— Я знал это, клянусь небом! — воскликнул Мордонт. — Я предчувствовал, что этот молодчик так или иначе — причина всех зол и недоразумений.

— Если ты не в силах помолчать и потерпеть хоть минутку, — ответила Бренда, — я сейчас же уйду. То, что я хотела сказать, касается совсем не тебя, а другого лица, ну... одним словом, моей сестры Минны. Я могу не говорить о ее неприязни к тебе, но с грустью должна рассказать о его привязанности к ней.

— Но ведь это сразу заметно, это просто бросается в глаза, — сказал Мордонт, — и если я не обманываюсь, то его ухаживания принимаются с благосклонностью, а может быть, и с более глубоким чувством.

— Вот этого-то я и боюсь, — промолвила Бренда. — Мне сначала тоже понравились красивая внешность, свободное обращение и романтические рассказы этого человека.

— Внешность! — повторил Мордонт. — Да, правда, он довольно строен и красив, но, как сказал старый Синклер из Куэндейла испанскому адмиралу: «Плевать я хотел на его красоту! Видел я, как еще и не такие красавчики болтались на виселице Боро-Мура». По манерам он мог бы быть капитаном капера, а по речи — владельцем балагана, расхваливающим своих марионеток, ибо он ни о чем другом, кроме своих подвигов, не говорит.

— Ты ошибаешься, — возразила на это Бренда, — он чудесно рассказывает обо всем, что видел и слышал. В самом деле, он ведь побывал во многих далеких странах и участвовал во многих опасных сражениях; говорит он о них, правда, с большим увлечением, хотя и достаточно скромно: так и кажется, что видишь огонь и слышишь грохот орудий! Но он может говорить совсем по-иному, например когда описывает чудесные деревья и плоды далеких стран, где все не так, как у нас, и люди круглый год ходят в одеждах еще более легких, чем наши летние платья, да и вообще редко надевают что-либо, кроме батиста и кисей.

— Честное слово, Бренда, он знает, чем позабавить молодых девиц, — заметил Мордонт.

— Да, знает, — простодушно согласилась Бренда. — Представь себе, что сначала он понравился мне даже больше, чем Минне. Она, разумеется, гораздо умнее меня, но зато я лучше знакома с жизнью, так как видела больше городов: один раз я была даже в Кёркуолле, а кроме того, три раза в Леруике, когда там стояли голландские суда, и потому, видишь ли, я не так легко дам себя обмануть.

— А что же именно, Бренда, — спросил Мордонт, — заставило тебя изменить мнение о молодом человеке,

который казался тебе вначале столь обворожительным?

— А вот что, — ответила Бренда после минутного раздумья. — Сперва он был гораздо веселей, и рассказы его еще не были такими грустными или страшными, и он чаще смеялся и танцевал.

— И, может быть, в те дни танцевал чаще с Брендой, чем с ее сестрой? — осведомился Мордонт.

— Нет, в этом я не уверена, — ответила Бренда. — Говоря откровенно, я ничего не подозревала, пока он одинаково ухаживал за нами обеими, и знаешь, мы относились тогда к нему так же, как, например, к тебе, Мордонт Мертон, или к младшему Суортастеру, или к любому другому молодому человеку с наших островов.

— Но почему же тогда, — спросил Мордонт, — ты не можешь спокойно смотреть, как он ухаживает за твоей сестрой? Он богат или, во всяком случае, слышит таковым. Ты говоришь, что он хорошо образован и очарователен; какого же еще жениха хотела бы ты для Минны?

— Ты забываешь, Мордонт, кто мы такие, — ответила девушка тоном величайшего достоинства, который, однако, в сочетании с ее наивностью так же шел к ней, как и безыскусственная простота ее прежних речей. — Ведь Шетлендские острова — это наш маленький, обособленный мирок. Может быть, климат и почва у нас хуже, чем в других странах, — так по крайней мере говорят иноземцы, — но зато это наш собственный мир, а мы, дочери Магнуса Тройла, занимаем в нем самое высокое положение. И не подобает, я думаю, нам, ведущим свой род от викингов и ярлов, бросаться на шею незнакомцу, залетевшему на наш остров, словно гага весной, бог знает откуда, и который, быть может, осенью улетит неизвестно куда.

— И сманит в далекие края шетлендскую серую утицу, — закончил Мордонт.

— Я не позволю шутить такими вещами! — возмутилась Бренда. — Минна, как и я, — дочь Магнуса Тройла, друга всех чужестранцев, но и отца Хиалтландии. Он оказывает пришельцам гостеприимство,

в котором они нуждаются, но пусть даже самый знатный из них не думает, что может, когда ему только захочется, породниться с нами.

Она произнесла эти слова с большой страстностью, но тотчас же прибавила более мягким тоном:

— Нет, Мордонт, Минна Тройл не способна настолько забыть, кто ее отец и какая кровь течет в ее жилах, чтобы мечтать о браке с этим Кливлендом. Но она может увлечься им и тогда станет навеки несчастной. Ведь она из тех, чье сердце способно на глубокое и сильное чувство. Ты не забыл, как Улла Сторлсон изо дня в день подымалась на вершину Восдэйл-Хэда взглянуть, не идет ли судно ее жениха, а он так никогда и не вернулся. Я помню ее усталую поступь, бледные щеки, взгляд, который малопомалу угасал, как светильник, которому не хватает масла; я помню ее взор, горевший каким-то подобием надежды, когда по утрам она подымалась на скалу, и глубокое, мертвое отчаянье на ее челе, когда она возвращалась. Я хорошо помню все это — и могу ли не трепетать за Минну? Ведь ее сердце словно создано для того, чтобы с неизменной верностью хранить зародившуюся привязанность.

— Да, я понимаю тебя, — ответил Мордонт, горячо сочувствуя бедной девушке, ибо он не только слышал, как дрожал от волнения ее голос, но при свете белой ночи почти различал трепетавшие на ее ресницах слезы, в то время как она рисовала ему картину, которую мысленно относила к своей сестре. — Я понимаю, что ты должна испытывать и как бояться за Минну, к которой привязывает тебя самое чистое чувство, и если ты только укажешь мне, как могу я помочь твоей сестринской любви, ты увидишь, что я, если надо, с такой же готовностью пожертвую ради вас жизнью, с какой взбирался на скалы, чтобы достать для вас яйца кайры. И, поверь, что бы ни говорили твоему отцу или тебе о моем хотя бы малейшем неуважении или неблагодарности, знай, что все это ложь, какую мог измыслить только дьявол.

— Я верю тебе, — ответила Бренда, протягивая ему руку, — я верю тебе, и у меня легче стало на

сердце, когда ко мне вернулось доверие к такому старому другу. Как можешь ты помочь нам — не знаю; я ведь решилась открыться тебе по совету, вернее — даже по приказанию, Норны, и теперь сама удивляюсь, — прибавила она, оглядываясь по сторонам, — как у меня хватило мужества. Теперь ты знаешь все, что я вправе была сообщить тебе об опасности, грозящей Минне. Не спускай глаз с Кливленда, но берегись его, ибо в случае ссоры с таким опытным воином тебе будет грозить опасность.

— Я не очень-то понимаю, — заметил юноша, — почему опасность должна грозить именно мне? Я знаю только, что с теми силами и мужеством, какими одарило меня небо, и к тому же как поборник правого дела, я не боюсь ссоры, которой Кливленд, быть может, будет искать со мной.

— Но если не ради себя, то хотя бы ради Минны, — сказала Бренда, — ради нашего отца, ради меня, ради нас всех — избегай с ним малейшего столкновения; достаточно того, если ты будешь следить за ним, попытаешься узнать, кто он такой и что ему от нас надо. Он говорил, что отправится на Оркнейские острова в поисках консорта, который сопровождал его в плавании. Но день уходит за днем, неделя за неделей, а он все не уезжает, и пока он беседует с нашим отцом за бутылкой вина и рассказывает Минне романтические истории о других народах и о битвах в далеких и неизведанных краях, время идет и человек, о котором мы ничего другого не знаем, кроме того, что он чужеземец, постепенно все теснее входит в наш круг. А теперь — прощай! Норна надеется помирить тебя с нашим отцом и просит не уходить завтра из Боро-Уестры, какую бы холодность ни проявляли к тебе отец и Минна. Я тоже, — прибавила она, протягивая ему руку, — должна надеть личину равнодушия и держаться с тобой как с нежеланным посетителем, но в душе мы всегда останемся друг для друга Брендой и Мордонтом. А теперь разойдемся поскорее, ибо нас не должны видеть вместе.

Она протянула ему руку, но вдруг, как бы смутившись, отдернула ее, засмеялась и покраснела, когда

Мордонт, повинувшись невольному порыву, хотел прижать ее к губам. Он пытался еще, хотя бы на мгновение, задержать девушку, ибо свидание с ней наполнило его таким счастьем, какого он, хотя много раз оставался с ней наедине, никогда не ощущал раньше. Но она вырвалась, махнула ему на прощанье рукой и, указав на тропинку, противоположную той, по которой сама побежала к дому, вскоре скрылась за скалами.

Мордонт стоял и глядел ей вслед. Он испытывал доселе незнакомые ему чувства. Иногда человек может долго и без малейшего риска ступать по нейтральной территории между любовью и дружбой и вдруг, совершенно неожиданно вынужден бывает признать власть той или иной силы, и тогда нередко случается, что тот, кто на протяжении долгих лет считал себя только другом, неожиданно превращается в возлюбленного. В том, что такое изменение произошло с Мордонтом как раз в эту минуту, хотя сам он и не мог еще отдать себе ясного в нем отчета, не было ничего удивительного. Ему неожиданно с неподдельной искренностью открыла свою душу красивая и обворожительная девушка, которая еще недавно, как ему казалось, относилась к нему с презрением и неприязнью. И если что-либо могло сделать это превращение, уже само по себе удивительное и чудесное, еще более опьяняющим, так это невинная и чистосердечная простота Бренды, которая придавала особую прелесть всем ее словам и движениям. Известное воздействие могла оказать на Мордонта и окружающая природа, но в данном случае в этом не было необходимости, хотя прекрасное лицо выглядит еще прекраснее при свете месяца, а нежный голос звучит еще нежнее среди шепчущих голосов летней ночи. Поэтому-то Мордонт, который между тем вернулся в замок, был готов с необычным для него терпением и снисходительностью выслушивать восторженные излияния Клода Холкро по поводу лунного света: поэт, чтобы разогнать пары доброго пунша, которому он отдал должное во время обеда, успел уже совершить небольшую прогулку на свежем воздухе, и это пробудило в нем вдохновение.

— Солнце, видишь ли, мой мальчик, — сказал он, — это фонарь, что светит каждому несчастному труженику; оно встает, сияя с востока, и возвращает весь мир к тяжелым обязанностям и горькой действительности, в то время как веселый месяц зовет к развлечениям и любви.

— А также к безумию, если верить тому, что говорят, — добавил Мордонт, желая что-либо ответить поэту.

— Ну что же, пусть даже и так, — согласился Холкро, — лишь бы оно не обернулось черной меланхолией. Мой милый юный друг, прозаические обитатели сей планеты слишком уж стремятся не потерять рассудка, или, как они выражаются, быть всегда в здравом уме. Меня, насколько я знаю, часто называют полоумным, а между тем я прожил на свете так же хорошо, как если бы мне была отпущена двойная доля ума. Но постой... на чем бишь я остановился? Ах да, на лунном свете! Так вот, дорогой мой, лунный свет — это сама душа любви и поэзии. Да был ли в мире хоть один настоящий влюбленный, который не начал бы словами: «О ты, прекрасная...» сонета в честь луны?

— Луна, — сказал Триптолемус, который к тому времени уже еле ворочал языком, — наливает зерно — так по крайней мере говорят старые люди, и наполняет орехи, что, конечно, не так важно — *sperge nuces, pueri*.¹

— Штраф, штраф! — закричал при этом юдаллер, который тоже уже достиг своего предела. — Агроном заговорил по-гречески! Ну, клянусь костями моего патрона, святого Магнуса, придется ему все-таки осушить полный «баркас» пунша, а не хочет, так пусть тут же споет нам песню!

— Говорят, что от избытка воды и мельник тонет, — ответил Триптолемус, — а мозги мои нуждаются сейчас скорее в просушке, чем в новой поливке.

— Тогда пой, — приказал неумолимый хозяин, — ибо никто не смеет говорить здесь ни на каком языке, кроме благородного норвежского, веселого голландского или датского, или уж в крайнем случае — на

¹ Сыпьте орехи, мальчики (лат.).

чистейшем шотландском наречии. Эй, Эрик Скэмбистер, тащи сюда «баркас» да налей его до краев — штраф управляющему за просрочку!

Но прежде чем чаша успела дойти до несчастного агронома, тот, увидев, что «баркас» уже пустился в плавание и приближается, правда короткими галсами, ибо Скэмбистер и сам к тому времени не очень-то был тверд на ногах, сделал отчаянное усилие и запел, или, вернее, закаркал, песню йоркширских жнецов, которую исполнял, бывало, его отец, когда случалось ему выпить, на мотив «Эй, Доббин, погоняй лошадок!» Унылая физиономия певца и безнадежно фальшивые звуки его пения составляли такой восхитительный контраст с веселыми словами и мелодией, что немало порадовали слушающих. Почтенный Триптолемус со своей песнью выглядел не менее комично, чем гость, явившийся на праздник в воскресном кафтане своего дедушки. Этой шуткой и закончился вечер, ибо даже могучий и крепкий во хмелю Магнус начал испытывать на себе власть Морфея. Гости, кто как сумел, разошлись по отведенным им углам и закоулкам, и в скором времени замок, еще недавно столь шумный, погрузился в глубокое молчание.

Глава XVII

Они вскочили в шлюпки и на бой
С чудовищем помчались, взяв
с собой
Лопаты, вилы, копыя и секиры —
Орудья боя и орудья мира,
И каждый в этот миг мечтал юнец
Любви иль славы заслужить венец,
И, как из лож, глядел со скал
окрестных
Круг важных старцев и девиц
прелестных.

«Битва у Летних островов»

Утро, следующее за таким праздником, какой дан был Магнусом Тройлом, обычно бывает лишено того оживления, которое составляло прелесть вчерашнего

пиршества. Знакомый со светской жизнью читатель наблюдал, должно быть, подобное же явление на парадных завтраках во время скачек в каком-нибудь провинциальном городе. В так называемом высшем обществе гости проводят обыкновенно эти тягостные часы каждый у себя, в своей собственной комнате. В Боро-Уестре, само собой разумеется, приглашенным не могли предоставить подобных удобств для уединенного времяпрепровождения, и побледневшие юные девы и зевающие, готовые поминутно заснуть дамы более солидного возраста вынуждены были встретиться со своими кавалерами (жертвами головной боли и иных недугов) ровно через три часа после того, как они с ними расстались.

Эрик Скэмбистер сделал все, что только в человеческих силах, изыскивая средства, способные рассеять еппи,¹ царившую за утренней трапезой. Стол ломился под огромными, копченными по особому шетлендскому способу кусками говядины, паштетами, печеным мясом, жаркими и рыбой, приготовленной и приправленной на всевозможные лады. Там были даже такие заморские деликатесы, как чай, кофе и шоколад, ибо, как мы уже имели случай отметить, местоположение Шетлендских островов дало им возможность рано познакомиться с различными предметами иностранной роскоши, которые в то время были еще малоизвестны даже в самой Шотландии. Говорят, что там, в период намного более поздний, чем время нашего повествования, один фунт зеленого чая сварили как капусту, а из другого приготовили соус к солонине, вследствие невежества почтенных хозяек, которым продукты эти были преподнесены как редкостные подарки.

Кроме вышеперечисленных блюд, на столе красовалась целая выставка тех целительных снадобий, к которым обычно прибегают *bons vivants*,² иронически называя их «клочком шерсти от укусившей тебя собаки». Было тут и крепкое ирландское асквибо,

¹ Скуку (франц.).

² Кутилы (франц.).

и нанц, и настоящий голландский джин, и aqua vitae¹ из Кейтнесса, и гольденвассер из Гамбурга; имелся и ром бог знает какой давности, и различные настойки с Подветренных островов. После подобного списка, пожалуй, и не стоило бы уже упоминать о крепком домашнем эле, немецком и черном пиве, и совсем ниже нашего достоинства было бы перечислять всякого рода бесчисленные похлебки и кисели, не говоря уже о бленде и разных молочных кушаньях для тех из присутствующих, кто предпочитал более легкие блюда.

Неудивительно, что такое изобилие вкусной снеди пробудило аппетит и подняло дух усталых гостей. Юноши не замедлили отыскать тех девушек, с которыми танцевали накануне, и возобновили с ними веселую вчерашнюю болтовню, в то время как Магнус, сидя в кругу своих старых друзей, кряжистых норвежцев, речами и личным примером призывал старших и серьезнее настроенных гостей к более существенным атакам на стоявшие перед ними соблазнительные кушанья. До обеда, однако, оставалось еще очень много времени, ибо самый затянувшийся завтрак не может продлиться более часа. Следовало опасаться, как бы Клод Холкро не вздумал в эти праздные утренние часы занять общество декламацией одной из своих бесконечных поэм или подробным с начала и до конца рассказом о том, как он был представлен досто-славному Джону. Но фортуна избавила гостей Магнуса Тройла от столь тяжкого испытания, послав им другое развлечение, и притом весьма подходящее к их привычкам и вкусам.

В то время как одни пустили в ход зубочистки, а другие рассуждали, чем бы еще можно было заняться, быстрыми шагами в комнату вошел Эрик Скэмбистер с гарпуном в руке и, сверкая глазами, заявил, что на берегу или почти что на берегу, одним словом — у самого входа в воу, лежит кит. Тут поднялась такая веселая, шумная и всеобщая суматоха, какую способна вызвать только страсть к охоте, глу-

¹ Водка (лат.).

боко заложенная в нас самой природой. Что такое, по сравнению с поднявшимся ликованием, радость каких-нибудь деревенских сквайров, собравшихся впервые в сезоне пострелять вальдшнепов, не говоря уже о значении и о размерах самой дичи! Ни облава для истребления лисиц в Эттрикском лесу, ни волнение охотников в Ленноксе, когда один из герцогских оленей вырывается из Инч-Миррана, ни обычное шумное веселье во время травли лисиц со звуками рогов и собачьим лаем не могли сравниться с одушевлением, охватившим храбрых сынов страны Туле, когда они вышли на бой с чудовищем, которое море послало им на забаву, да еще при столь удачных обстоятельствах.

Тотчас же были перерыты все кладовые и хранилища Боро-Уестры и из них спешно извлечено всякого рода оружие, какое только могло быть использовано при подобных обстоятельствах. Одним достались при этом гарпуны, мечи, пики и алебарды, другим пришлось удовольствоваться вилами, вертелами и прочими попавшими под руку орудиями, лишь бы они были длинные и острые. Поспешно вооружившись таким образом, один отряд охотников под командой капитана Кливленда поспешил к шлюпкам, стоявшим в небольшой бухте, тогда как остальные побежали к месту действия сухим путем.

Бедному Триптолемусу пришлось вследствие этого отказаться от выполнения задуманного им плана, ибо он тоже намеревался испытать терпение шетлендцев, угостив их лекцией о сельском хозяйстве и о не использованных еще возможностях их родины. Этому помешала поднявшаяся суматоха, положившая конец одновременно и поэзии Клода Холкро и не менее устрашающей прозе Триптолемуса. Не трудно себе представить, что нашего агронома весьма мало интересовала забава, неожиданно занявшая место его предполагаемого выступления, и он счел бы даже ниже своего достоинства смотреть на предстоящее любопытное зрелище, если бы его не понудили к тому настояния миссис Бэйби.

— Не отставай от других, братец, — подзуживала его эта предусмотрительная особа, — не плошай! Как знать, может и тебе что-нибудь перепадет, помоги господи! Говорят, при дележе все будут в одной доле, всем поровну достанется китового жира, а пинта его, сам понимаешь, сбережет нам денежки, когда придется палить глиняную лампу темными долгими ночами, что, говорят, скоро настанут. Так что лезь-ка ты лучше вперед, братец, вот тебе навозные вилы. «Трусливому парню никогда богатой девки не видать» (как говорится в пословице), да к тому же, кто его знает, жир-то этот, он, может, когда свежий, и в пищу годится, а уж маслице мы тогда поберегли бы.

Насколько прибавила Триптолемусу мужества перспектива есть свежий китовый жир вместо масла, мы не знаем, но он все же, не видя, очевидно, иного исхода, потряс в воздухе тем сельскохозяйственным орудием, точнее — навозными вилами, которым был вооружен, и стал спускаться к морю на бой с китом.

Положение, в котором по воле злосчастной судьбы оказался противник, было исключительно благоприятным для задуманного островитянами предприятия. Во время необычно высокого прилива кит, благополучно миновав большой песчаный бар, попал в воу, или бухту, где и остался лежать. Почувствовав, что вода пошла на убыль, он тотчас же учуял грозившую ему опасность и стал делать отчаянные усилия, чтобы перебраться через мелкое место, где волны бились о бар; тем самым, однако, он скорее ухудшил, чем улучшил свое положение, ибо теперь оказался наполовину лежащим на мели, представляя, таким образом, весьма удобный объект для задуманной на него атаки. В это мгновение враг как раз и появился. Первые ряды нападающих состояли из молодых и отважных мужчин, вооруженных, как мы уже говорили, самыми разнообразными видами оружия, тогда как для того, чтобы следить за охотниками и поощрять их, прекрасные дамы и более солидные лица обоего пола разместились на скалах, окружавших поле действия.

Шлюпки, прежде чем достигнуть входа в бухту, должны были обогнуть небольшой мыс, и поэтому у отряда, подошедшего к берегу сухим путем, оставалось достаточно времени, чтобы произвести необходимую разведку сил и положения противника, на которого предполагалось напасть одновременно и с суши и с моря.

Отважный и опытный полководец, каким смело можно было назвать юдаллера, пожелал сам возглавить это предприятие, не доверяя его никому другому, и действительно, как внешний вид, так и мудрая тактика делали его вполне подходящим лицом для командования, которое он и забрал в свои руки. Вместо шляпы с золотым галуном на нем красовалась теперь медвежья шапка. Синий суконный кафтан на алой подкладке с золотыми петлицами и застежками уступил место красной фланелевой куртке с черными роговыми пуговицами, поверх которой была накинута рубаша из тюленьего меха, причудливо украшенная на груди складками и вышивкой, вроде тех, что носят эскимосы или гренландские китоловы. Костюм его дополняли огромные морские сапоги. В руке он держал громадный китобойный нож, которым потрясал в воздухе, словно ему не терпелось скорее начать разделку огромной туши, лежавшей перед ним. При ближайшем рассмотрении, однако, Магнус вынужден был признать, что забава, которую он хотел предложить своим гостям, хотя вполне соответствовала широкому размаху его гостеприимства, могла повлечь за собой весьма своеобразные опасности и трудности.

Животное, свыше шестидесяти футов в длину, лежало совершенно неподвижно в самом глубоком месте воу, куда его занесло приливом и где оно ожидало возвращения большой воды, которое чуяло, по-видимому, инстинктом. Тотчас же собрался совет из опытных гарпунщиков, и все согласились, что для начала следует накинуть петлю на хвост лежавшего словно в оцепенении левиафана и укрепить канаты якорями на суше. Тем самым кит лишался возможности уплыть, в случае если вода прибудет раньше, чем с ним успеют покончить. Эта весьма тонкая и сложная

операция доверена была экипажам трех шлюпок: одной из них взялся управлять сам юдаллер, две другие были поручены Кливленду и Мордонту. Приняв подобное решение, охотники уселись на берегу, с нетерпением ожидая прибытия в воу морских сил. Тут-то, в этот промежуток времени, Триптолемус Йеллоули, прикинув на глаз необычайные размеры кита, заявил, что, по его скромному мнению, «упряжке не только из шести, а из шестидесяти быков местной породы — так и той будет не под силу вытащить такое чудище на берег».

Каким бы невинным ни показалось читателю это замечание, оно затрагивало, однако, предмет, всегда приводивший в ярость старого юдаллера. Так и теперь, бросив на Триптолемуса быстрый и суровый взгляд, Магнус спросил его, какое это, черт побери, имеет значение? Да хоть бы и сто быков не могли вытащить кита на берег! Мистеру Йеллоули не очень понравился тон, каким был задан вопрос, но чувство собственного достоинства и личная заинтересованность заставили его ответить следующим образом:

— Да ведь вы сами, мейстер Магнус Тройл, как и всякий, кто здесь находится, знаете, что киты такой величины, каких нельзя вытащить на берег упряжкой из шести быков, составляют, по праву, собственность адмирала, а этот благородный лорд является в настоящее время, кроме того, и губернатором островов.

— Ну, а я вам скажу, мейстер Триптолемус Йеллоули, — заявил юдаллер, — как сказал бы и вашему хозяину, будь он только здесь, что каждый, кто рискнет своей жизнью, чтобы вытащить подобную рыбину на берег, получит равную со всеми часть и долю, как велят наши добрые старые норвежские обычаи и привычки; да что там, если которая-нибудь из женщин, что сейчас смотрят на нас, рукой только коснется каната, то станет таким же дольщиком, как и всякий другой, и даже более того: скажи она, что на то имеется причина, так мы выделим часть и на долю не родившегося еще младенца!

Этот строгий принцип справедливости, громко провозглашенный Магнусом, вызвал смех среди мужчин

и некоторое смущение среди женщин. Но управляющему показалось зазорным так легко сдаться.

— «*Suum cuique tribuito*»,¹ — сказал он, — а я буду стоять за права моего лорда и мои собственные.

— Вот как! — воскликнул юдаллер. — Ну а мы, клянусь костями святого мученика Магнуса, будем поступать по законам божеским и святого Олафа, как в те времена, когда еще и не слыхивали ни об управляющих, ни о казначеях, ни о губернаторах! Всякий, кто только приложит руку, получит при дележе свою долю, ну а прочие — уж нет! Так что вы, мейстер Йеллоули, потрудитесь-ка наравне с другими и радуйтесь, что получите равную со всеми долю. Садитесь скорее в эту шлюпку, — вышедшие в море охотники успели уже тем временем обогнуть мыс, — а вы, ребята, уступите-ка ему место на кормовом сиденье: пусть он первый, помощи ему небо, нанесет удар рыбине.

Громкий, повелительный голос и привычка самовольно распоряжаться, проявлявшаяся во всех действиях Магнуса, а быть может, и сознание самого Триптолемуса, что он не найдет среди присутствующих ни поддержки, ни одобрения, не позволили ему отказаться, хотя согласие ставило его в положение совершенно для него новое и к тому же весьма опасное. Он все еще колебался и пустился было в какие-то объяснения голосом, дрожащим скорее от страха, чем от возмущения, как ни старался он заглушить оба эти чувства и представить все дело в виде простой шутки. Но тут Бэйби забормотала ему в самое ухо:

— Ты это что же вздумал? Хочешь, видно, прозевать свою долю китового жира? А ведь долгая шетлендская зима на носу! Здесь, говорят, самый ясный декабрьский день не светлее безлунной ночи в Мирнсе.

Это хозяйственное соображение в сочетании со страхом перед юдаллером и боязнью показаться менее храбрым, чем прочие, настолько оживило дух нашего агронома, что он взмахнул вилами и вскочил в шлюпку с видом самого Нептуна, потрясающего трезубцем.

¹ Пусть каждый получит свое (лат.).

Все три шлюпки, на которые возложено было столь опасное поручение, приблизились к темной туше, возвышавшейся, подобно островку, в самом глубоком месте воу. Кит позволил им подойти, не выказав ни малейшего признака жизни. В полном молчании и со всеми предосторожностями, которых требовала исключительная трудность задуманного, бесстрашные охотники, после первой неудачной попытки и многих дальнейших усилий добившись наконец своего, захлестнули канат вокруг неподвижного туловища и передали концы его на берег, где сотня рук тотчас же прочно его закрепила. Но не успели еще покончить с этим делом, как начался прилив и юдаллер оповестил всех присутствующих, что рыбину надо убить или по крайней мере тяжело ранить, прежде чем глубина воды у бара подымется настолько, что животное окажется на плаву, ибо тогда они весьма рискуют упустить свою добычу и тщетны окажутся все их доблестные усилия.

— А потому, — заявил он, — пора приниматься за дело! Пусть управляющему выпадет честь нанести первый удар!

Отважный Триптолемус подхватил приказ на лету. Надо сказать, что терпение, с которым животное позволило набросить на себя петлю, не выказав при этом ни малейшего сопротивления, значительно поубавило страх агронома и сильно уронило в его мнении самого кита. Триптолемус заявил, что у этой рыбы, видно, не больше ума и едва ли больше проворства, чем у самой обыкновенной улитки. Под влиянием столь ошибочного взгляда на презренного, по его мнению, противника мейстер Йеллоули, не дожидаясь ни должного сигнала, ни лучшего оружия, ни более подходящего положения шлюпки, вскочил на ноги и бросил что было сил свои навозные вилы в злополучное чудовище. Это опрометчивое открытие военных действий было столь неожиданным, что шлюпки не успели даже отойти от кита на безопасное расстояние.

Магнус Тройл, который думал только подшутить над управляющим, на самом же деле собирался по-

ручить нанесение первого удара кому-либо вооруженному копьем и обладавшему бóльшим опытом, успел лишь крикнуть: «Берегись, ребята, или он всех нас потопит!» — как чудовище, неожиданно выведенное из своего пассивного состояния орудием, пущенным рукой Триптолемуса, выбросило в воздух с шумом, подобным взрыву парового котла, огромный столб воды и в то же время принялось во все стороны бить хвостом. На шлюпку, которой командовал Магнус, обрушился настоящий соленый душ, и предприимчивый Триптолемус, окаченный с ног до головы водой, был настолько поражен и напуган последствиями своего собственного славного выступления, что упал навзничь, прямо под ноги остальным охотникам, которые, не имея времени обращать на него внимание, изо всех сил гребли по направлению к мелкому месту, где кит не мог бы их настигнуть. Так наш бедный агроном и лежал некоторое время, попираемый ногами гребцов, пока не послышалась команда сушить весла, чтобы вычерпать набравшуюся в шлюпку воду, после чего юдаллер приказал грести к берегу и высапить лишнего пассажира, столь малообещающим образом начавшего охоту.

Тем временем остальные шлюпки также успели отойти на безопасное расстояние, и теперь как с моря, так и с суши на несчастного обитателя морских глубин посыпались самые разнообразные метательные орудия. Отовсюду полетели в него гарпуны, копья и пули, и люди принялись всеми возможными способами раздражать животное, чтобы оно растратило свои силы в бесполезной ярости. Когда кит убедился, что со всех сторон его окружает мелководье, а тело удерживает канат, он стал судорожно биться, чтобы вырваться на свободу, издавая звуки, похожие на глубокие и громкие стоны, способные разжалобить кого угодно, но только не привычных к ним китоловов. Струи воды, которые он теперь непрерывно выбрасывал в воздух, начали окрашиваться кровью, и волны, окружавшие животное, приняли такой же темно-красный оттенок. Нападающие тем временем удвоили свои усилия; особенно же стремились отличиться соперничав-

шие друг с другом Мордонт Мертон и Кливленд — каждый старался выказать больше храбрости, подойти как можно ближе к страшному в своей предсмертной ярости чудовищу и нанести этой огромной туше самую глубокую и тяжелую рану.

Борьба, казалось, подходила к концу, ибо, хотя кит время от времени принимался еще судорожно биться, чтобы вырваться на свободу, однако силы его были уже, по-видимому, настолько истощены, что, даже невзирая на помощь прилива, который тем временем достиг уже порядочной высоты, вряд ли животному удалось бы освободиться от своих преследователей и спастись.

Магнус дал знак еще ближе подойти к киту, гаркнув при этом

— Подгребайте к нему, ребята, он теперь не такой уж бешеный! Триптолемус, пожалуй, получит на зиму ворвани для своих двух ламп в Харфре! Подгребайте, ребята!

Но, прежде чем приказ этот успели выполнить, две другие шлюпки предвосхитили его намерение, и Мордонт Мертон, горя желанием превзойти храбростью Кливленда, со всей силой, на какую был способен, вонзил короткую пику в тело животного. Левиафан (как это бывает порой с целым народом, чьи силы, кажется, уже полностью истощены различными потерями и невзгодами) собрал всю свою мощь для последнего отчаянного усилия, которому суждено было на этот раз увенчаться успехом. Пика, брошенная Мордонтом, прошла, видимо, через защитный слой ворвани и достигла какого-то весьма чувствительного органа, ибо животное громко взревело, послало в воздух целый фонтан воды, смешанной с кровью, и, оборвав крепкий канат, словно простую веревку, опрокинуло ударом хвоста шлюпку Мертон, в отчаянном порыве перебросило себя через бар, уровень воды над которым благодаря приливу уже значительно повысился, и устремилось в море, унося на себе целый лес вонзившихся в его тело орудий и оставляя за собой на волнах темно-красный след.

— Вот уплывает ваш кувшин с ворванью, мейстер Йеллоули, — закричал Магнус, — и придется вам теперь либо жечь баранье сало, либо ложиться спать в потемках!

— *Operam et oleum perdidit*,¹ — пробормотал Триптолемус, — но пусть меня живьем, как Иону, проглотит кит, если я еще хоть раз в жизни пойду охотиться на подобное чудовище.

— Но где же Мордонт Мертон? — воскликнул Клод Холкро. И в самом деле, юноша, оглушенный ударом в тот момент, когда шлюпка его была пробита, оказался не в состоянии плыть к берегу, как прочие, и его бесчувственное тело уносили волны.

Мы уже упоминали о странном и бесчеловечном предрассудке, из-за которого шетлендцы той эпохи весьма неохотно оказывали помощь утопающим на их глазах людям, хотя именно этой опасности островитянам и приходилось подвергаться чаще всего. Три человека, однако, оказались выше этого предрассудка. Первый из них, Клод Холкро, тут же бросился с невысокой скалы, на которой стоял, прямо в воду, совершенно упустив из виду, как он сам впоследствии сознался, что не умеет плавать и хотя владеет арфой, подобно Ариону, но к услугам его нет покорных ему дельфинов. Однако едва поэт погрузился в холодную воду, как тотчас же осознал всю свою беспомощность: волей-неволей пришлось ему ухватиться за ту же скалу, с которой он только что спрыгнул, и он рад был выбраться снова на берег, отделавшись одним купаньем.

Благородный Магнус Тройл, увидев Мордонта в опасности, забыл свою недавнюю к нему неприязнь и готов был тут же броситься ему на помощь, если бы Эрик Скэмбистер силой не удержал его.

— Стойте, сэр, стойте! — воскликнул верный слуга. — Капитан Кливленд уже доплыл до мейстера Мордонта; пусть оба чужестранца помогают один другому, а мы спокойно посмотрим, чем кончится у них дело. Да разве возможно, чтобы светоч нашей страны

¹ Я потерял труды и жир (лат.).

погас из-за подобных молодчиков? Стойте смирно, сэр, прошу вас, Бреднесс-воу — не пуншевая чаша, а человек — не тост, и его не так-то легко выудить длинной ложкой.

Это мудрое замечание, однако, пропало бы даром, если бы Магнус сам не увидел, что Кливленд действительно бросился в воду, поплыл на помощь Мордонту и поддерживал его на поверхности до тех пор, пока шлюпка не подошла на выручку к ним обоим. Но как только непосредственная опасность, столь громко заявлявшая о себе, миновала, благородное желание юдаллера оказать юноше помощь исчезло и, вспомнив обиду, нанесенную или якобы нанесенную ему Мордонтom Мертоном, он сердито вырвал руку у Эрика и, мрачно повернувшись спиной к берегу, заявил, что тот просто старый дурак, если думает, что ему, Магнусу, есть дело до того, выплывет этот парень или нет.

Несмотря, однако, на свое напускное равнодушие, Магнус никак не мог удержаться, чтобы не заглянуть через головы людей, которые окружили Мордонта, как только его вынесли на берег и принялись усердно приводить в чувство; юдаллер до тех пор не мог вернуть себе видимость полного безразличия, пока юноша не приподнялся и не сел, доказав тем самым, что несчастный случай не привел ни к каким серьезным последствиям. Только тогда, громко обругав присутствующих за то, что никому не пришло в голову дать парню водки, юдаллер мрачно зашагал прочь, словно ему и дела не было до Мордонта.

Женщины, которые всегда чрезвычайно зорко подмечают признаки, выдающие чувства той или иной из них, и тут не преминули отметить, что когда сестры из Боро-Уэстры увидели, как Мордонт погрузился в воду, Минна побледнела как смерть, а Бренда несколько раз закричала от ужаса. Но хотя это вызвало немалое число весьма многозначительных кивков, ужимок и подмигиваний — видно, дескать, старое знакомство не так-то легко забывается, — однако в конце концов кумушки милостиво признали, что трудно было бы ожидать от сестер меньших знаков участия,

когда товарищ их детских игр чуть не погиб у них на глазах.

Какой бы интерес, однако, ни возбуждало состояние Мордонта, пока он был в опасности, оно стало заметно ослабевать по мере того, как юноша приходил в себя, и когда силы его окончательно восстановились, около него остались только Клод Холкро и еще двое или трое из присутствующих. Шагах в десяти от них стоял Кливленд, с его волос и платья стекала вода, а на лице было написано очень странное выражение, что тотчас же бросилось в глаза Мордону. Пренебрежительная улыбка капитана и его надменный взгляд, казалось, говорили, что он сбросил тяготившую его прежде сдержанность, и лицо его выражало теперь нечто похожее на презрительное удовлетворение. Клод Холкро поспешил сообщить Мордону, что он обязан своим спасением Кливленду, и юноша, поднявшись с земли, в горячем порыве признательности, забыв все остальные чувства, бросился к своему спасителю с протянутой рукой, чтобы от всего сердца поблагодарить его. Однако он с изумлением остановился, увидев, что Кливленд отступил на шаг или два, скрестил руки на груди и не взял протянутой ему руки. Мордонт отступил в свою очередь, пораженный грубым жестом и почти оскорбительным взглядом, которыми Кливленд, относившийся к нему прежде с сердечной простотой или, во всяком случае, с вежливой терпимостью и оказавший ему столь значительную услугу, встретил теперь его благодарностью.

— Довольно! — произнес Кливленд, увидев удивление Мордонта. — Не будем больше говорить об этом. Я заплатил свой долг, и теперь мы квиты.

— Я больше обязан вам, капитан Кливленд, — ответил Мертон, — ибо вы ради меня подвергали опасности свою жизнь, тогда как я помог вам без малейшего с моей стороны риска. Да к тому же, — прибавил он, чтобы придать разговору более благодушный характер, — вы подарили мне ружье.

— Только трусы учитывают в игре опасность, — сказал Кливленд. — Опасность была спутником всей моей жизни и сопровождала меня в тысячах еще

более страшных приключений; что же до ружей, то у меня их имеется достаточно, и если хотите, то можно испытать, кто из нас лучше умеет владеть ими.

В тоне, каким были сказаны эти слова, звучало нечто, чрезвычайно глубоко задевшее Мордонта: они «таили зло», как говорит Гамлет, и грозили, очевидно, бедой. Кливленд увидал изумление юноши, подошел к нему вплотную и, понизив голос, произнес:

— Вот что, мой юный друг, среди джентльменов удачи в том случае, если двое гонятся за одной добычей и стремятся отнять друг у друга ветер, принято считать, что шестьдесят ярдов морского берега и пара ружей — неплохой способ для того, чтобы уравнивать шансы.

— Я не понимаю вас, капитан Кливленд, — ответил Мордонт.

— Ах, вы не понимаете меня! Ну конечно, я так и думал, что не поймете, — ответил капитан и, круто повернувшись на каблуках, с улыбкой, похожей на издевательство, смешался с гостями. Вскоре Мордонт увидел его рядом с Минной, которая живо заговорила с ним, словно благодаря за храбрый и самоотверженный поступок.

«Если бы не Бренда, — подумал Мордонт, — я почти сожалею, что он не оставил меня на дне воу, ибо, видимо, никому на свете нет дела до того, жив я или умер. Пара ружей и шестьдесят ярдов морского берега — вот, значит, чего он хочет! Ну что же, так оно, пожалуй, и будет, но не в тот день, когда он спас мою жизнь с опасностью для своей собственной».

Пока он раздумывал таким образом, Эрик Скэмбистер шепнул Клоду Холкро:

— Ну, если эти молодцы не принесут друг другу несчастье — лгут тогда, значит, все предсказания. Мейстер Мордонт спасает Кливленда — прекрасно. Кливленд вместо благодарности занимает его место в Боро-Уестре и в сердцах ее обитателей, а вы сами понимаете, что значит потерять благорасположение такого дома, где котелку с пуншем никогда не дают остыть. Теперь этот Кливленд, в свою очередь, имеет глупость выудить Мордонта из воу: посмотрим, не

получит ли он в награду дрянной рыбешки вместо доброй трески?

— Полно, полно, — отвечал поэт, — все это бабьи сказки, друг мой Эрик; а знаете, что сказал по этому поводу достоправный Драйден, он же святой Джон?

Желчь желтая, скопившись в пузыре,
Дала начало всей твоей хандре,

— Святой ли Джон, святой ли Джеймс — все едино. Оба могут в этом деле ошибаться, — заметил Эрик, — ибо, полагаю, никто из них не жилал в Шетлендии. Я говорю только, что если есть правда в старых поговорках, так эти два молодца принесут друг другу несчастье. И если это случится, пусть уж лучше плохо придется Мордонту Мертону.

— Но почему же, Эрик Скэмбистер, — с досадой спросил его Холкро, — желаете вы зла бедному молодому человеку, который, право же, стоит полсотни других?

— На вкус и цвет товарищей нет, — ответил Эрик, — мейстер Мордонт одну только воду и пьет — точно так, как эта старая акула, его отец, ну а капитан Кливленд — тот ловко умеет пропустить стаканчик, как и подобает порядочному человеку и джентльмену.

— Прекрасный довод, нечего сказать, и как раз по твоей части, — возмутился Клод Холкро и, закончив на этом разговор, пустился обратно по дороге в Боро-Уэстру, куда возвращались теперь и прочие гости Магнуса. По пути они горячо обсуждали различные эпизоды охоты на кита, изрядно сконфуженные тем, что он уплыл вопреки всем их стараниям.

— Лишь бы это не дошло до ушей капитана Дондердрехта с «Согласия», что из Роттердама, — сказал Магнус, — а то уж он непременно заявит, что мы — гром и молния! — на то лишь и годимся, чтобы ловить одну камбалу.¹

¹ Охота на кита должна была, очевидно, напомнить поэтически настроенному читателю «Битву у Летних островов» Уоллера. (Прим. автора)

Глава XVIII

Ну, наконец я до тебя добрался,
И новости принес тебе, и радость,
И сведенья счастливые о ценах.

«Старый Пистоль»

Фортуна, у которой по временам просыпается, очевидно, совесть, решила, должно быть, возместить разочарование, причиненное гостям хлебосольного юдаллера неудавшейся охотой на кита, послав в Боро-Уестру вечером того же дня столь важную персону, как коробейник, или, как он сам величал себя, странствующий торговец Брайс Снейлсфут.

На этот раз он явился с большой пышностью: сам он восседал на одном пони, а короб с товарами, распухший почти вдвое по сравнению с его обычными размерами, красовался на другом, которого вел под уздцы босоногий простоволосый мальчишка.

Так как Брайс заявил, что привез весьма важные новости, его тотчас же провели в обеденную залу и усадили, согласно патриархальным обычаям того времени, в сторонке, за отдельным столом, щедро уставив последний всевозможными яствами и добрыми напитками, и заботливый хозяин Магнус Тройл не позволил задавать ему никаких вопросов, пока он не утолит голода и жажды. Брайс, с важностью лица, совершившего большое путешествие, заявил, что он только накануне прибыл в Леруик из Кёркуолла, столицы Оркнейских островов, и явился бы в Боро-Уестру еще вчера, да уж слишком сильный ветер дул с Фитфул-Хэда.

— Вот как? А у нас не было ветра, — сказал Магнус.

— Ну, значит, не дремал кто-то, — заметил коробейник, — чье имя начинается на Н.; ну что же, на все воля божья.

— Ладно, ладно, нечего нам голову морочить каким-то там ветром, Брайс, расскажи лучше, какие новости на Оркнейских островах.

— А такие, — ответил Брайс, — каких вам, поди, не доводилось слышать лет этак тридцать, чуть ли не со времен самого Кромвеля.

— Уж не новая ли это революция, а? — спросил Клод Холкро. — Уж не вернулся ли на радость нам король Иаков, как некогда король Чарли?

— Новости мои, — ответил разносчик, — стоят двадцати королей, да еще столько же королевств в придачу. А от этих ваших эволюций была нам разве какая польза? Хоть мы, осмелюсь сказать, видели их не меньше дюжины, больших и маленьких — всяких.

— Быть может, к нам на север прибыло какое-нибудь судно Ост-Индской компании? — спросил Магнус Тройл.

— Да, вы поближе будете к истине, уважаемый наш фоуд, — ответил разносчик, — судно-то оно судно, да только не Ост-Индской компании, а большой вооруженный корабль, битком набитый всякими товарами. И продают-то эти товары чуть не задаром, так что я, как честный торговец, могу теперь всю округу снабдить, да притом еще по самым сходным ценам, такими вещами, каких вы и в жизни не видавали. Вы сами скажете то же самое, дайте мне только открыть короб. А уж весу-то в нем, поди, порядком поубавится, когда я понесу его обратно.

— Так-так, Брайс, — заметил юдаллер, — видно, тебе удалось славно обделать свои делишки, раз ты собираешься дешево продавать. Но что это был за корабль?

— Вот уж точно вам не скажу. Дело-то я имел с одним только капитаном, а он держал язык за зубами. Судно, видно, прибыло из Новой Испании, потому как на нем были и шелка, и атласы, и табак, а уж вина и сахара — сколько хочешь, право слово: всяких золотых и серебряных безделок — просто не счесть, а к тому же еще и золотой песок для обмена.

— А каково на вид это судно? — спросил Кливленд, которого, казалось, весьма заинтересовал рассказ Брайса.

— Крепкое судно, вооруженное как шхуна, а на ходу, говорят, быстрое, что твой дельфин. На борту у него двенадцать пушек, а орудийных портов понаделано, поди, на все двадцать!

— А не слышали вы, как зовут капитана? — спросил Кливленд далеко не так громко, как говорил обычно.

— Я просто звал его «капитан», — ответил Брайс Снейлсфут. — У меня, видите ли, такое уж правило: коли я веду с кем дела, так никогда не пристаю со всякими там расспросами. Не в обиду вам будь сказано, капитан Кливленд, а только многим капитанам не очень-то понутру, когда к званию их прибавляют еще и имя. А по мне, так было бы известно, какие ведешь дела, а с кем именно — это уж, сказать по правде, не моя забота.

— Брайс Снейлсфут, как видите, человек осмотрительный, — со смехом сказал юдаллер, — он знает, что дурак сумеет задать больше вопросов, чем умный захочет дать ответов.

— Мне в свое время довелось водиться и с контрабандистами, — продолжал Снейлсфут, — и, право слово, не пойму, с чего это нужно еще каждую минуту прилеплять к человеку его имя. А я всегда буду стоять на том, что тот капитан — отличный командир, да притом еще и заботливый: весь экипаж у него почти такой же нарядный, как и он сам, и даже у простых матросов шелковые платки на шее. Многие леди, видел я, носили куда похуже, да еще как гордились! А что до всяких там серебряных пуговиц, да пряжек, да всяких других побрякушек, так этого добра на них и не перечеть.

— Вот идиоты! — процедил сквозь зубы Кливленд, а затем вслух добавил:

— Они часто, должно быть, съезжали на берег пощеголять перед кёркуоллскими красавицами?

— Вот это уж нет. А коли капитан и отпускал их на берег, так уж боцман обязательно был с ними в шляпке, а это, доложу я вам, такой зверь, какого редко носила палуба. Скорей увидишь кошку без когтей, чем этого молодчика без тесака да двух пар

пистолетов за поясом. И в страхе он всех держит, пожалуй, не хуже самого капитана.

— Бьюсь об заклад, что это Хокинс, если только не сам дьявол! — воскликнул Кливленд.

— Потише, потише, капитан, — возразил корабейник. — Тот или другой либо тот и другой вместе, а только помните, что не я назвал их по именам, а вы сами.

— Ну что же, капитан Кливленд, — сказал юдаллер, — это, пожалуй, тот самый консорт, о котором вы говорили?

— Тогда, значит, ему улыбнулась удача с тех пор, как мы расстались, — ответил Кливленд. — А не говорили они о том, что потеряли в пути сопровождавшее их судно, Брайс?

— Как же, говорили, — ответил разносчик, — говорили, слышал я, про спутника, что отправился в этих морях к Дэви Джонсу.

— А рассказал ты им, что тебе самому было о нем известно? — спросил юдаллер.

— Ну уж нет! — ответил разносчик. — Что я, дурак какой, черт побери, чтобы так вот все им и выложить? Да узнай они только, что случилось с судном, так тут же пристали бы с ножом к горлу — подавай им груз! А мне, что ли, обрушивать гнев этих людей на наших бедняков из-за каких-то там жалких да негодных тряпок, что выбросило море?

— Не говоря уж о тех, что нашлись бы в твоём собственном коробе, мошенник ты этакий! — добавил Магнус Тройл.

Это замечание заставило всех присутствующих громко расхохотаться, и сам юдаллер волей-неволей присоединился к веселью, вызванному его собственной шуткой. Однако он быстро прервал свой смех и сказал необычайно серьезным тоном:

— Вы можете смеяться, друзья мои, но пока мы не научимся уважать права пострадавших по воле волн и ветра, проклятье и позор будут тяготеть над нашей страной, и мы будем по заслугам терпеть гнев и притеснения более сильных, господствующих над нами пришельцев.

Гости опустили головы при этом упреке Магнуса Тройла. Быть может, некоторые из них, даже принадлежавшие к высшему кругу, сами почувствовали угрызения совести, и все без исключения сознавали, что они в подобных случаях не сдерживали достаточно строго жажды к поживе ни своих арендаторов, ни простого народа.

Но тут весело заговорил Кливленд:

— Ну, если эти хорошие ребята в самом деле мои товарищи, так я наперед ручаюсь, что они не потребуют обратно каких-то там сундуков, матросских коек и прочей подобной дряни с моего бедного судна, которую Руст выбросил на берег. Не все ли им равно, попал ли весь этот хлам Брайсу Снейлсфуту, или пошел на дно, или провалился к дьяволу? А ты, Брайс, распаковывай-ка свой короб да покажи дамам товары, а мы посмотрим, не найдется ли там чего-либо им по вкусу.

— Нет, это, очевидно, не его консорт, — шепотом сказала Бренда сестре, — он больше обрадовался бы его появлению.

— Нет, это именно то самое судно, — ответила Минна, — я видела, как глаза его заблестели при мысли, что он скоро снова будет среди товарищей, с которыми делил столько опасностей.

— Может быть, они заблестели, — продолжала Бренда все еще вполголоса, — при мысли о том, что теперь он сможет покинуть Шетлендию. Трудно угадать сокровенные мысли человека по блеску его глаз.

— Во всяком случае, не надо дурно истолковывать мысли друга, — сказала Минна, — потому что, если и ошибешься, по крайней мере совесть у тебя будет спокойна.

Тем временем Брайс Снейлсфут принялся за распутывание целой системы ремней, обвязывавших огромных размеров тюк, на который пошло не менее шести ярдов дубленых тюленьих шкур. Для большей прочности и верности систему эту дополняло великое множество всяческих хитроумных узлов и пряжек. От этого занятия, однако, разносчика то и дело от-

влекали то юдаллер, то другие гости, засыпавшие его вопросами о неизвестном судне.

— А часто ли съезжали на берег штурманы, и как встречали их кёркуоллцы? — спросил Магнус Тройл.

— Встречали как нельзя лучше, сэр, — ответил Брайс Снейлсфут, — и капитан, а с ним еще два-три человека, были даже на некоторых празднествах и танцах, что устраивались в городе. Но тут пошли разные разговоры о всяких там таможенных сборах, да королевских пошлинах, да прочих таких вещах, и кое-кто из высокопоставленных лиц, члены магистрата, или как их там еще называют, начали с капитаном спорить, да только он с ними не согласился, и тогда на него стали посматривать косо, и он заявил, что поведет лучше судно вокруг острова, в Стромнесс или Лэнгхоуп, а то тут оно стоит прямо под пушками кёркуоллской батареи. А я так думаю, что как бы там ни было, а оно все-таки задержится в Кёркуолле до конца летней ярмарки.

— Оркнейские заправилы, — сказал Магнус Тройл, — всегда торопятся стянуть как можно туже шотландскую петлю, надетую им на шею. Мало того, что мы должны платить *скэт* и *уоттл*, которыми при добром старом норвежском управлении ограничивались все поборы с населения, так нет же, подавай им еще королевские пошлыны и таможенные сборы. Долг честного человека — противиться подобным порядкам. Так поступал я всю свою жизнь — так буду поступать до конца своих дней.

Гости приветствовали эти слова Магнуса громкими и радостными восклицаниями, ибо многим больше приходились по сердцу его вольнодумные взгляды на доходы казначейства (что было, впрочем, вполне естественно для лиц, живущих столь обособленно и вынужденных переносить столько дополнительных трудностей), чем его строгое отношение к выброшенному морем имуществу. Но пылкая и неискушенная в житейских делах Минна оказалась еще смелее отца: она шепнула Бренде, причем ее слышал и Кливленд, что слабые духом оркнейцы во время недавних событий пропустили все

возможности, чтобы освободить свои острова от шотландского ига.

— Почему, — сказала она, — не воспользовались мы переменами, происшедшими в стране за последние годы, не сбросили незаконно возложенную на нас зависимость и не вернулись под защиту родной для нас Дании? Не оттого ли не смеем мы сделать подобный шаг, что оркнейское дворянство слишком прочно связало себя родственными и дружественными узами с захватчиками и не чувствует больше в своих жилах биения героической норманской крови, унаследованной от предков?

Последние слова этой патриотической речи случайно достигли до слуха нашего приятеля Триптолемуса, который, будучи искренне предан установленному последней революцией протестантскому порядку, был до того поражен, что воскликнул:

— Эге! Видно, молодой петушок всегда поет с голоса старого петуха, — то есть мне следовало бы сказать «курочка», прошу прощения, миссис Минна, если что у меня получилось не так. Счастлива же, однако, страна, где отец ратует против королевских поборов, а дочь — против королевской власти и дело не кончается деревом да веревкой.

— Ну, деревьев у нас нет, — сказал Магнус, — а что до веревок, так они нужны нам для оснастки судов, и мы не можем тратить их на пеньковые галстуки.

— А кроме того, — добавил капитан, — каждый, кто посмеет нелестно отозваться о словах этой юной леди, пусть лучше побережет свой язык и уши для более безопасного занятия.

— Эге-ге, — сказал Триптолемус, — вот и говори людям правду в глаза! Видно, для них она так же вредна, как корове — мокрый клевер, да еще в стране, где парень вытаскивает нож, чуть только его девушка на кого косо посмотрит. Да, впрочем, чего и ожидать от людей, которые сошник называют маркалом!

— Послушайте, мейстер Йеллоули, — сказал, улыбаясь, капитан, — надеюсь, что мои привычки и манеры не относятся к числу тех заблуждений, кото-

рые вы явились сюда реформировать? Предупреждаю, что такой опыт окажется очень опасным!

— Да и безнадежным, — сухо ответил Триптолемус. — Но вам нечего бояться меня, капитан Кливленд. Мое дело касается только земли и землевладельцев, а не моря и мореплавателей, так что вы не принадлежите к моей стихии.

— В таком случае будемте друзьями, дорогой мой обычаегонитель, — сказал, смеясь, Кливленд.

— Обычаегонитель! — повторил агроном, силясь припомнить уроки, усвоенные в прежние годы. — Обычаегонитель pro¹ тучегонитель, Νεφέληνερῆτα Ζεῖς² — græsum est.³ В каких же это странствиях научились вы подобным выражениям?

— Я столько же путешествовал в свое время по страницам книг, — ответил капитан, — как и по морям, но последние мои странствия были такого рода, что заставили позабыть прежнюю классическую премудрость. Однако что же ты, Брайс, распутал наконец свои веревки? Ну-ка, посмотрим, не найдется ли в его товарах чего-либо стоящего внимания?

С хвастливой и вместе с тем лукавой усмешкой хитрый коробейник разложил вещи, намного превосходящие ценностью все, что обычно наполняло его короб. Особенно поражали некоторые ткани и вышитые изделия необычайного изящества, украшенные бахромой и цветами и затканые такими причудливыми заморскими узорами, что могли бы привести в изумление намного более изысканное общество, чем непритязательные жители страны Туле. Все принялись восхищаться и восторгаться, а миссис Бэйби Йеллоули, воздев руки к небу, заявила, что грешно даже смотреть на подобную роскошь, а уж спросить о цене — так это значило бы просто погубить свою душу.

Прочие, однако, повели себя смелее, тем более, что цены, назначенные торговцем, оказались весьма

¹ Вместо (лат.).

² Тучегонитель Зевс (греч.).

³ Это — по-гречески (лат.).

умеренными. Сам он заявил, что продает чуть ли не в убыток себе, просто сущие пустяки набавляет, и действительно, судя по тому, что он запрашивал, товары, видимо, достались ему почти даром. Благодаря подобной дешевизне торговля пошла весьма бойко, ибо в Шетлендии, так же, впрочем, как и в других странах, рассудительные люди покупают не столько потому, что нуждаются в той или иной вещи, сколько из-за благоразумного стремления совершить выгодную сделку. Леди Глоуроурам в силу одного только этого принципа приобрела семь нижних юбок и дюжину лифов, и остальные матроны не уступили ей в подобной дальновидной расчетливости. Юдаллер тоже купил изрядное количество вещей, но главным покупателем всего, что только могло пленять глаза красавиц, оказался, бесспорно, галантный капитан Кливленд, который перевернул вверх дном весь короб Брайса, выискивая подарки для присутствовавших дам, среди которых Минна и Бренда Тройл удостоились особого его внимания.

— Боюсь, — произнес Магнус Тройл, — что молодым леди придется рассматривать все эти подношения как прощальные подарки и вся ваша щедрость, капитан, означает, что мы скоро с вами расстанемся.

Вопрос этот, казалось, смутил того, кому был задан.

— Дело в том, что я сам еще не вполне уверен, что это действительно мой консорт, — ответил он с некоторым замешательством. — Придется мне съездить в Керкуолл, убедиться в том лично, но я надеюсь вернуться еще в Данроснесс, чтобы распрощаться окончательно.

— В таком случае, — сказал юдаллер после минутного раздумья, — пожалуй, я сам смогу вас туда доставить. Мне нужно быть на керкуоллской ярмарке, чтобы закончить дела с купцами, которым я поручил продать рыбу, и я не раз уже обещал Минне и Бренде свозить их туда. Кстати, и на вашем корабле (или кому еще там он принадлежит) могут найтись подходящие для меня вещи. Люблю, когда в моем сарае столько же товаров, сколько танцующих пар. На Орк-

нейские острова отправлюсь я на собственном бриге и могу, если хотите, предложить вам на нем койку.

Это предложение, казалось, весьма обрадовало Кливленда. Он горячо поблагодарил юдаллера и на радостях решил, видимо, раздарить присутствующим все сокровища Брайса Снейлсфута. Содержимое набитого золотом кошелька перешло из рук его прежнего владельца в руки разносчика с легкостью и небрежностью, говорившими либо о крайней расточительности, либо о несметном и неистощимом богатстве. Бэйби Йеллоули шепнула при этом брату, что «если он позволяет себе так швырять деньги, так, видно, за один рейс на разбитом судне заработал больше, чем все шкипера из Данди вместе взятые, на всех своих добротных судах, да еще и за все двенадцать месяцев».

Но язвительность, с какой она сделала это замечание, заметно смягчилась, когда Кливленд, видимо задавшийся в этот вечер целью привлечь к себе сердца всех присутствующих, подошел к ней, держа в руках нечто напоминающее шотландский плед, но сотканное из такой мягкой шерсти, что на ощупь она казалась гагачьим пухом. Это, объяснил он, составляет неизменную часть костюма испанской леди и называется мантилейей, а поскольку по размеру она как раз подойдет миссис Бэйби Йеллоули и весьма пригодится ей в сыром шетлендском климате, то он просит принять этот подарок и носить на добрую о нем память. В ответ на эти слова почтенная леди удостоила Кливленда такой любезной улыбкой, какую только способны были выразить ее черты, и не только изъявила согласие принять этот знак учтивого внимания, но позволила капитану надеть мантилью на свои угловатые и костлявые плечи, где, по выражению Клода Холкро, она и повисла, совершенно как на вешалке.

Пока Кливленд ухаживал таким образом за миссис Бэйби к великому удовольствию всех присутствующих, что, впрочем, с самого начала и было, видимо, его основной задачей, Мордонт Мертон купил небольшие золотые четки с намерением, когда

представится к тому случай, подарить их Бренде. О цене он договорился, и покупка его была отложена в сторону. Клод Холкро тем временем изъявил желание приобрести серебряную табакерку старинной работы, ибо он нюхал табак в весьма изрядных количествах. Но поэт редко имел при себе наличные деньги, да, по правде говоря, при том кочующем образе жизни, какой он вел, он мало в них и нуждался, а Брайс, со своей стороны, поскольку торговля его до сих пор всегда велась на наличные, заявил, что он и так уж совсем мало наживает на такой редкой и дорогой вещице и поэтому никак не может оказать покупателю кредита. Мордонт понял, в чем было дело, по тому виду, с каким они шептались: поэт с вожделем указывал на табакерку пальцем, в то время как осторожный торговец прикрывал ее всей ладонью, словно боясь, как бы она не упорхнула в карман покупателя. Тогда Мордонт Мертон, желая доставить удовольствие своему старому знакомому, положил деньги за табакерку на стол и сказал, что не позволит мастеру Холкро самому купить вещь, которую он решил поднести ему в подарок.

— Но, юный мой друг, — воскликнул поэт, — я не могу допустить, чтобы ты так тратился на меня! Правда, безделушка эта удивительно напоминает мне табакерку достопочтенного Джона, из которой я имел честь взять понюшку в «Кофейне талантов», почему я до сих пор отношусь с большим уважением к указательному и большому пальцам правой руки, чем к каким-либо другим частям моего тела. Позволь же мне считать себя твоим должником и рассчитаться с тобой тогда, когда рыба моя из Эркастера пойдет на рынок.

— Ну, договаривайтесь между собой как там хотите, — сказал коробейник, беря деньги Мордонта, — а вещь продана и оплачена.

— Как ты смеешь снова продавать то, что уже продал мне? — неожиданно вмешался Кливленд.

Всех поразил этот резкий окрик и заметное волнение капитана, когда он, отойдя от миссис Йеллоули, неожиданно заметил, что именно продает Брайс

Снейлсфут. На запальчивый вопрос капитана разносчик, боявшийся противоречить столь щедрому покупателю, ответил, запинаясь:

— Что вы, что вы, помилуйте, видит бог, я и не думал вас обидеть.

— То есть как это, сэр, не думали обидеть, когда распорядяетесь моею собственностью? — воскликнул моряк, протягивая руку одновременно к табакерке и к четкам. — Сейчас же верни молодому человеку его деньги и постарайся впредь держать курс по меридиану честности.

Смущенный и испуганный разносчик достал свой кожаный кошель, чтобы вернуть Мордонту деньги, которые он успел уже спрятать, но юношу не так-то легко было удовлетворить.

— Эти вещи, — сказал он, — проданы, и за них заплачено, таковы были твои собственные слова, Брайс Снейлсфут, их слышал также мейстер Холкро, и я не позволю ни тебе, ни кому бы то ни было отнять у меня принадлежащую мне собственность.

— *Вашу* собственность, молодой человек? — переспросил Кливленд. — Но смею вас уверить, что это моя собственность, а не ваша. Я договорился об этих вещах с Брайсом за минуту до того, как отошел от стола.

— Я... я... я не совсем ясно это расслышал, — забормотал Брайс, явно не желая обидеть ни одну из сторон.

— Ну, ну, не стоит ссориться из-за таких безделок, — вмешался юдаллер, — к тому же пора отправляться в такелажную, — так называл он помещение, предназначенное для танцев, — а там все должны быть веселы. Оставьте пока эти вещи у Брайса, а завтра я сам решу, кому они должны достаться.

Приказания юдаллера в его собственном доме были так же непреложны, как законы мидян, и оба молодых человека, смерив друг друга неожиданно враждебными взглядами, разошлись в разные стороны.

Редко бывает, чтобы второй день праздника прошел так же оживленно, как первый. Гости, утомлен-

ные и духом и телом, не в состоянии уже были ни проявлять прежнее одушевление, ни расходовать такие же силы, и молодежь танцевала поэтому далеко не так весело, как накануне. До полуночи оставался еще целый час, когда даже сам не поддающийся усталости Магнус Тройл, пожалев о нынешних упадочных временах и о том, что не может поделиться с современной хиалтландской молодежью могучим духом, который до сих пор поддерживал его собственную плоть, признал необходимым подать сигнал для всеобщей отправки на покой.

В это мгновение Клод Холкро, отведя Мордонта в сторону, сказал, что имеет к нему поручение от капитана Кливленда.

— Поручение от Кливленда? — повторил Мордонт, и сердце его учащенно забилося. — Вызов, я полагаю?

— Какой там вызов! — воскликнул Холкро. — Ну кто когда-либо слышал о вызове на наших мирных островах? Неужели я похож на посланца, приносящего вызов, да еще не кому иному, как тебе? Ну нет, я не из тех безумных драчунов, как называл их достославный Джон. И то, что я должен сказать тебе, собственно говоря, даже не поручение. Видишь ли, дело в том, что капитану Кливленду, как я понял, чрезвычайно хочется иметь облюбованные тобой безделушки.

— Клянусь, что он их не получит! — воскликнул Мордонт Мертон.

— Да ты только выслушай меня, — продолжал Холкро. — Оказывается, по каким-то знакам или гербам на них он узнал, что они ему когда-то принадлежали. Кроме того, если ты подаришь табакерку мне, как обещал, то, честно говоря, я верну ее настоящему владельцу.

«И Бренда может поступить так же», — подумал Мордонт и тотчас же произнес вслух:

— Хорошо, я передумал, мой друг. Капитан Кливленд получит безделки, которых так добывается, но с одним условием.

— Ты все только испортишь своими условиями, — сказал Клод Холкро, — ибо, как говорил достославный Джон, условия...

— Выслушайте меня, прошу вас, до конца. Мое условие состоит вот в чем: пусть он оставит себе эти безделушки в обмен на ружье, которое я согласился взять у него. Тогда по крайней мере мы будем квиты.

— Вижу, вижу, куда ты клонишь, точь-в-точь Себастьян и Доракс! Ну вот и хорошо; так ты, значит, скажешь разносчику, чтобы он отдал эти вещи Кливленду — бедняга прямо с ума сходит, только бы получить их обратно, — а я сообщу ему твое условие, а то как бы наш честный Брайс не положил себе в карман двойную плату, от чего совесть его, по правде говоря, ничуть не пострадает.

С этими словами Холкро отправился разыскивать Кливленда, а Мордонт, заметив Снейлсфута, который, как лицо, обладающее известными привилегиями, стоял в толпе, в глубине танцевального сарая, подошел к нему и велел при первой же возможности передать спорные вещи Кливленду.

— Правильно делаете, мейстер Мордонт, — сказал разносчик, — вы, как я вижу, человек осторожный и разумный; правду говорят, что «спокойный ответ отводит беду»; я сам рад был бы послужить вам по мере своих ничтожных сил в каком-нибудь пустяковом деле, а только как попадешь между нашим юдаллером из Боро-Уестры и капитаном Кливлендом, так это все одно, что оказаться между дьяволом и морской пучиной! А ведь похоже, что в конце концов юдаллер встал бы на вашу сторону, потому как он любит правду.

— До которой тебе, Брайс Снейлсфут, видимо, очень мало дела, — сказал Мордонт, — иначе не возникло бы никакого спора, ибо справедливость совершенно ясно была на моей стороне и тебе достаточно было только сказать, как именно обстояло дело.

— Мейстер Мордонт, — ответил коробейник, — оно точно, правда-то вроде как была на вашей стороне. Да ведь я больше придерживаюсь правды по своей, торговой части, чтоб аршин, к примеру сказать, был правильной длины; надо сознаться, что аршин-то мой малость поистерся, а как ему не истереться, коли я в тяжелом да долгом пути то и дело на него опираюсь?

И покупаю я и продаю всегда по правильному весу и мере, по двадцать четыре мерка в лиспанде. А уж судить там, кто прав, кто виноват, так я не фоуд и не судья при лотинге стародавних времен.

— Ну, этого от тебя никто и не требует, достаточно было сказать правду согласно собственной совести, — ответил Мордонт, порядком возмущенный и ролью торговца во время спора и унижительным истолкованием его, Мордонта, уступчивости.

Но Брайсу Снейлсфуту такой ответ пришелся не по вкусу.

— Совесть моя, мейстер Мордонт, — сказал он, — так же чиста, как у всякого честного торговца, а только не моя в том вина, что я по природе своей человек робкий, и когда на меня гnevаются да завязывается еще какая ссора, так разве тут голос совести услышишь? Он, по правде говоря, и в обычное время звучит не слишком-то громко.

— А ты к нему не очень-то и прислушиваешься, — заметил Мордонт.

— Ошибаетесь, сэр, у вас тут есть доказательства противного, — решительно возразил Брайс, указывая ему на грудь.

— У меня в груди? — с досадой спросил Мордонт. — Я не понимаю, что ты имеешь в виду.

— Не в груди, а на груди, мейстер Мордонт. Да уж, по правде говоря, кто взглянет на этот жилет на вашей храброй груди, так сразу поймет, что коли кто продал вам такую вещь за четыре доллара, так он не только честный и совесть имеет, а еще и сердечно расположен к своему покупателю. Так уж вы не очень сердитесь на меня, мейстер Мордонт, за то, что я побоялся вставить словцо, когда два безумца заспорили.

— Мне сердиться на тебя? — воскликнул Мордонт. — Да ты совсем рехнулся! С какой стати мне с тобой спориться?

— Ну, вот и хорошо, — сказал коробейник, — я-то ни с кем не хочу ссориться, это уж вы поверьте, а с таким старым покупателем, как вы, да боже меня упаси. А только, если хотите послушаться моего со-

вета, так не ссорьтесь и с капитаном Кливлендом. Он точь-в-точь как те головорезы да рубаки, что заявились в Кёркуолл: им так же легко зарезать человека, как нам — освежевать кита. Драться — вот их ремесло, им они и живут. И, ясное дело, всякий из них одолеет такого вот, как вы, что берет в руки ружье только для забавы да от нечего делать.

Гости тем временем почти все разошлись. Мордонт, посмеявшись над предостережением Брайса, пожелал ему доброй ночи и ушел в комнату, отведенную ему Эриком Скэмбистером, который так же хорошо выполнял роль мажордома, как и дворецкого: это был просто чуланчик в одной из пристроек, снабженный для данного случая подвесной койкой.

Глава XIX

Как ночь, брожу из края
 в край,
Метя то снег, то пыль;
И по лицу я узнаю,
Кто может выслушать мою
Мучительную быль.

Колридж, «Поэма о старом моряке»¹

Дочери Магнуса Тройла спали на одной постели в комнате, которая, пока жива была их мать, служила спальней родителям. Магнус, глубоко страдавший от испытания, ниспосланного ему провидением, возненавидел свой брачный покой и отдал его во владение дочерей, из которых старшей в то время едва исполнилось четыре года. Сначала родительская опочивальня служила им детской, а потом, заново отделанная и обставленная сообразно вкусам Шетлендских островов и склонностям самих прелестных сестер, сделалась их спальней, или, как говорят местные жители, светлицей.

¹ Перевод Н. Гумилева.

В течение многих лет сестры поверяли здесь друг другу свои самые сокровенные тайны, если можно говорить о тайнах там, где каждая мысль, едва возникнув у одной, тотчас же, совершенно непосредственно, без каких-либо сомнений или колебаний, передавалась другой. С тех пор, однако, как в Боро-Уестре появился Кливленд, у каждой из прелестных сестер стали появляться думы, которыми не так-то легко и просто было делиться, ибо ни одна из девушек не могла быть заранее уверена, что другая примет ее слова благосклонно. Минна заметила то, что ускользнуло от внимания прочих, не столь заинтересованных наблюдателей, а именно, что Кливленд далеко не так высоко стоял во мнении Бренды, как в ее собственном, а Бренда, со своей стороны, полагала, что Минна слишком поспешно и несправедливо присоединилась к предубеждению против Мордонта Мертона, возникшему у их отца. Каждая чувствовала, что она уже не та в отношении другой, и это горькое сознание еще усугубляло тяжесть мрачных предчувствий, лежавших у каждой на сердце, которые они считали своим долгом скрывать. В отношении их друг с другом, во всех тех мельчайших знаках внимания, какими выражает себя любовь, появилось даже больше нежности, чем прежде, словно обе, сознавая, что их внутренняя замкнутость была на самом деле трещиной в их сестринской привязанности, старались искупить ее усиленным проявлением тех внешних признаков, какие раньше, когда нечего было утаивать, являлись совершенно излишними.

В тот вечер, о котором идет речь, девушки особенно остро чувствовали отсутствие прежней душевной близости. Предполагаемая поездка в Керкуолл как раз во время ярмарки, когда туда съезжаются островитяне самых различных положений — кто по делам, кто для развлечения, — должна была стать для Минны и Бренды, при той простой и однообразной жизни, какую они вели, настоящим событием. Случись это несколько месяцев тому назад, обе пролежали бы без сна до глубокой ночи, заранее обсуждая все, что могло с ними случиться во время столь при-

мечательной поездки. Но теперь они только слегка коснулись этой темы и умолкли, словно боясь не сойтись во мнениях или высказаться откровеннее, чем это было бы желательно как той, так и другой.

Так велика, однако, была их сердечная чистота и простота, что каждая именно себя считала виновной в появившейся между ними отчужденности, и когда, помолившись, они улеглись в одну постель, крепко обнялись, обменялись нежным поцелуем и как любящие сестры пожелали друг другу спокойной ночи, то словно просили друг у друга прощения и взаимно прощали друг друга, хотя ни одна не сказала при этом ни единого обидного слова и ни одна не была обижена; вскоре обе погрузились в тот легкий и вместе с тем глубокий сон, который нисходит на ложе юности и невинности.

В эту ночь обеих посетили сновидения, хотя и различные, соответственно настроению и характеру спящих девушек, однако странным образом между собой сходные.

Минне снилось, что она находится в одном из самых уединенных и глухих мест морского побережья, известного под названием Суортастера, где волны, непрерывно подтачивая известняковые утесы, образовали глубокий *хэлиер*, что на языке островитян означает грот, куда заходит прилив. Многие из них простираются под землей до неизмеримых и неизведанных глубин и служат надежным убежищем для больших бакланов и тюленей, следовать за которыми в самую глубину этих вертепов и не легко и не безопасно. По сравнению с другими хэлиерами Суортастерский грот считался особенно недоступным, и в него избегали проникать и охотники и рыбаки как по причине острых углов и крутых поворотов в самой пещере, так и из-за подводных скал, представлявших большую опасность для челноков и рыбацких лодок, особенно во время обычного вокруг острова бурного приливного волнения. Минне снилось, что из темной пасти пещеры выплывает сирена, но не в классических одеждах nereиды, какие Клод Холкро выбрал для масок предыдущего вечера, а с гребнем

и зеркалом в руке, как изображают русалок народные поверья; она ударяла по волнам длинным чешуйчатым хвостом, который составляет такой страшный контраст с прелестным лицом, длинными волосами и обнаженной грудью прекрасной земной женщины. Русалка эта, казалось, манила Минну к себе, и до слуха девушки долетали печальные звуки песни, предвещавшей бедствия и горе.

Видение Бренды, хотя совершенно иного рода, было, однако, не менее зловещим. Ей снилось, что она сидит в своей любимой беседке вместе с отцом и его самыми близкими друзьями, среди которых находится и Мордонт Мертон. Ее попросили спеть, и она пыталась занять гостей веселой песенкой, которая всегда сопровождалась успехом и которую она пела с таким наивным и вместе с тем естественным юмором, что обычно вызывала взрывы громкого хохота и аплодисментов, и все присутствующие, независимо от того, умели они петь или не умели, непременно подхватывали припев.

На этот раз, однако, Бренде казалось, что голос ее не слушается, и, в то время как она тщетно пыталась произносить слова хорошо знакомой ей песни, он вдруг сделался низким и приобрел дикий и мрачный оттенок голоса Норны из Фитфул-Хэда, каким она пела древние рунические песни, подобные песнопениям языческих жрецов над жертвой (нередко человеческой) у рокового алтаря Одина или Тора.

Наконец обе сестры одновременно проснулись и с приглушенным криком ужаса бросились друг другу в объятия, ибо сновидения их оказались не обманчивым плодом фантазии: звуки, породившие их, раздавались наяву, и притом тут же, в комнате. Девушки тотчас же поняли, чей это голос, ибо хорошо знали, кому он принадлежит, и все же удивились и испугались, увидев знаменитую Норну из Фитфул-Хэда, сидящую у их камина, где в летние ночи всегда стоял зажженный светильник, а зимой горели дрова или торф.

Норна, закутанная в длинный и широкий плащ из уодмэла, медленно раскачивалась взад и вперед над слабым огоньком светильника и пела тихо и печально каким-то зловещим голосом следующую песню:

— Издалека приплыл мой челн
Через стремнины и буруны,
Смиряют гнев зеленых волн
Мои магические руны
Смиряет бурю рунный стих,
Смиряет ветры голос Норны,
Но сердце, что безумней их,
Своим лишь прилотям покорно,
Лишь час в году — таков завет —
Могу в словах излить я горе,
Пока горит волшебный свет,
С окрестной темнотою споря,
И вот — лампада зажжена,
Спокойно льет она сиянье .
Восстаньте ж, девы, ото сна,
Чтоб Норны выслушать признание.

Дочери Магнуса Тройла хорошо знали Норну, и все же не без волнения — хотя у каждой проявилось оно по-своему — увидели они ее столь неожиданно и в столь необычном для нее месте. Отношение обеих девушек к якобы сверхъестественному могуществу Норны было тоже далеко не одинаковым.

Минна одарена была исключительно богатым воображением и хотя от природы была умнее сестры, всегда с восторгом внимала всему чудесному и готова была верить тому, что давало пищу и развитие ее богатой фантазии, не задумываясь над подлинной сущностью явлений. Бренда, наоборот, благодаря своей живости обладала несколько сатирическим складом ума, и ей часто казалось смешным как раз то, что возбуждало поэтическую мечтательность Минны; как все любители посмеяться, Бренда не очень-то склонна была поддаваться обману и трепетать перед какой-то

напускной таинственностью. Поскольку, однако, нервы ее были слабее и чувствительнее, чем у Минны, она часто становилась невольной жертвой страха перед лицом явлений, не признаваемых ее разумом. Поэтому Клод Холкро обычно говорил, что Минна прислушивается ко всем суевериям, распространенным в окрестностях Боро-Уестры, но не боится их, а Бренда дрожит перед ними, не веря им. Даже в наше более просвещенное время немало найдется людей, которые, несмотря на свой здравый смысл и природное бесстрашие, способны так же восторженно воспринимать чудесное, как Минна, и, пожалуй, еще больше таких, чьи нервы, как у Бренды, заставляют их дрожать от ужасов, отвергаемых и презираемых рассудком.

Находясь во власти столь различных ощущений, сестры по-разному реагировали на случившееся: Минна, опомнившись от первого удивления, хотела прыгнуть с постели и подойти к Норне, которая — в этом девушка не сомневалась — явилась к ним по некоему велению рока. Но Бренда, для которой Норна была только полупомешанной старухой, внушавшей благодаря дикости своих притязаний невольный трепет и даже ужас, ухватилась за Минну, шепотом умоляя ее позвать кого-нибудь на помощь. Однако все существо Минны было слишком взволновано наступавшим, как казалось, в ее судьбе решительным переломом, чтобы она могла выполнить просьбу испуганной Бренды, и, вырвавшись из ее рук, Минна быстро накинула широкий пеньюар и, смело перейдя через всю комнату, с сердцем, колотившимся скорее от возбуждения, чем от страха, обратилась к странной посетительнице со следующими словами:

— Норна, если ты явилась сообщить нам что-то важное, как я поняла из твоих слов, то по крайней мере одна из нас готова выслушать тебя с глубоким почтением и без боязни.

— Норна, милая Норна, — дрожащим голосом произнесла Бренда, которая, не чувствуя себя больше в безопасности после того, как ее покинула Минна, последовала за ней — так беженцы, боясь остаться позади, бредут в арьергарде армии — и теперь стояла,

спрятавшись за сестру и крепко уцепившись за ее платье. — Норна, милая Норна, — взмолилась она, — если ты хочешь что-то сказать нам, отложи это до завтра. А сейчас позволь мне позвать Юфену Фи, нашу домоправительницу, чтобы она приготовила тебе постель на ночь.

— Нет для меня постели! — воскликнула ночная посетительница. — Нет сна моим очам! Они видели, как рифы и скалы появлялись и исчезали между Боро-Уестрой и Помоной, они видели, как Мэн-оф-Хой погрузился за горизонт, а Хенглифский пик поднялся из лона вод, и с тех пор сон не смежал моих век и не смежит их, доколе не выполню я того, что мне назначено выполнить. Сядь, Минна, и ты, глупенькая трусишка, садись тоже. Накиньте платья, пока я поправляю огонь в светильнике, ибо долог будет рассказ мой и, прежде чем он завершится, вы задрожите, но не от холода, а от ужаса.

— Ради самого создателя, отложи его, милая Норна, до утра! — взмолилась Бренда. — Рассвет уже недалек, а если ты собираешься рассказать нам что-то страшное, пусть это будет при свете дня, а не при тусклом мерцании этого печального светильника.

— Молчи, неразумная, — ответила ей непрошенная гостя, — не при свете дня должна Норна вести свой рассказ, ибо иначе солнце затмится на небе и погибнут надежды тех рыбаков, что еще до полудня выйдут в далекие воды, и тщетно сотни семейств будут ждать их возврата. Пусть демон, который проснется при звуках моего голоса и ринется с горных высот, чтобы упиться роковыми словами, столь отрадными для его слуха, развернет свои черные крылья над пустынным, без единого паруса, морем.

— Сжалась над Брендой, милая Норна, посмотри, как она испугалась, — сказала старшая сестра, — отложи свой рассказ до другого часа и поведай его нам в другом месте.

— Нет, девушка, нет! — непреклонно ответила Норна. — Не при свете дня должна я поведать его, а при бледном мерцании вот этого светильника: он

выкован из цепей с виселицы жестокого лорда Уоден-своу, убийцы родного брата, а горит в нем... нет, об этом я умолчу, но только не рыбий жир и не масло земных плодов! Но взгляните, пламя слабеет, а рассказ мой должен быть закончен, прежде чем оно погаснет. Садитесь вот здесь, а я сяду напротив и между нами поставлю светильник, ибо в круг его света демон не посмеет ворваться.

Сестры послушались. Минна обвела комнату медленным, тревожным, но в то же время смелым взглядом, словно в надежде увидеть духа, который, судя по неясным намекам Норны, должен был витать где-то поблизости, между тем как к страху Бренды примешивалась известная доля досады и нетерпения. Норна, не обращая на них внимания, начала свою повесть следующими словами:

— Вам известно, дети мои, что в жилах у нас течет одна кровь, но вы не знаете, каким близким родством мы связаны, ибо давняя вражда существовала между вашим дедом и тем, кто имел несчастье называть меня своей дочерью. При крещении дали ему имя Эрланда, и так я и буду называть его, ибо имени, указующего на мое с ним родство, я не смею произносить. Дед ваш Олаф был родным братом Эрланда. Но когда пришел час разделить между двумя братьями огромные родовые владения их отца Ролфа Тройла, самого богатого и могущественного потомка древних норманнов, фоуд присудил Эрланду земли его отца на Оркнейских островах, а Олафу — на Хиалтландских. И тут между братьями вспыхнула вражда, ибо Эрланд считал себя обойденным, и когда в лотинге¹ и судьи и советники подтвердили этот раздел, он проклял Хиалтландию и ее обитателей, проклял своего брата и его кровь и в гневе отплыл на Оркнейские острова.

Но любовь к родимым горам и скалам все еще теплилась в сердце Эрланда, и он избрал местом

¹ Лотинг представлял собой комиции, или верховное судилище, Оркнейских и Шетлендских осгровов и был по своему устройству как бы грубым прообразом парламента. (Прим. автора.)

своего пребывания не плодородные холмы Офира и не зеленые Грэмсейские равнины, а дикий и гористый остров Хой, чья вершина, подобно утесам Фаулы и Фарерских островов, поднимается к небу.¹ На несчастье свое, Эрланд был сведущ в таинствах давней науки, завещанной нам легендами скальдов и бардов, и главной заботой его преклонных лет было передать эти знания мне, за что мы оба заплатили такой дорогой ценой. Я знала все уединенные могильники острова, все волшебные камни, все связанные с ними поверья и научилась славословящими песнопениями умиротворять дух каждого могучего воина, покоившегося под ними. Я знала места, где приносились жертвы Одину и Тору, знала, на каких каменных плитах проливалась жертвенная кровь, где стоял непреклонный жрец, где — вождь в увенчанном гребнем шлеме, вопрошавший богов, и где — благоговейная толпа, с трепетом и ужасом взиравшая на жертвоприношение. Мне не были страшны места, которых боялся простой народ; я смело вступала в волшебный круг и спала у волшебного источника.

Но, к несчастью, излюбленным местом моих одиноких прогулок был, как его называли, Карликов камень — замечательный памятник древности, на который чужестранцы глядели с любопытством, а местные уроженцы — с ужасом. То была огромная гранитная глыба, лежавшая среди скал и пропастей, в глубине извилистого дикого ущелья горы Уорд-Хилл на острове Хой. В глыбе этой была пещера с двумя каменными ложами — не рука смертного вытесала их — и с узким проходом между ними. Теперь там свободно гуляет ветер, но недалеко лежит гранитная плита, которая, судя по пазам, выдолбленным в скале у самого входа и ясно видимым и сейчас, служила некогда дверью, закрывавшей это необычайное жилище. Сооружено оно было, как говорят, Тролдом — знаменитым карликом норвежских саг, который избрал

¹ Говорят, что с вершины этого острова летом можно в полночь увидеть солнце. Так утверждает географ Бло, хотя, по мнению доктора Уоллеса, видно не самое солнце, а его отражение в водных испарениях над горизонтом. (*Прим. автора.*)

его своим любимым местопребыванием. Одинокие пастухи избегают этого места, ибо на рассвете, в полдень и в час заката до сих пор еще можно, говорят, увидеть уродливую фигуру колдуна, сидящего у Карликова камня. Но я не боялась этого призрака, Минна, ибо сердце мое было тогда столь же гордым, а руки — столь же невинными, как у тебя. Я была даже слишком дерзка в своей отроческой неустрашимости. Страстное желание постичь неведомое снедало меня так же, как некогда нашу прама-терь Еву, и заставляло стремиться к знаниям даже запретными способами. Как жаждала я сравняться могуществом с волуспами и другими прорицательницами, жившими во времена наших предков! Как они, жаждала я повелевать стихиями и вызывать из могил призраки погибших героев, чтобы пели они мне о великих деяниях и дарили свои спрятанные сокровища. Часто, сидя в раздумье у Карликова камня, устремляла я взор на вершину Уорд-Хилла, возвышавшуюся над мрачной долиной, и видела среди темных утесов тот волшебный карбункул, что, как докрасна раскаленный горн, сверкает тому, кто смотрит на него снизу, но становится невидим смельчаку, чья дерзкая нога осмелится ступить на высоты, откуда льется сияние. Мое тщеславное юное сердце горело желанием постигнуть эту и сотни других тайн, о которых говорилось в сагах, прочитанных или слышанных мною от Эрланда, но которые оставались при этом необъяснимыми. И в дерзости своей я просила хозяина Карликова камня помочь мне в достижении познаний, недоступных для простых смертных.

— И злой дух услышал твою просьбу? — спросила Минна, чья кровь похолодела в жилах от последних слов Норны.

— Тише, — прервала ее Норна, понизив голос, — не раздражай его: он здесь и все слышит.

Бренда вскочила с места.

— Я пойду в комнату к Юфене Фи, — сказала она, — а вы, Минна и Норна, можете и дальше сколько вам угодно толковать здесь о гномах и карликах. Я не боюсь их во всякое другое время, но не хочу

слушать о них ночью, при свете этого тусклого светильника.

Она собиралась уже выйти из комнаты, когда сестра удержала ее.

— Так вот каково твое мужество, — сказала Минна, — а ты еще утверждаешь, что не веришь в сверхъестественные чудеса, которых так много в истории наших предков. То, что Норна хочет сказать нам, касается, быть может, судьбы нашего отца, всех нас. Если я могу слушать ее, веря, что небо и моя невинность защитят меня от всякого зла, так уж тебе, Бренда, раз ты ни во что чудесное не веришь, нет никаких оснований испытывать страх. Поверь мне, что тем, кто не чувствует за собой вины, нечего опасаться.

— Опасности-то, может быть, и нет, — ответила Бренда, не способная даже тут сдержать природную свою склонность к юмору, — но страху хоть отбавляй, как говорится в нашем старом сборнике шуток. Впрочем, Минна, я не покину тебя, — прибавила она шепотом, — главным образом потому, что не хочу оставлять тебя одну с этой страшной женщиной, а между нашей спальней и комнатой Юфены Фи — темная лестница и бесконечный коридор, иначе не прошло бы и пяти минут, как я привела бы ее сюда.

— Никого не зови, девушка, если только тебе дорога жизнь! — воскликнула Норна. — И не прерывая снова моего повествования, ибо я могу, я должна говорить, только пока горит этот волшебный свет.

«Слава тебе господи, — сказала про себя Бренда, — что масло в светильнике почти все уже выгорело! Меня так и подмывает дунуть на огонь. Но тогда мы окажемся впотьмах вместе с Норной, а это будет еще хуже».

Рассудив таким образом, она покорилась судьбе и снова села, приготовившись, со всем спокойствием, на какое была способна, дослушать до конца историю Норны.

— Это случилось в жаркий летний день около полудня, — продолжала рассказчица. — Я сидела у

Карликова камня, устремив взор на Уорд-Хилл, где волшебный, неугасимый карбункул сверкал еще ярче обычного, и так велика была моя скорбь об ограниченности человеческих познаний, что в конце концов я невольно высказала ее словами одной старинной саги:

Прервите сон свой, Хеймз, мудрец,
И Тролд, суровых гор жилец,
Ты, что в уста бессильной девы
Влагал волшебные напевы,
Ты, что руке, лишенной сил,
Волшебный жезл не раз дарил,
И девы бурный Руст смиряли
И ветры в Фауле пробуждали.
Но нынче мощь твоя ушла,
Век Одина покрыла мгла.
Что имя Тролда? — Звук пустой,
Лишь отблеск славы прожитой,
И прочь летит она от вздоха,
Как легкий пух чертополоха.

— Не успела я произнести эти слова, — продолжала Норна, — как небо, бывшее до того необыкновенно ясным, внезапно так потемнело, что полдень стал скорее похожим на полночь. Одна-единственная молния на миг осветила окружающие меня пустоши, болота, горы и бездны. Один-единственный удар грома пробудил эхо всех уголков Уорд-Хилла, и его бесконечные раскаты так долго гудели в горах, словно целая скала, сорванная молнией с вершины, скатилась в долину через утесы и пропасти. Вслед за тем хлынул такой ливень, что я бросилась укрыться от него в отверстие таинственной пещеры.

Я опустилась на то каменное ложе, которое было больше другого и находилось в самой глубине пещеры, и, устремив глаза на меньшее, задумалась о том, каким образом и для какой цели было создано это мое необычное убежище. Было ли оно в самом деле высечено в скале могущественным Тролдом, как утверждает поэзия скальдов? Или то была гробница норманского вождя, похороненного здесь вместе со

своим оружием и сокровищами, а быть может, и женой, умерщвленной ради того, чтобы и за гробом не разлучался он с тем, что больше всего любил в жизни? А быть может, то было убежище раскаявшегося грешника, благочестивого отшельника более поздних времен? Или грот этот был просто делом рук какого-нибудь странствующего подмастерья, которого случай, досуг или прихоть подвигли на столь необычный труд?.. Я нарочно рассказываю вам, какие мысли бродили тогда у меня в голове, дабы вы знали, что все последовавшее не было игрой предубежденного и заранее подготовленного воображения, а настоящим и страшным видением.

Размышляя таким образом, я незаметно погрузилась в сон, от которого пробудил меня второй удар грома, и когда я проснулась, то при бледном свете, проникавшем сквозь вырубленное вверху окошечко, увидела уродливую и неясную фигуру карлика Тrolда: он сидел против меня на меньшем и более низком каменном выступе, чуть ли не целиком занимая его своим безобразным квадратным туловищем. Я была поражена, но не испугана, ибо в жилах моих течет горячая кровь древнего рода Лохлинов. Он заговорил, но на языке столь древнем, что не многие, кроме отца и меня, смогли бы понять смысл его речей. То было наречие наших предков, на котором они говорили еще до того, как Олаф воздвиг крест на руинах языческих верований. Речь его была темна и непонятна: так жрецы обращались от имени своих богов к племенам, собиравшимся у *Хелгафелса*.¹

Вот смысл его слов:

Тысячелетний минул срок,
С тех пор как, искушая рок,
Здесь дева встала на порог.
Ты, гордая, с верой
К Тrolду в пещеру
Посмела войти,

¹ Или священной горы, где норманские жрецы поклонялись своим истуканам. (Прим. автора.)

Так узнай мои чары:
Без страшного дара
Тебе не уйти.
Власть желанную, дева
С отважной душой,
Ты получишь над ветром
И бездной морской,
На суше, в пещерах, заливах и воу,
На отмелях, мысах, в хелиерах и джоу,¹
В царстве северных бурь, где о выступы скал
Бьется северный вал.
Но хотя снизойду я к безумной твоей мольбе,
Лишь тогда суждено будет сбыться столь
дивной судьбе,
Когда дара ты жизни лишишь
Давшего дар тот тебе.

Я ответила ему подобными же стихами, ибо мной овладел дух древних скальдов нашего рода, и, отнюдь не страшась призрака, сидевшего от меня на столь близком расстоянии, я ощущала прилив того высшего мужества, которое одушевляло витязей и жриц друидов на борьбу с миром невидимых сил, когда на земле, по их мнению, не оставалось больше достойных для них соперников. Ответ мой был таков:

Скорбь в твоих словесах,
Житель келии тесной,
Но смятение и страх
Деве той неизвестны,
Что искала в горах
Встречи с Тролдом чудесной.
Для тяжчайшей из мук
Обрету я терпенье.
Жизнь — лишь краткий недуг,
А смерть — исцеленье.

Демон злобно взглянул на меня, словно одновременно и разгневанный и пораженный, а затем исчез

¹ Дж о у — глубокий овраг, выходящий к морю. (Прим. автора)

в густом облаке серного дыма. До этого мгновения я не чувствовала страха, но тут он охватил меня. Я ринулась прочь из пещеры на воздух: гроза прошла, все кругом было тихо и безмятежно. На миг я остановилась, чтобы перевести дыхание, а потом бросилась домой, размышляя по пути над словами призрака, которые, как это часто бывает, я не могла тогда припомнить с той ясностью, с какой мне удалось это сделать впоследствии.

Может показаться странным, что подобное видение со временем улетучилось из моей памяти, как приснившийся ночью сон, но так именно случилось. Я заставила себя поверить, что оно было плодом моей собственной фантазии. Я подумала, что слишком долго жила в одиночестве и на этот раз слишком отдалась во власть мечты, порожденной моими любимыми занятиями — изучением чудесного. Я оставила их на время и смешалась с молодежью своего возраста. Я гостила в Кёркуолле, когда познакомилась с вашим отцом, прибывшим туда по делам. Он легко добился доступа в дом родственницы, у которой я остановилась, и та рада была по мере возможности способствовать уничтожению вражды, разделявшей наши семьи. Вашего отца, девушки, годы сделали несколько более суровым, но по сути он не изменился. У него и тогда была та же мужественная фигура, та же старая норвежская простота в обращении, он был так же чистосердечен, исполнен прямодушной отваги и благороден. У него было тогда, пожалуй, больше подкупающей непосредственности, свойственной юности, горячее желание нравиться (ему самому, впрочем, тоже легко было понравиться) и та жизнерадостность, которая не переживает обычно наших юных лет. Но хотя он был, таким образом, вполне достоин привязанности и Эрланд письменно разрешил мне принимать его ухаживания, был, однако, другой — слышишь, Минна? — был чужестранец, посланный нам самим роком, полный незнакомых нам совершенств и своими любезными манерами намного превосходивший простое обращение вашего отца. Да, он казался среди нас существом иной, высшей породы.

Вы смотрите на меня с изумлением, вам кажется непонятным, чем могла я привлечь такого возлюбленного? Но во мне не осталось ничего, способного напомнить о том, что восхищало в Норне из Фитфул-Хэда, что заставляло любить ее, когда она была еще Уллой Тройл. Живой человек и бездыханный труп не так разнятся друг от друга, как та, кем была я прежде, от той, кем стала теперь, хотя до сих пор томлюсь на земле. Взгляните на меня, девушки, взгляните на меня при мерцающем огоньке этого светильника. Разве можно поверить, глядя на эти изможденные, огрубевшие от непогоды черты, на глаза, почти потухшие от всех ужасов, которых они были свидетелями, на полуседы космы волос, развевающиеся словно порванные в клочья вымпела идущего ко дну судна, — разве можно поверить, что их обладательница когда-то была предметом страстной любви? Светильник готов погаснуть, но пусть он еле мерцает в тот миг, когда мне суждено сознаться в своем позоре. Мы тайно полюбили друг друга, мы тайно встречались, и я уступила роковой и преступной страсти. А теперь разгорайся снова, волшебный огонь, столь могучий даже в своей слабости, озари наш тесный кружок, и тот, что витает вокруг нас, не посмеет коснуться своим темным крылом освещенного тобой круга. Посвети мне еще немного, пока не расскажу я самое страшное, а там угасай, если хочешь, и пусть все погрузится во мрак, столь же черный, как мое преступление и мое горе.

С этими словами Норна качнула светильник и поправила угасавший фитиль, а затем глухим голосом и отрывистыми фразами продолжала свое повествование:

— Время не позволяет мне тратить лишних слов. Любовь моя была раскрыта, но позор еще оставался тайной. Разгневанный Эрланд прибыл на Помону и увез меня в наше уединенное жилище на острове Хой. Он запретил мне встречаться с моим возлюбленным и велел принимать ухаживания Магнуса, который своим браком со мной мог бы загладить обиду, нанесенную его отцом. Увы, я не была уже более до-

стойна такой благородной привязанности; единственным моим желанием было бежать из отчего дома, чтобы скрыть свой позор в объятиях возлюбленного. Но я должна быть к нему справедлива, он оставался мне верен — о, слишком, слишком верен: его измена лишила бы меня рассудка, но роковые последствия его верности принесли мне в десять раз больше горя.

Она умолкла, а затем заговорила диким, безумным голосом:

— Его верность сделала меня и могущественной и несчастной повелительницей морей и ветров!

После этого резкого выкрика она снова на минуту умолкла, а затем продолжала уже более спокойным тоном:

— Возлюбленный мой тайно прибыл на остров Хой с целью устроить мой побег. Я согласилась встретиться с ним, чтобы назначить день и час, когда его судно должно было подойти к острову. Я покинула дом свой в полночь. — Норна, видимо, задыхалась от страшной муки и продолжала свою повесть отрывочными и невнятными фразами:

— Я покинула дом свой в полночь. Надо было пройти мимо двери в покой отца... Я заметила, что она приоткрыта... Я боялась, что он следит за нами... что шаги мои разбудят его... И я закрыла роковую дверь — пустой, малозначащий поступок, но, боже праведный, какие ужасные он имел последствия! Утром комната оказалась полной удушливого дыма, а отец мой — мертвым... Он умер... умер по моей вине, умер из-за моего непослушания, из-за моего преступления! Все, что последовало затем, было — туман и мрак. Этот удушающий, ядовитый, не дававший вздохнуть туман окутывал все, что я говорила и делала, все, что говорили и делали вокруг меня, пока я не поняла наконец, что судьба моя свершилась, и я не сделалась бесстрастным и страшным существом, властительницей стихий, разделяющей могущество с теми, что смеются над человеком и его страданиями. Так рыбаки смеются над муками акулы, когда, выколов ей глаза шипами, пускает ее, слепую и обезу-

мевшую, обратно в бурные волны родного моря.¹ Нет, говорю я, та, что стоит сейчас перед вами, равнодушна к безумным страстям, играющим вашими умами. Я та, которая принесла жертву. Я та, которая лишила дара жизни давшего мне этот дар. Собственной рукой осуществила я страшное предсказание, и нет мне больше места среди людей, ибо я — существо, превосходящее всех своим могуществом, но также и своими страданиями.

Пламя светильника, давно уже еле мерцавшее, на миг вспыхнуло ярким светом и, казалось, готово было погаснуть, когда Норна, прервав свою повесть, поспешно проговорила:

— Ни слова больше — он здесь, он здесь! Довольно того, что вы узнали, кто я и какое право имею советовать и приказывать вам. Являйся теперь, гордый дух, если хочешь.

С этими словами она задула светильник и вышла из комнаты обычной своей величавой походкой, что Минна заметила по мерному звуку ее удалявшихся шагов.

Глава XX

Так все, что прежде мы с тобой делили
Как сестры, клятвы и часы досуга,
Когда мы время горько упрекали,
Что разлучает нас, — ах, все забыто?

«Сон в летнюю ночь»²

Минна была глубоко потрясена страшным рассказом Норны, который связывал между собой и объяснял множество отрывочных сведений, слышанных ею прежде от отца и других близких родственников. Удивление ее, смешанное с ужасом, было так велико, что некоторое время она даже не пыталась загово-

¹ Подобную жестокость практикуют некоторые рыбаки, питающие мстительную ненависть к этим хищным рыбам. (*Прим. автора.*)

² Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

рять с Брендой. Когда же наконец она окликнула сестру по имени и, не получив ответа, коснулась ее руки, то почувствовала, что та холодна как лед. Страшно испуганная, Минна распахнула оконную раму, раскрыла ставни и, впустив в комнату одновременно и свежий воздух и бледный свет летней гинерборейской ночи, увидела, что Бренда лишилась чувств. В один миг все, что касалось Норны — ее страшная повесть, ее таинственное общение с потусторонним миром, — исчезло из сознания Минны, и она опрометью бросилась в комнату старой домоправительницы, чтобы позвать ее на помощь, не задумываясь над тем, что может ей встретиться в длинных темных коридорах, по которым ей надо было пройти.

Старая домоправительница не замедлила явиться на помощь Бренде и применить те средства, каких требовал согласно ее познаниям данный случай. Но нервы бедной девушки были так потрясены только что услышанной страшной повестью, что, едва очнувшись от обморока, она разрыдалась и, несмотря на все усилия овладеть собой, долго не могла успокоиться. Впрочем, и с этой новой бедой многоопытной Юфене Фи тоже удалось справиться. Хорошо знакомая с несложными снадобьями, какие применялись жителями Шетлендии, она дала Бренде выпить успокаивающий настой трав и диких цветов и добилась того, что больная наконец уснула. Минна легла рядом с сестрой, поцеловала ее в щеку и, в свою очередь, попыталась забыться сном; но чем настойчивее призывала она его, тем дальше, казалось, он бежал от ее глаз, и всякий раз, как ей удавалось задремать, голос невольной отцеубийцы снова раздавался в ее ушах и она пробуждалась в ужасе.

На следующий день, в тот ранний час, когда сестры имели обыкновение подыматься с постели, они выглядели совсем не так, как можно было ожидать. Крепкий сон восстановил жизнерадостный блеск в ясных глазах Бренды и розы на ее щеках: случайное недомогание прошлой ночи оставило так же мало следов на ее лице, как таинственные ужасы, рассказанные Норной, в ее душе. Минна, наоборот, выгля-

дела печальной, подавленной и была, видимо, измучена бессонницей и тревогой. Сначала сестры почти не говорили друг с другом, словно не смея коснуться такого страшного предмета, как события минувшей ночи. Лишь после того, как они помолились, что делали обычно вместе, и Бренда принялась зашнуровывать на Минне корсет — услуга, которую девушки постоянно оказывали друг другу при совершении туалета, — младшая сестра заметила бледность старшей. Убедившись после брошенного в зеркало взгляда, что сама она не выглядит такой измученной, она нежно поцеловала Минну в щеку и сказала:

— Клод Холкро был прав, дорогая, когда шутливо прозвал нас Ночью и Днем.

— Но почему ты говоришь это именно сейчас? — спросила Минна.

— Потому что каждая из нас смелее в ту пору, от которой получила свое имя. Я прошлой ночью чуть не умерла от страха, слушая ужасы, которым ты внимала с таким мужеством и твердостью, зато теперь, при ярком дневном свете, я вспоминаю о них совершенно спокойно, тогда как ты похожа на привидение, застигнутое восходом солнца.

— Счастлива ты, Бренда, — серьезно проговорила Минна, — что можешь так скоро забыть такие чудеса и ужасы.

— Забыть? Нет, такие ужасы не забываются, — ответила Бренда, — но будем надеяться, что расстроенное воображение несчастной женщины, которое так легко порождает призраки и видения, отяготило ее совесть воображаемым преступлением.

— Так ты, значит, не веришь в ее видение у Карликова камня, — сказала Минна, — когда об этой чудесной пещере сложено столько легенд и в течение многих веков она почитается делом рук демона и постоянным местом его пребывания?

— Я верю, — ответила Бренда, — что наша несчастная родственница не обманщица, и верю поэтому, что гроза в самом деле застала ее у Карликова камня, что она укрылась в нем и что во время обморока или дремоты ее посетило видение, навеян-

ное народными поверьями, в которых она так све-
дуща. Но чему-либо большему я, по правде говоря,
не могу верить.

— Но ведь то, что случилось впоследствии, — воз-
разила ей Минна, — полностью оправдало зловещие
предсказания призрака.

— Прости меня, — ответила Бренда, — но я уве-
рена, что видение никогда не приняло бы в ее глазах
столь отчетливого образа и, быть может, даже не со-
хранилось бы у нее в памяти, если бы не случив-
шееся вслед за этим несчастье. Она ведь сама сказа-
ла, что забыла про карлика и вспомнила о нем только
после ужасной смерти своего отца; а кто поручится,
не была ли бо́льшая доля того, что она, как казалось
ей, вспомнила, созданием ее собственного воображе-
ния, расстроенного страшным происшествием? А если
бы она в самом деле видела чудесного карлика и го-
ворила с ним, так уж, поверь мне, запомнила бы этот
разговор на всю жизнь. Уж я бы его, во всяком слу-
чае, запомнила.

— Бренда, — возразила ей Минна, — а слышала
ты, как наш добрый священник в церкви святого Кре-
ста говорил, что вся наша мудрость, когда она прила-
гается к тайнам, превышающим возможности разума,
хуже безумия и что если бы мы не верили в то, что
выше нашего понимания, то опровергали бы свиде-
тельства собственных чувств, которые на каждом
шагу позволяют нам наблюдать явления столь же
действительные, сколько и непознаваемые.

— Ты сама достаточно образованна, сестра, — от-
ветила Бренда, — чтобы не нуждаться в доводах на-
шего доброго священника, а потом мне кажется, что
слова его относились к таинствам нашей религии, ко-
торые мы должны принимать без рассуждений или
сомнений. А раз бог одарил нас разумом, так и при-
менять его в обыденной жизни, значит, не грех. Но
у тебя, дорогая Минна, такое пылкое воображение —
мне с тобой не сравниться, — вот ты и принимаешь
все чудесные истории за правду и любишь мечтать
о разных волшебниках, карликах и водяных духах;
да ты и сама была бы не прочь иметь при себе всегда

готового к услугам крошку трау, или эльфа, как их называют шотландцы, в зеленом плаще и с парой блестящих крылышек, отливающих радугой, словно перышки на шейке скворца.

— Ну, это, во всяком случае, избавило бы тебя от обязанности зашнуровывать мне корсет, — сказала Минна, — и к тому же зашнуровывать криво: посмотри, ты так увлеклась своими доказательствами, что пропустила две петельки.

— Ну, эту ошибку я сейчас поправлю, — ответила Бренда, — а затем, как выразился бы один наш приятель, я выберу втугую и закреплю снасти. . Только ты так тяжело вздыхаешь, что это не так-то просто сделать.

— Я вздохнула при мысли о том, — ответила несколько смущенная Минна, — как скоро ты стала шутить над несчастьями этой необыкновенной женщины и представлять их в смешном свете.

— Ну нет, видит бог, что я не шучу над ними, — возразила не без некоторого раздражения Бренда, — это ты, Минна, все, что я говорю серьезно и с искренним участием, перетолковываешь в дурную сторону. По-моему, Норна одарена удивительными способностями, которые, как это часто бывает, носят даже некоторый оттенок безумия. Я знаю, что во всей Шетлендии не сыщешь, пожалуй, другой женщины, которая так хорошо предсказывала бы погоду, а вот в то, что она имеет власть над стихиями, я верю не больше, чем детским сказкам о короле Эрике, который заставлял ветер дуть с той стороны, куда поворачивал свою шапку.

Минна, несколько раздосадованная столь упорным неверием своей сестры, довольно резко ответила:

— Значит, она, по-твоему, наполовину помешанная притворщица, а между тем ты слушаешься ее советов в том, что ближе всего твоему сердцу.

— Я не знаю, что ты хочешь этим сказать, — ответила Бренда, густо покраснев, и резко рванулась от сестры, но так как теперь была ее очередь подвергаться церемонии зашнуровывания, той ничего не стоило удержать ее за шелковую тесьму. Минна ла-

сково потрепала Бренду по затылку, и дрожь, пробежавшая при этом по плечам девушки, и краска, залившая их, обнаружили то невольное смущение, которое старшая сестра и хотела вызвать.

— Как странно, Бренда, — продолжала Минна уже более мягким тоном, — что после того, что позволил себе относительно нас этот Мордонт Мертон, и после того, как он имел наглость явиться без приглашения в дом, где присутствие его совсем нежелательно, ты все-таки смотришь на него и относишься к нему по-дружески. Да ведь уже это одно должно было бы доказать тебе, что на свете существуют такие вещи, как чары, и ты сама поддалась им. Недаром, видно, у Мордонта на шее цепь из волшебного золота. Поразмысли об этом, Бренда, и одумайся, пока еще не поздно.

— Никакого мне нет дела до Мордонта Мертона! — поспешно возразила Бренда. — И не все ли мне равно, что он или любой другой юноша носит на шее. Все золотые цепи всех бэйли Эдинбурга, о которых так много говорит леди Глоуроурам, не заставят меня влюбиться в кого-либо из них!

Отдав, таким образом, должную дань женской привычке оправдывать себя, подменяя частное общим, она тотчас же добавила совершенно иным тоном:

— Но послушай, Минна, говоря по правде, мне кажется, что ты, да и все остальные слишком поспешили осудить Мордонта: ведь он так долго был для нас самым близким другом. Поверь, он значит для меня не более, чем для тебя, да ты и сама прекрасно знаешь, что он не делал между нами никакой разницы, и есть у него там на шее золотая цепь или нет, а обращался он с нами всегда как брат с сестрами. Как смогла ты так сразу оттолкнуть его только потому, что этот моряк, совершенно нам чужой человек, о котором мы ничего не знаем, и ничтожный корабейник, о котором мы знаем, что он вор, сплетник и лжец, оклеветали Мордонта и насаждали о нем всяких гадостей! Я не верю, что он в самом деле говорил, будто может выбрать любую из нас и ждет только случая узнать, которой достанутся Бро-

Уэстра и Бреднесс-Воу, я не верю, что он мог говорить такие вещи или даже в мыслях мог выбирать между нами.

— Быть может, — холодно заметила Минна, — у тебя были основания считать, что его выбор уже сделан.

— Я не хочу этого даже слушать! — воскликнула Бренда, давая волю своей природной живости и вырываясь из рук Минны. Затем она повернулась к ней лицом, и яркая краска залила не только ее щеки, но и плечи и грудь, выступавшие из-за незашнурованной еще части корсета. — Я не хочу этого слушать даже от тебя, Минна! Ты знаешь, что всю жизнь я говорила одну правду, что я люблю правду, и повторяю тебе: никогда Мордонт Мертон не делал различия между тобой и мной до тех пор, пока не ..

Тут Бренда, словно вспомнив что-то, внезапно остановилась, и Минна с улыбкой спросила:

— Пока что, Бренда? Мне кажется, что твоя любовь к правде несколько смущена той мыслью, которую ты готова была высказать.

— Пока ты не перестала относиться к нему с той справедливостью, какой он заслуживает, — твердо заявила Бренда. — Вот что! Я уверена, что скоро он отнимет у тебя свою дружбу, которую ты так мало ценишь.

— Ну что же, — ответила Минна, — тогда, значит, тебе не страшно будет мое соперничество ни в дружбе, ни в любви. Но будь рассудительней, Бренда, дело совсем не в злословии Кливленда — он вообще неспособен на клевету — и не в сплетнях Снейлсфута: все наши друзья и знакомые в один голос утверждают, что по острову пошла молва, будто мы, дочери Магнуса Тройла, терпеливо ждем, когда безымянный и безродный чужестранец сделает между нами свой выбор. Но как можно допускать подобные слухи о нас! Ведь наш род восходит к норманским ярлам, мы — дочери первого юдаллера во всей Шетлендии! Да будь мы даже самыми бедными крестьянскими девушками, когда-либо державшими в руках подойник, так и то было бы недостойным нашей скромности и

девичьей чести отнестись равнодушно к подобным наветам.

— Мало ли что сочиняют всякие дураки, — с жаром ответила Бренда, — а я никогда не переменю мнения о старом друге из-за злых кумушек нашего острова, которые способны самые невинные поступки истолковать в самую худшую сторону.

— Но ты послушай только, что говорят наши друзья, что говорит леди Глоуроурам, послушай хотя бы Мэдди и Клару Гроутсеттар!

— Слушать леди Глоуроурам! — упрямо ответила Бренда. — Да у нее самый злой язык во всей Шетлендии, а что до Мэдди и Клары, так они были просто в восторге, когда Мордонт третьего дня оказался за столом между ними, как ты сама могла бы заметить, если бы внимание твое не было занято более приятным собеседником.

— Зато твое внимание было занято не слишком-то достойным образом, — возразила старшая сестра, — ты глаз не сводила с молодого человека, который, по мнению всех, кроме одной тебя, говорил о нас с самой дерзкой самоуверенностью. И даже если это обвинение несправедливо, то все равно леди Глоуроурам утверждают, что с твоей стороны было нескромно и даже неприлично смотреть туда, где он сидел, зная, что это может подтвердить оскорбительные слухи.

— А я буду смотреть куда захочу, — с возрастающим жаром ответила Бренда, — и не позволю леди Глоуроурам распоряжаться моими мыслями, моими словами и моими взглядами! Я считаю Мордонта Мертонна невинным и хочу смотреть на него как на невинного и говорить о нем как о невинном. А если я изменила свое обращение с ним, так только исполняя волю отца, а не из-за того, что думают леди Глоуроурам и ее племянницы, будь у нее их не две, а двадцать, как бы они там ни подмигивали, посмеивались, кивали и болтали по поводу того, что их вовсе не касается.

— Увы, Бренда, — спокойным голосом ответила ей Минна, — с такой горячностью не встают на защиту обыкновенного друга. Берегись! Тот, кто навсегда

лишил Норну душевного спокойствия, тоже был чужеземцем, и она полюбила его против воли родителей.

— Да, он был чужеземцем, — выразительно ответила Бренда, — но не только по рождению, а и по всему своему складу. Она не выросла с ним вместе и не научилась за годы многолетней близости ценить его доброту и правдивость. Он был в самом деле чужим — по характеру, нраву, рождению, манерам и образу мыслей. То был, наверно, какой-нибудь искалеченный приключений, случаем или бурей заброшенный на наши острова, который умел скрывать вероломное сердце под личиной чистосердечия. Дорогая сестра, остерегайся лучше сама — ведь в Боро-Уестре есть и иные чужеземцы, кроме бедного Мордонта Мертонна.

Минна с минуту молчала, словно ошеломленная быстротой и находчивостью, с какими сестра ответила на ее подозрения и предостережения. Однако природная гордость помогла ей произнести с наружным спокойствием:

— Если бы я относилась к тебе, Бренда, с тем же недоверием, с каким ты относишься ко мне, я могла бы ответить, что Кливленд так же мало значит для меня, как значили прежде Мордонт или юный Суортастер, Лоренс Эриксон и все прочие любимцы нашего отца. Но я считаю ниже своего достоинства обманывать тебя или скрывать свои мысли — я люблю Клементна Кливленда.

— О, не говори этого, моя дорогая, любимая сестра! — воскликнула Бренда, сразу забыв про колкости, которые ей только что наговорила, и обвивая руками шею Минны. — Не говори так, умоляю тебя! Я навсегда откажусь от Мордонта Мертонна, я поклянусь, что никогда не скажу ему больше ни слова, только не повторяй, что ты любишь этого Кливленда!

— А почему бы мне не повторять этого, — спросила Минна, ласково освобождаясь из объятий сестры, — если я горжусь этим чувством? Кливленд — человек отважный, сильный, энергичный, он привык повелевать и не знает страха... Ты боишься, что все эти качества принесут мне горе, но на самом деле они — залог моего счастья. Вспомни, Бренда, что если ты

всегда предпочитала прогулки по мягкому песчаному берегу тихим летним днем, для меня было наслаждением, стоя у края пропасти, созерцать бушующие волны.

— Но как раз этого-то я и боюсь, — сказала Бренда, — как раз этой твоей любви к опасностям. Она влечет тебя сейчас на край самой страшной из пропастей, в глубине которой когда-либо бушевали волны. Этот человек — не гляди так строго, я не скажу о нем ничего обидного — ведь он, даже по твоему собственному пристрастному суждению, непреклонен и властолюбив и привык, как ты сама сказала, повелевать; по этой самой причине он распоряжается там, где не имеет на то права, и стремится властвовать там, где ему следовало бы подчиняться. Он ищет опасностей, побуждаемый не какой-либо высокой целью, а потому, что его влечет к себе сама опасность. Как сможешь ты связать свою судьбу с такой буйной и непостоянной натурой, с человеком, чья жизнь до сих пор проходила среди кровавых приключений и риска и который, даже сидя рядом с тобой, не может скрыть своего нетерпения вернуться к ним снова? Помоему, для того, кто любит по-настоящему, любимая должна быть дороже собственной жизни, а для твоего героя, милая Минна, нет большего наслаждения, как убивать других.

— А если я за это как раз и люблю его? — спросила Минна. — Я истая дочь тех древних норманнок, которые с улыбкой посылали своих возлюбленных на бой и закалывали их своими руками, если они возвращались покрытые позором. Мой возлюбленный должен презирать те мнимые подвиги, в которых стремится проявить себя наше выродившееся поколение, а если и занимается ими, так только ради забавы, за неимением иных, более благородных и опасных предприятий. Мне не нужен охотник за китами или за птичьими гнездами, мой возлюбленный должен быть викингом или тем, кто в наши дни сможет быть таким же героем.

— Увы, милая Минна, — произнесла младшая сестра. — Вот когда начинаю я на самом деле верить

в силу колдовства и чар. Помнишь, у нас была одна испанская книга, и ты еще отняла ее у меня, так как я говорила, будто ты, восхищаясь древними норманскими рыцарями Скандинавии, похожа на чудака — героя этого рассказа. Ага, ты покраснела, значит тебя мучает совесть и ты помнишь книгу, о которой я говорю. А как ты думаешь, разве умнее принять ветряную мельницу за великана, чем капитана какого-то жалкого каперского судна — за норвежского богатыря или викинга?

Минна покраснела от гнева при подобном намеке, в котором она чувствовала, быть может, известную долю истины.

— Ну что же, — сказала она, — теперь, когда тебе известна моя тайна, ты можешь, конечно, оскорблять меня.

Чувствительное сердце Бренды не в силах было вынести столь несправедливый упрек. Она стала умолять сестру простить ее, и мягкосердечная Минна не могла не уступить ее просьбе.

— Какое несчастье, — сказала она, осушая слезы сестры, — что мы так различно смотрим на вещи; не будем же еще увеличивать свое горе взаимными оскорблениями и упреками. Тебе известна теперь моя тайна. Быть может, недолго уже оставаться ей тайной, ибо я открою своему отцу то, что он вправе знать, как только некоторые обстоятельства позволят мне сделать это. Итак, ты знаешь мой секрет, а я более чем подозреваю, что, в свою очередь, знаю твой, хотя ты в этом и не сознаешься.

— Как, Минна, — воскликнула Бренда, — неужели ты хочешь, чтобы я призналась, что питаю к кому-то чувство, на которое ты намекаешь? Да ведь он не сказал еще ни единого слова, которое могло бы оправдать подобное признание!

— Конечно, нет, но скрытый огонь можно угадать не только по пламени, но и по жару.

— О, тебе-то знакомы подобные признаки, — ответила Бренда, опустив голову и не устояв перед соблазном слегка уколоть Минну. — Впрочем, уверяю тебя, что если когда-нибудь я и полюблю, то только

после того, как меня не раз и не два станут умолять о взаимности, а этого до сих пор еще не случилось. Но не будем больше ссориться, а подумаем-ка лучше, с какой целью Норна рассказала нам эту ужасную историю и к чему, думает она, все это может привести?

— То было, пожалуй, предостережение, — ответила Минна, — предостережение, которое, казалось ей, она должна была нам сделать, в особенности — не скрою этого — мне. Но я сильна: мне порукой моя невинность и честь Кливленда.

Бренда хотела было возразить, что в последнем она далеко не так уверена, как в первом, но была достаточно осторожна и, не желая снова возобновить недавний тягостный спор, ответила только:

— Странно, что Норна ничего больше не сказала о своем возлюбленном. Не мог же он бросить ее в том ужасном состоянии, которого сам был виной?

— Человек может дойти до такой степени отчаяния, — ответила Минна после минутного раздумья, — душа может быть так потрясена, что перестает отзываться даже на те чувства, которыми была поглощена прежде. Ужас и отчаяние могли убить в сердце Норны ее чувство к любовнику.

— А может быть, он бежал с Шетлендских островов, опасаясь мести нашего отца? — прибавила Бренда.

— Если из страха или малодушия, — сказала Минна, возведя глаза к небу, — он способен был бежать от того несчастья, которого сам был причиной, то надеюсь, что он давно уже понес наказание, уготованное небом для самых низких и коварных изменников и трусов. Но пойдем — нас, наверное, уже ждут к завтраку.

Сестры взялись за руки и вышли, исполненные такого доверия и нежности друг к другу, каких давно уже не испытывали. Небольшая размолвка, происшедшая между ними, послужила своего рода *bouc-gasque*,¹ или внезапным шквалом, который разогнал туман и тучи и оставил после себя ясное небо.

¹ Порыв ветра, шквал (франц.).

По дороге в залу, где подан был завтрак, они решили, что не нужно, да и неосторожно было бы посвящать отца во все подробности ночного посещения Норны или дать ему заметить, что они теперь лучше, чем прежде, знакомы с ее печальной историей.

Глава XXI

Утехи те исчезли навсегда —
Их ум сгубил, умчали прочь года.
Уж ночью лунной эльфов хоровод
Передо мною больше не мелькнет
И, самый страшный плод воображенья,
Спокойно спит в могиле привиденье

«Библиотека»

Автор поучительных стихов, откуда мы заимствовали эпиграф к данной главе, касается чувства, которое, несомненно, найдет отзвук в сердце многих читателей, хотя, быть может, они и не отдают себе в этом отчета. Суеверие, когда оно не предстает перед нами во всем страшном обличье сопутствующих ему ужасов, а лишь слегка возбуждает воображение, таит в себе обаяние, о котором нельзя не пожалеть, даже на той ступени развития, когда вера в чудесное почти полностью изгнана светом разума и широко распространившегося просвещения. В былые же невежественные времена область таинственных страхов неотразимо влекла к себе тех, чья фантазия не имела других источников возбуждения. Особенно справедливо это по отношению к тем разновидностям мелких религиозных предрассудков и обрядов, которые примешивались к забавам прежних, менее просвещенных времен и, подобно гаданию в канун всех святых в Шотландии, одновременно и считались игрой и всерьез принимались за пророчество. С такими же чувствами люди даже достаточно образованные якобы в шутку посещают в наши дни гадалок, в действительности же далеко не всегда относятся к их ответам с достаточным скептицизмом.

Когда Минна и Бренда сошли в залу, предназначенную для завтрака, столь же обильного, как и описанный нами в предшествующее утро, и отец шутиво пожурил их за опоздание, они увидели, что гости, большинство которых уже покончило с едой, собирались заняться старинной норвежской игрой — обрядом как раз такого рода, о каком мы только что говорили.

Происхождение этой игры восходит, должно быть, к поэмам скальдов, где герои и героини то и дело отправляются узнавать свою судьбу у какой-нибудь колдуньи или прорицательницы, которая, как, например, в легенде, использованной Греем, в его «Происхождении Одина», силой рунических заклинаний пробуждает ту, что хранит тайны грядущего, и получает от нее ответы, часто достаточно двусмысленные, но содержавшие, по тогдашним понятиям, туманные указания на события будущего.

Приступая к игре, старую Юфену Фи, уже упомянутую нами домоправительницу Боро-Уестры, усадили в глубокой оконной нише, тщательно убранной и завешенной медвежьими шкурами и разными другими драпировками, что придавало ей некоторое сходство с лапландской юртой. Спереди было оставлено небольшое отверстие, похожее на оконце исповедальни, так что находившийся внутри прекрасно слышал вопрошавшего, но не видел его. Сидя в подобном убежище, сивилла должна была выслушивать вопросы и тут же давать на них импровизированные ответы в стихах.

Считалось, что занавески скрывают от нее говорящего, поэтому, если умышленно или нечаянно ответ получался впадом, это часто вызывало взрывы смеха, а порой давало пищу для более серьезных размышлений. Предсказательница избиралась обычно из лиц, одаренных талантом импровизации в духе древней норвежской поэзии, что, впрочем, не представляло особой редкости, ибо многие знали на память огромное количество старинных стихов, а правила норвежского стихосложения чрезвычайно просты. Вопросы также должны были задаваться в виде

стихотворений, но хотя способность импровизировать и была широко распространена среди присутствующих, далеко не все владели подобным талантом, любой вопрошавший имел право просить помощи посредника, или переводчика. Такой посредник брал за руку вопрошавшего, подходил вместе с ним к отверстию, откуда изрекались пророчества оракула, и передавал смысл вопроса в виде стихотворений.

В данном случае собравшиеся стали дружно просить Клода Холкро взять на себя роль подобного переводчика. Покачив головой и пробормотав, что не надеется на свою память и собственные поэтические способности, чему, однако, не переставала противоречить его самодовольная улыбка, веселый поэт, поощряемый всеобщими просьбами, вышел наконец вперед и приготовился играть свою роль в предстоящем представлении.

Но не успел он начать, как в распределении ролей произошла разительная перемена. Норна из Фитфул-Хэда, которая, как предполагали все присутствующие, кроме Минны и Бренды, находилась на расстоянии многих миль от Боро-Уестры, внезапно и никого не приветствуя вошла в комнату, торжественно направилась прямо к завешенному медвежьими шкурами шатру и знаком приказала сидевшей в нем женщине удалиться из этого святилища. Старая домоправительница вышла, тряся головой и дрожа от страха, да и не многие из присутствующих сохранили полнейшее спокойствие при появлении той, кого все знали и боялись.

Норна на мгновение остановилась у входа в палатку и, приподняв закрывавшую ее медвежью шкуру, повернулась лицом к северу, словно испрашивая у этой страны света нужное ей вдохновение; затем, сделав удивленным гостям знак, что они могут по очереди подходить к шатру, в котором она готовилась занять место, Норна вошла внутрь и скрылась из глаз.

Теперь забава приняла совсем другой оборот, чем предполагалось вначале, и для большинства приоб-

рела несравненно более глубокое значение, нежели простая игра, так что никто не выказывал особой готовности задавать вопросы оракулу. Самый характер Норны и притязания ее на сверхъестественное могущество казались почти всем присутствующим слишком серьезными для той роли, которую она взяла на себя; мужчины стояли, перешептываясь друг с другом, а женщины, по мнению Клода Холкро, олицетворяли картину, описанную достославным Джоном Драйденом:

От страха трепеща, друг к другу жались.

Наконец молчание прервал громкий и мужественный голос юдаллера:

— Ну что же, почтеннейшие гости, почему вы не начинаете игру? Или вас напугало, что моя уважаемая родственница захотела быть нашей сивиллой? По-моему, так это даже очень мило с ее стороны, большая для нас любезность: ведь никто на островах не сыграет так хорошо роли оракула. Неужели же мы из-за этого откажемся от своей забавы? Ведь теперь она стала еще интереснее.

Собравшиеся продолжали, однако, молчать, и Магнус Тройл добавил:

— Ну, так нет же, никто не посмеет сказать, что моя уважаемая родственница сидела в своем шатре без всякого внимания, как какая-нибудь старая горная великанша, а у всех от страха язык отнялся. Я сам первый заговорю с ней, вот только стихи уж теперь не так хорошо выходят у меня, как лет двадцать назад; придется уж тебе, Холкро, прийти мне на помощь.

Рука об руку приблизились они к святилищу предполагаемой сивиллы, и после минутного совещания Холкро высказал вслух вопрос своего друга и покровителя. Юдаллер, как большинство состоятельных жителей Шетлендии, о которых сэр Роберт Сибболд говорит, что они с малых лет приучались к торговому делу и мореходству, вложил немалые средства в китобойный промысел и хотел теперь узнать, каковы

будут его успехи текущим летом, а потому и попросил поэта задать оракулу соответствующий вопрос, придав ему стихотворную форму.

К л о д Х о л к р о

Все открой нам, все поведай,
О сивилла Фитфул-Хэда!
В край негаснувшей зари
Вещим оком посмотри,
Там, среди плавучих льдов,
У гренландских берегов,
Видишь, мчится черный кит,
И корабль за ним летит?
Нам судьбу его поведай,
О сивилла Фитфул-Хэда!

Игра, казалось, приняла серьезный оборот; все насторожились, чтобы выслушать ответ Норны, которая, ни минуты не задумываясь, произнесла из глупины шатра:

Н о р н а

У старца все думы о разных делах —
Земле, рыболовстве, стадах и полях,
Но пусть хороши и посевы и скот,
А старец в отчаянье волосы рвет.

На мгновение воцарилось молчание, во время которого Триптолемус успел прошептать:

— Да пусть бы целый десяток ведьм и столько же гадалок в придачу клялись в такой глупости, а я никогда не поверю, что здравомыслящий человек будет рвать на себе волосы и убиваться, когда со скотиной и посевами у него все в порядке.

Но тут из шатра вновь послышался низкий и монотонный голос, прервавший дальнейшие речи Триптолемуса:

Н о р н а

С завидной добычей корабль наш летит,
Исландские воды корабль бороздит,

человекам не рассказал о том, что «Олаф» имеет уже полный груз.

— Но если хоть один из этих трех, в свою очередь, передал дальше эту новость — а я ставлю два против одного, что так оно и было, — так пророчество нетрудно досталось почтенной леди.

Так говорил Кливленд, обращаясь к Магнусу Тройлу, который выслушал его без особенного одобрения. Любовь Магнуса к родине простиралась и на ее суеверия, а в своей несчастной родственнице он принимал горячее участие и если сам никогда не поддерживал веру в ее сверхъестественное могущество, то, во всяком случае, не желал слышать, как в нем сомневались другие.

— Норна — моя двоюродная сестра, — сказал он, делая особое ударение на последнем слове, — и не поддерживает никаких сношений с Брайсом Снейлсфутом и ему подобными. Я не берусь объяснять, каким путем получила она свои сведения, но я не раз замечал, что шотландцы, да и вообще всякие чужеземцы, попадая к нам на острова, всегда готовы найти объяснение для вещей, которые остаются далеко не ясными даже для нас, чьи предки испокон веков жили на архипелаге.

Капитан Кливленд понял намек и поклонился, не пытаясь дальше отстаивать свои скептические воззрения.

— А теперь давайте продолжать игру, любезные гости, — сказал юдаллер. — Каждому желаю узнать столь же приятную новость, какая прилась на мою долю. Три кита... Сколько же это с них бочек жира?

Никто из гостей не проявил, однако, особого желания последовать примеру Магнуса Тройла и обратиться к сидящему за занавеской оракулу.

— Некоторые готовы слушать приятные вести хотя бы из уст самого дьявола, — произнесла миссис Бэйби Йеллоули, обращаясь к леди Глоуроурам, с которой ее сблизило некоторое сходство характеров. — Но только сдается мне, миледи, что все это

слишком уж пахнет колдовством, и таким добрым христианкам, миледи, как мы с вами, нечего поощрять подобные вещи.

— Может, отчасти вы и правы, сударыня, — возразила почтенная леди Глоуроурам, — но только мы, жители Хиалтландии, не совсем таковы, как все прочие народы. Пусть эта женщина в самом деле колдунья, но она друг и близкая родня нашего фоуда, и он еще обидится на нас, если мы не спросим о своей судьбе, как все прочие; пожалуй, и моим племянницам придется последовать общему примеру. Ну, вреда-то им от этого не будет. А если тут и есть что плохое, так успеют они еще покаяться, когда настанет время, миссис Йеллоули.

Гости продолжали смущаться и робеть, и Клод Холкро заметил, как нахмурился старый юдаллер и как нетерпеливо стал постукивать правой ногой, словно с трудом удерживаясь как бы не топнуть. Увидев, что терпению Магнуса приходит конец, старый поэт отважно заявил, что он сам собственной персоной, а не только как выразитель чужой мысли, задаст пифии вопрос.

Подумав с минуту, словно подбирая рифмы, он обратился к ней со следующими словами:

Клод Холкро

Все открой нам, все поведай,
О сивилла Фитфул-Хэда!
Много знаешь ты стихов,
Переживших тьму веков.
Что же, как певцы бывшие,
Как Гакон — Уста Златые,
Я, Хиалтландии поэт,
Буду ль жить в веках иль нет?
Хоть одной строкой, по праву,
Разделю ль я Джона славу?

Сивилла тотчас же ответила из недр своего святилища:

Норна

Дитя стремится к погремушке,
У старости — свои игрушки,
И струны на различный лад
Под разною рукой звучат
Орел под облака летит,
Гагара ж бедная скользит
У низких мелей и камней,
Где лишь тюлени внемлют ей.

Холкро закусил губу, пожал плечами, но тотчас же опять развеселился и, вновь обретя порожденную давней привычкой способность быстро слагать импровизированные стихи, впрочем — достаточно посредственные, не смущаясь, ответил:

Клод Холкро

Пусть быть гагарой — роль моя,
Жить среди скал согласен я.
Зато безвестный мой удел
Хранит меня от пуль и стрел.
А песни, хоть и плохи, в лад
С волною Севера звучат
Когда же там, в горах нагих,
Случайный путник слышит их,
Прибоя шумом смягчены,
Они гармонии полны

Когда маленький бард, закончив свою импровизацию, с довольным видом поспешил смешаться с толпой гостей, тот остроумный способ, каким он ответил на сравнение его с полярной гагарой, встретил всеобщее одобрение. Несмотря, однако, на его храброе самопожертвование, ни у кого больше не нашлось достаточно мужества, чтобы спросить о своей судьбе грозную Норну.

— Ничтожные трусы! — воскликнул юдаллер. — А вы что же, капитан Кливленд, тоже боитесь говорить со старой женщиной? Ну, спросите же ее о чем-нибудь, хотя бы о двадцатипушечном шлюпе, что стоит в Кёркуолле, не ваш ли это консорт?

Кливленд взглянул на Минну и, поняв, должно быть, что она с тревогой ждет его ответа, после минутного раздумья решительно сказал:

— Я никогда не испытывал страха ни перед мужчиной, ни перед женщиной. Мистер Холкро, вы слышали вопрос, который нашему хозяину желательно, чтобы я задал: задайте его от моего имени своими собственными словами, ибо я так же мало разбираюсь в поэзии, как и в воровстве.

Холкро не заставил себя просить дважды и, схватив капитана за руку, согласно обычаю, предписанному игрой, задал вопрос, продиктованный Кливленду юдаллером, выразив его следующим образом:

К л о д Х о л к р о

Все открой нам, все поведай,
О сивилла Фитфул-Хэда!
Из стран далеких к нам в Керкуолл
Вооруженный шлюп зашел
На нем орудий грозный ряд,
На людях — дорогой наряд
И много всякого добра,
И золота и серебра
Скажи, не связан ли судьбой
С тем шлюпом друг отважный мой?

На этот раз последовало более длительное, чем обычно, молчание, а когда сивилла наконец ответила, то еще более глухим, хотя столь же твердым, как и в предыдущих случаях, голосом:

Н о р н а

Как солнце, золото горит,
Потоком темным кровь бежит
В Сент-Магнусе сокола видела я,
В добычу вонзил он когтей остря,
Ей грудь растерзал и умчался злодей,
И капала кровь с его страшных когтей.
На руку приятеля ты взгляни,
Если кровь на ней — шайке он той сродни.

Кливленд презрительно усмехнулся и протянул руку:

— Не многим случалось так часто иметь дело с Guarda Costas,¹ как мне, всякий раз, как я бывал в Новой Испании, но никогда на моей руке не было пятен, которые нельзя было бы стереть мокрым полотенцем.

Тут раздался зычный голос юдаллера:

— Да, никакого сладу нет с этими испанцами по ту сторону экватора. Сотни раз слышал я это от капитана Трагендена и доброго старого коммодора Рюммелара. Оба они побывали и в Гондурасском заливе и во всех тех местах. Я сам ненавижу испанцев с тех пор, как они явились сюда и дочиста ограбили жителей острова Фэр-Айл в 1588 году.² Мне еще дед мой об этом рассказывал. Где-то у меня валяется старая история Голландии, так в ней написано, какие дела творили они в Нидерландах в былые годы. Жестокие и бесчестные негодяи!

— Верно, верно, мой старый друг, — подтвердил Кливленд, — они так же ревниво оберегают свои владения в Индии, как старик — молодую жену; и если только им удастся в силу несчастных обстоятельств захватить вас, то вы так и сгниете у них в рудниках. Вот мы и сражаемся с ними, гвоздями прибив наш флаг к мачте.

— И правильно делаете! — громко одобрил его юдаллер. — Старый британский флаг нельзя никогда спускать. Как подумаю я о твердыне английского флота, так готов чувствовать себя англичанином, да только это означало бы уж больно смахивать на наших соседей шотландцев. Ну, ну, я ведь никого

¹ Береговой охраной (*исп.*).

² Адмирал Испанской Армады потерпел крушение у острова Фэр-Айл на полпути между Оркнейским и Шетлендским архипелагами. Герцог Медина Сидония высадился со своими людьми на берег и отобрал у жителей острова все припасы, сделанные ими на зиму. В народе помнят, как эти непрощенные гости оставались на острове вопреки воле жителей и в весьма неприязненных с ними отношениях до самой весны, когда убрались наконец восвояси. (*Прим. автора*)

не хочу обидеть, все мы здесь джентльмены, все — друзья, все — дорогие гости. А теперь, Бренда, выходи-ка ты в свой черед гадать: всем известно, сколько норвежских стихов ты знаешь на память.

— Но они никак не подходят к этой забаве, баяшка, — промолвила, отступая, Бренда.

— Вздор, — заявил Магнус, подталкивая девушку вперед, в то время как Холкро почти силой овладел ее рукой, — несвоевременная скромность может только испортить веселую игру. Говори за нее, Холкро, это ведь как раз твое дело — угадывать девичьи мысли.

Старый певец отвесил поклон юной красавице с восторженной почтительностью поэта и любезностью человека, повидавшего свет, и, шепнув ей, что она ни в коем случае не будет в ответе за те глупости, которые он может сболтнуть, на мгновение умолк, поднял глаза к небу, затем самодовольно улыбнулся, словно его внезапно осенило вдохновение, и разразился следующими стихами:

К л о д Х о л к р о

Покинув грозный Фитфул-Хэд,
Дай нам, о Норна, свой ответ.
Сама прекрасно знаешь ты,
Как робко слово красоты.
Так речь ты медом подсласти,
Шелк, золото в нее вплети
И отвечай: дано ль любить,
Дано ль счастливой Бренде быть?

Прорицательница тотчас же ответила из-за своих занавесок:

Н о р н а

Душа красавицы невинна,
Как Роны снежная вершина:
И безмятежна и чиста
Ее нагая высота.

Но поцелуев вешних неба
Растопит те кристаллы снега,
И ключ низринется с высот,
Цветам он влагу принесет,
Траве — прохладу, радость — стаду
И крову пастуха — отраду.

— Вот приятное прорицание и как нельзя лучше выраженное! — воскликнул юдаллер, удерживая вспыхнувшую от смущения Бренду, которая тщетно пыталась скрыться. — Тут нечего конфузиться, дитя мое. Стать хозяйкой в доме честного человека и способствовать продолжению древнего норвежского рода, радовать соседей, помогать бедным и облегчать участь странников — вот самая лучшая судьба для молодой девушки, и я от всей души желаю ее всем присутствующим. Ну, кто же следующий? А ведь сейчас будут предсказываться суженые! Ну-ка, Мэдди Гроутсеттар, или ты, прелестная Клара, подходите, и на вашу долю достанется.

Леди Глоуроурам покачала головой и промолвила, что «право же, она не может одобрить...»

— Ну ладно, ладно, — ответил юдаллер, — никого здесь не принуждают. Но играть мы будем до тех пор, пока нам не надоест. Поди-ка сюда, Минна, тобой-то уж я вправе распоряжаться. Выходи вперед, дитя мое; многое есть на свете, чего следовало бы стыдиться куда больше, чем этой старомодной и безобидной забавы, а говорить за тебя буду я сам, хоть не знаю, вспомню ли подходящие к случаю стихи.

Минна слегка покраснела, но тотчас же овладела собой и встала, гордо выпрямившись, рядом с отцом, словно считая себя выше тех безобидных шуток, которые могло бы вызвать ее положение.

Отец ее долго потирал себе лоб и производил другие манипуляции, словно этим механическим путем старался освежить свою память. Наконец он склеил вместе достаточно строк, чтобы задать следующий вопрос, хотя далеко не в такой поэтической форме, как Клод Холкро:

Магнус Тройл

Поскорее дай ответ,
Ждать нам свадьбы или нет;
Здесь красotka знать желает,
Что судьба ей обещает.

Глубокий вздох раздался внутри шатра, скрывавшего предсказательницу, словно она сожалела о той, чью судьбу вынуждена была предсказывать. Затем она, как обычно, ответила:

Норна

Душа красавицы невинна,
Как Роны снежная вершина,
Что в светлом небе так ясна,
Как будто часть небес она.
Но страсти мартовские грозы
Сомнут в венке прелестном розы,
Глядишь — и вид уже не тот:
Бегут потоки мутных вод
И низвергаются с вершины,
Погибель принося в долины.

Магнус, услышав подобный ответ, рассердился.

— Клянусь костями мученика! — воскликнул он, и гордое лицо его сразу побагровело. — Это уже значит злоупотреблять моей добротой! И если бы не ты, а кто другой осмелился произнести рядом с именем моей дочери слово «погибель», так лучше бы он вообще не возвышал голоса! Но вылезай-ка из своего логова, старая колдунья, — прибавил он уже с улыбкой, — я мог бы заранее знать, что тебя недолго будет занимать веселая забава. Ну, да ладно уж, бог с тобой!

Не получив ответа и подождав еще с минуту, Магнус снова обратился к Норне:

— Ну, не обижайся на меня, сестрица, что у меня с языка сорвалось резкое слово, ты же знаешь, я никому не желаю зла, а меньше всего — тебе. Выходи же, и пожмем друг другу руки. Да если бы ты

предсказала мне гибель моего судна и шлюпок или плохой лов сельди, так я стерпел бы молча, но Минна и Бренда... ты знаешь, как близки они моему сердцу. Ну, выходи, дай руку — и забудем о том, что было.

Норна не ответила и на это вторичное обращение, и присутствующие стали с некоторым изумлением переглядываться; тогда юдаллер поднял шкуру, закрывавшую вход в шатер, и обнаружил, что он пуст. Все были поражены и даже испуганы, ибо казалось совершенно невозможным, чтобы Норна могла незаметно ускользнуть из своего убежища. Однако она все-таки исчезла, и юдаллер после минутного раздумья снова опустил меховую завесу над входом в нишу.

— Друзья мои, — сказал он с веселым видом, — все мы давно знаем мою почтенную родственницу, знаем, что ведет она себя не так, как все остальные. Но Хиалтландии она желает только добра и по-родственному привязана ко мне и к моей семье. Пусть же никто из моих гостей не боится ее и не обижается на нее. Я даже не сомневаюсь, что она сегодня же явится опять к обеду.

— Вот уж боже упаси! — воскликнула миссис Бэйби Йеллоули. — Ибо, дорогая моя леди Глоуроурам, говоря вашей милости правду, так не очень-то мне по душе такие особы, что являются и исчезают, как луч солнца, или проносятся, как порыв ветра.

— Тише, тише, — ответила леди Глоуроурам, — надо еще благодарить небо, что эта бродяжка не унесла с собой самых стен этого дома. Такие, как она, еще и похуже штуки умеют устраивать, да только она-то сама почище их всех будет.

Такие же толки раздавались и среди прочих присутствующих, пока юдаллер не возвысил свой зычный и повелительный голос и не заставил своих гостей замолчать, пригласив их — или, вернее, приказав им — следовать за собой на берег, посмотреть, как рыбацьи парусники выйдут в море на *хааф*, или дальние промыслы.

— С самого восхода солнца, — сказал он, — ветер был сильный и задерживал суда в бухте, а теперь он переменился, и они смогут выйти в море.

Внезапное изменение погоды вызвало многочисленны кивки и подмигиванья, ибо гости не замедлили сопоставить его с внезапным исчезновением Норны. Никто, однако, не позволил себе ни малейшего неприятного для юдаллера замечания, и все последовали вслед за величаво выступавшим Магнусом на взморье, словно стадо оленей за вожаком, выражая всем своим видом глубочайшее почтение к хозяину.

Глава XXII

Усмешка дьявольская на устах
Внушает бешенство и тайный страх.
А если гневно изогнется бровь,
Беги, надежда, и прости, любовь!

«Корсар», песнь I¹

Главное занятие жителей Шетлендских островов — ловля тресковых и морской щуки, и от этого промысла в прежние времена богатели хозяева и кормился народ. Подобно тому как пора жатвы в земледельческих странах, так здесь пора рыбной ловли — самое важное, самое деятельное и вместе с тем самое веселое время года.

Рыбаки каждого округа собираются тогда в определенных местах побережья со своими лодками и командой и возводят небольшие хижины из булыжника, покрытые дерном, для своего временного жилья и скио для вяленья рыбы, так что пустынный до того берег сразу превращается в нечто похожее на поселение диких индейцев.

Рыболовные банки, к которым шетлендцы отправляются на *хааф*, или дальний промысел, часто лежат на расстоянии многих миль от того места, где сушат рыбу, так что рыбаки нередко отсутствуют и двадцать и тридцать часов, а порой и еще дольше; при неблагоприятных условиях ветра и приливо-отливных течений они остаются в море на своих весьма

¹ Перевод А. Оношкович-Яцыны.

утлых посудинах и с очень скудным запасом провизии по двое и даже по трое суток, а порой и вовсе не возвращаются. Поэтому отплытие на дальние промыслы, связанные с такими опасностями и лишениями, представляют собой весьма волнующую и не лишенную трагизма картину, а тревога женщин, которые, оставаясь на берегу, следят, как исчезает в морском тумане знакомый парус или напряженно вглядываются вдаль, ожидая его возвращения, придает всему происходящему в высшей степени патетический характер.¹

Когда юдаллер и его друзья появились на берегу, кругом царило тревожное оживление. Команды примерно трех десятков суденышек, численностью каждая от трех до пяти-шести человек, прощались со своими женами и родственницами и прыгали на борт узких норвежских лодок, где уже заранее были сложены их снасти и снаряжение. Магнус не оставался бесстрастным наблюдателем окружающего. Он переходил от одной группы рыбаков к другой, осведомляясь о состоянии их припасов на дорогу и рыболовных снастей. Порой, уснащая свою речь крепким голландским или норвежским словечком, он обзывал их болванами за то, что идут в море без достаточного

¹ Доктор Эдмондсетн, автор «Обзора прошлого и настоящего состояния Шетлендских островов», показал эту сторону дела в весьма трогательном свете. «Поистине тяжело смотреть, — говорит он, — на тревогу и отчаяние жен этих несчастных рыбаков, когда наступает шторм. Невзирая на усталость, они покидают свои жилища и бегут туда, где должен причалить муж, или взбираются на вершину скалы, ища его взором среди морской пучины. Когда же мелькнет вдалеке парус, с замиранием сердца следят они, как он то появляется, то исчезает в волнах, и хотя тревога их часто оканчивается благополучным прибытием ожидаемого супруга, порой, однако, на долю их выпадает «ждать парус, который не вернется». В силу крайне изменчивого климата и необходимости выходить в море, по самой природе своей весьма бурное и с чрезвычайно быстрыми течениями, редкий период лова обходится без несчастного случая или спасения от почти неминуемой гибели». — «Обзор.. и т. д. Шетлендских островов», том I, стр. 238. Множество любопытных подробностей, относящихся к рыболовству и земледелию Шетландии, а также к ее древностям, можно найти в вышеупомянутом нами сочинении. (Прим. автора)

снабжения, но всегда, однако, кончал приказанием принести из своих собственных кладовых галлон джина, лиспанд муки или еще что-либо необходимое для пополнения их морских запасов.

Суровые моряки, получившие подобную помощь, благодарили двумя-тремя отрывисто сказанными словами, что, впрочем, больше всего было по нраву юдаллеру. Женщины, однако, выражали свою признательность значительно более шумно, так что Магнусу зачастую приходилось обрывать их излишние, посылая к черту все женские языки, начиная с прама матери Евы.

Все наконец оказались на борту и наготове, паруса были подняты, команда для отплытия дана, гребцы налегли на весла, и маленькая флотилия двинулась от берега; каждый старался при этом опередить других, первым достигнуть промысловой банки и забросить свою снасть, ибо это считалось счастливой приметой.

До тех пор, пока их еще можно было расслышать с берега, рыбаки пели подходящую к случаю старинную норвежскую песню, которую Клод Холкро перевел следующим образом:

Отныне, красотки, удел ваш — печаль:
Из Уестры уходим мы в темную даль
И вытерпим много пред тем, как опять
В Данроснесс родимый вернемся плясать.

Теперь же в ладьях из норвежской сосны
С дельфинами вместе плясать мы должны.
И ветер (эй, легче!) нам в трубы трубит,
И с песнями чайка над нами летит.

Пой, чайка, над нами махая крылом,
Пока мы от банки до банки плывем.
Мы двадцать раз двадцать насадим крючков,
Пой, чайка, с тобой мы поделим улов.

Мы с песней бросаем на дно перемет
И с песнею тянем обратно из вод:
Треску — беднякам, а сигов — для господ,
А доброму Магнусу — славный доход!

Вперед же, товарищи, скоро опять
В Данроснесс родной мы вернемся плясать.
Мы будни украсим веселья огнем,
И Магнусу Тройлу мы славу споем.

Простые слова этой песни скоро потонули в рокоте волн, но напев долго еще доносился с порывами ветра, сливаясь с его шумом и плеском прибоя; рыбацьи лодки мало-помалу превратились в черные пятна на поверхности океана, постепенно уменьшавшиеся по мере того, как они все дальше и дальше уходили в открытое море, в то время как ухо уже едва различало звуки человеческого голоса, почти потонувшего среди голосов стихии.

Жены рыбаков, которые до последней минуты следили за уходящими парусами, теперь, подавленные и озабоченные, медленными шагами направились к своим лачужкам, где им предстояло приготовить все для разделки и сушки рыбы, с богатым уловом которой, как они надеялись, вернутся их мужья и соседи. То тут, то там какая-нибудь умудренная опытом старая сивилла предсказывала, глядя на небо, будет ли тихо или разыграется шторм, в то время как другие советовали произнести обет в церкви святого Ниниана ради благополучного возвращения людей и лодок — таков был старый католический предрассудок, который не вполне еще исчез. Некоторые, правда шепотом и с опаской, сетовали, что сегодня утром в замке рассердили Норну из Фитфул-Хэда и позволили ей недовольной уйти из Боро-Уэстры; «и надо же было, — прибавляли они, — случиться такому греху изо всех дней в году как раз в день ухода на дальние промыслы».

Благородные гости Магнуса Тройла провели некоторое время на берегу, наблюдая отплытие маленькой флотилии и беседуя с бедными женщинами, проводившими своих близких. Затем они разбились на отдельные группы и разбрелись в разные стороны, куда кого влекла его прихоть, чтобы полюбоваться тем, что может быть названо *clair-obscur*, или светотенью шетлендского летнего дня, которая, хотя и

лишена яркого солнечного сиянья, украшающего другие страны в прекраснейшую пору года, обладает, однако, своей собственной прелестью, в одно и то же время и смягчая и придавая несколько грустный оттенок окружающей местности, пустынной, нагой и однообразной, но вместе с тем, несмотря на всю свою бесплодность, — величественной.

Минна Тройл и капитан Кливленд направились к одному из самых укромных уголков побережья, где море глубоко врзается между скал и во время прилива заходит даже в Суортастерский *хелиер*, или грот. Молодые люди выбрали эту прогулку, очевидно, потому, что здесь мало кто мог нарушить их уединение: сила приливов и отливов делала это место не пригодным ни для рыболовства, ни для плавания, а пешеходы избегали этого побережья, ибо оно считалось обиталищем русалки — существа, одаренного, по норвежским поверьям, волшебной силой, но лукавого и опасного. Сюда поэтому и направили свои стопы Минна и ее возлюбленный.

Небольшая полоска молочно-белого пёска тянулась у подножья одной из отвесных скал, возвышавшихся неприступными стенами с обеих сторон бухты, и представляла собой сухую, плотную и удобную для ходьбы дорожку примерно в сотню ярдов длины. С одной стороны она ограничивалась темной водной поверхностью залива, которая, едва тронутая ветром, казалась гладкой, как зеркало. Обрамляли ее два величественных утеса — два выступа, образующие как бы челюсти бухты; высоко наверху они сближались друг с другом, словно желая соединиться над мрачными, разделяющими их водами. С другого конца дорожку замыкала огромная отвесная, почти неприступная скала, обиталище сотен морских птиц различных пород. В глубине разевал свою пасть громадный хелиер, словно готовый поглотить приливные волны своей бездонной и неизмеримой утробой. Вход в этот мрачный грот представлял собой не единую арку, как бывает обычно, а был разделен надвое огромным естественным гранитным столбом, который, подымаясь из воды и достигая самого свода

пещеры, казалось, поддерживал его, образуя нечто вроде двойного портала, за что рыбаки и крестьяне грубо прозвали этот хелиер «Чертовы ноздри». Здесь, на диком и пустынном побережье, где уединение нарушалось лишь криками морских птиц, Кливленд не раз уже встречался с Минной Тройл. Здесь было любимое место ее прогулок, ибо она питала особое пристрастие ко всему дикому, печальному и необычному. Сейчас, однако, молодые люди были так поглощены серьезным разговором, что ни он, ни она не обращали внимания на окружающее.

— Вы не можете отрицать, — сказала Минна, — что дали волю своим чувствам и были предубеждены против этого юноши и резки с ним. Предубеждение это несправедливо, по крайней мере постольку, поскольку речь идет о вас, а резкость — одновременно и неразумна и ничем не оправдана.

— Мне казалось, — отвечал Кливленд, — что услуга, которую я оказал ему вчера, избавляет меня от подобного обвинения. Я не говорю о том риске, какому подвергался сам, ибо я вел жизнь, полную опасностей, и люблю их. Не всякий, однако, решился бы приблизиться к разъяренному животному ради спасения человека, с которым не связан никакими узами.

— Не каждый, разумеется, сумел бы спасти его, — продолжала Минна серьезным тоном, — но каждый храбрый и великодушный мужчина попытался бы сделать это. Даже легкомысленный и беспечный Клод Холкро совершил бы то же, что и вы, будь у него столько же силы, сколько мужества. Мой отец — тоже, хотя и у него есть причины не любить Мертон за его тщеславное и хвастливое злоупотребление нашим гостеприимством. Не гордитесь поэтому чрезмерно своим подвигом, дорогой друг мой, иначе я подумаю, что он стоил вам слишком большого усилия. Я знаю, что вы не любите Мордонта Мертон, хотя и рисковали жизнью, чтобы спасти его.

— Неужели же вы не окажете мне снисхождения, приняв во внимание те бесконечные муки, которые вынужден был я испытывать, слыша изо всех уст, что этот безусый птицелов стоит между мной и са-

мым дорогим для меня на свете, любовью Минны Тройл?

Он говорил одновременно и страстно и вкрадчиво, в манерах его проявлялись теперь изящество и грация, а самые выражения представляли резкий контраст с речью и манерами грубого моряка, которыми он щеголял обычно. Но оправдания его не удовлетворили Минну.

— Вы знали, — сказала она, — вы даже, может быть, слишком скоро и слишком хорошо узнали, как мало могли бояться — если вы действительно боялись того, — что Мертон или кто-либо другой встанет между вами и Минной Тройл. Нет, не надо ни благодарности, ни торжественных заверений. Лучшим доказательством вашей преданности будет для меня обещание примириться с этим юношей или по крайней мере избегать столкновений с ним.

— Стагь нам друзьями? Нет, это невозможно, — возразил Кливленд. — Даже любовь моя к вам — самое могучее чувство, которое я когда-либо испытывал, и та не в силах совершить такого чуда.

— Но почему же, скажите, прошу вас? — настаивала Минна. — Между вами не было открытой ссоры, наоборот, вы оказали друг другу важные услуги, почему же вы не можете стать друзьями? А у меня много причин желать этого.

— А вы сами, можете и вы простить оскорбления, которые он нанес Бренде, и вам, и дому вашего отца?

— Да, я могу простить все это, — ответила Минна, — и не знаю, почему не хотите сделать этого вы, ибо, по совести говоря, вам не было нанесено никакого оскорбления.

Кливленд опустил глаза и на минуту задумался; затем он снова поднял голову и ответил:

— Я легко мог бы обмануть вас, Минна, и пообещать вам то, что в душе считаю невозможным. Но я слишком много вынужден был лукавить с другими и не хочу обманывать вас. Я не могу быть другом этому молодому человеку: мы испытываем обоюдную природную неприязнь, инстинктивное отвращение,

нечто вроде взаимного отталкивания, и это делает нас ненавистными друг другу. Спросите его самого, и он вам скажет, что питает такую же антипатию ко мне. Услуга, которой он связал меня, сдерживала мою неприязнь, словно узда, но она так раздражала меня, что я до крови на губах готов был грызть ее железо.

— Вы так долго носили то, что вам угодно называть своей железной маской, — ответила Минна, — что, даже когда вы снимаете ее, ваши черты невольно хранят печать суровости.

— Вы несправедливы ко мне, Минна, — возразил ее возлюбленный, — и сердитесь на меня за то, что я говорю с вами открыто и честно. Но открыто и честно скажу я вам еще раз, что не могу быть другом Мертона, а если я когда-либо стану ему врагом, это уж будет его, а не моя вина. Я не хочу вредить ему, но не требуйте, чтобы я любил его. И поверьте, что, если бы я даже решился на такую попытку, все было бы напрасно. Ручаюсь, что стоило бы мне только сделать шаг для того, чтобы завоевать его расположение, как в нем тотчас же пробудились бы неприязнь и недоверие. Разрешите же нам и дальше питать друг к другу те же естественные чувства, которые, поскольку из-за них мы будем держаться на возможно большем расстоянии друг от друга, послужат, очевидно, к предупреждению вероятного столкновения между нами. Ну, так как же, сможете ли вы этим удовлетвориться?

— Придется, — ответила Минна, — раз вы говорите, что тут ничего не поделаешь. А теперь скажите, почему вы стали таким мрачным, когда услышали о прибытии вашего консорта? Ведь это он, не правда ли, стоит в кёркуоллском порту?

— Я боюсь, — сказал Кливленд, — что прибытие этого судна и его команды приведет к крушению моих самых дорогих упований. Я успел уже заслужить некоторое расположение вашего отца, а со временем мог бы добиться и большего, но вот является Хокинс, а с ним и все прочие, чтобы разбить мои надежды навеки. Я рассказывал уже вам, при каких

обстоятельствах мы расстались: я был тогда капитаном превосходного, намного лучше снабженного судна, а команда моя, стоило мне кивнуть головой, бросилась бы на самих чертей, вооруженных адским огнем. Теперь же я одинок и лишен каких-либо средств, чтобы обуздать своих товарищей и держать их в должном повиновении. А они не замедлят во всей красе обнаружить необузданную распущенность своих привычек и нравов, что и их приведет к гибели и меня погубит вместе с ними.

— Не бойтесь этого, — сказала Минна, — мой отец никогда не будет столь несправедлив, чтобы считать вас ответственным за преступления других.

— А что скажет Магнус Тройл о моих собственных проступках, прекрасная Минна? — спросил, улыбаясь, Кливленд.

— Мой отец — шетлендец, — ответила Минна, — вернее, даже норвежец, он сам принадлежит к угнетаемому народу, и ему безразлично, сражались ли вы с испанцами, тиранами Нового Света, или с голландцами и англичанами, к которым перешли захваченные ими владения. Его собственные предки поддерживали и защищали свободу морей на славных судах, чьи флаги служили грозой для всей Европы.

— Боюсь, однако, — возразил Кливленд, — что потомок древнего викинга вряд ли сочтет для себя приемлемым знакомство с джентльменом удачи наших дней! Не скрою от вас, что я имею основания опасаться английского правосудия, а Магнус, хотя и является ярым врагом пошлин, таможенных сборов, скэта, уоттла и прочих налогов, не распространяет, однако, широты своих взглядов на другие области, менее частного характера, и я уверен, что он охотно помог бы своей рукой вздернуть на ноке рея незадачливого морского разбойника.

— Напрасно вы так считаете, — возразила Минна. — Моему отцу самому слишком много приходится терпеть от деспотических законов наших гордых шотландских соседей. Я надеюсь, что скоро он сможет открыто восстать против них. Наши враги — я буду называть их врагами — в настоящее время как раз

в разладе друг с другом, и каждое судно, приходящее оттуда, приносит известия о все новых волнениях: горцы восстают против жителей равнин, якобиты — против уильямитов, виги — против тори и, в довершение всего, шотландское королевство — против английского. Что же мешает нам — как на это удачно наметнул Клод Холкро — воспользоваться ссорой разбойников и заявить свои права на свободу, которой нас несправедливо лишили?

— Поднять черный флаг над замком Скэллоуей, — продолжал Кливленд, подражая ее тону и выражению, — и объявить вашего отца ярлом Магнусом Первым.

— Ярлом Магнусом Седьмым, с вашего разрешения, — возразила Минна, — ибо шесть его предков до него носили или имели право носить корону. Вы смеетесь над моей страстностью, но скажите, что в действительности могло бы помешать этому?

— Ничто не помешает, — отвечал Кливленд, — потому что подобная попытка никогда не будет осуществлена, а помешать этому могут силы одного баркаса с британского военного корабля.

— Как презрительно вы отзываетесь о нас, сэр! — возразила Минна. — Однако вы сами прекрасно знаете, чего могут добиться несколько решительных человек

— Но они должны быть вооружены, Минна, — возразил Кливленд, — и готовы сложить свою голову в вашем отчаянном предприятии. Нет, оставьте лучше эти пустые мечтания. Дания низведена до положения второстепенной державы, не способной выдержать ни единого морского поединка с Англией, Норвегия — умирающая от голода, дикая страна, а здесь, на ваших родных островах, любовь к свободе подавлена долгими годами зависимости, а если и проявляется, то лишь недовольным ропотом за кружкой пива или бутылкой водки. Но будь даже ваши соотечественники столь же отважными мореходами, как их предки, что могли бы сделать невооруженные команды нескольких рыболовных лодок против британского военного флота? Не думайте больше об этом, милая

Минна, это несбыточная мечта — я вынужден называть вещи своими именами, — хотя она и придает блеск вашим глазам и величественность вашей поступи.

— Да, это несбыточная мечта, — ответила Минна, опустив голову, — и не подобает дочери Хиалтландии высоко держать голову и глядеть гордо, как женщине свободной страны. Наши взоры должны быть опущены долу, а походка может быть лишь медленной и робкой, как у рабыни, вынужденной повиноваться надсмотрщику.

— Есть на земле страны, — продолжал Кливленд, — где взгляд человека покоится на рощах пальм и деревьев какао, где нога свободно скользит — как шлюпка под парусами — по полям, покрытым коврами цветов, и саваннам, окаймленным душистыми зарослями, где никто никому не подвластен, но храбрый подчиняется храбрейшему и все преклоняются перед красотой.

Минна ненадолго задумалась, а потом ответила:

— Нет, Кливленд, моя суровая и угнетенная родина, какой бы унылой вы ее ни считали и какой бы угнетенной она в действительности ни была, таит для меня такое очарование, какого не даст мне ни одна страна в мире. Я тщетно стараюсь представить себе деревья и рощи, которых глаза мои никогда не видели, и воображение мое не в силах создать картины более величественной, чем эти волны, когда их вздымает буря, или более прекрасной, чем они же, спокойно и величаво, как сегодня, набегающие одна за другой на берег. Самый изумительный вид в чужой стране, ярчайшее солнце над самой роскошной природой ни на миг не заставят меня забыть этот высокий утес, окутанные туманом холмы и безбрежный бушующий океан. Хиалтландия — земля моих покойных предков и живого отца, и в Хиалтландии хочу я жить и умереть.

— Тогда и я, — ответил Кливленд, — хочу жить и умереть в Хиалтландии. Я не поеду в Кёркуолл, не дам знать товарищам о своем существовании, ибо иначе мне трудно будет от них избавиться. Ваш отец

любит меня, Минна; кто знает, быть может мое долгое внимание и усердные заботы о нем смягчат его, и он согласится принять меня в лоно своей семьи. Разве кого-нибудь устрашит долгий путь, если он неизбежно должен привести к счастью?

— Не мечтайте о подобном исходе, — сказала Минна, — ибо он невозможен. Пока вы живете в доме моего отца, пользуетесь его гостеприимством и разделяете с ним трапезу, он будет для вас великодушным другом и сердечным хозяином. Но лишь только дело коснется его имени или семьи, как вместо добродушного юдаллера перед вами воспрянет потомок норвежских ярлов. Вы видели сами: лишь мгновенное подозрение коснулось Мордонта, и мой отец изгнал его из своего сердца, хотя прежде любил как сына. Никто не вправе породниться с нашим домом, если в жилах его не течет чистая норвежская кровь.

— А в моих, может быть, и течет, — сказал Кливленд, — во всяком случае, судя по тому, что мне об этом известно.

— Как! — воскликнула Минна. — У вас есть основания считать себя потомком норвежцев?

— Я уже говорил вам, — продолжал Кливленд, — что семья моя мне совершенно неизвестна. Ранние годы я провел на одинокой плантации небольшого острова Тортуга под надзором отца, который в те времена был совсем не тем человеком, каким пришлось ему стать впоследствии. На нас напали испанцы и совершенно нас разорили. Доведенный до крайней нищеты, отец, одержимый отчаянием и жаждой мщения, взял в руки оружие; став во главе небольшой кучки людей, оказавшихся в подобном же положении, он превратился в так называемого джентльмена удачи и стал преследовать суда, принадлежавшие Испании. Судьба была к нему попеременно то милостива, то жестока, пока наконец в одной из схваток, стремясь удержать своих товарищей от чрезмерной жестокости, он не пал от их же собственной руки — удел, нередко выпадающий на долю морских разбойников. Но каково происхождение моего

отца и где он родился, прекрасная Минна, я не знаю и, по правде сказать, никогда не интересовался этим.

— Но ваш бедный отец был, во всяком случае, британцем? — спросила Минна.

— Несомненно, — ответил Кливленд. — Его имя, которое я сделал слишком страшным для того, чтобы его можно было громко произносить, было именем англичанина, а его знание английского языка и даже английской литературы, а также его старания в лучшие дни научить меня тому и другому явно указывали на его английское происхождение. Если та суровость, которую я проявляю по отношению к людям, не является подлинной сущностью моего характера и образа мыслей, то этим я обязан своему отцу, Минна. Ему одному обязан я той долей благородных дум и побуждений, которые делают меня достойным, хотя бы в самой малой степени, вашего внимания и одобрения. Порой мне кажется, что во мне — два совершенно различных человека, и я с трудом могу поверить, что тот, кто шагает сейчас по пустынному побережью рядом с прелестной Минной Тройл и имеет право говорить ей о страсти, взлелеянной в его сердце, был когда-то дерзким предводителем бесстрашной шайки, чье имя, как смерч, наводило ужас на все окружающее.

— Вы никогда не получили бы дозволения, — ответила Минна, — говорить столь смело с дочерью Магнуса Тройла, если бы не были храбрым и неустрашимым вожаком, сумевшим с такими малыми средствами создать себе столь грозное имя. Мое сердце — сердце девы минувших лет, и завоевать его должно не сладкими словами, а доблестными деяниями.

— Увы! Ваше сердце! — воскликнул Кливленд — Но что могу я сделать, что могут сделать человеческие силы, чтобы возбудить в нем то чувство, которого я жажду?

— Возвращайтесь к своим друзьям, следуйте своим путем и предоставьте остальное судьбе, — сказала Минна. — И если вы вернетесь во главе отважного флота, кто знает, что может тогда случиться?

— А что мне будет порукой, что, вернувшись — если суждено мне будет вернуться, — я не застаю Минну Тройл невестой или супругой другого? Нет, Минна, я не покину на волю рока единственную достойную завоевания цель, которую я встретил во время своих бурных жизненных странствий.

— Слушайте, — сказала Минна, — я поклянусь вам, если у вас хватит мужества принять такое обязательство, клятвой Одина — самым священным из наших норвежских обрядов Его порой еще совершают в наших краях. Я поклянусь, что никогда не подарю своей благосклонности другому до тех пор, пока вы сами не разрешите меня от моего обета. Удовольствуетесь ли вы этим? Ибо большего я не могу и не хочу вам дать.

— Ну что ж, — произнес Кливленд после минутного молчания, — мне волей-неволей приходится довольствоваться вашим словом, но помните, что вы сами бросаете меня в водоворот той жизни, которую британские законы объявили преступной, а буйные страсти избравших ее бесшабашных людей сделали бесславной.

— Но я, — ответила Минна, — выше подобных предрассудков и считаю, что, раз вы сражаетесь против Англии, то вправе рассматривать ее законы просто как беспощадную расправу с побежденными со стороны объятого гордыней и облеченного властью противника. Храбрый человек не станет по этой причине сражаться менее храбро. Что же касается поведения ваших товарищей, то, поскольку вы сами не будете следовать их примеру, вас не посмеет коснуться и их дурная слава.

Пока Минна говорила, Кливленд смотрел на нее с изумлением и восхищением, внутренне при этом улыбаясь ее простодушию.

— Никогда не поверил бы, — сказал он, — что такое высокое мужество может сочетаться с таким незнанием современного мира и его законов. Что касается моего поведения, те, кто близко знают меня, могут засвидетельствовать, что я делал все возможное, рискуя потерять популярность, а порой и жизнь,

чтобы сдержать своих свирепых товарищей. Но как можно учить человеколюбие людей, горящих жаждой мщения отвергнувшему их миру, как можно учить их умеренности и воздержанию в наслаждениях мирскими благами, которые случай бросает на их пути, чтобы хоть чем-то украсить жизнь, ибо иначе она была бы для них непрерывной цепью одних только опасностей и лишений. Но ваша клятва, Минна, ваша клятва — единственная награда за мою безграничную преданность, не откладывайте ее по крайней мере, дайте мне получить на вас хоть подобное право!

— Эта клятва должна быть произнесена не здесь, а в Керкуолле. Мы должны вызвать в свидетели своего обещания дух, обитающий над древним Кругом Стенниса. Но, может быть, вы боитесь произнести имя древнего бога кровопролитий, грозного, страшного?

Кливленд улыбнулся.

— Будьте справедливы, милая Минна, и согласитесь признать, что я мало подвержен чувству страха даже перед лицом явной опасности; тем менее склонен я бояться призрачных ужасов.

— Значит, вы не верите в них? — воскликнула Минна. — Лучше тогда вам было бы полюбить не меня, а Бренду.

— Я готов поверить во все, во что верите вы, — ответил Кливленд. — Я готов уверовать во всех обитателей Валгаллы, о которых вы так много говорите с этим горе-скрипачом и рифмоплетом Клодом Холкро, и считать их живыми и реальными существами. Но не требуйте, Минна, чтобы я боялся их.

— Боялись? О нет, о *боязни* не может быть и речи, — ответила девушка. — Ни один из героев моей бесстрашной родины никогда ни на шаг не отступил перед лицом Тора или Одина, даже когда они являлись ему во всем своем грозном величии. Я не признаю их богами — вера в истинного бога не допускает столь безумного заблуждения. Но в нашем представлении — это могущественные духи добра и зла, и когда вы гордо заявляете, что не боитесь их, — помните: вы бросаете вызов врагу такого рода, с каким до сих пор никогда еще не встречались.

— Да, в ваших северных широтах, — с улыбкой ответил ее возлюбленный, — где до сих пор я видел одних только ангелов. Но были дни, когда я сталкивался лицом к лицу с демонами экватора, которые, как верим мы, морские скитальцы, столь же могучи и коварны, как духи Севера.

— Как, вы воочию видели чудеса потустороннего мира? — с благоговейным трепетом спросила Минна. Лицо Кливленда приняло серьезное выражение, и он отвечал:

— Незадолго до смерти моего отца мне пришлось, хотя я был тогда еще совсем юным, командовать шлюпом с тридцатью самыми отчаянными головорезами, когда-либо державшими мушкет в руках. Долгое время нас преследовала неудача: мы захватывали лишь небольшие суденышки, предназначавшиеся для ловли морских черепах, либо такие, которые были нагружены дешевой дрянью. Мне приходилось прилагать немало усилий, чтобы сдерживать товарищей, готовых выместить на матросах этих жалких скорлупок досаду на то, что ничем не удалось поживиться. Наконец, доведенные до отчаяния, мы сделали высадку и напали на деревушку, где, по слухам, могли найти мулов с сокровищами, принадлежавшими испанскому губернатору. Нам удалось захватить селение, но пока я старался спасти жителей от ярости своих спутников, погонщики мулов успели скрыться в окрестных лесах вместе с драгоценным грузом. Это превысило меру терпения моих людей, и, давно уже недовольные мной, они открыто взбунтовались. На общем торжественном совете я был низложен и осужден за то, что обладал слишком малой удачей и слишком большим человеколюбием для избранной мной профессии. Меня осудили, как говорят моряки, на «высадку»,¹ то есть решили покинуть на одном из крохотных, покрытых кустарником песчаных остров-

¹ Осудить на «высадку» означает покинуть на безлюдном берегу или острове. Это жестокое наказание нередко применяли пираты и морские разбойники. (*Прим. автора*)

ков, называемых в Вест-Индии *ки*, где живут одни черепахи да морские птицы. Многие из них, как полагают, населены привидениями. На одних появляются демоны, которым поклонялись прежние обитатели острова, на других — кацики или иные туземцы, которых испанцы запытали до смерти, заставляя их открыть, где они спрятали сокровища; на третьих — множество других призраков, в чье существование слепо верят моряки всех народов.¹

Место, куда меня высадили, называлось Коффин-ки, или Гробовый остров. Он лежит примерно в двух с половиной лигах к зюйд-осту от Бермудских островов и обладает столь дурной славой в отношении сверхъестественных его обитателей, что, пожалуй, все богатства Мексики не могли бы заставить храбрейшего из негодеев, высадивших меня на берег, провести там в одиночестве хотя бы один час даже при самом ярком дневном свете. А когда они возвращались на шлюп, то гребли так, словно не смели обернуться, чтобы взглянуть назад. Итак, они бросили меня на произвол судьбы на клочке бесплодного песка, окруженного безбрежной Атлантикой и населенного, по их мнению, злыми силами.

— И что же было с вами потом? — с тревогой спросила Минна.

— Я поддерживал свою жизнь, — ответил отважный моряк, — питаясь морскими птицами — олушами, до того глупыми, что они подпускали меня вплотную и я мог убивать их просто ударом палки. Когда же эти доверчивые существа лучше ознакомились с коварным поведением представителя человеческой породы и стали улетать при моем приближении, я перешел на черепаший яйца.

¹ Мой старший брат, ныне уже покойный, получил воспитание во флоте и служил гардемаринком в эскадре Родни в Вест-Индии. Он имел привычку поражать юное воображение автора этих строк рассказами о таких островах «с привидениями». На одном из них, под названием, кажется, Коффин-ки, моряки решительно отказывались проводить ночь и каждый вечер возвращались на борт, лишь после восхода солнца они вновь съезжали на остров, чтобы возобновить запас пресной воды. (*Прим. автора.*)

— А духи, о которых вы говорили? — продолжала допытываться Минна.

— В глубине души они внушали мне кое-какие опасения, — ответил Кливленд. — При ярком дневном свете или в полном мраке я не очень беспокоился о возможности их появления, но в сумерках или предрассветной мгле, особенно в первую неделю моего пребывания на острове, мне часто мерещились какие-то неясные, туманные призраки: то это был испанец, окутанный плащом, с огромным, как зонтик, сомбреро на голове, то моряк-голландец в грубой матросской шапке и штанах по колено, то индейский кацик в короне из перьев и с длинным копьем из тростника.

— А вы не пытались подойти, заговорить с ними? — спросила Минна.

— Ну как же, я всегда приближался к ним, — ответил моряк, — но, как ни жаль мне принести вам разочарование, мой прекрасный друг, как только я подходил ближе, призрак превращался то в куст, то в обломок дерева, выброшенный морем на берег, то в полосу тумана, то еще в какой-нибудь предмет, обманувший мое воображение. В конце концов опыт научил меня не заблуждаться более насчет истинной сущности подобных видений, и я продолжал свое одинокое пребывание на Гробовом острове, столь же мало беспокоясь о страшных призраках, как если бы находился в кают-компании самого крепкого и добротного корабля, окруженный веселыми товарищами.

— Вы разочаровали меня своим рассказом, он обещал гораздо больше, — сказала Минна. — Но сколько же времени провели вы на этом острове?

— Четыре недели жалкого существования, — ответил Кливленд. — А потом меня подобрала команда небольшого зашедшего в те воды суденышка, промышлявшая охотой на черепах. Однако столь тяжкое одиночество не прошло для меня совершенно без пользы, ибо там, на клочке бесплодного песка, я обрел или, скорее, выковал для себя ту железную маску, которая с тех пор служила мне самым надежным средством против измены или мятежа со сто-

роны моих подчиненных. Там я принял решение не казаться добрее или образованнее других, не быть более человечным или более щепетильным, чем те, с кем связала меня судьба. Я обдумал всю свою прежнюю жизнь и увидел, что превосходство в храбрости, ловкости и предприимчивости принесло мне власть и уважение, а когда я выказывал себя более тонко воспитанным и более образованным, чем мои товарищи, то возбуждал к себе зависть и ненависть, словно к существу иной породы. Тогда я решил, что поскольку я не могу отказаться от превосходства своего рассудка и воспитания, то всеми силами буду стараться скрывать их и под личиной сурового моряка спрячу все проявления лучших чувств и лучшего образования. Тогда уже предвидел я то, что потом осуществилось на деле: прикрывшись маской закоснелой свирепости, я обрел такую прочную власть над своими товарищами, что смог в дальнейшем использовать ее и для обеспечения некоторой дисциплины и для облегчения участи несчастных, попадавших в наши руки. Короче говоря, я понял, что если хочу диктовать свою волю, то внешне должен уподобиться тем, кто будет исполнять ее. Известие о судьбе моего отца, возбудившее во мне ярость и призывавшее к отмщению, еще более убедило меня в правильности такого решения. Отец также пал жертвой своего превосходства по уму, нравственным качествам и манерам над своими подчиненными. Они прозвали его Джентльменом, думая, очевидно, что он ждет только случая, чтобы примириться — может быть, за счет их жизней — с теми слоями общества, к которым, казалось, больше подходил по своим привычкам и нраву, и поэтому убили его. Сыновний долг и чувство справедливости звали меня к отмщению. Скоро я опять оказался во главе новой банды искателей приключений, столь многочисленных в тех краях, но бросился преследовать не тех, что меня самого осудили на голодную смерть, а негодяев, предательски убивших моего отца. Я отомстил им страшно: этого одного было достаточно, чтобы отметить меня печатью той свирепой жестокости, видимость которой я стремился

приобрести и которая мало-помалу и на самом деле стала прокрадываться в мое сердце. Мои манеры, речь и поведение изменились так резко, что знавшие меня ранее склонны были приписывать происшедшую во мне перемену общению с демонами, населявшими пески Гробового острова; некоторые суеверные люди считали даже, что я заключил союз с нечистой силой.

— Я боюсь вас слушать дальше! — воскликнула Минна. — Неужели вы на самом деле превратились в бесстрашное и жестокое чудовище, каким сначала хотели только казаться?

— Если мне удалось избежать этого, Минна, — ответил Кливленд, — то вам одной обязан я подобным чудом. Правда, я всегда стремился к опасным и доблестным подвигам, а не к низкой мести или грабежу. Я добился того, что порой мне удавалось спасти жизнь людей какой-то грубой шуткой, а порой я предлагал слишком страшные меры расправы, и подчиненные мне головорезы сами вступались за судьбу пленников. Таким образом, кажущаяся моя свирепость лучше служила делу человеколюбия, чем если бы я открыто вставал на его защиту.

Он умолк, и так как Минна не отвечала, то оба некоторое время молчали. Затем Кливленд продолжал:

— Вы не говорите ни слова, мисс Тройл; я сам уронил себя в вашем мнении той откровенностью, с какой раскрыл перед вами всю свою сущность. Могу вас только уверить, что если жестокие обстоятельства в какой-то мере стеснили развитие заложенных во мне природой качеств, они не в силах были переделать их.

— Я не уверена, — продолжала Минна после минутного раздумья, — были бы вы столь же откровенны, если бы не знали, что я скоро увижу ваших сотоварищей и по их речи и поведению пойму то, что вы с радостью скрыли бы от меня.

— Вы несправедливы ко мне, Минна, жестоко несправедливы. С той минуты, как вы узнали, что я джентльмен удачи, искатель приключений, корсар, *пират* наконец, если вы хотите услышать от меня это грубое слово, разве вы могли ожидать иного, чем то, что я рассказал вам?

— Да, вы более чем правы, — ответила Минна, — все это я должна была бы предвидеть и не ждать ничего другого. Но мне казалось, что в войне против жестоких изуверов испанцев есть что-то облагораживающее, что-то возвышающее то ужасное ремесло, которое вы только что назвали его настоящим и страшным именем. Я считала, что вольница западных вод, набранная для того, чтобы наказать испанцев за ограбление и истребление целых племен, должна была обладать хотя бы долей той высокой доблести, с которой сыны Севера на узких своих ладьях мстили жителям европейского побережья за деспотический гнет уже пришедшего в упадок Рима. Так я думала, так я мечтала — и мне грустно, что теперь я словно пробудилась от сна и выведена из заблуждения. Но я не виню вас в том, что меня обманули мои мечты. А теперь прощайте; нам пора расстаться.

— Но скажите по крайней мере, — взмолился Кливленд, — что вы не чувствуете ко мне отвращения теперь, когда я открыл вам всю правду.

— Мне нужно время, — ответила Минна, — чтобы обдумать и понять все, что вы мне сказали, и самой разобраться в своих чувствах. Одно только могу я сказать вам уже сейчас: тот, кто с целью грязного грабежа проливает кровь и совершает жестокости, кто вынужден прикрывать остатки заложенной в нем совести личиной самой гнусной низости, — тот не может быть возлюбленным, которого Минна Тройл ожидала встретить в лице капитана Кливленда; и если она еще сможет любить его, то лишь как раскаявшегося грешника, а не как героя.

С этими словами она вырвала свою руку из рук Кливленда, ибо он все еще пытался ее удерживать, и повелительным жестом запретила ему следовать за собой.

— Ушла, — промолвил Кливленд, глядя ей вслед. — Я знал, что Минна Тройл своенравна и полна причуд, однако такого ответа все-таки не ожидал. Она не дрогнула, когда я не обвиняясь назвал свою опасную профессию, но, по-видимому, была совершенно не подготовлена к тому, чтобы со всей

ясностью представить себе то зло, которое неизбежно с ней связано. Итак, все, что ставилось мне в заслугу из-за сходства с норманским витязем или викингом, развеялось в прах, когда оказалось, что шайка пиратов — не хор святых. Эх, быть бы Рэкэму, Хокинсу и всем прочим на дне Портлендского пролива! Погнало бы их лучше из Пентленд-фёрта к черту в ад, чем на Оркнейские острова! Но я все-таки не отступлюсь от своего ангела, какие бы препятствия ни чинили мне мои дьяволы! Я хочу, я должен быть на Оркнейских островах, прежде чем явится туда юдаллер. Наша встреча могла бы заронить подозрение даже в его тупоумную голову, хотя, благодарение небу, в этой дикой стране подробности моего ремесла известны лишь понаслышке, из уст наших честных друзей голландцев, а те избегают плохо отзываться о людях, за чей счет набивают свою мошну. Итак, если фортуна поможет мне добиться моей восторженной красавицы, я перестану гоняться за колесом богини по бурному морю, а осяду здесь, среди этих утесов, и буду так же счастлив, как если бы меня окружали банановые и пальмовые рощи.

С такими и подобными им чувствами, которые то бушевали у него в груди, то вырывались наружу в виде неясных отрывков фраз и восклицаний, пират Кливленд возвратился в замок Боро-Уэстру.

Глава XXIII

Когда ж наступил расставания час,
Мы руки пожали в последний раз,
И веселый хозяин нам путь указал
И за хлеб и вино с нас ни пенни
не взял.

«Лилипут», поэма

Мы не станем подробно описывать последовавших в тот день развлечений, ибо это вряд ли представит особый интерес для читателя. Скажем только, что стол ломился под тяжестью обильных, как всегда,

яств, которые поглощались гостями с обычным аппетитом, пуншевая чаша наполнялась и осушалась с привычной быстротой, мужчины угощались, дамы смеялись, Клод Холкро импровизировал стихи, острил и прославлял Джона Драйдена, юдаллер подымал кубок и подтягивал хору, и вечер закончился, как обычно, в «такелажной» — как Магнусу Тройлу угодно было называть помещение для танцев.

Там-то Кливленд и подошел к Магнусу, сидевшему между Минной и Брендой, и сообщил ему о своем намерении отправиться в Кёркуолл на маленьком бриге, который Брайс Снейлсфут, с необычайной быстротой распродавший свои товары, зафрахтовал для поездки за новыми.

Магнус выслушал неожиданное сообщение своего гостя с изумлением, не лишенным некоторого неудовольствия, и задал ему колкий вопрос — с каких это пор стал он предпочитать общество Брайса Снейлсфута его собственному? Кливленд со свойственной ему прямоотой ответил, что время и прилив не ждут и что у него есть личные причины совершить путешествие в Кёркуолл ранее, чем предполагает поднять паруса юдаллер. Он прибавил, что рассчитывает встретиться с ним и с его дочерьми на ярмарке, сроки которой приближались, и что, может быть, ему удастся вместе с ними вернуться в Шетлендию.

Пока Кливленд говорил, Бренда украдкой следила за сестрой, насколько это возможно было сделать, не привлекая внимания окружающих, и заметила, что бледные щеки Минны стали еще бледнее. Сжав губы и сдвинув брови, она, казалось, сдерживала сильное внутреннее волнение. Однако она молчала, и когда Кливленд, попрощавшись с юдаллером, подошел, как того требовал обычай, и к ней, лишь ответила на его поклон, не решаясь и не пытаясь сказать ни слова.

Но для Бренды тоже приближалась минута испытания. Мордонт Мертон, бывший когда-то любимцем ее отца, теперь простался с ним сдержанно, и юдаллер не подарил ему ни единого дружеского взгляда. Напротив, он даже с какой-то едкой насмешливостью

пожелал юноше счастливого пути и посоветовал, если встретится ему на дороге хорошенькая девушка, не воображать, что он уже покорил ее сердце оттого только, что она перекинулась с ним шуткой-другой. Краска бросилась в лицо Мертону, ибо он почувствовал в этих словах оскорбление, хотя и не вполне для него понятное. Одна только мысль о Бренде заставила его подавить в себе чувство гнева. Затем он обратился со словами прощального приветствия к сестрам. Минна, чье сердце значительно смягчилось по отношению к бедному юноше, ответила ему даже с некоторой теплотой, но горе Бренды так явно проявилось в ее участливом тоне и в налившихся слезами глазах, что это заметил даже сам юдаллер.

— Ну что же, дочка, ты, может быть, и права, — полусердито проворчал он, — ибо он был нашим старым знакомым, но помни: я не хочу больше этого знакомства.

Мертон, медленно выходивший из зала, одним ухом уловил это унизительное замечание и обернулся было, чтобы с возмущением ответить на него, но весь его гнев прошел, когда он увидел, что Бренда, стараясь скрыть охватившее ее волнение, закрыла лицо платком, и мысль, что это вызвано разлукой с ним, заставила юношу забыть всю несправедливость ее отца. Мордонт вышел, так ничего и не сказав, а за ним покинули залу и прочие гости. Многие, подобно Кливленду и Мертону, распростились с вечера с хозяевами, намереваясь рано утром отправиться во-свояси.

В эту ночь та отчужденность, которая возникла между Минной и Брендой за последнее время, если не полностью исчезла, то, во всяком случае, сгладилась во внешних своих проявлениях. У каждой из них было свое горе, и сестры, обнявшись, долго плакали. Обе чувствовали, хотя ни одна из них не сказала ни слова, что стали еще дороже друг другу, ибо печаль, увлажнявшая их глаза, имела один и тот же источник.

Слезы Бренды, возможно, текли обильнее, но боль Минны была более глубокой, и долго еще после того,

как младшая сестра заснула, выплакавшись, как ребенок, на груди у старшей, Минна лежала без сна, вглядываясь в таинственный сумрак, в то время как одна капля за другой медленно возникала в ее глазах и тяжело скатывалась, когда ее не могли больше сдерживать длинные шелковистые ресницы. Пока она лежала, охваченная грустными мыслями, от которых наворачивались у нее эти слезы, вдруг, к ее удивлению, под окном раздались звуки музыки. Сначала Минна подумала, что это очередная затея Клода Холкро: когда на него находило причудливое настроение, он порой позволял себе устраивать подобные серенады. Но вскоре она различила, что это звуки не гью старого менестреля, а гитары — инструмента, на котором из всех жителей острова играл один только Кливленд, в совершенстве изучивший это искусство во время своего пребывания среди испанцев Южной Америки. Быть может, в тех же краях выучил он и песню, которую пел теперь, ибо, хотя он исполнял ее под окном шетлендской девы, но сложили ее, несомненно, не для дочери столь сурового края, так как в ней говорилось о растительности иной почвы и иного климата, неизвестной на Севере.

Нежна, чиста,
Спит красота,
Но сна не знает дух влюбленный.
Под звон струны
Златые сны
Он навевает деве сонной.

И светляки
Кружат, легки,
И пальмы тихим сном объаты,
И шлют цветы
Из темноты
Таинственные ароматы.

Но осужден
Твой сладкий сон
Быть только призрачным виденьем,

Его гони,
В окно взгляни
И снизойди к моим молениям.

Кливленд пел низким, сочным, мужественным голосом, чрезвычайно подходившим к испанской мелодии песни и к словам, должно быть также переведенным с испанского. Призыв его, по всей вероятности, не остался бы без ответа, если бы Минна могла подняться с постели, не разбудив при этом сестры, но это было невозможно: Бренда, как мы уже говорили, заснула в слезах и теперь лежала, положив голову на шею Минны и обняв ее одной рукой, как дитя, которое, наплакавшись досыта, успокоилось на руках у кормилицы. У Минны не было никакой возможности высвободиться из объятий Бренды, не разбудив ее, и поэтому она не смогла последовать первому своему побуждению накинуть платье и подойти к окну, чтобы поговорить с Кливлендом, который, как она не сомневалась, придумал подобное средство с целью вызвать ее на свидание. Она с трудом сдерживала себя, ибо понимала, что он пришел, очевидно, чтобы сказать ей последнее прости. Но мысль, что Бренда, с недавних пор столь враждебно настроенная к нему, может проснуться и стать свидетельницей их встречи, была для Минны непереносима.

Пение ненадолго умолкло. В течение этого времени Минна несколько раз с величайшей осторожностью старалась снять руку Бренды со своей шеи. Но при малейшем движении спящая девушка бормотала что-то обиженным тоном, как потревоженный во сне ребенок, и ясно было, что дальнейшие попытки сестры разбудят ее окончательно.

К величайшей своей досаде, Минна вынуждена была поэтому оставаться неподвижной и молчать. Между тем Кливленд, словно желая привлечь ее внимание музыкой другого рода, запел следующий отрывок из старинной морской песни:

Прощай, прощай, в последний раз
Звучит так нежно голос мой.

Сольется он — уж близок час —
С матросской песней удалой.

Бывало, я без слов стоял
Перед тобой, любовь моя,
Но пересиливая шквал,
«Рубите мачту!» — крикну я.

Я робких глаз поднять не мог,
Коснуться рук твоих не смел,
Теперь в руке сверкнет клинок,
Возьму я жертву на прицел.

Все то, чем счастлив человек,
Любовь, надежда прежних дней,
Честь, слава — все прощай навек,
Все, кроме памяти твоей.¹

Он снова умолк, и снова та, для которой пелась эта серенада, тщетно пыталась подняться с постели, не разбудив Бренду. Это было по-прежнему невозможно. А Минну не покидала одна ужасная мысль: Кливленд уедет, полный отчаяния, не дождавшись от своей возлюбленной ни единого взгляда, ни единого слова. Он вспыльчив и горяч, но с каким усердием старался он обуздать вспышки своего характера, подчиняясь ее воле. О, если бы она могла улучшить хоть одно мгновение, чтобы сказать ему «прощай», предостеречь его от новых столкновений с Мертоном, умолить его расстаться с такими товарищами, каких он ей описывал! О, если бы она могла сделать это, кто знает, какое действие ее мольбы, высказанные в минуту прощания, могли бы оказать на его поведение и даже больше того — на все последующие события его жизни?

Измученная этими мыслями, Минна готова была сделать последнее отчаянное усилие, чтобы подняться

¹ Я не мог отказать себе в удовольствии с гордостью сообщить читателю, что эти строки были искуснейшим образом переложены на музыку госпожой Аркрайт из Дарбишира, (*Прим. автора.*)

с постели, как вдруг различила под окном голоса. Ей показалось, что она узнает Кливленда и Мертона; они горячо о чем-то спорили, но говорили приглушенным тоном, словно боясь, как бы их не услышали. В страшной тревоге Минна решила наконец на то, что уже столько раз тщетно пыталась совершить: она отвела лежавшую у нее на груди руку Бренды, так мало потревожив при этом спящую девушку, что та лишь два или три раза пробормотала во сне что-то невнятное. Быстро и бесшумно Минна накинула на себя кое-какое платье и готова была подбежать к окну, но не успела еще сделать этого, как разговор внизу перешел в ссору, послышался глухой шум борьбы, затем протяжный стон — и все смолкло.

Охваченная ужасом при мысли о происшедшем несчастье, Минна бросилась к окну и хотела открыть его, ибо противники стояли у самой стены и она могла бы их увидеть, только выглянув наружу. Но ржавый железный крюк не поддавался ее усилиям, и, как это часто бывает, поспешность, с какой она пыталась поднять его, лишь затягивала дело. Когда же наконец Минне удалось распахнуть раму и она, замирая от страха, высунулась и взглянула вниз, то люди, напугавшие ее своим шумом, уже исчезли. При свете луны она увидела только тень кого-то, кто уже завернул за угол и, таким образом, скрылся из глаз. Тень эта медленно подвигалась вперед, и Минне показалось, что в ее очертаниях она различает силуэт мужчины, несущего на плечах человека. Это довело тревогу девушки до крайнего предела, и, так как окно находилось не более чем в восьми футах от земли, она, не колеблясь, спрыгнула вниз и устремилась за тем, что привело ее в такой ужас.

Но когда она обогнула угол здания, за которым скрывалась отбрасывавшая тень фигура, то не заметила ничего, что могло бы указать ей, куда направиться дальше, и после минутного раздумья девушка поняла, что всякая попытка нагнать неизвестного будет в одинаковой степени безумной и бесцельной. Кроме многочисленных выступов и углублений причудливо возведенного замка и его служб, кроме все-

возможных погребов, кладовых, конюшен и тому подобных построек, среди которых ей одной искать кого-то было бы делом совершенно бесполезным, от дома до самого берега тянулась невысокая гряда скал, представлявших естественное продолжение береговых утесов, с множеством впадин, пустот и пещер, в любой из которых могло скрыться таинственное лицо со своей роковой ношей; ибо в том, что она была роковой, Минна почти не сомневалась.

После краткого раздумья молодая девушка убедилась, как мы уже говорили выше, в полной бессмысленности своих дальнейших поисков. Следующей ее мыслью было поднять тревогу и разбудить обитателей замка, но что тогда пришлось бы ей рассказать всем присутствующим и какие имена назвать? С другой стороны, раненый — если он в самом деле был только ранен, а не убит — мог нуждаться в немедленной помощи. При этой мысли Минна готова была уже позвать кого-либо, как вдруг расслышала голос Клода Холкро, который возвращался, очевидно, из гавани, напевая по своей привычке отрывок из старой норвежской баллады; по-английски она звучала бы следующим образом:

Все, чем владел я, ты должна
Отдать, моя милая мать,
Ты нищим хлеба и вина
Не позабудь раздать,

И скакунов моих лихих
Отдай, моя милая мать,
И девять замков родовых,
Где славно пировать

Но не пытайся мстить, о мать,
За сына своего,
В земле — моя плоть, душу примет господь,
И отмщение — в руке его.

Поразительное соответствие слов этой песни с тем положением, в котором находилась Минна, показалось

ей предостережением небес. Мы описываем здесь страну, полную предрассудков, где сильна еще вера в предзнаменования, и, быть может, тому, кто не одарен слишком большой фантазией, трудно вообразить себе, как эти суеверия на известной ступени общества могут влиять на человеческое сознание. Строчка Вергилия, раскрытого наудачу, в семнадцатом веке при дворе английского короля считалась предсказанием свыше,¹ и нет ничего удивительного в том, что девушка, выросшая на далеких и диких Шетлендских островах, приняла за волю неба стихи, смысл которых, казалось ей, так подходил к ее собственной судьбе.

— Я буду молчать, — пробормотала Минна. — Я наложу печать на свои уста.

В земле — моя плоть, душу примет господь,
И отмщенье — в руке его.

— Кто здесь разговаривает? — с испугом спросил Клод Холкро, ибо хотя он объездил немало чужих стран, однако все еще не мог полностью избавиться от суеверных представлений своей родины. Минна в том состоянии, в которое привели ее отчаяние и ужас, сначала не в силах была ничего ответить, и Холкро, устремив взор на белую женскую фигуру, которую он видел весьма смутно, ибо она стояла в тени от дома, а утро было туманным и пасмурным, принялся заклинять ее старинным заговором, который показался ему подходящим к случаю; его дикие и ужасные звуки и путаный смысл не нашли, быть может, полного отображения в следующем переводе:

— Пусть Магнус святой тебе скрыться велит,
Пусть Ронан святой тебя вспять возвратит,
По веленью Мартина, по воле Марии
Покинь, привиденье, пределы земные.
Коли добрый ты дух — мир овеет тебя,

¹ Знаменитые «Sortes Virgilianae» («Прорицания Вергилия» (лат.). — *Ред.*) были использованы Карлом I и его придворными для гадания. (*Прим. автора.*)

Коли злой — глубь земная поглотит тебя,
Коль ты воздух — туман пусть впитает тебя,
Коли прах — пусть бездна скроет тебя,
Коли эльф ты — вернись в хоровод,
Коль русалка — в прохладу вод,
Коли здесь ты, в юдоли земной, жила,
В рабстве у горя, позора и зла,
Ради хлеба насущного знала труд
И боялась того, что жизнью зовут, —
Исчезни: твой гроб ожидает тебя,
Червь могильный давно уж грустит без тебя,
Прочь, призрак, земля пусть укроет тебя,
До скончания веков пусть скрывает тебя,
Крест надгробный зовет тебя кончить скитанья,
Сокройся до дня всех святых. Я кончил свое
заклинанье.

— Это я, Холкро, — прошептала Минна таким слабым и тихим голосом, что он вполне мог сойти за еле слышный ответ заклинаемого им призрака.

— Вы? вы? — вырвалось у Холкро, и тревога его сменилась крайним изумлением. — Вы здесь, при луне, хотя свет ее, правда, уже бледнеет. Разве мог я подумать, прелестнейшая Ночь, что встречу вас в вашей собственной стихии! Но тогда, значит, вы видели их так же хорошо, как и я, и были настолько мужественны, что даже пошли за ними вслед?

— Видела... кого? Пошла... за кем? — спросила Минна, надеясь, что сейчас он откроет ей причину ее страха и тревоги.

— Блуждающие огни, что плясали над бухтой, — ответил Холкро. — Но только это не к добру, вот увидите. Ведь вы хорошо знаете, что говорится в старой песне:

Там, где пляшут они,
Гробовые огни,
Будь то ночью, в тени,
Будь то солнечным днем, —
Бездыханное тело мы там найдем.

Я прошел уже полпути, желая взглянуть на них, но они исчезли. Мне показалось, правда, что кто-то оттолкнул от берега лодку... Должно быть, отправился на дальние промыслы. Да, хотел бы я, чтобы добрые вести пришли от наших рыбаков, а то сначала Норна в гневе покинула нас, а теперь вот эти блуждающие огни! Господь спаси и помилуй! Я старик и могу только желать, чтобы все кончилось благополучно. Но что с вами, милая Минна? Слезы на глазах! А теперь при свете луны я вижу, клянусь святым Магнусом, что вы еще и босиком! Неужели во всей Шетлендии не нашлось достаточно мягкой шерсти на чулочки для этих прелестных ножек, таких беленьких в лунном сиянии? Но вы молчите? Рассердились, быть может, — прибавил он более серьезным тоном, — на мои шутки? Ну как не стыдно, неразумное вы дитя! Ведь я старик, годился бы вам в отцы и, правда, всегда любил вас как родную дочь.

— Я не сержусь, — произнесла наконец Минна, с трудом заставляя себя говорить, — но разве вы ничего не слышали, ничего не видели? Ведь они должны были пройти мимо вас.

— Они? — переспросил Клод Холкро. — Кто это они — блуждающие огни, что ли? Нет, они мимо меня не проходили. Они скорее пронеслись мимо вас и коснулись вас своими тлетворными чарами: вы сами сейчас бледны как привидение. Но идите-ка сюда, — прибавил он, открывая одну из боковых дверей дома. — Прогулки при лунном свете больше подходят для таких престарелых поэтов, как я, чем для молоденьких девушек, да еще столь легко одетых. О юная дева, остерегайтесь так беззаботно выходить навстречу ветрам шетлендской ночи — они несут на своих крыльях больше дождя и снега, чем ароматов. Но входите же, дитя мое, ибо, как сказал достопамятный Джон, или, вернее, как он не говорил, так как сейчас я не могу припомнить в точности его строчек, а как сказал я сам в прелестном стихотворении, написанном, когда моей музе было от десяти до двадцати лет:

Пусть девицам сладко спится
До тех пор, пока денница
Не взойдет на небосвод,
Роз багрянцем не зажжет,
Не осушит трав росистых
И ковер цветов душистых
Для девичьих нежных ног
Не постелет на лужок.

Но как же дальше? Подождите, я сейчас припомню...

Когда Клодом Холкро овладевал дух декламации, он забывал время и место и способен был продержать свою слушательницу добрых полчаса на холодном ночном воздухе, приводя поэтические доводы в пользу того, что она давно уже должна была бы быть в постели. Но Минна прервала его. Судорожно ухватившись дрожащими руками за старого поэта, словно боясь упасть, она с настойчивой серьезностью, хотя еле слышным голосом, спросила:

— А вы никого не заметили в той лодке, что вышла в море?

— Вот так вопрос! — воскликнул Холкро. — Разве мог я заметить кого-либо? Издалека и при неясном свете луны я только-только мог разглядеть, что это лодка, а не дельфин.

— Но ведь кто-то должен был находиться в ней? — повторила Минна, еле сознавая сама, что спрашивает.

— Несомненно, — ответил поэт, — суда редко идут против ветра по своей собственной воле. Но входите же, оставаться дольше на дворе — безумие. А теперь, как говорит королева в старинной трагедии, которую снова поставил на сцене наш досточтимый Уил Давенант: «В постель, в постель, в постель!»

Они расстались, и слабеющие ноги еле донесли Минну по извилистым переходам замка до ее комнаты, где она осторожно улеглась рядом со все еще спавшей сестрой, терзаясь самыми ужасными предчувствиями. В том, что она слышала голос Кливленда, Минна была убеждена: слова песни не оставляли на этот счет никаких сомнений, и хотя она не была столь же

уверена, что человек, горячо споривший с ее возлюбленным, был юный Мертон, она не могла избавиться от мысли, что это был именно он. Стон, которым завершился поединок, то, что, как ей показалось, победитель унес на плечах свою бездыханную жертву, все как будто подтверждало роковой исход столкновения. Но кто из соперников пал? Кто встретил кровавую смерть? Кто одержал роковую и страшную победу? На эти вопросы еле слышный голос внутреннего убеждения нашептывал Минне, что Кливленд, ее возлюбленный, в силу всех своих физических и моральных свойств, имел больше шансов выйти невредимым из схватки. При этой мысли Минна почувствовала невольное облегчение, но сейчас же почти с ненавистью укорила себя за подобное чувство, с ужасом и горечью вспомнив, что тогда ее возлюбленный — преступник и счастье Бренды разбито навеки.

«Бедная невинная Бренда, — думала она, — ты во сто раз лучше меня и вместе с тем так проста и скромна. Неужели я могу утешиться мыслью, что не мне суждено страдать, а тебе?»

Это сознание было настолько мучительно, что Минна не удержалась и так крепко прижала Бренду к своей груди, что та, глубоко вздохнув, проснулась.

— Это ты, Минна? — спросила она. — Мне снилось, что я лежу на одном из тех каменных надгробий — помнишь, нам рассказывал о них Клод Холкро, — на которых сверху изваяно изображение того, кто покоится под ними. Мне снилось, что такое мраморное изваяние лежит рядом со мной, что внезапно оно оживает, приподымается и прижимает меня к своей холодной, влажной груди. А это, оказывается, твоя грудь так холодна, Минна, дорогая моя сестра. Ты больна; ради господа бога, позволь мне встать и позвать Юфену Фи. Что с тобой? Не была ли здесь снова Норна?

— Не зови никого, — промолвила, удерживая ее, Минна. — От того, что меня мучает, нет на земле лекарства. Меня вдруг охватило предчувствие несчастий, еще более страшных, чем те, которые могла бы предсказать Норна. Но все во власти господней,

моя дорогая Бренда, вознесем же к нему молитву, чтобы — он один это может — зло для нас обернулось благом.

Девушки вместе повторили свою обычную вечернюю молитву, прося всевышнего, чтобы он укрепил и охранил их. Кончив молиться, они снова улеглись в постель, не обменявшись больше ни единым словом, кроме обычных «храни тебя господь», которыми заканчивали все дневные разговоры, хотя помыслы их, в силу свойственной всем людям слабости, и не всегда были обращены к небу. Бренда заснула первая, в то время как Минна долго еще мужественно боролась с мрачными и жестокими предчувствиями, вновь овладевшими ее воображением. Но в конце концов и ей удалось забыться сном.

Буря, которую ожидал Холкро, разразилась на рассвете: налетел шквал с дождем и ветром, как это часто бывает в северных широтах даже в летнее время года. От воя этого ветра и стука дождя по тростниковым кровлям рыбацких хижин проснулись несчастные женщины и заставили детей, сложив ручки, молиться вместе с ними о благополучном возвращении дорогого отца и мужа, что был в эти страшные часы во власти разбушевавшейся стихии. В Боро-Уестре завывало в трубах и захлопали ставни. Стропила и стойки верхних этажей здания, большая часть которых была построена из принесенного морем леса, стонали и дрожали, словно боясь, что их снова разобьет и развеет бурей. Но дочери Магнуса Тройла продолжали спать так крепко и спокойно, что казались мраморными статуями, изваянными рукою Чантри. Шквал пронесся, и солнечные лучи разогнали облака, которые умчались по ветру. Солнце уже ярко светило сквозь переплет окна, когда Минна, первая очнувшись от глубокого сна, в который погрузили ее усталость и душевные муки, приподнялась и, опершись на локоть, стала вспоминать случившееся; но после многих часов глубокого сна события прошедшей ночи показались ей бесплотными ночными видениями. Она даже начала сомневаться, не было ли то ужасное, что произошло перед тем, как она встала

с постели, просто сном, навеянными какими-то звуками извне, долетевшими до нее.

«Я должна сейчас же повидать Клода Холкро, — сказала она себе. — Быть может, он знает, что это были за странные звуки, ведь он как раз в это время гулял».

Она прыгнула с кровати, но едва успела ступить на пол, как сестра ее громко вскрикнула:

— Боже мой, Минна, что случилось? Что с твоей ногой?

Минна опустила глаза и с изумлением и ужасом увидела, что обе ноги ее, особенно левая, были покрыты какими-то темно-красными пятнами, похожими на запекшуюся кровь.

Ни слова не ответив Бренде, она бросилась к окну и со страхом взглянула вниз, на траву, где, как она знала, запачкала себе ноги кровью. Но дождь, который лил здесь с утроенной силой и с неба и с крыши замка, бесследно смыл всякие следы преступления, если они действительно существовали. Все дышало свежестью и красотой, и стебли трав, униженные дождевыми каплями, склонялись под их тяжестью и сверкали, словно алмазы, на ярком утреннем солнце.

В то время как Минна не отрывала от усыпанной блестками зелени своих больших темных, расширенных от напряжения и ужаса глаз, Бренда не отходила от нее и с тревогой умоляла сказать, где и как она ранила себя?

— Осколок стекла порезал мне ногу сквозь башмак, — ответила Минна, видя, что для Бренды необходимо было выдумать какое-то объяснение. — Я тогда этого даже не почувствовала.

— Но посмотри, сколько крови! — продолжала Бренда. — Дорогая, — прибавила она, приближаясь с мокрым полотенцем в руках, — дай я смою ее: порез может быть глубже, чем ты думаешь.

Но не успела она подойти, как Минна, у которой не было иного способа скрыть, что кровь, покрывавшая ее ноги, никогда не текла в ее жилах, поспешно и резко отвергла столь сердечно предложенную помощь.

Бедная Бренда, не понимая, чем могла она рассердить сестру, и видя, что ее услуги так нелюбезно отвергнуты, отступила на несколько шагов и остановилась, устремив на Минну пристальный взгляд, в котором отражалось скорее изумление и оскорбленная нежность, чем обида, но вместе с тем и некоторая доля вполне понятного огорчения.

— Сестра, — сказала она, — я думала, что не далее как сегодня ночью мы обещали несмотря ни на что всегда любить друг друга.

— Много может случиться между ночью и утром, — ответила Минна; но не из сердца вырвались у нее эти слова, их вынудили произнести обстоятельства.

— Много действительно может случиться в такую бурную ночь, — подтвердила Бренда. — Посмотри, ураган разрушил даже каменную ограду вокруг огорода Юфены. Но ни ветер, ни дождь и ничто на свете не сможет охладить нашей любви, Минна.

— Может только случиться, — прибавила Минна, — что судьба превратит ее в...

Остальное она произнесла так неясно, что ничего нельзя было разобрать, и принялась смывать пятна крови со своей левой ступни и щиколотки, в то время как Бренда, все еще стоявшая поодаль, тщетно пыталась найти слова, которые помогли бы восстановить дружбу и доверие между ними.

— Ты была права, Минна, — сказала она наконец, — что не дала мне перевязать такую пустую царапину; отсюда она еле заметна.

— Самые жестокие раны, — возразила Минна, — те, которых не видно снаружи. А ты уверена, что видишь мою рану?

— Да, — сказала Бренда, стараясь ответить так, чтобы угодить Минне, — я вижу незначительную царапину. А теперь, когда ты надела чулок, я уже ничего не вижу.

— Сейчас действительно ничего не видно, — ответила Минна, почти не сознавая, что она говорит, — но придет час — и все, да, все станет видимым, все обнаружится! — С этими словами она быстро закончила

свой туалет и поспешила в залу, где заняла свое обычное место среди гостей, собравшихся к завтраку. Но она была так бледна, так измучена, движения и речь ее так изменились и выдавали такое внутреннее смятение, что она невольно обратила на себя внимание всех окружающих и вызвала крайнее беспокойство Магнуса Тройла. Многочисленны и разнообразны были догадки, высказанные гостями по поводу ее недуга, который казался скорее душевным, чем телесным. Некоторые полагали, что девушку испортил дурной глаз, и вполголоса произносили при этом имя Норны из Фитфул-Хэда, другие намекали на отъезд Кливленда, шепотом прибавляя, что «стыдно молодой леди так страдать из-за какого-то бездомного бродяги, о котором никто ничего толком не знает». Особенно усердствовала в повторении этого презрительного эпитета миссис Бэйби Йеллоули, одновременно оправляя на своей морщинистой, старушечьей шее прелестную косынку — так она называла подарок вышеупомянутого капитана. Престарелая леди Глоуроурам имела относительно случившегося свое собственное мнение, которым поделилась с миссис Йеллоули, возблагодарив предварительно господа бога за то, что состоит в родстве с обитателями Боро-Уестры только через покойную мать девушек, которая была столь же высоконравственной шотландкой, как и она сама.

— Ох, уж эти мне Тройлы, сударыня! Как бы они задирали нос, а знающие люди говорят, — тут она хитро подмигнула, — что у всех у них есть странности. Взять хотя бы эту Норну, как ее называют, ибо это вовсе не ее настоящее имя; она, поверите ли, временами становится просто безумной. Люди, знающие причину, говорят, что старый Тройл был когда-то к этому причастен, недаром он до сих пор не дает сказать о ней худого слова. Я-то была тогда в Шотландии, не то я дозналась бы до истины не хуже, чем иные прочие. Но что там ни говори, а только помешательство у них в роду. Вы прекрасно знаете, что сумасшедшие терпеть не могут, когда им перечат. А ведь на всех Шетлендских островах не найдется че-

ловека, который бы так не терпел ни единого супротивного слова, как фоуд. Я никогда не посмею дурно отзываться о доме, с которым связана родственными узами, только, видите ли, сударыня, мы в родстве через Синклеров, не через Тройлов, а Синклеры, сударыня, всем в округе известно, какие здравые умом люди. Но я вижу, что вкруговую пошла уже прощальная чаша.

— Удивляюсь, — сказала миссис Бэйби своему брату, как только леди Глоуроурам отошла от нее, — чего эта толстуха все величает меня «сударыня, сударыня», а не миледи. Могла бы она знать, что род Клинкскэйлов ничуть не хуже каких-то там Глоуроурамов.

Тем временем гости стали поспешно разъезжаться. Магнус, чрезвычайно угнетенный внезапным недугом Минны, едва обращал на них внимание и, в противоположность своим прежним гостеприимным обычаям, со многими даже не попрощался. Итак, болезнью и огорчением окончилось в этом году в замке Боро-Уэстра празднество в честь святого Иоанна, так что мы сможем к поучениям короля Эфиопии прибавить еще и следующее: «Не рассчитывай, смертный, что ты счастливо проведешь дни, которые уготовил для счастья».

Глава XXIV

Нет, эта боль, что грудь терзает ей, —
То не земной, естественный недуг,
Ее причина глубже и страшней:
То ведьмовских, как видно, дело рук,
То, видно, самый ад послал ей
столько мук.

«Королева фей», книга III, песнь III

Давно уже прошел срок, какой Мордонт Мертон назначил для возвращения своего под отчий кров в Ярлсхофе, а о юноше все не было ни слуху ни духу. Во всякое другое время такая задержка не возбудила бы ни толков, ни беспокойства: престарелая

Суерта, которая взяла на себя труд и предполагать и располагать в пределах своего маленького хозяйства, в прежнее время решила бы, что Мордонт задержался в Боро-Уестре дольше других гостей, чтобы принять участие в какой-нибудь веселой охоте или прогулке. Но ей было известно, что с некоторых пор Мордонт перестал быть любимцем Магнуса Тройла; она знала также, что он рассчитывал пробыть в Боро-Уестре лишь самое короткое время, беспокоясь о здоровье своего отца, к которому, хотя его сыновняя преданность и встречала весьма слабое поощрение, он выказывал всегда неизменное внимание. Суерта знала все это и поэтому начала тревожиться. Она стала следить за своим хозяином, Мертоном-старшим, но мрачное и строгое лицо его, всегда спокойное, как озерная гладь в глубокую полночь, никому не давало возможности проникнуть дальше поверхности. Его научные занятия, одинокие прогулки и трапезы чередовались с неизменной правильностью, и, казалось, мысль о долгом отсутствии Мордонта ни в малейшей степени его не тревожит.

В конце концов до ушей Суерты со всех сторон стали доходить такие слухи, что она оказалась не в силах более скрывать свое беспокойство и решила, рискуя навлечь на себя ярость хозяина и, быть может, даже лишиться места, довести до его сведения мучившие ее сомнения. Веселый характер и привлекательная внешность Мордонта должны были, очевидно, произвести немалое впечатление на одряхлевшее и черствое сердце бедной старухи для того, чтобы она решилась на столь отчаянный поступок, от которого ее тщетно пытался отговорить приятель ее ранслар. Сознывая, однако, что неудача — подобно потере бутылки Тринкуло в луже — повлечет за собой не только позор, но и неисчислимые убытки, она решила приступить к своему героическому предприятию со всеми предосторожностями, какие только допускала ее попытка.

Мы уже упоминали об одной, казалось, неотъемлемой природной черте ее скрытного и необщительного хозяина, во всяком случае — во все время его добро-

вольного затворничества в Ярлсхофе: он не терпел, чтобы кто-либо заговаривал с ним или спрашивал о чем-либо, не связанном непосредственно с насущной и не терпящей отлагательств необходимостью. Поэтому Суерта прекрасно понимала, что если она хочет удачным образом начать беседу, которую задумала, со своим хозяином, то должна обернуть дело так, чтобы он сам начал разговор.

С этой целью, накрывая на стол для скромного и одинокого обеда мистера Мертон, она аккуратно поставила два прибора вместо одного и все прочие приготовления повела так, словно хозяин ее ожидал к обеду гостя или иного сотрапезника.

Хитрость ее удалась, ибо Мертон, войдя в столовую и увидев накрытый на два прибора стол, сейчас же спросил у Суерты, которая, ожидая результатов своей уловки, вертелась по комнате, следя за своим хозяином, как рыбак за поплавком, не вернулся ли Мордонт из Боро-Уестры.

Этот вопрос развязал Суерте язык, и она ответила с полуестественной-полуделанной тревогой и печалью в голосе:

— Нет, нет, в двери наши еще никто не стучался. А только дал бы господь, чтобы мейстер Мордонт, бедный наш мальчик, воротился здоровым и невредимым.

— А раз его нет дома, зачем ты ставишь для него прибор, старая дура? — спросил Мертон тоном, рассчитанным на то, чтобы сразу прекратить все дальнейшие разглагольствования Суерты.

Однако она смело возразила ему:

— Хоть кто-нибудь да должен позаботиться о бедном мейстере Мордонте, а я только и могу, что поставить для него стул и тарелку на тот случай, коли он вернется. А только давненько уже нет нашего голубчика, и правду сказать, так меня страх берет: вдруг да он совсем не вернется.

— Страх! — перебил ее Мертон, и глаза его за-сверкали, предвещая приступ необузданной ярости. — Что мне твой страх, женщина, твой пустой страх, когда я знаю, что все в существах твоего пола,

что не сводится к коварству, глупости, самомнению и себялюбию, не что иное, как нервы, идиотские страхи, слезы и припадки! Но какое мне дело до твоих страхов, старая, безмозглая ведьма?

Надо сказать, что прекрасная половина рода человеческого обладает одним замечательным свойством: достаточно женщинам заметить какое-либо нарушение в естественном проявлении родственного чувства, как все они немедленно встают на защиту угнетенного. Разнесется ли по улице слух о родителях, истязавших ребенка, или о ребенке, непочтительном к родителям, — я опускаю случай отношений между супругами, ибо тут женщины, как сторона заинтересованная, не могут быть беспристрастны, — как они всей округой сейчас же горячо и решительно вступаются за пострадавшего Суерта, несмотря на свою жадность и скупость, также обладала немалой долей этого благородного чувства, делающего столь много чести прекрасному полу, и в данном случае оно проявилось у нее так бурно, что она стала возражать хозяину и принялась укорять его в бессердечии и равнодушии с такой смелостью, какой сама от себя не ожидала.

— По правде говоря, не моя это вовсе забота дрожать от страха за молодого мастера Мордонта, хоть и дорог он мне как зеница ока, да ведь все другие отцы, кроме вашей милости, уж давно сами побеспокоились бы расспросить, куда это подевался наш бедный мальчик. Вот уже вторая неделя, как он ушел из Боро-Уестры, и ни одна-то живая душа не знает, где он и что с ним. Ребятишки в поселке — и те ревмя-ревут, потому что, бывало, он им вырезывал все их кораблики перочинным ножом, и ничьи глаза во всей округе — слышите? — ничьи глаза не останутся сухими, случись с бедным мастером что недоброе, разве только, с позволения сказать, глаза вашей милости.

Мертон был до такой степени поражен дерзкой тирадой своей взбунтовавшейся экономки, что сначала онемел от изумления, но при последнем ее язвительном замечании он возвысил голос и приказал ей

замолчать, сопровождая свои слова таким устрашающим взглядом, какой только могли выразить его черные глаза на суровом лице. Однако Суерта, как она впоследствии созналась ранслару, до того разошлась, что ее не остановил ни громкий окрик, ни страшный взгляд хозяина, и она продолжала все тем же тоном.

— Ваша милость, — сказала она, — бог знает какую бучу подняли из-за того, что бедняки поселка стали подбирать обломки разбитых ящиков и разное тряпье, что валялось на берегу и никому на свете не было нужно, а тут пропал, потерялся прямо на ваших глазах самый что ни на есть лучший парень во всей окрестности, а ваша милость даже не спрашивают, что же это с ним приключилось.

— А что же плохое могло с ним случиться, старая дура? — спросил Мертон. — Хорошего, правда, тоже мало в бессмысленных забавах, на которые он тратит все свое время.

Это было сказано скорее презрительным, чем сердитым тоном, и Суерта, которая уже вошла в азарт, решила не выпускать инициативу из рук, тем более что пыл ее противника начал, казалось, ослабевать.

— Ну ладно, так и быть, пусть я старая дура! А вдруг мейстер Мордонт лежит сейчас на дне Руста, ибо мало ли судов погибло в то утро, как налетел этот страшный шквал; счастье еще, что хоть страшный, да недолгий, а то пропасть бы всем, кто был на море! А вдруг наш мальчик возвращался пешком и утонул в озере? Разве не мог он оступиться где-нибудь на скале? Весь остров знает, какой он отчаянный! Так кто же тогда окажется старым дураком? — закончила Суерта, а затем воскликнула с трогательным воодушевлением:

— Господь помилуй и сохрани бедного сиротку! Да будь только у него родная матушка, давно бы уже искали его по всем окрестностям!

Последний упрек страшным образом подействовал на Мертона — нижняя челюсть его задрожала, лицо побелело, и он слабым голосом еле сумел сказать

Суерте, чтобы она поднялась в его комнату, куда она допускалась лишь в самых редких случаях, и принесла одну из хранившихся там бутылок.

«Ого, — заметила про себя Суерта, бросаясь выполнять поручение, — а хозяин-то знает, где найти чашу утешения и что подбавить при надобности в свою обычную воду».

В комнате Мертон действительно стоял ящик с бутылками, в каких обыкновенно хранят крепкие напитки, но насевшие на них пыль и паутина указывали, что к ним много лет не притрагивались. Не без усилий удалось Суерте, орудуя вилкой, ибо пробочника в Ярлсхофе не водилось, вытащить из одной из них пробку. Затем, сначала понюхав, а потом, во избежание ошибки, и отхлебнув немного, она удостоверилась, что в бутылке содержится целительная барбадосская водка, и понесла ее в столовую, где Мертон все еще не мог справиться с охватившей его слабостью. Суерта налила немного водки в первую попавшуюся чашку, справедливо полагая, что на человека, столь непривычного к употреблению спиртных напитков, и малая доза окажет сильное воздействие, но больной нетерпеливо приказал ей наполнить чашку, вмещающую по крайней мере треть английской пинты, до самых краев и, не задумываясь, опорожнил ее.

— Помилуй нас все святые угодники! — воскликнула Суерта. — Как опьянеет он теперь да как рехнется совсем, ну что я тогда буду с ним делать?

Но Мертон стал дышать легче, на лице его снова появилась краска, и все это без малейшего признака опьянения. Суерта впоследствии рассказывала, что хотя она и прежде весьма уважала глоток спиртного, но никогда еще не видела такого его чудесного действия: хозяин заговорил так же здраво, как и прочие смертные, чего она с самого своего поступления к нему ни разу еще не слышала.

— Суерта, — сказал он, — на этот раз ты была права, а я нет. Беги сейчас же к ранслару и скажи, чтобы он, не медля ни минуты, явился ко мне и сообщил, сколько может мне дать лодок и людей: я хочу послать их на розыски и щедро всем заплачу.

Подгоняемая той страстью, которая, как говорится, и старуху заставит бежать рысью, Суерта, насколько позволяли ей шесть десятков лет, помчалась в поселок, радуясь, что ее добрые чувства повлекут за собой, очевидно, должную награду, ибо предполагаемые поиски обещали принести изрядную поживу, из которой она твердо рассчитывала урвать и свою долю. Еще на бегу, задолго до того, как ее могли услышать, она принялась громко выкрикивать имена Нийла Роналдсона, Суэйна Эриксона и прочих друзей и приятелей, которых касалось ее поручение. По правде говоря, хотя почтенная женщина была на самом деле сердечно привязана к Мордонту Мертону и крайне встревожена его отсутствием, но мало что, пожалуй, могло бы сейчас сильнее разочаровать ее, чем его неожиданное появление перед ней здоровым и невредимым, ибо это сделало бы ненужными поиски и все связанные с ними расходы и хлопоты.

Спустившись в поселок, Суерта быстро выполнила возложенное на нее поручение и кстати договорилась и о своей собственной скромной доле в доходах, обеспеченных ее усердием. Затем она поспешила обратно в Ярлсхоф, с величайшим старанием объясняя шагавшему рядом с ней Нийлу Роналдсону все особенности своего хозяина.

— Ты вот что запомни, — говорила она, — как он что спросит, ты не тяни, отвечай сразу же, да слова произноси ясно, громко, словно окликаешь судно — очень уж он не любит переспрашивать. А коли он спросит, далеко ли что находится, так ты считай не милями, а лигами — он ведь о нашей стране ничего не знает, даром что живет в ней столько лет. А когда зайдет речь о деньгах, называй цену в долларах, а не в шиллингах — серебряные монеты для него все равно что черепки.

Напутствуемый подобным образом, Нийл Роналдсон предстал наконец перед лицом Мертона, но тут же был повергнут в крайнее смущение, увидев, что из заранее им обдуманной системы обманов ничего не получится. Когда он попытался, сильно преувеличив пределы и опасность предполагаемых поисков,

заломить ни с чем не сообразную цену за шлюпки и услуги людей, ибо розыски должны были происходить и на море и на суше, Мертон сразу же осадил его, обнаружив не только превосходнейшее знакомство со всеми окрестностями, но и знание расстояний, приливов, течений и вообще всего, что касалось мореплавания в окружающих водах, хотя все это были вещи, о которых он раньше, казалось, не имел ни малейшего представления. Страх поэтому охватил ранслара, когда вопрос зашел о вознаграждении, ибо можно было опасаться, что Мертон так же хорошо осведомлен о том, сколько кому справедливо полагается за его старания, и Нийл прекрасно помнил его ярость, когда, еще в первые дни своего пребывания в Ярлсхофе, он выгнал вон Суэйна Эриксона и Суерту. Пока, однако, ранслар в нерешительности молчал, одинаково боясь запросить как слишком много, так и слишком мало, Мертон, не дав ему даже раскрыть рта, разрешил все его сомнения, назначив такую цену, о которой тот не посмел бы и заикнуться, да еще обещал в придачу дополнительную награду, если посланные возвратятся со счастливой вестью, что сын его жив.

Когда этот важный вопрос был таким образом разрешен, Нийл Роналдсон, как и подобает добросовестному человеку, принялся серьезно обсуждать, где следовало искать пропавшего юношу. Честно пообещав навести справки о нем в доме каждого землевладельца не только на Главном, но и на соседних островах, он прибавил, что, «кроме всего этого, не во гнев будь сказано вашей милости, так тут, совсем недалеко, есть кое-кто... и если набраться храбрости и спросить ее, а она расположена будет ответить, так она могла бы побольше других рассказать про мейстера Мертона».

— Ты-то понимаешь, Суерта, о ком я веду речь... Она еще сегодня утром была у нас на берегу, — таинственно добавил он, взглянув на домоправительницу, которая в ответ подмигнула ему и кивнула головой.

— О ком это вы? — спросил Мертон. — Говорите коротко и ясно, кого вы имеете в виду?

— Да Норну из Фитфул-Хэда, — ответила Суерта, — а то кого же еще? Сегодня чуть свет отправилась она к церкви святого Рингана, а по какому делу, так это уж ей одной ведомо.

— А что может эта особа знать о моем сыне? — спросил Мертон. — Ведь это, насколько мне известно, какая-то бродячая сумасшедшая или ловкая притворщица?

— Если она и бродит с места на место, — ответила Суерта, — то вовсе не потому, что ей негде голову приклонить; все знают, что у нее у самой изрядные средства, да и фоуд не допустит, чтобы она хоть в чем-нибудь терпела нужду.

— Но какое все это имеет отношение к моему сыну? — нетерпеливо повторил Мертон.

— Чего не знаю, того не знаю, — ответила Суерта, — а только полюбился ей мейстер Мордонт с того самого дня, как она его в первый раз увидела, и много она в разное время всяких хороших вещей ему надарила, взять хоть золотую цепочку, что висит у него на шейке. В народе говорят, что это волшебное золото, я-то этого не понимаю, а вот Брайс Снейлсфут — так он уверяет, что цена этой цепочке целых сто английских фунтов... Да, это вам не горсть пустых орехов.

— Ну так пойдите, Роналдсон, а еще лучше — пошлите кого-либо за этой женщиной, — сказал Мертон, — если вы действительно полагаете, что ей может быть известно что-нибудь о моем сыне.

— Она узнает все, что случается на наших островах, всегда прежде других, — ответил Нийл Роналдсон, — и это самая что ни на есть чистая правда. Но пойти за ней в церковь или на церковный погост да подглядывать там за ней — ну нет, на это никто в Шетлендии не согласится ни похвальбы ради, ни за деньги, и это тоже самая настоящая правда.

— Трусливое, суеверное дурачье! — воскликнул Мертон. — Подай мне плащ, Суерта. Эта женщина была в Боро-Уестре, она родственница Тройлов; быть может, она в самом деле знает, что случилось с Мор-

донтом и почему его до сих пор нет. Я сам пойду за ней. Ты говоришь, что она в церкви святого Креста?

— Нет, нет, не в церкви Креста, а в старой церкви святого Рингана, — ответила Суерта. — Страшное это место, и слава у него вовсе нехорошая. А если бы ваша милость послушались моего совета, то подождали бы, пока старая колдунья сама не вернется оттуда, и не стали бы мешать ей, когда она занята, по нашему пониманию, скорей с мертвецами, нежели с живыми людьми. Такие, как она, не любят, если кто подглядывает за ними, когда они занимаются своими страшными делами — господи спаси нас и помилуй!

Мертон ничего не ответил, но, набросив на плечи плащ, ибо день был пасмурный, с налетавшими по временам короткими, но сильными ливнями, покинул обветшалые стены Ярлсхофа и пошел гораздо быстрее, чем обычно, по направлению к развалинам старой церкви, которая находилась, как ему хорошо было известно, на расстоянии трех или четырех миль от его жилища.

Ранслар и Суерта долго стояли, молча глядя ему вслед. Когда же он удалился настолько, что до него не могли уже долетать их слова, они серьезно посмотрели друг на друга и, одновременно покачав своими умудренными опытом головами, в один голос заговорили.

— Дураки рады торопиться, — сказала Суерта.

— Кто *фэй*, тот всегда быстро бежит, — прибавил ранслар. — Но только, что на роду написано, от того не уйдешь, нет. Знал я на своем веку людей, что пытались удержать отмеченных судьбой. Ты, верно, слыхала про Элен Эмберсон из Кэмсея, как она закрыла все ставни и законопатилла все щели в них, чтобы муженек ее не увидел рассвета и не отправился вместе со всеми на дальние промыслы, так как она боялась в тот день бури. И как шлюпка, на которой он должен был отплыть, погибла в Русте. И как Элен шла домой и радовалась, что вот ее муженек остался цел, — да напрасны были все ее старания: вернулась она, а муженек-то захлебнулся в ушате с суслом в стенах собственного дома, вот и выходит...

Но здесь Суерта перебила ранслара, напомнив ему, что он должен спуститься на берег и отправить в море рыбацьи лодки на поиски Мордонта.

— Пойми, сердце у меня так и ноет из-за моего голубчика, — прибавила она, — а потом, кто знает: может, не успеете вы еще выйти в море, как он сам собой объявится? А к тому же я не раз тебе твердила, что хозяин мой любит приказывать, но подгонять не любит, и если ты не сделаешь, как он велел, и не выйдешь сейчас же в море, никогда он ваши лодки больше нанимать не будет и ни гроша медного вы от него больше не увидите.

— Ладно, ладно, уважаемая хозяйюшка, — ответил ранслар, — мы уж поторопимся, как только можем. На мое счастье, ни Клосон, ни Питер Грот со своими шлюпками не отправились сегодня утром на дальние промыслы: кролик, видишь ли, перебежал им дорогу, когда шли они к морю, и они, не будь дураками, сразу вернулись — сообразили, что, значит, сегодня же подвернется им другое дельце, повыгоднее. И подумать только, Суерта, как мало здраво рассуждающих людей осталось у нас на острове! Взять хотя бы нашего славного юдаллера: умен-то он, что и говорить, да только пока в голове у него не зашумит, и слишком уж часто он в плавание пускается на своем «Кантонском моряке» да на «баркасе». Дочка-то его, миссис Минна, тоже, слышал я, недавно повредилась в уме. Или вот Норна: знать-то она знает много больше других, а разве умной женщиной ее назовешь? А ваш тэксмен, мейстер Мертон? Сразу видно, что у него не все дома, да и у сыночка его тоже ветер в голове гуляет. Да, мало я знаю здесь людей непростого звания, кроме меня самого да разве что тебя, Суерта, которых бы так или иначе, а нельзя было называть дураками.

— Может быть, и так, Нийл Роналдсон, — ответила почтенная домоправительница, — да только спешика ты живее на берег, не то того и гляди начнется отлив, и кто, как я давеча сказала своему хозяину, окажется тогда дураком?

Глава XXV

Люблю руины славного былого —
Куда бы ни ступила здесь нога,
Все говорит о величавом прошлом.
Вот портик оголенный, он открыт
Дождям и ветру. Здесь в гробах

лежат

Те, что любили церковь и дары
Несли ей щедро, веря, что сумеет
Она их прах ничтожный сохранить
До Страшного суда. Но все

проходит:

И городам и храмам суждено,
Как людям, и болеть и умирать

«Герцогиня Мальфи»

Лежащая ныне в развалинах церковь святого Ниниана в свое время пользовалась огромной славой. Могущественная система римской церкви, основанная на суевериях, опутала своими корнями всю Европу и распространилась даже на Шетлендские острова. Во времена расцвета католичества здесь были, таким образом, свои святые, свои святыни, свои мощи, которые хотя и оставались неизвестными за пределами архипелага, пользовались глубоким уважением у простодушных обитателей страны Туле, воздававших им должные почести. Особенно почиталась церковь святого Ниниана, или — по местному произношению — святого Рингана, которая стояла почти на самом берегу и служила для находившихся в море судов видным со многих сторон береговым знаком. С этой церковью было связано столько суеверных обрядов и преданий, что протестантское духовенство сочло своим долгом, заручившись разрешением высших церковных властей, запретить в ее стенах какое-либо богослужение, дабы уничтожить укоренившуюся в сердцах простых и доверчивых местных жителей веру в святых и прочие заблуждения римско-католического вероисповедания.

После того как церковь святого Ниниана была, таким образом, объявлена очагом идолопоклонства и закрыта, богослужение перенесли в другой храм. Со старой, тесной, возведенной в суровом готическом

стиле церковки содрали свинцовую кровлю и стропила и оставили ее на пустынном берегу на произвол стихиям. Яростные ветры, бушевавшие по всему открытому побережью, вскоре, как и в Ярлсхофе, занесли песком и неф храма и боковые его приделы, а снаружи, с северо-западной, наиболее доступной ветрам стороны, образовали огромные наносы, больше чем наполовину закрывшие стены. Над ними виднелись лишь концы стропил снесенной крыши, а в восточном углу — небольшая полуобвалившаяся колоколенка, выглядевшая совершенной руиной.

Однако, несмотря на то, что она была разрушена и заброшена, церковь святого Рингана сохранила некоторые остатки своего бывшего влияния. Простые и невежественные рыбаки Данроснесса до сих пор соблюдали обряд, смысл которого давным-давно позабыли и от которого напрасно старалось отвлечь их протестантское духовенство. В минуту крайней опасности на море они давали обет, называвшийся *омас*, то есть приношение святому Рингану, и тот, кто благополучно возвращался, никогда не забывал выполнить его. Обет этот заключался в том, чтобы тайно и в полном одиночестве подойти к старой церкви, снять башмаки и чулки у входа на погост и трижды обойти вокруг развалин, обязательно по солнцу. Завершив третий обход, надо было опустить свое приношение — обычно мелкую серебряную монету — сквозь каменный переплет стрельчатого окна одного из боковых приделов, а затем уйти, не оборачиваясь, пока не останется позади погост, скружавший когда-то церковь, ибо существовало поверье, что скелет святого Рингана хватал подаяние своей костлявой рукой, а страшный череп его с пустыми глазницами показывался у окошка, через которое была брошена монета.

Место это казалось тем более страшным, особенно для слабых и невежественных умов, что те же яростные ветры, которые с одной стороны церкви погребли развалины под огромными наносами песка, так что почти скрыли боковую стену с ее контрфорсами, с другой стороны обнажили гробницы тех, кто вкушал вечное отдохновение в юго-восточном углу

погоста. И порой, после особо жестокого урагана, гробы, а иногда и останки тех мертвецов, которые были погребены без савана, представляли перед людскими взорами во всей своей отвратительной наготе.

К этому опустевшему храму и направил свои стопы Мертон-старший, отнюдь, однако, не с той благочестивой или суеверной целью, с какой приходили сюда местные жители. Он не только не разделял их предрассудков, но из-за уединенного и замкнутого образа жизни, какой вел, не присоединяясь к обществу даже для совместной молитвы, слыл в народе человеком, склонным к вольнодумству и скорее слишком мало, чем слишком много верящим в то, что предписывается христианским благочестием.

Выйдя к небольшому заливу, на берегу которого, почти у самой воды, находились развалины церкви, он невольно на миг остановился и почувствовал, как велико влияние окружающей природы на человеческое воображение и с каким знанием дела было выбрано место для постройки этого храма. Прямо перед ним расстилалось море, а справа и слева, окаймляя бухту, далеко выдавались вперед два мыса, словно два гигантских мола, сложенных из темных и мрачных скал, на верхних уступах которых чайки и другие морские птицы казались хлопьями снега. На более низких утесах длинными рядами вытянулись бакланы, словно солдаты в боевом порядке, и, кроме них, не было видно ни единого живого существа. Море, хотя и не бурное, все же волновалось и, разбиваясь о крайние выступы скал, гремело, подобно отдаленному грому, а пенистые валы, вздымаясь до половины черных утесов, своим резким цветовым контрастом производили одновременно и чудесное и жуткое впечатление.

В тот день, когда Мертон посетил побережье, между крайними оконечностями выступающих в море скал клубились густые, непроницаемые тучи, ограничивавшие видимость и совершенно закрывавшие от взоров далекий океан, напоминая море в «Видении Мирзы», скрытое пеленой облаков и туманов. Круто поднимавшийся берег не давал взгляду

проникнуть в глубь страны и являл безнадежно унылую картину, ибо чахлый и низкорослый вереск и длинные, пригнувшиеся к земле жесткие травы из тех, что первыми появляются на песчаной почве, были здесь единственными заметными представителями растительного мира. В глубине бухты, на естественном возвышении, отстоявшем от моря настолько, что его не заливали волны, стояли уже описанные нами полузанесенные песком руины церкви, окруженные обветшалой и наполовину разрушенной оградой, которая хотя и обвалилась во многих местах, но все еще указывала пределы бывшего кладбища. Рыбаки, вынужденные в непогоду искать прибежища в этой пустынной бухте, утверждали, что порой в церкви можно видеть огни, предвещавшие несчастья на море.

Мертон, приближаясь к церкви, невольно и, быть может, сам над этим не задумываясь, старался остаться незамеченным, пока наконец не очутился у самых стен погоста, к которому случайно подошел как раз с той стороны, где ветер сдул песок и могилы, как мы уже говорили, лежали обнаженными.

Заглянув в одну из брешей, образовавшихся в ограде, Мертон увидел ту, которую искал, погруженную в занятие, вполне, по мнению народа, для нее подходящее, но вместе с тем достаточно необычное.

Она была чем-то занята, стоя около грубо обтесанного памятника, на одной стороне которого было высечено топорное изображение какого-то рыцаря или всадника на коне, а на другой — щит с настолько стершимися геральдическими знаками, что они стали совершенно неразличимы. Щит был повешен наискось, в противоположность принятому ныне обычаю вешать его прямо. Под этим каменным столпом был погребен, как приходилось слышать Мертону, прах одного из отдаленных предков Магнуса — Риболта Тройла, прославившегося своими подвигами в пятнадцатом столетии. С могилы этого воина Норна из Фитфул-Хэда сгребала рыхлый и легкий песок, что не представляло особенных трудностей. Было очевидно, что в скором времени она довершит дело, начатое суровыми

ветрами, и обнажит погребенные в земле кости. Углубившись в свое занятие, она пела вполголоса магическое заклинание, ибо без рунических стихов в Шетлендии не обходится ни один суеверный обряд. Мы привели, быть может, уже достаточное количество таких песнопений, но не в силах удержаться от попытки перевести еще и следующие строчки:

О герой былых времен
Риболт Тройл, глубок твой сон,
Но скелет гигантский твой
Еле скрыт теперь землей.
Прежде и друзья не смели
Тронуть мех твоей постели,
А теперь с тебя песок
И ребенок сдуть бы мог.

Но не гневись, уснувший дух,
Не устрашай мой взор и слух,
Не бойся, что своей рукой
Я потревожу твой покой
И на заброшенном погосте
Гигантские открою кости.
Поверь мне, только мерк свинца
Я отниму у мертвеца,
И сохранит свинцовый кров
Тебя и впредь от злых ветров.

Видишь, я достала нож!
Что ж ты в гневе не встаешь?
Кто бы, дерзкий, прежде мог
Над тобой взнести клинок?
Видишь, режу я свинец,
Поднимайся же, мертвец!
Нет, глубок твой вечный сон!
Мой же тайный труд свершен.

Благодарю тебя, герой,
За скромный дар. Теперь прибой,
Все обдавая белой пеной,
Не залетит за эти стены.

И ветер, нисходя с высот,
Здесь остановит свой полет,
И колыбельной песней он
Овеет твой последний сон.

Знай же, Риболт Тройл, и ведай,
Что сивилле Фитфул-Хэда
Власть ее дана судьбой
Вместе с мукой роковой,
И, великая той властью,
Обреченная несчастью,
Всех презреннее она,
Но словам своим верна.

Пока Норна пела первую половину этого заклинания, она успела обнажить часть свинцового гроба и отделила с большой осторожностью и благоговением небольшую долю металла. Затем так же благоговейно она забросала песком открывшийся угол гроба, и к тому времени, когда заклинание было допето, никаких следов от совершенного святотатства уже не оставалось.

В продолжение всей этой церемонии Мертон молча смотрел на Норну из-за кладбищенской ограды — не потому, однако, что она или ее занятие внушали ему суеверный страх, а просто он понимал, что прерывать безумную в тот момент, когда она занята своим безумным делом, отнюдь не лучший способ получить от нее те сведения, которыми она, быть может, располагает. Тем временем Мертон мог на свободе рассмотреть Норну, хотя лицо ее было скрыто прядями растрепанных волос и капюшоном темного плаща. Так жрицы друидов, должно быть, прятали свои черты от постороннего глаза во время исполнения священных ритуалов. Мертон слышал о Норне и, быть может, даже не раз видел ее, ибо она часто появлялась в окрестностях Ярлсхофа с тех пор, как он там поселился. Но нелепые рассказы, ходившие о ней по всей округе, делали в его глазах совершенно недостойной внимания ту, которую он считал либо притворщицей, либо безумной, либо своеобразным сочетанием того

и другого. Теперь же, в силу сложившихся обстоятельств, внимание его волей-неволей оказалось прикованным к ее личности и поведению, и он не мог не признаться в том, что либо она действовала совершенно искренне, либо исполняла свою роль с таким мастерством, в каком ее не могла бы превзойти даже пифия древнего мира. Величественные, полные достоинства движения, торжественный и вместе с тем выразительный тон, с каким она обращалась к отлетевшему духу, чьи бранные останки осмелилась потревожить, — все это не могло не произвести на Мертона глубокого впечатления, хотя обычно он оставался совершенно равнодушным и безучастным ко всему окружающему. Но едва Норна завершила свое более чем странное дело, как Мертон, не без труда перебравшись через полуразрушенную ограду, вступил в пределы погоста и предстал перед ее глазами. Нисколько не испугавшись и не выказав ни малейшего удивления при виде постороннего человека в столь уединенном месте, Норна произнесла, словно обращаясь к лицу, которого ожидала:

— Итак, ты решил наконец разыскать меня?

— И нашел тебя, — ответил Мертон в том же тоне, полагая таким образом скорее получить от нее нужные сведения.

— Да, — повторила она, — ты нашел меня там, где все смертные должны встретиться: в обители мертвых.

— Да, здесь мы все встретимся в конце концов, — подтвердил Мертон, бросая взгляд на окружающий их унылый клочок земли, где виднелись только заброшенные надгробия, покрытые надписями и украшенные эмблемами смерти. Одни из них были наполовину занесены песком, из-под других тот же ветер выдул самую почву, на которой они покоились. — Да, здесь, — повторил Мертон, — в обители смерти, все люди встретятся в конце концов. И счастлив тот, кто раньше прибудет в эту тихую гавань.

— Лишь тот смеет уповать на тихую гавань, — возразила Норна, — кто неуклонно держал верный путь в море жизни. Я не дерзаю надеяться на тихую

гавань. А ты имеешь дерзость на это надеяться? Смеешь ли ты сказать, что шел неуклонно правым путем?

— Речь сейчас не обо мне, — возразил Мертон. — Я пришел, чтобы спросить, не знаешь ли ты чего-либо о моем сыне, Мордонт Мертоне.

— Отец, — воскликнула Норна, — отец спрашивает чужую женщину, что она знает о его сыне! Но что могу я знать о нем? Баклан не спрашивает у кряквы, где его птенцы.

— Довольно говорить загадками, — сказал Мертон, — такая таинственность хороша для простых и невежественных рыбаков, но со мной это потерянный труд. Мне сказали в Ярлсхофе, что ты знаешь или можешь знать, что случилось с Мордонтом Мертоном, который не вернулся с праздника, бывшего в Иванов день в доме твоего родственника Магнуса Тройла. Скажи мне, что ты знаешь о нем, если ты действительно что-либо знаешь, и я отблагодарю тебя, насколько это будет в моей власти.

— Нет ничего во всей вселенной, — ответила Норна, — что считала бы я наградой за малейшее из слов моих, сказанных смертным. А о сыне твоём говорю я тебе: если хочешь видеть его живым, отправляйся на Оркнейские острова, на Кёркуоллскую ярмарку.

— Но почему именно туда? — воскликнул Мертон. — Я знаю, что мой сын не собирався там быть.

— Нас уносит поток судьбы, — продолжала Норна, — и нет у нас ни весла, ни ветрил. Нынче утром у тебя и в мыслях не было посетить церковь святого Рингана, и, однако, ты здесь. Минуту тому назад ты и не думал о Кёркуолле, и все же ты туда отправился.

— Только в том случае, если ты мне объяснишь, для чего это нужно. Я не из тех, сударыня, кто верит в вашу сверхъестественную силу.

— Ты уверуешь в нее прежде, чем мы расстанемся, — изрекла Норна. — Мало ты знал до сих пор обо мне и ничего больше не узнаешь. Мне же известны все твои тайны, и единого моего слова довольно, чтобы убедить тебя в этом.

— Ну что же, тогда произнеси его, — сказал Мертон, — ибо без подобного доказательства вряд ли я последую твоему совету.

— Запомни же хорошенько то, — продолжала Норна, — что скажу я тебе о твоём сыне, ибо то, что я скажу потом о тебе самом, изгонит из твоей памяти всякую иную мысль. Ты отправишься в Кёркуолл и на пятый день ярмарки, ровно в полдень, войдешь в наружный придел собора святого Магнуса. Там ты встретишь того, кто сообщит тебе, где находится твой сын.

— Ну, если вы хотите, сударыня, чтобы я последовал вашему совету, — насмешливо ответил Мертон, — вам придется выразиться яснее. Многие женщины обманывали меня в былое время, но ни одна из них не морочила так грубо, как пытаешься это сделать ты.

— Так слушай же! — воскликнула старая колдунья. — Слово, которое я скажу тебе, касается самой страшной тайны твоей жизни и поразит тебя в самое сердце.

Тут она шепнула на ухо ему слово, действие которого оказалось на самом деле поразительным: онемевший от изумления Мертон застыл на месте, тогда как Норна с торжествующим и победоносным видом медленно подняла руку к небу, скользнула прочь, зашла за выступ стены и исчезла.

Мертон не сделал попытки ни догнать ее, ни выяснить, куда она скрылась. «От судьбы своей, верно, не уйдешь», — сказал он, когда опомнился, и поспешил покинуть заброшенный храм с его погостом. Обернувшись в последний раз с того места, откуда была еще видна церковь, он разглядел высокий силуэт Норны. Закутавшись в плащ, она стояла на самом верху полуразрушенной башни, вздымая навстречу морскому ветру нечто похожее на белый вымпел или флаг. Ужас, подобный тому, какой возбудили ее последние слова, снова пронизал Мертона до самой глубины сердца, и он с невольной поспешностью зашагал прочь, пока церковь святого Ниниана и ее песчаная бухта не остались далеко позади.

Мертон вернулся в Ярлсхоф с таким изменившимся лицом, что Суерта сразу предположила близкое наступление одного из приступов его глухой меланхолии, которые она называла «черным часом».

«А чего же еще было и ожидать, — думала старая домоправительница, — раз понадобилось ему пойти за Норной из Фитфул-Хэда к церкви святого Рингана, где водится нечистая сила».

Однако хозяин, не проявляя никаких иных признаков наступающего безумия, кроме глубокой подавленности, сообщил ей свое намерение отправиться на Кёркуоллскую ярмарку. Это настолько противоречило его обычному поведению, что Суерта просто не могла поверить своим ушам.

Немного погодя он с явным безразличием выслушал сообщения лиц, посланных на розыски Мордонта, о том, что все поиски как на суше, так и на море оказались бесплодными. Невозмутимость, с которой Мертон отнесся к их неудаче, еще более убедила Суерту в том, что во время его разговора с Норной старая колдунья уже успела предсказать ему подобный исход.

Обитатели поселка были еще более изумлены, когда узнали, что их тэксмен, словно повинувшись какому-то неожиданно принятому решению, готовится посетить Кёркуолл в дни ярмарки, хотя до того он тщательнейшим образом избегал подобного рода сборищ. Суерта долго ломала над этим голову, но загадка так и осталась для нее загадкой. Она продолжала также беспокоиться о судьбе своего юного господина, но тревога ее была в значительной степени смягчена некоторой суммой, не столь крупной по существу, но в ее глазах составлявшей целое состояние, которую хозяин вручил ей, сообщив при этом, что он договорился о поездке в Кёркуолл на небольшом суденышке, принадлежавшем владельцу острова Мауза.

сом озиралась кругом, как человек, который видит огонь, поднесенный к фитилю заряженной мины, и вот-вот ожидает страшного взрыва. Когда же она убеждалась, что никому еще ничего не известно, то это не только не успокаивало, но еще усиливало ее мучения, и порой она почти желала, чтобы скорее обнаружилось самое худшее, — так ужасно было переносить нескончаемые муки неведения.

Ее отношение к сестре было крайне непостоянным, хотя всегда одинаково тяжким для нежного сердца Бренды, и всем окружающим казалось одним из самых очевидных признаков ее душевного расстройства. По временам Минна неудержимо стремилась к сестре, словно сознавая, что обе они — жертвы несчастья, размеры которого постигала она одна. Но затем внезапная мысль о том, что удар, нанесенный Бренде, исходит, очевидно, от Кливленда, делала для Минны невыносимым самое присутствие сестры; и еще менее могла она выслушивать ее ласковые слова, которыми та, не подозревая истинной причины болезни Минны, тщетно пыталась смягчить ее проявления. Нередко случалось, что Бренда, умоляя сестру успокоиться, неосторожно касалась предмета, глубоко задевавшего Минну, и та, не в силах скрывать свое отчаяние, поспешно выбегала из комнаты. Все эти резкие смены настроения, которые лицу, незнакомому с их истинной причиной, должны были казаться капризными и злобными выходками, Бренда переносила с такой неизменной и ничем не смущаемой нежностью, что расстроганная Минна не раз бросалась в ее объятия и рыдала у нее на груди. И, быть может, подобные минуты, хотя и отравленные мыслью о том, что страшное событие, тайну которого она так тщательно хранила, разбило и счастье Бренды и ее собственное, — подобные минуты, освященные сестринской любовью, были все же для Минны наименее тяжелыми в эту столь страшную для нее пору жизни.

Постоянное чередование глубокого уныния, приступов страха и бурного проявления чувств не могли не отразиться на лице и всей наружности бедной девушки. Она побледнела и похудела, глаза ее утратили

прежнее выражение счастливой невинности и то тускнели, то дико блуждали, в зависимости от того, находилась ли она под гнетом внутренней снедающей ее скорби или ее охватывало жестокое и мучительное отчаяние. Самые черты лица ее, казалось, изменились — заострились и стали более резкими. Голос ее, в прежние времена низкий и ровный, теперь то почти замирал, когда она бормотала что-то невнятное, то достигал неестественной высоты в громких и отрывистых восклицаниях. В обществе других она обычно угрюмо молчала, а когда оставалась одна, то слышали, ибо теперь непрестанно следили за ней, как она то и дело принималась разговаривать сама с собой.

По настоянию встревоженного отца были тщетно испробованы все известные в Шетлендии врачебные средства. Тщетно призывались знахари и знахарки, которые знали свойства всех трав, пьющих небесную росу, и еще усиливали их действие, произнося магические слова во время варки или приема зелья. Встревоженный до последней степени, Магнус решил наконец прибегнуть к помощи своей родственницы, Норны из Фитфул-Хэда, хотя в силу обстоятельств, упомянутых выше, за последнее время между ними возникло некоторое отчуждение. Первая его попытка окончилась, однако, неудачей: Норна находилась тогда в своей постоянной резиденции на самом берегу моря, у мыса Фитфул-Хэд, откуда обычно и начинались все ее странствия; и хотя с посланием от Магнуса к ней явился сам Эрик Скэмбистер, она решительно отказалась видеть его или дать ему какой-либо ответ.

Магнус возмутился столь открытым неуважением к его посланцу, но тревога за Минну и почтение, которое внушали ему несчастная судьба Норны и приписываемые ей мудрость и могущество, удержали его от неизбежной во всяком другом случае вспышки гнева. Более того — он решил обратиться к ней сам, собственной персоной. Никому, однако, не сообщив этого намерения; Магнус приказал дочерям, чтобы они готовы были сопровождать его в поездке к одному родственнику, которого он давно не видел, и велел им

взять с собой некоторый запас провизии, ибо путь предстоял длинный, а друга своего они могли застать врасплох.

Не имея привычки задавать какие-либо вопросы при исполнении отцовской воли и надеясь, что поездка верхом и все развлечения, связанные с путешествием, смогут оказать благотворное влияние на Минну, Бренда, на которую теперь легли все хлопоты по дому и заботы о его обитателях, распорядилась сделать все необходимые приготовления. На следующее утро путники уже ехали по бескрайней пустынной местности, отделявшей Боро-Уэстру от северо-западной части Мейнленда, главного острова Шетлендского архипелага, который заканчивается мысом Фитфул-Хэд, подобно тому как юго-восточная оконечность его завершается мысом Самборо. Путь их лежал то по взморью, то по вересковой пустоши, однообразие которой нарушалось лишь полосками овса или ячменя там, где небольшие участки почвы оказались пригодными для обработки.

Путешественники неуклонно продвигались вперед по дикой и унылой равнине. Магнус ехал на сильном, коренастом, хорошо откормленном коне норвежской породы, столь же выносливом, как местные пони, но несколько более рослом. Минна и Бренда, которые, помимо всех прочих совершенств, были еще известны на всю округу как искусные наездницы, ехали на двух бойких пони. Лошадки эти, выращенные и воспитанные с несколько большим вниманием, чем обычно, доказывали как своим внешним видом, так и резвостью, что порода их, столь напрасно и незаслуженно презируемая, легко может дать красивых животных, отнюдь не утративших при этом ни своей живости, ни выносливости. Хозяев сопровождало двое слуг верхами и двое пеших; впрочем, последнее обстоятельство отнюдь не замедляло путешествия, ибо большая часть дороги была столь неровной или топкой, что лошади могли идти только шагом. Когда же попадался порядочный участок твердого и ровного пути, то достаточно было выбрать из стада пасущихся поблизости пони подходящую парочку, и продвигав-

шиеся по способу пешего хождения слуги тоже превращались во всадников.

Поездка проходила печально, почти без слов. Иногда только Магнус, снедаемый нетерпением и досадой, побуждал своего коня к более быстрому аллюру, но тотчас же, вспомнив о болезненном состоянии Минны, переходил опять на шаг и снова спрашивал у нее, как она себя чувствует и не слишком ли утомляет ее путешествие. В полдень путники сделали привал у прозрачного родника и подкрепили свои силы припасами, имевшимися у них в более чем достаточном количестве. Чистая ключевая вода, однако, оказалась не по вкусу Магнусу, и ее пришлось сдобрить доброй толикой чистейшего нанца. После того как во второй раз, а потом и в третий, он наполнил и осушил свой внушительных размеров дорожный серебряный кубок с рельефным изображением немецкого купидона с трубкой и немецкого Бахуса, вливающего в пасть медведю целый жбан вина, старый шетлендец стал более общительным, чем в начале пути, досада его прошла, и язык развязался.

— Ну, дети мои, — обратился он к дочерям, — теперь нам осталось всего лига или две до жилища Норны; посмотрим, как-то старая колдунья нас примет.

Минна встретила слова отца слабым восклицанием, тогда как Бренда, пораженная до последней степени, воскликнула:

— Так, значит, это мы к Норне едем? Упаси нас боже!

— А почему это — «упаси боже»? — возразил Магнус, нахмутив брови. — Почему это, хотел бы я знать, «упаси боже» посетить родственницу, которая, может статься, своим искусством поможет твоей сестре, если вообще какая-либо женщина в Шетлендии, да и мужчина тоже, способна принести ей облегчение? Ты просто дурочка, Бренда, у твоей сестры куда больше здравого смысла. А ты, Минна, держись веселей — ты ведь еще крошкой любила слушать песни и сказки Норны и вешалась ей на шею, а Бренда плакала и

убегала от нее, как испанский купец от голландского капера.¹

— Хотела бы я, отец, чтобы сегодня она не напугала меня так, как в детстве, — ответила Бренда, поддерживая разговор для того, чтобы дать Минне возможность молчать, и вместе с тем — чтобы доставить отцу удовольствие. — Но я такого наслышалась о ее жилище, что прямо дрожу при мысли явиться туда незваной.

— Ты дурочка, Бренда, — сказал Магнус, — если думаешь, что приезд родных может прийтись не по душе такой доброй и сердечной хиалтландке, как моя двоюродная сестра Норна. И знаешь, теперь, когда я все обдумал, так готов поклясться, что тут-то и кроется причина, почему она не приняла Эрика Скэмбистера! Давно уже не видел я дыма ее трубы, а вас так ни разу и не привез к ней. Как же ей после этого не быть на меня в обиде! Да только я скажу ей напрямик, что хоть такие вещи у нас и приняты, а все же я считаю неблагоприятным вводить в расходы одинокую женщину, словно своего брата юдаллера, когда зимней порой ездим мы веселой гурьбой из усадьбы в усадьбу, разрастаемся, как снежный ком, и съедаем все, что найдется у хозяев.

— Ну, на этот раз мы можем не опасаться, что введем Норну в расходы, — ответила Бренда, — у меня с собой достаточный запас всего, что только может нам понадобиться: рыбы, грудинки, соленой баранины, копченых гусей — столько, что не съесть и за неделю, а сверх того, достаточно крепких напитков для вас, отец.

— Правильно, дочка, правильно, — заявил Магнус, — «хорошо снабженному кораблю — веселое плавание». Значит, нам придется просить у Норны лишь гостеприимного крова и хоть каких-нибудь постелей для вас с Минной. А что до меня, так я предпочитаю свой морской плащ и добрые сухие доски норвежского

¹ Легкое вооруженное судно XVII века, приспособленное для каперства и часто встречавшееся у голландцев. (Прим. автора.)

пола всяким пуховым подушкам и матрацам. Итак, Норна получит от нашего посещения одно только удовольствие и никаких забот.

— Хотелось бы мне, сэр, чтобы она посчитала наш приезд удовольствием, — заметила Бренда.

— Как, дочка, что ты хочешь этим сказать? Клянусь святым мучеником Магнусом, — воскликнул юдаллер, — что же ты думаешь, что моя родственница — язычница, которая не обрадуется встрече со своей собственной плотью и кровью? Эх, хотел бы я быть столь же уверенным в хорошем годовом улове, как я уверен в Норне! Нет, нет, я боюсь только, что мы можем не застать ее дома, ибо она вечно бродит по острову, все раздумывая над тем, чему уж не можешь.

Услышав эти слова, Минна глубоко вздохнула, а Магнус продолжал:

— Ты вздыхаешь о том же, дитя мое? Ну что же, это заблуждение доброй половины человеческого рода; только бы не стало оно и твоим уделом.

Другой подавленный вздох словно подтвердил, что совет этот был дан слишком поздно.

— Мне кажется, что ты так же боишься Норны, как и твоя сестра, — продолжал Магнус, вглядываясь в бледное лицо Минны. — Если так, то скажи только слово, и мы повернем обратно и помчимся, словно бакштагом, со скоростью пятнадцати узлов.

— Да, сестра, ради всего святого, — взмолилась Бренда, — вернемся домой! Ты ведь знаешь... ты помнишь.... ты должна понимать, что Норна ничем не может помочь тебе.

— Это правда, — еле слышно ответила Минна, — но я не уверена... Она может ответить на один вопрос... вопрос, который только несчастный посмеет задать несчастному.

— Ну нет, — возразил Магнус, который из всего сказанного расслышал только последнее слово, — моя родственница не такова, чтобы отказать в помощи несчастному. Доход она имеет изрядный — как на Оркнейских островах, так и у нас, и немало платят ей полновесных лиспандов масла. Но львиная доля

всего достается бедным, да и стыдно должно быть тому шетлендцу, который жалеет подать милостыню. Остальное она тратит, не знаю как, во время своих странствий по островам. Но вас позабавит и ее жилище и Ник Стрампфер, которого она прозвала Паколетом. Многие считают его дьяволом, но только он — настоящая плоть и кровь, как и все мы, и отец его жил на острове Грэмсей. Да, рад я буду снова увидеть Ника.

Пока Магнус разглагольствовал таким образом, Бренда, хотя и не одаренная столь пылким воображением, как ее сестра, но обладавшая зато более здравым житейским смыслом, обдумывала возможное влияние предстоящей встречи с Норной на здоровье Минны. В конце концов она решила переговорить с отцом наедине при первом же удобном случае, который представится во время их дальнейшего путешествия, и подробно рассказать ему все обстоятельства их ночного свидания с Норной, которое считала наряду с другими тревожными событиями одной из причин угнетенного состояния Минны. Пусть отец сам рассудит, следует ли им ехать дальше к столь необычайной женщине и тем самым, быть может, подвергать расстроенные нервы Минны еще новому потрясению.

Но как раз, когда она пришла к подобному решению, Магнус, одной рукой смахнув крошки с расшитого камзола, а другой — подняв в четвертый раз кубок разбавленного водой бренди, с важностью осушил его за успех путешествия и приказал собираться в дальнейший путь. Пока седлали пони, Бренда не без труда сумела дать понять Магнусу, что ей нужно поговорить с ним наедине. Это чрезвычайно удивило простодушного шетлендца, который в тех редких случаях, когда дело действительно требовало соблюдения тайны, мог быть нем, как могила, но в обычной жизни настолько не любил скрытности, что самые важные свои дела обсуждал всегда совершенно открыто, в присутствии всей семьи, включая и челядь. Но еще больше изумился он, когда, намеренно очутившись вместе с Брендой «в кильватере», как он выразился, прочих всадников, он услышал из ее уст о ночном

появлении Норны в Боро-Уестре и о тех потрясающих событиях ее жизни, о которых она поведала сестрам, к величайшему их удивлению. Долгое время он не мог произнести ни слова и ограничивался одними восклицаниями, но в конце концов разразился тысячью проклятий по адресу своей безумной родственницы, вздумавшей рассказать его дочерям такую ужасную повесть.

— Мне часто говорили, — произнес наконец Магнус, — что она помешанная, несмотря на всю свою мудрость и умение предсказывать погоду, но теперь, клянусь костями моего тезки-мученика, я сам начинаю этому верить. И куда нам теперь держать курс — сам не знаю, словно потерял компас. Узнай я все это раньше, еще до того, как мы двинулись в путь, я, пожалуй, остался бы дома, но когда мы заехали так далеко и Норна уже ждет нас...

— Ждет нас, отец! — воскликнула Бренда. — Но как это может быть?

— Как — не могу тебе объяснить, но та, которая знает, с какой стороны подует ветер, знает также, по какой дороге собираемся мы к ней ехать. А гнева ее вызывать не следует. Быть может, именно она наслала эту напасть на мою семью после размолвки, что произошла у нас из-за Мордонта, а если так, то в ее власти и снять чары. И она снимет их, а если нет, так я сумею ее заставить... Но сначала надо поговорить с ней по-хорошему.

Убедившись, таким образом, что они будут продолжать свое путешествие, Бренда решила спросить у отца, правду ли рассказала им о себе Норна. Он покачал головой, с горечью пробормотал что-то и в кратких словах сообщил ей, что все, что касается ее увлечения чужестранцем и смерти отца, случайной и невольной причиной которой она оказалась, — печальная и бесспорная истина.

— Что же касается ребенка, — прибавил Магнус, — я так никогда и не узнал, что с ним случилось.

— Ребенка! — воскликнула Бренда. — Она ни слова не сказала нам о ребенке!

— Эх, отсохнул бы у меня язык, прежде чем я заикнулся об этом! Да, вижу я, что мужчине, хоть молодому, хоть старому, так же трудно скрыть что-либо от вас, женщин, как угрю остаться в своей яме, когда его ловят петлей из конского волоса: рано или поздно, а рыбак выгонит его из убежища и захлестнет поперек туловища.

— Но ребенок, ребенок, — настаивала Бренда, желавшая узнать все подробности ужасного происшествия, — что случилось с ребенком?

— Его увез, должно быть, этот негодяй Воан, — ответил Магнус, и резкость его тона доказывала, как тяжело ему говорить об этом.

— Воан? — переспросила Бренда. — Возлюбленный бедной Норны? Что это был за человек?

— Вероятно, такой же, как и все люди, — ответил старый шетлендец. — Я, впрочем, не видел его ни разу в жизни. Он посещал в Кёркуолле все больше шотландские семьи, а я держался добрых старых норвежцев. Да, если бы Норна оставалась всегда в кругу сородичей, а не водила компании со своими шотландскими знакомыми, она и не встретила бы с Воаном и дело могло бы принять совсем другой оборот. Но тогда и я не встретил бы твоей дорогой матери, Бренда, — прибавил он, и в больших его голубых глазах сверкнула слеза, — а это лишило бы меня и краткого незабываемого счастья и долгого-долгого горя.

— Норна не могла бы вам заменить покойную матушку и быть для вас такой же верной спутницей и подругой — так по крайней мере мне кажется, судя по тому, что я слышала, — произнесла после некоторого колебания Бренда, но Магнус, растроганный воспоминаниями о любимой жене, отвечал ей с большей мягкостью, чем она ожидала:

— В те времена, — сказал он, — я готов был жениться на Норне. Это положило бы конец старой распри и помогло бы заживить старые раны. Все наши сородичи желали этого, и в тогдашнем моем положении — ведь в то время я еще не встретился с твоей дорогой матушкой — у меня не было никаких

оснований противиться их советам. Не суди о Норне и обо мне по нашему теперешнему виду. Она была молода и красива, а я — резв, как горный олень, и мало думал о том, в какую гавань держать курс, ибо много их, полагал я, найдется у меня с подветренной стороны. Но Норна предпочла этого Воана, и, как я уже говорил тебе, то было, быть может, самое большое благо, которое она могла для меня сделать.

— Ах, бедная Норна! — промолвила Бренда. — Но верите ли вы, батюшка, в ту сверхъестественную силу, что она себе приписывает, в таинственное видение, в карлика, в. .

Но тут Магнус, которому все эти вопросы были чрезвычайно не по душе, прервал ее:

— Я верю, Бренда, в то, во что верили мои предки, и не считаю себя умнее их. А они все верили, что человеку, которого постигло тяжкое горе, провидение открывает духовные очи и позволяет страдальцу заглянуть в будущее. Это как бы удифферентование судна — да не будут мои слова приняты за кощунство, — добавил он, почтительно коснувшись рукой своей шляпы, — но и теперь, после перемещения балласта, бедная Норна тяжелее загружена на нос, чем любой оркнейский ялик, вышедший на охоту за морскими собаками. На борту у нее столько горя, что оно вполне уравнивает те дары, которые получила она вместе со своим несчастьем. Они терзают ее чело, как терзал бы терновый венец, будь он даже датской королевской короной. И ты тоже, Бренда, не старайся быть умней своих отцов. Вот Минна, еще когда была здорова, имела такое уважение ко всему, что было написано по-норвежски, словно это была папская булла, составленная на чистейшей латыни.

— Бедная Норна, — повторила Бренда, — а ребенок? Он так и пропал?

— Ничего не знаю я о ребенке, — ответил Магнус еще более сердитым тоном, — знаю только, что сама Норна была очень больна и до его рождения и после, так что мы старались, как могли, развлекать ее игрой на свирели да на арфе и всякими подобными сред-

ствами. Дитя прежде времени явилось в наш суетный мир, а потому всего вероятнее, что его давно уже нет в живых. Но ты ничего не слышала об этих вещах, Бренда, не будь же глупенькой девочкой и не спрашивай о том, о чем тебе знать не положено.

С этими словами юдаллер прищипорил своего коренастого конька и смело понесся вперед через кочки и рытвины. Впрочем, и для пони Бренды все неровности дороги были нипочем — так сильны были его ноги и точен и уверен шаг. Отец и дочь быстро нагнали кавалькаду; Магнус поехал рядом с печальной Минной, положив, таким образом, конец дальнейшим расспросам Бренды, так как говорить ей приходилось теперь лишь о том, что могла слышать сестра. Бренде ничего не осталось, как утешать себя надеждой, что врачевание Норны принесет Минне пользу, поскольку недуг ее коренился, по-видимому, в воображении, а средства, применявшиеся Норной, обычно бывали направлены как раз на эту душевную способность.

До сих пор дорога почти все время пролежала по торфяным болотам и вересковым пустошам; ее разнообразили только вынужденные объезды вокруг длинных и узких лагун, называемых на местном наречии *воу*, которые так глубоко врезаются в сушу, что хотя главный остров Шетлендского архипелага Мейнленд простирается в длину на тридцать с лишним миль, на нем нет, пожалуй, ни одного участка, удаленного более чем на три мили от соленой воды. Путники уже приближались к северо-западной оконечности острова и двигались теперь вдоль огромной гряды высоких скал, которые в течение тысячелетий противостоят гневному натиску Северного океана и всех раздирающих его ураганов.

— А вот и жилище Норны! — воскликнул наконец Магнус. — Взгляни вон туда, Минна, дитя мое, и если это тебя не рассмешит, то не знаю уж, что и думать! Видала ли ты, чтобы кто-нибудь, кроме скопы, устраивал себе подобное гнездо? Клянусь костями святого Магнуса, нет на свете другого подобного места, где обитало бы живое существо, лишенное крыльев, но

одаренное разумом, если не считать скалы Фро-Стэк,¹ близ острова Папы, где норвежский король заточил свою дочь, думая тем самым уберечь ее от любовников, да только, если верить сказанию, все это оказалось напрасным, ибо — хорошенько запомните это, девочки! — трудно уберечь паклю от пламени.

Глава XXVII

Три раза в мрачной
 глубине
Раздался скорбный глас:
«Приблизься, дочь моя,
 ко мне,
Откройся, не страшась».

Микс

Хотя никто, кроме прирожденного шетлендца, на-вострившего свой взгляд на малейших различиях во внешнем виде скал, которые ему приходится созерцать всю жизнь, не нашел бы в расположении жилища Норны ничего смешного, однако Магнус не без основания сравнил его с гнездом скопы, или морского орла. Жилище это было весьма небольших размеров и первоначально представляло собой одну из тех пещер, которые на Шетлендских островах называются *боро*, или домами пиктов, а в глубине Шотландии и на Гебридских островах — *донами*. То были, по-видимому, первые попытки возведения каких-то построек, своего рода промежуточное звено между лисьей норой, образованной случайным нагромождением гранитных глыб, и попыткой соорудить человеческое жилье из тех же камней, ничем не скрепленных и — насколько можно судить по оставшимся от них развалинам — без единого куска дерева и без малейшего намека на свод или лестницу. Каковы бы, однако, ни были эти

¹ На вершине Фро-Стэк, или Девичьей скалы, — недоступного утеса, отделенного узким проливом от острова Папа, сохранились руины, с которыми связана легенда, подобная мифу о Данае. (Прим. автора)

бесчисленные руины, увенчивающие оконечность каждого мыса, каждый островок или любую другую возвышенность, пригодную для наблюдений и способную служить убежищем при нападении врага, они только подтверждают то, что в давно прошедшие времена народ, построивший эти боро, был весьма многочисленным и население островов в ту эпоху было намного больше, чем можно предположить, исходя из других источников.

Боро, о котором идет речь в нашем повествовании, был перестроен и подновлен в позднейшие времена, очевидно, каким-нибудь местным владельцем или морским разбойником. Прельстившись выгодным положением здания, которое целиком занимало выдающийся в море выступ скалы и отделялось от суши довольно глубокой расселиной, он сделал в нем кое-какие изменения по канонам средневековой крепостной архитектуры: обмазал стены изнутри глиной и известкой, пробил окна, чтобы дать доступ свету и воздуху, и в довершение всего увенчал его крышей и разделил его на этажи, используя обломки от потерпевших крушение кораблей и превратив, таким образом, все сооружение в башню, похожую на гигантскую, пирамидальной формы, голубятню. Башня эта представляла собой как бы двойную стену, в толще которой шли круговые, в виде колец, галереи, обычные для всех древних построек и служившие единственным убежищем для ее жалких обитателей.

Это необычное жилище, сложенное из тех же камней, что беспорядочно лежали кругом, и веками подвергавшееся воздействию стихий, было таким же серым, изъеденным непогодой и голым, как скала, служившая ему основанием и от которой его с трудом можно было отличить, — так подходило оно к ней по своей окраске и так мало отличалось правильностью своих очертаний от пика или обломка утеса.

Равнодушие ко всему окружающему, охватившее Минну в последние дни, на мгновение покинуло ее, когда она увидела жилище, которое в другую, более счастливую пору ее жизни, возбудило бы ее любопытство и привело бы в восхищение. Даже теперь она,

казалось, с интересом рассматривала это странное убежище, где, как она думала, ютилось горе и, возможно, безумие, сочетавшееся, как утверждала сама хозяйка и как тому верила Минна, с властью над стихиями и способностью общаться с потусторонним миром.

— Наша родственница, — пробормотала она, — хорошо выбрала себе жилище на этом клочке земли, где едва может присесть морская птица, а кругом — беспредельное бушующее море. Да, для того, кто предался отчаянию и кто обладает магической силой, не найти лучшего убежища!

Зато Бренду охватил трепет, когда взглянула она на жилье, к которому они приближались по трудной, опасной и весьма ненадежной тропинке, проходившей порой, к ужасу молодой девушки, по самому краю пропасти. И хотя она была истой шетлендкой и знала, что вполне может положиться на ум и осторожность своего крепконового пони, временами, однако, и у нее начиналось головокружение. Особенно испугалась она в одном месте. Она ехала во главе отряда и когда обогнула острый выступ скалы, то вдруг ноги ее, касавшиеся бока животного, на мгновение очутились над самой пропастью, и одно только пустое пространство отделяло подошвы ее башмаков от белых бурнов сердитого океана, который бился, ревел и пенился внизу, на глубине в пятьсот футов. Однако то, что девушку другой страны повергло бы в состояние, близкое к помешательству, для Бренды оказалось только мгновенным неприятным ощущением, которое тотчас же сменилось надеждой, что величие окружающей природы благотворно подействует на воображение Минны.

Бренда невольно обернулась, чтобы взглянуть, как сестра ее проедет опасное место, которое сама она только что миновала, и услышала громкий голос отца; для него самого подобные горные тропы были столь же привычны, как и гладкое морское побережье, но тут он тревожно крикнул: «Осторожно, ярто!»¹ - в

¹ Ярто — дорогая, (Прим. автора.)

ту минуту, как Минна с загоревшимся взглядом вдруг выпустила поводья, протянула над пропастью руки и подалась вперед, как дикий лебедь, когда, весь трепеща, раскрывает он свои широкие крылья, чтобы ринуться с утеса в воздушную стихию. Бренда почувствовала невыразимый ужас, от которого долго потом не могла опомниться, хотя в следующее же мгновение она увидела, как сестра ее вновь овладела собой и выпрямилась в седле: страшная возможность миновала, а вместе с ней — и роковое искушение, если это вообще было искушением. Спокойный и верный пони, на котором ехала Минна, обогнул тем временем выступ скалы и направил свои мерные и твердые шаги прочь от пропасти.

Путники достигли теперь более ровного и открытого участка — плоской поверхности гранитного перешейка, который становился все уже и заканчивался стремниной, отделявшей небольшой пик с жилищем Норны, по-местному — *стэк*, от главной гряды утесов. Этот естественный ров, глубокий, темный и извилистый, словно созданный конвульсиями природы, книзу настолько сужался, что дно его было едва различимо, а кверху становился шире, так что утес с жилищем Норны, составлявший крайнюю оконечность мыса, казался наполовину отторгнутым от остальной суши; впечатление это еще усугублялось наклоном скалы, как бы отшатнувшейся от земли и нависшей над морем вместе с венчавшим ее вершину строением.

Угол этого наклона был так велик, что, казалось, утес вот-вот обрушится в море, увлекая с собой старую башню, и человек робкий, пожалуй, побоялся бы ступить на него ногой, из страха, что даже столь малая дополнительная нагрузка, как вес его собственного тела, ускорит катастрофу, которая и так уже казалась неминуемой.

Не тревожа себя, однако, подобными фантазиями, старый юдаллер и его дочери подъехали ко рву. Здесь они спешили и оставили пони под присмотром одного из слуг, наказав снять с них поклажу и пустить их отдыхать и пастись на ближайшей вересковой

поляне. Затем путники направились к воротам, которые в прежние времена соединялись с землей при помощи грубого подъемного моста, остатки которого кое-где еще были видны. Но самый мост был давным-давно разрушен и заменен постоянным пешеходным, чрезвычайно узким мостиком без перил, сооруженным из бочарной клепки, покрытой дерном, и опиравшимся на некое подобие арки из челюстей кита. На этот-то «мост страха» юдаллер ступил своей обычной, величественной и грузной поступью, что подвергло величайшему риску как самый мост, так и собственную персону Магнуса. Дочери последовали за ним более легким и поэтому не столь опасным шагом, и вскоре все трое оказались перед низким и массивным входом в обиталище Норны.

— А что, если ее действительно не окажется дома? — сказал Магнус, награждая черную дубовую дверь тяжелыми ударами кулака. — Ну что же, тогда мы все-таки отдохнем здесь денек, поджидая ее, и заставим Ника Стрампфера заплатить за это промедление блендом и бренди.

Не успел он договорить, как дверь открылась и глазам девушек предстал — к ужасу Бренды и к изумлению Минны — коренастый, широкоплечий карлик четырех футов пяти дюймов ростом. Голова у него была чудовищной величины, и черты лица вполне ей соответствовали: огромный рот, невероятных размеров, задранный кверху нос с двумя глубокими черными ноздрями, страшно толстые, выпяченные губы и громадные, косящие в стороны глаза; карлик сначала дерзко вытаращил их на юдаллера, а потом принялся насмешливо подмигивать ему как старому знакомому, не произнося при этом ни единого слова. Молодые девушки еле могли поверить, что перед ними не сам страшный демон Тролд, сыгравший такую видную роль в рассказе Норны. Магнус тем временем обратился к странному существу тоном снисходительного дружелюбия, каким высшие говорят с низшими, когда хотят почему-либо снискать их доверие и расположение. Тон этот, кстати сказать, в силу самой своей фамильярности, столь же оскорбите-

лен, как и прямое подчеркивание превосходства одного собеседника над другим.

— А, Ник, дружище Ник! — воскликнул юдалер. — Вот и ты! Здоровый и невредимый, точь-в-точь как твой тезка святой Николай, вырубленный топором из деревянной колоды для голландского рыболовного судна. Как живешь, Ник? Или тебе больше по нраву прозвище Паколет? А это вот мои дочери, Николас; видишь, какие красотики, не хуже, пожалуй, тебя самого.

Ник осклабился и сделал в виде приветствия неуклюжий поклон, но его широкая изуродованная фигура продолжала по-прежнему прочно стоять в дверях.

— Ну, дочки, — сказал Магнус, у которого были, по-видимому, свои причины любезно разговаривать с Ником, что, по его мнению, было лучшим способом задобрить этого цербера, — это вот и есть Ник Стрампфер. Хозяйка прозвала его Паколетом, ибо он, видите ли, такой же легконогий карлик, как и тот, что не хуже чайки летал на своей деревянной лошадке... Помните, вы читали о нем в старой детской книжке «Валентин и Орсон», когда были маленькими. И будьте спокойны: Ник умеет помалкивать о делах своей хозяйки, ни разу не выдал он ни одного из ее секретов, ха-ха-ха!

Страшный карлик осклабился при этом еще в десять раз шире и, чтобы пояснить девушкам остроу Магнуса, разинул свои чудовищные челюсти, закинул назад голову и показал в глубине своей необъятной пасти короткий и сморщенный обрубок языка, способный, быть может, помогать при глотании, но совершенно негодный для произношения членораздельных звуков. Был ли он отрезан как жестокое наказание или пострадал от какой-нибудь ужасной болезни — сказать было трудно, но ясно было, что несчастный не родился немым, ибо он прекрасно слышал. Обнаружив таким образом перед всеми свое страшное уродство, он разразился в ответ на веселые замечания Магнуса громким, жутким, режущим ухо хохотом,

который казался тем страшнее, что карлик смеялся как бы над собственным убожеством. Испуганные сестры молча посмотрели друг на друга, и даже сам Магнус Тройл казался несколько смущенным.

— А скажи-ка, — продолжал он после минутного молчания, — как давно не прополаскивал ты свою глотку, широкую как Пентленд-Фёрт, доброй толикой бренди? А у меня ее с собой изрядный запасец, и пер-вейшего сорта, так-то, дружище Ник.

Карлик нахмурил свои нависшие брови, покачал бесформенной головой и ответил быстрым выразительным жестом, вскинув правую руку вровень с плечом и указав большим пальцем назад, за спину.

— Как, — воскликнул старый норвежец, прекрасно понявший значение этого жеста, — она рассердится? Ну да уж ладно, старина, дам я тебе целую фляжку, пей себе на здоровье, когда ее не будет дома. Губы и глотка у тебя небось пить-то умеют, даром что не могут говорить.

Паколет только мрачно ухмыльнулся в знак согласия.

— Ну, а теперь, — заявил Магнус, — посторонись-ка и дай мне провести дочерей к их уважаемой родственнице. Клянусь костями святого Магнуса, тебе не придется в этом раскаиваться! Ну нечего, нечего качать головой: уж если твоя хозяйка дома, мы увидим ее!

Карлик снова, частью знаками, а частью какими-то странными и весьма неприятными звуками, объяснил, что не может впустить их, и юдаллер начал сердиться.

— Ну ладно, ладно, парень, — сказал он, — довольно я слушал твою тарабарщину, убирайся с дороги, а если что и случится, так за все отвечаю я.

С этими словами Магнус Тройл властной рукой взял Паколета за ворот его синей домотканой куртки, решительно, но не грубо отодвинул в сторону и вошел в дом, сопровождаемый Минной и Брендой. Девушки, напуганные тем, что им пришлось увидеть и услышать, не отставали от него ни на шаг. Мрачный и извилистый коридор, по которому устремился Магнус, слабо освещался сверху узкой бойницей, выходившей

во внутреннюю часть здания и первоначально предназначавшейся, должно быть, для аркебузы или кулеврины, охранявших вход.

Когда Магнус и дочери его приблизились к этой бойнице — а шли они медленно и осторожно, — то свет, и без того уже слабый, внезапно совсем померк, и Бренда, взглянув наверх, чтобы понять, что случилось, задрожала от страха, ибо различила бескровное, еле видимое в полутьме лицо Норны, которая молча смотрела на них сверху. Собственно говоря, не было ничего странного в том, что хозяйка дома пожелала взглянуть на неожиданных посетителей, столь бесцеремонно ворвавшихся в ее владения. Но ее обычная бледность, казавшаяся еще страшнее в окружающем полумраке, неподвижная суровость ее взгляда, в котором не светилось ни радости, ни даже простой вежливости, обычной при встрече гостей, ее мертвое молчание, так же как и странность всего ее жилища, еще более усилили ужас, овладевший Брендой. Что касается Магнуса и Минны, то они медленно прошли вперед, так и не заметив появления своей необычайной родственницы.

Глава XXVIII

В ее очах сверкнула мгла,
И, к небу длань воздев,
Колдунья глухо начала
Магический напев.

Мика

— Это, должно быть, лестница, — сказал юдаллер, споткнувшись в темноте о неровно поднимавшиеся ступени, — если мне не совсем еще изменила память, здесь должна быть лестница. А там, — прибавил он, останавливаясь у полуоткрытой двери, — сидит обычно сама хозяйка, и тут она хранит всю свою снасть. Возится она с ней, как черт во время бури.

Высказав столь непочтительное сравнение, Магнус в сопровождении дочерей вступил в полутемную комнату, где сидела Норна. Вокруг нее в беспорядке

громоздились книги на разных языках, свитки пергамента, таблички и камни, испещренные прямыми и угловатыми буквами рунического алфавита, и многие другие предметы, которые в глазах невежественного лица легко могли сойти за атрибуты чернокнижия. Над неуклюжим, грубо сложенным камином висела старая кольчуга, а кругом валялись и остальные доспехи: шлем, алебарда и копье. На полке были разложены в большом порядке весьма любопытные каменные гопоры из зеленоватого гранита, которых множество находят на Шетлендских островах; местные жители называют их «чертовы пальцы» и считают отводящими молнию. Эту коллекцию диковинок дополняли каменный жертвенный нож, быть может, служивший когда-то для принесения человеческих жертв, и несколько бронзовых орудий, называемых «кельты», вопрос о назначении которых лишил покоя не одного достойного антиквария. Множество других предметов, которые трудно было не только назвать, но и описать, валялись в беспорядке по всему помещению. В углу, на куче сухих водорослей, лежало существо, при первом взгляде напоминавшее огромного безобразного пса, но при ближайшем рассмотрении оказавшееся тюленем, прирученным ради забавы самой Норной.

При появлении стольких «чужих» неуклюжее животное насторожилось и ошетинилось совершенно так же, как обыкновенная собака. Норна, однако, осталась неподвижной. Она сидела за столом из грубо обтесанного гранита с гранитными же неуклюжими подставками вместо ножек. На столе, кроме старинной книги, которую Норна, видимо, весьма внимательно изучала, лежал пресный хлебец, сделанный из трех долей овсяной муки грубого помола и одной доли сосновых опилок, какой едят бедные норвежские крестьяне, и стоял кувшин с водой.

Несколько мгновений Магнус Тройл молча глядел на свою почтенную родственницу, тогда как на его спутниц вся эта непривычная, диковинная обстановка произвела совершенно разное впечатление: Бренду она заставила дрожать от страха, а Минну, правда

всего лишь на мгновение, — позабыть свою грусть и апатию, пробудив в ней чувство любознательности, не лишенной, впрочем, тоже некоторого благоговейного трепета. Наконец Магнус нарушил молчание: не желая, с одной стороны, обидеть свою уважаемую родственницу, а с другой — стремясь показать, что он ничуть не смущен оказанным ему приемом, он начал разговор следующим образом:

— Добрый вечер, сестрица Норна. Мои дочери и я проделали немалый путь, чтобы повидать тебя.

Норна подняла глаза от своего фолианта, взглянула прямо на посетителей и снова опустила взгляд на страницу, в чтение которой казалась глубоко погруженной.

— Ну что же, двоюродная сестрица, — продолжал Магнус, — если ты занята — ничего, мы можем и подождать, пока ты освободишься. А ты, Минна, взгляни-ка в окно, посмотри, какой славный вид открывается отсюда на мыс: до него прямо рукой подать, всего каких-нибудь четверть мили, а волны-то как высоко вздымаются, стеньгу могли бы захлестнуть! А что за славный тюлень у нашей уважаемой родственницы! Эй, тюленюшка, фью, фью!

Единственным ответом тюленя на попытку Магнуса завести с ним знакомство было глухое ворчание

— Э, да он, видно, не такой ученый, — продолжал юдаллер, стараясь говорить с самым развязным и непринужденным видом, — как тюлень Питера Мак-Роу, старого волынщика из Сторноуэя. Тот как услышит, бывало, мелодию «Каберфэ», так и начнет бить хвостом, а на прочие песни не обращает никакого внимания.¹ Ну, так как же, двоюродная сестрица, — закончил свою речь Магнус, увидев, что Норна хлопнула книгу, — намерена ты оказать нам гостепри-

¹ Мак-Роу принадлежали к клану Мак-Кензи, глава которых прозывался Каберфэ, или Оленья Голова, ибо таков был знак на его знамени. Почтенный волынщик научил, очевидно, своего тюленя оказывать такое же уважение клану, как дрессированные собаки, которые, как мне говорили, плясали под звуки «Каберфэ» и не обращали внимания ни на какие другие мелодии (*Прим. автора*)

имство или прикажешь покинуть дом нашей кровной родственницы и искать другого убежища на ночь глядя?

— О безумное, жестокосердное племя, глухое, как аспид, к голосу заклинателя! — ответила, обращаясь к ним, Норна. — Зачем пришли вы ко мне? Вы отвергли все мои прорицания, все предостережения о грядущей беде, и вот она разразилась, и вы ищете моего совета, когда он уже бесполезен!

— Послушай, почтенная родственница, — сказал юдаллер своим обычным, смелым и полным достоинства тоном, — скажу тебе откровенно, что встречать нас таким образом — это с твоей стороны и нелюбезно и даже грубо. Правда, я никогда не видал аспида по той простой причине, что они в наших краях не водятся, но прекрасно представляю себе, что это такое, и никак не могу считать подобное сравнение подходящим для меня и моих дочерей. Это я прямо тебе говорю. И если бы не кое-какие к тому причины и не наше с тобой давнишнее знакомство, так минуты не остался бы я в твоём доме. Но я пришел к тебе с самыми лучшими чувствами и не забыл долга вежливости, а потому и тебя прошу ответить мне тем же, а иначе мы уйдем, и пусть позор падет тогда на твою негостеприимную кровлю.

— Как смеешь ты, — воскликнула Норна, — произносить столь дерзкие слова в жилище той, к которой все смертные, да и порой вы сами, приходите за советом и помощью! Тот, кто обращается к Рейм-кеннару, должен говорить тихим голосом, ибо по единому слову его и ветры и волны смиряют свое буйство.

— Ветры и волны могут смиряться сколько им угодно, — тоном, не допускающим возражений, произнес юдаллер, — а я не хочу. В доме друга я разговариваю так же смело, как в моем собственном, и ни перед кем не спускаю паруса.

— И ты полагаешь, что своей дерзостью заставишь меня отвечать на вопросы?

— Почтенная родственница, — ответил Магнус Тройл, — я, конечно, не так сведущ в древних норвежских сагах, как ты, но зато знаю, что, когда в давние

времена норвежские богатыри нуждались в помощи ведьмы или предсказательницы, они являлись к ее обиталищу с топором на плече и добрым мечом в руке и заставляли дивные силы, к которым они зывали, выслушивать вопросы и давать на них ответы, будь то хоть сам Один.

— Брат, — промолвила тогда Норна, поднимаясь и выступая вперед, — твои слова пришлось мне по душе, и вовремя ты произнес их, к счастью для себя и своих дочерей, ибо если бы вы покинули мой кров, не получив ответа, утреннее солнце никогда больше не засияло бы над вашими головами. Духи, служащие мне, ревнивы, и деяния их тогда лишь обращаются на благо людям, когда смелый и свободный человек подчиняет их своей неустрашимой воле. А теперь говори, что тебе от меня надо?

— Здоровья для моей дочери, — ответил Магнус, — ее не могут вылечить никакие средства.

— Здоровья для твоей дочери? — переспросила Норна. — А в чем же заключается ее недуг?

— Пусть врач, — ответил Магнус, — сам назовет этот недуг; все, что я могу сказать тебе о нем, это...

— Молчи, — прервала его Норна, — я знаю все, что ты мог бы мне сказать, и даже больше, нежели ты сам знаешь. Ну, садитесь теперь, а ты, девушка, — обратилась она к Минне, — вот сюда, — при этом она указала на кресло, с которого только что встала. — Когда-то оно служило сиденьем Гиерваде, от чьего голоса звезды меркли и сама луна бледнела на небосклоне.

Медленным и робким шагом Минна подошла к указанному ей подобию кресла, грубо высеченному из камня неумелой рукой какого-нибудь средневекового мастера.

Бренда, стараясь держаться как можно ближе к отцу, опустилась рядом с ним на скамью, недалеко от Минны, и устремила на нее пристальный взгляд, полный страха, сострадания и тревоги. Трудно сказать, какие именно чувства волновали в эту минуту нежную и любящую девушку. Не обладая свойственной Минне впечатлительностью и не очень-то веря во

все сверхъестественное, она чувствовала только смутный и неопределенный страх перед тем, что должно было теперь совершиться у нее на глазах. Но еще сильнее тревожилась она за сестру, которая в глубокой задумчивости безропотно готова была подчиниться Норне. Брендю пугала мысль, не пойдет ли врачевание во вред слабой, душевно измученной Минне, на чью восприимчивую натуру уже вся окружающая обстановка должна была произвести сильнейшее впечатление.

Бренда не отводила глаз от сестры, сидевшей в грубом кресле из темного гранита: ее изящная фигура и весь нежный облик представляли резкий контраст с еле обтесанным и угловатым камнем, щеки и губы были белы как мел, а в поднятом кверху взоре светилась восторженная решимость, вполне соответствовавшая как ее собственному характеру, так и свойству ее недуга. Затем младшая сестра взглянула на Норну: та, монотонно бормоча что-то про себя, бесшумно скользила по комнате, собирая разные вещи и ставя их одну за другой на стол. Наконец Бренда с тревогой посмотрела на отца, стараясь заключить по его виду, разделяет ли он в какой-то мере ее страх относительно влияния, какое ожидаемая сцена могла оказать на здоровье и рассудок Минны. Но Магнус Тройл, казалось, не питал на этот счет никаких опасений: он с непоколебимым спокойствием наблюдал за приготовлениями Норны и ждал, по-видимому, событий с тем самообладанием, с каким друг или любящий родственник, вполне полагающийся на мастерство искусного хирурга, следит за приготовлениями к серьезной и болезненной операции, на благополучный исход которой он твердо надеется.

Норна тем временем продолжала свои приготовления и выставила на каменный стол множество разнообразных предметов, в том числе небольшую жаровню с углями, маленький тигель и тонкую свинцовую пластинку. Затем она громко произнесла:

— Хорошо, что я была предупреждена о вашем прибытии задолго до того, как вы сами решили сюда явиться. Иначе как могла бы я приготовить заранее

все, что нужно? Девушка, — обратилась она затем к Минне, — где ты чувствуешь боль?

В ответ больная приложила руку к левой стороне груди.

— Верно, — воскликнула Норна, — верно! Здесь таится источник и счастья и горя! А вы, отец и сестра, не сочтите мои слова праздными, не думайте, что я говорю наугад. Правильно установив, где кроется зло, я смогу, быть может, уменьшить его жестокость, ибо исправить его, какие бы силы ни пришли мне теперь на помощь, уже невозможно! Сердце! Коснись только сердца, и глаза померкнут, пульс ослабеет, жизне-тельный ток крови замедлит свое обращение и бессильно опустятся руки и ноги, словно травы морские, увядающие под летним солнцем. Все радостные надежды угаснут навек, и останутся только память о прошлом счастье и страх перед неизбежным грядущим горем. Но пора, пора Рейм-кеннару приниматься за дело! Хорошо, что для этого все уже приготовлено.

Она сбросила длинный темный плащ и осталась в короткой кофте из голубого уодмэла и такой же юбке с нашитыми на нее фантастическими узорами из черного бархата и поясом в виде цепи из причудливых серебряных фигур. Затем Норна сняла сетку, покрывавшую ее седые косы, резко потрянула головой, и спутанные густые пряди волос рассыпались по ее плечам и лицу, почти полностью скрыв его черты. После этого она поставила тигель на уже упомянутую жаровню, капнула на угли несколько капель из какой-то склянки, смочила свой морщинистый указательный палец жидкостью из другого небольшого сосуда и, приблизив его к углям, произнесла низким и звучным голосом: «Огонь, делай свое дело!» И едва раздались эти слова, как, видимо в силу какой-то неизвестной присутствующим химической реакции, угли под тиглем начали мало-помалу разгораться. Норна, словно досадуя на эту задержку, поспешно отбросила назад свои растрепанные космы и принялась изо всех сил дуть на угли. Черты лица ее озарились красным отблеском от искр и огня, а глаза засверкали сквозь пряди волос, словно зрачки дикого зверя,

глядящего из глубины логова. Яркое пламя охватило наконец угли. Тогда Норна перестала дуть и, пробормотав, что духи стихий ждут благодарности, затила своим обычным однообразным, но полным какого-то дикого одушевления речитативом следующие слова:

— В дымных перьях, краснокрылый,
Полный злой и доброй силы,
Ты живишь своим теплом
Север, спящий мертвым сном,
Скромный греешь ты очаг,
Ты дворцы сжигаешь в прах,
Дивной властью все другие
Превосходишь ты стихии,
И за помощь в ворожбе
Благодарность шлю тебе.

С этими словами Норна отделила небольшую часть от лежавшей на столе свинцовой пластинки и бросила ее в тигель. От жара горящих углей металл начал плавиться, а Норна тем временем пела:

— Херта, мать-земля, свой дар
Тоже шлет для тайных чар.
Изобильна и тучна,
Пищу всем несет она.
Люди вырыли металл,
Что в глубинах гор лежал.
Из него был гроб отлит,
В землю вновь он был зарыт.
Но проникла я в гробницу,
Вновь взяла его частицу
И за помощь в ремесле
Благодарность шлю земле.

Затем она плеснула из кувшина немного воды в большую чашу или кубок и снова запела, медленно помешивая в нем концом своего посоха:

— Островов родных оплот,
Слушай, о стихия вод!

Можешь смыть ты, о вода,
Крепости и города
И залить, прорвав плотины,
Нидерландские низины,
Но гранитных наших скал
Не разрушит мощный вал.
А теперь, вода, покорно
Выполняй веленья Норны.

Схватив щипцы, Норна сняла тигель с жаровни и вылила свинец, который успел уже расплавиться, в чашу с водой, приговаривая:

— Так смешайте же, стихии,
Ваши силы колдовские.

При соприкосновении с водой расплавленный металл зашипел и превратился, как это обычно бывает, в странного вида комок, словно слепленный из отдельных причудливой формы фигурок, хорошо знакомых тем, кто в детстве проделывал подобные же опыты и кому его детская фантазия позволяла узнавать в отдельных кусочках металла то предметы домашнего обихода, то ремесленные орудия, то еще что-либо подобное. Норна, видимо, задалась той же целью, ибо принялась тщательно рассматривать свинцовую массу, разламывая ее на отдельные части, но, видимо, не находя того, что желала найти.

В конце концов она снова забормотала, скорее для себя, чем для своих гостей:

— Это он, Невидимый, обижен, что его обошли. Он требует дани даже тогда, когда сам не участвует в общей работе. Так слушай же голос Рейм-кеннара и ты, суровый тучегонитель!

Тут Норна еще раз бросила свинцовый комок в тигель; мокрый металл зашипел и забрызгал, коснувшись раскаленных докрасна стенок сосуда, и скоро снова превратился в сплошную расплавленную массу. Старая сивилла тем временем отошла в глубь помещения и быстро распахнула ставень окна, выходящего на северо-запад. В комнату хлынули косые

лучи заходящего солнца, лежавшего уже совсем низко на огромной гряде пурпурных облаков, которые, предвещая близкую бурю, тяжелой пеленой закрыли горизонт и словно простерли свои крылья над волнами беспредельного океана. Повернувшись в ту сторону, откуда в это мгновение дул, глухо завывая, морской бриз, Норна обратилась к духу ветров и запела голосом, напоминающим голос этой стихии:

— Ты вздымаешь гребни волн,
Ты рыбацкий гонишь челн,
Ты о рифы, близ земли,
Разбиваешь корабли
Иль ведешь их к дальним странам
По морям и океанам
Ты сердит, зачем другие
Призывала я стихии?
Полно, чтоб тебя унять,
Из волос я вырву прядь,
Ты любил в порыве нежном
Их ласкать крылом мятежным,
Так бери же их, хватай,
С ними в небо улетай
И лети над океаном
Вместе с чайкой и бакланом,
Дар желанный получив
Дух, ты слышал мой призыв?

Эти слова тоже сопровождались соответствующим действием: Норна резким движением вырвала у себя прядь волос и, не переставая петь, развеяла их по ветру. Затем она закрыла ставень, и комната вновь погрузилась в таинственный полумрак, гораздо более подходивший к характеру и занятиям Норны. Расплавленный свинец был еще раз вылит в воду, и колдунья опять с величайшим вниманием принялась рассматривать различные причудливые формы, которые принял застывший металл. Наконец легким восклицанием и движением руки Норна дала понять присутствующим, что колдовство ее увенчалось успе-

хом. Она отделила от причудливой массы кусочек свинца величиной с небольшой орех, похожий на человеческое сердце, и, приблизившись к Минне, запела снова:

— Там, где ключ волшебный бьет,
Никса деву стережет,

Там, где волны блещут пеной,
С песней ждет ее сирена,

Эльфов след заметив, дева
Оскорбит их королеву,

Ту, что к гному вступит в грот,
Страшное проклятье ждет

О никса, о эльф, о сирена, о гном,
Минну Тройл не увлечь вам своим
колдовством,

Ибо корни недуга ее и тоски
По-иному таинственны и глубоки,

Минна, которая, предавшись своим грустным мыслям, давно уже не слушала Норну, вдруг как бы очнулась и вперила в нее жадный взгляд, словно ожидая услышать из ее уст что-то глубоко ее затрагивающее. Тем временем северная сивилла просверлила в сердцевидном кусочке свинца небольшое отверстие и продела в него золотую проволоку, чтобы его можно было повесить на цепочку или ожерелье. Затем она продолжала свою песню:

— Тот, в чьей власти ты сейчас,
Сильнее Тролда во сто раз.
Он поет сирен нежнее,
Он танцует легче феи,
Колдовать над сердцем станет —
Он измучит и изранит,

Краску сгонит он со щек.
Мутным сделает зрачок.
Но тебе понятны ль, дева,
Эти дивные напевы?

И Минна ответила ей тоже стихами, как это было в обычае у древних скандинавов при самых разнообразных — как веселых, так и трагичных — обстоятельствах:

— Взгляд, слово иль знак — все пойму я, о мать,
Загадку твою я смогу разгадать.

— Ну, слава небесам и всем святым! — воскликнул Магнус. — Вот первые осмысленные слова, которые она произнесла за много дней.

— И они станут последними на много месяцев, если ты еще раз вздумаешь прервать мои заклинания, — ответила Норна, возмущенная его вмешательством. — Отвернитесь оба к стене и не оборачивайтесь, чтобы не навлечь на себя мой гнев. Оба вы недостойны видеть то, что здесь происходит: ты, Магнус Тройл, из-за своего самомнения и дерзкого ума, а ты, Бренда, из-за легкомысленного неверия в то, что выше твоего ограниченного понимания. Ваши взгляды только ослабляют чары, ибо незримые силы не терпят недоверия.

Магнус, не привыкший, чтобы к нему обращались столь повелительным тоном, собирался уже довольно резко ответить, но, вспомнив, что дело идет о здоровье Минны, а говорит с ним женщина, испытывавшая много горя, сдержал свой гнев, опустил голову, пожал плечами и принял требуемое положение, отведя взгляд от стола и отвернувшись к стене. Бренда по знаку отца последовала его примеру, и оба погрузились в глубокое молчание.

Тогда Норна снова обратилась к Минне:

— Внемли же, дева: это слово
Тебе вернет румянец снова,

Тебе волшебный талисман
Взамен потери нынче дан;
Его носи ты на груди
И облегченья мукам жди,
Когда, вступив в собор Кёркуолла
В день ярмарки святого Оллы,
Сойдутся в силу предсказанья
Нога в крови с кровавой дланью.

При последних словах кровь бросилась в лицо Минне, ибо она поняла, что Норне известна тайная причина ее страданий. Эта мысль пробудила в сердце Минны надежду на счастливый исход, который, казалось, предвещала колдунья. Не смея, однако, выразить свои чувства более явным образом, бедная девушка прижала исхудавшую руку Норны сначала к своей груди, а потом к сердцу, орошая ее при этом слезами.

С бóльшим человеческим участием, нежели она проявляла обычно, Норна отняла свою руку у Минны, проливавшей теперь целые потоки слез, затем, с несвойственной ей до того нежностью, она прикрепила свинцовое сердце к золотой цепочке и повесила Минне на шею. При этом она запела последнюю строфу своего заклинания:

— Терпенье, терпенье! Оно от невзгод,
Как плащ от ненастья, всегда нас спасет.
Свинцовое сердце — волшебный мой дар —
Носи на цепочке, горячей как жар,
И помни: волшебные это приметы,
Что Норной напевы недаром пролетят.
Храни их от близких и любящих глаз,
Пока не пробьет предсказания час

Кончив петь, Норна заботливо поправила на шее у Минны золотую цепочку так, чтобы совершенно скрыть ее под платьем, и на этом закончила обряд заклинания, который до самого последнего времени

не переставал применяться на Шетлендских островах, где простой народ приписывает любой недуг, не имеющий видимой причины, демону, укравшему сердце из груди больного. Заклинание это состоит в замене пропавшего сердца свинцовым, которое получается описанным выше способом; к обряду этому прибегали вплоть до самых последних лет. Если воспринимать потерю сердца как метафору, этот недуг можно было бы встретить повсеместно, но поскольку столь простое и оригинальное лечение его применяется именно в земле Туле, было бы непростительно не увековечить его в романе, посвященном древнему шетлендскому быту.¹

Норна еще раз напомнила своей пациентке, что если она покажет полученные ею волшебные дары или расскажет о них, то они потеряют силу — предрассудок, как известно крепко укоренившийся в суровом воображении всех народов. Под конец Норна, снова расстегнув только что ею же самой застегнутый воротник Минны, показала девушке звено золотой цепочки, в котором та сейчас же признала часть цепи, когда-то подаренной Норной Мордону Мертону. Это означало, очевидно, что он жив и находится под ее покровительством. Минна взглянула на старую сивиллу с крайним изумлением, но та приложила палец к губам в знак молчания и вторично спрятала цепочку среди складок одежды, столь скромно и тщательно прикрывавших прекраснейшую грудь и нежнейшее в мире сердце.

Затем Норна залила угли и, когда вода зашипела, коснувшись горячей золы, разрешила Магнусу и Бренде обернуться, потому что дело свое она закончила.

¹ Заклинания, приведенные в этой главе, не являются одним лишь плодом фантазии автора. Выливая расплавленный свинец в воду, находя в нем частицу, похожую на человеческое сердце, и заставляя больного или больную носить ее на шее, знахари Шетлендских островов лечат роковой недуг, называемый потерей сердца. (Прим. автора)

Глава XXIX

Старухи этой все в душе бояться,
Но все-таки приходят к ней узнать,
Когда красotka на любовь ответит
Иль злобная разлучница умрет,
Где скрылся вор, укравший серебро,
И как лечить от ящура скотину.
А между тем пророчица безумна,
Но и в безумии своем умеет
Все тайны ловко вызнать у глупцов
И, отвечая, им же возвращать их

Старинная пьеса

Норна и в самом деле имела право на благодарность старого юдаллера, ибо действительно вылечила Минну от ее странного недуга. Старая сивилла снова распахнула окно, а Минна, осушив слезы, встала и с нежной доверчивостью бросилась на шею отцу, умоляя простить ее за все огорчения, которые причинила ему в последнее время. Нечего и говорить, что это прощение было ей тут же даровано, причем Магнус проявил такие горячие, хотя и несколько грубоватые, отцовские чувства и так долго и крепко обнимал свое дитя, что можно было подумать, будто оно только что было вырвано из когтей самой смерти. Когда же он выпустил ее наконец из объятий, она бросилась на шею сестре, выражая больше слезами и поцелуями, чем словами, как горько она сожалеет о своем безрассудном поведении. Тем временем юдаллер почел необходимым высказать свою благодарность Норне, чье искусство оказалось таким чудодейственным. Но едва он успел проговорить: «Глубокопочитаемая родственница, я всего лишь простой старый норвежец...», как она прервала его, приложив палец к губам.

— Вокруг нас витают силы, — сказала она, — которые не следует гневить звуками человеческого голоса или выражением человеческих чувств. Порой они восстают даже против меня, их могучей повелительницы, только потому, что я ношу еще эту брентную оболочку. Итак, бойтесь их и храните молчание. Я одна, ибо деяния мои вознесли меня над ничтожной юдолью смертных с ее повседневными нуждами

и ходячим милосердием, я одна, лишившая жизни того, кто дал ее мне, я, стоящая одиноко на утесе неизмеримой высоты, отрешенная от земли, которую едва попирают мои презренные стопы, — только я могу совладать с этими грозными силами. Не страшитесь поэтому, но сдерживайте свои порывы, и пусть этот вечер будет для вас вечером поста и молитвы.

Если еще до начала заклинания юдаллер не был склонен возражать своей родственнице, то теперь, когда дело увенчалось столь видимым успехом, у него было еще меньше желания с ней спорить. Итак, он молча уселся и взял в руки объемистый том, лежавший поблизости, в виде крайнего средства избежать того состояния, какое по-французски называется *ennui*,¹ хотя прежде не было случая, чтобы Магнус принялся с подобной целью за чтение. Книга оказалась как нельзя более по вкусу старому юдаллеру, ибо то было хорошо известное сочинение Олауса Магнуса о нравах и обычаях древних норвежцев. К несчастью, сей труд был написан по-латыни, тогда как Магнус гораздо лучше понимал по-датски и по-голландски. Но зато это было прекрасное издание 1555 года с гравюрами, изображавшими боевые колесницы, рыбную ловлю, военные упражнения и домашний быт норвежцев. И если книга мало говорила уму Магнуса, она зато услаждала его зрение, что, как хорошо известно и старым и малым, может, пожалуй, служить не худшим, а даже лучшим развлечением.

Тем временем сестры, как два цветка на одном стебле, сидели, крепко обнявшись и прижавшись друг к другу, словно боясь, как бы какая-нибудь новая непредвиденная причина не привела их опять к отчуждению и не нарушила только что восстановленного дружеского согласия. Норна сидела против них, то опуская глаза на пергаментный лист огромного фолианта, который читала в минуту их прибытия, то пристально глядя на сестер, и тогда свойственное ей выражение суровой и строгой торжественности сменялось необычным для нее нежным вниманием.

¹ Скукой (франц.).

Все было спокойно, в помещении царило мертвое молчание, и Бренда не успела еще прийти в себя и задать себе недоуменный вопрос, неужели они так и собираются провести оставшиеся часы вечера, как вдруг мирную картину нарушило внезапное появление Паколета, или, как юдаллер называл его, Николаса Стрампфера.

Норна метнула грозный взгляд на непрошеного посетителя, который в ответ, словно отвращая ее гнев, поднял руки и издал невнятное бормотание. Затем он тотчас же перешел к своему обычному способу изъясняться и стал делать пальцами быстрые и разнообразные знаки, на которые Норна так же ловко и тем же способом отвечала ему. Обе девушки до того и не слышали о подобном искусстве и теперь, наблюдая жесты этих двух необычных существ, готовы были думать, что их взаимное понимание тоже своего рода колдовство. Когда этот диковинный разговор закончился, Норна с крайним высокомерием повернулась к Магнусу Тройлу.

— Как, уважаемый родственник, — произнесла она, — неужели ты настолько забылся, что позволил себе принести земную пищу в дом Рейм-кеннара и в приюте Отчаяния, в обители Неведомых сил делать приготовления для трапезы, бражничанья, целого пира? Тише! Ни звука! — продолжала она. — Помни, что здоровье твоей дочери, только что ей возвращенное, зависит от твоего молчания и твоей покорности. Одно только неосторожное слово, один дерзкий взгляд — и ей станет еще хуже, чем прежде.

Эта угроза возымела на юдаллера магическое действие, как ни хотелось ему дать волю языку и оправдаться в возводимых на него обвинениях.

— Ступайте все за мной, — приказала Норна, направляясь к дверям, — и не смейте оглядываться, ибо комната эта не останется пустой, хотя мы, чада земли, и покинем ее.

Она вышла, и Магнус сделал знак дочерям следовать за ней и во всем исполнять ее волю. Старая сивилла намного опередила своих гостей, устремившись вниз по грубому спуску (ибо подобное название

гораздо более подходило к нему, чем лестница) в помещение нижнего этажа. Когда Магнус и его дочери тоже спустились вниз, то очам их предстали их собственные слуги, пораженные ужасом при виде Норны из Фитфул-Хэда и того, что она творила.

Перед этим они заняты были устройством из привезенной провизии весьма основательного холодного ужина, с тем расчетом, чтобы юдаллер, почувствовав аппетит, который возвращался к нему с такой же регулярностью, как прилив и отлив, нашел бы все готовым. Теперь же они с испугом и изумлением смотрели, как Норна хватала одно блюдо за другим, при деятельном участии своего усердного Паколета, и швыряла все, столь старательно приготовленное ими, через грубое отверстие, заменявшее окно, в океан, бурливший и пенившийся у подножия утеса, на котором возвышался замок. *Ви́фда* (вяленая говядина), ветчина и солонина полетели друг за другом в пространство; копченые гуси были брошены в воздух, а сушеная рыба — в море, иными словами — возвращены в свои родные стихии, где, однако, не могли уже больше ни летать, ни плавать. Расправа эта совершалась так быстро, что юдаллер едва успел спасти от гибели свой серебряный кубок. Что же касается большой кожаной фляжки с бренди, которая должна была снабдить Магнуса его любимым напитком, то Паколет своей собственной рукой послал ее вослед всему прочему. При этом он взглянул на раздосадованного юдаллера с такой коварной усмешкой, словно, несмотря на свою личную склонность к спиртному, ему приятнее было видеть досаду и изумление Магнуса Тройла, нежели разделять с ним удовольствие выпивки.

Гибель фляжки с бренди превысила меру терпения Магнуса, и он с немалой досадой воскликнул:

— Послушай, сестрица, что это за безумная расточительность! Где и чем, по-твоему, будем мы теперь ужинать?

— Где хочешь, — ответила Норна, — и чем хочешь, но только не в моем доме и не теми яствами, которыми ты осквернил его. Не раздражайте меня боль-

ше и уходите, все трое. Вы и так пробыли у меня слишком долго; как бы это не навлекло беду на меня, да и на вас тоже.

— Как, родственница, — сказал Магнус, — неужели ты выгонишь нас на ночь глядя, когда даже шотландец не закрыл бы перед путником своей двери? Опомнись, сударыня! Вечный позор падет на наш род, если поднятая тобой буря заставит нас обрубить якорный канат и уйти в море, будучи столь скудно снабженными.

— Молчи и уходи, — ответила Норна, — довольно с вас, что вы получили то, за чем явились. У меня нет пристанища для смертных и нет запасов на потребу человеческим нуждам. Под этим утесом берег покрыт тончайшим песком и бьет родник столь же чистой воды, как в источнике Килдинги, а на скалах сколько угодно красных водорослей, столь же полезных для здоровья, как в Гиодине, а вы прекрасно знаете, что воды Килдинги и водоросли Гиодина исцеляют все недуги, кроме одной только черной смерти.¹

— Будь уверена, — ответил юдаллер, — что я скорее соглашусь есть гнилые водоросли, как это делают скворцы, или соленую тюленину, как жители Баррафорта, или ракушки и слизняков, как несчастные бедняки Стромы, чем преломлю пшеничный хлеб и выпью красного вина в доме, где мне отказали в гостеприимстве. И все же, — перебил он сам себя, — я виноват, глубоко виноват, сестрица, когда так грубо говорю с тобой: ведь я должен благодарить тебя за все, что ты для нас сделала, а не упрекать, когда ты поступаешь сообразно своим обычаям. Но я вижу, ты сердись; мы сейчас же снимемся с якоря. А вы, мошенники, — обратился он к слугам, — сунулись тоже, когда вас не спрашивают! Марш теперь отсюда, да постарайтесь поймать наших пони, ибо я вижу, что на эту ночь нам нужно будет поискать другую гавань, если мы не хотим лечь с пустым желудком и спать на голых камнях.

¹ Так по крайней мере гласит оркнейская пословица. (Прим. автора)

Слуги, достаточно напуганные неистовыми действиями Норны, не стали дожидаться второго приказа, чтобы со всей возможной поспешностью покинуть ее жилище, и юдаллер, взяв под руки дочерей, уже готов был последовать за ними, как вдруг раздался повелительный возглас Норны: «Стойте!» Все трое послушно остановились и обернулись. Она протянула Магнусу руку, и благодушный юдаллер сейчас же сжал ее в своей могучей длани.

— Магнус, — произнесла Норна, — мы вынуждены по необходимости расстаться, но, надеюсь, не как враги?

— Разумеется, нет, сестрица, — ответил великодушный юдаллер, едва успевая выговаривать слова, так не терпелось ему поскорее заверить Норну в своих добрых чувствах, — конечно, нет! Я никогда никому не желаю зла, а тем менее — кровной родственнице; ты ведь своими советами не раз, словно лощман, помогала мне пройти трудным фарватером не хуже, пожалуй, чем я сам провел бы свое судно между Суоной и Стромой, через все волны, стремнины и водовороты Пентленд-Фёрта.

— Довольно, — остановила его Норна, — прощай. Прими от меня благословение, какое я имею право тебе дать, и ни слова больше. А вы, девушки, — прибавила она, — подойдите, я поцелую вас.

Минна, повинаясь своему пылкому воображению, выполнила волю старой сивиллы с благоговейным трепетом, а Бренда, в силу естественной робости своего характера, — со страхом. Затем Норна рассталась с ними, и через несколько минут они стояли уже по ту сторону подъемного моста, на скалистой площадке перед замком древних пиктов, который добровольная отшельница избрала своим обиталищем. Ночь — ибо уже наступила ночь — была удивительно ясной. Прозрачный сумрак, бросавший свой приглушенный отблеск на поверхность моря, явился на смену солнцу во время его недолгого отсутствия, и волны, словно зачарованные эгим светом, казались уснувшими, с таким слабым и сонным шумом катились они одна вослед другой и разбивались о под-

ножие утеса, на котором стояли путники. Возвышавшийся перед ними суровый замок представлялся в окружавших его бесцветных сумерках таким же древним, бесформенным и массивным, как утес, служивший ему основанием. Ни огонька кругом, ни звука, которые указывали бы на близость человеческого жилища. Только в одной из грубо прорубленных в стене бойниц слабо мерцало пламя лампы: то старая ворожея продолжала, должно быть, и ночью предаваться своим таинственным занятиям. Узкая полоска этого света прорезала сумеречный воздух, сливалась с ним и исчезала, и так одинок и заброшен казался этот луч в окружавшем его пространстве, как старуха и служивший ей карлик, единственные обитатели этого уединенного края, — в обнимавшей их со всех сторон пустыне.

В течение нескольких минут люди, столь неожиданно изгнанные из-под крова, где рассчитывали провести ночь, стояли молча, погруженные каждый в свои собственные мысли. Минна, не переставая думать о таинственном утешении, полученном от Норны, тщетно пыталась найти в ее словах какой-нибудь более ясный и понятный смысл. Магнус все еще не мог прийти в себя после изгнания, которому он столь необычным образом подвергся, да еще при обстоятельствах, не позволявших воспринимать его как оскорбление. Такому гостеприимному хозяину, как Магнус, выходка Норны казалась во всех отношениях до того чудовищной, что ему все еще хотелось возмущаться, и он не знал только, с чего начать. Бренда первая трезво взглянула на вещи, спросив, куда же они теперь направлятся и где проведут ночь. Вопрос этот, произнесенный просто, но с некоторым оттенком тревоги, совершенно изменил ход мыслей Магнуса: неожиданная трудность их положения предстала теперь перед ним во всем своем комизме, и он захохотал так, что слезы полились у него из глаз, окрестные скалы загремели ответным эхом, а спавшие на них морские птицы пробудились от громких и добродушных раскатов его неукротимого хохота.

Минна и Бренда, тщетно пытаюсь доказать отцу, что таким безудержным проявлением веселости он рискует возбудить недовольство Норны, совместными стараниями увлекли его подальше от ее жилища. Как ни были слабы их усилия, но Магнус, сам ослабевший от смеха, был не в состоянии им противиться и позволил увести себя на порядочное расстояние от замка. Там, вырвавшись из рук дочерей и опустившись, или, вернее, упав, на большой камень, случайно оказавшийся на пути, он снова принялся хохотать и смеялся так долго и весело, что обеспокоенные и взволнованные девушки даже испугались, приняв сотрясавшие его приступы смеха за какие-то болезненные конвульсии.

Наконец веселость юдаллера истощилась, а вместе с ней истощились и его силы. Он испустил тяжелый стон, вытер глаза и сказал, по временам все еще потрясаемый внутренними порывами смеха:

— Ну, клянусь костями святого Магнуса, моего предка и тезки, можно подумать, что быть выставленным, да еще ночью, за дверь — вещь самая забавная. Я по крайней мере все бока надсадил себе от смеха! Сидели себе люди спокойно, готовились заночевать, и я еще так был уверен в хорошем ужине и добром стакане вина, словно держал уже в руках и то и другое. И вдруг всех нас ни с того ни с сего выгоняют вон, и вот мы здесь! А потом Бренда таким жалобным голосом спрашивает: «Что мы будем делать и где спать?» Честное слово, если кто-либо из этих не ко времени усердных дураков, взбесивших бедную старуху своими приготовлениями, в искупление своей вины не найдет для нас удобной гавани с подветренной стороны, ничего нам другого не останется, как, пользуясь светлой ночью, взять курс обратно на Боро-Уэстру и уж как-нибудь перегерпеть все трудности пути. Беспokoюсь я только о вас, дочки, а что до меня, так я, бывало, совершал рейсы и на более скудном пайке. Жаль, что не сумел я сберечь хоть кусочек чего-либо для вас да глоток для себя, тогда не на что было бы и сетовать.

Дочери поспешили уверить Магнуса, что им совершенно не хочется есть.

— Вот и хорошо, — сказал он, — и если так, то и я не буду жаловаться на голод, хоть аппетит у меня не на шутку разыгрался. А заметили ли вы, какую рожу соорудил мне этот мошенник Николас Стрампфер, когда вышвырнул мою флягу с нанцем в море! Он оскалился, прямо как тюлень на камне. Если бы я не боялся огорчить нашу бедную родственницу, полетел бы этот красавец с тыквой вместо головы прямым путем в море, вдогонку за дорогой моей фляжкой. Это так же верно, как то, что мощи святого Магнуса пойдут в Керкуолле!

Тем временем слуги вернулись с пони, которых они поймали очень быстро, ибо эти разумные животные не обнаружили на пастбищах, где им предоставлено было отдыхать, ничего привлекательного и поэтому безропотно позволили снова оседлать и взнуздывать себя. Чрезвычайно улучшились также для наших путников виды на ужин, так как оказалось, что припасы, навьюченные на пони, погибли не полностью: небольшая корзина благодаря проворству одного из слуг, который успел схватить и унести ее, счастливо избежала ярости Норны и Паколета. Тот же самый слуга, расторопный и смывленный малый, заметил на берегу, не далее чем в трех милях от жилища Норны и с четверть мили в сторону от прямого пути, покинутое *скио*, или рыбацью хижину, и высказал предположение, что в ней неплохо было бы провести ночь: пони успели бы подкрепиться, а молодые леди нашли бы защиту от холодного ночного воздуха.

Когда нам удастся избежать большой и грозной опасности, мысли наши обычно принимают — или по крайней мере должны были бы принять — более или менее серьезное направление, в зависимости от степени пережитого нами волнения и благодарности к охраняющему нас провидению. Мало что, однако, может так поднять дух человека, впрочем совершенно естественно и невинно, как неожиданный счастливый выход из какого-нибудь пустячного житейского затруднения, вроде настоящего случая. Юдаллер, успо-

коившись, что дочерям его не придется страдать от чрезмерной усталости, а ему самому — от слишком большого аппетита и слишком малого количества снеди, весело прищпорил своего конька и, продвигаясь в полумраке вперед, принялся распевать норвежские песенки с таким задором и увлечением, словно вся эта ночная прогулка совершалась исключительно для собственного его развлечения. Бренда стала вторить припеву, а слуги присоединили к нему и свои более грубые голоса, ибо в ту патриархальную эпоху участие их в господском пении не считалось дерзкой вольностью. Минна, правда, была еще неспособна на подобное усилие, но она старалась показать, что тоже принимает участие в общем веселье и, в противоположность тому, как вела себя начиная с того рокового утра, которым окончилось празднество Иванова дня, снова с интересом глядела на все окружающее и охотно и мило отвечала на вопросы о самочувствии, которыми Магнус то и дело прерывал свое пение. Таким образом, это ночное путешествие совершалось в куда более приподнятом настроении, чем утренняя поездка по той же дороге. Наши путники с легкостью преодолевали все трудности пути, мечтая об ожидавшем их приюте и покойном ночном отдыхе в заброшенной хижине, от которой они были уже совсем недалеко и которую думали найти пустой и темной.

Но юдаллеру на роду было написано в этот день не один раз ошибиться в своих расчетах.

— Да где же эта твоя хижина, Лори? — обратился он к тому самому смышленому парню, о котором мы уже говорили.

— Да вон там, должно быть, — ответил Лоренс Сколи, — там, с этого края воу. Да только, если это и есть то самое место, туда, ей-ей, уже кто-то до нас забрался. Дай-то бог да святой Ронан, чтобы то были добрые люди.

Действительно, в покинутой хижине горел огонь, и довольно сильный, ибо он просвечивал сквозь все щели и скважины между камнями и обломками судов, из которых она была построена, и делал ее по-

хожей на кузницу ночью. В Магнусе и его спутниках пробудилось суеверие, распространенное тогда в Шетлендии в любых слоях общества.

— Это трау, — сказал один из них.

— Это ведьмы, — пробормотал другой.

— Это русалки, — прошептал третий, — прислушайтесь только к их дикому пению.

Все остановились: из хижины действительно доносились звуки какой-то музыки. Бренда слегка дрожащим голосом, но не без некоторого лукавства заявила, что это играют на скрипке.

— Кто бы там ни играл, хоть сам дьявол, — воскликнул Магнус, который хотя и верил в призраки ночи, напугавшие его спутников, сам, разумеется, нисколько их не боялся, — но черт меня возьми, если я снова дам какой-нибудь ведьме вырвать ужин у меня из рук!

С этими словами он спешил, крепко сжал в руке свою дубинку и двинулся к хижине. За ним последовал один только Лоренс; прочие слуги остались на берегу, около его дочерей и пони.

Глава XXX

Сюда, друзья веселые! Давайте
Резвиться, словно феи в свете лунном,
Вокруг монаха, что с крестин

иль свадьбы,
Спешит к себе в обитель поздней
ночью.

Как вздрогнет он, как пьяную походку
Сменить на шаг достойный поспешит,
Как станет вспоминать слова молитвы,
Но сможет вспомнить лишь припев
застольный.

Старинная пьеса

Нисколько не умеряя своего обычного крупного и твердого шага, юдаллер подошел к хижине, откуда теперь уже явственно доносились звуки скрипки. Но если ширина его шага и твердость оставались преж-

ними, то ноги он зато переставлял гораздо медленнее обычного, ибо, как осторожный, хотя и храбрый генерал, желал, прежде чем напасть на врага, произвести разведку. Вдруг верный Лоренс Сколи, не отстававший ни на пядь от своего господина, шепнул ему в самое ухо:

— Уж это как вам угодно, сэр, а только сдается мне, что дух, который так здорово наяживает на скрипке, если он взаправду дух, верно дух мейстера Клода Холкро, а на худой конец — его привидение. Никогда и никто еще из тех, что водят смычком по струнам, не жарил так ловко добрую старую песенку «Красивая, счастливая», как он.

Магнус сам тоже склонялся к подобному выводу, ибо узнал бойкую игру жизнерадостного старого музыканта, и окликнул его сердечным: «Эй, эй, здорово!» В ответ из хижины донесся веселый голос его старинного собутыльника, и Клод Холкро собственной персоной появился на берегу.

Юдаллер подал знак своим спутникам подойти ближе, а сам после горячих приветствий и многих рукопожатий спросил его, какого дьявола наигрывает он свои старинные мотивы в столь неприглядном месте, словно сова, кричащая на луну?

— Скажите-ка мне лучше, фоуд, — ответил ему Клод Холкро, — вы-то сами как попали сюда? Да еще, клянусь честью, вместе с вашими прелестными дочерьми! Ярто Минна и ярто Бренда... «Здесь, на песчаном берегу, я руку вам пожалать могу», как сказал достославный Джон, а может быть, и какой-то другой поэт, по такому же поводу. Как появились вы здесь, словно два прекрасных лебедя, озаряя сиянием сумерки и превращая в серебро все, что попираете ногами?

— Сейчас вы это узнаете, — ответил Магнус. — Но что у вас там за приятели в хижине? Мне кажется, я слышу голоса.

— Да, собственно говоря, никого, — сказал Клод Холкро, — кроме злополучного управляющего да моего дьяволенка Джайлса. Я... Но входите, входите,

взгляните, с каким комфортом мы здесь подышаем с голоду: кругом не достать ни куска соленой трески ни за деньги, ни из милости.

— Ну, из этой беды мы вас отчасти выручим, — заявил юдаллер, — ибо, хотя большая часть нашего ужина и полетела через скалы Фитфул-Хэда в глотки тюленям и акулам, но кое-что из наших припасов еще осталось. Эй, Лори, тащи сюда вифду!

— Йокул, йокул!¹ — весело ответил Лоренс и поспешил за корзиной.

— Клянусь чашей святого Магнуса,² — воскликнул Холкро, — и самым дородным епископом, который когда-либо осушал ее, ваши кладовые никогда не бывают пустыми, Магнус! И я уверен, что для друга в нужде вы сумели бы, подобно старому Лагги, наудить и вареного и жареного в Кибстерском омуте.³

— Ну нет, тут вы ошибаетесь, ярто Клод, — ответил Магнус Тройл, — хитрый дьявол не только не позаботился снабдить меня ужином, но, сдается мне, захватил сегодня вечером большую часть моих припасов. Но я рад буду по-братски разделить с вами все, что от них осталось.

Тем временем путники вошли в хижину. То была лачуга, насквозь пропитавшаяся запахом сушеной

¹ Йокул — «да, сэр»; норвежское выражение, до сих пор еще широко употребляемое в Шетлендии. (Прим. автора)

² Чаша святого Магнуса — деревянный сосуд огромных размеров, который хранился в Кёркуолле и преподносился каждому новопосвященному епископу Оркнейских островов. Если последний оказывался в состоянии осушить его залпом — подвиг, достойный Геракла или Рори Мхора из Данвегана, то это считалось предзнаменованием чрезвычайно обильного урожая. (Прим. автора.)

³ Лагги, знаменитый колдун, имел обыкновение, когда непогода мешала выходить в море на рыбную ловлю, удить рыбу с высокой крутой скалы в месте, которое так и называлось — холм Лагги. Он также, находясь вместе с другими рыбаками в море, неоднократно вытаскивал сетями уже приготовленную рыбу, которую его товарищи, храбрые по своей природе люди, смело ели, не задумываясь над тем, кто выполнял тут обязанности повара. Кончилось, однако, тем, что бедняга был осужден и сожжен в Скэллоуэе. (Прим. автора.)

рыбы, с потолком и стенами, почерневшими от копоти. Незадачливый Триптолемус Йеллоули сидел у огня, разведенного из сухих водорослей, обломков выброшенного морем дерева и небольшого количества торфа. Единственным его собеседником был бо-соногий светлоголовый мальчик-шетлендец, который в случае надобности выполнял при Клоде Холкро роль своеобразного пажа: носил на спине его скрипку, седлал ему пони и с охотой и почтительностью оказывал прочие мелкие услуги. Безутешный агроном (таковы были, во всяком случае, отражавшиеся на его лице чувства) выразил весьма малое удивление и еще меньшую радость при виде старого Тройла и его спутников. Однако после того, как новоприбывшие уселись вокруг огня (близость которого была далеко не лишней в сырую ночь), открыли корзину и глазам Триптолемуса предстали, обещая достаточно обильный ужин, изрядное количество ячменного хлеба и вяленой говядины, а сверх того, еще скляница с бренди, правда по размерам уступающая той, которую безжалостная рука Паколета вылила в океан, достойный управляющий ухмыльнулся, хихикнул, потер руки и осведомился, как поживают его друзья из Боро-Уестры? Когда каждый получил свою долю необходимого подкрепления, Магнус снова спросил, обращаясь к Холкро и особенно к управляющему, каким образом очутились они в такой глуши, да еще так поздно ночью?

— Мейстер Магнус Тройл, — ответил Триптолемус после того, как вторая чашка бренди подняла его дух настолько, что он смог начать свою грустную повесть, — прошу вас, не думайте, что несчастье мое — пустяк. Здорово должен подуть ветер, чтобы выпало зерно из моего колоса, — вот какой я породы. Много на веку своем видел я и мартыновых и троицных дней, а это ведь дни, особо опасные для лиц моей профессии, и всегда-то, всегда стойко выдерживал все удары. Да только похоже на то, что здесь, в этой вашей растреклятой земле, меня, ей-богу, в гроб загонят! Господи, прости мне божбу и ругатель-

ства, да ведь известно: с кем поведешься, от того и наберешься.

— Но ради всего святого! — воскликнул юдаллер. — Что же с этим несчастным случилось? Послушайте, приятель, ведь когда вы врезаетесь плугом в еще нетронутую землю, то понятно, что он нет-нет, да и наткнется на камень. А ведь вы должны бы показывать нам пример терпения, раз прибыли сюда, чтобы учить нас.

— Лукавый направлял мои стопы, когда я ехал сюда, — ответил управляющий, — уж лучше бы взялся я улучшать Клохнебенские камни!

— Но в чем же дело в конце концов? — спросил юдаллер. — Что случилось, на что вы жалуетесь?

— На все, что свалилось мне на голову с того самого дня, как я высадился на этот ваш остров, — ответил агроном, — проклятый, думается мне, с первого дня сотворения мира и назначенный быть обиталищем бродяг, воров, распутниц (прошу прощения у леди), колдуний, вещуний и прочих исчадий ада.

— Клянусь честью, — воскликнул Магнус, — недурной перечень! И услышь я от вас в другое время хоть половину всего этого, так я сам превратился бы в учителя, чтоб улучшить ваши манеры, и здорово проучил бы вас дубинкой.

— Сжальтесь, мейстер фоуд, или мейстер юдаллер, или как вас тут еще называют! — взмолился управляющий. — Раз вы человек могущественный, так вам и милость к лицу: войдите в положение несчастного, который, ни в чем еще хорошенько не разбираясь, попал в этот ваш земной рай. Он просит пить — ему несут какой-то кислой сыворотки (я не о вашем бренди говорю, оно-то у вас — первейший сорт); он просит есть — ему несут соленых рыбешек, которыми подавился бы сам сатана! Он зовет своих батраков и велит им работать, да не тут-то было! Оказывается, что сегодня — день святого Магнуса, или святого Ронана, или еще там какого-нибудь дьявольского святого. А то еще окажется, что молодчики встали не с той ноги, или увидели сову, или заяц перебежал им дорогу, или им приснилась жареная

лошадь, одним словом — работать нельзя! Дайте им лопату — и они будут держать ее так, словно она жжет им пальцы, но заставьте их ганцевать — и вы увидите, устанут ли они когда-нибудь прыгать и ногами дрыгать.

— А почему бы и не попрыгать им, бедняжкам? — спросил Клод Холкро. — Благо есть еще кому сыграть им на скрипке!

— Ну, понятно, понятно, — ответил, покачав головой, Триптолемус. — Вы-то как раз и есть самое подходящее лицо, чтобы потакать им в этом. Но слушайте дальше: только вскопал я кусок самой лучшей своей земли, как является какой-то нахальный нищий — ему, видите ли, нужен огород, или, по-вашему, плэнти крув, — огораживает камнями участок в самой середине моего поля, да так бесцеремонно, словно он сам одновременно и лэрд и арендатор, и как ты с ним ни спорь, а начинает все-таки разводить на нем свои овощи. А то еще: только это сел я однажды за свой скудный обед и думал, что хоть теперь-то обрету желанный мир и покой, но не тут-то было — врываются ко мне с криком один, два, три, четыре, целая полдюжина долговязых парней, которые бог весть где шатались; принимают они козлить меня за то, что держу я от них на запоре свою собственную дверь, и съедают добрую половину того, что стараниями моей сестры — а она у меня не слишком-то на этот счет щедра — было предназначено для моего собственного обеда! После этого является какая-то ведьма с волшебным жезлом в руке и заставляет ветер то подниматься, то стихать, как ей заблагорассудится, а потом принимается командовать у меня в доме, словно она в нем хозяйка, и я должен еще благодарить небо, что не унесла она с собой самые стены.

— Однако, — сказал фоуд, — вы так и не ответили мне, каким образом, черт подери, пришвартовались вы здесь?

— Имейте терпение, уважаемый сэръ, — ответил обиженный управляющий, — послушайте, что будет дальше, ибо, пожалуй, мне следует рассказать вам

все без утайки. Надо вам знать, что однажды сделал я небольшую находку, и она могла бы примирить меня с моей участью...

— Как, находку! — воскликнул Магнус. — Вы имеете в виду находку после кораблекрушения? Стыдитесь, стыдитесь, вам следовало бы подавать хороший пример другим!

— Нет, нет, кораблекрушением тут и не пахло, — ответил управляющий, — а если хотите знать, то случилось мне поднять как-то каменную плиту, что под очагом в одной из верхних комнат в Стурборо; сестра моя, видите ли, считает, что в доме достаточно и одного очага, а топить остальные — только лишняя трата, а мне к тому же нужен был камень, чтобы давить на нем ячмень. И как бы вы думали, что я под ним обнаружил? Целый рог, полный старинных монет, правда все больше серебряных, но золото между ними тоже так и поблескивало. «Ну, — подумал я, — привалило наконец нам счастье», и сестра моя Бэйби тоже так подумала, и мы уже готовы были примириться со страной, где в гнездах находятся такие чудесные яички. А потом мы снова прикрыли камнем этот рог — мне-то он казался настоящим рогом изобилия — и для большей верности Бэйби каждый день раз по двадцать навевывалась в ту комнату, да и сам я нет-нет да заглядывал туда.

— Честное слово, приятное, должно быть, развлечение, — заметил Клод Холкро, — созерцать рог, полный твоего собственного серебра. Интересно, развлекался ли хоть раз в жизни подобным образом достойный Джон Драйден? А уж за себя поручусь, что ничего подобного в моей жизни не бывало.

— Но вы забываете, ярто Клод, — возразил юдалер, — что ведь наш приятель только пересчитывал деньги милорда губернатора. Раз он так следит за соблюдением прав короля на китов и обломки кораблей, то он, разумеется, не забудет их и там, где дело идет о кладе.

— Э-хм, э-хм, кхе, кхе, э-хм, — пробормотал Триптолемус, на которого напал внезапный приступ кашля — Конечно, права милорда были бы соблюдены,

ведь клад-то попал, смею сказать, в руки честнейшего человека во всем Энгюсшире, не говоря уже о Мирнсе. Но вы послушайте только, что случилось дальше. Однажды поднялся я в заветную комнату убедиться, что все в порядке и спокойно, да как раз отсчитать монеты, что пришлось бы на долю его светлости, ибо, разумеется, тот, кто поработал, иными словами — тот, кто нашел клад, тоже достоин получить что-нибудь; а некоторые ученые даже говорят, что если нашедший облечен полной доверенностью и всей полнотой власти своего *dominus*,¹ или старшего лорда, то ему принадлежит даже все полностью. Но оставим этот щекотливый вопрос *in apicibus juris*,² как мы обычно выражаемся в Сент-Эндрюсе. Итак, сэр, а также вы, леди, представьте себе, что когда я поднялся наверх, в ту самую комнату, я увидел в ней отвратительного, безобразного и страшного карлика — ему не хватало разве только копыт и рогов, чтобы выглядеть самым дьяволом, — который считал серебро из моего рога! Я не из робкого десятка, мейстер фоуд, но, полагая, что в подобном деле следует поступать с особой осторожностью, ибо у меня были основания думать, что тут не обошлось без колдовства, я обратился к карлику по-латыни, поскольку это самый подходящий язык для объяснения с нечистой силой. Я заклинал его *in nomine*³ и все прочее, теми словами, которые мое скудное образование способно было столь внезапно мне подсказать; по правде говоря, их было не так-то уж много и не такая-то уж чистая это была латынь — слишком, видите ли, мало лет провел я в колледже и слишком много — за плугом. Так вот, джентльмены, карлик сначала вздрогнул, словно услышав нечто, чего не ожидал, затем опомнился, уставился на меня зелеными, как у дикой кошки, глазами и раскрыл рот, огромный словно жерло печи, и черт меня побери, если в нем имелось хоть подобие языка, какое только я мог бы заметить!

¹ Господина (лат.).

² Среди вершин юриспруденции (лат.).

³ Именем <божьим> (лат.).

А безобразную свою рожу он скривил совсем как бульдог — я видел один раз на ярмарке, как бульдог бросился на необъезженную лошадь. Ну, тут я немного оробел и почел за лучшее спуститься вниз и позвать свою сестру Бэйби: она-то не боится ни псов, ни бесов, особенно если дело коснется до серебряных малюток пенни. Она у меня так же смело лезет в драку, как и Линдсеи и Огилви; видел я их, как они деругся, когда Доналд Мак-Доннох или другой кто из той же шайки спускается с гор на берега Айлея. Но старая никчемная баба Тронда Дронсдотер — уж звали бы ее просто Трондой, без всяких там прибавлений — как раз в это время прибежала к моей сестре и принялась визжать и выть, словно целая свора собак. Тут я решил, что нечего мне дальше одному, как говорится, пашню пахать, а лучше дожидаться сестры. Так я и сделал, но когда мы с ней поднялись наконец наверх, в комнату, где сидел карлик, дьявол, или как там его еще, оказалось, что и карлик, и рог, и серебро — все пропало! Словно кошка вылизала то место, где я их видел.

Тут Триптолемус прервал свое необыкновенное повествование, в то время как остальные присутствующие с изумлением посмотрели друг на друга, а юдаллер шепнул Клоду Холкро:

— По всем признакам это был, очевидно, либо сам черт, либо Николас Стрампфер. Если это был Ник, так, значит, он больше колдун, чем я предполагал. На будущее время так и будем знать. — Затем, обратившись к управляющему, он прибавил:

— А не заметили вы, каким образом этот ваш карлик убрался восвояси?

— По правде говоря, нет, — ответил Триптолемус, боязливо оглядываясь кругом, словно преследуемый своими воспоминаниями. — Ни я, ни Бэйби — а она больше сохранила присутствие духа, ибо не видела, как я, такого страшного зрелища — не заметили никакой лазейки, через которую он мог бы скрыться. Правда, Тронда сказала нам, будто видела, как он вылетел из окна западной башни нашего старого дома, по ее словам — на драконе, однако, поскольку

дракон — животное сказочное, я склонен считать ее утверждение *deceptio visus*.¹

— А нельзя ли спросить, — вставила свое слово Бренда, которой любопытно было узнать как можно больше о своей тетке Норне и ее друзьях, — каким образом это привело к тому, что мейстер Йеллоули очутился здесь, и притом еще в столь неурочное время?

— Совсем наоборот, миссис Бренда, этот час следовало бы назвать самым урочным, ибо он доставил нам удовольствие насладиться вашим любезным обществом, — ответил Клод Холкро, чье живое, как ртуть, воображение намного опередило медлительное мышление агронома и которому надоело уже так долго молчать. — Говоря по правде, миссис Бренда, это я посоветовал нашему другу управляющему, чей дом мне случилось посетить сразу же вслед за несчастным событием (и где, к слову сказать, по причине, должно быть, смятенного духа хозяев, я был принят довольно холодно), это я посоветовал управляющему повидать нашу дорогую приятельницу, обитающую в Фитфул-Хэде, учитывая некоторые обстоятельства, на основании которых другой, особенно близкий мне приятель (здесь старый поэт бросил взгляд на Магнуса) тоже сделал, очевидно, свои выводы. Недаром говорят: чем ушибся, тем и лечись. А поскольку наш друг управляющий не решается ездить верхом вследствие кое-каких неприятностей, которые причинили ему наши пони...

— Сущие черти, — произнес Триптолемус вслух, бормоча в то же время себе под нос: «Как, впрочем, и все живые существа, что пришлось мне встретить в Шетлендии».

— Итак, фоуд, — продолжал Холкро, — я решил доставить его в Фитфул-Хэд на своей шлюпчонке, которой мы с Джайлсом управляем так, словно это адмиральский катер с полным составом гребцов. Пусть мейстер Йеллоули расскажет вам, как лихо, чисто по-морскому, провел я ее в небольшую гавань в какой-нибудь четверти мили от жилища Норны.

¹ Обманом зрения (*лат.*).

— Хотел бы я, клянусь небом, чтобы вы столь же благополучно доставили меня обратно, — сказал управляющий.

— Ну конечно, конечно! — воскликнул поэт. — Ведь, как говорит достославный Джон!

В опасности я смелый мореход,
Отрадно мне волнение грозных вод,
Я бурь ищу, а в штиль держу я путь
Вдоль отмелей, чтоб ловкостью блеснуть.

— Ну, не очень-то я блеснул умом, когда вверил свою судьбу вашему попечению, — сказал Триптолемус, — а вы — и еще того меньше, когда перевернули шлюпку в самом горле воу, как по-вашему называется бухта. Даже этот бедный мальчик, который чуть не потонул, и тот говорил вам, что парус у вас был слишком полон. А вы еще привязали веревку к той деревяшке, что торчит у борта, когда вам захотелось поиграть на скрипке.

— Как! — воскликнул юдаллер. — Вы завернули шкот за банку? Но ведь это же крайне неосторожно!

— Так оно и вышло, — продолжал агроном, — и первый же порыв ветра, а их в этих краях долго ждать не приходится, опрокинул шлюпку, словно хозяйка — подойник. И ничего-то мейстер Холкро не хотел спасать, кроме своей скрипки. Бедный мальчик поплыл, как спаниель-водолаз, а мне пришлось из последних сил бороться за свою жизнь, вцепившись в одно из весел. Вот таким-то образом мы и оказались здесь, совершенно беспомощные, и если бы счастливый ветер не занес сюда вас, нам нечего было бы есть, кроме куска норвежского сухаря, где больше опилок, чем ржаной муки, и который на вкус скорее напоминает скипидар, нежели что-либо иное.

— Но мы, кажется, слышали, — сказала Бренда, — когда шли по берегу, что вам было здесь очень весело.

— Вы слышали скрипку, миссис Бренда, — ответил управляющий, — и, пожалуй, вы думаете, что там,

где звучат песни, не может быть голодных желудков. Но ведь это была скрипка мейстера Клода Холкро, а он, я уверен, стал бы пикировать на ней даже у смертного ложа своего отца, даже на своем собственном, пока пальцы его были бы еще в состоянии щипать струны. А что до меня, так мне тем тяжелее было переносить свое горе, что он непрерывно терзал мой слух всякого рода плясовыми напевами: и норвежскими, и горношотландскими, и нижнешотландскими, и английскими, и итальянскими, словно ничего ужасного не случилось и мы не попали в столь бедственное положение.

— Но ведь я же говорил вам, управляющий, что, как бы вы ни горевали, этим все равно делу не поможешь, — сказал беспечный менестрель. — Я изо всех сил старался вас развеселить, и если это мне не удалось, то виноваты в том отнюдь не я и не моя скрипка. Я водил по ней смычком перед самым достославным Джоном Драйденом...

— Я не хочу больше слышать о достославном Джоне Драйдене, — перебил его юдаллер, который так же опасался рассказов Клода Холкро, как Триптолемус — его музыки, — я не хочу слышать о нем чаще, чем один раз через каждые три чаши пунша; ведь таков, помнится, наш с вами старый уговор? Но выкладывайте-ка лучше, что сказала вам Норна.

— О, тут мы добились блестящих успехов! — доложил мейстер Йеллоули. — Она не пожелала ни видеть, ни слышать нас. Этот вот всем известный мейстер Холкро собирался наговорить ей всего с три короба, да она сама осыпала его целой кучей вопросов о вашем семействе, мейстер Магнус Тройл, обо всем, что происходит у вас в доме, а когда вытянула из него все, что ей было нужно, так я думал, что она выбросит его за окно, как вышелушенный стручок гороха.

— А как она обошлась лично с вами? — спросил юдаллер.

— Не только не захотела выслушать мой рассказ, а попросту не дала мне произнести ни слова, — отве-

тил Триптолемус, — и поделом мне! Нечего водиться с колдуньями да со всякими духами.

— Вам не было нужды обращаться к помощи нашей мудрой тетушки, мейстер управляющий, — сказала Минна с очевидным желанием прекратить неуважительный разговор о Норне, которая только что оказала ей столь великую услугу. — Всякий младенец на этих островах — и тот мог бы вам сказать, что если кто не умеет употребить волшебный клад с пользой для себя и для других, у того он долго в руках не останется.

— Я ваш покорнейший слуга, миссис Минна, — ответил Триптолемус, — и смиренно благодарю вас за совет, и я счастлив, что к вам опять вернулся рассудок... то бишь здоровье. Что же касается клада, то я не употреблял его и не злоупотреблял им: кто живет в одном доме с моей сестрицей Бэйби, так тому одинаково трудно и то и другое. И не болтал я о нем, чтобы не обижались те, кого мы в Шотландии называем *добрыми соседями*, а вы — драу. И изображения старых норвежских королей, выбитые на тех монетах, и те не могли бы лучше хранить молчание, чем я.

— Управляющий был настолько осторожен, — заметил Клод Холкро, который не прочь был воспользоваться удобным случаем, чтобы отплатить Триптолемусу за его уничижительный рассказ о его, Холкро, мореходных способностях и пренебрежительный отзыв о его музыке, — он был так осторожен, что скрыл все даже от своего начальника, лорда губернатора. Но теперь, когда дело стало известным, ему придется, пожалуй, дать отчет в том, что уже больше не находится в его владении. Ибо лорд губернатор, сдается мне, не очень-то склонен будет поверить рассказам про какого-то там карлика. Не думаю я также, — здесь Холкро подмигнул юдаллеру, — что Норна сочла за правду хоть одно слово из всей этой странной истории; и, осмелюсь сказать, по этой-то самой причине она и встретила нас, откровенно говоря, сухо. По-моему, она просто знала, что приятель наш Триптолемус нашел какое-нибудь другое укромное

местечко для своих денег, а весь рассказ про домового — собственное его измышление. А я, со своей стороны, тоже никогда не поверю, что может существовать на свете такой карлик, какого нам описал мастер Йеллоули, разве что увижу его собственными глазами.

— Что же, это нетрудно, — сказал управляющий, — ибо, клянусь... — Тут он пробормотал проклятье и с ужасом вскочил на ноги. — Вот и он сам!

Все обернулись туда, куда он указывал, и увидели безобразное, изуродованное лицо Паколета, который, не отводя глаз, пристально смотрел на них сквозь застилавший хижину дым. Он подкрался во время разговора и оставался незамеченным до тех пор, пока взгляд управляющего, как мы только что сказали, не упал на него. Было что-то до того таинственное в его внезапном и неожиданном появлении, что даже юдаллер, издавна свыкшийся с его уродливым видом, невольно вздрогнул. Досадую на самого себя за подобное, хотя и слабое, проявление испуга, и на карлика, послужившего тому причиной, Магнус резко спросил, что ему нужно? Вместо ответа Паколет достал письмо и подал его юдаллеру, испустив при этом односложный звук, похожий на слово *шог*.¹

— Это язык шотландских горцев, — заметил юдаллер, — ты что же, Николас, выучился ему, когда потерял свой собственный?

Паколет утвердительно кивнул головой и показал знаками, чтобы Магнус прочел записку.

— Это не так-то просто сделать при подобном осещении, — возразил юдаллер, — но письмо, быть может, касается Минны, и я должен поэтому попробовать.

Бренда предложила свои услуги, но Магнус ответил:

— Нет, нет, дочь моя, письма Норны должны читать только те, кому они адресованы. А вы тем временем дайте этому бездельнику Стрампферу глоток бренди, хоть он этого и не заслуживает — с очень

¹ По-гэльски «вот». (Прим. автора.)

уж злобной усмешкой вылил он нынче на скалы мой добрый нанц, словно это была стоячая вода из канавы.

— Желаете вы быть виночерпием этого достойного джентльмена, его Ганимедом, друг мой Йеллоули, или предоставите это мне? — вполголоса спросил Клод Холкро управляющего. Тем временем Магнус Тройл, тщательно протерев очки, которые он извлек из огромного медного футляра, водрузил их у себя на носу и погрузился в чтение написанного Норной послания.

— Я не дотронусь до него и не подойду к нему, даже если бы мне посулили все тучные земли Гаури, — ответил Триптолемус. Страх его далеко еще не прошел, хотя он и видел теперь, что все относились к карлику как к существу из плоти и крови. — Но спросите его, пожалуйста, куда он девал мой рог с монетами?

Карлик, который слышал этот вопрос, закинул голову и, разинув свою огромную пасть, указал в нее пальцем.

— Ну, если он проглотил их, так тут уж ничего не поделаешь, — сказал управляющий. — Желал бы я только, чтобы они так же пошли ему на пользу, как корове — мокрый клевер. Так он, значит, в услужении у Норны; ну что ж, каков слуга, такова и хозяйка! Но если кража и колдовство остаются в этой стране безнаказанными, пусть тогда милорд ищет себе другого управляющего. А я привык жить там, где земное имущество человека охраняется от инфанга и аутфанга, а его бессмертная душа — от когтей дьявола и его кумушек, господи спаси и помилуй нас!

Агроном на этот раз не очень-то стеснялся в выражениях для своих жалоб, очевидно потому, что юдаллер не мог его слышать, ибо увлек Клода Холкро в противоположный угол хижины.

— Объясни мне, прошу тебя, друг Холкро, — сказал он, — с какой целью отправился ты в Фитфул-Хэд? Не из одного же только удовольствия прокатиться по морю в обществе этого гуся?

— Честно говоря, фоуд, — ответил поэт, — если хотите знать правду, то я отправился к Норне, чтобы поговорить с ней о ваших делах.

— О моих делах! — воскликнул юдаллер. — О каких же это моих делах?

— Относительно здоровья вашей дочери, фоуд. До меня дошли слухи, что Норна отказалась прочесть ваше послание и не пожелала видеть Эрика Скэмбистера, и тогда я сказал себе: с тех пор как заболела ярто Минна, не приносят мне никакой радости ни еда, ни питье, ни музыка, ни что-либо другое. И в буквальном и в переносном смысле могу я сказать, что день и ночь стали для меня источниками печали. Вот я и подумал, что, быть может, у меня со старой Норной скорее найдется общий язык, чем у кого-либо другого, ибо скальды и сивиллы всегда были друг другу несколько сродни. Таким образом, я и пустился в путь, надеясь быть хоть чем-то полезным моему старому другу и его прелестной дочери.

— И ты прекрасно сделал, мой милый, отзывчивый Клод, — промолвил юдаллер, горячо пожимая поэту руку. — Я всегда говорил, что у тебя доброе сердце истого норманна, несмотря на все твое легкомыслие и беспечность. Ну-ну, дружище, не обижайся, скорее даже радуйся, что сердце у тебя лучше, чем голова. Но бьюсь об заклад, что ты так и не получил ответа от Норны.

— Да, путного ответа не получил, — ответил Клод Холкро, — но зато она выпросила у меня все подробности болезни вашей дочери: и как я встретил ее под стеной замка в то непогожее утро, и как Бренда сказала мне, что Минна поранила ногу, ну, словом, все, что только знал я сам.

— Да, пожалуй, и еще кое-что сверх того, — промолвил юдаллер, — ибо я по крайней мере впервые слышу, что она поранила себе ногу.

— О, царапина, всего лишь пустая царапина, — объяснил старый поэт, — но тогда я страшно испугался, просто пришел в ужас — ведь Минну могла укусить собака или какая-нибудь ядовитая гадина. Все это я и сообщил Норне.

— А что же сказала она в ответ? — спросил юдаллер.

— Она велела мне убираться и думать о своих собственных делах и еще прибавила, что все объяснится на Кёркуоллской ярмарке. То же самое сказала она и этому олуху управляющему. Вот и все, что мы оба получили за свои труды, — закончил Холкро.

— Как странно, — заметил Магнус, — моя почтенная родственница пишет мне в этом письме, чтобы я обязательно тоже явился туда, и притом с обеими дочерьми. Прочно же засела у нее в голове эта ярмарка! Можно подумать, что она собирается заняться торговлей, хотя, насколько я знаю, ей нечего там ни покупать, ни продавать. А вы, значит, с чем пришли, с тем и ушли, да вдобавок еще погопили свою шлюпку при выходе из бухты.

— Но что же я мог поделаться? — возразил поэт. — Я посадил мальчишку на румпель, а когда внезапно налетел шквал, так не мог же я в одно и то же время и отдать галс и играть на скрипке? Ну да все это пустяки! Соленая вода никогда не повредит шетлендцу, если только он сумеет выбраться из нее. А мы по милости неба оказались на глубине не больше человеческого роста — пешком можно было дойти до берега. И когда нам посчастливилось набрести на эту хижину и мы уселись здесь под крышей и у огня, так нам стало достаточно хорошо; а когда к этому прибавилось ваше замечательное угощение и веселое общество, так это оказалось уже не только хорошо, а просто чудесно. Но уже поздно, и добрая старушка полночь одинаково, должно быть, навевает сон и на нашу Ночь и на наш День. Тут есть небольшой чуланчик, где ночевали рыбаки. Правда, он порядочно благоухает рыбой, но ведь это только полезно для здоровья. Там с помощью наших плащей устроятся на ночь ваши дочери, а мы выпьем еще по стаканчику бренди, споем строфу из достославного Джона или какой-нибудь куплет моего собственного сочинения и заснем крепко, как сурки.

— А коли угодно — даже по два стакана, если только наши запасы не истощились, — заявил юдаллер, — но ни единой строфы из достославного Джона или кого там еще.

Все было улажено и устроено к удовольствию Магнуса и согласно его воле, и путники улеглись спать. На следующий день они разъехались по домам, причем Клод Холкро заранее условился с юдаллером, что будет сопровождать ему и его дочерям в их предполагаемой поездке на Кёркуоллскую ярмарку.

Глава XXXI

Клянусь моей рукой, ты во-
ображаешь, будто я такой же
закоренелый и нераскаянный
приспешник дьявола, как ты и
Фальстаф. Но поживем — уви-
дим. А все же признаюсь тебе
как другу (ибо за неимением
лучшего, мне угодно называть
тебя своим другом), что я пе-
чалец, очень печален.

«Генрих IV», ч. 2¹

Перенесемся теперь с Шетлендских островов на Оркнейские и попросим читателей проследовать вместе с нами к развалинам изящного, хотя и древнего строения, известного под названием Дворца ярла. Этот памятник прошлого, сильно пострадавший от времени, до сих пор еще возвышается по соседству с массивным и величественным собором святого мученика Магнуса, весьма чтимого норвежцами святого. К бывшему обиталищу ярлов примыкает епископский дворец, тоже наполовину разрушенный, и все эти здания чрезвычайно выразительно свидетельствуют о тех переменах, которые на Оркнейских островах пришлось испытать церкви и государственному строю, в меньшей, впрочем, степени, чем в других переживших

¹ Перевод Е. Бируковой.

такие же изменения странах. Многие части этих полуразрушенных памятников древности могли бы послужить образцом — разумеется, после внесения соответствующих изменений — для новых построек в готическом вкусе, при условии, однако, чтобы архитекторы ограничились подражанием тому, что является в строениях подобного рода истинно прекрасным, а не смешивали воедино (по своей прихоти) все особенности военного, церковного и гражданского стилей различных эпох, украшая их всякого рода фантастическими сочетаниями, рожденными «у зодчего в мозгу».

Дворец ярла представляет собой удлиненный корпус с двумя боковыми флигелями и сохраняет даже в полуразрушенном состоянии вид прекрасного и величественного здания, сочетающего, как тогда было принято для резиденций знати, характерные признаки дворца и крепости. Огромная пиршественная зала с примыкающими к ней покоем, расположенными в круглых башнях или выступах, и с двумя, находящимися с обеих сторон ее, непомерной величины каминными свидетельствует о былом характерном для норманнов гостеприимстве оркнейских ярлов, она общается, как это принято в современных домах, с просторной галереей или гостиной, также окруженной башенками. В парадную залу ведет широкая и богатая каменная лестница с тремя площадками, а освещается она пробитым в глубине чудесным стрельчатым окном с резным каменным переплетом. Все пропорции и наружные украшения старинного здания также прекрасны, но эти остатки былой роскоши и величия ярлов, претендовавших когда-то на права и привилегии настоящих маленьких самодержцев, теперь, находясь в совершенном запустении, быстро приходят в упадок, и с того времени, к которому относится наше повествование, успели уже порядком разрушиться.

Скрестив руки и вперив глаза в землю, пират Кливленд медленными шагами ходил по только что описанной нами пустынной зале; он выбрал это уединенное жилище, должно быть, потому, что оно лежало

в стороне от шумных сборищ. Одежда капитана заметно отличалась от той, какую он обычно носил в Шетлендии, и, обшитая галуном и отделанная богатой вышивкой, напоминала платье военного. Шляпа с пером и короткая шпага с роскошной рукоятью, бывшая в те времена непременным спутником каждого притязавшего на дворянство, указывали, что и Кливленд причисляет себя к этому званию. Но если в одном отношении внешний вид его изменился к лучшему, того же никак нельзя было сказать о его наружности в целом, скорее наоборот: он был бледен, глаза его утратили прежний блеск, а движения — живость, и все в нем указывало на душевную боль или телесные страдания, а быть может, и на сочетание обоих этих недугов.

Пока Кливленд шагал, таким образом, по старой, полуразрушенной зале, на лестнице слышались легкие шаги и в дверях показался худощавый молодой человек небольшого роста, щегольски и с большим старанием одетый, хотя в костюме его можно было усмотреть скорее вычурность, нежели тонкий вкус и чувство меры. В манерах его сквозила подчеркнутая небрежность и развязность светских повес того времени, а живое и выразительное лицо не было лишено некоторой наглости. Он подошел к Кливленду, который, лишь слегка кивнув ему головой, надвинул шляпу еще глубже на глаза и продолжал свою одинокую и унылую прогулку.

Молодой человек также поправил свой головной убор, кивнул в ответ Кливленду, взял с видом совершенного *petit maître*¹ понюшку табаку из богато украшенной золотой табакерки и протянул ее проходившему мимо Кливленду. Получив весьма холодный отказ, он снова спрятал табакерку в карман, скрестил, в свою очередь, руки на груди и принялся с неподвижным вниманием следить за прогулкой того, чье уединение он нарушил. Наконец Кливленд резко остановился, словно ему надоело служить предметом подобного наблюдения, и отрывисто бросил:

¹ Петиметра, щеголя (франц.).

— Неужели нельзя оставить меня в покое хоть на полчаса? И вообще, какого черта тебе здесь нужно?

— Как я рад, что ты заговорил первым, — беспечно ответил незнакомец. — Дело в том, что я поставил себе целью узнать, в самом ли деле ты — Клемент Кдивленд или только призрак Кливленда; а так как известно, что призраки никогда не заговаривают первыми, то теперь я убедился, что ты — это в самом деле ты, своей собственной персоной. А славные руины ты выбрал себе убежищем: в полдень можешь в них прятаться, как сова, а в полночь, словно заправский призрак, «вступаешь вновь в мерцание луны», как сказал божественный Шекспир.¹

— Ну ладно, ладно, — прервал его Кливленд, — шутки свои ты выложил, теперь давай о деле.

— О деле так о деле, капитан Кливленд, — ответил его собеседник. — Я думаю, тебе неизвестно, что я твой друг?

— Предположим, что да, — сказал Кливленд.

— Как, только «предположим»? Ну, этого мало! — возразил молодой человек. — Разве я не доказывал тебе свою дружбу всегда и везде, где только это было возможно?

— Ну ладно, ладно, — повторил Кливленд, — согласен, что ты всегда был хорошим товарищем, но что дальше?

— «Ладно, ладно, но что дальше?» — это, знаешь ли, уж слишком короткий способ благодарить друзей. Так вот, капитан, все мы — и я, и Бенсон, и Барлоу, и Дик Флетчер, и еще несколько человек, все те, что хорошо к тебе относятся, — заставили старого твоего приятеля капитана Гоффа разыскивать тебя в здешних водах, между тем как и сам он, и Хокинс, и большая часть экипажа куда охотнее отправились бы в Новую Испанию, чтобы приняться опять за прежнее дело.

— И было бы много лучше, — отозвался Кливленд, — если бы вы снова занялись своим ремеслом, а меня предоставили моей судьбе!

¹ Слова Гамлета в переводе М. Лозинского.

— Твоей судьбе! Да ведь это значит, чтобы на тебя донесли и отправили на виселицу, как только ты попадешься на глаза какому-нибудь мошеннику голландцу или англичанину, чей корабль ты помог в свое время облегчить от груза: ведь на этих островах легче всего встретиться со всякими мореходцами. А мы-то, чтоб спасти тебя от подобных последствий, тратили в здешних местах свое драгоценное время, так что начали уже возбуждать подозрение; а когда у нас не останется больше ни товаров, ни денег, чтобы заткнуть местным жителям глотку, так они еще, пожалуй, захватят самое судно.

— Но почему же тогда вы не снимаетесь с якоря без меня? — спросил Кливленд. — Ведь вы получили порядочную добычу и каждому досталась его доля, пусть каждый и поступает как ему заблагорассудится! Свой корабль я потерял, но, раз побывав капитаном, я уж не соглашусь идти под начало Гоффа или кого другого. Да к тому же ты хорошо знаешь, что оба они, и Гофф и Хокинс, злы на меня за то, что я не дал им пустить ко дну испанский бриг с этими несчастными неграми.

— Да что это за дьявольщина на тебя напала? — воскликнул его собеседник. — Как, ты, капитан Клемент Кливленд, наш верный храбрый Клем из Ущелья, и вдруг робеешь перед какими-то Хокинсами, Гоффами и десятком-другим подобных им, тогда как за тебя — и я, и Барлоу, и Дик Флетчер? Разве мы когда-нибудь покидали тебя — будь то на общем совете или в бою? Ну, так и теперь не выдадим. Что же касается до службы твоей под начальством Гоффа, так, надеюсь, для тебя не новость, что джентльмены удачи, каковыми мы себя считаем, смеют время от времени своих начальников? Положись только на нас, и ты будешь капитаном. Да провалиться мне на этом самом месте, если я соглашусь подчиняться этой кровожадной собаке Гоффу! Ну уж нет, покорно благодарю! Тот, кто будет моим командиром, должен хоть чем-нибудь напоминать джентльмена, уж это обязательно! Впрочем, ты ведь сам знаешь, что именно ты первый научил меня запу-

скать руку в мутную воду и из актера, странствующего по земле, превратил в пирата, блуждающего по морю.

— Увы, бедный Банс! — ответил ему Кливленд. — Не очень-то ты должен благодарить меня за такую услугу.

— Ну, это еще как взглянуть на дело, — возразил Банс. — Со своей стороны, я не вижу вреда ни в том, ни в другом способе взимать контрибуцию с публики. Но я желал бы, чтобы ты забыл имя Банс и звал меня Алтамонтом, как я уже неоднократно просил тебя. Мне кажется, что джентльмен, избравший профессию пирата, имеет такое же право на вымышленное имя, как и актер, а я никогда не выступал на подмостках иначе, как под именем Алтамонта.

— Ну тогда — Джек Алтамонт, — продолжал Кливленд, — если Алтамонт тебе так нравится.

— О да, капитан, Алтамонт — очень, но зато Джек — не нравится. Джек Алтамонт! Да это все равно что бархатный камзол с бумажными кружевами. Вот Фредерик — иное дело, капитан. Фредерик Алтамонт — да, это подходит одно к другому.

— Ну, пусть будет Фредерик, согласен от всей души, — ответил Кливленд. — Но скажи-ка на милость, которое же из этих твоих имен лучше будет выглядеть на заголовке «Прощальной речи, исповеди и последних слов Джона Банса, alias¹ Фредерик Алтамонт, повешенного сегодня утром на набережной за пиратство в открытом море»?

— Честное слово, капитан, я не в состоянии ответить на этот вопрос, не пропустив еще одну кружку грога; поэтому, если вы соблагovolите сойти со мной вниз на набережную, к Бету Холдену, я обдумаю это дело хорошенько с помощью доброй трубочки тринидадского табака. Мы закажем там целый галлон самого лучшего грога, какой ты когда-либо пробовал, а я знаю и веселых красоток, которые помогут нам с ним справиться. Ты качаешь головой, тебе это не

¹ Он же (лат.).

по душе... ну и не надо. Тогда я останусь с тобой . Клянусь, Клем, что так легко ты от меня не отвяжешься. Я непременно вытащу тебя из этой старой каменной норы на солнце и на свежий воздух. Куда бы нам пойти?

— Куда хочешь, — сказал Кливленд, — только подальше от наших молодчиков, да и от других тоже.

— Ладно, — ответил Банс, — тогда мы отправимся на Уитфордский холм, с которого виден весь город, и будем там прогуливаться чинно и благородно, словно пара честных, обеспеченных прекрасной практикой стряпчих.

Выходя из развалин, Банс обернулся, чтобы взглянуть еще раз на замок, и затем сказал Кливленду:

— Послушай-ка, капитан, а знаешь ли ты, кто последний обитал в этом старом курятнике?

— Говорят, один из оркнейских ярлов, — ответил Кливленд.

— А известно ли тебе, какой смертью он умер? — спросил Банс. — Я-то слышал, что от слишком тугого воротника, пеньковой лихорадки, или как там ее еще называют.

— Местные жители говорят, — ответил Кливленд, — что его светлость лет сто тому назад действительно имел несчастье познакомиться с петлей и прыжком в воздух.

— Вот было времечко! — воскликнул Банс. — Лестно было качаться на виселице в столь уважаемом обществе. А за какую же провинность заслужил его светлость подобное повышение?

— Грабил верноподданных своего государя, как я слышал, — ответил Кливленд, — убивал и увечил их, воевал против королевского знамени и все другое тому подобное.

— Ну? Так он был, значит, весьма сродни джентльменам-пиратам, — произнес Банс, отвешивая театральный поклон древнему зданию, — а потому, почтеннейший, высокочтимый и сиятельнейший синьор ярл, смиренно прошу позволения назвать вас своим

дорогим кузеном и самым сердечным образом с вами попрощаться. Оставляю вас в приятном обществе крыс, мышей и прочей нечисти и увожу с собой достойного джентльмена, который, правда, в последнее время стал робок, как мышь, а теперь желает покинуть своих друзей и сбежать с корабля, как крыса, и поэтому был бы самым подходящим жильцом для дворца вашей светлости.

— Я посоветовал бы тебе говорить не так громко, мой добрый друг Фредерик Алтамонт, или Джон Банс, — сказал Кливленд. — На театральных подмостках ты мог, ничего не опасаясь, орать сколько душе угодно, но в настоящей твоей профессии, которую ты так обожаешь, люди должны, когда говорят, всегда помнить о петле и ноке рея.

Товарищи молча вышли из небольшого городка Кёркуолла и стали подниматься на Уитфордский холм, круто возвышавшийся к северу от древнего города святого Магнуса и покрытый темной пеленой вереска, на которой не пестрело ни изгородей, ни возделанных участков. На равнине, у подножия холма, уже толпился народ, занятый приготовлениями к ярмарке святого Оллы, открытие которой ожидалось на следующий день. Ярмарка эта служит ежегодным местом встречи для жителей соседних Оркнейских островов и посещается даже обитателями более отдаленного Шетлендского архипелага. По словам объявления, это — «Свободный торг и ярмарка, имеющие быть в добром городе Кёркуолле третьего августа, в день святого Оллы». Торг этот, продолжающийся обычно от трех дней до недели и даже больше, ведет начало от весьма древних времен и получил свое имя от Олауса, Олафа или Оллау, славного норвежского короля, который скорее мечом, нежели иными, более мягкими средствами убеждения, насадил христианство на Оркнейских и Шетлендских островах и в течение некоторого времени считался патроном Кёркуолла, прежде чем разделил эту честь со святым мучеником Магнусом.

В намерения Кливленда отнюдь не входило смешиваться с кишевшей вокруг толпой, и друзья,

направив свои стопы налево, вскоре поднялись до места, где ничто уже не нарушало их уединения, если не считать шотландских куропаток, которые целыми выводками вылетали у них из-под ног. Пожалуй, ни в каком другом уголке Британской империи не водятся они в таком количестве, как на Оркнейских островах.¹ Друзья продолжали подниматься, пока не достигли вершины конусообразного холма, где оба, словно по взаимному соглашению, обернулись, чтобы взглянуть вниз и полюбоваться открывшимся перед ними видом.

На всем пространстве от подножия холма и до самого города царила веселая суeta, придававшая чрезвычайную живость и разнообразие ландшафту. Далее лежал Кёркуолл, над которым возвышался, словно подавляя собой весь городок, массивный древний собор святого Магнуса, возведенный в несколько тяжелом готическом стиле, но величественный, торжественный и благородный — памятник прошедших веков и творение искусного зодчего. Набережная со своими судами еще увеличивала пестроту и яркость пейзажа, тогда как чудесная бухта между Инганесским и Куонтернесским мысами, в глубине которой расположен Кёркуолл, да и все море, насколько можно было охватить глазом, в особенности же пролив между островами Шапиншей и Помоной, или Мейнлендом, были покрыты и оживлены всех родов кораблями и небольшими посудинами, перевозящими пассажиров и грузы с самых отдаленных островов на ярмарку святого Оллы.

Достигнув пункта, откуда лучше всего можно было охватить взглядом эту прекрасную жизнерадостную картину, друзья по свойственной морякам привычке прибегнули к подзорной трубе, дабы помочь своему невооруженному глазу окинуть Кёр-

¹ В высшей степени любопытно, что шотландская куропатка, чрезвычайно распространенная, как сказано в тексте, на Оркнейских островах, совершенно неизвестна на соседнем, Шетлендском архипелаге, который находится на расстоянии всего около шестидесяти миль, причем по дороге, в виде промежуточного звена, лежит еще остров Фэр-Айл. (Прим. автора.)

куоллский залив и бороздившие его по всем направлениям суда. Но внимание каждого было, по-видимому, направлено на совершенно различные цели. Банс, или Алтамонт, как ему угодно было называть себя, погрузился в созерцание военного шлюпа, сразу бросавшегося в глаза из-за своего прямого вооружения и характерных обводов. С развевающимся английским флагом и вымпелом, который пираты предусмотрительно подняли, он стоял среди торговых посудин, так же отличаясь от них опрятным и аккуратным видом, как хорошо вымуштрованный солдат — от толпы неотесанных мужланов.

— Вот он, наш шлюп, — сказал Банс. — Эх, как бы я желал, чтобы он очутился сейчас в Гондурасском заливе! Ты, капитан, стоял бы на шканцах, я был бы твоим помощником, Флетчер — рулевым, а под началом у нас имелось бы полсотни удалых молодцов. Не глядели бы больше глаза мои на эти треклятые скалы и вереск! Но капитаном-то ты будешь скоро. Эта старая скотина Гофф каждый день напивается до чертиков, начинает бог знает как задаваться, а потом лезет на всякого с ножом и пистолетом. А с местными жителями он так перессорился, что они того и гляди перестанут снабжать нас водой и припасами, и мы каждый день ждем открытого возмущения.

Не получив ответа, Банс круто повернулся к своему товарищу и, убедившись, что внимание того направлено совсем в другую сторону, воскликнул:

— Да что с тобой, черт возьми? Что ты так всматриваешься в эти дрянные суденышки, загруженные только вяленой треской, морской щукой, копчеными гусями да кадушками с маслом, которое хуже всякого сала? Да все эти грузы вместе взятые не стоят и пистолетного выстрела. Нет, нет! Дайте мне такой приз, какой можно заметить с марса в водах острова Тринидада. Ну хоть какого-нибудь испанца, переваливающегося на волнах, словно дельфин, и чуть не до фальшборта загруженного ромом, сахаром и тюками табака, да сверх того еще слитками серебра, мойдорами и золотым песком. А тогда — ставь паруса!

Команда на низ! Все по местам! Поднять Веселого Роджера!¹ Вот мы сближаемся с испанцем, уже видно, что он хорошо вооружен и с большим экипажем...

— Двадцать пушек глядят из портов... — перебил его Кливленд.

— Хоть сорок! — не смутился Банс. — А у нас только десять! Но все это пустяки! Испанец отстреливается, но это тоже пустяки! Эй, мои храбрые ребята, на сближение! Все на борт! Пускайте в ход гранаты, палаши, алебарды и пистолеты! Вот уже испанец просит пощады, и мы делим между собой добычу, даже не сказав: со *licencio, seignior!*²

— Уж очень ты добросовестно относишься к своей профессии, — сказал Кливленд. — Клянусь честью, никто не скажет, что, когда ты сделался пиратом, на свете стало одним честным человеком меньше. И все же на эту проклятую дорогу тебе снова меня не увлечь. Ты сам знаешь, как уходит то, что легко достается: через неделю, самое большее — месяц, рома и сахара не будет уже и в помине, тюки табака превратятся в дым, мойдоры, серебряные слитки и золотой песок перейдут из наших рук в руки мирных, честных, добросовестных жителей Порт-Рояля или какого-либо другого города, которые смотрят на нашу профессию сквозь пальцы до тех пор, пока у нас есть деньги, но ни на йоту дольше. А там на нас начинают коситься и порой даже намекают кое о чем шерифу, ибо, когда в карманах у нас становится пусто, наши добрые друзья бывают не прочь заработать на наших головах. А там — высокая виселица и тугая петля: такова участь джентльмена-пирата. Говорю тебе, что я хочу бросить это занятие, и, когда я перевожу свою подозрную трубу с одного из этих парусников на другой, я думаю лишь о том, что предпочел бы всю свою жизнь быть греб-

¹ Так называли пираты черный флаг с изображением мертвой головы и других наводящих ужас эмблем, бывший их излюбленным знаменем (*Прим автора*)

² Правильно: *con licencia, señor!* — с вашего разрешения, сеньор! (*исп.*).

цом на самом жалком из них, чем продолжать то, что я делал до сих пор! Для этих бедняков море служит источником честного существования и средством для дружеских сношений между одним берегом и другим к обоюдной пользе жителей, — мы же превратили море в дорогу бедствий для честных людей и в дорогу гибели для нас самих как здесь, так и в вечности. Говорю тебе, что я решил стать честным человеком и бросить эту проклятую жизнь!

— А где же, разрешите поинтересоваться, ваша честность думает искать себе пристанища? — спросил Банс. — Ты нарушил законы всех стран, и рука правосудия настигнет и покарает тебя всюду, где бы ты ни нашел себе убежище. Послушай, Кливленд, я сейчас говорю с тобой серьезно — гораздо серьезнее, чем имею обыкновение. Да, и у меня бывали минуты раздумья, горького раздумья, и этих минут, хотя и кратких, было достаточно, чтобы отравить мне радость существования на целые недели. Но — в этом вся суть — что же остается нам теперь делать, как не вести прежнюю жизнь, если мы не ставим себе первой целью украсить своей персоной нокрея?

— Мы можем воспользоваться милостью, которую известная прокламация обещает тем из нас, кто сам явится с повинной, — ответил Кливленд.

— Хм, — сухо заметил его товарищ, — но срок явки с повинной давно уже прошел, и тебя смогут теперь казнить или миловать, как им заблагорассудится. Будь я на твоем месте, я не стал бы подвергать свою шею подобному риску.

— Но многие получили помилование совсем недавно, так почему бы и мне не оказаться в их числе? — спросил Кливленд.

— Да, — согласился Банс, — Гарри Глазби и некоторые другие действительно были помилованы, но Глазби совершил то, что называется доброй услугой: он выдал своих товарищей и помог захватить «Веселую Фортуну». Ты ведь, я думаю, не унизишься настолько даже ради того, чтобы отомстить этой скотине Гоффу.

— Нет, в тысячу раз лучше умереть! — воскликнул Кливленд.

— Я готов был поклясться в этом, — ответил Банс. — Ну, а все прочие были простые матросы, мелкие воришки и мошенники, едва ли стоящие даже той веревки, на которой бы их повесили. Но твоё имя приобрело слишком громкую известность среди джентльменов удачи, и ты так легко не отделаешься: ведь ты — главный вожак всего стада, и тебя соответственно этому и отметят.

— Но почему же, скажи на милость? — спросил Кливленд. — Ты ведь знаешь, к чему я всегда стремился, Джек.

— Фредерик, с вашего разрешения, — поправил его Банс.

— Черт бы побрал твои вечные шутки! Прошу тебя, придержи свое остроумие, и давай будем хоть на минуту серьезными.

— На минуту — согласен, — ответил Банс, — но я чувствую, как дух Алтамонта вот-вот снова овладеет мной: ведь я был серьезным человеком целые десять минут.

— Так побудь же в таком состоянии еще немного, — сказал Кливленд. — Я знаю, Джек, ты в самом деле любишь меня, и раз наш разговор зашел уже так далеко, я откроюсь тебе до конца. Но скажи, пожалуйста, почему мне обязательно должны отказать в прощении, обещанном этой милостивой прокламацией? Правда, с виду я казался свирепым, но тебе же известно — и это в случае нужды я мог бы доказать, — сколько раз я спасал людей от верной смерти и сколько раз возвращал по принадлежности имущество, которое без моего вмешательства было бы бессмысленно уничтожено. Одним словом, Банс, я могу доказать, что...

— Что ты был таким же благородным разбойником, как сам Робин Гуд, — докончил Банс, — и по этой-то причине я, Флетчер и еще некоторые наши лучшие товарищи любим тебя, Кливленд, как человека, который спасает имя джентльмена-пирата от окончательного посрамления. Ну ладно, предполо-

жим, что ты получишь помилование; что станешь ты делать дальше? Какое общество согласится тебя принять? С кем будешь ты вести знакомство? Ты скажешь, что во времена блаженной памяти королевы Бесс старый Дрейк разграбил Перу и Мексику, не имея на то ни единой строчки каких-либо полномочий, а по возвращении был посвящен в рыцари. А в более близкое к нам время, при веселом короле Карле, уэльсец Хэл Морган привез всю свою добычу домой и завел себе имение и помещичий дом, и так было со многими... Но теперь времена изменились, и раз уж ты был пиратом, то навсегда останешься отверженным. Бедняге, которого все презирают и избегают, придется заканчивать дни в каком-нибудь захудалом портовом городке, существуя на ту часть своих преступных доходов, какую соизволят оставить ему законники и чиновники, ибо прощение не скрепляется печатью безвозмездно. А когда он выйдет прогуляться на пристань и какой-нибудь чужестранец спросит, кто этот загорелый человек с унылым лицом и понурой головой, которого все сторонятся, словно зачумленного, ему ответят, что это такой-то, помилованный пират! Ни один честный человек не захочет разговаривать с ним, ни одна порядочная женщина не захочет отдать ему свою руку!

— Ну, ты слишком уж сгустил краски, Джек, — прервал своего друга Кливленд. — Есть женщины — во всяком случае, есть одна женщина, которая останется верна своему возлюбленному, даже такому, Джек, какого ты только что описал!

Некоторое время Банс молчал, пристально глядя на своего друга.

— Черт меня побери! — воскликнул он наконец. — Я начинаю думать, что я настоящий колдун! Хотя это и казалось невероятным, но я с самого начала никак не мог отделаться от мысли, что тут замешана девушка! Ну, знаешь ли, это еще почище влюбленного принца Вольсция, ха-ха-ха!

— Можешь смеяться сколько тебе угодно, — ответил Кливленд — но это правда. Есть на свете девуш-

ка, которая смогла полюбить меня, зная, что я пират. И сознаюсь тебе, Джек, что, хотя порой я тоже начинал ненавидеть наше разбойничье ремесло и себя самого за то, что занимаюсь им, не знаю, хватило бы у меня духу порвать с прошлым, как я решил это сделать теперь, если бы не она.

— Ну, тогда разрази меня на этом самом месте! — воскликнул Банс. — С тобой нечего и разговаривать: разве безумному что-либо докажешь? А любовь, капитан, для того, кто занимается нашим делом, немногим лучше безумия. Твоя девушка, должно быть, необыкновенное создание, раз умный человек рискует ради нее отправиться на виселицу! Но послушай: может быть, она и сама немножко... того, не в своем уме, так же как и ты, и уж не это ли привлекло вас друг к другу? Она, должно быть, не то, что наши красотки, а девушка строгих правил и с добрым именем?

— И в том и в другом можешь не сомневаться, и, кроме того, — прекраснейшее и прелестнейшее создание, какое когда-либо ступало по земле, — ответил Кливленд.

— И она любит тебя, благородный капитан, зная, что ты глава тех джентльменов удачи, которых в просторечии зовут пиратами?

— Да, я уверен в этом, — подтвердил Кливленд.

— Ну тогда, — заявил Банс, — или она на самом деле сумасшедшая, как я уже говорил, или не знает, что такое пират.

— В этом последнем отношении ты прав, — согласился Кливленд. — Она была воспитана в таком уединении и простоте, в таком совершенном незнании зла, что считает нас чем-то вроде тех древних норманнов, что бороздили моря на своих победоносных галерах, заходили в чужие гавани, основывали колонии, завоевывали целые страны и назывались королями морей, или викингами.

— Да, оно звучит куда лучше, чем пират, хотя по сути дела, думаю, это одно и то же, — заметил Банс. — Но твоя красавица, должно быть, мужественная девушка; почему бы тебе не взять ее с собой на

корабль? Хотя, пожалуй, жаль было бы ее разочаровывать!

— А ты думаешь, — возразил Кливленд, — что я настолько уже проданся злым силам, что способен воспользоваться ее восторженным заблуждением и бросить ангела красоты и невинности в тот ад, что царит на нашем дьявольском шлюпе? Нет, друг мой, будь даже все мои прежние преступления вдвое тяжелее и вдвое чернее, подобное злодейство превзошло бы их все.

— Но тогда, капитан, — сказал его наперсник, — мне кажется, что с твоей стороны было совершенным безумием вообще являться сюда. Ведь в один прекрасный день все равно разнеслась бы весть, что знаменитый пират капитан Кливленд со своим славным шлюпом «Мщение» погиб вместе со всем экипажем у шетлендского Мейнленда. Таким образом, ты прекрасно мог бы скрыться и от друзей и от врагов, женился бы на своей прелестной шетлендочке, сменил перевязь и офицерский шарф на рыболовные сети, а тесак — на гарпун и отправился бы бороздить море в погоне уже не за флоринами, а за китами.

— Таково и было мое намерение, — сказал капитан, — но один коробейник, ужасный проныра, пройдоха и вор, принес в Шетлендию слух, что вы в Кёркуолле, и пришлось мне отправиться сюда выяснять, не тот ли вы консьорт, о котором я рассказывал своим новым друзьям еще задолго до того, как решил бросить эту разбойничью жизнь.

— Да, — сказал Банс, — ты поступил правильно, ибо так же, как до тебя дошла весть о нашем пребывании в Кёркуолле, и до нас вскоре могли бы дойти сведения, что ты в Шетлендии. Тогда одни из дружеских побуждений, другие из ненависти, а третьи из страха, как бы ты не сыграл с нами такую же штуку, как Гарри Глазби, обязательно нагрянули бы туда, чтобы снова заполнить тебя в свою компанию.

— Вот этого-то я и боялся, — ответил капитан, — и поэтому вынужден был отклонить любезное пред-

ложение одного друга доставить меня сюда как раз в эти дни. Кроме того, Джек, я вспомнил, как ты верно сказал, что скрепить печатью помилование обойдется недешево. Мои же средства почти все уже растаяли, да и неудивительно: ты ведь знаешь, я никогда не был скрягой, а потому...

— А потому ты явился за своей долей пиастров? — спросил его друг. — Ну что же, это ты умно сделал, ибо раздел мы произвели честно: в данном случае Гофф, надо отдать ему справедливость, действовал по всем правилам. Но только держи свое намерение покинуть нас в самой большой тайне, а то боюсь, как бы он не сыграл с тобой какой-нибудь скверной шутки! Ведь он, конечно, уверен, что твоя доля достанется ему, и едва ли простит тебе свое разочарование, когда узнает, что ты жив.

— Я не боюсь Гоффа, — сказал Кливленд, — и он это прекрасно знает. Хотел бы я, чтобы меня так же мало тревожили последствия нашей прежней с ним дружбы, как возможные последствия его ненависти! Но мне может повредить другое печальное обстоятельство: во время несчастной ссоры в самое утро моего отъезда из Шетлендии я ранил одного юношу, который в последние дни страшно досаждал мне!

— И он умер? — спросил Банс. — Здесь на подобные вещи смотрят куда серьезнее, чем, к примеру сказать, на Большом Каймане или на Багамских островах, где можно среди бела дня застрелить на улице двоих разом, а разговоров и расспросов о них будет не больше, чем о паре диких голубей. Но здесь — совсем другое дело, а потому надеюсь, что ты не отправил его на тот свет?

— Надеюсь, что нет, — ответил Кливленд, — хотя гнев мой часто бывал роковым даже при меньших поводах к оскорблению. Говоря по правде, мне, несмотря ни на что, жаль парнишку, особенно потому, что я вынужден был оставить его на попечение одной сумасшедшей.

— На попечение сумасшедшей? — переспросил Банс. — Что ты хочешь этим сказать?

— Слушай, — сказал Кливленд, — прежде всего ты должен знать, что он помешал мне как раз в ту минуту, когда я под окном у Минны умолял ее согласиться на свидание, чтобы перед отплытием сообщить ей свои намерения. А когда в такую минуту тебя грубо прерывает какой-то треклятый мальчишка...

— О, он заслуживает смерти, — воскликнул Банс, — по всем законам любви и чести!

— Оставь свои театральные замашки, Джек, и послушай меня серьезно хотя бы еще минуту. Юноша, когда я велел ему убираться, счел нужным мне возразить. Я не очень-то, как ты знаешь, терпелив и подтвердил свое приказание ударом, на который он ответил тем же. Мы схватились с ним врукопашную, и тут мной овладело страстное желание во что бы то ни стало избавиться от него, а это было возможно только пустив в ход кинжал — ты знаешь, по старой привычке я всегда ношу при себе оружие. Едва я нанес удар, как тотчас раскаялся, но тут уж некогда было думать о чем-либо, кроме бегства и собственного спасения: если бы я разбудил весь дом, то мне пришел бы конец. Крутой старик, глава семьи, не пощадил бы меня, будь я его родным братом. Я поспешно взвалил тело на спину, чтобы снести его на берег моря и бросить в *риву* — как там называют глубокие пропасти, где не так-то скоро сумели бы его обнаружить. Затем намеревался я прыгнуть в ожидавшую меня шлюпку и отплыть в Кёркуолл. Но пока я спешил со своей ношей к берегу, несчастный юноша застонал, и я понял, что он только ранен, а не убит. К тому времени я успел уже скрыться среди скал и, отнюдь не желая довершить своего преступления, опустил молодого человека на землю и стал делать все, что было в моих силах, чтобы остановить кровь. Вдруг передо мной выросла фигура старой женщины. То была особа, которую за время моего пребывания в Шетлендии я не раз уже встречал и которую местные жители считают колдуньей, или, как говорят негры, женщиной-оби. Она потребовала, чтобы я отдал ей раненого, а я так спешил, что

согласился на это, не раздумывая. Она хотела сказать что-то ~~еще~~, но тут послышался голос некоего старого чудака, близкого друга дома, который что-то пел совсем недалеко от нас. Тогда старуха приложила палец к губам в знак сохранения тайны, тихо свистнула, и на помощь к ней явился ужасный, изуродованный, омерзительный карлик. Они унесли раненого в одну из пещер, которых в тех местах великое множество, а я спустился в свою шлюпку и со всей возможной поспешностью вышел в море. Если старая ведьма в самом деле, как говорят, может приказывать владыке ветров, то она сыграла со мной в то утро прескверную штуку: даже те вест-индские торнадо, что мы с тобой, помнишь, переживали вместе, не поднимали в море такого дикого буйства, как шквал, умчавший меня далеко в сторону от прямого курса. Если бы не шлюпочный компас, который, по счастью, оказался у меня с собой, я никогда не добрался бы до Фэр-Айла, куда держал путь и где застал бриг, доставивший меня в Керкуолл. Не знаю, желала ли мне старая колдунья добра или зла, но сюда я в конце концов благополучно добрался и здесь теперь обретаюсь, объятый сомнениями и окруженный грозящими мне со всех сторон неприятностями.

— Черт бы побрал этот Самборо-Хэд, или как там его еще! — воскликнул Банс. — Одним словом, ту скалу, о которую ты разбил нашу красавицу «Мщение».

— Неправда, это не я разбил ее о скалу, — возразил Кливленд. — Сто раз повторял я тебе, что если бы мои трусы не бросились в шлюпки, хоть я и предупреждал их об опасности, говорил, что их неминуемо затопит, как это и случилось на самом деле, едва они отдали фалинь, «Мщение» до сих пор бороздило бы воды. Да, если бы они остались тогда верны мне и судну, то сохранили бы свои жизни, а если бы я сошел с ними в шлюпку, то погубил бы свою, — хотя неизвестно еще, что было бы лучше!

— Ну, — заявил Банс, — теперь, когда я все узнал, я лучше сумею помочь тебе и советом и де-

лом. Я-то останусь всегда верен тебе, Клемент, как клинок верен рукояти, но я не в силах думать о том, что ты можешь нас покинуть. «Болит мое сердце в разлуке с тобою», как поется в одной старой шотландской песне. Но скажи, сегодня-то ты, во всяком случае, вернешься к нам на судно?

— У меня нет иного пристанища, — со вздохом произнес Кливленд.

Он еще раз окинул взором всю бухту, переводя подозрную трубу с одного судна, скользящего по воде, на другое, в надежде, очевидно, обнаружить бриг Магнуса Тройла, а затем молча начал спускаться с холма вслед за своим спутником.

Глава XXXII

Я — как корабль, который в час отлива
Без ветра благосклонного не в силах
Противиться могучему теченью
Я каждый день клянусь пороки бросить,
Но всякий раз соблазн, привычка,
случай

Меня относят в океан О небо,
Наполни слабый парус мой дыханьем
И помоги достигнуть тихой бухты!

«Равные непременно сойдутся»

Кливленд и друг его Банс некоторое время шли молча. Наконец Банс возобновил прерванный разговор:

— Ты напрасно принял так близко к сердцу рану этого юноши: знавал я на твоей совести дела куда более серьезные, о которых ты гораздо меньше беспокоился.

— Да, но тут я пришел в ярость по слишком ничтожному поводу, Джек, — возразил Кливленд. — Кроме того, этот юноша спас мне жизнь; правда, я отплатил ему тем же, но все же нам не следовало доходить до открытого столкновения. Надеюсь только, что ему помогла эта старуха: наверно уж, она све-душа во всяких колдовских зельях.

— И колдовских чарах, — прибавил его друг, — которыми тебя и опутала, раз ты до сих пор все еще думаешь о таких пустяках. То, что тебе вскружила голову молодая девушка, еще понятно — ведь это случилось со многими порядочными людьми, но то, что ты не можешь выкинуть из башки кривляний старой ведьмы, так это уж такая глупость, за которую никакой друг не похвалит. Можешь говорить мне о своей Минне — так, кажется, ты ее назвал — сколько душе угодно, но не терзай своего верного оруженосца рассказами о старой колдунье. А вот мы опять подошли к балаганам и палаткам, что устанавливают эти добрые люди; ну что же, посмотрим, не найдется ли тут чего-нибудь занимательного или забавного. Будь это в веселой Англии, мы непременно встретили бы труппу, а то и две странствующих актеров, не меньшее число шпагоглотателей, фокусников и зверинцев, но у этого степенного народа нет ничего, что не пахло бы сделкой или товаром, здесь не услышишь даже перебранки веселого болтуна Панча с его благоверной Джоан.

Пока Банс разглагольствовал таким образом, взгляд Кливленда был привлечен несколькими весьма нарядными кафтанами и камзолами, вывешенными вместе с другим платьем у одного из балаганов, гораздо лучше отделанного и богаче украшенного, чем другие. У входа виднелась небольшая вывеска, выполненная на холсте, с длинным перечнем разнообразных товаров, которые предлагал вниманию покупателей владелец лавчонки Брайс Снейлсфут, и сообщались разумные цены, по которым он готов был их уступить. Для вящего развлечения публики на обратной стороне вывески красовалась эмблематическая картина, изображавшая наших прародителей Адама и Еву в одежде из листьев со следующей надписью:

В раю, обмануты змеей,
Прикрылись грешники листвою.
А где у нас листву найти,
Когда деревьев нет почти?

Но много шерсти есть и льна
Для полотна и для сукна,
И краше, чем сукно и лен,
Товар заморский привезен.
В день урожая,¹ паренек,
Зайди с подружкой в мой ларек.
Брайс Снейлсфут предоставит рад
Для каждой парочки наряд

Кливленд погрузился в чтение этих замечательных виршей, напомнивших ему Клода Холкро, перу которого, как всеми признанного поэта — лауреата острова, готового служить своим талантом и большим и малым, они, очевидно, и принадлежали Почтенный хозяин палатки, приметивший тем временем нашего капитана, принялся дрожащей рукой поспешно убирать некоторые из предметов одежды, которые он вывесил для того, чтобы одновременно и проветрить их и привлечь внимание зрителей, ибо торг должен был начаться лишь на следующий день.

— Честное слово, капитан, — шепнул Банс Кливленду, — этот парень, должно быть, побывал уже в твоих лапах и так хорошо помнит твои острые когти, что боится попасться в них снова. Посмотри, как быстро принялся он убирать с глаз долой свои товары, лишь только заметил нас.

— Его товары! — воскликнул Кливленд, внимательнее взглянув на хозяина и на вещи. — Клянусь небом, ведь это же мое платье, которое после гибели «Мщения» я оставил в сундуке в Ярлсхофе! Эй ты, Брайс Снейлсфут, вор, собака, негодяй, что это значит? Мало тебе драть втридорога за то, что досталось тебе чуть ли не даром, так ты еще присваиваешь себе мой сундук со всем моим гардеробом?

¹ В прежние времена на ярмарке святого Оллы в Кёркуолле существовал обычай, согласно которому молодые парни и девушки из простонародья образовывали пары на все время, пока длилась ярмарка, и в течение этого срока назывались братьями и сестрами урожая. Нетрудно понять, что крайняя близость, возникавшая в силу этого обычая, легко вела к злоупотреблениям, тем более что, как говорят, связанные с ними нескромности не считались особенно зазорными. (*Прим автора*)

Брайс Снейлсфут сам, пожалуй, не очень был бы склонен заметить своего друга, капитана Кливленда, но теперь, после столь резкого выпада со стороны последнего, невольно был вынужден обратить на него внимание. Прежде, однако, он успел шепнуть мальчугану, своему помощнику, который, как мы уже упоминали, всюду сопровождал его:

— Беги в городскую ратушу, ярто, и скажи там и провосту и бэйли, чтобы поживей прислали сюда пару-другую стражников, — похоже, что им предстоит тут жаркая работа.

Подкрепив данный мальчишке наказ таким подзатыльником, что юный посланец кубарем вылетел из палатки и побежал со всей скоростью, на какую были способны его ноги, Брайс Снейлсфут повернулся к своему старому знакомцу и с той витиеватой и напыщенной манерой выражаться, которая в Шотландии называется умением красно говорить, воскликнул:

— Праведное небо! Кого я вижу? Уважаемый капитан Кливленд! Уж так-то мы о вас сокрушались, а вы и объявились, чтобы снова обратить наши сердца к радости! Сколько мои бедные щеки пострадали из-за вас! — Тут он вытер глаза. — Но зато какое блаженство осенило меня теперь, когда небо вновь вернуло вас в объятия ваших опечаленных друзей!

— Опечаленных друзей, мерзавец! — закричал Кливленд. — Я заставлю тебя опечалиться по-настоящему, если ты сейчас же не скажешь, где украл все мои вещи!

— Украл! — воскликнул Брайс, воздевая очи к небу. — О господи помилуй, бедный джентльмен, видно, потерял рассудок после той страшной бури, что была недавно.

— А ты, бесстыдный мошенник, — продолжал Кливленд, поднимая трость, бывшую у него в руке, — ты что, думаешь одурачить меня своей наглостью? Но если ты хочешь сохранить голову целой, а кости — в целой шкуре, так говори, черт возьми, — даю тебе еще одну минуту, — где ты украл мое платье?

Брайс Снейлсфут еще раз повторил свое восклицание: «Украл! О господи помилуй!» — а сам тем

временем, видя, что капитан готов немедленно приступить к экзекуции, тревожно оглянулся на город, не идет ли к нему на помощь замешкавшееся подкрепление гражданских сил.

— Ну, отвечай! — повторил капитан с поднятой тростью в руке. — Иначе я избыю тебя так, что ты превратишься в мешок с костями, а весь твой скарб выброшу на свалку!

Но тут мейстер Банс, смотревший на эту сцену как на весьма забавную шутку и особенно потешавшийся гневом Кливленда, остановил его поднятую для удара руку, однако вовсе не для того, чтобы избавить мошенника от грозящей ему расправы, а желая только продлить столь занимательное словопрение.

— Подожди, друг мой! — воскликнул он. — Дай же этому честному человеку сначала высказаться: правда, у него самая жульническая физиономия, какую мне когда-либо приводилось видеть, а красноречие столь цветисто, что как пустит он его в ход, так обязательно отрежет на пару дюймов короче! Да к тому же подумай о том, что вы с ним, по существу, люди одной профессии: он набивает свою мощну с аршином в руке, а ты — с мечом; но я не хочу, чтобы ты сразу же зарубил его, давай сначала погоняем его хорошенько.

— Да ты с ума сошел! — воскликнул Кливленд, стараясь оттолкнуть своего друга. — Пусти меня! Клянусь небом, вот я сейчас ему покажу!

— Держите его крепче, — взмолился коробейник, — держите его крепче, мой милый, добрый, веселый джентльмен!

— Ну тогда говори, негодяй, оправдывайся, — закричал на него Банс, — шевели языком, или, клянусь честью, я снова напущу его на тебя!

— Он говорит, что я украл эти вещи, — забормотал Брайс, который, будучи окончательно прижат к стене, понял, что ему не избежать объяснения, — но как мог я украсть их, когда я самым честнейшим и законнейшим образом их купил?

— Купил! Ах ты низкий жулик! — закричал Кливленд. — У кого же это осмелился ты купить мое платье, или кто имел наглость продать его тебе?

— Да не кто иной, как эта достойная особа, миссис Суерта, домоправительница в Ярлсхофе; она, видите ли, продала их, как ваша душеприказчица, — сказал разносчик, — и уж так-то о вас сокрушалась!

— А я думаю, так старалась набить себе в утешение карман, — поправил его Кливленд. — Но как смела она продать вещи, оставленные ей на сохранение?

— Да ведь бедная женщина хотела устроить все как можно лучше, — ответил разносчик, в чаянии продлить препирательства до прибытия подмоги, — и если вы соблаговолите только выслушать меня, так я расскажу вам все и о сундуке и о том, что в нем содержалось.

— Ну ладно, говори, — согласился капитан, — но смотри у меня не увиливай, и если ты раз в жизни хоть насколько-нибудь покажешь себя честным, так и быть, я не трону тебя.

— Вот видите ли, благородный капитан, — начал коробейник, а сам пробормотал про себя:

«Черт бы побрал Пэйти Петерсона с его хромой ногой! Наверняка вся задержка из-за этого никчемного калеки!»

— Дело в том, что вся страна, — продолжал он далее вслух, — вся страна, понимаете ли, была в страшной тревоге — да, в страшной тревоге! — верьте не верьте, а все были просто ужасно встревожены. Дело в том, что нигде не могли найти вашу милость, а вас, капитан, любили и стар и млад, да... А тут ваша милость вдруг совершенно исчезла... ни слуху ни духу... пропал человек... провалился... умер!

— А вот ты сейчас ценой собственной жизни узнаешь, что я жив, негодяй! — прервал его взбешенный Кливленд.

— Терпение, капельку терпения, капитан, вы не даете мне двух слов связать, — ответил коробейник, — а только случилось еще, что этот парнишка, Мордонт Мертон. .

— А! — прервал его Кливленд. — Что же с ним?

— Да о нем тоже ни слуху ни духу, — ответил корбейник, — исчез совершенно, начисто! Пропал молодчик! Свалился, думают, с какого-нибудь утеса в море, он ведь был отчаянный! Я вел с ним кое-какие делишки, обменивал ему всякие меха да перья на порох, дробь и все такое прочее. А тут вдруг он куда-то исчез, ну прямо начисто пропал, растаял, словно дым над трубкой какой-нибудь старой ведьмы.

— Но какое все это имеет касательство до платьев капитана, милейший? — спросил Банс. — Придется, пожалуй, мне самому проучить тебя, если ты сейчас же не выложишь всего начистоту!

— Терпение, капельку терпения, — повторил Брайс, простирая к нему руку, — вы всё узнаете в свое время. Так вот, двое пропали без вести, как я вам уже сказал, а тут еще в Боро-Уестре началась тревога из-за странного недуга миссис Минны...

— Молчи! Не смей вмешивать ее в свое шутовство, слышишь? — прервал его Кливленд негромко, но таким внушительным и исполненным такой страстности тоном, что привел бы в трепет не одного Снейлсфута. — Посмей только говорить о ней без глубочайшего почтения, и я отрежу тебе уши и заставлю тебя тут же проглотить их!

— Хи-хи-хи! — робко захихикал корбейник. — Премиленькая шуточка! Вашей милости угодно забавляться. Ну, коли уж нельзя говорить о Боро-Уестре, так расскажу вам про этого чудака из Ярлсхофа — старого Мертонна, отца Мордонта. Люди-то думали, что он так же прочно сидит на месте, как сам Самборо-Хэд, да только ничего не поделаешь, а и он так же пропал, как и другие, о которых я уже говорил. А еще приключилось, что Магнус Тройл — упоминаю о нем с превеликим моим уважением — сел на коня и поскакал куда-то, а веселый мейстер Клод Холкро отплыл на своей шлюпке, хотя парусом-то он управляет хуже самого непутевого парня в Шетлендии, ибо голова его набита одними стихами да рифмами. А с ним вместе на шлюпке отправился управляющий — тот самый шотландец, что вечно

болтает о канавах и осушке и других таких же бесполезных делах, на которых не наживешься; так, видите ли, этот управляющий тоже потянулся вслед за остальными. И вот таким манером и выходит, что одна половина нашего шетлендского Мейнленда пропала, а другая мечется туда-сюда в поисках пропавших, — прямо страшные времена настали!

Капитан Кливленд сдержал свой гнев и выслушал эту тираду достойного негоцианта хотя и с нетерпением, но не без надежды услышать что-либо относящееся к нему лично. Зато теперь его спутник, в свою очередь, потерял терпение.

— А платье, — закричал он, — платье, платье, платье! — сопровождая каждое восклицание взмахом трости, да так ловко, что она свистала у самого уха коробейника, не задевая его.

Брайс, уклоняясь от каждого из этих ударов, вопил:

— Нет, сэр, мой добрый сэр, уважаемый сэр, это платье... Почтенная дама так сокрушалась о своем старом господине, и о молодом господине, и о досточтимом капитане Кливленде, и по поводу горя в семье досточтимого фоуда, и по поводу самого досточтимого фоуда, и из-за управляющего, и из-за Клода Холкро, и по поводу всех прочих поводов и отношений, что мы с ней смешали нашу печаль и наши слезы, как говорится в писании, и прибегли к утешению в виде бутылки, да еще позвали на совет ранслара нашего поселка по имени Нийл Роналдсон, весьма достойного человека, это всем в округе известно...

Но тут трость просвистела так близко над его головой, что слегка задела ему ухо. Коробейник отпрянул, и истина — или то, что он хотел выдать за истину, — выскочила у него без дальнейших околичностей, подобно тому как пробка после долгого бесполезного шипения и сипения вылетает наконец из бутылки отменного пива.

— Да что еще, черт возьми, вам от меня нужно? Ну, старуха и продала мне сундук с платьем: оно

мое, я его купил и на этом буду стоять до конца дней своих.

— Иными словами, — сказал Кливленд, — жадная старая ведьма имела бесстыдство продать вещи, которые ей не принадлежали, а ты, честный Брайс Снейлсфут, имел дерзость купить их?

— Ах, дорогой мой капитан, — ответил «честный» торговец, — но что же нам с ней, бедным, было делать? Сами-то вы, хозяин вещей, пропали, а мейстер Мордонт, что взялся их беречь, тоже пропал, а платье-то лежало в сыром месте и могло попортиться от моли, или плесени, или...

— Так, значит, старая воровка продала, а ты купил мои вещи, чтобы спасти их от порчи? — спросил Кливленд.

— Да, как видите, — ответил коробейник. — Мне думается, благородный капитан, что, пожалуй, так оно и было.

— Ну тогда слушай, ты, наглый мошенник, — сказал Кливленд, — я не хочу пачкать руки о твою шкуру или поднимать шум в этом месте...

— Да на это, пожалуй, у вас у самих есть уважительные причины, капитан, да оно и понятно, — лукаво заметил коробейник.

— Я переломая тебе все кости, если ты скажешь еще хоть слово! — перебил его Кливленд. — Но послушай: я предлагаю тебе выгодные условия: верни мне черную кожаную записную книжку с замком и кошелек с золотыми монетами, да кое-что из нужной мне одежды, а остальное, черт с тобой, оставь у себя!

— Золотые монеты! — воскликнул разносчик нарочито повышенным тоном, долженствовавшим выражать крайнюю степень изумления. — Но что могу я знать о золотых монетах? Кружевные манжеты — вот это было бы по моей части! А если там и был кошелек с монетами, так, смею вас уверить, Суерта хранит его где-нибудь под спудом для вашей чести — ведь золото, как вам известно, не портится от сырости.

— Верни мне тогда мою записную книжку и вещи, наглый вор, — закричал Кливленд, — или я без лишних слов выбью тебе мозги из башки!

Лукавый корабейник оглянулся и увидел, что помощь в лице шести стражников была уже близка: неоднократные столкновения с командой пиратского судна научили городские власти посылать против подобного рода чужестранцев усиленные наряды блюстителей порядка.

— Вы бы лучше поберегли кличку вор для собственной вашей милости, капитан, — сказал торговец, к которому с приближением гражданских сил снова вернулась дерзость, — неизвестно еще, откуда у вас самих взялось все это богатое платье и дорогие безделки!

Он произнес это с такой вызывающей наглостью во взгляде и тоне, что Кливленд тут же схватил его за шиворот, перебросил через наспех сколоченный прилавок, который вместе со всеми разложенными на нем товарами рухнул на землю, и, удерживая торговца одной рукой, другой принялся изо всех сил лупить его тростью. Все это произошло столь быстро и решительно, что Брайс Снейлсфут, хотя и обладал крепким сложением, был сражен стремительностью атаки и даже не пытался освободиться, а только заревел, как теленок, призывая на помощь. Замешкавшееся подкрепление тем временем подоспело, стражники бросились на Кливленда и соединенными усилиями заставили его отпустить корабейника и подумать о своей собственной защите. Кливленд принялся отбиваться с исключительной силой, отвагой и ловкостью, при энергичной поддержке своего верного Банса, который до того с восторгом смотрел на побои, достававшиеся корабейнику, а теперь упорно сражался, чтобы избавить своего друга от последствий его самовольной расправы. Однако, поскольку за последнее время вражда между жителями города и пиратской командой, вызванная наглым бесчинством моряков, чрезвычайно обострилась, горожане решили твердо стоять друг за друга и помогать гражданским властям при всех столкновениях

подобного рода. На помощь констеблям явилось поэтому столько приспешников, что хотя Кливленд сражался отчаянно и смело, но в конце концов был сбит с ног и обезоружен. Его более счастливый приятель спасся бегством, как только увидел, что на этот раз судьба обернется, должно быть, против них.

Гордое сердце Кливленда, которое, несмотря на всю испорченность, сохранило врожденное благородство, едва не разорвалось, когда он увидел себя побежденным в этой позорной уличной схватке: теперь его потащат в город, как пленника, и погонят по улицам к ратуше, где городские власти как раз держали совет. У него мелькнула страшная мысль о тюремном заключении со всеми вытекающими отсюда последствиями, и он тысячу раз проклял безрассудство, которое не позволило ему уступить наглому торговцу и вовлекло в столь опасное приключение.

Однако как раз в тот момент, когда шествие приблизилось к дверям ратуши, находившейся на главной площади городка, непредвиденное обстоятельство внезапно изменило весь ход событий.

Банс, который решил использовать свое поспешное отступление на пользу не только себе, но и своему другу, со всех ног устремился в гавань, где у пристани как раз стояла шлюпка с пиратского судна, и позвал старшину и команду на выручку Кливленду. В результате на месте действия появились отчаянные головорезы, каковыми и должны были быть люди подобной профессии, с лицами, бронзовыми от тропического солнца, под лучами которого проходила их деятельность. Они сразу же врезались в толпу, нанося направо и налево удары деревянными упорками для ног, которые забрали из шлюпки. Пробившись к Кливленду, товарищи мгновенно вырвали его из рук констеблей, совершенно не способных сопротивляться столь яркой и внезапной атаке, и с торжеством увлекли его на набережную. Два или три молодчика время от времени оборачивались, чтобы давать отпор толпе, которая, впрочем, не слишком рьяно старалась отбить своего пленника, ибо большинство моряков было вооружено пистолетами и тесаками, так же как и

менее смертоносными орудиями, которые пока одни только и были пущены в ход. Пираты благополучно добрались до шлюпки, вскочили в нее, увлекая с собой Кливленда, которому обстоятельства, видимо, не оставляли другого выбора, оттолкнулись от берега и в такт взмахам весел затагнули старую песню, только первый куплет которой долетел до слуха городских жителей:

— Робин-разбойник
Скомандовал так:
«Спустить с мачты синий,
Поднять черный флаг!
Прицел на топ-мачту,
Зажги фитили,
По пушкам, по марсу,
По шканцам пали!»

Слов этой песни уже нельзя было разобрать, а нестройное пение долго еще раздавалось над морем. Таким образом, пират Кливленд почти против воли снова вернулся к своим отчаянным соратникам, с которыми так часто принимал решение порвать навеки.

Глава XXXIII

Мой друг, любовь родителей сильнее
Рассудка и, как сокола приманкой,
Она властна мудрейшего на землю
Сманить с небес. Так Просперо свой

плащ
Волшебный сбросил из любви к Миранде.

Старинная пьеса

Следуя причудливому ходу нашего повествования, мы должны теперь снова вернуться к Мордону Мертоу. Мы оставили его в опасном положении тяжело раненого, а встречаем выздоравливающим, хотя еще бледным и слабым как из-за большой потери крови, так и от лихорадки, которую вызвала рана. К счастью для юноши, клинок, скользнув по ребрам, вызвал

лишь обильное кровотечение, но не затронул ни одного из жизненно важных органов, и рана успела уже почти совершенно затянуться, столь успешным оказалось действие заживляющих трав и мазей, которыми пользовала его Норна из Фитфул-Хэда.

Наш рассказ застает мудрую врачевательницу и ее пациента в небольшом домике на уединенном острове архипелага. Мордонт еще во время болезни и до того, как к нему полностью вернулось сознание, был перевезен на одном из рыболовных судов из Боро-Уэстры сначала в необыкновенное жилище колдуньи близ Фитфул-Хэда, а затем в место его настоящего пребывания. Столь велико было влияние Норны на ее суеверных земляков, что она никогда не имела недостатка в послушных исполнителях своих приказаний, каковы бы они ни были; и, поскольку она всегда требовала соблюдения строжайшей тайны, люди сплошь и рядом поражались удивительному стечению обстоятельств, вытекавших на самом деле из их собственных и чужих поступков, в которых, будь у соседей возможность все сообщать друг другу, не осталось бы и тени чудесного.

В настоящую минуту Мордонт сидел у огня в скромно обставленной комнате. В руках у него была книга, куда время от времени он заглядывал с выражением скуки и нетерпения. Наконец эти чувства настолько овладели им, что, швырнув книгу на стол, он принялся глядеть в огонь с видом человека, погруженного в весьма печальные размышления.

Норна, которая сидела напротив и была занята составлением какого-то лекарства или мази, тревожно поднялась с места, подошла к Мордонту и, пощупав его пульс, самым участливым образом спросила, не почувствовал ли он где-либо внезапной боли. Мордонт поблагодарил Норну и ответил, что ни на что не жалуется; однако тон его пришелся не по душе старой пифии.

— Неблагодарный мальчик! — воскликнула она. — Ты, для которого я столько сделала, которого я вырвала своим искусством и властью из когтей самой смерти, неужели ты уже так тяготишься мной, что

не в силах скрыть свое желание провести вдаль от меня первые сознательные дни вновь возвращенной тебе жизни?

— Вы несправедливы ко мне, моя добрая спасительница, — возразил Мордонт, — мне совсем не наскучило ваше общество, но у меня есть обязанности, призывающие меня вернуться к обыденной жизни.

— Обязанности, — повторила Норна, — но какие же обязанности могут или имеют право стать между тобой и твоей признательностью ко мне? Обязанности? Нет, все твои мысли о том, как бы снова побродить с ружьем или ползать по скалам в поисках морских птиц. Вот каковы те обязанности, к которым ты так жаждешь вернуться; но для этого у тебя еще недостаточно сил.

— Вы неправы, моя милая и добрая исцелительница, — ответил Мордонт. — Из многих обязанностей, которые теперь, когда я окреп, призывают меня покинуть вас, позвольте мне назвать только одну — сыновнюю.

— Сыновнюю! — воскликнула Норна и рассмеялась почти безумным смехом. — О, ты не знаешь, как мы на наших островах умеем отрешаться от подобных обязанностей! А твой отец, — продолжала она, несколько успокоившись, — что сделал он для тебя, чтобы заслужить то уважение и сыновнюю преданность, о которых ты говоришь? Разве не он, как ты сам мне рассказывал, бросил тебя на долгие годы у чужих людей, едва заботившихся о тебе, и даже не осведомлялся, жив ты или умер, лишь изредка посылая тебе скудные крохи, подобно тому как подают милостыню несчастным прокаженным, издали бросая им подачку? А в последние годы, когда он сделал тебя спутником своей жалкой жизни, он был попеременно то твоим учителем, то мучителем, но никогда, Мордонт, никогда — отцом!

— Да, доля правды есть в том, что вы говорите, — ответил юноша, — отец не питает ко мне особой нежности, но он заботится обо мне и таким был всегда. Человек не властен над своими чувствами, и долг сына быть благодарным за те блага, которые достав-

ляет ему отец, даже если он делает это с холодным сердцем. Мой отец постарался дать мне образование, и я уверен, что он любит меня. К тому же он несчастлив и, если бы даже не любил меня...

— Да он и *не любит* тебя, — перебила его Норна. — Он никогда ничего и никого не любил, кроме самого себя. Он несчастен — да, но все его несчастья заслужены! О Мордонт, только одно родительское сердце бьется ради тебя, живет тобой...

— Да, я знаю, что у меня только один отец, — ответил Мордонт, — моя мать давно умерла, но вы сами противоречите себе...

— О нет, нет! — воскликнула Норна в припадке страшного душевного возбуждения. — У тебя нет отца, Мордонт, у тебя одна только несчастная мать! Она не умерла — о, насколько это было бы для нее лучше! Но она не умерла! Одно только материнское сердце бьется для тебя, Мордонт, одна только мать любит тебя, и эта мать — я, Мордонт, я! — закричала она, бросаясь ему на шею. — Я твоя несчастная и вместе с тем — о, какая счастливая мать!

Она судорожно прижала его к своей груди, и слезы, первые, может быть, за долгие годы, потоком хлынули у нее из глаз, когда она обняла его за шею. Ошеломленный всем, что он видел, чувствовал, слышал, растроганный ее страшным волнением, хоть и склонный приписать этот страстный порыв болезненному расстройству ее рассудка, Мордонт тщетно пытался успокоить эту странную женщину.

— Неблагодарный мальчик, — промолвила она наконец, — кто, кроме матери, стал бы заботиться о тебе так, как заботилась я? С той минуты, как я увидела твоего отца — тому теперь уже много лет, а он тогда и не подозревал, кто была женщина, столь внимательно следившая за ним, — я тотчас же узнала его! А рядом с ним я увидела тебя, ты был тогда еще совсем крошкой, и голос природы сразу же заговорил в моем сердце и сказал мне, что ты кровь от моей крови и плоть от моей плоти. Вспомни, сколько раз, к своему удивлению, ты неожиданно встречал меня в местах твоих любимых прогулок! Вспомни,

как часто глаза мои следили за тобой, когда ты пробирался над головокружительной бездной, и я шептала заклинания против демонов гор, которые, внезапно, в самых опасных местах появляясь перед путником, заставляют его потерять опору! Не я ли повесила тебе на шею, чтобы отвратить от тебя зло, золотую цепь, которую король эльфов подарил родоначальнику нашего рода? Разве отдала бы я этот бесценный дар кому-либо, кроме горячо любимого сына? О Мордонт, мое могущество позволяло мне делать для тебя то, о чем смертная мать боялась бы и подумать: в полночный час заклинала я морских сирен, чтобы шлюпке твоей сопутствовала удача в далеких водах! Я смиряла ветер, и паруса целых флотилий безжизненно повисали на мачтах, чтобы ты мог безопасно охотиться и лазать по скалам!

Мордонт, видя, что исступление Норны все нарастает, попытался ответить так, чтобы, не обижая, успокоить ее и в какой-то мере смирить ее разыгравшееся воображение.

— Милая Норна, — сказал он, — вы так много для меня сделали, что я по справедливости могу называть вас матерью и всегда буду относиться к вам с сыновней преданностью и почтением. Но знаете ли вы, что цепь, о которой вы сейчас говорили, куда-то исчезла с моей шеи? Я не видел ее с тех пор, как этот негодяй ударил меня.

— Как можешь ты думать о золотой цепочке в такую минуту? — промолвила Норна с глубокой горечью. — Но ничего не поделаешь. Знай же, что это я сняла ее, чтобы надеть на шею той, которая тебе всех дороже на свете, в знак того, что союз между вами — единственное возможное для меня земное желание — будет все же, несмотря ни на что, заключен, хотя бы все силы ада восстали против этого брака.

— Увы, — со вздохом произнес Мордонт, — вы забыли о разнице в нашем положении: отец ее богат и принадлежит к старинному роду.

— Не богаче, чем будет наследник Норны из Фитфул-Хэда, — ответила старая пифия, — и не лучшей и не более древней крови, чем та, которая течет

в твоих жилах и унаследована от матери, ибо я веду свой род от тех же ярлов и викингов, что и гордый Магнус Тройл. Или ты, как те строгие фанатики чужеземцы, что поселились среди нас, считаешь себя опозоренным оттого, что мой союз с твоим отцом не был освящен церковью? Так знай же, что брак наш был совершен по древнему обычаю норвежцев: наши руки были соединены в *Кругу Одина*, и мы принесли такие страшные клятвы в вечной верности, что даже законы похитивших нашу свободу шотландцев должны были бы признать их равносильными обетам, произнесенным перед алтарем. Против отпрыска такого союза Магнусу Тройлу нечего возразить. Пусть я была слаба, пусть я была преступна, но это не ложится позором на голову моего сына!

Норна настолько овладела собой и так здраво и последовательно излагала свои мысли, что Мордонт невольно начинал верить в справедливость ее слов. К тому же она привела столько правдоподобных обстоятельств, логически вытекающих одно из другого, что трудно было предположить, будто бы весь рассказ ее был не более как плодом душевного расстройства, порой проявлявшегося в ее речах и поступках. Тысячи смутных мыслей охватили Мордонта, когда он подумал, что стоявшая перед ним несчастная женщина в самом деле, быть может, имела право ожидать от него сыновнего почтения и привязанности. Он сумел, однако, овладеть собой и заставить себя думать о другом, не менее важном для него предмете, решив в глубине души не спеша выяснить все обстоятельства дела, здраво обсудить их и только тогда окончательно отвергнуть или признать права Норны на его любовь и уважение. Но благодетельницей его она, без всякого сомнения, была, и поэтому он смело мог относиться к ней с теми же почтением и любовью, с какими сын относится к матери. Этим он, во всяком случае, мог выказать ей свою благодарность, ничем себя окончательно не связывая.

— Так вы в самом деле думаете, матушка, — раз вы хотите, чтобы я называл вас этим именем, — спросил Мордонт, — что можно уговорить гордого

Магнуса Тройла и он откажется от своей недавней неприязни ко мне и разрешит мне ухаживать за своей дочерью Брендой?

— За Брендой? — повторила Норна. — Но причем тут Бренда? Ведь я говорила с тобой о Минне!

— Но я-то думал о Бренде, — возразил Мордонт, — о ней я думаю сейчас и о ней одной хочу думать всю свою жизнь!

— Не может этого быть, сын мой! — воскликнула Норна. — Не может сердце твое быть столь слабым, а дух — столь ничтожным, чтобы ты предпочел беспечную резвость и ограниченную домашним кругом простоту младшей сестры глубоким чувствам и высоким стремлениям благородного духа Минны! Кто станет нагибаться за еле заметной фиалкой, когда стоит ему протянуть руку, чтобы сорвать розу?

— Многие, однако, считают, что прелестней всего именно скромные цветы, — возразил Мордонт, — и этому убеждению я не изменю до самой смерти!

— Не смей мне этого говорить! — гневно начала было Норна, но сейчас же изменила тон и, с величайшей нежностью взяв Мордонта за руку, продолжала:

— Нет, мой мальчик. Ты не должен так говорить, ты не захочешь разбить сердце матери в первый же час, как она прижала к груди свое дитя! Нет, не отвечай мне, выслушай меня сначала: ты должен жениться на Минне — я надела ей на шею роковой талисман, от которого зависит и твое и ее счастье. Долгие годы все мои старания, вся моя жизнь были направлены к этой цели. Так я хочу, и так оно и будет. Минна должна стать женой моего сына!

— Но разве Бренда не так же близка и не так же дорога вам? — спросил Мертон.

— Так же близка по крови — да, — ответила Норна, — но не так дорога — о, далеко не так дорога! Чувствительная, но вместе с тем возвышенная душой и мечтательная Минна предназначается в подруги тому, чьи пути, подобно моим, далеки от торных дорог здешнего мира. Бренда создана для простой домашней жизни; хохотунья и насмешница, она готова

считать мое искусство лишь грубым заблуждением, а могущество мое — одной слабостью, не веря ничему и высмеивая все, что лежит за пределами ее поверхностного понимания.

— Да, это правда, — ответил Мордонт, — она не суеверна и не восторженна, и этим она мне еще милей. К тому же вспомните, матушка, что она отвечает на мои чувства, а если Минне и дорог кто-нибудь, так это чужеземец Кливленд.

— Нет, нет, она не любит, не смеет любить его! — воскликнула Норна. — И он также не смеет преследовать ее своей любовью! Я предупредила его, когда он впервые появился в Боро-Уэстре, что предназначила ее тебе.

— Так вот, значит, каким опрометчивым речам, — воскликнул Мордонт, — обязан я ненавистью и преследованиями этого человека, своей раной и чуть ли не потерей жизни! Видите, матушка, к чему привели ваши тайные происки; заклинаю вас небом: откажитесь от них навсегда!

Этот упрек поразил Норну, как удар молнии. Она схватилась за голову и, казалось, готова была упасть. Мордонт, чрезвычайно испуганный, бросился к ней, чтобы поддержать ее, и, не зная, что ему делать, пытался в несвязных выражениях успокоить ее.

— Пощади меня, праведное небо, пощади меня! — были первые слова, которые она смогла выговорить. — Не допусти, чтобы кара за мое преступление пала на его голову! Да, юноша, — продолжала она после некоторого молчания, — ты сказал мне то, в чем я сама не смела себе признаться, и если это правда, то, поверив ей, я не смогу больше жить!

Мордонт тщетно пытался успокоить ее, уверяя, что совершенно не хотел ни обидеть, ни огорчить ее и чрезвычайно жалеет, что без всякого умысла совершил и то и другое. Она же продолжала взволнованным, прерывающимся голосом:

— Да, ты коснулся того тайного подозрения, которое отравляет мне сознание моего могущества — единственного блага, дарованного мне взамен невинности и душевного мира! Твой голос вторит голосу

демона, который шепчет мне даже тогда, когда стихии признают меня своей повелительницей: «Норна, все это — лишь самообман, твое могущество держится лишь суеверием невежд, которое ты сама поддерживаешь тысячами хитроумных уловок». Так говорит Бренда, так готов сказать и ты; и хотя это ложь, возмутительная ложь — да, да, но такие же крамольные мысли возникают порой и в моем исступленном мозгу, — тут она дотронулась пальцем до своего лба, — и мысли эти, как мятежники в покоренной стране, встают против своей несчастной повелительницы. Пощади меня, сын мой, — продолжала она умоляющим голосом, — пощади меня! То могущество, которого твои слова готовы лишить меня, о, ему не стоит завидовать! Не многие согласились бы властвовать над неясно бормочущими духами, воющими ветрами и ревущими потоками. Трон мой — облако, скипетр мой — метеор, царство мое населено призраками, и я должна либо перестать существовать, либо продолжать быть самым могущественным, но вместе с тем и самым несчастным существом на свете!

— Не говорите таких мрачных слов, моя дорогая и бедная матушка, — произнес чрезвычайно взволнованный Мордонт. — Я готов поверить в вашу власть, поверить во все, во что вы мне прикажете верить. Но, ради вашего же спокойствия, взгляните на окружающее иными глазами. Забудьте свои страшные и таинственные занятия, перестаньте думать о призраках и направьте мысли по другому, более здоровому руслу. Тогда жизнь снова приобретет для вас прелесть и религия принесет утешение.

Норна слушала его довольно спокойно, словно вдумываясь в его советы и желая последовать им, но когда он умолк, она покачала головой и сказала:

— Нет! Это невозможно! Я должна оставаться грозной, таинственной прорицательницей, повелительницей стихий, — или не жить! Для меня нет выбора, нет иного исхода! Либо должна я гордо стоять на высоком утесе, где, кроме моей, не ступала нога человека, либо спать в глубине океана, где пенные

волны будут прозно реветь над моим бесчувственным телом, ибо отцеубийца никогда не унижится до обмана!

— Отцеубийца! — повторил, словно эхо, Мордонт, в ужасе отшатнувшись от нее.

— Да, сын мой, — ответила Норна с мрачным спокойствием, еще более страшным, чем ее недавнее иступление. — В этих роковых стенах мой отец встретил смерть, и то было делом моих рук. В этой комнате нашли его холодный, посиневший труп. Бойся сыновнего послушания, ибо таковы его страшные последствия!

С этими словами она встала и вышла, предоставив Мордонту размышлять на досуге о всех необыкновенных вещах, которые ему пришлось услышать. Отец научил его не верить распространенным в Шетлендии предрассудкам, а теперь он убедился, что и Норна, весьма умело обманывая других, не в силах была, однако, полностью обмануть самое себя. Это служило веским доводом в пользу ясности ее рассудка, но, с другой стороны, то, что она обвиняла себя в отцеубийстве, казалось совершенно диким и неправдоподобным и невольно заставляло Мордонта сомневаться в истинности и прочих ее утверждений.

У него было достаточно времени, чтобы свободно поразмыслить над всем услышанным, ибо никто не посещал одинокого жилища, единственными обитателями которого были Норна, ее карлик и сам Мордонт. Гористый, суровый и пустынный остров Хой, где оно находилось, представляет собой не что иное, как три холма или, вернее, одну высокую гору с тремя вершинами, разделенными ущельями, пропастями и долинами, спускающимися к самому морю. Гребень горы, достигающий огромной высоты и распавшийся на отдельные утесы, с виду совершенно недостижимые, задерживает идущие из Атлантики туманы и, скрытый обычно от людского глаза, образует тайные и недоступные убежища для ястребов, орлов и прочих пернатых хищников.

Почва на острове сырая, холодная и неплодородная, и склоны, покрытые мхом, выглядят бесплодной пустыней. Только вдоль ручьев и горных оврагов вьется кайма из карликовых берез, орешника и черной смородины; некоторые из этих кустарников столь высоки, что в суровой и голой стране заслужили даже название деревьев.

Но вид, открывающийся с морского берега, любимого места прогулок Мордонта с тех пор, как он стал выздоравливать и выходить, был полон очарования, полностью вознаграждавшего за унылую внешность самого острова. Широкий и красивый пролив отделяет уединенный и гористый остров Хой от Помоны, а посередине этого пролива лежит, словно плоский изумруд, чудесный, покрытый яркой зеленью остров Грэмсей. Вдали, на берегу Мейнленда, виднеется городок или деревня Стромнесс, о превосходной гавани которого говорит огромное количество судов, обычно теснящихся на рейде. По мере удаления от моря залив этот сужается и вдается глубоко в сушу, где воды его во время прилива сообщаются с прелестным озером, известным под названием Лох-оф-Стеннис.

На этом побережье Мордонт любил прогуливаться целыми часами, далеко не оставаясь равнодушным к красотам открывающегося перед ним вида, хотя голова его была занята весьма беспокойными думами о собственном затруднительном положении. Он решил покинуть остров, как только восстановившееся здоровье позволит ему пуститься в путь; однако чувство признательности к Норне, ибо он считал себя если не родным, то, во всяком случае, приемным ее сыном, не позволяло ему уехать без ее разрешения, даже если бы он сумел достать необходимые средства сообщения, что, впрочем, было весьма сомнительным. После долгих и настойчивых просьб ему удалось, однако, вырвать у своей властолюбивой хозяйки обещание, что если он во всем будет следовать ее указаниям, она сама доставит его в столицу Оркнейских островов ко дню открытия приближавшейся ярмарки святого Оллы.

Что здесь за шум? Как частая
пальба,
Несутся оскорбления и божба,
Угрозы и проклятья, горячи,
Скрестились, словно острые мечи;
Так расшумелся воровской народ,
Что пленник их, пожалуй,
ускользнет.
«Плен», поэма

Когда Кливленда, столь удачно освобожденного из рук кёркуоллцев, с триумфом доставили на пиратский корабль, большая часть команды встретила его радостными восклицаниями: друзья спешили пожать ему руку и поздравить с благополучным возвращением, ибо звание капитана пиратского судна не так уж сильно возвышало его над остальными товарищами, самый последний из которых считал себя его ровней во всем, что не касалось непосредственно корабельной службы.

После того как вся его клика — ибо так скорее всего можно было назвать шумных друзей Кливленда — кончила выражать свою радость, его повели на корму, где Гофф, теперешний командир судна, восседал на пушке, прислушиваясь с угрюмым и недовольным видом к громким возгласам, которыми встречали Кливленда. Гофф был человек лет сорока — пятидесяти, скорее низкого, чем высокого роста, но такой крепкий и приземистый, что команда прозвала его Мортирой. Его черные волосы, бычья шея и нависшие брови в сочетании с грубой силой и свирепым выражением лица представляли резкую противоположность мужественной фигуре и открытым чертам Кливленда, в котором даже его жестокая профессия не могла уничтожить природного изящества и благородного вида. Оба разбойничьих капитана несколько минут молча глядели друг на друга, в то время как вокруг каждого собирались его сторонники. Главными приверженцами Гоффа были старики, тогда как молодежь, среди которой Джек Банс

играл роль вожака и подстрекателя, почти вся при-
мкнула к Кливленду.

Наконец Гофф нарушил молчание:

— Славно встречают тебя на борту, капитан Кливленд, разрази мне гакаборт! Ты что, все еще воображаешь себя коммодором, дьявол тебя возьми? Только шиш... звание твое теперь насмарку пошло, провались я на этом самом месте, когда ты угробил свою посудину, черт бы побрал твою душу!

Заметим здесь раз и навсегда, что командир этот обладал прелестной привычкой уснащать свою речь проклятиями, почти в равной пропорции с обыкновенными словами, что он образно называл палить боевым зарядом. Но поскольку нас такого рода стрельба далеко не приводит в восторг, впредь мы ограничимся тем, что будем отмечать многоточием те места, где должны стоять подобные крепкие словечки, и таким образом — да простит нам читатель не слишком блестящую остроту! — превратим посылаемые Гоффом смертоносные залпы в холостые выстрелы. Услышав, что Гофф обвиняет его, будто он явился на борт, чтобы стать командиром судна, Кливленд заявил, что вовсе не желает подобного повышения и не согласится на него. Он просит только дать ему шлюпку, чтобы он мог высадиться на одном из соседних островов, ибо у него нет ни малейшего желания ни командовать над Гоффом, ни оставаться на корабле под его началом.

— А почему бы тебе, братишка, и не остаться под моим началом? — высокомерно спросил Гофф, — ты что, слишком хорош для этого, что ли, весь расфуфыренный, с этой твоей шпагой,, чтобы служить под моим началом, дьявол тебя заberi, когда мне подчиняется немало джентльменов, что и старше тебя, да и моряки поопытнее, чем ты!

— Интересно бы знать, — холодно заметил Кливленд, — кто именно из этих опытных моряков подставил ваше судно как раз под огонь здешней шестипушечной батареи, которая разнесла бы его в щепки, прежде чем успели бы обрубить или вытравить якорный канат? Морякам постарше и поопытнее моего,

может быть, и нравится служить под началом такого болвана, но меня прошу уволить от подобной чести; вот все, что я хотел сказать.

— Да вы что, разрази вас гром, рехнулись оба, что ли? — сказал боцман Хокинс. — Оно, конечно, понятно, что подраться там на шпагах или на пистолетах — в своем роде чертовски забавная штука, коли ничего лучшего не придумаешь; но какого дьявола джентльменам в нашем положении, если только у них мозги на месте, лезть в драку друг с другом? Да ведь тогда эти жирные гуси лапчатые, здешние островитяне, нас просто голыми руками возьмут!

— Хорошо сказано, старина Хокинс, — поддержал его Деррик — вахтенный начальник, пользовавшийся весьма большим влиянием среди прочих разбойников, — и коли уж наши два капитана никак не могут ужиться в мире и договориться о том, как лучше защищать наше судно, так сместим их, черт побери, обоих и выберем на их место другого!

— Уж не имеете ли вы в виду себя самого, господин вахтенный начальник? — вмешался Джек Банс. — Только этот номер не пройдет, дудки! Тот, кто командует джентльменами, сам, по-моему, должен быть джентльменом, и я подаю свой голос за капитана Кливленда: такой головы и такого истинного джентльмена никогда еще не было среди тех, кто порвал с обществом и плевать хотел на него!

— Как! Это ты себя-то считаешь джентльменом? Вот здорово! — грубо прервал его Деррик — Да что у тебя, глаза на затылке, что ли? Любой портной смастерил бы лучшего джентльмена из самых жалких лохмотьев, оставшихся от твоего театрального гардероба! Да для порядочных людей просто стыд и позор, что у них на корабле такое наряженное щеголем пугало, как ты!

Это унижительное сравнение так взорвало Джека Банса, что он тут же схватился за шпагу, но в дело вмешались плотник и боцман: один, потрясая топором, заявил, что прошибет череп первому, кто поднимет на другого руку, так, что не залатаешь, а другой напомнил их устав, по которому всякие ссоры,

драки и особенно поединки на борту строго воспрещаются, а если кому из джентльменов угодно уладить между собой какой-либо спор, ничто не мешает им сойти на берег и решать его там на тесаках или пистолетах, на глазах у двух добрых товарищей.

— Да я ни с кем и не ссорился — угрюмо заявил Гофф, — капитан Кливленд изволил тут развлекаться, разъезжал по разным островам! А мы тратили время и деньги, ожидая его, а ведь могли бы за этот срок прибавить в общую мощну двадцать, а то и все тридцать тысяч долларов. Впрочем, коли остальным джентльменам удачи это приходится по вкусу,, ну что ж, я молчу.

— А я предлагаю, — сказал боцман, — собрать в кают-компании общий совет, как это полагается по нашим правилам, да и решить, что нам лучше всего теперь делать.

Предложение боцмана встретили единодушным согласием, ибо каждому был прямой расчет участвовать в совете, где все имели равное право голоса. Правда, большая часть команды ценила эту свою привилегию главным образом потому, что в подобных торжественных случаях выставлялось обычно неограниченное количество выпивки и молодчики не упускали возможности полностью использовать дарованное им равноправие якобы для прояснения мыслей. Но несколько человек, которые вместе с дерзостью и распушенностью, свойственными их профессии, соединяли некоторую способность рассуждать, держались на подобных собраниях в пределах относительной трезвости, и они-то под видимостью всеобщего голосования фактически и решали все вопросы, касавшиеся дальнейших планов и курса разбойничьего корабля. Остальную часть экипажа, когда она приходила в себя после хмеля, нетрудно было убедить, что принятое решение являлось законным плодом соединенной мудрости всего сената.

В настоящем случае попойка продолжалась до тех пор, пока большая часть команды не начала, как обычно, проявлять признаки самого грубого и отталкивающего опьянения, изрыгая в веселии своим са-

мые бессмысленные и дикие ругательства и ужасающие проклятия и распевая песни, непристойность которых могла сравниться разве только с их кощунственностью. Среди этого ада оба капитана с одним или двумя из своих главных сподвижников, а также с плотником и боцманом, которые в подобных случаях всегда стремились играть первенствующую роль, образовали некий адский тайный совет и принялись обсуждать дальнейшие действия, ибо, по образному выражению боцмана, они оказались в узком фарватере и им предстояло весьма тщательно замерять его глубины.

Как только они начали совещаться, друзья Гоффа, к своему крайнему неудовольствию, заметили, что он стнюдь не последовал благоразумному правилу, о котором мы упоминали выше. Стараясь залить вином горькую обиду, нанесенную ему неожиданным появлением Кливленда, и приемом, который оказал последнему экипаж, капитан потопил при этом и свой рассудок. Свойственная ему угрюмая молчаливость не позволила сначала заметить его состояние, но когда началось обсуждение, этого уже нельзя было больше скрыть.

Первым заговорил Кливленд. Он заявил, что не имеет ни малейшего желания принять на себя командование судном и просит только, чтобы его высадили на какой-нибудь отдаленный от Кёркуолла остров или островок и предоставили его собственной судьбе.

Боцман резко восстал против подобного решения.

— Все наши ребята, — сказал он, — знают Кливленда и верят ему: он и моряк хороший и вояка храбрый. К тому же он никогда не давал спиртному окончательно одолеть себя и был всегда в полном порядке и в плавании и в бою, а потому при нем никогда не случалось, чтобы некому было держать судно на курсе. А что касается благородного капитана Гоффа, — продолжал он, явно желая примирить обе стороны, — так другого такого храбреца из тех, что жуют галеты, еще поискать надо! А потому я всегда буду за него горой! Но зато когда загрузится он грогом — это я ему прямо в глаза скажу! — тут он начинает

откалывать такие штучки да шуточки, что никакого сладу с ним нет. Да вы все помните, как он чуть было не выбросил судно на этот треклятый Хорс-оф-Копинша, как его называют, а ведь все только из озорства! А еще помните, как он на общем совете взял да и выстрелил под столом из пистоleta и попал Джеку Дженкинсу в колено, так что бедняга лишился ноги — все из-за этой шуточки!¹

— Ну, Джек Дженкинс нисколько от этого не пострадал, — вмешался плотник. — Я отпилил ему ногу пилой не хуже какого-нибудь судового лекарского помощника, культю прижег раскаленным докрасна топором, а потом смастерил ему деревяшку; он и ковыляет теперь на ней так же здорово, как и раньше. Джек ведь и на двух-то ногах никогда не умел хорошенько «драть перо».²

— Ты у нас ловкий парень, плотник, — сказал боцман, — что и говорить! На все руки мастер! Не хотел бы я только испробовать твою пилу да раскаленный топор на собственных ногах, черт бы меня побрал! Пили уж лучше свои кницы! Но дело сейчас не в этом, дело в том, что если нам расстаться с капитаном Кливлендом — а он человек и умный и умелый, — так это, сдается мне, выйдет вроде того, как выбросить лоцмана за борт, когда шторм несет судно на берег. А еще я должен сказать, что не очень-то оно хорошо для благородного человека покинуть своих товарищей, которые ждали его тут, когда лечь им на другой галс нельзя. Вода наша на исходе, и мы так угощались, что и съестные припасы почти все ушли. Уйти без провизии для нас невозможно, а получить ее без доброго согласия граждан Кёркуолла

¹ В действительности этот подвиг приписывается знаменитому пирату Эври, который внезапно и без малейшего повода выстрелил из пистоleta под столом, за которым сидел и выпивал вместе с приятелями, он тяжело ранил одного из них и считал это весьма остроумной шуткой. Замечательнее всего то, что команда его точно так же отнеслась к этой выходке. (*Прим. автора*)

² Говорят, что быстро идущее по морю судно «дерет перо», так как от его носа по воде расходится рябь. (*Прим. автора.*)

мы тоже не можем. А если мы еще здесь задержимся, так нас накроет фрегат «Альциона» — два дня назад его видели за мысом Питер-Хэд, и придется нам тогда качаться на ноке рея да вялиться на солнышке. А если кто и может выручить нас теперь из беды, так это капитан Кливленд. Он один сумеет показать себя перед кёркуоллцами настоящим джентльменом и знает, как с ними справиться: когда заключить с ними честную сделку, а когда и припугнуть, коли представится к тому необходимость.

— Ты что же это, собираешься, значит, честного нашего капитана Гоффа оставить ни при чем? — спросил седой, закаленный бурями, одноглазый пират. — Ну и что же, что он шутник, я вот тоже из-за его шуточек и штучек остался без одного фонаря, только никогда еще такой молодчага, как он, не прогуливался по шканцам! И провалиться мне на этом самом месте, а я буду стоять за него до тех самых пор, пока еще светит мой другой фонарь!

— Да ты выслушай меня до конца! — сказал Хокинс. — Этак все равно что говорить с чернокожими олухами! Так вот, я предлагаю, чтобы Кливленд был капитаном только с часу дня и до пяти утра, когда Гофф бывает обыкновенно пьян.

Упомянутый им капитан тут же подтвердил справедливость этих слов, испустив какое-то нечленораздельное ворчание и погрозив пистолетом миротворцу Хокинсу.

— Вот полюбуйтеесь-ка, — прибавил Деррик, — и смекалки-то у него хватило только на то, чтобы нализаться в день совета хуже самого последнего матроса.

— Вот именно, — подхватил Банс, — нализался, как свинья Дэви, перед друзьями, врагами и сенатом!

— Да только, — продолжал Деррик, — не годится это, чтобы в один и тот же день было у нас два капитана. Я думаю, пусть лучше чередуются по неделям и пусть Кливленд будет первым

— Ну, у нас нашелся бы и еще кое-кто, кроме них, — заметил Хокинс, — но так там или этак, а только я ничего не имею против Кливленда и думаю,

что он не хуже кого другого поможет нам выйти на глубокую воду.

— Разумеется! — подхватил Банс. — А уж впечатление произведет он на этих кёркуоллцев такое, что сразу поставит их на место, не то что его «трезвый» предшественник. Итак, да здравствует капитан Кливленд!

— Пойдите, джентльмены, — произнес Кливленд, который до того сидел молча, — надеюсь, вы не собираетесь выбрать меня капитаном без моего собственного на то согласия?

— А вот и выберем, клянусь лазурным небосводом! — воскликнул Банс. — Ведь это же *pro bono publico*! ¹

— Ну тогда хоть выслушайте меня, — сказал Кливленд. — Раз уж вы так хотите этого, я согласен принять на себя командование судном, ибо вижу, что без меня вам трудно будет выпутаться из создавшегося положения...

— А что? Я же говорил: да здравствует Кливленд! — закричал снова Банс.

— Помолчи, прошу тебя, дорогой Банс, то есть благородный Алтамонт, — сказал Кливленд. — Хорошо, я беру это дело на себя, но с одним условием: когда я подготовлю судно к выходу, иначе говоря — когда оно будет снабжено провизией и всем прочим, вы снова передадите командование капитану Гоффу, как я уже говорил раньше, а меня посадите на каком-нибудь острове и предоставите мне выпутываться самостоятельно. Таким образом, я никак не смогу предать вас, ибо буду при вас до самой последней минуты.

— Да и после этой минуты тоже, клянусь небосводом, если я только правильно понимаю дело, — пробормотал про себя Банс.

Вопрос был пущен на голосование, и столь велико оказалось доверие команды к искусству Кливленда и его ловкости, что временное низложение Гоффа встретило весьма слабое сопротивление даже среди

¹ Ради общего блага (лат.).

его собственных приверженцев, которые вполне резонно заметили: «Уж мог бы он хоть на этот раз воздержаться от водки — ведь дело-то шло о его собственных интересах! Пусть завтра сам и восстанавливает свои права, если хочет!»

Когда же на следующее утро протрезвившимся пиратам сообщили о принятом решении, которое, как им было дано понять, они тоже поддерживали, все высказали столь высокое мнение о заслугах Кливленда, что Гофф, мрачный и недовольный, счел, однако, для себя за лучшее подавить свою обиду и, отложив бурное проявление чувств до другого, более подходящего случая, покорился своему смещению, что, впрочем, весьма часто случается на пиратских судах.

Кливленд, со своей стороны, решил взяться за дело со всей возможной энергией, чтобы, не теряя времени, вызволить товарищей из того опасного положения, в какое они попали. Он приказал спустить шлюпку, намереваясь лично отправиться на берег вместе с двенадцатью самыми видными и надежными людьми из команды, разодетыми в пух и прах, ибо успех их злосчастной профессии позволял пиратам рядиться почти в столь же богатое платье, как и их офицерам. Каждый, кроме того, был вооружен тесаком и пистолетами, а некоторые имели при себе еще алебарды и кинжалы.

Сам Кливленд был одет в роскошный голубой, шитый золотом кафтан, подбитый малиновым шелком, малиновые же атласные штаны и камзол, белые шелковые чулки и башмаки с красными каблуками, что считалось верхом изысканности среди щеголей того времени. На голове у него была бархатная, богато вышитая шапочка с белым пером, а вокруг шеи в несколько раз обвивалась золотая цепь, на которой висел свисток из того же металла — знак дарованной ему власти. Кроме одной или даже двух пар пистолетов за поясом, через плечо у него на своего рода перевязи или шарфе из малиновой ленты висели, как было принято среди этих дерзких грабителей, еще две дополнительные пары пистолетов тончайшей

работы и отделки. Эфес и ножины его шпаги соответствовали по своей роскоши остальному убранству, и весь этот наряд так подходил к естественной красоте Кливленда, что, когда он появился на палубе, экипаж встретил его единодушным криком восторга, ибо на пиратов, как и на всякую толпу, внешность всегда производит решающее впечатление.

Кливленд взял с собой в шлюпку, помимо всех прочих, еще и своего предшественника Гоффа, тоже роскошно одетого; однако, не обладая благородной наружностью Кливленда, бывший капитан выглядел грубым мужланом, вырядившимся в придворное платье, или скорее разбойником, напялившим на себя одежду зарезанной им жертвы, и с первого же взгляда можно было убедиться, что он не имеет на эту одежду никакого права, такая смесь грубости, нечистой совести, жестокости и наглости отражалась в его чертах. Кливленд, должно быть, для того взял Гоффа с собой на берег, чтобы лишить его возможности, воспользовавшись отсутствием капитана, взбунтовать команду. Таким образом, Кливленд и его спутники покинули судно и, распевая в такт гребле, отчего вода веселее пенится под носом шлюпки, скоро достигли набережной Кёркуолла.

Командование судном на это время было поручено Бансу: Кливленд знал, что на верность его он мог вполне положиться, и в довольно продолжительной беседе с глазу на глаз дал ему подробные указания, как поступать в том или ином случае.

Только тогда, когда все было наконец улажено и Кливленд много раз повторил Бансу, чтобы тот остерегался как сторонников Гоффа, так и возможного нападения с берега, шлюпка отвалила. Когда она приблизилась к гавани, Кливленд приказал поднять белый флаг; вместе с тем он заметил, что появление их вызвало на берегу немалую суету и даже тревогу. Видно было, как люди забегали туда и сюда, а некоторые, по-видимому, вооружались. На батарее поспешно поставили к орудиям прислугу и подняли английский флаг. Все это были признаки тем более тревожные, что хотя в Кёркуолле, насколько было из-

вестно Кливленду, и не имелось настоящих артиллеристов, однако там всегда было достаточно моряков, превосходно умеющих обращаться с большими пушками и всегда готовых оказать горожанам в случае необходимости подобную услугу.

Прекрасно видя эти спешные приготовления, но не проявляя ни малейшего сомнения или тревоги, Кливленд направил шлюпку прямо к набережной, где стояли люди, одни вооруженные мушкетами, длинноствольными и охотничьими ружьями, другие — короткими пиками и китобойными ножами, словно для того, чтобы помешать его высадке. Видимо, они не успели еще прийти к окончательному соглашению, какие именно меры следовало им принять, ибо, едва пираты достигли набережной, как горожане, стоявшие ближе к шлюпке, подались назад и позволили Кливленду и его спутникам беспрепятственно сойти на берег. Пираты тотчас же выстроились на набережной — все, кроме двух, оставшихся по приказу своего капитана в шлюпке, которую они тотчас же отвели на некоторое расстояние от берега. Маневр этот обеспечивал безопасность шлюпки, единственной на всем корабле, и вместе с тем как бы подчеркивал беспечную удаль Кливленда и его отряда, рассчитанную на то, чтобы несколько напугать противника.

Кёркуоллцы, однако, доказали, что в их жилах течет кровь древних норманнов: они мужественно встретили опасность и стояли с оружием на плече прямо против разбойников, загоразывая им доступ на улицу, которая вела в город.

Некоторое время те и другие молча глядели друг на друга, затем первым заговорил Кливленд.

— Что это значит, господа горожане? — спросил он. — Уж не превратились ли вы, добрые оркнейцы, в горных шотландцев, что ни свет ни заря взялись нынче за оружие? Или вы собрались на набережной, чтобы почтить меня салютом по случаю того, что я стал капитаном судна?

Горожане переглянулись, и наконец один из них ответил:

— Мы не знаем, кто вы такой; обычно вот тот, другой, — он указал на Гоффа, — у нас в Кёркуолле выдавал себя за капитана.

— Этот джентльмен — мой помощник и командует во время моего отсутствия, — сказал Кливленд, — но это к делу не относится. Я желаю говорить с вашим лорд-мэром, или как вы там еще его называете.

— Провост сейчас совещается вместе с членами совета, — ответил тот же кёркуоллец.

— Тем лучше, — заявил Кливленд, — а где совещаются их милости?

— В ратуше, — последовал ответ.

— В таком случае, джентльмены, не угодно ли вам посторониться, ибо я и мои спутники идем в ратушу.

Горожане начали шептаться: многие не решались вступать в жестокую и, быть может, ненужную схватку с такими головорезами, а наиболее решительные быстро сообразили, что с пришельцами легче будет справиться в ратуше или даже в узких улочках, по которым им предстояло пройти, чем на набережной, где они выстроились и стоят в полной боевой готовности. Поэтому кёркуоллцы беспрепятственно дали пиратам войти в город, и Кливленд, тесно сплотив людей, медленно двинулся вперед, следя за тем, чтобы никто не напирал с флангов на его небольшой отряд, и заставляя четырех человек арьергарда поминутно оборачиваться назад, лицом к толпе — предосторожности, которые делали всякие попытки нападения со стороны горожан чрезвычайно опасными.

Таким образом пираты поднялись по узкой улочке и подошли к ратуше, где, как уже было доложено Кливленду, члены городского совета действительно были все в сборе. Жители города стали тесниться вперед, намереваясь смешаться с пиратами и, воспользовавшись давкой при входе, где они будут лишены возможности свободно действовать оружием, захватить кого только удастся. Кливленд, однако, и здесь выказал большую предусмотрительность и, прежде чем войти в залу совещания, позаботился о том, чтобы расчистить вход и сделать его безопасным,

приказав четверем из своих людей повернуться назад, лицом к улице, а другим четверем — к толпе, напиравшей с боков. Честные бургеры отшатнулись, увидев зверские, смуглые, сожженные солнцем лица отчаянных моряков и поднятое для удара оружие, и Кливленд вместе со своими спутниками вошел в залу, где, кроме отцов города, почти никого не было.

Почтенные джентльмены оказались, таким образом, отрезанными от своих сограждан, ожидавших от них дальнейших распоряжений, и увидели себя, пожалуй, в гораздо большей зависимости от Кливленда, чем он сам с кучкой своих людей — от окружавшей его толпы.

Члены городского совета поняли, очевидно, грозившую им опасность, ибо взглянули друг на друга с видимым замешательством, в то время как Кливленд обратился к ним со следующими словами:

— Доброе утро, джентльмены; надеюсь, вы не считаете нас своими врагами? Я явился к вам, чтобы переговорить о снабжении припасами моего судна, что стоит там, на рейде; без них мы не можем отплыть.

— Вашего судна, сэр? — спросил провост, человек умный и решительный. — Но откуда мы знаем, что вы на самом деле его капитан?

— Взгляните на меня, сэр, — ответил Кливленд, — и я думаю, что больше вы не зададите подобного вопроса.

Провост посмотрел на него внимательно, убедился, должно быть, в неуместности дальнейших расспросов подобного рода и ограничился тем, что сказал:

— Если вы его капитан, то позвольте узнать, откуда оно пришло и куда направляется? Вы слишком похожи на офицера военного корабля, чтобы быть капитаном торгового судна, а между тем нам известно, что вы не служите в британском флоте.

— Мало ли в море военных судов, которые не плавают под английским флагом? — возразил Кливленд. — Допустим, что я команду судном контрабандистов, желающих сменить табак, бренди, джин

и другие товары на вяленую рыбу и кожи. Неужели же я заслуживаю со стороны купцов Кёркуолла столь плохого отношения, что они откажутся снабдить меня припасами за мои же деньги?

— Видите ли, капитан, — заявил городской секретарь, — мы вовсе не так уж щепетильны, и когда нас, случается, навешают такие вот джентльмены, как вы, я всегда говорю провосту, что мы должны поступать в этом случае, как поступил угольщик, встретившись с чертом, то есть не затрагивать их, если и они нас не трогают! А вот этот джентльмен, — тут он указал на Гоффа, — что был капитаном до вас, а возможно, будет и после вас («А ведь старый хрен говорит правду», — буркнул себе под нос Гофф), может засвидетельствовать, как мы прекрасно принимали его, пока он и его молодцы не стали бесчинствовать в городе, точно черти, вырвавшиеся из преисподней! Да вон как раз стоит один из них! Этот самый разбойник остановил на улице мою девушку-служанку, что несла впереди меня фонарь, когда я шел домой, и оскорбил ее тут же, у меня на глазах!

— Не во гнев будь сказано вашей высокородной и достославной милости, — сказал Деррик — тот самый парень, на которого указал секретарь, — приказал лечь в дрейф катеру с фонарем на корме вовсе не я, а лицо совсем другого рода.

— Кто же это был, сэр? — спросил провост.

Деррик отвесил несколько церемонных поклонов и принялся описывать с наивозможной точностью внешность самого уважаемого провоста:

— С дозволения вашей высокочтимой милости, сэр, это был пожилой уже человек, говоря по-морскому — скорее голландских обводов, с округлой кормой, в белом парике и с красным носом, ну точь-в-точь ваша светлость! Джек, — обернулся он к одному из матросов, — ведь правда, тот парень, что хотел поцеловать красоточку с фонарем тогда ночью, точь-в-точь их милость?

— Провалиться мне на этом самом месте, Том Деррик, — ответил тот, к кому относился вопрос, — если это не он!

— Ну, за подобную дерзость мы еще заставим вас поплатиться, джентльмены, — сказал провост, справедливо возмущенный подобной наглостью. — Вы вели себя в нашем городе, как в какой-нибудь индийской деревне на Мадагаскаре. Вы сами, капитан, если только вы действительно капитан, не далее как вчера нарушили тишину и порядок самым возмутительным образом. Мы не дадим вам никаких припасов, пока доподлинно не узнаем, с кем имеем дело. И не воображайте, что вам удастся запугать нас: стоит мне махнуть платком из окна, у которого я сижу, и ваше судно тут же пойдет ко дну. Не забывайте, что оно стоит под прицелом нашей береговой батареи.

— А много ли на ней негодных к делу орудий? — спросил Кливленд. Он задал этот вопрос наудачу, но тотчас же заметил по некоторому смущению, которое провост тщетно пытался скрыть, что кёркуоллская артиллерия находится далеко не в блестящем состоянии.

— Послушайте, господин мэр, — продолжал он, — нечего нам друг друга запугивать. Ваши пушки принесут больше вреда бедным старым матросам, которым придется вести огонь, чем нашему судну, а если мы дадим бортовой залп по городу, то как бы, пожалуй, не пострадали глиняные горшки ваших хозяек. А что до упрёка, будто мы, моряки, ведем себя слишком вольно, так какие же моряки не проказят на берегу? Ведь гренландские китоловы тоже порядком безобразничают у вас в городе, когда заходят к вам, и даже сами голландцы резвятся на улицах Кёркуолла, словно дельфины, разыгравшиеся перед бурей. Вы, как я слышал, человек здравомыслящий, и я уверен, что нам с вами достаточно было бы пятиминутного разговора с глазу на глаз, чтобы все уладить.

— Хорошо, сэръ, — ответил провост, — я согласен выслушать вас, если вам угодно будет пройти вот сюда.

Кливленд последовал за провостом в небольшое внутреннее помещение и, как только они остались одни, сказал:

— Я отложу в сторону свои пистолеты, сэр, если они вас смущают.

— К черту ваши пистолеты! — ответил провост. — Я служил под знаменами короля, и запах пороха страшит меня не больше чем вас!

— Тем лучше, — заявил Кливленд, — значит, тем спокойнее вы сможете меня выслушать. Так вот, сэр: действительно ли мы то, в чем вы нас подозреваете, или нечто совершенно иное, это сейчас неважно. А вот скажите, ради бога, чего вы хотите добиться, задерживая нас здесь? Только драки и кровопролития! А для этого, поверьте, мы гораздо лучше подготовлены, чем вы. Дело, по-моему, обстоит чрезвычайно просто: вам желательно отделаться от нас, а нам — уйти отсюда. Предоставьте нам возможность для этого, и мы сейчас же вас покинем.

— Вот что, капитан, — сказал провост, — я вовсе не жажду крови. Вы славный малый, в мое время таких было немало среди морских разбойников, а все же, не в обиду вам будь сказано, лучше бы вы выбрали какое-либо другое ремесло. Итак, вы хотели бы за свои деньги получить нужные вам припасы и встретить радушный прием, с тем чтобы навсегда очистить эти воды от своего присутствия. Но тут-то и скрыта заковыка: со дня на день ждем мы к себе фрегат «Альциону», а как только белые отвороты услышат о вас, так тотчас же бросятся за вами, ибо ничего не любят они так, как гоняться за разбойником, у которого на борту редко не бывает изрядного груза долларов. Так вот, нападут они на вас, заставят следовать за собой в кильватер..

— Взорвут нас на воздух, если вам это угодно... — перебил его Кливленд.

— Нет, это уж если *вам* будет угодно, капитан, — заметил провост. — Но что тогда станется с добрым старым Кёркуоллом, когда выяснится, что он вступал в сношения с врагами короля? На город наложат изрядный штраф, и, пожалуй, самому провосту не так-то легко будет выпутаться из положения.

— Прекрасно, — сказал Кливленд, — я понимаю теперь, в чем загвоздка. Но предположим, что я

обойду остров и встану на стромнесском рейде? Туда нам смогут доставить на борт все необходимое, а Кёркуолл и его провост останутся в стороне; а если вас все же притянут к ответу, то скудость ваших средств обороны и наше явное превосходство в силе послужат вам достаточным оправданием.

— Да, пожалуй, что вы и правы, — согласился провост. — Но если вы уйдете отсюда и бросите якорь в другом месте, то мне необходимо какое-либо ручательство в том, что вы не нанесете ущерба жителям острова.

— А мы, — добавил Кливленд, — со своей стороны, желаем иметь ручательство, что вы не задержите нас всякими проволочками до прибытия «Альционы». Я сам охотно соглашусь остаться на берегу в роли заложника при условии, что вы дадите слово не выдавать меня и пошлете на борт моего шлюпа кого-нибудь из должностных лиц или почтенного горожанина, который отвечал бы за мою безопасность.

Провост покачал головой и заметил, что не так-то легко будет найти лицо, согласное стать заложником при столь опасных обстоятельствах; он прибавил также, что обсудит предложение Кливленда с теми из членов совета, на которых можно положиться в таком ответственном деле.

Глава XXXV

Я бросил плуг, чтоб море бороздить!

Диббин

Когда провост и Кливленд вернулись в залу совета, первый еще раз уединился с теми из своих братьев, с которыми считал нужным посовещаться. Пока они обсуждали предложение Кливленда, морякам принесли угощение. Капитан позволил своим людям подкрепить силы, но принял при этом меры

против возможной неожиданности, и пока одна часть отряда закусывала, другая стояла на страже.

Сам он тем временем прогуливался взад и вперед по зале, беседуя с окружающими на посторонние темы, как человек, чувствующий себя совершенно непринужденно.

Вдруг, к немалому своему изумлению, он узнал среди присутствующих Триптолемуса Йеллоули, который, случайно будучи в Кёркуолле, оказался приглашенным в ратушу в качестве лица, представляющего в известной мере самого лорда-губернатора, чтобы принять участие в настоящем совещании. Кливленд тотчас же возобновил с ним знакомство, завязанное еще в Боро-Уестре, и спросил, что привело его на Оркнейские острова.

— Да есть у меня здесь кое-какие делишки, капитан Кливленд. Устал я, видите ли, сражаться с диким эфесским зверьем, вот и потянуло меня сюда взглянуть, как-то поживает мой плодовый сад, что посадил я не то в четырех, не то в пяти милях от Кёркуолла, да заодно и проведать моих пчелок... Я ведь привез сюда девять ульев — всё, видите ли, для блага этой страны, для превращения цветущего вереска в воск и мед.

— И что же, надеюсь, они процветают? — спросил Кливленд, который, хоть и не интересовался подобными делами, однако рад был случаю поддержать разговор, лишь бы нарушить царившее в зале холодное и тягостное молчание.

— Процветают? — воскликнул Триптолемус. — Да, как и все прочее на этих проклятых островах: шиворот-навыворот!

— Верно, плохо за ними ухаживают? — осведомился Кливленд.

— Напротив, сэр, в том-то и дело, что совсем на-против! — ответил управляющий. — Как раз от слишком большого ухода пчелки мои и погибли — знаете, как цыплята у тетушки Кристи. Я, конечно, пожелал взглянуть на ульи, и, представьте себе, парень, что приставлен был ходить за ними, весь даже просиял от удовольствия. «Кабы не я ведал этим делом, а кто

другой, — сказал он мне, — так посмотреть на эти самые ульи, или как они там называются, вы бы посмотрели, да только внутри вы там скорей увидали бы глупышей, чем этих самых, как вы их там называете, мушек. Но я-то за ними глядел в оба, прямо глаз с них не спускал, и вот однажды, чуть солнышко утром заиграло, вижу, стали они потихоньку вылезать из тех самых, знаете, щелочек. Ну, я сразу же остановил эту утечку и залепил все скважины глиной, а то — черта с два, ни единой-то пчелы, или мушки, или как вы там их называете, не осталось бы в этих ваших, как их, ульях!» Одним словом, сэр, он закупорил все летки глиной, словно у бедных созданий была чума, и пчелки мои погибли, словно их выкурили... а с ними погибли и все мои надежды, *genepandi gloria mellis*,¹ как сказано у Вергилия.

— Так, значит, у вас ничего не вышло с медом? — спросил Кливленд. — Ну, а как насчет сидра? Как обстоит дело с плодовым садом?

— Ох, капитан, тот же самый Соломон из Оркнейского Офира, где, я убежден, ни один здравомыслящий человек не станет искать ни золотых талантов, ни каких-либо иных, — так вот, тот же самый мудрец вздумал поливать мои саженцы от избытка нежности горячей водой, отчего засохли у них и корни и кроны. Но теперь уже бесполезно об этом сокрушаться! А вот скажите-ка мне лучше, что это за шум подняли здешние добрые граждане из-за каких-то там пиратов и что делают здесь эти страшные на вид люди, вооруженные словно шотландские горцы? Я только что с другой стороны острова и ничего толком еще не знаю. Да и сами-то вы, капитан, как полагаю я на вас, не слишком ли вы украсились этими дурацкими пистолетами? Не слишком ли это много для честного человека в мирное время?

— Вот и я тоже так думаю, — заявил миролюбивый Тритон, старый Хааген, которому волей-неволей в свое время пришлось сражаться в рядах отважного Монтроза, — если бы вам случилось быть в Эддира-

¹ Честолюбивое стремление производить мед (лат.).

хиллисской долине, когда нам так досталось от сэра Джона Уорри...

— Вы все перезабыли, любезный Хааген, — перебил его управляющий, — сэр Джон Арри сражался на той же стороне, что и вы; он был захвачен вместе с Монтрозом, а потом обезглавлен.

— В самом деле? — переспросил Тритон. — Ну что ж, может быть, вы и правы, он столько раз переходил от одних к другим, что кто его знает, за кого именно сложил голову. Но все же и он сражался там и я... Вот уж, доложу я вам, была битва! Не приведи господь пережить еще что-либо подобное!

Появление провоста положило конец этой бессвязной беседе.

— Мы решили, капитан, — сказал он, — что ваше судно пойдет в Стромнесс или Скапа-Флоу и там примет припасы, чтобы не было больше столкновений между собравшимся на ярмарку народом и вашими моряками. А поскольку вы сами изъявили желание остаться на берегу и осмотреть ярмарку, мы намерены послать какого-либо уважаемого джентльмена на борт вашего судна в качестве лоцмана, чтобы провести его вокруг Мейнленда, так как плавание здесь не совсем безопасно.

— Вы рассудили как миролюбивый и мудрый начальник, господин мэр, — сказал Кливленд, — впрочем, я иного и не ожидал от вас. А кто именно из джентльменов окажет нам честь пребывать на наших шканцах во время моего отсутствия?

— Этот вопрос мы тоже решили, господин капитан, — сказал провост. — Можете быть уверены, что каждый из нас с одинаковым удовольствием совершил бы столь интересное путешествие, да еще в столь приятном обществе, но по случаю ярмарки дел не оберешься: я сам по своей должности не могу покинуть город, у старшего бэйли рождает жена, казначей не переносит моря, у двух бэйли подагра, двое других — в отсутствии, а остальные пятнадцать членов городского совета заняты особыми делами.

— Все, что я могу сказать вам, господин лорд-мэр, — начал Кливленд, повысив голос, — это что я жду...

— Минуточку терпения, капитан, прошу вас, — перебил его провост. — Итак, мы пришли к решению, что честь и удовольствие сопровождать вас в вашей поездке лучше всего подойдет в силу его официального положения, как представителя лорда-губернатора, нашему уважаемому Триптолемусу Йеллоули.

— Как, мне? — воскликнул пораженный Триптолемус. — Но какого дьявола стану я торчать на корабле, когда вся моя работа связана с сушей?

— Видите ли, этим джентльменам нужен лоцман, — вполголоса объяснил ему провост, — и мы никак не можем отказать им в этом.

— Так они что, непременно хотят стукнуться о берег, что ли? — спросил агроном. — Ну какой, черт возьми, из меня лоцман, когда я в жизни не касался руля!

— Тише, тише, молчите, — остановил его провост, — стоит только горожанам услышать такие слова, пропали тогда для вас и возможность приносить пользу, и звание, и почет, и все остальное: для нас, жителей островов, если человек не умеет крепить паруса, ставить рифы и править рулем, так он и за человека не считается. Впрочем, это пустая формальность, и мы дадим вам в помощь Пэйти Синклера. Вам ничего не придется делать, как только есть, пить и веселиться с утра до вечера.

— Есть и пить! — повторил управляющий, все еще не понимая, с какой целью ему так настойчиво всучают эту обязанность, и не способный ни сопротивляться, ни вырваться из сетей, расставленных ему хитроумным провостом. — Есть и пить? Все это прекрасно, но, говоря по правде, я, подобно казначею, не очень-то хорошо переносу море, и на твердой земле охота есть и пить у меня гораздо больше.

— Тише, тише, — еще раз вполголоса остановил его провост весьма серьезным и убедительным тоном, — вы что, хотите безвозвратно погубить свою

репутацию? Как, представитель лорда-губернатора на Оркнейских и Шетлендских островах, и не выносит качки! Вы с таким же успехом могли бы назвать себя шотландским горцем и сказать, что не выносите виски!

— Ну, так как же, джентльмены, решайте что-нибудь, — заявил Кливленд, — нам давно уже пора сняться с якоря. Что же, мейстер Триптолемус Йеллоули, удостоите ли вы своим присутствием наш корабль?

— По правде говоря, капитан Кливленд, — пробормотал, запинаясь, агроном, — я не возражал бы и поехал с вами хоть на край света, но только...

— Он не возражает! — воскликнул провост, уловив начало предложения и не дождавшись его окончания.

— Он не возражает! — закричал казначей.

— Он не возражает! — возгласили все четверо бэйли, а пятнадцать советников разом подхватили слова «не возражает» и хором принялись повторять их, прибавляя при этом: «Какой прекрасный человек.. радетель об общественном благе... благороднейший джентльмен... город будет вечно ему обязан... где вы найдете другого такого управляющего...» и тому подобное.

Ошеломленный и сконфуженный обрушившимися на него со всех сторон похвалами и нимало не подозревая истинного смысла совершаемой сделки, агроном был так поражен и подавлен, что оказался не в силах противиться столь коварно навязываемой ему роли кёркуоллского Курция. Капитан Кливленд передал его своей команде со строжайшим наказом обращаться с ним в высшей степени почтительно и внимательно, и Гофф с товарищами двинулись из залы, уводя с собой Триптолемуса, при шумном одобрении всех собравшихся. Так в древние времена приветствовали восторженными возгласами убранную гирляндами жертву, которую приводили к жрецам на заклание, после чего ее вели к алтарю и убивали обухом по лбу ради блага всего народа. И лишь когда Триптолемуса почти силой повлекли из залы совета,

несчастный, весьма встревоженный тем, что Кливленд, которому он хоть немного доверял, остается в Кёркуолле, попробовал, пока его тащили через двери, напоследок возмутиться и закричал:

— Что же это, однако, провост, капитан, судьи, казначей, советники! Если капитан Кливленд не вернется на судно, чтобы защищать меня, так это не годится, я не пойду — разве что на аркане меня потащат!

Протест его, однако, потонул в единодушном хоре чиновников, громко благодаривших его за гражданскую доблесть, желавших ему счастливого пути и возносивших к небу молитвы о его скором и счастливом возвращении. Оглушенный и подавленный, думая (если только в эту минуту он способен был что-либо соображать), что всякие возражения напрасны там, где и друзья и люди, совершенно ему посторонние, по-видимому, объединились против него, Триптолемус покорился и позволил вывести себя на улицу; тут команда пиратской шлюпки тесно окружила его и стала медленно продвигаться по направлению к набережной. Многие горожане, подстрекаемые любопытством, последовали за ними, не делая, однако, никаких попыток остановить их или выразить свое неудовольствие. Миротлюбивая сделка, столь ловко заключенная главой города, встретила единодушное одобрение жителей, ибо являлась, несомненно, наилучшим способом разрешить их споры с чужеземцами, тогда как всякое применение оружия привело бы к весьма сомнительному исходу.

Пока отряд медленно продвигался вперед, Триптолемус успел подробно рассмотреть наружность, лица и одежду тех, в чьи руки он попал столь неожиданным образом, и ему стало казаться, что во взглядах их он читает не только бесшабашную удаль разбойников, но и какие-то пагубные замыслы, направленные против него лично. Особенно пугал несчастного агронома свирепый взор Гоффа, который, держа его за руку выше локтя с деликатностью и нежностью кузнечных тисков, непрестанно бросал на него исподлобья косые взгляды; так орлица глядит

на добычу, которую держит в когтях, прежде чем начать ее ошипывать, как технически выражаются на кухне. Наконец страх Йеллоули настолько превозмог осторожность, что он плаксивым шепотом спросил своего страшного проводника:

— Неужели же вы, капитан, возьмете да и убьете меня, вопреки всем законам божеским и человеческим?

— Придержи-ка лучше язык, коли ты не совсем дурак, — ответил Гофф, у которого имелись собственные причины еще больше запугать своего пленника. — Вот уже три месяца, как мы никого не убивали, так уж лучше тебе не наталкивать нас на такие мысли!

— Но вы, я надеюсь, только шутите, мой добрый, уважаемый капитан, — промолвил Триптолемус, — а то ведь это, пожалуй, похуже будет, чем все ведьмы, карлики, охота на кита и перевернутые лодки вместе взятые! Что-то куда почище напоследок! Но скажите вы мне, ради всего святого, вам-то что за выгода убивать меня?

— Ну, прежде всего это просто могло бы доставить нам некоторое развлечение, — ответил Гофф. — Всмотрись-ка хорошенько в рожи моих молодчиков: пу найдется ли среди них хоть один, который при виде человека первым делом не захотел бы убить его? Мы еще поговорим об этом в другой раз, после того, как ты отведаешь колодок, разумеется, если не вздумаешь откупиться полной пригоршней чилийских кругляшей.¹

— Честное слово, добрый мой капитан, — ответил агроном, — проклятый карлик унес весь мой рог с серебром!

— Ничего, девятихвостая кошечка быстро поможет тебе снова найти свое сокровище, — прохрипел в ответ ему Гофф, — порка, приправленная солью или уксусом, превосходно помогает вспомнить, где запрятана казна, а тугая тетива вокруг головы, пока глаза

¹ Сухопутные жители называют их обычно испанскими долларами. (Прим. автора.)

на лоб не полезут, — тоже неплохое средство для освежения памяти.

— Капитан, — с твердостью проговорил Йеллоули, — у меня в самом деле нет денег; у нашего брата ученых-агрономов они редко водятся. Мы, видите ли, заменяем выгоны пашнями, вместо ячменя сеем овес, вересковые заросли превращаем в зеленые пастбища, а бесплодные *ярфы*, как местные невежды называют торфяные болота, — в сочные луга, но из всего этого редко что перепадает в наш собственный карман. Работают-то мужики да лошади, они все и поедают, нелегкая их заberi!

— Ну ладно, ладно, — смягчился Гофф, — коли ты взаправду такой уж бедный, уж я, так и быть, постою за тебя. — Затем, наклонив голову к самому уху управляющего, который при этом с тревогой привстал на цыпочки, он шепнул: — Если только тебе дорога жизнь, не влезай с нами в шлюпку.

— Но как же мне уйти от вас, когда вы так крепко меня держите! Да пропади из-за этого урожая всей Шотландии, я и тогда не в силах был бы от вас вырваться!

— Ну ладно, слушай уж, простофиля, — продолжал Гофф, — мы сейчас подойдем к самой воде, ребята прыгнут в шлюпку и начнут разбирать весла, а ты — я отпущу тогда твою руку — развернись круто влево, срывайся и беги, если тебе жизнь дорога.

Триптолемус так и поступил; Гофф, верный своему слову, разжал пальцы, агроном рванулся и, словно футбольный мяч, получивший от ноги игрока весьма ощутительный удар, полетел по улочкам Кёркуолла с быстротой, удивившей его самого не менее, чем всех присутствующих. Стремительность его отступления была такова, что он, словно опасаясь, как бы железные пальцы пирата не схватили его опять за руку, так и не остановился, пока не пересек всего города и не оказался на противоположной его окраине. Те, кто видел его в этот день без шляпы и парика — он лишился их во время первого отчаянного рывка, — с шейным платком, съехавшим на

сторону, и в расстегнутом камзоле, могли только дивиться, как при таких округлых формах и коротких ногах он мог развить ту чудовищную скорость, с которой проносился по улицам Кёркуолла. «Если ярость, — могли бы они сказать, — дает оружие, то страх действительно придает крылья». Самая его манера бежать напоминала вверенных его попечению пышнорунных животных, ибо он, подобно барану, время от времени на бегу высоко подпрыгивал, словно сам себя подгоняя, хотя на пути его не встречалось никаких препятствий.

Погони за беглецом не последовало, и хотя один или два пирата подняли было свои мушкеты, собираясь послать ему вслед свинцового гонца, но Гофф, единственный раз в жизни оказавшись миротворцем, в столь преувеличенном виде изобразил опасность нарушения заключенного с жителями Кёркуолла перемирия, что ему удалось удержать своих молодчиков от каких-либо враждебных действий и побудить их как можно быстрее отвалить от берега и идти к своему судну.

Горожане, воспринявшие побег Триптолемуса как победу со своей стороны, трижды прокричали ура вслед удалявшейся шлюпке, в знак своего рода презрительного прощального напутствия. Члены же городского совета, наоборот, с беспокойством размышляли о возможных последствиях подобного несоблюдения одной из статей заключенного с пиратами договора; будь они в силах без особого шума задержать беглеца, вполне вероятно, что вместо поздравлений и парадного обеда в честь проявленной им ловкости они снова передали бы убежавшего заложника в руки его врагов. Впрочем, открыто совершить подобное насилие было невозможно, и поэтому они ограничились тем, что установили весьма строгое наблюдение за Кливлендом, которого решили теперь сделать ответственным за любое враждебное выступление пиратов. Кливленд, со своей стороны, прекрасно понимал, что Гофф дал убежать заложнику именно для того, чтобы заставить его, Кливленда, полностью расплачиваться за все возможные

последствия. Чувствуя, что он может полагаться только на верность и сообразительность своего друга и приверженца Фредерика Алтамонта, alias Джек Банс, Кливленд ожидал дальнейших событий с величайшей тревогой, ибо хозяева города, продолжая обращаться с ним весьма любезно, все же дали ему понять, что их дальнейшее отношение будет всецело зависеть от того, как поведет себя экипаж корабля, хотя он и не был больше его капитаном.

Кливленд не без основания рассчитывал на неизменную преданность Банса, ибо едва этот верный его соратник узнал от Гоффа и команды шлюпки о победе Триптолемуса, как тотчас же понял, что все это было подстроено бывшим капитаном, ибо если Кливленда казнят или приговорят к пожизненному заключению, то он, Гофф, снова будет поставлен командиром судна.

— Но только на этот раз старый пьяница промахнется, — заявил Банс своему союзнику Флетчеру, — или я отказываюсь от имени Фредерика Алтамонта и согласен до конца дней своих оставаться Джеком Бансом или Джеком Дансом — это уж как тебе самому больше нравится.

Вооружившись затем особым родом матросского красноречия, которое враги его характеризовали выражением «пошел травить», Банс чрезвычайно живо представил экипажу, какой позор, что их капитана, как ему угодно было выразиться, «загнали в каталажку», тогда как заложника, отвечающего головой за его жизнь, у них теперь нет. Таким образом, Банс не только вызвал всеобщее недовольство поступком Гоффа, но склонил команду к принятию следующего решения: захватить первое же встречное, могущее послужить добычей, судно и заявить, что с ним, его экипажем и грузом поступят так же, как будет на берегу поступлено с Кливлендом. В то же время для того, чтобы узнать, будут ли оркнейцы верны своему слову, пираты сочли нужным сняться с рейда в Кёрк-уолле и, обогнув остров, следовать в направлении Стромнесса, где, согласно договору между провостом Торфом и капитаном Кливлендом, они должны были

пополнить свои припасы. Одновременно решили поручить командование судном совету из трех человек — Гоффу, боцману и самому Бансу — до тех пор, пока Кливленд не будет в состоянии снова стать их капитаном.

Итак, все обсудив и приняв соответствующие решения, пираты подняли якорь, поставили паруса и ушли, не вызвав никаких враждебных действий со стороны кёркуоллской батареи и избавившись тем самым хотя бы от одной сопряженной с их положением и весьма значительной опасности.

Глава XXXVI

Все паруса раскрой, пали из пушек!
На abordаж! Она твоя добыча!

*Шекспир*¹

Красивый бриг, бывший в числе прочих судов собственностью Магнуса Тройла, великого шетлендского юдаллера, принял на борт в качестве пассажиров собственную персону знатного хозяина, двух его прелестных дочерей и неунывающего Клода Холкро, который, прежде всего из дружеских побуждений, а также свойственной ему, как поэту, любви к прекрасному, сопровождал своих друзей в путешествии из Шетлендии в столицу Оркнейского архипелага, где, как объявила им Норна, ее таинственные пророчества должны были наконец получить полное объяснение.

Оставив в стороне страшные скалы того одинокого клочка суши, который называется Фэр-Айл и лежит между Оркнейскими и Шетлендскими островами, на равном расстоянии от обоих архипелагов, путешественники после многих задержек, причиненных встречными ветрами, приблизились к Старт-оф-Сандей. Недалеко от этого мыса судно их попало

¹ Перевод С. Маршака.

в сильное течение, известное под названием Руст-офф-Старт, которое отнесло их на значительное расстояние от курса, заставило в сочетании с неблагоприятным ветром придерживаться восточного побережья острова Стронсей и в конце концов вынудило лечь на ночь в дрейф в проливе Папа-Саунд, так как плавание в темноте или при плохой видимости среди множества низких островов и не особенно приятно и небезопасно.

На следующее утро путешествие продолжалось при более благоприятных обстоятельствах, и бриг, проследовав вдоль берега острова Стронсей, чьи низкие, покрытые зеленью и сравнительно плодородные берега представляли резкий контраст с бурными холмами и мрачными утесами Шетлендии, обогнул мыс, называемый Лэм-Хэд, и пошел прямо к Кёркуоллу.

Но едва перед путешественниками открылся прелестный залив, простирающийся между Помоной и Шапиншей, и сестры залюбовались массивным собором святого Магнуса, который, возвышаясь над остальными, более низкими строениями Кёркуолла, первый открывается взору, как внимание Магнуса и Клода Холкро привлек иной, более для них интересный предмет. То был вооруженный шлюп под всеми парусами, видимо только что покинувший свою якорную стоянку в бухте и шедший фордевинд, между тем как бриг был вынужден лавировать, чтобы войти в гавань.

— Ловко скроенная посудина, клянусь костями моих предков! — воскликнул юдаллер. — Не пойму только, какой национальности — флага что-то не видно. Но, по-моему, это судно испанской постройки.

— Да, да, — подтвердил Клод Холкро. — Смотрите, как его подгоняет тот самый ветер, с которым мы вынуждены бороться; так-то всегда бывает в жизни. Достославный Джон говорит:

С осадкой столь глубокою, что волны
Порою лижут пушки по бортам,
Красивый, стройный и отваги полный,
Морской осой летит он прямо к нам.

Тут Бренда не могла удержаться, чтобы не заметить Клоду Холкро, после того как он восторженным тоном продекламировал эти стихи, что в них говорится скорее о линейном корабле, чем о шлюпе, хотя сравнение с морской осой подходит, конечно, и к тому и к другому.

— И впрямь оса, — заметил с некоторым удивлением Магнус, когда шлюп, изменив курс, неожиданно повернул прямо на них. — Черт возьми! Только бы эта оса не вздумала показать нам свое жало!

Однако то, что юдаллер проговорил в шутку, превратилось неожиданно в самую настоящую действительность. Не подняв флага и не окликнув брига, шлюп неожиданно дал по нему два выстрела: одно ядро, скользя по волнам, прошло прямо перед носом шетлендского брига, а другое пробило его грот.

Магнус схватил переговорную трубку и, окликнув шлюп, спросил, кто на нем и что означает подобное ничем не вызванное нападение? В ответ он получил только резкое распоряжение: «Немедленно отдать брамсели и положить грот на мачту, а кто мы такие, вы сейчас узнаете».

Ослушаться этого приказа не было никакой возможности, ибо тогда бриг немедленно получил бы залп всем бортом, и вот, несмотря на крайний испуг обеих девушек и Клода Холкро, а также гнев и изумление самого Магнуса Тройла, бриг лег в дрейф в ожидании дальнейших распоряжений капера.

С корабля немедленно спустили шлюпку с шестью вооруженными матросами под командой Джека Банса, и она понеслась прямо к бригу. Тем временем Клод Холкро шепнул юдаллеру:

— Если то, что мы слышали о морских разбойниках, правда, то эти люди в атласных камзолах и с шелковыми перевязями весьма на них смахивают.

— О, мои дочери, мои дочери... — пробормотал про себя Магнус с такой смертельной тревогой, какую может испытывать только отец. — Бегите скорее вниз, девочки, и спрячьтесь там, а я...

Он отбросил переговорную трубу и схватился за аншпуг, но Минна и Бренда, испугавшись больше всего

тех последствий, какие могла иметь вспыльчивость юдаллера для него самого, обе повисли у него на шее, умоляя не оказывать сопротивления. Клод Холкро присоединил свой голос к их мольбам, добавив:

— Лучше добром договориться с незнакомцами. Возможно, что это дюнкеркцы или дерзкие матросы с военного корабля, решившие позабавиться.

— Нет, нет, — возразил ему Магнус, — это тот самый шлюп, о котором говорил нам коробейник. Но вы правы: ради дочерей я должен сдержать себя, хотя...

Не успел он закончить, как на палубу спрыгнул Джек Банс, окруженный своими людьми; он обнажил тесак и, вонзив его в трап, объявил судно захваченным.

— А по чьему приказанию или по какому праву останавливаете вы нас в открытом море? — спросил его Магнус Тройл.

— Вот вам с полдюжины прав, — ответил Банс, указывая на пистолеты, которыми он был увешан согласно пиратской моде, уже описанной нами выше. — Выбирайте любой себе по вкусу, папаша, и вы сможете тут же ознакомиться с его действием.

— Иначе говоря, вы намерены нас ограбить? — осведомился Магнус. — Ну что же, ничего не подделаешь — ведь у нас нет никакой возможности сопротивляться. Будьте только, прошу вас, вежливы с женщинами, а в отношении прочего — берите все, что имеется на судне. Здесь вы не много найдете, но я могу значительно увеличить вашу долю добычи, если вы будете прилично вести себя с нами.

— Вежливы с женщинами! — повторил Флетчер, который в числе прочих тоже явился на бриг. — А когда же это мы не были с ними вежливы? Да мы были с ними всегда не только вежливы, а прямо-таки любезны! А взгляни-ка, Джек, что за славенькая девчушка здесь оказалась! Ну, уж она-то пойдет с нами в плавание, клянусь небом, что бы там ни говорил этот старый хрен!

При этом одной рукой он схватил перепуганную Бренду, а другой дерзко откинул с ее лица капюшон плаща, в который она закуталась.

— Отец, Минна, спасите! — в ужасе закричала девушка, не сознавая, что в данную минуту они не в силах были оказать ей никакой помощи.

Магнус опять схватился было за аншпуг, но Банс удержал его руку.

— Тише, папаша, — остановил он его, — или это путешествие плохо для вас окончится. А ты, Флетчер, отпусти девушку!

— А чего это ради, тысяча чертей, мне отпускать ее? — спросил Флетчер.

— Потому что это я так приказываю, Дик, — ответил Банс, — иначе тебе придется иметь дело со мной! А теперь, красавицы, позвольте мне узнать, не носит ли одна из вас несколько странное, языческое имя Минна, к которому я питаю своего рода почтение?

— Любезный сэр! — перебил его Клод Холкро. — Это, без всякого сомнения, потому, что ваше сердце не чуждо поэзии!

— О, в свое время я имел достаточно дела с поэзией! — ответил Банс. — Но эти дни миновали, мой почтенный джентльмен. Впрочем, я сам сейчас узнаю, которая из вас Минна. Да сбросьте же капюшоны, покажите нам свои личики, прекрасные Линдамиры, и ничего не бойтесь: вас никто здесь не тронет и не причинит вам ни малейшего зла. Черт побери, что за прелестные создания! Эх, нестись бы мне в яичной скорлупке, да прямо на скалы, если б я не был рад и той, что похуже! Ну-ка, милочки мои, признавайтесь, которая из вас была бы не прочь покачаться в койке пирата? Эх, уж и осыпали бы ее тогда золотом!

Услышав столь дерзкие и вольные речи отчаянного повесы, девушки побледнели и в страхе прижались друг к другу.

— Ну-ну, не пугайтесь, — успокоил он их. — Та, которая станет подругой благородного Алтамонты, сделает это по своей доброй воле. Джентльмены удачи никого не принуждают. И не глядите на меня с таким невинным видом, словно ни одной из вас никогда и в голову не приходили подобные вещи. Уж одна-то, во всяком случае, слышала о капитане Кливленде, знаменитом пирате?

Бренда побледнела еще больше, но кровь сразу же прилила к лицу Минны, когда она столь внезапно услышала имя своего возлюбленного. Слишком ошеломляющим было все, что случилось с ними, и мысль, что напавшее на них судно могло быть тем самым консортом, о котором Кливленд говорил еще в Боро-Уестре, никому, кроме самого юдаллера, не приходила еще в голову.

— Так, теперь мне все ясно, — заключил Банс, дружески кивнув Минне, — и я знаю, какой мне теперь держать курс. Вы, уважаемый папаша, можете не тревожиться: мы не причиним вам никакого вреда, — прибавил он, фамильярно обращаясь к Магнусу, — и хотя в свое время я заставил не одну хорошенькую девушку заплатить мне дань, но ваши дочери будут доставлены на берег в полной безопасности и без всякого выкупа.

— Если вы ручаетесь мне в этом, — произнес Магнус, — то я с такой же радостью отдаю в ваше распоряжение мое судно и груз, с какой ставлю перед гостями чашу пунша!

— А чаша пунша, черт побери, — подхватил Банс, — была бы сейчас весьма кстати! Если только здесь есть кто-либо, кто умеет его приготовить.

— О, за это охотно возьмусь я, — предложил Клод Холкро. — Из всех людей, когда-либо выжимавших лимоны, я уступаю в умении одному только Эрику Скэмбистеру, виночерпию в Боро-Уестре.

— Да ведь он совсем близко, на расстоянии какого-нибудь abordажного крюка, — сказал юдаллер. — Ну-ка, дочки, спуститесь вниз да пришлите сюда нашего милого старичка и чашу для пунша.

— Чашу? — воскликнул Флетчер. — Черта с два! Ведро — вот что! Говорите о чашах в каюте какого-нибудь жалкого купчишки, а не с нами, джентльменами-разбойниками... джентльменами удачи, хотел я сказать, — поправился он, заметив брошенный на него при этой ошибке грозный взгляд Банса.

— И вот еще что, — сказал Банс, — пусть обе красавицы остаются на палубе и наполняют мою

кружку. Я заслужил подобное внимание в награду за свое великодушие.

— И мою тоже, — подхватил Флетчер, — и чтоб до самых краев! А если прольют, так за каждую каплю — поцелуй, провалиться мне на этом самом месте!

— Ну нет, этому не бывать! — сказал Банс. — Будь я проклят, если позволю поцеловать Минну кому-либо, кроме одного человека на свете, и это, заруби себе на носу, не ты и не я! А ее прелестную маленькую спутницу я тоже за компанию пальцем не позволю тронуть. Довольно найдется в Оркнее красоток, готовых с нами целоваться. И, пожалуй, теперь, когда я все хорошенько обдумал, так девушкам действительно лучше спуститься вниз и запереться в каюте; а мы разопьем пунш здесь наверху, на палубе, *al fresco*,¹ как предлагает нам почтенный джентльмен.

— Ну, Джек, ты, видно, совсем ума лишился! — воскликнул Флетчер. — Мы с тобой вот уже два года как плаваем вместе, и ты знаешь, как я к тебе привязан, но хоть сдери ты с меня шкуру, как с вола на живодерне, а капризен ты, как обезьяна! То одно тебе приходит в голову, то другое! Ну с кем же, посуди сам, нам тут и пошалить, когда ты красоточек-то вниз услал?

— Зато с нами останется пуншмейстер, — утешил его Банс, — он будет провозглашать тосты и петь нам песни. Вы, ребята, тем временем станьте на шкоты и галсы и давайте ход! А ты, рулевой, если хочешь, чтобы мозги остались у тебя в черепе, держи в кильватер нашему шлюпу, да не вздумай у меня выкинуть какую-нибудь штуку, не то я пробью тебе башку, как старую тыкву!

Согласно этому распоряжению, судно легло на курс и медленно пошло вслед за шлюпом, который, как и было условлено, не вернулся в Кёркуоллский залив, а направился к превосходному рейду в так называемой Инганесской бухте, образованной мысом на расстоянии трех или четырех миль к востоку от оркнейской столицы. Тут оба судна могли иметь

¹ На свежем воздухе (*итал.*).

удобную якорную стоянку на все время переговоров между пиратами и городским управлением, которых, видимо, требовали изменившиеся обстоятельства.

Тем временем Клод Холкро постарался проявить свое искусство во всем блеске и приготовил для пиратов целое ведро пунша, который они принялись пить огромными кружками. Как простые матросы, так и их начальники Банс и Флетчер, поминутно отвлекаясь от дел, черпали напиток без всяких церемоний прямо из этой огромной чаши. Магнус Тройл, весьма опасавшийся, как бы выпивка не пробудила в этих головорезах самых зверских страстей, был, однако, весьма поражен, что, несмотря на несметное количество поглощаемого ими спиртного, умственные способности их, видимо, нимало не страдали, и не мог не высказать своего изумления Бансу, который, хотя и сам был достаточным повесой, все же казался самым порядочным из всей шайки; к тому же юдаллеру хотелось, быть может, смягчить пирата комплиментом, всегда доставляющим удовольствие всем поклонникам бутылки.

— Клянусь мощами святого Магнуса, — сказал он, — я привык считать, что справляюсь со своей кружкой как джентльмен, но при виде того, капитан, как глотают спиртное ваши люди, я готов думать, что желудки у них такие же бездонные, как Лейфеллская впадина в Фауле, которую я сам измерял лотом длиной в сто морских сажений. Клянусь честью, да они осушили бы кубок святого Магнуса одним глотком!

— При нашем образе жизни, сэр, — ответил Банс, — мы обычно пьем до тех пор, пока не призовет нас к себе наше дело или не окажется пустой большая бочка.

— Честное слово, сэр, — заметил Клод Холкро, — из ваших молодчиков каждый, пожалуй, способен одним духом осушить большой кубок Скарпы; его, видите ли, всегда подносили оркнейскому епископу до краев полным самого лучшего баммака.¹

¹ Напиток, который варили для рождественского угощения.
(Прим. автора.)

— Ну, если бы умение хлестать эль могло сделать их всех епископами, — сказал Банс, — тогда у меня была бы целая команда преосвященств, но поскольку у них нет никаких иных, подходящих священнослужителям, качеств, то в мои планы вовсе не входит, чтобы они сегодня напились в стельку, а потому давайте прервем нашу попойку песней.

— Я, я спою, черт меня подери! — закричал или, вернее, зачертыхался Флетчер и тут же завел старинную песню:

— Славный корабль наш летел по волнам,
С верфи спешил он к чужим берегам,
Было сто и полсотни на нем удалцов,
И каждый испытан и к бою готов.

— Уж лучше бы меня проташили под килем, — воскликнул Банс, — только бы не слушать снова этих гнусных куплетов! Дьявол бы побрал твою лошадиную пасть, если ты ничего другого из нее не можешь выдавить!

— Пошел ты сам к дьяволу, — ответил Флетчер, — а я буду петь свою песню, и плевать я хотел, нравится она тебе или нет! — И он снова затянул заунывным голосом, похожим на вой норд-оста в шкотах и вантах:

— Капитан наш Глен, молодец молодцом,
Был храбрым воякой и добрым юнцом,
С ним не страшен был штиль и не страшен
был шквал,
И к далекой Берберии путь наш лежал.

— Говорят тебе, — повторил Банс, — хватит с нас этой зловещей музыки, и будь я трижды проклят, если позволю тебе и дальше сидеть здесь и издавать такие адские звуки!

— Ну так я тогда вот что тебе скажу, — ответил Флетчер, — я буду себе петь, прохаживаясь по палубе, и надеюсь, Джек Банс, что от этого никакого вреда не случится. — И, поднявшись со своего места,

он действительно зашагал и закаркал опять свою длинную и страшную балладу.

— Видите, в какой строгости я их держу! — заявил, самодовольно улынувшись, Банс. — Дайте только этому парню сделать хоть столько вот по-своему, и он станет бунтовщиком на всю жизнь. Но я держу его в ежовых рукавицах, и он привязан ко мне, как охотничий спаниель, получивший хорошую выучку палкой. Ну, а теперь послушаем ваш тост и вашу песню, — обратился он к Клоду Холкро, — или нет, одну только песню, ибо тост провозглашу я сам: слава всем удальцам-разбойникам и позор честным людям!

— Я не поддержал бы подобного тоста, если бы имел к тому возможность, — произнес Магнус Тройл.

— Вот как! Вы, значит, причисляете себя к честным людям? — воскликнул Банс. — Но поведайте мне, какого рода делом вы занимаетесь, и я вам скажу, что о нем думаю. А что касается вашего пуншмейстера, то я с первого взгляда понял, что он портной и имеет поэтому не больше оснований претендовать на честность, чем на отсутствие чесотки! А вы, я ручаюсь, какой-нибудь голландский шкипер, готовый, когда он в Японии, попать крест и отречься от своей веры ради нескольких жалких грошей.

— Ошиблись, — возразил юдаллер, — я шетлендский джентльмен.

— Ах, вот оно что! — подхватил сатирически настроенный Банс. — Вы, значит, из той благословенной страны, где бутылка джина стоит грош, а солнце никогда не заходит?

— Да, капитан, к вашим услугам, — ответил юдаллер, с трудом сдерживаясь, чтобы не ответить по-свойски на эту насмешку над своей родиной, что могло повлечь за собой весьма неприятные последствия.

— К *моим* услугам! — повторил Банс. — О, конечно, если бы с моего потерпевшего крушение судна был протянут на берег трос, так вы действительно оказались бы к *моим* услугам для того, чтобы

любезно перерубить его, превратив тем самым и судно и груз в выброшенную морем добычу, и хорошо еще, если попутно не стукнули бы меня обухом по голове. И при всем том вы называете себя честным человеком? Ну да ладно, как бы там ни было, а я все-таки провозглашаю свой тост. А теперь, господин портной, спойте вы свою песню, да смотрите, чтоб она была не хуже вашего пунша.

Холкро, молясь в душе, чтобы небо помогло ему стать новым Тимофеем и слова его, подобно словам достославного Джона, обрели силу смирять гордыню в сердцах слушающих, запел трогательную песню, начинавшуюся следующими строчками:

— Девы, свежие как розы,
К вам летят мои стихи...

— Ничего не хочу я слушать о девах и розах! — прервал его Банс. — Это напомнит мне, какого рода груз имеется у нас на борту, и, клянусь честью, пока это в моих силах, я хочу остаться верным моему другу и капитану. И вообще, поразмыслив, я пришел к выводу, что хватит с меня пунша. Последняя кружка что-то уж слишком ударила мне в голову, а я не собираюсь сегодня вечером разыгрывать роль Кассио; ну, а раз я сам перестану пить, так и никто не будет.

С этими словами он мужественно опрокинул ногой ведро, которое, несмотря на непрерывные старания разбойников осушить его, было еще наполовину полно, поднялся с места, слегка встряхнулся, чтобы, как он выразился, привести себя в порядок, заломил шляпу набекрень, с большим достоинством прошелся по шканцам и начал словами и знаками подавать команду, чтобы оба корабля становились на якорь. На обоих судах поспешили выполнить его приказание, ибо Гофф, по-видимому, не в состоянии уже был ни во что хоть сколько-нибудь разумно вмешиваться. Юдаллер тем временем печально обсуждал с Клодом Холкром создавшееся положение.

— Дела наши обстоят довольно плохо, — сказал отважный норвежец, — этот народ — отъявленные не-

годяи, и все же, если бы не мои дочери, я не побоялся бы их. Впрочем, юный сорванец, что над ними, видимо, командует, не такой уж, пожалуй, прирожденный мошенник, каким представляется.

— У него, однако, весьма странные фантазии, — возразил Клод Холкро, — и хорошо, если бы мы поскорее от него избавились. Подумайте только! Опрокинуть целых полведра превосходнейшего пунша, да еще прервать меня, когда я начал лучшую песню, какую когда-либо сочинил. Честное слово, я просто не знаю, что он еще вздумает выкинуть, но поверьте, тогда это будет нечто совершенно безумное.

Пока суда ставили на якорь, brave лейтенант Банс, подозревая Флетчера, снова подсел к своим невольным пассажирам и заявил, что, поскольку это их до известной степени касается, они должны знать, какого рода послание намерен он отправить старым кёркуоллским рогоносцам.

— Письмо это будет от имени Дика, — объяснил он, — так же как и от моего. Время от времени я люблю таким образом подбодрить бедного малого, — правда ведь, Дик, осел ты этакий?

— Правда-то правда, Джек Банс, — ответил Дик, — тут я, брат, спорить с тобой не стану, да только ты всегда меня задеваешь. Но как ты там ни верти, а видишь ли...

— Ну, хватит болтать, закрепи-ка свои челюсти, — прервал его Банс и принялся строчить свое послание; затем он прочел его вслух, и окружающие услышали следующее:

«Мэру и олдерменам города Кёркуолла.

Джентльмены! Поелику, в противность данному вами слову, вы не доставили к нам на борт заложника, дабы он отвечал за безопасность нашего капитана, каковой, в исполнение вашего требования, остался на берегу, то мы настоящим письмом имеем вам сообщить, что с нами шутки плохи!

Мы уже захватили бриг, на коем обретается в качестве пассажиров весьма почтенное семейство его владельца, и как вы поступите с нашим капитаном,

таким же манером мы обойдемся с ними. И это первый, но, зарубите себе на носу, далеко не последний урон, каковой мы еще нанесем вашей торговле и вашему городу, буде вы не вернете нам нашего капитана и не снабдите нас провизией, как о том было договорено.

Дано на борту брига «Морская утка» из Боро-Уестры, на рейде Инганесского залива. Руку приложили командиры «Баловня фортуны», джентльмены удачи...»

Затем Банс подписался: «Фредерик Алтамонт» и передал письмо Флетчеру, который, с немалым трудом разобрав эту подпись; пришел в полный восторг от ее звучности и поклялся, что тоже хочет иметь новое имя, тем более что слово «Флетчер» самое неразборчивое и трудное, какое только есть в словаре. Соответственно с этим он и подписался «Тимоти Тагматтон».

— Не хотите ли и вы прибавить несколько строк от себя этим старым колпакам? — обратился Банс к Магнусу.

— Нет, — ответил юдаллер, непоколебимый в своих понятиях о добре и зле даже перед лицом столь грозной опасности, — кёркуоллские олдермены знают свой долг, и, будь я на их месте.. — Но мысль о том, что дочери его находятся во власти разбойников, заставила побледнеть гордое лицо Магнуса Тройла и остановила слова вызова, готовые уже сорваться с его уст.

— Черт возьми! — воскликнул Банс, который прекрасно понимал, что происходило в душе его пленника. — Как эффектна была бы подобная пауза на сцене! Да тут все бы полегли от восторга — и партер, и ложи, и галерка, — ей-богу, не хуже, чем от самого Бэйса!

— А я так и слышать ничего не хочу о вашем Бэйсе! — ответил ему Клод Холкро, тоже немного под хмельком. — Знаю я его непристойную сатиру на достославного Джона, которой он зато так хорошо угодил Бакингему.

Коварный Зимри первым был из них..

— Ни слова больше! — закричал Банс, заглушая почитателя Драйдена своим еще более громким и страстным голосом. — Да ведь «Репетиция» — самый блестящий фарс, когда-либо написанный! А если кто с этим несогласен, так я заставлю его облобызаться с дочкой пушкаря! Ах, черт возьми, да ведь я был лучшим принцем Приттименом, когда-либо выступавшим на сцене:

То принц, то сын простого рыбака..

Но вернемся к нашему делу. Послушайте, папаша, — обратился он к Магнусу, — что-то у вас слишком уж мрачный вид, а за это некоторые мои товарищи по профессии отрезали бы вам уши и зажарили бы их вам на обед с красным перцем. Гофф, я помню, проделал такую штуку с одним беднягой за то, что тот соорудил чересчур кислую и зловредную рожу, когда его шлюп отправили к Дэви Джонсу в ящик, а на шлюпе-то находился его единственный сын. Но я человек совсем другого сорта, и если с вами или с вашими леди приключится какая-либо неприятность, так виной тому будут кёркуоллцы, а не я, говорю вам по совести, так что вы все-таки сообщите им, в каком положении находитесь и как вообще обстоят дела, — это я вам тоже по совести говорю.

Магнус, убежденный подобными доводами, взял перо и попытался написать несколько слов, но негибкий нрав и родительская тревога вели в его сердце такую борьбу, что рука отказывалась служить ему.

— Ничего не могу поделать, — сказал он после двух или трех попыток написать что-либо удобочитаемое, — я не в силах был бы, кажется, начертать ни одной буквы, даже если бы от этого зависели самые наши жизни.

И действительно, чем больше старался он подавить свое внутреннее волнение, тем сильнее проявлялось оно в нервной дрожи, сотрясавшей все его тело. Гибкий ивняк иной раз легче переносит бурю, чем дуб, который гордо противостоит ей, и точно так же

в минуты суровых испытаний иногда беспечные и поверхностные натуры скорее вновь обретают живость ума и присутствие духа, чем люди с более сильным характером. В данном случае Клод Холкро, к счастью, оказался способным выполнить то, что его другу и покровителю мешали сделать как раз его более глубокие чувства. Он взял перо и, сколь возможно кратко, описал положение, в каком они очутились, и страшную опасность, которая им угрожала, намекнув при этом в самых деликатных выражениях, что для предержащих властей жизнь и честь их сограждан должна быть дороже возможности захватить и наказать преступника. Эту последнюю мысль он из боязни прогневить пиратов постарался выразить самым осторожным образом.

Банс прочитал письмо, которое, к счастью, удостоилось полного его одобрения, и, увидев внизу подпись Клода Холкро, воскликнул с большим изумлением и в гораздо более энергичных и красочных выражениях, чем мы можем позволить себе привести в настоящем повествовании:

— Как, вы, значит, и есть тот самый человек, что играл на скрипке в труппе старого Гэдабаута в Хогз-Нортоне в первый же год, как я там выступал! Недаром мне слышалось что-то знакомое, когда вы мне подали свою реплику о достойном Джоне!

В другое время подобное признание не очень польстило бы честолюбию нашего менестреля, но при сложившихся обстоятельствах открытие золотой россыпи не могло бы больше его порадовать. Он тотчас же припомнил многообещающего молодого актера, который выступал в роли дона Себастьяна, и тут же не без умысла добавил, что за все время, что он сам играл первую (он смело мог бы прибавить «и единственную») скрипку у старика Гэдабаута, муза достойного Джона не имела более блестящего исполнителя.

— Ну, как вам сказать... Может быть, вы и правы, — ответил Банс. — Мне кажется, я мог бы потрясать зрителей не хуже Бута или Беттертона, но рок предначертал мне выступать на иных подмостках, —

здесь он топнул ногой о палубу, — и я останусь им верен до тех пор, пока под ногами моими будет хоть какая-нибудь опора. А теперь, старый приятель, я хотел бы для вас кое-что сделать; отойдемте на минуту в сторонку, вот сюда, мне нужно было бы побеседовать с вами с глазу на глаз.

Оба перегнулись через гакаборт, и Банс зашептал намного более серьезным тоном, нежели объяснялся обычно:

— Поверьте, мне в высшей степени жаль этого славного, кряжистого, как норвежская сосна, добряка — разрази меня гром, если это не так, — и его дочерей тоже. Кроме того, у меня есть свои собственные причины, чтобы покровительствовать одной из них. Знаете, я ведь могу быть и дерзким, особенно если девчонка и сама не прочь... Но перед такими скромными и невинными созданиями, черт меня подери, да я просто становлюсь Сципионом в Нумансии или Александром в палатке Дария. А помните, какой у меня получался Александр?

Из гроба я восстал на дальний зов,
Чтоб милую спасти из рук врагов,
Всех победил, чтоб волю ей вернуть,
И слава мне указывала путь.

Клод Холкро не преминул рассыпаться в похвалах его декламации и заявил, что, честно говоря, по его мнению, мистер Алтамонт всегда произносил этот монолог даже с большим огнем и выразительностью, нежели сам Беттертон.

Банс, или Алтамонт, горячо пожал ему руку.

— Вы льстите мне, дорогой друг, — произнес он. — Ах, почему публика не разделяла вашего взгляда! Тогда я не оказался бы в таком положении, как сейчас! Видит бог, дорогой мистер Холкро, видит бог, с какой радостью я оставил бы вас здесь на борту, для того чтобы около меня всегда находился друг, который так же любит слушать избранные отрывки из наших лучших драматургов, как я люблю их декламировать. Ведь большинство из нас — скоты, а тот,

кто остался в Кёркуолле заложником, так он, ей-богу, обращается со мной не лучше, чем я с Флетчером, и чем больше я стараюсь для него, тем с большим пренебрежением он ко мне относится. А какое бы это было наслаждение ночью, в тропиках, когда судно спокойно идет на всех парусах, подгоняемое легким ветром, для меня декламировать роль Александра, а для вас — быть одновременно партером, и ложами, и галеркой. И, кто знает (ведь вы, насколько я помню, тоже питомец муз), быть может, вы и я — мы сумели бы, подобно Орфею и Эвридике, тронуть сердца наших слушателей истинной красотой и, пробудив в них лучшие чувства, смягчить их нравы!

Все это было произнесено с таким одушевлением, что Клод Холкро испугался, уж не сделал ли он пунш слишком крепким и не подмешал ли чрезмерное количество одурманивающих веществ в преподнесенную им Бансу чашу лести. Не вздумает ли теперь сентиментальный пират задержать его силой просто для того, чтобы наяву осуществить свои мечты? Положение было, однако, слишком деликатным, чтобы Холкро мог предпринять что-нибудь для исправления своей оплошности, и поэтому он только с чувством пожал Бансу руку и воскликнул «увы!», вложив в это междометие весь пафос, на какой был способен.

Банс тотчас же понял его.

— Вы правы, мой друг, — ответил он, — все это лишь праздные мечты о счастье, и незадачливому Алтамонту остается только оказать последнюю услугу товарищу, с которым он вынужден расстаться навеки. Я решил отправить вас и обеих девушек на берег под охраной Флетчера; итак, позовите молодых леди, и пусть они уезжают, пока в меня или еще в кого-либо на корабле не вселился дьявол. Вы передадите мое письмо отцам города, подкрепите мое послание собственным красноречием и доведете до их сведения, что если они тронут хоть один волос на голове Кливленда, им придется иметь дело с самим чертом и попробовать кое-чего похуже горячей смолы.

При столь непредвиденном окончании всех разглагольствований пирата Холкро почувствовал в душе

немалое облегчение; он скатился, перескакивая через несколько ступенек, по трапу, постучался в каюту и едва смог найти подходящие слова, чтобы передать девушкам решение Банса. Услышав столь неожиданную и радостную весть, сестры тотчас же закутались в плащи и, так как шляпка была уже приготовлена для спуска, поспешили на палубу; только тут они, к ужасу своему, узнали, что отец их остается на борту пиратского судна.

— Тогда мы тоже останемся с ним, что бы нам ни угрожало! — воскликнула Минна. — Быть может, наше присутствие будет нужно ему хотя бы на одно мгновение. Мы хотим жить и умереть с ним вместе!

— Мы скорее сумеем помочь ему, — возразила Бренда, которая лучше сестры сознавала их положение, — убеждая правителей Кёркуолла согласиться на требования этих джентльменов.

— О ангел красоты, твоими устами глаголет сама мудрость! — воскликнул Банс. — А теперь — исчезайте скорее! Черт меня подери, а то дело становится похожим на зажженный фитиль в крюйт-камере. Если вы скажете еще только слово — разрази меня гром, я уже не найду в себе силы расстаться с вами.

— Уезжайте, ради всего святого уезжайте, дети мои, — сказал Магнус. — Я в руках всевышнего, и, когда вас тут не будет, о себе я не стану тревожиться. Но, пока я жив, я не перестану думать и утверждать, что этот благородный джентльмен достоин иной, лучшей участи, чем та, что выпала на его долю. Ступайте же, ступайте, уезжайте отсюда, — прибавил он, ибо девушки все еще медлили, не находя в себе мужества покинуть его.

— Пожалуйста, только без прощальных поцелуев, — заявил Банс, — а то мне станет завидно, и я потребую свою долю. Живо в шляпку!.. Или нет, погодите минутку. — Тут он отвел троих пленников в сторону. — Флетчер, — продолжал он, — отвечает мне за гребцов и проводит вас в город, но как поручиться за самого Флетчера — не знаю, разве что вручив мистеру Холкро вот этого маленького защитника,

Банс протянул поэту небольшой двуствольный пистолет, прибавив, что он заряжен на оба ствола.

Минна заметила, как дрожала рука поэта, когда он протянул ее за оружием.

— Дайте его мне, сэр, — сказала она, беря пистолет из рук пирата, — и будьте уверены, что я сумею защитить сестру и себя.

— Bravo! Bravo! — закричал Банс. — Вот это слова женщины, достойной Кливленда, короля корсаров!

— Кливленда! — повторила Минна. — Вы, значит, знаете Кливленда? Вот уже второй раз вы упоминаете его имя.

— Знаю ли я его? — воскликнул Банс. — Да на всем свете нет человека, который знал бы лучше, нежели я, самого благородного, самого отважного молодчика, гулявшего когда-либо между форштевнем и кормой! Когда он благополучно вырвется из оков — а это, по милости неба, должно совершиться в самом ближайшем будущем, — я уверен, что вы пожалуете к нам на борт и будете королевой всех морей, по которым мы плаваем. А теперь у вас имеется этот маленький защитник; надеюсь, вы знаете, как с ним обращаться? Если Флетчер поведет себя дерзко, вам следует только нажать на эту железку большим пальцем, вот так; а если он станет упорствовать, так вы только согните свой прелестный указательный пальчик вот таким образом, и я потеряю самого преданного товарища, которого когда-либо имел моряк... Хотя к черту этого пса! Он заслужит смерть, если только посмеет ослушаться моих приказаний! А теперь — в шлюпку... Но погодите еще — один поцелуй, ради друга моего, Кливленда.

Бренда, напуганная до полусмерти, не посмела оттолкнуть Банса, но Минна, отступив на шаг и окинув его презрительным взглядом, протянула ему руку для поцелуя. Банс засмеялся, однако с театральной аффектацией поцеловал предложенную ему в замену уст прекрасную руку. Наконец обе сестры и Клод Холкро спустились в шлюпку, и она отвалила под командой Флетчера.

Банс остался стоять на шканцах, где произнес, в духе прежней своей профессии, следующую тираду:

— Не знаю, что сказали бы мои товарищи в Порт-Рояле или на острове Провиденс, если бы услышали о моем сегодняшнем подвиге! Уж наверное, называли бы меня мягкотелой тряпкой, простофилей, ослом! Ну что же, и пусть их! Я натворил столько зла, что есть над чем задуматься. А потом, можно же человеку совершить хоть одно доброе дело — ведь это такая редкая вещь и приводит в такое хорошее настроение!

Затем, повернувшись к Магнусу, он продолжал:

— Ну и славные же девки твои дочки, клянусь!.. Старшая снискала бы себе настоящую славу на лондонских подмостках. С каким решительным видом схватила она оружие! Что за жест! Порази меня гром, если театр не рухнул бы от рукоплесканий! А как она, дрянь этакая, сыграла бы Роксалану! (В пылу азарта Банс, подобно куму Санчо, Томасу Сесиалю, склонен был пускать в ход любое выразительное словцо, какое только приходило ему в голову, не всегда заботясь о его точном смысле.) — Да я отдал бы свою долю в первой же добыче, лишь бы услышать, как она продекламирует:

Прочь, удались, здесь буря разразится,
В прах обратит тебя мое дыхание,
И в гневе я безумье превзойду!

А та, другая, нежная, робкая, маленькая, дрожащая, как хорошо произнесла бы она в роли Статирь:

Так речь его сладка, так нежен вид,
Так пылко, так изящно он клянется,
Что даже быть обманутой им — счастье!

Какие пьесы могли бы мы сыграть! Ну и олух же я, что не подумал об этом, прежде чем отослать их на берег. Я был бы Александром, Клод Холкро — Лисимахом, а престарелый джентльмен на худой конец сыграл бы и Клита. Да, я был просто глупцом, что не сообразил этого раньше.

Многое в этой тираде могло бы оказаться не совсем по вкусу юдаллеру, но, по правде говоря, он не обращал на слова Банса ни малейшего внимания. Сначала невооруженным глазом, а потом в подзорную трубу он не отрываясь следил за возвращением своих дочерей на землю. Он видел, как они высадились на берег, видел, как в сопровождении Холкро и еще одного человека, очевидно Флетчера, поднялись в гору и пошли по дороге к Кёркуоллу; он мог даже различить, что Минна, видимо чувствуя себя ответственной за судьбу остальных, шла несколько в стороне, настороженная и готовая в случае необходимости немедленно действовать.

Наконец, когда Магнус почти совсем уже перестал их различать, он, к невыразимому своему облегчению, увидел, как путники остановились и пират расстался с ними: после задержки не более длительной, чем требовалось для учтивого прощания, он медленным шагом пошел назад к морю. Возблагодарив верховное существо, которое таким образом избавило его от самого мучительного страха, какой только может испытывать отец, благородный юдаллер с этой минуты покорился своей собственной судьбе, какова бы она ни была.

Глава XXXVII

Выше утесов, убежища птиц,
Глубже колодцев и темных
гробниц,
Глубже самых глубоких
Нептуновых вод,
Выше пиков высоких
Любовь себе путь найдет.

Старинная песня

Флетчеру пришлось расстаться с Клодом Холкро и сестрами из Боро-Уэстры отчасти потому, что не-
вдалеке показался небольшой отряд вооруженных
людей, шедших из Кёркуолла; появление их было
скрыто от подзорной трубы юдаллера небольшим

возвышением местности, но пират видел их очень хорошо, что побудило его позаботиться о собственной безопасности, поспешно вернувшись к шлюпке. Остановка, которую издали видел Магнус, произошла по воле Минны.

— Стойте, — сказала она, — и выслушайте мои приказания. Передайте от меня вашему предводителю, что, какой бы ответ ни пришел из Кёркуолла, пусть он все же ведет свое судно в обход острова к Стромнессу, станет там на якорь и, когда увидит дым на Бройзгарском мосту, пошлет на берег шлюпку за капитаном Кливлендом.

Флетчер хотел было в подражание своему приятелю Бансу получить за все беспокойство, которое доставило ему сопровождение прелестных молодых леди, хотя бы поцелуй, и, пожалуй, ни страх перед приближением кёркуоллцев, ни оружие в руках Минны не остановили бы его дерзости, но имя его капитана, а быть может, еще более того не допускающий никаких возражений величественный и властный вид Минны Тройл удержали его от каких-либо поползновений. Он по-морскому откланялся, обещал, что за сигналом будут зорко следить, и, возвратившись к шлюпке, последовал со своим поручением на судно.

Когда Холкро и девушки двинулись навстречу замеченному ими на кёркуоллской дороге отряду, который, в свою очередь, тоже остановился, словно наблюдая за ними, Бренда, которая все это время молчала из страха перед Флетчером, воскликнула:

— Боже мой, Минна, в чьих руках оставили мы нашего дорогого отца!

— В руках отважных людей, — твердым голосом ответила Минна. — Я не боюсь за него.

— Отважных, если хотите, — сказал Клод Холкро, — но вместе с тем чрезвычайно опасных негодяев! Я знаю, что этот Алтамонт, как он называет себя, хотя это совсем не его настоящее имя, самый распушенный малый, который когда-либо оглашал подмостки пятистопными ямбами и потрясал публику своей страстью! Он начал с роли Барнуэлла, и все

так и думали, что он кончит виселицей, как в последнем действии «Спасенной Венеции».

— Это ничего не значит, — возразила Минна, — чем яростнее волны, тем могущественнее голос их повелителя. Упоминание одного только имени Кливленда заставило подчиниться самого отчаянного из них.

— Мне очень жаль Кливленда, — сказала Бренда, — если таковы его товарищи; но что он значит для меня по сравнению с моим отцом?

— Прибереги свою жалость для тех, кто в ней нуждается, — ответила Минна, — и не бойся за нашего отца. Видит бог, что один серебряный волос на его голове дороже для меня всех подземных сокровищ! Но я знаю, что там, на судне, он в безопасности и скоро будет в безопасности и на берегу.

— Хотел бы я это видеть, — сказал Клод Холкро, — боюсь только, что кёркуоллцы, догадавшись, что Кливленд как раз то, чего я страшусь, не решатся обменять его на юдаллера. У шотландцев очень строгие законы относительно сговора с преступниками, как они называют подобные сделки.

— Но что это за люди на дороге перед нами? — спросила Бренда. — Почему они остановились и так подозрительно на нас смотрят?

— Это патруль городской стражи, — ответил Холкро. — Достославный Джон отзывается о них довольно едко, но не следует забывать, что он был якобитом:

Все дело их — набить бы только пузо!
В бою — бегут, в тылу они — обуза,
Раз в тридцать дней решимости полны,
И нету их, когда они нужны.

Полагаю, что они остановились, приняв нас, когда мы появились на вершине холма, за людей со шлюпа, а теперь, когда различили на вас юбки, то снова двинулись вперед.

Тем временем отряд приблизился и оказался, как и предполагал Клод Холкро, патрулем, посланным

следить за движением пиратов и помешать им высадиться на берег и разорять страну.

Подошедшие сердечно поздравили Клода Холкро, которого многие из них хорошо знали, со счастливым избавлением от плена, и начальник отряда, предлагая молодым леди всю возможную помощь, не мог, однако, не высказать соболезнования по поводу обстоятельств, в которых оказался их отец, намекнув при этом, правда в весьма деликатной и неопределенной форме, на трудности, могущие возникнуть в деле его освобождения.

Когда они прибыли в Кёркуолл и получили аудиенцию у провоста в присутствии еще трех или четырех членов городского магистрата, трудности эти были представлены им как весьма серьезные.

— Фрегат «Альциона» крейсирует вдоль побережья, — сказал провост, — его видели недалеко от Данкансби-Хэда, и хотя я питаю глубочайшее уважение к мистеру Тройлу из Боро-Уестры, однако окажусь правонарушителем, если выпущу из тюрьмы капитана этого подозрительного судна ради спасения лица, которому дальнейшее заключение узника может грозить, к несчастью, большой опасностью. Этот человек, как нам стало известно, — душа и правая рука своих разбойников, и вправе ли я освободить его, чтобы, вернувшись на борт, он принялся грабить страну или, быть может, вступил в бой с судном его величества, ибо дерзости у него хватит на что угодно.

— *Отваги* — на что угодно, хотите вы сказать, господин провост, — прервала его Минна, не в силах больше сдерживать свое возмущение.

— Ну что же, можете называть это как пожелаете, мисс Тройл, — сказал почтенный джентльмен, — но, по моему мнению, та отвага, что побуждает одного выступать против двоих, немногим лучше самой обыкновенной дерзости.

— Но что же тогда будет с нашим батюшкой? — воскликнула Бренда умоляющим тоном. — Ведь он друг, он настоящий отец для жителей нашего острова, столько народу приходит к нему в надежде на

участие и столько же за помощью. Погубить его — все равно что погасить маяк во время бури! Как вы можете равнять угрожающую ему опасность с такой пустой вещью, как освобождение из тюрьмы несчастного, который и вдали от наших берегов не избегнет своей печальной участи?

— Мисс Бренда права, — сказал Клод Холкро, — я сторонник правила школьников «не трогай, и я тебя не трону». А кроме того, разве непременно нужен приказ об освобождении из-под стражи? Послушайте, провост, совет старого дурака: пусть тюремщик забудет заложить засов у дверей или оставит неплотно закрытым окно, и мы избавимся тогда от разбойника, а самый лучший, самый прекрасный человек обоих архипелагов, и Оркнейского и Шетлендского, не более как через пять часов снова будет с нами за чашей пунша.

На это провост ответил почти в тех же выражениях, что и раньше, что хотя он питает глубочайшее уважение к мистеру Магнусу Тройлу из Боро-Уестры, но не может из уважения к частному лицу, каким бы почтенным оно ни было, отступить от исполнения собственного долга.

Тут Минна обратилась к сестре тоном вполне спокойным, но полным сарказма:

— Ты забыла, Бренда, что говоришь о спасении бедного, безвестного юдаллера не с кем иным, как с главой оркнейской столицы. Можешь ли ты ожидать, чтобы столь высокое лицо снизошло до рассмотрения столь малозначащего дела? О, мистер провост успеет еще обдумать предложенные ему условия, ибо в конце концов он должен будет на них согласиться — когда от собора святого Магнуса не останется камня на камне!

— Вы можете сердиться на меня, милая барышня, — сказал добродушный провост Торф, — но я неспособен на вас обижаться. Собор святого Магнуса стоит уже много веков и, я полагаю, переживет и вас, и меня, и тем более шайку этих обреченных на виселицу негодяев. И хотя ваш отец наполовину оркнеец и у него есть на нашем острове и владения и

друзья, но, даю вам честное слово, я сделал бы то же самое для попавшего в беду шетлендца, как и для всякого другого, кроме, пожалуй, уроженцев самого Кёркуолла, которые имеют право на некоторое преимущество. И если вы согласитесь остановиться у меня в доме, мы с женой приложим все старания, дабы доказать вам, что вы столь же желанные гости в Кёркуолле, как и в Леруике или Скэллоузе.

Минна даже не удостоила ответом это любезное приглашение, но Бренда вежливо отклонила его, ссылаясь на то, что они обещали остановиться у одной родственницы, богатой кёркуоллской вдовы, которая уже ожидает их.

Холкро сделал еще одну попытку уговорить провоста, но тот остался непреклонным.

— Сборщик податей, — сказал он, — уже грозился донести, что я вступил в сношения, или, как он выразился, обделывал делишки, с чужеземцами, хотя это казалось тогда единственным способом избежать в городе кровопролития; и если теперь я откажусь от преимущества, которое доставили мне захват Кливленда и бегство управляющего, то смогу заслужить нечто похуже, чем простое порицание.

Одним словом, провост от всей души сочувствовал юдаллеру и продолжал уверять, что ему «чрезвычайно жаль не только Магнуса Тройла, но и этого молодчика Кливленда, у которого заметны кое-какие проблески благородства, но долг прежде всего и никаких послаблений не допускает». Вслед за тем провост прекратил дальнейшие препирательства, заявив, что его неотложного внимания требует еще одно, тоже шетлендское дело. Некий джентльмен, по фамилии Мертон, обитающий в Ярлсхофе, подал жалобу на странствующего разносчика Снейлсфута, который при содействии одной из ярлсхофских служанок присвоил себе некоторые ценные предметы, находившиеся на сохранении у Мертона. На обязанности провоста лежало теперь разобрать дело и заставить Снейлсфута вернуть вещи Мертону, ответственному за их сохранность перед законным владельцем.

В этом сообщении не было ничего, что могло бы привлечь внимание сестер, кроме имени Мертон. Имя это словно кинжал пронзило сердце Минны, напомнив ей, при каких обстоятельствах исчез Мордонт. Менее острое, хотя тоже весьма печальное чувство пробудило оно и в душе у Бренды, вызвав легкую краску на ее лице и слегка увлажнив глаза. Тут же, однако, выяснилось, что провост говорил не о Мордонте, а о его отце, и дочери Магнуса, для которых подробности дела не представляли особой занимательности, расстались с почтенным старцем и направились к месту своего жительства.

Как только они прибыли к упомянутой выше родственнице, Минна принялась разузнавать, насколько она могла это делать, не возбуждая подозрений, как обстоят дела несчастного Кливленда, и вскоре обнаружила, что положение его весьма серьезно. Правда, провост не подверг его строгому тюремному заключению, как предполагал Клод Холкро, памятуя, быть может, с какой доверчивостью Кливленд положился на его честь, и не желая без крайней необходимости нарушать свое слово. Но хотя внешне Кливленд пользовался свободой, однако он находился под неусыпным наблюдением специально приставленных к нему и хорошо вооруженных людей, которым даны были указания задержать его силой при малейшей попытке переступить тесные границы некоего отведенного ему участка. Жилье ему предоставили в крепких стенах так называемого королевского замка, на ночь дверь его комнаты запиралась снаружи, и за ней бодрствовала стража, достаточная для того, чтобы сделать всякую попытку побега невозможной. Кливленд пользовался, таким образом, той степенью свободы, какую кошка в своей жестокой игре порой предоставляет пойманной мыши. Так велик был, однако, страх перед находчивостью, смелостью и жестокостью капитана пиратов, что и сборщик податей и многие другие благоразумные граждане Кёркуолла порицали провоста за то, что он позволил заложнику пользоваться условной свободой.

Нетрудно понять, что при таком положении вещей Кливленд не имел особого желания появляться на людях, сознавая, что он способен внушить лишь смешанные чувства любопытства и ужаса. Любимым местом его прогулок были боковые приделы собора святого Магнуса, из которых только один, восточный, был открыт для богослужения. Это величественное древнее здание, которому удалось счастливо избежать разрушений, сопровождавших разгул первых лет Реформации, и по сей день сохраняет отпечаток своего бывшего великолепия. Придел, где совершается церковная служба, отделен решеткой от главного нефа и от западной части храма, и повсюду царят такие чистота и порядок, каким могли бы позавидовать даже горделивые громады Уэстминстерского аббатства и собора святого Павла.

В этой-то внешней части здания Кливленду и дозволено было прогуливаться, главным образом потому, что тогда стража должна была следить только за одним выходом и, не слишком утруждая себя, имела возможность предотвратить всякую попытку узника к бегству. Да и самый характер здания хорошо подходил к мрачному душевному состоянию Кливленда. Высокие своды опирались на ряды массивных колонн саксонской архитектуры, четыре из которых, самые мощные, некогда поддерживали высокую колокольню; давным-давно обрушившаяся, она была впоследствии восстановлена, но в искаженном и словно обрубленном виде. Свет проникал в восточный придел через высокое, выдержанное в строгих пропорциях и богато украшенное готическое окно, а плиты пола были испещрены надписями на различных языках, указывавшими могилы благородных оркнейцев, в разные времена погребенных в священных приделах храма.

Здесь-то и прогуливался Кливленд, размышляя о событиях своей безрассудной и преступной жизни, которая, весьма вероятно, уже близилась к насильственному и позорному концу, тогда как он был еще в полном расцвете своих сил. «Скоро и я, — говорил он себе, глядя на могильные плиты, — буду, подобно

этим мертвецам, лежать в земле, но слуга господень не прочитает молитвы, рука друга не начертит надписи, и гордый потомок не высечет родового герба над могилой пирата Кливленда. Мои побелевшие кости будут в цепях раскачиваться на виселице где-нибудь на пустынном берегу или одиноком утесе, который станут из-за меня считать проклятым и приносящим несчастья. Старый моряк, проходя тем проливом, покачает головой, назовет мое имя и расскажет о делах моей жизни в назидание своим молодым товарищам. Но Минна, Минна! Что ты подумаешь, когда узнаешь постигшую меня участь? О всемогущее небо, сделай так, чтобы весть эту поглотил самый глубокий водоворот между Керкуоллом и Боро-Уестрой и она никогда не достигла бы до ее слуха! О праведный боже, лучше было бы нам никогда не встречаться, если не суждено уже больше встретиться!»

С этими словами он поднял глаза и увидел стоявшую перед ним Минну Тройл. Лицо ее было бледно, волосы выбились из-под капюшона, но взгляд был спокоен и тверд и хранил обычное выражение величественной печали. На ней был тот же плащ, в который она закуталась, покидая судно. Первым чувством Кливленда было изумление, затем его сменила радость, смешанная со страхом. Он готов был закричать, готов был броситься к ее ногам, но она остановила его, приложив палец к губам и произнеся тихим, но повелительным тоном:

— Осторожно... за нами следят... там, за дверью, люди... они с трудом впустили меня... Я не смею долго здесь оставаться, а то им покажется... они смогут подумать... О Кливленд, я решилась на все, чтобы спасти вас!

— Спасти меня? Увы, бедная Минна! — воскликнул Кливленд. — Спасти меня невозможно. Довольно того, что я снова увидел вас — хотя бы для того, чтобы сказать вам навек прости!

— Да, мы должны проститься навек, — ответила Минна, — ибо судьба и ваши преступления разлучили нас навсегда. Кливленд, я видела ваших товарищей.

Что мне к этому еще прибавить? Сказать, что я знаю теперь, что такое пират?

— Вы были во власти этих негодяев! — воскликнул, содрогаясь от ужаса, Кливленд. — И они посмели...

— Нет, Кливленд, — возразила Минна, — они ничего не посмели — ваше имя подействовало на них как заклятье. И одна только эта власть над волей свирепых бандитов — только она одна напомнила мне о доблестях, которыми в мечтах наделяла я когда-то моего Кливленда!

— Да, — гордо ответил Кливленд, — мое имя имеет — и всегда будет иметь — власть над ними, даже когда они отдаются необузданным страстям, и если бы они посмели оскорбить вас хоть одним грубым словом, о, они узнали бы... Но что за безумные мысли... ведь я узник!

— Сейчас вы станете свободны! — воскликнула Минна. — Ваша жизнь, жизнь моего дорогого отца — все требует вашего немедленного освобождения. У меня есть план, как это сделать, и если выполнить его смело, он не может не удался. Уже смеркается: завернитесь в мой плащ, и вы свободно пройдете мимо стражников. Я дала им на вино, и теперь они о вас и не думают. Спешите к Лох-оф-Стеннису и скрывайтесь, пока не забрезжит день, а тогда разведите дымный костер там, где суша, вдаваясь с обеих сторон в озеро, почти разделяет его надвое у Бройзгарского моста. Ваше судно находится недалеко от этого места и выйдет за вами шлюпку. Нельзя терять ни минуты!

— Но вы, Минна? Если этот безумный план удался, — сказал Кливленд, — что тогда станет с вами?

— За участие в вашем побеге, — ответила девушка, — меня оправдает перед лицом всевышнего чистота моих намерений, а в глазах людей — спасение моего отца, чья судьба зависит от вашей.

В немногих словах сообщила она Кливленду, как судно их было захвачено пиратами и к каким это привело последствиям. Кливленд возвел к небу глаза и воздел руки в порыве благодарности за спасение

сестер из рук его преступных товарищей и поспешно прибавил:

— Да, вы правы, Минна, я должен бежать во что бы то ни стало, хотя бы ради безопасности вашего отца. Итак, мы расстаемся, но я верю, что не навеки...

— Навеки! — ответил ему голос, исходивший словно из-под сводов склепа.

Минна и Кливленд вздрогнули, оглянулись по сторонам, а затем с удивлением посмотрели друг на друга. Обоим показалось, что эхо старинного здания повторило последнее слово Кливленда, однако произнесено оно было слишком выразительно.

— Да, навеки! — произнесла Норна из Фитфул-Хэда, выступая из-за одной из тех массивных саксонских колонн, что поддерживали своды собора. — Здесь встретились нога в крови с кровавой дланью. Счастье для вас обоих, что зажила рана, из которой вытекла эта кровь. Счастье для вас обоих, а особенно для того, кто пролил ее. Итак, здесь вам суждено было встретиться, но встречаетесь вы в последний раз!

— О нет, — воскликнул Кливленд, порываясь взять Минну за руку, — разлучить меня с Минной, пока я жив, может только ее собственная воля!

— Забудь, — воскликнула Норна, становясь между ними, — забудь эти безумные мечтанья! Не питай напрасных надежд на встречу в грядущем; здесь вы расстанетесь, и расстанетесь навеки. Не летать ястребу в паре с голубкой, злодейство — не чета невинности. Минна Тройл, последний раз в жизни глядишь ты на этого гордого и преступного человека. Кливленд, ты в последний раз видишь Минну.

— И ты воображаешь, — с возмущением воскликнул Кливленд, — что твои выдумки могут меня смутить? Я не из тех глупцов, которые видят в твоём мнимом могуществе что-либо, кроме простого обмана!

— Молчите, Кливленд, молчите, — воскликнула Минна, ибо внезапное появление Норны еще усилило страх, который она с детства внушала девушке, — молчите! Она могущественна, она слишком могущест-

венна! А ты, о Норна, вспомни, что свобода моего отца зависит от свободы Кливленда.

— Счастье для Кливленда, что я это помню, — ответила предсказательница, — ради спасения одного человека явилась я сюда, и ради этого спасения я помогу обоим. А ты, со своей ребячьей выдумкой, неужели ты в самом деле предполагала, что мужчина такого роста и с такой фигурой сойдет за девушку, скрывшись под жалкими складками твоего домотканого плаща? Да подобная затея кончилась бы лишь тем, что его немедленно заключили бы в оковы и посадили под крепкий замок. Нет, освобожу сго я! Он благополучно вернется на свой корабль. Но пусть покинет он наши края навсегда, пусть в других местах внушает ужас своим черным флагом и еще более черным именем! Ибо если солнце дважды взойдет, а корабль его все еще будет стоять здесь на якоре, да падет его кровь на его голову! Взгляните же друг на друга в последний раз — это моя последняя уступка вашей слабости — и скажите, если можете: «Прощай навек!»

— Слушайтесь ее, — пробормотала Минна, — слушайтесь ее, не возражайте.

Кливленд, схватив руку Минны, припал к ней горячими губами и сказал, но так тихо, что она одна могла слышать его: «Прощай, но *не навек!*»

— А теперь, девушка, уходи, — приказала Норна, — и предоставь остальное Рейм-кеннару.

— Еще одно слово, — взмолилась Минна, — и я послушаюсь. Скажи мне только, правильно ли я поняла тебя: правда ли, что Мордонт жив и вне опасности?

— Да, жив и теперь вне опасности, — ответила Норна, — иначе горе было бы тому, чья рука пролила его кровь!

Минна медленно направилась к выходу из собора, время от времени оборачиваясь, чтобы взглянуть на мрачный облик Норны и на стройную, мужественную фигуру Кливленда, стоявших рядом в сгущавшейся мгле старого храма. Когда она обернулась во второй раз, оба куда-то шли: Кливленд следовал за старой

сивиллой, которая медленно и торжественно удалялась в направлении одного из боковых приделов. Когда Минна обернулась в третий раз, они уже скрылись из вида. Девушка собралась с духом и поспешила к восточной двери, через которую вошла; на мгновение она остановилась, услышав голоса стражников, болтавших на улице.

— Долгонько-то наша шетлендка толкует со своим пиратом, — сказал один, — дай бог, чтобы они только о выкупе отца и говорили...

— Что правда, то правда, — согласился другой, — девчонки небось скорее пожалеют молодца пирата, чем старого да дряхлого горожанина.

Тут разговор их был прерван появлением Минны, и стражники, как будто их поймали с поличным, сорвали с себя шляпы и с самым сконфуженным видом выразили ей свое почтение.

Минна вернулась домой глубоко взволнованная, но в конце концов все же довольная результатами своей экспедиции: отцу ее, видимо, теперь уже ничто не угрожало, она была уверена, что Кливленду удастся бежать, и узнала, что Мордонт жив и находится вне опасности. Она поспешила сообщить обе эти новости Бренде, и сестры вместе возблагодарили всевышнего. Бренда готова была даже поверить в сверхъестественное могущество Норны — такой успех принесло на этот раз ее вмешательство. Сестры поздравили друг друга с радостной вестью, но и всплакнули немного, так как к их надеждам примешивались все же некоторые опасения. Поздно вечером одиночество их нарушил Клод Холкро, который со значительным, но вместе с тем встревоженным и даже испуганным видом сообщил им, что Кливленд исчез из собора, где ему разрешено было прогуливаться, и провост, извещенный о том, что Минна способствовала его побегу, в чрезвычайной тревоге идет сюда, чтобы произвести дознание по этому делу.

Когда почтенный провост появился, Минна не скрыла от него своего сочувствия побегу Кливленда, ибо видела в этом единственный способ избавить своего отца от грозящей ему опасности. Но непосред-

ственное участие свое в побеге она решительно отрицала и показала, что рассталась с Кливлендом в соборе более двух часов тому назад, оставив его там в обществе третьего лица, чье имя она не считала себя обязанной сообщать.

— Да этого и не требуется, миссис Минна Тройл, — ответил провост Торф, — ибо, хотя и не видели, чтобы кто-либо, кроме самого капитана Кливленда и вас, входил сегодня в собор святого Магнуса, однако нам небезызвестно, что ваша родственница, старая Улла Тройл, которую вы, шетлендцы, зовете Норной из Фитфул-Хэда, снова появилась в наших краях и разъезжала и по морю, и по суше, а может статься, и по воздуху, то в лодке, то верхом, а то, чего доброго, и на помеле! И ее немного трау тоже видели здесь: он повсюду совал свой нос и за всеми шпионил, а шпион-то он неплохой — все слышит, а рассказать ничего не может, разве только своей хозяйке. А кроме того, нам доподлинно известно, что она появляется в соборе даже тогда, когда все двери закрыты, — ее там не раз видели — спаси нас господи от нечистого! Итак, даже ни о чем больше не спрашивая, я вправе заключить, что именно Норну вы и оставили в церкви вместе с этим молодцом; а если так, то попробуй поймай их теперь! Должен вам, однако, сказать, прелестная миссис Минна, что вы, шетлендцы, совсем уж склонны забывать равно человеческие и божеские законы, когда при помощи колдовства освобождаете из тюрьмы преступника. Самое лучшее, что вы, или ваша родственница, или ваш отец можете теперь сделать, — это уговорить молодого пирата, чтобы он как можно скорее удалился из здешних мест, не причиняя никакого вреда городу или его торговле — тогда случившееся окажется, быть может, не такой уж бедой. Видит бог, мне не нужна была жизнь несчастного, и я рад был бы сбыть его с рук, не навлекая на себя нареканий. И еще менее хотел бы я, чтобы в связи с его заключением пострадал глубоко мною уважаемый Магнус Тройл из Боро-Уэстры.

— Так, так, вижу, куда вы гнете, мистер провост, — произнес Клод Холкро, — и могу вам поручиться за своего друга мистера Тройла, как за самого себя, что мы будем говорить и делать все возможное, дабы заставить этого молодчика капитана Кливленда немедленно же покинуть здешние берега.

— А я, — добавила Минна, — совершенно уверена, что ваше предложение — лучший выход для всех, и мы с сестрой завтра же рано утром отправимся в замок Стеннис, если мейстер Холкро согласится проводить нас туда, чтобы встретить отца, как только он высадится на берег. Мы сразу же сообщим ему ваши пожелания и приложим все усилия, чтобы убедить несчастного молодого человека покинуть нашу страну.

Провост Торф взглянул на нее с некоторым изумлением.

— Не всякая молодая женщина, — сказал он, — желала бы оказаться на восемь миль ближе к шайке пиратов.

— Но нам не грозит никакая опасность, — вмешался Клод Холкро. — Замок Стеннис хорошо укреплен, и у его владельца, который приходится мне родственником, достаточно людей и оружия. Юные леди будут там в такой же безопасности, как и в Кёркуолле, а чем раньше дочери встретятся с отцом, тем лучше будет для всего дела. Я же счастлив, что в вашем лице, мой дорогой и старинный друг, вижу, говоря словами достославного Джона, что

в итоге спора

В вас человек осилил прокурора

Провост улыбнулся, кивнул в знак одобрения головой и заявил настолько ясно, насколько, как он считал, приличествовало его сану, что он был бы чрезвычайно счастлив, если бы «Баловень фортуны» со всей своей беспокойной командой покинул Оркнейский архипелаг без какого-либо вмешательства или насилия с той или иной стороны.

— Я не могу допустить, — заявил он, — чтобы снабжение разбойников совершалось с кёркуоллского

берега, но они могут быть совершенно спокойны: жители Стромнесса, побуждаемые как страхом, так и собственной выгодой, снабдят их всем необходимым.

Вслед затем миролюбивый провост распрощался с Клодом Холкро и обеими девушками, которые решили на следующее же утро перенести место своего жительства в замок Стеннис, возвышавшийся на берегу соленого озера того же названия, на расстоянии примерно четырех миль водного пути от стромнесского рейда, где стояло на якоре пиратское судно.

Глава XXXVIII

Спасайся, милый Флиенс!
Беги и отомсти¹

«Макбет»¹

Одним из многочисленных средств, которыми пользовалась Норна, чтобы поддерживать веру в свое сверхъестественное могущество, было ее близкое знакомство со всеми потайными ходами и убежищами, как естественными, так и искусственными, о которых ей удавалось узнать либо по сохранившимся о них преданиям, либо каким-нибудь иным образом, и это знание часто позволяло ей совершать такие вещи, какие иначе казались бы совершенно необъяснимыми. Так, когда в Боро-Уестре она исчезла из шатра, устроенного для гадания, то просто скрылась за подвижной панелью, открывавшей тайный проход в стене, известный только ей и Магнусу, который, как она была уверена, не выдаст ее. С другой стороны, щедрость, с какой она раздавала свои весьма значительные доходы, ни на что другое ей, впрочем, не нужные, позволяла ей прежде других получать какие угодно сведения и обеспечивала любую помощь, необходимую для осуществления задуманного. Кливленд

¹ Перевод Ю. Корнеева,

в данном случае имел полное основание восхититься как ее прозорливостью, так и средствами, находящимися в ее распоряжении.

Когда она нажала небольшую пружину, дверца в перегородке, отделявшей восточное крыло от остальной части собора и скрытая богатой деревянной резьбой, открылась и обнаружила темный, узкий и извилистый проход, куда Норна вошла, шепотом приказав Кливленду следовать за ней и тщательно закрыть за собой дверцу. Он послушно пошел по темному ходу, куда не доносилось ни единого звука, то спускаясь вниз по ступенькам, о точном числе которых Норна всегда предупреждала его, то поднимаясь и часто делая крутые повороты. Воздух был свежее, чем можно было ожидать, так как в проход, очевидно, открывались во многих местах незаметные, ловко спрятанные отдушины. Наконец их долгий путь кончился: Норна отодвинула в стене подвижную панель, скрытую позади деревянной кровати, или, как говорят в Шотландии, кровати-шкафа, и оба очутились в старинном, но убогом помещении с потолком, сложенным крестовым сводом, и окном, забранным частым свинцовым переплетом. Обстановка была самая ветхая, и единственным убранством комнаты служили висевшая на одной из стен гирлянда из полинялых лент, какими обычно украшают китобойные суда, а на другой — щит с гербом и короной ярла, окруженный обычными эмблемами смерти. По кирке и лопате, брошенным в углу, а также по фигуре старика в порыжелом черном кафтане и шляпе с опущенными полями, который сидел за столом и читал, нетрудно было догадаться, что они находятся в жилище церковного сторожа и могильщика и в присутствии самого этого почтенного лица.

Когда шум отодвигаемой панели привлек его внимание, он поднялся с места, с большой почтительностью, но нисколько не удивившись, снял широкополую шляпу с редких седых волос и остался стоять перед Норной с непокрытой головой с видом величайшей покорности.

— Будь мне верен, — сказала Норна, — и смотри, чтобы ни единый смертный не узнал потайного хода в святилище.

Старик поклонился в знак послушания и благодарности, ибо с этими словами Норна вложила ему в руку монету. Дрожащим голосом выразил он надежду, что она не забудет его сына, отплывшего к берегам Гренландии, и сделает так, чтобы он вернулся счастливо и благополучно, как и в прошлом году, когда привез с собой, — тут старик указал на стену, — эту самую гирлянду.

— Я вскипачу свой котелок и произнесу над ним заклинания ради его благополучия, — ответила Норна. — А что, Паколет уже ждет нас с лошадьми?

Старый сторож ответил утвердительно, и Норна, сделав знак Кливленду следовать за ней, вышла через боковую дверь в небольшой сад, столь же заброшенный, как и только что покинутое ими жилище. Через низкую и полуразрушенную стену они без труда перебрались в другой сад, бо́льших размеров, но такой же запущенный, а затем, через калитку, закрытую на одну щеколду, вышли в длинный и извилистый переулок — единственный, как шепнула Норна своему спутнику, участок пути, где могла им грозить опасность, — по которому и пошли быстрыми шагами. Было уже почти совсем темно, и немногие жители жалких лачуг по ту и по другую сторону улочки уже разошлись по домам. Путники заметили одну только женщину, которая выглянула было за дверь, но перекрестилась и тотчас же бросилась обратно, увидев высокую фигуру Норны, которая пронеслась мимо нее большими шагами. Переулок вывел беглецов за город, где немой карлик, спрятавшись за стеной покинутого сарая, ждал их с тремя лошадьми. Не теряя времени, Норна вскочила на одну, Кливленд — на другую, и, сопровождаемые Паколетом, взобравшимся на третью, они быстро понеслись в ночную тьму, ибо их резвые и горячие коньки были гораздо более крупной породы, чем обычные в Шетлендии пони.

После часа с лишним скорой езды по пути, который указывала Норна, беглецы остановились перед

лачугой, столь убогой на вид, что она походила скорее на хлев, чем на человеческое жилище.

— Оставайся здесь до рассвета, когда с судна смогут различить поданный тобой сигнал, — сказала Норна, поручив лошадей Паколету и предлагая Кливленду последовать за ней в жалкую хижину, где тотчас же зажгла небольшой железный светильник, который постоянно носила с собой.

— Это бедное, но надежное убежище, — продолжала она, — явись только сюда преследователи — земля развернется под нами и мы скроемся в ее недрах, прежде чем нас смогут схватить. Знай: место это посвящено богам древней Валгаллы. А теперь отвечай, человек, погрязший в преступлениях и крови, друг ты или враг Норне, единственной жрице этих отвергнутых ныне богов?

— Как могу я быть твоим врагом? — сказал Кливленд. — Уже из самой обычной благодарности...

— Обычная благодарность! — перебила его Норна. — Это слишком обычное слово, а слова — обычная дань, которую глупцы принимают из рук обманщиков. Нет, Норне нужна благодарность действием, жертва!

— Хорошо, матушка, скажи, чего ты требуешь?

— Чтобы ты никогда больше не пытался увидеть Минну Тройл и покинул бы наш берег в течение двадцати четырех часов, — ответила Норна.

— Это невозможно, — сказал Кливленд, — я не смогу так быстро снабдить шлюп всеми необходимыми припасами.

— Сможешь! Я позабочусь, чтобы вам доставили все, что нужно, а Кэтнесс и Гебридские острова — недалеко. Если вы захотите, то сможете уйти.

— Но почему я должен уйти? — воскликнул Кливленд. — А если я не желаю этого?

— Потому что твое присутствие опасно для других и тебе самому грозит гибелью. Но послушай меня внимательно. С первого же мгновения, как я увидела тебя распростертым без чувств на песке под утесом Самборо, я прочитала в твоих чертах, что судьба твоя связана со мной и с теми, кто дорог мне;

но к добру или злу — то было скрыто от моих глаз. Я помогла вернуть тебя к жизни и спасти твое имущество. Я помогла в этом тому самому юноше, которому впоследствии ты встал на дороге и уязвил его самые сокровенные чувства, оклеветав его своими рассказами.

— Как! Я оклеветал Мертоне! — воскликнул Кливленд. — Бог мне свидетель, что я почти не упоминал его имени в Боро-Уестре, если только это вы имеете в виду. Коробейник Брайс, желая, как мне кажется, заручиться моим расположением, ибо он надеялся иметь от меня кое-какую выгоду, в самом деле, как я слышал, нашептал кое-что старому Магнусу, ложь или правду — не знаю, но потом это подхватила молва чуть ли не всего острова. Но сам я не думал о Мертоне как о сопернике, иначе я избрал бы более благородный путь, чтобы избавиться от него.

— Так, значит, лезвие твоего обоюдоострого кинжала, направленное в грудь безоружного юноши, и пыталось проложить этот более благородный путь? — сурово спросила Норна.

Совість жестоко уязвила Кливленда; на мгновение он умолк, затем продолжал:

— Тут я действительно был виноват. Но он, слава богу, поправился, и я готов дать ему удовлетворение, какого он потребует.

— Нет, Кливленд, — возразила предсказательница, — нет! Враг, в чьих руках ты служишь лишь оружием, могуч, но со мной ему не тягаться. Ты человек такого склада, который силы мрака любят избирать для исполнения своей воли: ты смел, высокомерен, тебя не страшат и не сдерживают никакие нравственные основы, вместо них тобой руководит чувство неукротимой гордыни, которое люди, подобные тебе, называют честью. Такова твоя сущность, и она определила весь твой жизненный путь — стремительный и неудержимый, кровавый и бурный. Мне, однако, ты должен будешь покориться, — закончила Норна, воздевая жезл и тем самым словно утверждая свою непреклонную волю, — да, да, хотя бы демон, который

владеет тобой, появился сейчас во всем своем ужасном обличье!

Кливленд иронически улыбнулся.

— Послушай, матушка, — сказал он, — побереги подобные речи для невежественного моряка, который просит послать ему благоприятный ветер, или для бедного рыболова, молящего об удачном улове. Я давно уже недоступен чувству страха и нисколько не суеверен. Вызывай своего демона, если таковой у тебя имеется, и пусть он встанет здесь передо мной. Тот, кто провел долгие годы среди дьяволов из плоти и крови, вряд ли оробеет, увидев бесгелесного черта.

Спокойствие и безнадежная горечь этих слов своей силой и убедительностью поколебали даже порожденные болезнью иллюзии Норны.

— За кого же ты тогда меня принимаешь, — глухим и дрогнувшим голосом спросила она Кливленда, — если отрицаешь могущество, за которое я так дорого заплатила?

— Ты мудра, матушка, — ответил Кливленд, — во всяком случае, ты очень искусна, а всякое искусство — могущество. Я вижу, что ты прекрасно умеешь плыть по течению событий, но отрицаю, что ты в силах изменить это течение. Не трать поэтому слов, перечисляя различные ужасы — они меня не пугают; скажи просто: почему ты требуешь, чтобы я уехал?

— Потому что я хочу, чтобы ты не видел больше Минну, — ответила Норна, — потому что Минна предназначена тому, кого здесь зовут Мордонтом Мертонном, потому что, если ты не скроешься отсюда в течение двадцати четырех часов, тебя ожидает верная гибель. Ну вот, эти слова просты, в них нет никакого тайного смысла; отвечай же мне так же кратко и ясно.

— Хорошо; итак, говоря кратко и ясно, — ответил Кливленд, — я не покину этих островов по крайней мере до тех пор, пока еще раз не увижу Минну Тройл! И пока я жив, не достанется она твоему Мордону!

— Послушайте только его! — воскликнула Норна. — Послушайте, с каким презрением смертный от-

вергает возможность продлить свое земное существование! Послушайте, как грешник, великий грешник, отказывается от срока, который судьба предоставляет ему для раскаяния, для спасения бессмертной души! Посмотрите — вот он стоит, гордо выпрямившись: как он смел, как уверен в своих молодых силах и мужестве! Даже я, никогда не знавшая слез, даже я, у которой так мало причин сожалеть о нем, чувствую, как глаза мои затуманиваются при мысли о том, во что превратится этот молодой, полный сил человек, прежде чем солнце зайдет дважды.

— Матушка, — сказал Кливленд твердо, однако с оттенком грусти, — до некоторой степени я понимаю твои угрозы: ты лучше нашего знаешь, куда идет «Альциона», и, может быть, обладаешь средствами направить ее по нашим следам, ибо должен сознаться, что ты показала удивительное умение вести подобного рода дела. Пусть даже так, но я все же не откажусь от своих намерений из-за подобной опасности. Если фрегат появится здесь — ну что же, мы сможем отойти на мелководье, где ему нас не настигнуть, а шлюпки его вряд ли сумеют захватить и отвести в открытое море наш корабль, как какую-нибудь испанскую шебеку. Да, снова поднимем мы тогда тот флаг, под которым плавали до сих пор, используем тысячу средств, которые помогали нам еще в худших случаях, и будем биться до конца; а когда люди не смогут уже более бороться — ну что же: один выстрел из пистолета в пороховой погреб, и мы умрем так же, как жили.

Кливленд кончил, и наступило гробовое молчание. Потом он снова заговорил, но гораздо более мягким тоном:

— Ты слышала мой ответ, матушка; не будем же больше спорить и расстанемся в мире. Мне хотелось бы оставить тебе что-нибудь на память, чтобы ты не забыла несчастного, которому оказала большую услугу: он уходит, не питая к тебе недоброго чувства, хотя ты и противилась самым заветным его желаниям. Нет, не отказывайся принять от меня такой пустяк, — продолжал он, вкладывая в руку Норны

небольшую табакерку из чеканного серебра, послушавшую когда-то поводом для ссоры его с Мордонтом, — не ради металла — я знаю, что ты его не ценишь, — но как память о встрече с тем, о ком долго еще будут говорить в морях, бывших свидетелями его удивительных приключений.

— Принимаю твой дар, — ответила Норна, — в знак того, что если я в какой-то степени и оказалась причастна твоей судьбе, то лишь как невольный и печальный исполнитель иных велений. Правильно ты сказал, что мы не властны управлять потоком событий, который несет нас все дальше и дальше, делая бесполезными наши самые отчаянные усилия. Так *уеллы* Тафтилоу¹ увлекают в своем водовороте даже самые мощные корабли, невзирая на их рули и паруса. Паколет! — позвала она затем, возвысив голос. — Эй, Паколет!

Огромный камень, лежавший у одной из стен лагуны, сдвинулся при этих словах с места, и, к изумлению Кливленда, даже к некоторому его ужасу, оказалась уродливая фигура карлика, который, подобно чудовищному пресмыкающемуся, выполз из подземного хода, ранее прикрытого камнем.

Норна, на которую, видимо, подействовали слова Кливленда о мнимости ее сверхъестественного могущества, не только не пыталась использовать этот случай для подтверждения своей чудесной власти, но поспешила тут же объяснить необыкновенное явление, которому он оказался свидетелем.

— Такие подземные галереи с тщательно скрытым входом, — сказала она, — нередки на наших островах. В минувшие годы жители спасались в этих убежищах от ярости норманнов, пиратов того времени. Я привела тебя сюда, чтобы ты сам в случае необхо-

¹ Уеллы на языке мореплавателей тех мест означают водовороты или небольшие водоверты, которые бурлят с поразительной силой и чрезвычайно опасны. Отсюда различие в старом английском языке между *wells* и *waves*: последние означают поступательное движение воды в определенном направлении, а первые — ровные, гладкие, маслянистые на вид водовороты, сила которых кажется почти непреодолимой. (*Прим. автора.*)

димости мог им воспользоваться. Если ты заметишь, что тебя ищут, то можешь либо скрыться в недра земли, пока не минует опасность, либо уйти через дальний выход, у самого озера, которым воспользовался только что Паколет. А теперь — прощай! Подумай о том, что я тебе сказала, ибо как верно то, что сейчас ты живой человек, двигаешься и дышишь, так же верно и то, что твоя участь будет решена и подписана, если в течение двадцати четырех часов ты не обогнешь мыса Боро-Хэд.

— Прощай, матушка, — ответил Кливленд, и она ушла, бросив на него последний взгляд, в котором при свете лампы он мог различить одновременно и печаль и досаду.

Встреча с Норной, завершившаяся подобным образом, заставила Кливленда весьма сильно призадуматься, хотя он и привык к постоянным опасностям и не раз бывал на волосок от смерти. Тщетно пытался он стряхнуть с себя впечатление, произведенное словами Норны, — оно было тем сильнее, что на этот раз в них почти не слышалось той таинственности, которую он так презирал. Тысячу раз укорял он себя в том, что все откладывал давно принятое решение расстаться со своей чудовищной и опасной профессией. Тысячу раз твердо повторял он себе, что лишь бы ему еще раз увидеть Минну Тройл, хотя бы для того, чтобы сказать ей последнее прости, — и он покинет шлюп, как только сумеет избавить своих товарищей от создавшегося трудного положения, постарается добиться прощения короля и отличиться, если это будет возможно, воинской доблестью на каком-либо более достойном поприще.

Это решение, которое он снова и снова торжественно обещал себе выполнить, в конце концов подействовало успокаивающим образом на его мятущуюся душу, и, завернувшись в плащ, он на время забылся тем не приносящим полного отдохновения сном, которого истощенная человеческая природа требует как обязательной дани даже от тех, кому грозит неминуемая опасность. Но если преступник может до известной степени успокоить и заглушить угрызения совести

таким условным раскаянием, не будет ли это в глазах всевышнего скорее отягчающей вину самонадеянностью, чем искуплением его грехов?

Серый рассвет уже примешивался к сумеркам оркнейской ночи, когда Кливленд проснулся и увидел, что находится на берегу обширного водного пространства. Недалеко от того места, где он стоял, две узкие длинные косы выступали с противоположных сторон озера и почти разделяли его надвое, смыкаясь друг с другом при помощи Бройзгарского моста — длинной дамбы с пролетами для пропуска приливных и отливных течений. Позади Кливленда и прямо перед мостом возвышался знаменитый полукруг огромных, вертикально стоящих камней, не имеющих себе равных во всей Британии и уступающих только неподражаемому памятнику Стоунхенджа. Громадные гранитные глыбы, достигающие двенадцати, а некоторые даже четырнадцати и пятнадцати футов высоты, стояли вокруг пирата в сером предрассветном сумраке, словно закутанные в саваны призраки допотопных гигантов, вернувшихся взглянуть при бледном утреннем свете на землю, которую они некогда угнетали своим насилием и оскверняли преступлениями, пока не навлекли на себя возмездия долготерпеливого неба.

Но Кливленда не столько интересовал этот любопытный памятник древности, сколько отдаленные, еще еле заметные очертания Стромнесса. Не теряя времени, он выстрелом из пистолета добыл огонь, а влажный папоротник послужил ему подходящим топливом для разведения условленного сигнального костра, за появлением которого ревностно следили с судна, ибо непригодность Гоффа день ото дня становилась все более очевидной и даже его самые верные сторонники признали, что благоразумнее будет подчиниться Кливленду, пока они не вернутся в Вест-Индию.

Банс самолично прибыл на шлюпке за своим любимым начальником: он плясал, кричал, принимался декламировать, божился и чертыхался от радости, что снова видит его на свободе.

— Мы уже начали, — сказал он, — снабжение шлюпа и могли бы здорово двинуть дело, если бы не эта старая спившаяся свинья Гофф, который только и способен лакать спиртное.

Команда шлюпки, охваченная теми же радостными чувствами, гребла с таким усердием, что, хотя было время отлива, а ветер упал, быстро доставила Кливленда на шканцы судна, которым он имел несчастье командовать.

Первым актом его капитанской власти было тотчас же довести до сведения Магнуса Тройла, что он может продолжать свое путешествие и ему готовы, насколько это возможно, возместить все убытки, причиненные задержкой на пути в Кёркуолл. Капитан Кливленд изъявлял также желание, если это угодно будет мистеру Тройлу, лично засвидетельствовать ему свое почтение на борту брига, чтобы поблагодарить его за прежние милости и принести извинения за обстоятельства, сопровождавшие его задержание.

Бансу, которому Кливленд доверил это поручение, как самому воспитанному из всей команды, старый прямодушный юдаллер ответил так:

— Скажите вашему капитану, что я искренне желал бы, чтобы все, кого он останавливает в открытом море, терпели от него так же мало, как претерпел я. Скажите также, что если мы хотим остаться с ним друзьями, то лучше нам держаться на почтительном расстоянии, ибо мне столь же малопривычен гром его пушек на море, как ему не понравился бы свист пули из моего мушкета на суше. Скажите ему, одним словом, что, к сожалению, я ошибался в нем, и лучше бы он приберег для испанцев то обращение, каким награждает своих соотечественников.

— Так вот как ты отвечаешь, вредный старикашка! — воскликнул Банс. — Эх, лопни мои печенки, хотелось бы мне переиначить твой ответ да проучить тебя хорошенько, чтобы ты знал, как уважать джентльменов удачи! Но так уж и быть, я не сделаю этого, не сделаю ради двух твоих славных девушек и давнишнего моего приятеля Клода Холкро... Да, стоит мне только взглянуть на него — и тотчас мне

вспоминается доброе старое время, как декорации меняли и со свечек нагар снимали! Ну, прощай, тюлений колпак, больше нам говорить с тобой не о чем.

Как только шлюпка с пиратами отвалила от брига и пошла восвояси, Магнус, не слишком доверяя слову джентльменов удачи, как они сами себя называли, поспешил сняться с якоря и отвести свой бриг подальше от пиратского шлюпа. Ветер, по счастью, переменил румб и подул в нужную сторону; по мере того как поднималось солнце, он все крепчал, и юдаллер приказал поставить все паруса и идти к Скап-Флоу, где собирался высадиться, чтобы сухим путем добраться до Кёркуолла. Там он надеялся застать обеих своих дочерей и старого друга, Клода Холкро.

Глава XXXIX

Решайся, Эмма, бьет последний час —
Кого покинешь, с кем пойдешь из нас?
Враждебные тебе судили боги,
Что третьей пред тобою нет дороги.

«Генри и Эмма»

Солнце стояло высоко в небе. Шлюпки непрерывно подвозили с берега на судно запасы провизии и воды, которые, поскольку в работе принимало участие множество рыбацких парусников, поступали на борт с непредвиденной быстротой и принимались командой с такой же расторопностью. Люди работали с большой охотой, ибо всем, кроме самого Кливленда, надоел берег, стоять у которого становилось с каждой минутой все опаснее и где — что казалось пиратам еще худшим злом — не предвиделось никакой добычи.

Банс и Деррик непосредственно руководили погрузкой, тогда как Кливленд в стороне от них молча прохаживался по палубе, только время от времени отдавая соответствующие распоряжения, а затем снова погружаясь в свои собственные мрачные думы.

Есть два разряда людей, которых преступное окружение, ужасы и смуты выдвигают на поприще активных деятелей. Одни по самой своей природе словно созданы и предназначены для страшных деяний: они выползают на свет из своих потаенных убежищ, точно истые демоны, и чувствуют себя среди преступлений как в своей родной стихии. Таков был Бородастый Человек, появившийся в Версале в памятную ночь 5 октября 1789 года, добровольный палач бесчисленных жертв, отданных ему на растерзание жаждущей крови чернью. Но Кливленд принадлежал к другому разряду этих несчастных существ, которые становятся орудием зла скорее в силу внешних обстоятельств, чем по внутренней склонности. Действительно, то, что он вступил на путь беззаконий, просто продолжая дело своего отца, а быть может, для того, чтобы отомстить за него, уже до известной степени смягчало его вину и могло служить своего рода оправданием. К тому же он часто сам с ужасом смотрел на свою профессию и не раз делал усилия, правда все еще бесплодные, чтобы порвать с ней.

Такие же угрызения совести и сейчас терзали его, и вполне понятно, что мысль о Минне примешивалась к ним и поддерживала их. Кливленд оглядывался также на окружавших его товарищей и хотя прекрасно знал, как они распутны и жестоки, но не допускал и мысли, чтобы им пришлось расплачиваться за его личное упрямство. «Мы сможем сняться с отливом, — думал он. — Зачем же я буду подвергать их опасности, задерживая судно до того часа, когда должна осуществиться угроза, предсказанная этой удивительной женщиной. Все ее сведения, каким бы образом они ни были добыты, всегда оказывались поразительно точными, а ее предупреждение звучало так строго... словно мать напоминала заблудшему сыну о его преступлениях и предупреждала о приближающемся возмездии. А кроме того, какая надежда есть у меня еще раз увидеть Минну? Она, конечно, в Кёрк-уолле, но мне явиться туда — все равно что направить судно прямо на скалы. Нет, я не буду подвергать своих несчастных товарищей такой опасности и

снимусь с отливом. На пустынных Гебридских островах или на северо-западном берегу Ирландии я высажусь и вернусь сюда, переодевшись в чужое платье. Но нет! Какой смысл мне возвращаться? Для того, чтобы увидеть Минну женой Мордонта? Нет, пусть судно отходит с ближайшим отливом, но без меня, а я останусь и пойду навстречу своей судьбе.

Тут его размышления были прерваны Джеком Бансом, который доложил «благородному капитану», что они могут сняться с якоря, когда ему будет угодно.

— Когда тебе будет угодно, Банс: я поручаю командование тебе, а сам сойду в Стромнессе, — сказал Кливленд.

— Ну нет! Клянусь небом, этого ты не сделаешь! — воскликнул Банс. — Передать командование мне! Хорошенькое дело! Черта с два, станет мне повиноваться экипаж, когда даже Дик Флетчер нет-нет да и бунтует. Ты сам прекрасно знаешь, что без тебя не пройдет и получаса, как мы все перегрызем друг другу глотки; а если ты бросишь нас, то, клянусь веревкой, какая тогда разница, прикончит ли нас корабль его величества или мы сами прикончим один другого. Да полно, капитан, на свете много чернооких красавиц, но где ты найдешь еще такое славное судно, как наш крошка «Баловень», да еще с командой готовых на все молодцов, которые:

Сумеют мир нарушить в целом мире
И крайнее неистовство смирить.

— Да ты совсем рехнулся, Джек Банс! — сказал Кливленд, досадуя и невольно забавляясь выпреним тоном и напыщенными жестами помешанного на театральном искусстве пирата.

— Быть может, и так, уважаемый капитан, — ответил Банс, — а быть может, у меня есть и товарищ по безумию. Ведь ты сам собираешься сейчас играть в пьесах «Всё для любви» и «Потерянный мир», хотя и говоришь, что не в силах выслушать и невинной тирады в высоком стиле. Ну да уж ладно, на этот раз я могу говорить и прозой, ибо у меня есть для тебя

достаточно новостей — да еще каких, прямо-таки потрясающих!

— Тогда выкладывай их скорее, да только, как ты выражаешься, на языке простых смертных.

— Рыбаки Стромнесса не хотят ничего брать ни за припасы, ни за свой труд, — ответил Банс. — Вот, можешь теперь удивляться!

— Но почему же, скажи на милость? — спросил Кливленд. — Первый раз в жизни слышу, чтобы в морском порту отказывались от денег!

— Что правда, то правда! Обычно-то они запрашивают с таким старанием, словно пазы конопатят. Но дело вот в чем: владелец того самого брига, отец вашей прекрасной Имоинды, расплатился, оказывается, за все, в благодарность за наше вежливое обращение с его дочерьми, а также для того, чтобы мы могли удалиться из этих краев и, как он выразился, «не получить по заслугам».

— Узнаю великодушного старого юдаллера! — воскликнул Кливленд. — Но разве он в Стромнессе? Я думал, что он направился по суше через весь остров в Кёркуолл?

— Да, таковы были его намерения, — ответил Банс, — но не один только король Дункан изменил свой путь. Не успел мейстер Тройл сойти на берег, как его встретила одна здешняя старуха колдунья, постоянно сующая нос в чужие пироги, и по ее совету он изменил свои намерения и отправился не в Кёркуолл, а сюда, и теперь стоит на якоре вон в том белом здании, которое ты можешь увидеть в подзорную трубу по ту сторону озера. Мне говорили, что старуха тоже внесла свою долю в уплату за наши припасы, хотя для чего ей понадобилось раскошелиться — ума не приложу, разве что эта ведьма чувствует к нам симпатию, как к истым дьяволам.

— Но откуда ты знаешь все это? — спросил Кливленд, не берясь за подзорную трубу и не проявляя ко всему услышанному того интереса, какого ожидал его приятель.

— А вот как, — ответил Банс, — я совершил сегодня утром небольшую прогулку на берег, в деревню,

поболтал там за кружкой с одним старым знакомым, которому мейстер Тройл поручил присматривать за погрузкой, и выудил у него все это, да еще кое-что в придачу, о чем не хотел бы даже и говорить тебе, уважаемый капитан.

— А кто же был этот твой собеседник? — спросил Кливленд, — разве у него нет имени?

— Да мой давнишний легкомысленный и веселый приятель по имени Холкро, если уж ты так хочешь знать, — ответил Банс.

— Холкро! — повторил Кливленд, и в глазах его сверкнуло изумление. — Клод Холкро? Но как же так? Ведь он высадился в Инганессе вместе с Минной и ее сестрой! Где же они?

— Видишь ли, этого-то я как раз и не хотел говорить, — ответил Кливленду его наперсник, — но пусть меня повесят, если я сумею выдержать характер! Положение уж очень заманчивое!.. Ага, подобное вступление уже произвело должный эффект, и подозрительная труба теперь направлена на замок Стеннис! Да, надобно признаться, они там и находятся не под очень-то сильной охраной. Кое-кто из людей старой ведьмы явился сюда с той горы, что зовется у них островом Хой, да престарелый джентльмен вооружил нескольких человек. Но какое это имеет значение? Скажи только слово, о мой благородный капитан, и мы сегодня же ночью схватим обеих красоток, упрячем их в трюм, с рассветом прикажем выбирать якорь, а там поставим марсели и уйдем с утренним отливом.

— Ты противен мне своей низостью! — воскликнул, отворачиваясь от него, Кливленд.

— Гм... низость... противен... — повторил Банс. — Но что я сказал? Разве тысячу раз не делали подобных вещей такие же джентльмены удачи, как мы с тобой?

— Молчи! — перебил его Кливленд; в глубоком раздумье прошелся он по палубе, затем снова вернулся к Бансу, взял его за руку и произнес:

— Джек, я должен увидеть ее еще раз!

— Желаю успеха, — мрачно ответил Банс.

— Я должен увидеть ее еще раз, чтобы у ног ее отречься от этой проклятой жизни и искупить совершенные преступления...

— На виселице, — закончил за него Банс, — желаю успеха! «Сознайся и лезь в петлю», — весьма почетная поговорка.

— Но, дорогой Джек!

— Дорогой Джек! — повторил Банс тем же угрюмым тоном. — Дорого ты стоил своему дорогому Джеку. Но поступай как знаешь, а я навсегда закаялся помогать тебе — ведь это значило бы только стать тебе противным своими низкими советами!

— Вот видите, теперь я должен успокаивать этого глупого парня, как капризного ребенка, — проговорил как бы про себя Кливленд. — А ведь у него должно бы хватить ума, и прямодушия, и, казалось бы, доброты, чтобы понять, что в шквал не до того, чтобы выбирать слова.

— Да, ты прав, Клемент, — ответил Банс, — и вот тебе моя рука. А теперь как подумаю, так ты действительно должен увидаться с ней в последний раз, ибо не в моем духе препятствовать прощанию влюбленных. А велика ли важность — отлив? Мы можем уйти завтра с таким же успехом, как сегодня.

Кливленд вздохнул, вспомнив угрозу Норны, но возможность в последний раз увидеть Минну была слишком соблазнительна, чтобы отказаться от нее из-за какого-то предчувствия или предсказания.

— Я сейчас же отправлюсь на берег в тот самый замок, где все они находятся, — заявил Банс, — расплата за полученные припасы послужит мне хорошим предлогом — и передам от тебя Минне письмо или послание так же ловко, как настоящий *valet de chambre*.¹

— Но их окружает стража, ты можешь оказаться в опасности, — сказал Кливленд.

— Нисколько, нисколько, — возразил Банс, — ведь я защитил девушек, когда они были в моей власти,

¹ Камердинер (франц.).

и ручаюсь, что отец и сам не причинит мне зла и никому не позволит меня тронуть.

— Ты прав, — ответил Кливленд, — это не в его характере. Так я сейчас же напишу Минне записку.

С этой целью он бросился вниз, в каюту, где испортил не один лист бумаги, прежде чем дрожащей рукой и с замирающим сердцем сочинил такое письмо, какое, по его мнению, заставило бы Минну согласиться на последнее с ним свидание завтра утром.

Тем временем его приспешник Банс отыскал Флетчера, твердо уверенный, что тот поддержит его в любом предприятии, и в сопровождении этого верного спутника предстал перед грозные очи Хокинса, боцмана и Деррика — вахтенного начальника, которые после тягот трудового дня угощались кружкой грога.

— А вот и тот, кто все нам расскажет, — сказал Деррик. — Ну, господин лейтенант, — хочешь не хочешь, а приходится теперь называть тебя так — выкладывай, какие у вас там секреты, когда поднимаем мы якорь?

— Когда будет угодно небу, господин вахтенный начальник, — ответил Банс, — а я знаю о том не больше, чем этот вот ахтерштевень.

— Как, черт побери мои пуговицы! — воскликнул Деррик. — Разве мы не уходим с этой водой?

— Или уж, на худой конец, с завтрашней? — добавил боцман. — А то ради какого рожна мы мучали всю команду и пороли этукую горячку с погрузкой?

— Джентльмены, — ответил Банс, — должен вам сообщить, что Купидон взял нашего капитана на бордаж, завладел его судном и запер его рассудок в трюм.

— Брось свои театральные кривлянья, — грубо перебил его боцман. — Если у тебя есть что сказать, говори ясно, как мужчина.

— Ну, как ты там ни верти, — вмешался Флетчер, — а на мой взгляд, Джек Банс всегда говорит и действует как мужчина, а потому, сдастся мне...

— Помолчи-ка немного, Дик, дружище, попридержи язык, — сказал Банс. — Итак, джентльмены, говоря самыми простыми словами, наш капитан влюблен.

— Ну и что ж такое? Подумаешь! — воскликнул боцман. — Как будто со мной этого не случилось, как и со всеми прочими, да только тогда, когда судно стояло на приколе.

— Но теперь, — ответил Банс, — влюблен сам капитан, понимаете ли? Влюблен принц Вольсций! И хотя на сцене это чрезвычайно смешно, но нам теперь не до смеха. Он хочет встретиться со своей девушкой в последний раз завтра утром, а это, как мы прекрасно понимаем, поведет еще к одной встрече, а там и еще... и так до тех пор, пока «Альциона» не захватит нас врасплох, а тогда уж на нашу долю достанется больше щелчков, чем пенсов!

— Ах, вот как... — И боцман облегчил свою душу громогласным проклятием. — Ну, тогда мы взбунтуемся и не пустим его на берег. Так, что ли, Деррик?

— Самое наилучшее дело, — ответил тот.

— А ты как думаешь, Джек Банс? — спросил Флетчер; ему самому подобный план казался весьма благоразумным, но уголком глаза он все же поглядывал на своего приятеля.

— Что до меня, джентльмены, — ответил Банс, — так я бунтовать не буду, и лопни мои печенки, если кто-нибудь здесь осмелится бунтовать.

— Ну ладно, тогда уж и я не буду, — согласился Флетчер, — но что же нам делать? Как ты там ни верти, а...

— Заткни свою глотку, Дик, — прикрикнул на него Банс. — Так вот, боцман, я отчасти согласен с тобой, что придется-таки нам употребить небольшое благотворное насилие, чтобы образумить капитана: вы ведь знаете, что он неукротим, как лев, и делает только то, что сам захочет. Так вот: я съезжу на берег и договорюсь с девушкой. Утром она явится на randevu, и капитан также. Мы подберем надежную шлюпочную команду, ибо грести придется и против прилива и против течения, по условленному сигналу

выскочим из шлюпки, схватим капитана и девушку и увезем их с собой, хотя бы они того или нет. Наш капризный ребенок не станет очень противиться, поскольку мы вместе с ним захватим и его погремушку, а если он все-таки закапризничает, так мы сумеем сняться с якоря и без его разрешения; а там он мало-помалу опомнится и сам поймет, кто его истинные друзья.

— Ну что же, это, может быть, неплохо придумано, мейстер Деррик, — сказал Хокинс.

— Джек Банс всегда хорошо придумает, — добавил Флетчер, — но как ты там ни верти, а только капитан при этом обязательно застрелит кого-нибудь из нас, это уж вы помяните мое слово.

— Да придержи ты язык, — остановил его Банс, — ну какая, к черту, разница, застрелят тебя или повесят?

— Оно, правда, разница-то не больно велика, — ответил Дик, — как там ни верти...

— Молчи, говорят тебе, — повторил его неумолимый патрон, — и слушай. Мы захватим капитана врасплох, так что он не успеет вытащить ни тесака, ни пистолетов, и я сам — так сильна моя любовь к нему — первый брошусь, чтобы повалить его на землю. Надо сказать, что добычу, за которой гонится капитан, всегда сопровождает небольшой, ладно построенный полубаркасик; так вот, если представится случай, я не прочь был бы захватить его для себя лично.

— Так, так, — ответил Деррик, — дай только тебе волю, так ты об одной своей выгоде и будешь думать!

— Ну нет, клянусь честью, — воскликнул Банс, — но я не упускаю ее, когда она сама дается мне в руки, или я добиваюсь ее собственной сообразительностью: ведь никому из вас не пришел бы в голову подобный план. А капитан наш, таким образом, полностью будет с нами: умом и сердцем, с руками и ногами, а кроме того, мы разыграем прекрасную заключительную сцену, достойную любой комедии. Итак, я отправлюсь на берег, чтобы обо всем столкнуться, а

вы сообщите тем из джентльменов, кто еще трезв и заслуживает доверия, о нашем замысле.

Договорившись таким образом, Банс и его друг Флетчер ушли, а оба старых пирата долго молча смотрели друг на друга. Наконец заговорил боцман:

— Убей меня, Деррик, а не по душе мне эти щелкоперы, нет в них настоящей разбойничьей породы. Они так же мало походят на тех пиратов, что я знал до сих пор, как этот шлюп — на линейный корабль. Да вот взять, к примеру, хоть старого Шарпа — помнишь, он каждое воскресенье читал молитвы перед всей командой — что бы он сказал, коли услышал, что к нам на корабль собираются взять двух девчонок?

— А что сказал бы старый ворчун Черная Борода, — добавил Деррик, — коли они хотели бы захватить их только для себя? Да за такое бесстыдство пустить бы их прогуляться по доске или связать спиной к спине, да и вниз головой в воду, и чем скорее, тем лучше.

— Так-то оно так, но кто же тогда будет управлять судном? — спросил Хокинс.

— А чем плох старина Гофф? — осведомился Деррик.

— Ну, он так часто и подолгу прикладывается к бутылке, — сказал боцман, — что стал никуда не годен. Трезвый — он хуже старой бабы, а как нальется, так и пойдет буяннить! Да нет, хватит с нас Гоффа!

— Ну, а что ты скажешь насчет себя самого, боцман, или, к примеру, меня? — спросил вахтенный начальник. — Давай кинем: орел или решка?

— Нет, это не пройдет, — ответил после некоторого раздумья боцман. — Если бы еще недалеко было до пассатных ветров, так мы могли бы — ты или я — еще как-нибудь извернуться, но, чтобы добраться до них, тут, брат, нужно все умение Кливленда, и, пожалуй, сейчас нам лучше всего последовать совету Банса. Слышишь? Это он требует себе шлюпку. Придется-таки мне вылезти на палубу и спустить ее для «его светлости», лопни его глаза!

Шлюпку спустили; она благополучно пересекла озеро, и Банс высадился в нескольких сотнях шагов от древнего замка Стеннис. Подойдя к дому, он увидел, что обитатели его приняли срочные меры для обороны: окна нижнего этажа были забаррикадированы, и только местами в них были оставлены отверстия в виде бойниц. У главного входа стояла снятая с корабля пушка, и, кроме того, его охраняли двое часовых. Подойдя к воротам, Банс попросил разрешения войти, в чем ему кратко и бесцеремонно отказали, посоветовав убраться подобру-поздорову, если он не хочет нажить себе беды. Пират, однако, продолжал настаивать на своем желании видеть кого-либо из семьи Магнуса Тройла, утверждая, что явился по весьма важному делу, так что в конце концов показался Клод Холкро, и с раздражительностью, вовсе ему не свойственной, поклонник достопамятного Джона стал укорять своего старого знакомого в упрямстве и легкомыслии.

— Вы, — сказал он, — похожи на глупых мотыльков, порхающих вокруг свечи. Кончится тем, что вы все на ней сгорите.

— А вы, — ответил Банс, — похожи на трутней без жала, которых ничего не стоит выкурить из их убежища полдюжиной ручных гранат.

— Выкурите лучше дурь из собственной головы! — сказал Холкро. — Послушайтесь-ка моего совета и занимайтесь своими делами, а то как раз попадетесь тем, что сумеют вас выкурить. Или уходите, или скажите мне в двух словах, что вам надо, ибо не будет вам здесь иной встречи, кроме пули из аркебузы. Нас тут достаточно мужчин, да еще с острова Хой прибыл молодой Мордонт Мертон — тот самый, которого ваш капитан чуть не убил.

— Полегче, дядюшка, — возразил Банс, — он всего только выпустил ему немного лишней крови, чтобы тот не горячился.

— Мы не нуждаемся в подобных кровопусканиях, — сказал Клод Холкро, — а кроме того, ваш пациент оказался связанным с нами более близкими узами, чем вы или я могли бы предполагать, а по-

тому вы понимаете, каким нежеланным гостем будет здесь ваш капитан или кто-либо из его команды.

— Ну, а что, если я привез деньги за припасы, присланные нам на судно?

— Приберегите их для себя, пока с вас их не спросят, — ответил Холкро. — Есть два рода дурных плательщиков: тот, кто платит слишком рано, и тот, кто совсем не платит.

— Хорошо, но тогда позвольте нам по крайней мере принести нашу благодарность жертвователю.

— Приберегите ее также до тех пор, пока ее с вас не спросят, — ответил поэт.

— Итак, это все, что вы можете сказать мне хорошего, хотя бы в память нашего давнего знакомства? — спросил Банс.

— Но что же я могу сделать для вас, мистер Алтамонт? — сказал, несколько смягчившись, Холкро. — Да ведь если бы молодой Мордонт мог распоряжаться, как ему хочется, он встретил бы вас красным бургундским номер тысячный. Спасайтесь же, ради всего святого, а то еще получится как в сценических ремарках: «Входит стража и хватает Алтамонта».

— О, я не доставлю вам подобного беспокойства, — сказал Банс, — и сейчас же уйду со сцены. Но подождите, я чуть было не забыл, что со мной клочок бумаги для той из ваших барышень, что выше ростом... для Минны... да, ее зовут Минна. Видите ли, это прощальное письмецо от капитана Кливленда... Вы ведь не откажетесь передать его?

— Ах, бедный молодой человек! — воскликнул Холкро. — О, я понимаю... понимаю... Прощай, прекрасная Армида:

И бури, и пламень, и пули, и кровь

Страшны, но страшней без надежды любви!

Но скажите мне только: есть в этом послании стихи?

— О да, оно набито песнями, сонетами и элегиями до краев, до самой сургучной печати, — ответил Банс, — но смотрите передайте записку осторожно и незаметно.

— О, конечно, конечно! Не учите меня, как передавать *billet doux*,¹ меня, завсегдатая «Кофейни талантов», слышавшего все тосты в Кит-Кэт клубе! О, Минна получит эту записку и ради нашего с вами давнего знакомства, мистер Алтамонт, и ради вашего капитана, у которого сердце далеко не такое черное, как требуется для его профессии. А записку я передам, в прощальном письме вреда быть не может.

— Прощай же, старина, прощай навек! — воскликнул Банс и так крепко стиснул руку поэта, что бедняга взвыл от боли и долго еще тряс пальцами, как пес, которому на лапу упал горячий уголь.

Предоставив разбойнику возвращаться на борт пиратского судна, посмотрим, что поделявает семья Магнуса Тройла, собравшаяся у своего родственника в замке Стеннис, где ее день и ночь охраняет от неожиданностей бдительная стража.

Магнус Тройл весьма ласково встретил Мордонта Мертона, когда тот явился к нему на помощь с небольшим отрядом преданных Норне людей, которыми она поручила ему командовать. Юдаллера легко было убедить, что наветы на Мордонта, которые нашептывал ему коробейник, желая расположить его в пользу своего более щедрого покупателя Кливленда, не имели никаких оснований. Правда, наветы эти подтверждались и почтенной леди Глоуроурам и всеобщей молвой: в обоих случаях Мордонт представлен был как дерзкий претендент на руку одной из сестер из Боро-Уестры, твердо уверенный в благосклонности обеих и только раздумывавший, как султан, которой из них бросить свой платок. Но Магнус знал, что молва — большая лгунья, а что касается клеветы, то склонен был считать почтенную леди Глоуроурам одним из самых злых языков в округе и поэтому вернул Мордонту все свое расположение, с величайшим удивлением услышав, какие права предъявляет Норна на сыновнюю преданность юноши, и с неменьшим интересом — о ее намерении передать Мордонту все огромное, унаследованное от отца, состояние; и

¹ Любовную записку (франц.).

хотя Магнус и не дал немедленного ответа, когда Норна намекнула на возможный брак его старшей дочери с ее наследником, однако, по всей вероятности, считал такой союз вполне желательным, отчасти из-за личных качеств юноши, отчасти и потому, что таким образом соединились бы воедино огромные поместья, в свое время разделенные между его отцом и отцом Норны. Как бы то ни было, Магнус Тройл встретил своего юного друга чрезвычайно приветливо и вместе с хозяином замка поручил ему, как самому молодому и энергичному из всех собравшихся, быть начальником ночного караула и наблюдать за сменой часовых вокруг замка Стеннис.

Глава XL

Тому, кто вне закона жил
И проиграл игру,
Закон судил висеть в петле,
Качаясь на ветру.

*«Баллада о девушке
с каштановыми кудрями»*

До рассвета было еще далеко, когда Мордонт, сменив стоявших с полуночи часовых и распорядившись, чтобы следующая стража вступила в караул с восходом солнца, вышел в соседнюю с передней комнату, сел в кресло и задремал, положив около себя оружие. Вдруг он почувствовал, что кто-то потянул его за край плаща, в который он был закутан.

— Как, разве уже утро? — спросил он. — Так скоро? — Но, вскочив на ноги, он увидел, что на горизонте едва брезжит рассвет.

— Мордонт! — раздался в эту минуту около него голос, каждый звук которого проникал ему прямо в сердце.

Он оглянулся и с радостным изумлением увидел, что перед ним стоит Бренда Тройл. Мордонт готов уже был заговорить с ней, но остановился, заметив,

что она смущена и взволнована, лицо ее бледно, губы дрожат, а глаза полны слез.

— Мордонт, — сказала она, — ты должен оказать Минне и мне услугу — выпустить нас потихоньку из замка, так, чтобы этого никто не знал. Нам обязательно надо быть у Стеннисских камней.

— Что за странная фантазия, дорогая Бренда? — спросил Мордонт, в высшей степени изумленный подобной просьбой. — Может быть, это дань какому-либо оркнейскому суеверию, но время сейчас слишком опасное, а приказ, полученный мной от вашего отца, так строг, что я никак не могу выпустить вас без его разрешения. Посуди сама, милая Бренда, ведь я — солдат на посту и должен выполнять полученные мной приказания.

— Мордонт, — продолжала Бренда, — нам не до шуток. Рассудок Минны, даже самая жизнь ее зависят от того, позволишь ли ты нам выйти.

— Но для чего? — спросил Мордонт. — Объясни мне по крайней мере для чего?

— Ты скажешь, что это отчаянная, дикая затея, — ответила Бренда, — но она условилась встретиться с Кливлендом.

— С Кливлендом! — воскликнул Мордонт. — Да если только этот негодяй посмеет высадиться на берег, мы встретим его таким градом пуль, что ему не поздоровится, — прибавил он, хватаясь за оружие, — и за все зло, которое он причинил мне, я расплачусь с ним одной унцией свинца.

— Но если он умрет, Минна сойдет с ума, — ответила Бренда, — а на того, кто причинит зло Минне, Бренда никогда уже больше не взглянет!

— Но ведь это же безрассудство, совершенное безумие! — воскликнул Мордонт. — Ваша честь... ваш долг... подумай о них!

— Я не хочу думать ни о чем, кроме опасности, угрожающей Минне, — ответила Бренда, раздражаясь потоком слез. — Ее прежняя болезнь — ничто по сравнению с тем состоянием, в каком она находилась всю эту ночь. Она не выпускает из рук его письма, написанного скорей огнем, чем чернилами, где он за-

клинает ее встретиться с ним в последний раз, если она хочет спасти его грешное тело и бессмертную душу. Он ручается ей за полную безопасность и клянется, что никакая сила не заставит его покинуть наш берег, пока он не увидит ее еще раз. Ты должен нас выпустить, Мордонт!

— Но это невозможно, — ответил ей юноша в крайнем замешательстве. — Этому мошеннику, конечно, ничего не стоит клясться всем, чем угодно, но где ручательство, что он сдержит свое слово? Нет, я не могу выпустить Минну.

— Ну что же, — с некоторым укором промолвила Бренда, осушая слезы, которые все еще текли у нее из глаз, — значит, правда, есть что-то между тобой и Минной, как говорила Норна, и ты слишком ревнуешь ее к этому несчастному, чтобы позволить ему хоть на единый миг встретиться с ней перед разлукой.

— Ты несправедлива ко мне, Бренда, — возразил Мордонт, и обиженный и вместе с тем несколько польщенный ее подозрениями, — ты так же несправедлива, как и неблагоразумна. Ты знаешь, ты не можешь не знать, что Минна дорога мне прежде всего как твоя сестра. Хорошо, я помогу вам в этой безумной затее, но скажи мне, Бренда, веришь ли ты пирату, нет ли у тебя каких-либо подозрений?

— Нет никаких, — ответила Бренда, — а если бы они были, неужели ты думаешь, что я стала бы тебя так упрашивать? Он в отчаянии, он страдает, но я уверена, что на слово его мы можем положиться.

— И свидание назначено у Стеннисских камней на рассвете? — еще раз осведомился Мордонт.

— Да, и время это уже подошло, — ответила Бренда. — О Мордонт, ради всего святого, дай нам выйти!

— Я сам, — ответил Мордонт, — займу на несколько минут место часового у ворот замка и тогда выпущу вас. Но это опасное свидание не затянется слишком долго?

— О нет, — ответила Бренда, — но ведь ты, Мордонт, не воспользуешься высадкой этого несчастного

на берег, чтобы причинить ему какой-либо вред или схватить его?

— Ручаюсь честью, — воскликнул Мордонт, — что его никто не тронет, если он сам не подаст к тому повода!

— Тогда я пойду за сестрой, — сказала Бренда и поспешно вышла из комнаты.

Некоторое время Мордонт обдумывал положение, затем, выйдя к воротам замка, приказал часовому немедленно бежать в караульную, велеть всем вооружиться, проследить, чтобы приказ этот был выполнен, и, вернувшись, доложить ему, когда все будут готовы.

— Тем временем, — прибавил Мордонт, — я сам буду стоять на часах у входа.

Пока стража отсутствовала, наружная дверь тихонько открылась и показались закутанные в плащи Минна и Бренда. Первая опиралась на руку сестры и шла, низко опустив голову, словно стыдясь того шага, который готова была сделать. Бренда тоже молча прошла мимо своего возлюбленного, но потом, оглянувшись, бросила ему взгляд, исполненный необыкновенной благодарности и нежности, после которого она стала ему как будто еще дороже, и тревога Мордонта за судьбу обеих девушек еще более, если это было возможно, усилилась.

Когда сестры отошли настолько, что потеряли из виду замок, Минна, которая до того шла робкой и неверной походкой, внезапно выпрямилась и устремилась вперед таким быстрым и твердым шагом, что с трудом поспевавшая за ней Бренда стала уговаривать ее успокоиться и поберечь свои силы, доказывая, что им нет надобности спешить.

— Не бойся, дорогая сестра, — ответила Минна, — я чувствую в себе мужество, которое поддержит — должно поддержать — меня во время этого ужасного свидания. У меня подкашивались ноги и я не смела поднять голову, пока чувствовала на себе взгляд того, в чьих глазах неизбежно заслуживаю жалости или презрения. Но ведь ты знаешь, милая

Бренда, и Мордонт тоже скоро узнает, что любовь моя к этому несчастному так же чиста, как лучи солнца, которые отражаются сейчас в волнах. И я смело призываю в свидетели и это сверкающее светило и это синее небо, что, не будь у меня надежды заставить Кливленда изменить свою страшную жизнь, ни за какие соблазны нашей земной юдоли не согласилась бы я еще раз с ним встретиться.

Тон, каким она говорила, в значительной степени успокоил Бренду, и вскоре сестры достигли гребня возвышенности, откуда открывался широкий вид на оркнейские менгиры, то есть на огромный круг и полукруг так называемых Стоячих камней, которые в лучах восходящего солнца уже сверкали серовато-белыми громадами, отбрасывая далеко на запад свои чудовищно длинные тени. В другое время подобное зрелище глубоко поразило бы пылкое воображение Минны, а в ее менее чувствительной сестре возбуждало бы хоть некоторое любопытство, но сейчас ни одна из них не была расположена предаваться тому впечатлению, какое обычно производит на зрителей столь изумительный памятник древности, ибо сестры увидели на нижнем озере, за так называемым Бройзгарским местом, шлюпку, полную хорошо вооруженных людей; из нее высадился одинокий человек, закутанный в морской плащ, и направился к кругу Стоячих камней, к которому с противоположной стороны приближались девушки.

— Их много, и они вооружены, — шепнула сестре испуганная Бренда.

— Это из предосторожности, — ответила Минна, — которая, увы, для людей в их положении совершенно необходима. Но не бойся предательства — подобного порока у Кливленда, во всяком случае, нет.

Проговорив это, Минна вышла на середину круга, образованного высокими, прямо поставленными гранитными глыбами; в самом центре его, на более низких столбах, остатки которых можно видеть и по сей день, лежала плоская гранитная плита, когда-то служившая, должно быть, жертвенным камнем.

— Здесь, — сказала Минна, — во времена язычества, если верить преданиям, любовь к которым, увы, обошлась мне так дорого, наши предки приносили жертвы своим ложным богам, и здесь, клянусь душой, хочу я отречься и отказаться от ложных мечтаний, соблазнивших мое юное воображение, и принести их в жертву единому, милосердному богу, которого не знали язычники.

Она остановилась возле плоского камня и увидела Кливленда, подходившего робким шагом и с опущенным взором, настолько же отличным от его всегдашних манер и характера, насколько гордый вид, величественная осанка и спокойная, сосредоточенная поза Минны не напоминали той сраженной любовью и горем девушки, которая с трудом, опираясь на сестру, вышла из замка. Если справедливы предположения тех, кто считает Стеннисские менгиры созданием друидов, то Минна походила бы на Хаксу, или их верховную жрицу, от которой ждет напутствия какой-либо древний витязь. Если же признать готическое или норманское происхождение этого изумительного памятника, то она могла бы олицетворять собой Фрейю — супругу бога-громовержца, перед которой гордый викинг или герой склонился с таким благоговейным страхом, какого не могла бы внушить ему никакая земная опасность Бренда, охваченная невыразимым ужасом и тревогой, осталась несколько позади, с беспокойством глядя на приближавшегося Кливленда и ничего кругом не замечая, кроме него и сестры.

Кливленд остановился в двух шагах от Минны и склонил к земле голову. Наступило глубокое молчание. Затем Минна произнесла твердым, но скорбным голосом:

— Несчастный человек! Зачем искали вы этой встречи, которая только усилит наши страдания? Уезжайте с миром, и пусть небо направит вас по лучшему пути, чем тот, которым вы следовали доньше.

— Небо может направить меня на истинный путь, только если вы мне укажете дорогу, — ответил Кливленд. — Я явился сюда одичавшим и загрубелым че-

ловеком, едва сознававшим, что моя профессия — моя страшная профессия — преступнее пред лицом людей и неба, чем дозволенное вашими законами каперство. Так я был воспитан, и если бы не надежды, которые вы разрешили мне питать, я, быть может, так и умер бы отчаянным и нераскаявшимся пиратом. О, не отталкивайте меня, Минна! Дайте мне искупить мои преступления и не оставляйте начатого вами дела незавершенным.

— Кливленд, — ответила Минна, — я не буду обвинять вас в том, что вы злоупотребили моей неопытностью или воспользовались иллюзиями, созданными легковерной молодостью, которые заставили меня смешать вашу роковую профессию с подвигами наших древних героев. Увы, достаточно было мне увидеть ваших приспешников, чтобы иллюзии эти развеялись. Но я не упрекаю вас за то, что они существовали. Ступайте, Кливленд, расстаньтесь с теми отверженными, с которыми вас связывает ваше дело, и верьте: если небо дарует вам возможность прославить свое имя каким-либо достойным деянием или подвигом, то на этих пустынных островах чьи-то глаза заплачут от радости, как сейчас... как сейчас они плачут от горя.

— И это все? — спросил Кливленд. — И мне не дано надеяться, что, если я порву со своими теперешними товарищами, если сумею заслужить прощение таким же ревностным служением добру, с каким прежде служил злу, если по прошествии известного срока, пусть даже долгого, но все же ограниченного каким-то пределом, я гордо смогу сказать, что вернул себе доброе имя, — неужели тогда, неужели даже тогда не посмею я надеяться, что Минна простит мне то, что простят и небо и родина?

— Никогда, Кливленд, никогда! — ответила Минна с величайшей твердостью. — Здесь разлучаемся мы навеки, разлучаемся, не лелея никакой надежды. Если вы останетесь тем же, что вы теперь, то думайте обо мне как о мертвой; но если — да смилуется над вами небо! — вы измените свой страшный путь — знайте, что утром и вечером я буду возносить к все-

вышнему молитвы о вашем счастье, хотя мое собственное погибло навеки! Прощайте, Кливленд!

Охваченный невыразимой грустью, он преклонил колено, чтобы взять протянутую ему руку, но в то же мгновение друг его Банс выскочил из-за каменного столба и со слезами на глазах закричал:

— Ни в одном театре не видел я такой трогательной сцены прощания! Но будь я проклят, если вам удастся закончить ее так, как вы полагали!

С этими словами, прежде чем Кливленд мог возразить ему или оказать какое-либо сопротивление, прежде даже чем он смог встать на ноги, Банс без труда одолел его, опрокинув навзничь; несколько человек из команды тотчас же схватили его за руки и за ноги и устремились с ним козеру. Минна и Бренда закричали и пытались бежать, но Деррик схватил первую с той же легкостью, с какой сокол хватает голубку, тогда как Банс, выкрикнув, очевидно для успокоения, несколько энергичных проклятий, поднял на руки Бренду, и вся компания, сопровождаемая двумя или тремя пиратами, незаметно подкравшись от берега до самых камней, быстро помчалась к лодке, оставленной под надзором двух человек команды. Бегство их было, однако, неожиданно остановлено, и преступные замыслы полностью расстроены.

Когда Мордонт Мертон велел страже вооружиться, он, разумеется, сделал это для того, чтобы охранять безопасность девушек. Люди его поэтому со всем вниманием следили за каждым движением пиратов; увидев, что почти все они покинули шлюпку и, крадучись, направились к месту свидания, назначенному Кливлендом, стражники, естественно, заподозрили предательство и, под прикрытием глубокой рывтины или рва, который в прежние времена соединялся, должно быть, с менгирами, незаметно заняли позицию между пиратами и их шлюпкой. Когда раздались крики сестер, они бросились вперед и перерезали разбойникам путь, не смея, однако, стрелять из боязни ранить девушек, находившихся, как мы знаем, в руках у негодяев. Мордонт с быстротой оленя бросился на Банса, который, не желая отпустить свою

добычу и поэтому лишенный возможности сопротивляться, стал вертеться во все стороны, загораживаясь пленницей от предполагаемых ударов Мордонта. Такой способ защиты оказался, однако, безуспешным против самого проворного и ловкого юноши во всей Шетлендии, и после одного или двух ложных выпадов Мордонт сбил пирата с ног, ударив его прикладом карабина, которым не смел воспользоваться иначе. Но между теми, кого не удерживали подобные соображения предосторожности, завязалась перестрелка, и пираты, державшие Кливленда, отпустили его, чтобы подумать о собственной защите или спасении. Тем самым они, однако, лишь увеличили число своих врагов, ибо Кливленд, увидев Минну в объятиях Деррика, одной рукой вырвал ее из когтей разбойника, а другой — тут же наповал застрелил его. Еще два-три пирата пали или были захвачены в плен, остальные добежали до шлюпки, отвалили, затем повернулись бортом к берегу и дали несколько залпов по оркнейцам, которые ответили тем же, что, впрочем, обошлось без особенного ущерба для обеих сторон.

Мордонт, убедившись, что обе девушки на свободе и стремительно бегут к замку, бросился с обнаженным тесаком к Кливленду. Пират поднял пистолет и со словами: «Мордонт, я никогда не даю промаха», — выстрелил в воздух и швырнул оружие в озеро; затем он обнажил свой тесак, описал им несколько кругов над головой и бросил как только мог дальше туда же. Общая уверенность в силе и ловкости Кливленда была, однако, так крепка, что Мордонт все еще с осторожностью подошел к нему и спросил, сдается ли он.

— Я не сдаюсь никому, — ответил капитан пиратов, — но вы видели, что я сам бросил свое оружие.

Он был тут же схвачен несколькими оркнейцами и не оказал им никакого сопротивления. Мордонт запретил обращаться с ним грубо и не позволил даже связать его. Победители отвели Кливленда в замок Стеннис, где поместили в одной из отдаленных комнат верхнего этажа, поставив у дверей стражу. Банс и Флетчер, оба поднятые на поле боя, были доставлены

туда же, а двух других пленников, по-видимому простых матросов, заперли в подвале замка.

Тщетно попытались бы мы описать радость Магнуса Тройла, когда, разбуженный шумом и выстрелами, он узнал, что дочери его спасены, а враг схвачен. Скажем только, что от великой радости он забыл, во всяком случае в первую минуту, справиться, при каких именно обстоятельствах попали они в столь опасное положение. Тысячу раз прижимал он к груди Мордонта Мертонна, как их спасителя, и столько же раз клялся мощами своего святого патрона, что, будь у него тысяча дочерей, такой храбрый юноша и такой преданный друг волен выбирать себе любую, а леди Глоуроурам пусть себе болтает что хочет.

Совсем другого рода сцена происходила в комнате, где были заключены Кливленд и его приспешники. Капитан сидел у окна, устремив взор на простирание перед ним море, и казался столь глубоко погруженным в его созерцание, что совершенно не замечал остальных присутствующих. Джек Банс старался припомнить какие-нибудь подходящие к случаю стихи, которые помогли бы ему начать примирительный разговор с Кливлендом, ибо Джек после всего происшедшего понял, что шутка, которую он сыграл со своим другом, хоть и была задумана с самыми благими намерениями, окончилась весьма плачевно и вряд ли заслужит одобрение самого капитана. Его почитатель и приверженец Флетчер лежал, как казалось, в полудремоте на походной кровати, поставленной в комнате, не делая ни малейшей попытки принять участие в следующем разговоре.

— Ну скажи мне хоть что-нибудь, Клемент, — произнес кающийся лейтенант, — ну хоть выругай меня за мою глупость!

Молчишь? Ну, значит, свет перевернулся,
Коль Клиффорд друга выбрать не может!

— Прошу тебя, оставь меня в покое и убирайся! — сказал Кливленд. — У меня остался только один верный друг, и ты заставишь меня разрядить его или в тебя, или в свою собственную грудь!

— Заговорил, заговорил! — воскликнул Банс. И продолжал словами Джафира:

— Как ты ни элись, клянусь кромешным адом,
Тебя я не покину до тех пор,
Пока ты сам с собой не примиришься!

— Еще раз прошу тебя, замолчи! — сказал Кливленд — Мало того, что ты погубил меня своим вероломством, так ты еще не даешь мне покоя своим дурацким шутловством! Вот уж не думал я, Джек, что изо всех людей или дьяволов с нашего злополучного корабля именно ты сможешь поднять на меня руку!

— Как, я, — воскликнул Банс, — я поднял на тебя руку? Ну, а если и поднял, так из одной только любви к тебе, для того, чтобы сделать тебя счастливейшим человеком на свете, когда-либо ступавшим по палубе. Шутка сказать! Возле тебя была бы твоя возлюбленная, а под твоим началом — команда из пятидесяти самых отборных молодцов! Спроси Дика Флетчера, он тебе тоже скажет, что я сделал это исключительно для твоего блага. Но что-то он не подает голоса и лежит себе на боку, как голландская рыболовная шхуна, поваленная для починки. Вставай-ка, Дик, да будь другом, замолви за меня словечко.

— Ладно уж, Джек Банс, — с трудом приподнявшись, слабым голосом ответил Флетчер, — замолвлю, коли смогу. Я-то всегда знал, что ты и говоришь и делаешь все к лучшему. Но как ты там ни верти, а для меня, видишь ли, на этот раз дело обернулось худо, ибо я, кажется, истекаю кровью и, сдаюсь мне, помираю.

— Ну нет, брат, не будешь же ты таким ослом! — воскликнул Банс, бросаясь вместе с Кливлендом, чтобы поддержать несчастного, но земная помощь была ему уже не нужна. Дик снова упал на кровать, отвернулся и без единого стога умер.

— Что он глуп как пробка — это я всегда знал, — пробормотал Банс, утирая слезу, — но чтобы он так

по-идиотски отдал концы — вот уж этого я от него никак не ожидал. Я потерял лучшего своего товарища. — И он снова вытер слезу.

Кливленд смотрел на покойника, грубых черт которого не изменила смерть.

— Чистокровный английский бульдог, — произнес он, — и, если бы имел лучшего советника, был бы другим человеком.

— Ты можешь сказать то же самое, капитан, и кое о ком еще, если пожелаешь быть справедливым, — добавил Банс.

— Да, действительно, мог бы, и особенно о тебе, — ответил Кливленд.

— Ну, тогда скажи: «Джек, я прощаю тебя». Это всего четыре слова, произнести их недолго.

— Я прощаю тебя, Джек, от всей души, — произнес Кливленд, снова занявший свое прежнее место у окна, — тем более что твоя безрассудная выходка не имеет уже большого значения: настал день, который всем нам принесет гибель.

— Как, ты все еще думаешь о предсказании той старой ведьмы, о котором мне говорил?

— Оно скоро исполнится, — ответил Кливленд. — Поди сюда. Как ты думаешь, что это за большое судно с прямым вооружением огибает с востока мыс и идет к Стромнесскому заливу?

— Ну, мне еще трудно его разглядеть, — ответил Банс, — а вот что старина Гофф принял его за судно Вест-Индской компании, нагруженное ромом и сахаром, так это так, потому что будь я проклят, если он не стравил весь свой якорный канат и не собирается идти ему навстречу.

— Вместо того чтобы спешить на мелководье, в чем его единственное спасение, — прибавил Кливленд. — Старый дурак, слюняй, идиот, выживший из ума пьяница, ну, подогреют ему сейчас его пойло! Ведь это же «Альциона»! Смотри, вот она выкидывает свой флаг и дает залп по нашим! Ну, теперь конец «Баловню фортуны»; надеюсь только, что ребята мои будут драться, пока не погибнет судно. Боцман, бывало, стойко держался, да и Гофф тоже, хоть он и

скотина. Ну, теперь они удирают под всеми парусами: сообразили, видно, что так-то вернее.

— Они поднимают Веселого Роджера, — воскликнул Банс, — старый наш черный флаг с черепом и песочными часами! Вот это здорово!

— Песочные часы отсчитывают сейчас наше с тобой время, Банс, и песок высыпается быстро. Но палите же, ребята, палите! Глубокое море или синее небо — все лучше, чем веревка на конце рея.

Наступила минута мертвого, мучительного молчания: шлюп пиратов, преследуемый по пятам, продолжал на ходу отстреливаться, в то время как быстро настигавший его фрегат почти не отвечал на выстрелы. Наконец суда сблизились, и стало ясно, что военное судно намеревается не потопить шлюп, а взять его на abordаж, очевидно для того, чтобы воспользоваться находившейся на пиратском судне добычей.

— Эй, Гофф, эй, боцман! — закричал Кливленд, в пылу азарта забывая, что они не могут услышать его команду. — На шкоты и галсы! К повороту приготовиться! Дайте по ней продольный залп, когда вы пройдете у ней под носом, а потом сразу поворот, и отходите другим галсом, и летите как дикий гусь! Эх, паруса у них заполаскивают, руль под ветром... в воду бы их всех! Вовремя поворота сделать не сумели, и фрегат их сейчас захватит!

В самом деле, маневры обоих судов во время погони настолько приблизили их к берегу, что Кливленд в свою подзорную трубу мог видеть, как матросы военного корабля неудержимой лавиной ринулись с реев и бушприта на шлюп и их обнаженные тесаки засверкали на солнце; но в этот решающий миг оба судна окутало облако густого черного дыма, внезапно поднявшегося с палубы захваченного разбойника.

— *Eheu! omnes!*¹ — произнес, сжав судорожно руки, Банс.

— Конец и «Баловню фортуны» и его команде! — произнес одновременно с ним Кливленд.

¹ Все уходят! (лат.).

Но дым быстро рассеялся, и обнаружилось, что разрушения были только частичными: по недостатку пороха пиратам не удалась их отчаянная попытка взорвать свое судно вместе с «Альционой».

Вскоре после окончания боя командир «Альционы» Уэдерпорт прислал офицера с отрядом морской пехоты в замок Стеннис с предложением выдать захваченных гарнизоном замка морских пиратов, в частности Кливленда и Банса, командира пиратского судна и его помощника.

Предложению такого рода не было возможности противиться, хотя Магнус Тройл от всей души желал, чтобы кровля, под которой он находился, могла бы считаться убежищем хотя бы для Кливленда. Но офицеру даны были самые строгие указания, и к тому же он прибавил, что капитан Уэдерпорт предполагает посадить на берег также всех остальных пленников и отправить их под надежной охраной через весь остров в Кёркуолл, для того чтобы преступники были предварительно допрошены гражданскими властями, а потом уже отправлены в Лондон, дабы предстать перед верховным судом адмиралтейства. Магнус вынужден был поэтому ограничиться просьбой, чтобы с Кливлендом хорошо обращались, не ограбили его и не лишили личного платья, на что офицер, пораженный благородной внешностью пленного капитана и невольно сочувствуя его положению, охотно дал согласие. Добрый юдаллер хотел было сказать самому Кливленду что-либо утешительное, но не мог найти слов и только грустно покачал головой.

— Мой старый друг, — сказал Кливленд, — вы на многое имели бы право жаловаться, однако вы жалуете меня, вместо того чтобы радоваться моей беде. Ради вас и ваших близких никогда больше я не причиню зла человеческому существу. Возьмите от меня мою последнюю надежду и вместе с тем последнее искушение, — прибавил он, вынув спрятанный на груди карманный пистолет и вручая его Магнусу Тройлу. — Передайте от меня вашей... но нет, пусть все забудут меня. Я ваш пленник, сэр, — обратился он затем к офицеру.

— И я также, — прибавил злополучный Банс и, приняв театральную позу, продекламировал почти не дрогнувшим голосом слова Пьера:

Вас, капитан, как человека чести,
Прошу я — прогоните эту чернь,
Чтоб смерть свою я встретить мог достойно.

Глава ХLI

Теперь, о радость, — в Лондон!

Саути

Известие о захвате пиратского судна достигло Кёркуолла примерно за час до полудня и повергло жителей в изумление и радость. Мало сделок было в тот день заключено на ярмарке, ибо люди всех возрастов и занятий устремились с ярмарочной площади, чтобы взглянуть, как поведут пленников в Кёркуолл, и порадоваться унижению тех, кто еще недавно с такой заносчивостью щеголял на улицах города, напивался, буянил и обижал жителей.

Вскоре показались сверкающие на солнце штыки морской пехоты, а затем потянулось унылое шествие скованных попарно пленников. Их щегольское платье было частью сорвано с них победителями, частью висело лохмотьями. Многие были ранены и в крови, многие почернели от дыма или были обожжены при взрыве, когда несколько самых отчаянных смельчаков тщетно пытались уничтожить оба судна. Почти все были угрюмы и не обнаруживали ни малейших признаков раскаяния, кое-кто выглядел удрученным, что более приличествовало случаю, но несколько человек явно бравовировали своим положением, распевая те же непристойные песни, какими оглашали кёркуоллские улицы во времена своих дебошей.

Боцман и Гофф, скованные друг с другом, отводили душу, богохульствуя и ругаясь: первый обвинял капитана в неумении управлять судном, а тот, в свою

очередь, корил боцмана за то, что он помешал ему поджечь порох в носовой крыйт-камере и послать таким образом на тот свет всех одной компанией. Позади шли избавленные от оков Кливленд и Банс. Строгий, грустный, но вместе с тем твердый вид Кливленда представлял резкую противоположность той театральной развязности, которую считал нужным проявлять несчастный Джек, чтобы скрыть волновавшие его чувства не слишком благородного характера. Первый возбуждал симпатию зрителей, на второго смотрели одновременно с презрением и жалостью, тогда как большинство остальных своим видом и речами возбуждали в горожанам отвращение и даже страх.

Было, однако, в Кёркуолле одно лицо, которое не только не стремилось взглянуть на зрелище, привлекавшее все взоры, но даже не знало о событии, взволновавшем весь город. То был старый мистер Мертон, вот уже два или три дня находившийся в Кёркуолле; большую часть этого времени он потратил на выполнение разного рода юридических формальностей в связи с жалобой, которую подал главному прокурору на честного и благочестивого Брайса Снейлсфута. После того как были тщательно исследованы все проделки этого почтенного негоцианта, сундук Кливленда с его бумагами и прочими вещами был вручен Мертону, как его законному хранителю, до тех пор, пока настоящий владелец не окажется в состоянии предъявить на него свои права. Мертон первоначально склонен был переложить с себя эту ответственность на органы правосудия, но, просмотрев одну или две бумаги, он вдруг изменил свое намерение и в несвязных словах попросил судью послать сундук к нему на квартиру. Затем он поспешил домой и заперся у себя в комнате, чтобы осознать и обдумать то необычайное открытие, которое случай столь неожиданно послал ему в руки и которое еще в десять раз усилило его нетерпение свидетаться с таинственной Норной из Фитфул-Хэда.

Читатель, должно быть, помнит, что во время их разговора на погосте святого Ниниана она велела

ему быть в приделе собора святого Магнуса в полдень, на пятый день ярмарки святого Оллы, чтобы встретиться там с лицом, которое сообщит ему о судьбе Мордонта. «То будет, должно быть, она сама, — подумал он, — а увидеть ее сейчас мне чрезвычайно важно. Как найти ее раньше этого срока, я не знаю, но думаю, что лучше потерпеть несколько часов даже в случае крайней необходимости, чем раздражить ее, добиваясь преждевременного свидания».

Поэтому задолго до полудня, задолго до того, как город Кёркуолл взволновали известия о том, что произошло на другой стороне острова, старший Мертон уже шагал по пустынному приделу собора, в смертельной тревоге ожидая обещанных Норной сообщений. Часы пробили двенадцать... ни одна дверь не открылась... никто не вошел... но прежде чем под сводами купола замер последний удар, в глубине одного из боковых приделов показалась Норна и неслышными шагами подошла к Мертону. Не обращая внимания на таинственный способ ее внезапного появления (с секретом которого читатель уже знаком), он бросился к ней с криком:

— Улла, Улла Тройл, помоги мне спасти нашего несчастного сына!

— На имя Уллы Тройл я не откликаюсь, — произнесла Норна, — я отрешилась от этого имени в ту ночь, которая стоила мне отца!

— Не говори об этой ночи ужасов! — воскликнул Мертон. — Нам нужны сейчас все силы нашего духа; не будем же предаваться воспоминаниям, которые могут поколебать его, но помоги мне, если можешь, спасти нашего несчастного ребенка!

— Воан, — ответила Норна, — он уже спасен, давно спасен. Неужели ты думаешь, что мать, обладающая такой властью, как я, стала бы ожидать твоей медленной, запоздалой, бессильной помощи? Нет, Воан, я открылась тебе только для того, чтобы показать, как я над тобой восторжествовала! Это единственная месть, какую всемогущая Норна позволяет себе за зло, причиненное Улле Тройл.

— Так ты в самом деле спасла его, спасла от этой шайки убийц? — спросил Мертон, или Воан. — Говори! Но говори правду! Я готов верить всему, чего ты только потребуешь, докажи мне только, что он спасен и находится вне опасности!

— Спасен и вне опасности, и все благодаря мне, — ответила Норна, — спасен и готов вступить в почетный и счастливый союз. Да, надменный маловер, да, самоуверенный мудрец! И все это — дело рук Норны. Я-то узнала тебя давно, но никогда не открылась бы тебе, если бы не гордое сознание, что я восторжествовала над судьбой, угрожавшей моему сыну. Все силы объединились против него: планеты грозили ему смертью в водах, сочетания светил пророчили ему кровь, но искусство мое все превозмогло! Я все устроила, все рассчитала, я нашла средства, я пустила их в ход, и я отвела каждую опасность. Найдется ли маловер на земле или упрямый демон за ее пределами, что посмеет отныне сомневаться в моем могуществе?

Охвативший ее восторженный экстаз так походил на приступ безумия, что Мертон сказал:

— Если бы ты не заносилась так высоко и говорила бы яснее, я скорее бы поверил, что мой сын в самом деле вне опасности.

— И ты все еще сомневаешься, все не веришь? — сказала Норна. — Так знай же, что не только сын наш находится вне опасности, но и я отомщена, хотя не искала возмездия, отомщена в лице того, кто служил могучим орудием темных сил, много раз препятствовал исполнению моих планов и даже угрожал жизни моего сына. О, ты должен будешь поверить истинности моих слов, когда узнаешь, что Кливленд, пират Кливленд, в эту самую минуту входит пленником в Кёркуолл и скоро поплатится жизнью за то, что пролил кровь родного сына Норны.

— Как ты сказала, кто этот пленник? — громовым голосом воскликнул Мертон. — Кто, женщина, сказала ты, заплатит за свои преступления жизнью?

— Кливленд, пират Кливленд! — ответила Норна — Он пренебрег моими советами и пусть теперь встретит свою судьбу.

— О несчастнейшая из женщин, — еле произнес Мертон сквозь стиснутые зубы, — ты убила, значит, своего сына, так же как убила отца!

— Моего сына? Какого сына? Что ты хочешь сказать? Ведь твой сын, твой единственный сын — это Мордонт! — воскликнула Норна. — Ведь так? Говори скорее: ведь так?

— Мордонт в самом деле *мой* сын, — ответил Мертон. — Закон по крайней мере считает его таковым. Но — о несчастная Улла! — Кливленд — наш сын, плоть от нашей плоти, кровь от нашей крови; и если ты отправила его на смерть, вместе с ним окончу и я свое жалкое существование.

— Что? Что ты говоришь, Воан! — воскликнула Норна. — Нет, это невозможно! Докажи, что ты сказал правду, и я найду способ помочь, я призову на помощь весь ад! Но докажи, что ты сказал мне правду, иначе я не могу тебе поверить!

— Ты — поможешь! Жалкая, самонадеянная женщина! Куда завели тебя все твои расчеты и хитрости, все твои сумасшедшие фокусы, все шарлатанство твоего безумия? Но я буду говорить с тобой как с разумным существом, я даже готов признать твое могущество — узнай же, Улла, доказательства, которых ты требуешь, и помоги тогда, если можешь.

— Когда я бежал с Оркнейских островов, — продолжал он после некоторого молчания, — тому назад двадцать пять лет, я увез с собой несчастное существо, которому ты дала жизнь. Его принесла мне одна из твоих родственниц, и она же сообщила мне о твоей болезни, вслед за которой распространился слух о твоей смерти. Ни к чему рассказывать тебе, в каком отчаянии я покинул Европу. Я нашел себе пристанище на Эспаньоле, где одна красивая молодая испанка взяла на себя роль утешительницы. Я женился на ней, и она стала матерью юноши, которого называют Мордонтом Мертоном.

— Ты женился на ней! — с горьким упреком воскликнула Норна.

— Да, Улла, — ответил Мертон, — но ты была отомщена. Она оказалась неверной, и ее измена заставила меня усомниться, имеет ли право рожденный ею ребенок называть меня отцом. Но и я, в свою очередь, отомстил!

— Ты убил ее! — вырвался у Норны крик ужаса.

— Я совершил то, — ответил Мертон, не давая более прямого ответа, — что заставило меня немедленно покинуть Эспаньолу. Твоего сына я увез с собой на остров Тортугу, где у меня было небольшое имение. Мордонта Воана, моего законного сына, который был на три или четыре года моложе, я оставил в Порт-Рояле, чтобы он мог воспользоваться преимуществами английского воспитания. Я решил никогда его больше не видеть, но продолжал содержать его. Когда Клементу было около пятнадцати лет, имение мое разорили испанцы. К отчаянию и мукам совести прибавилась нужда. Я стал корсаром и увлек с собой и Клемента на этот страшный путь. Благодаря своему искусству в морском деле и храбрости он вскоре получил в командование отдельное судно, хотя был еще совсем мальчиком. По прошествии двух или трех лет, когда мы с ним плавали далеко друг от друга, мой экипаж взбунтовался и оставил меня, умирающего, на берегу одного из Бермудских островов. Однако я вернулся к жизни и, оправившись после продолжительной болезни, первым делом стал разыскивать Клемента. Я узнал, что он тоже был высажен взбунтовавшейся командой на необитаемый остров и обречен там на голодную смерть. Я считал его погибшим.

— Что же заставило тебя думать, что он жив? — спросила Улла. — И почему ты считаешь, что этот Кливленд то же самое лицо, что Воан?

— Переменить имя — вещь весьма обычная среди искателей приключений, — ответил Мертон, — а Клемент, видимо, убедился, что имя Воан стало уже слишком известным, и эта-то перемена и помешала мне получить о нем какие-либо сведения. Тут угры-

зения совести охватили меня с новой силой и, возненавидев все на свете, в особенности же тот пол, к которому принадлежала Луиса, я решил наложить на себя епитимью и провести остаток дней своих на пустынных Шетлендских островах. Католические священники, к которым я обратился, убеждали меня прибегнуть к постам и самобичеванию, но я предпочел более благородное искупление: я решил взять к себе этого злополучного ребенка, Мордонта, чтобы всегда иметь перед глазами живое напоминание моего несчастья и моего преступления. Так я и сделал и, непрестанно возвращаясь к ним мысленно, не раз готов был потерять самый рассудок. А теперь, чтобы довести меня до настоящего безумия, мой Клемент, мой родной, мой настоящий сын, воскресает для меня из мертвых и тут же по проискам собственной матери сказывается обреченным на позорную смерть!

— Полно, полно, — со смехом промолвила Норна, выслушав до конца рассказ Мертона, — все это выдумки, сочиненные старым пиратом, чтобы я помогла ему выручить из беды преступного товарища. Как могла бы я принять Мордонта за своего сына, если между ними, как ты говоришь, такая разница лет?

— Смуглый цвет лица и мужественная фигура могли обмануть тебя, — ответил Бэзил Мертон, — а пылкое воображение довершило остальное.

— Но представь мне доказательство, что этот Кливленд — мой сын, и солнце скорее зайдет на востоке, чем им удастся тронуть единый волос на его голове.

— Просмотри вот эти бумаги, этот дневник, — ответил Мертон, протягивая ей памятную книжку.

— Я не могу ничего разобрать, — сказала после некоторого усилия Норна, — у меня кружится голова.

— У Клемента были вещи, которые ты должна помнить, но они, вероятно, стали добычей его победителей. У него была, между прочим, серебряная табакерка с рунической надписью, которую ты в те далекие времена подарила мне, и золотые четки.

— Табакерка! — воскликнула Норна. — Кливленд дал мне табакерку день тому назад, но я до сих пор еще не взглянула на нее.

С трепетом достала она табакерку, с трепетом взглянула на надпись, шедшую вокруг крышки, и с тем же трепетом воскликнула:

— Теперь меня смело могут называть «Рейм-кен-нар» — «сведущая в стихах», ибо из этих стихов я узнала, что стала убийцей своего сына, так же как и убийцей своего отца!

Разоблачение страшной ошибки так подействовало на Норну, что она как подкошенная упала к подножию одной из колонн. Мертон принялся звать на помощь, хотя мало надеялся, что кто-нибудь явится. Вошел, однако, церковный сторож, и, не рассчитывая больше добиться чего-либо от Норны, обезумевший отец выбежал из собора, чтобы узнать, если возможно, судьбу своего сына.

Глава XLII

Бегите же, молитесь об отсрочке!

«Опера нищих»

Тем временем капитан Уэдерпорт успел лично явиться в Кёркуолл и с радостью и благодарностью был принят отцами города, специально собравшимися для этой цели на совет. Провост, в частности, выразил свой восторг по поводу счастливого прибытия «Альционы» как раз в тот момент, когда пираты не могли ускользнуть от нее. Капитан, который казался несколько удивленным, сказал:

— Но этим, сэр, вы обязаны тому извещению, которое сами послали мне.

— Которое я послал? — переспросил пораженный провост.

— Ну да, сэр, — ответил капитан Уэдерпорт, — ведь вы, если я не ошибаюсь, Джордж Торф, мэр города Кёркуолла, подписавший это письмо?

Изумленный провост взял письмо на имя командира «Альционы» Уэдерпорта, извещавшее его о прибытии пиратского судна и содержащее сведения о его вооружении и прочие подробности. В письме также указывалось, что, поскольку пираты прослышали о том, что «Альциона» находится неподалеку, они уже настороже и легко могут ускользнуть от нее, следуя мелководьем между островами и островками, где фрегату затруднительно было бы за ними следовать; к тому же пираты — такой отчаянный народ, что в случае поражения не задумаются выбросить судно на берег или взорвать его, причем много награбленного добра и ценностей будет потеряно для победителей. В письме поэтому заключался совет «Альционе» крейсировать в течение двух-трех дней между Данкансби-Хэдом и мысом Рот, чтобы рассеять опасения пиратов, вызванные ее близостью, и успокоить их подозрения. К тому же, как было известно автору письма, в случае, если фрегат покинет здешние воды, пираты собирались последовать в Стромнесс-Бэй и там свезти свои орудия на берег для необходимого ремонта, а если они смогут найти для того средства, то даже для кренгования. Письмо заканчивалось уверениями, что если капитан Уэдерпорт введет фрегат в Стромнесс-Бэй утром 24 августа, то он получит с пиратов хорошую поживу, если же раньше, то рискует упустить их.

— Это письмо написано не моей рукой, и подпись эта тоже не моя, капитан Уэдерпорт, — сказал провост, — да я никогда и не взял бы на себя смелость советовать вам медлить с прибытием.

Тут капитан, в свою очередь, удивился:

— Я знаю только, — сказал он, — что письмо это было доставлено мне, когда мы находились в заливе Терсо, и что я дал гребцам шлюпки пять долларов за то, что они переправились через Пентленд-Фёрт в штормовую погоду. Старшиной у них был немой карлик, самое уродливое существо, какое я когда-либо видел. Я тогда еще подивился точности ваших сведений, господин провост.

— Хорошо, что так получилось, — ответил провост, — однако для меня еще вопрос, не желал ли скорее автор письма, чтобы вы нашли гнездо пустым, а птичку улетевшей?

С этими словами он передал письмо Магнусу Тройлу, который вернул его с улыбкой, но без единого замечания, догадавшись, должно быть, вместе с проницательным читателем, что Норна имела свои причины в точности рассчитать день прибытия «Альционы».

Не задумываясь более над тем, что казалось необъяснимым, капитан Уэдерпорт предложил начать допрос пленников, и Кливленд с Алтамонтом, как упорно продолжал называть себя Банс, были вызваны первыми в качестве командира и лейтенанта пиратского судна.

Не успел, однако, начаться допрос, как в залу, несмотря на протесты стоявшей у дверей стражи, ворвался Бэзил Мертон с криком: «Берите меня, старика, вместо этого молодого человека! Я тот самый Бэзил Воан, имя которого слишком известно на корабельных стоянках Наветренных островов, — берите мою жизнь, но пощадите моего сына!»

Все были крайне изумлены, а больше всех Магнус Тройл, который поспешил объяснить членам совета и капитану Уэдерпорту, что джентльмен этот вот уже много лет как мирно и честно проживает на шетлендском Мейнленде.

— В таком случае, — заявил капитан, — я отказываюсь от обвинения этого несчастного старика, ибо в силу двух деклараций о помиловании он не подлежит больше преследованию, и клянусь душой: когда я вижу, как отец и сын сжимают друг друга в объятиях, хотел бы я иметь право сказать то же самое и о сыне.

— Но как же это, как же это может быть? — спросил провост. — Ведь мы всегда звали старого джентльмена Мертоном, а молодого — Кливлендом, а теперь оказывается, что обоих зовут Воан.

— Воан... — повторил Магнус. — У меня есть некоторые основания помнить это имя, а судя по тому,

что мне недавно сообщила моя кузина Норна, этот человек имеет право носить его.

— А я могу подтвердить, что и молодой человек тоже, — сказал капитан, заглянув в свои заметки. — Минуту внимания, — прибавил он, обращаясь к молодому Воану, которого мы до сих пор называли Кливлендом. — Послушайте, сэр, вас зовут, оказывается, Клемент Воан; так скажите, пожалуйста, не вы ли, будучи совсем еще мальчиком, стояли во главе шайки разбойников, что восемь или девять лет тому назад разграбила испанскую деревню под названием Кемпоа, в Новой Испании, с целью захватить находившиеся там в это время сокровища?

— Мне нет никакого смысла отрицать это, — ответил пленник.

— Несомненно, — подтвердил капитан, — но признание может сослужить вам службу. Дело в том, что погонщики мулов скрылись со своими сокровищами в то время, как вы, рискуя собственной жизнью, защищали от грубости ваших соратников честь двух испанских дам. Помните ли вы этот случай?

— Уж кому это помнить, как не мне! — закричал Джек Банс. — Ибо за это рыцарское поведение капитана нашего высадили на необитаемый остров, а меня самого чуть не отлупили плетью и не посыпали солью за то, что я был заодно с ним.

— Поскольку это дело выяснилось, — сказал капитан Уэдерпорт, — жизнь Воана вне опасности. Дамы, которых он защитил, оказались весьма высокопоставленными особами, дочерьми самого губернатора провинции, и благодарный испанец давно уже испросил у нашего правительства прощение их спасителю. Мне даны были специальные распоряжения относительно Клемента Воана, когда шесть или семь лет тому назад я был послан в Вест-Индию для преследования пиратов. Но о Воане там никто ничего не знал, хотя вместо него мне достаточно пришлось услышать о Кливленде. Но как бы то ни было, капитан, будь вы Воан или Кливленд, я, пожалуй, готов поручиться, что за ваш геройский подвиг в Кемпоа

вы получите полное прощение, когда прибудете в Лондон.

Кливленд поклонился, и кровь бросилась ему в лицо, а Мертон пал на колени и горячо возблагодарил бога. Обоих увели при сочувственных рыданиях многих зрителей.

— Ну а вы, уважаемый господин лейтенант, что вы можете сказать в свое оправдание? — спросил капитан Уэдерпорт *ci-devant*¹ Росция.

— Да очень мало или даже совсем ничего, с позволения вашей милости; хотелось бы мне, конечно, чтобы ваша милость нашла и мое имя в той книге помилований, что держит в руке, ибо в деле при Кемпоа я был правой рукой капитана Клемента Воана.

— Вы называете себя Фредерик Алтамонт? — спросил капитан Уэдерпорт. — Но в моем списке нет такого имени, благородные леди записали только еще какого-то Джона Баунса или Банса.

— Так это же я, это я самый и есть, капитан, и могу доказать это; и, уж во всяком случае, я предпочитаю жить под именем Джека Банса, хоть звучит оно достаточно плебейски, чем болтаться на виселице Фредериком Алтамонтом.

— В таком случае, как Джону Бансу я могу и вам подать кое-какую надежду, — сказал капитан.

— Премного благодарен вашей высокоуважаемой милости, — воскликнул Банс и тут же прибавил совершенно другим тоном: — Ах, если вымышленное имя может иметь такое могущественное действие, так, пожалуй, и бедный Дик Флетчер заслужил бы помилование как Тимоти Тагматтон, но, выражаясь его собственными словами, как ты там ни верти, а только...

— Уведите лейтенанта, — приказал капитан, — и давайте сюда Гоффа и прочих молодчиков. Многих из них, как я полагаю, ожидает веревка.

И пророчеству этому, видимо, суждено было сбыться, так тяжки были предъявленные пиратам обвинения.

¹ Бывшего (франц.).

«Альциона» получила приказ прибыть в Кёркуолл, чтобы отвезти арестованных в Лондон, куда она и отправилась по прошествии трех дней.

В течение всего того времени, что несчастный Кливленд оставался в Кёркуолле, капитан «Альционы» обращался с ним чрезвычайно любезно, а добрый его старый знакомый Магнус Тройл, знавший втайне, каким близким родством были они связаны, окружал его всяческого рода знаками внимания, многие из которых Кливленд просто отказывался принимать.

Норна, для которой злополучный пленник был еще ближе, в эти дни была совершенно не в состоянии выразить своих чувств: церковный сторож нашел ее лежащей без сознания на плитах собора, а когда она пришла в себя, рассудок ее так пошатнулся, что на некоторое время ее пришлось доверить неусыпному попечению особо приставленных к ней слуганок.

О сестрах из Боро-Уэстры Кливленду удалось лишь узнать, что они все еще больны после перенесенного ими испуга, и только в вечер накануне отплытия «Альционы» ему была тайно доставлена следующая записка:

«Прощайте, Кливленд! Мы расстаемся навеки, так должно быть. Идите правым путем и будьте счастливы. Иллюзии, владевшие мной вследствие уединенного воспитания и слишком малого знакомства с современным миром, погибли и рассеялись навсегда. Но в вас, Кливленд, я никогда не заблуждалась, в этом я уверена! Я уверена, что вы один из тех, для кого добро привлекательнее зла, и только обстоятельства, привычка и дурной пример привели вас на ту дорогу, по которой вы шли последние годы. Думайте обо мне как о мертвой, разве что сумеете заслужить всеобщее одобрение в той же мере, в какой сейчас заслуживаете порицания. Тогда, Кливленд, тогда думайте обо мне как о той, которая будет радоваться вашей возрождающейся славе, хотя никогда больше ей не суждено будет вас увидеть!»

Записка эта была подписана М. Т., и Кливленд с глубоким волнением, вызвавшим у него даже слезы, читал и перечитывал ее сотни раз, а затем спрятал у себя на груди.

Мордонт Мертон тоже получил письмо от своего отца, но совершенно другого рода. Бэзил навсегда прощался с ним и освобождал его отныне от сыновних обязанностей, поскольку сам он, несмотря на многолетние усилия, оказался не в состоянии питать к нему отеческие чувства. Он сообщал также о потаенном месте в старом ярлсхофском доме, где им была спрятана значительная сумма денег и драгоценности, и выражал желание, чтобы Мордонт взял все это себе.

«Тебе нечего бояться, — говорилось в письме, — что ты чем-либо обязан мне или участвуешь в доле разбойничьей добычи. То, что сейчас переходит в твое владение, почти все принадлежало твоей покойной матери, Луисе Гонсаго, и твое по праву. Забудем друг друга, — этими словами заканчивалось письмо, — как те, которым не суждено больше встретиться».

И они действительно никогда больше не встретились, ибо старший Мертон, которому не предъявлено было никакого обвинения, исчез сразу же после того, как решена была судьба Кливленда, и удалился, по общему мнению, в монастырь где-нибудь за пределами Англии.

Судьба Кливленда короче всего может быть охарактеризована в письме, полученном Минной через два месяца после отплытия «Альционы» из Кёркуолла. Вся семья была в сборе в Боро-Уестре, и Мордонт тоже находился в числе ее членов, ибо благородный юдаллер считал, что никогда не сумеет должным образом вознаградить юношу за доблесть, проявленную им при спасении его дочерей. Норна, которая только что начала поправляться после своего временного умопомешательства, тоже гостила в Боро-Уестре, и Минна, окружавшая неустанными заботами эту несчастную жертву болезненных заблуждений,

сидела возле нее, следя за каждым признаком возвращающегося к ней рассудка, когда девушке подали упомянутое выше письмо.

«Минна, — говорилось в нем, — дорогая Минна, прощайте, и прощайте навеки! Поверьте, я никогда не хотел причинить вам зло, никогда! С той самой минуты, как я узнал вас, я решил порвать со своими ненавистными товарищами и строил тысячи планов, которые все, как и следовало ожидать, оказались несбыточными, ибо ради чего и каким образом могла связать свою судьбу та, что так хороша, так чиста и так невинна, с судьбой такого преступного человека? Об этих мечтах я не буду больше говорить. Суровая действительность, окружающая меня сейчас, значительно мягче того, чего я мог ожидать или заслуживать, ибо то небольшое добро, которое мне удалось совершить, перевесило в глазах моих почтенных и милосердных судей все то зло, которое я содеял, и все мои преступления. Меня не только избавили от позорной смерти, к которой приговорили многих моих соучастников, но капитан Уэдерпорт, готовый еще раз отплыть в Новую Испанию ввиду ожидающейся с этой страной войны, великодушно испросил разрешения для меня и еще двух или трех моих товарищей, менее преступных, чем прочие, сопровождать его в этой экспедиции: подобную меру подсказало ему его душевное благородство, а в глазах остальных она оправдана нашим знанием побережья и местных особенностей, которые, каким бы образом они ни были получены, мы надеемся теперь применить во славу отечества. Минна, вы услышите обо мне, когда имя мое будут произносить с уважением, или никогда больше обо мне не услышите. Если добродетель может дать счастье, то мне нет нужды желать его вам: оно и так с вами. Прощайте, Минна».

Минна так горько плакала над этим письмом, что привлекла к себе внимание понемногу поправляющейся Норны. Та выхватила его из рук своей юной родственницы и прочитала, сначала с недоумением,

словно оно ничего ей не говорило, затем как бы что-то припоминая, и наконец ее охватила такая радость, смешанная со скорбью, что письмо выпало у нее из рук. Минна подхватила его и удалилась со своим сокровищем к себе в комнату.

С этого момента Норна резко переменилась. Она сменила платье на более простое и отпустила карлика, щедро обеспечив ему дальнейшее существование. Она не стремилась больше возобновить свой странствующий образ жизни и велела уничтожить свое убежище, или обсерваторию, на Фитфул-Хэде. Она отказалась от имени Норны и пожелала, чтобы ее называли ее настоящим именем — Уллой Тройл. Но самой важной в ней перемены мы еще не коснулись. Прежде, под влиянием страшного душевного отчаяния, в которое повергла ее кончина отца, она считала себя как бы недостойной божественной благодати и, кроме того, погрузившись в занятия чернокнижием, уподобилась Чосерову врачу, который «с библией не очень-то был дружен». Теперь же она почти не расставалась с этой священной книгой и на вопросы несчастных и невежественных простолюдинов, которые по-прежнему приходили к ней с просьбой проявить свое могущество над стихиями, она отвечала только одно: «Ветры в руке божией». Обращение ее было, впрочем, не вполне сознательным — этому, вероятно, препятствовало состояние ее рассудка, расстроенного необыкновенным сплетением ужасающих событий. Но оно казалось искренним и, несомненно, было для нее плодотворным. Видимо, она глубоко раскаивалась в своих прежних дерзких попытках вмешиваться в течение событий, предопределенных намного более могущественной волей, и горько сокрушалась всякий раз, когда ей тем или иным образом напоминали о былых ее притязаниях. Она продолжала выказывать особое участие Мордону, хотя, быть может, делала это уже в силу привычки. Непонятно было также, насколько сохранились у нее в памяти те сложные события, с которыми была связана ее жизнь. Когда она умерла, что произошло года через четыре после описываемых со-

бытий, выяснилось, что по особой и настоятельной просьбе Минны Тройл она оставила все свое весьма немалое состояние Бренде. В одном из пунктов своего завещания она требовала, чтобы все ее книги, все приборы ее лаборатории и прочие предметы, относящиеся до ее прежних занятий, были преданы пламени.

Года за два до смерти Норны Бренда вышла замуж за Мордонта Мертон, ибо Магнус Тройл, несмотря на всю свою любовь к дочери и привязанность к Мордону, не сразу оказался способным чистосердечно примириться с подобным союзом. Но все качества Мордонта настолько были по душе старому юдаллеру и он до такой степени понимал невозможность заменить в своей семье Мордонта кем-либо другим, что в конце концов его норвежская гордость уступила чувству сердечной привязанности. Когда всюду вокруг себя он видел то, что он называл вторжением шотландского дворянства в *страну* (как жители с любовью называют Шетлендию), он успокаивал себя мыслью, что «пусть уж лучше дочь его будет замужем за сыном английского пирата, чем за сыном шотландского вора», с горечью намекая тем самым на ряд горношотландских и пограничных семей, которым Шетлендия обязана многими почтенными землевладельцами, но чьи предки, как всем было известно, отличались скорее древностью рода и отменной храбростью, чем слишком щепетильным отношением к таким пустякам, как различие между *теит* и *туит*.¹ Жизнерадостный старец дожил до предела человеческих лет, радуясь многочисленному потомству своей младшей дочери. Застолицу его попеременно то оживляли песни Клода Холкро, то просвещали разглагольствования мистера Триптолемуса Йеллоули. Сей муж отбросил наконец свои высокие притязания и, ближе ознакомившись с обычаями островитян, а также памятуя о тех разнообразных неудачах, которые сопровождали его преждевременные попытки усовершенствований, стал добросовестным и полезным

¹ Моим и твоим (лат.).

представителем своего лорда. Никогда не чувствовал он себя таким счастливым, как в тех случаях, когда ему удавалось променять скудный рацион своей сестрицы Барбары на богатую трапезу юдаллера. Характер миссис Барбары тоже немало смягчился в связи с неожиданным возвращением ей рога с серебряными монетами. Этот рог принадлежал Норне, и она спрятала его в старом доме в Стурборо с какой-то ей одной известной целью, а впоследствии вернула тем, кем он был случайно обнаружен, не преминув напомнить им, однако, что он снова исчезнет, если разумная доля сокровища не будет использована на хозяйственные нужды, — мера, благодаря которой Тронда Дронсдотер, состоявшая, должно быть, поверенной Норны, избежала медленной смерти от голода!

Мордонт и Бренда были счастливы настолько, насколько позволяет наше земное существование. Они любили и глубоко уважали друг друга, жили в полном довольстве, не забывали обязанностей по отношению к ближним, а так как совесть у них была чиста, а на сердце легко, смеялись, пели и танцевали, не обращая внимания на шумный свет и не вмешиваясь в его дела.

Но Минна, Минна, у которой была такая возвышенная душа, такое пылкое воображение, Минна, столь богато одаренная чувством и энтузиазмом, она, которой суждено было видеть на заре своих дней, как погасли эти чувства и этот энтузиазм только потому, что с неопытностью романтической натуры и полным незнанием жизни она возвела здание своего счастья на зыбучем песке вместо камня, — была ли она, могла ли она быть счастлива? Да, читатель, она была счастлива, ибо, сколько бы ни разубеждали нас скептики и насмешники, каждый выполненный долг приносит душевный мир и нравственное удовлетворение, и притом в той точно мере, в какой трудны были преодоленные нами препятствия. Отдых, который испытывает тело, — ничто рядом с тем отдохновением, каким наслаждается в подобных случаях душа. Однако смирение Минны и непрестанное внимание ее к отцу,

к сестре, к бедной, страдающей Норне и ко всем тем, кто мог рассчитывать на ее участие, далеко не было единственным или главным ее утешением. Как и Норна, но движимая более здравым рассудком, она отказалась от восторженных мечтаний, увлекших ее на ложный путь, и заменила их более истинным и благочестивым отношением к миру, лежащему по ту сторону нашего понимания, чем то, какому учат саги языческих бардов или фантазии позднейших стихотворцев. Это и дало ей силы после многих сообщений о славных и почетных деяниях Кливленда перенести без ропота и даже с каким-то чувством успокоения, смешанным с болью, весть о том, что он пал со славой в честном бою, возглавляя отряд храбрецов, которые доблестно завершили дело, на которое он их вел. Банс, его несколько сумасбродный последователь на добром пути, так же как прежде на преступном, прислал Минне отчет об этом печальном событии в таких выражениях, которые показывали, что, хотя у него в голове кое-чего не хватало, однако сердце его не совсем еще испортила та незаконная жизнь, которую он вел, или что по крайней мере оно изменилось к лучшему с тех пор, как он ее бросил; то, что сам он отличился в том же деле и получил повышение, казалось ему не имеющим никакого значения рядом с потерей, которую он понес в лице своего бывшего начальника и друга.¹ Минна прочла это послание и, хотя из очей ее, поднятых к небу, струились слезы, возблагодарила всевышнего, что смерть настигла Кливленда на поле брани; мало того — она имела даже мужество порадоваться, что он был отозван из этого мира, прежде чем искушения смогли побороть столь недавно утвердившуюся в нем добродетель. И так велика была сила этого чувства, что

¹ Мы не смогли узнать ничего достоверного о дальнейшей судьбе Банса, но наш друг доктор Драйездаст полагает, что это тот самый старый джентльмен, который в начале царствования Георга I был завсегдатаем «Кофейни розы», все вечера проводил в театре, рассказывал бесконечно длинные истории о Новой Испании, проверял счета, бранил лакеев и был всем известен под именем капитана Баунса. (*Прим. автора.*)

жизнь Минны, когда прошла первая острота боли, казалась не только спокойной, но даже более радостной, чем раньше. Мысли ее, однако, витали далеко от нашего мира, и она возвращалась к нему, подобно ангелу-хранителю, лишь тогда, когда нужна была своим родным, которых любила, или бедным, которых поддерживала и утешала. Так протекла ее жизнь, украшенная любовью и уважением всех, кто был близок к ней, и когда пришел час друзьям оплакивать ее кончину — а почила она в преклонных годах, — утешением для них могло послужить сознание, что земная оболочка, которую она покинула, была единственным, что ставило ее, по словам писания, «немногим ниже ангелов».

КОММЕНТАРИИ

ПИРАТ

Роман Вальтера Скотта «Пират» увидел свет в декабре 1821 года. Несколько недель спустя журнал «Эдинбургское обозрение» в пространной рецензии на новое творение автора «Уэверли» писал, что отныне даже трудно предугадать, куда еще вслед за этим романом обратит свой взор «северный чародей», перу которого подвластны любая страна и любая эпоха. «Это произведение открывает перед нашим воображением совершенно новый мир и еще раз подтверждает исключительную гибкость и мощь его гения!»

Шетлендские острова, на которых разыгрываются события в этом романе, расположены к северу от Шотландии и являются ее самым северным графством. Населенная в древние времена пиктами, Шетлендия была покорена норвежцами в конце IX века и только во второй половине XV века подпала под власть шотландской короны. Шестисотлетнее владычество норвежцев обусловило резкое своеобразие быта, нравов и языка шетлендцев. Коренное население смешалось со скандинавами. До конца XVIII века жители островов говорили по-норвежски, а топонимика, названия животных и растений, морская терминология остались до сих пор норвежскими. Скандинавская мифология еще долго жила в народных поверьях и песнях, знатные шетлендцы вели свою родословную от северных королей и героев, многие своеобразные обычаи (например, описанный в главе XV старинный скандинавский танец с мечами) просуществовали здесь до XX века.

Скотт изобразил Шетлендию конца XVII века. В романе «Пират» нет ни важных исторических событий, ни лиц. Войны

и революции как бы обошли стороной эти полудикие скалистые острова, обдуваемые океанскими ветрами. И тем не менее книга глубоко исторична, — в ней чувствуется атмосфера жизни всей Великобритании, дыхание той эпохи: юдаллер Магнус Тройл еще помнит реставрацию «короля Чарли» в 1660 году и рассчитывает на возвращение на престол Иакова II; его дочь Минна упоминает о переменах, которые недавно произошли в стране, имея в виду государственный переворот 1688 года; герои говорят о постоянных стычках с испанским флотом, а речи поэта Клода Холкро и бывшего актера пирата Банса полны реминисценций из произведений поэтов и драматургов второй половины века.

Автор избрал тот момент в истории страны, когда у шетлендцев еще не исчезла неприязнь к «египтянам», иноземцам, каковыми они считают шотландцев, хотя их собственная, скандинавская старина, патриархальность и вся мифология уже обречены и скоро уйдут в прошлое, уступив место новым отношениям и новой культуре. Недаром могущественная Норна в конце концов терпит крах, и недаром такой приверженец старины и чистоты норвежской крови, как Магнус Тройл, разрешает своей дочери Бренде выйти замуж за безродного пришельца Мордонта Мертонса.

Эту особенность книги явственно ощутили современники. В обстоятельном обзоре «Пирата» журнал «Куортерли ревью» писал в январе 1822 года: «В постоянном стремлении найти национальные и индивидуальные контрасты он (Скотт. — В. Ш.) изобразил своих шетлендцев перед тем, как они слились со своими хозяевами и соседями — шотландцами».

Интересна история создания романа. Летом 1814 года, через три недели после выхода в свет первого романа Скотта, «Уэверли», писатель отправился в морскую поездку вокруг Шотландии, побывав также на Шетлендских и Оркнейских островах. В дороге он вел дневник, записывая туда все, что видел и слышал. Он посетил и тщательно описал Кёркуоллский собор, возле которого потом встретятся многие из героев его романа, осмотрел Карликов камень, сыгравший такую важную роль в жизни Норны, спустился с утеса Самборо-Хэд к берегу, на который Мордонт вытащил утопающего Кливленда; с исключительной зоркостью подмечал он все подробности быта шетлендцев, вплоть до употребления ими ручных мельниц и допотопных плугов, против которых восстал в «Пирате» Триптолемус,

Непосредственное знакомство с Шетлендией оживило и давний интерес Вальтера Скотта к древнескандинавской поэзии. Еще за четверть века до этой поездки, в 1790 году, он пишет эссе «О нравах и обычаях северных народов», а еще через два года — «О происхождении скандинавской мифологии». В начале XIX века он знакомится подробно с сагами, а в 1813 году издает «Иллюстрации к северным древностям». Шетлендские дневники Скотта пестрят цитатами из скандинавских саг. Такое отношение писателя к скандинавскому фольклору во многом опередило впоследствии ту своеобразную атмосферу, которая окружает образ Норны в романе.

Таким образом, значительная часть материала для будущего романа была собрана уже в самом начале творчества Скотта как романиста. Однако вернулся писатель к этим своим записям лишь семь лет спустя. Возможно, что непосредственным толчком для него послужили слова его издателя Констебла в письме от 25 декабря 1820 года: «Если вы еще ни на чем не остановились, я осмелился бы подсказать вам тему ближайшего романа или того, который последует за ним. «Пират» — вот, я полагаю, еще никем не занятая область...» И уже весной 1821 года, как видно из писем В. Скотта, он начинает усиленно работать над новым романом.

В основу сюжета книги была положена слышанная автором когда-то в Шетлендии история о дерзком пирате Джоне Гау, который в течение длительного времени наводил ужас на мореплавателей в северных водах, пока не был схвачен и казнен в 1725 году. Несмотря на мрачную репутацию Гау (а может быть, именно вследствие нее), его полюбила молодая знатная шетлендка, которая осталась верна памяти пирата и после его смерти.

Вальтер Скотт значительно развил этот сюжет, ввел еще одну романическую линию (Мордонт — Бренда), включил в повествование историю прошлого Кливленда и его родителей.

Работая над «Пиратом», писатель тщательно изучал всю литературу о Шетлендии и Оркнеях. Так, в письме к издателю Кэделлу (компаньону Констебла) он напоминает, что с нетерпением ждет присылки книг Бэрри («История Оркнейских островов»), Сибболда, Тассера и других авторов. В романе имеется много ссылок на труды этих и иных историков и географов.

Английская критика встретила появление «Пирата», в основном, положительными отзывами. Восторженным поклонником

этого произведения был известный критик Уильям Хэзлит, выступивший со статьей о нем в журнале «Лондон мэгэзин».

Биограф Скотта, его зять Джон Локхарт, как бы суммируя отзывы современников, выделил то, что, по его мнению, особенно пленило их в «Пирате»: интересную, захватывающую интригу, новизну материала, «великолепный контраст между сестрами Минной и Брендой и прекрасно очерченный образ капитана Кливленда». К этому следует добавить и мысли, выраженные журналом «Блэквудз мэгэзин», о том, что «ничто не может сравниться с образами моряков» и что пейзажи в романе «чаруют своей красотой и чудесным мастерством исполнения».

Свидетельством успеха книги может быть и то, что уже в январе 1822 года в трех лондонских театрах шли три различные инсценировки «Пирата», а вскоре появилась и четвертая — в Эдинбурге. Любопытно также, что многие стихи, входящие в роман, широко использовались английскими композиторами; особенно это касается песни, которую Кливленд пел под окном Минны. в XIX веке пятнадцать английских композиторов написали романсы на эти слова.

В Шетлендии уже в нашем веке всем приезжим на Мейнленд показывали развалины Стурборо, где якобы жил Магнус Тройл, горную резиденцию Норны и другие достопримечательности, ставшие знаменитыми благодаря В. Скотту.

В истории литературы роман «Пират» оставил определенный след. На него опирался и с ним полемизировал Фенимор Купер, который, создавая своего «Лоцмана», бросал вызов многим идейно-художественным принципам В. Скотта. Известно, что «Лоцман» лег в основу всей последующей так называемой морской литературы (Мэрриет, Стивенсон, Конрад). Сам автор «Острова сокровищ», критикуя роман Скотта за его композиционную рыхлость, восхищался в своих «Воспоминаниях и портретах» высокоромантическим образом Кливленда. Имя Фердинанда Алтамонта (как называл себя Банс) использовал в романе «Пенденнис» Уильям Теккерей.

В 1829 году «Пират» был впервые опубликован в России, как и остальные романы Вальтера Скотта — в переводе с французского, под названием «Морской разбойник». В течение XIX века он выходил отдельными изданиями — полностью или в обработке для юношества — пять раз, помимо того, что он включался в собрания сочинений великого английского романиста.

Стр. 8. *Роберт Стивенсон* (1772—1850) — крупный специалист по строительству и оборудованию маяков, дед знаменитого писателя Роберта Льюиса Стивенсона.

...история капрала Трима... — Капрал Трим, один из главных персонажей романа английского писателя Лоренса Стерна (1713—1768) «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» (1767), рассказывает (кн. VIII, гл. 19) историю о богемском короле, который «был несчастен оттого, что очень любил мореплавание и морское дело, — а случилось так, что во всем богемском королевстве не было ни одного морского порта».

Стр. 9. *...забрали в плен и отвезли в Соединенные Штаты.* — В 1812—1814 гг. США вели так называемую Вторую войну за независимость против Англии.

Морвена, Обан — живописно расположенные населенные пункты на западном побережье Шотландии.

Дорога Гигантов — скалистый мыс на севере Ирландии.

Аллан Каннингхэм (1784—1842) — шотландский поэт, автор книги «Песни, преимущественно на шотландском сельском диалекте» (1813).

Стр. 10. *...узнал о безвременной кончине одной дамы...* — Имеется в виду родственница В. Скотта герцогиня Баклю (ум. 1814), которая в 1805 г. подсказала ему идею его поэмы «Песнь последнего менестреля».

...смерть одного из моих товарищей... — Речь идет об Уильяме Эрскине, умершем в 1822 г. Во время описываемой здесь поездки он был шерифом Оркнейских островов. Работая над «Пиратом», В. Скотт советовался с Эрскином относительно некоторых деталей быта Шетлендии.

«Повелитель островов» — последняя поэма В. Скотта (1815).

Стромнесс — населенный пункт на Оркнейских островах.

Стр. 12. *Цыганка из Дамфризшира* — Мег Меррилиз, одна из главных героинь романа «Гай Мэннеринг» (см. т. 2).

Рэдклиф Анна (1764—1823) — английская романистка, одна из самых популярных писательниц в Европе в конце XVIII — начале XIX в., выступившая в жанре так называемого готического романа, характеризовавшегося обилием таинственных сцен, которым Рэдклиф давала в конце концов рационалистическое объяснение.

Стр. 13. В эпиграфе цитата из стихотворного сборника «Шотландская муза» (1809) *Макнила* Гектора (1764—1818) — шотландского поэта, автора нескольких стихотворных сборников.

Тулс. — Так именовали древние греки и римляне самые северные из известных им земель в Атлантическом океане.

Стр. 18. *Нанс* — спиртной напиток. Название его происходит от французского города Нанта, где его первоначально изготовляли.

Стр. 21. *Мерк* — мера земли на Шетлендских островах, колеблющаяся от 1 до 2 акров, в зависимости от дохода, который она приносит. Непостоянная величина мерка объясняется тем, что первоначально это слово обозначало единицу ленной подати, которую шетлендские земледельцы платили своим феодалам.

Юр — $\frac{1}{8}$ мерка.

Стр. 23. *Эдмонстон* Артур (1776?—1841) — врач, автор книги «Взгляд на положение Шетлендских островов в прошлом и настоящем» (1809).

Стр. 24. *Тэксмен* — крупный арендатор в Шотландии, который, в свою очередь, сдавал землю в аренду мелким земледельцам.

Стр. 26. *Скэт* — земельный налог, который шетлендцы платили государству.

Уоттл — ежегодный налог, взимавшийся с населения,

Хокхен — плата за порубку деревьев и кустарников.

Хэгалеф — налог за пользование земельным участком.

Ранслар — должностное лицо на Шетлендских и Оркнейских островах, наделенное полицейскими полномочиями.

Стр. 27. *Скальдс* — древнескандинавские поэты-певцы (IX—XIII вв.).

Стр. 28. *Берсеркеры* — храбрые воины, изображенные в памятниках древнескандинавской литературы.

Святой Олаф — норвежский король (годы правления: 1015—1030); считается покровителем Норвегии.

Стр. 31. «*Страшное ремесло собирателей серпника*» — несколько измененные слова Эдгара Глостера из трагедии Шекспира «Король Лир» (акт IV, сц. 6), которые он произносит, стоя на краю пропасти и глядя на ползающих по скалам собирателей серпника.

Стр. 33. *Левиафан* — огромное морское чудовище, о котором говорится в Библии.

Стр. 34. *Гью* — шотландский смычковый инструмент типа скрипки, с двумя струнами из конского волоса.

Стр. 35. *Иул* — самый торжественный праздник готов и древних скандинавов, начинавшийся в день зимнего равноденствия;

посвящался богу солнца Фрейру, символом которого было колесо (hjol).

Стр. 36. *О, нежными, не бледными зови их!* — слова из второй части поэмы английского романтика Сэмюэла Колриджа (1772—1834) «Кристалл» (1816).

Стр. 40. *Она идет во всей красе...* — первое стихотворение из цикла стихов Байрона «Еврейские мелодии» (1814—1815).

Стр. 43. В эпиграфе цитата из «Двойной свадьбы» — комедии, написанной около 1620 г. английскими драматургами Джоном Флетчером (1579—1625) и Филиппом Мэссинджером (1583—1640).

Стр. 45. *Черные брауншвейгцы.* — В 1809 г. брауншвейгский герцог Фридрих-Вильгельм (1771—1815) создал корпус для борьбы с Наполеоном. Боевые мундиры брауншвейгцев были черного цвета. В 1815 г. брауншвейгский корпус вместе с англичанами упорно сражался против войск наполеоновского маршала Нея в битве при Катр-Бра.

Стр. 50. *Грампсианские горы* — горная цепь в Пертском графстве в Шотландии.

Норвал — пастух, один из главных героев трагедии английского писателя Джона Хоума (1722—1808) «Дуглас» (1756). В XVIII веке эта трагедия пользовалась исключительной популярностью, ее автора называли шотландским Шекспиром.

Йомен — средний и зажиточный крестьянин в Англии XIV—XVIII вв.

Стр. 52. *Ковенантка* — сторонница независимой пресвитерианской церкви в Шотландии.

Вефильский телец — согласно библейской легенде, золотой телец, которому царь Иеровоам заставил поклоняться жителей Вефиля — столицы Израильского царства.

Пресвитерианство и епископальная церковь — разновидности протестантской церкви. После Реформации в Англии утвердилась так называемая англиканская, или епископальная, церковь, во главе которой вместо папы стал английский король, но которая сохранила и епископов. Напротив, в Шотландии утвердилась пресвитерианская церковь, которая отрицала епископов и признавала выборных старейшин (священников), стоявших во главе общин. История Англии XVII в. изобилует разногласиями и столкновениями между обеими церквями.

Стр. 53. *Триптолемус* — латинизированная форма имени мифологического героя древних греков Триптолема, любимца богини земледелия Деметры, введшего в Аттике земледелие.

...как и в знаменитом случае с Тристрамом Шенди... — В романе английского писателя Лоренса Стерна (1713—1768) «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» (1767) рассказывается, что отец героя, большой любитель античности и человек, верящий во влияние имен людей на их судьбы, решил назвать его Трисмегистом (то есть трижды величайшим, как именovali древние греки бога Гермеса). Служанка, которая передавала священнику волю отца ребенка, запомнила только первый слог «трис», на что священник ответил, что так может начинаться только одно имя — Тристрам (многострадальный). У миссис Шенди, узнавшей, каким именем наречен ее сын, началась истерика, но изменить имя ребенка было уже поздно.

Стр. 55. *Вергилий* (70—19 до н. э.) — величайший римский поэт «века Августа». Его поэма «Буколики» посвящена пастушеской жизни; поэма «Георгики» представляет собою стихотворный сельскохозяйственный трактат и воспеваеt уклады сельской жизни; самое знаменитое произведение Вергилия, поэма «Энеида», изображает странствия и подвиги мифического предка римлян Энея.

...потрясается рыхлое поле... — не совсем точная цитата из поэмы Вергилия «Энеида» (песнь VIII).

Катон Старший (234—149 до н. э.) — римский государственный деятель и писатель, отличавшийся суровыми нравственными принципами. Единственное дошедшее до нас произведение Катона «О сельском хозяйстве» представляет собою сборник наставлений по земледелию, животноводству и т. д.

Стр. 56. *Палладий* (IV в.) — последний из известных нам римских авторов, писавших о сельском хозяйстве. Его труд «О сельском хозяйстве» состоит из 14 книг и представляет собою подробное руководство по сельскохозяйственным работам.

Теренций Варрон (116—28 до н. э.) — римский государственный деятель и писатель, автор сочинений самого разнообразного характера, в том числе и диалога «О сельском хозяйстве».

Колумелла (1 в.) — римский писатель, автор книги «О сельском хозяйстве», написанной прозой и частично стихами.

Тассер Томас (1524—1580) — автор поэтических и прозаических произведений о сельском хозяйстве, в том числе книги «Сто советов доброму землепашцу», ниже упоминаемой В. Скоттом. Книга эта много раз переиздавалась в XVI—XVII вв. В 1810 г. ее переиздал сам В. Скотт. Уже начиная с XVII в. в Англии

стали в шутку противопоставлять дельные советы Тассера его житейским и хозяйственным неудачам.

Хартлиб Сэмюел (ум. 1670) — друг Мильтона, публицист, автор ряда работ по вопросам образования и сельского хозяйства.

«*Пастух Солсберийской долины*» — произведение английской писательницы Ханны Мор (1745—1833). Герою этой книги в течение года пришлось быть пастухом.

Филоматы (греч.) — любители наук.

Стр. 57. ...о битве при Фарсале... эматийские поля... — В 48 г. до н. э. у г. Фарсала в Фессалийской области (Греция) произошло сражение между войсками Юлия Цезаря и Помпея, в результате чего начался период диктатуры Цезаря. *Эматия* — древнее название равнинной местности в Македонии. Эматийские поля упоминаются Вергилием в 1-й песни его поэмы «Георгики».

«*Видение Петра-пахаря*» — аллегорическая поэма средневекового английского поэта Уильяма Лэнгланда (1332—1400), герой которой Петр-пахарь рассказывает о бедствиях крестьян под гнетом феодалов. Это произведение не имеет ничего общего с цитируемыми Триптолемусом сельскохозяйственными трактатами.

Стр. 58. *Quid faciat laetes segetes.* — Этими словами открывается поэма Вергилия «Георгики».

Демокрит (460—370 до н. э.) — древнегреческий философ-материалист, основоположник атомистической теории; в своих трудах стремился также раскрыть смысл человеческой жизни. Уже в древности получил прозвище Смеющийся философ; происхождение этого прозвища неясно.

Стр. 59. *Сенека* Луций Анней (1—65 н. э.) — римский писатель и философ, один из виднейших представителей стоицизма, учившего, что смысл жизни заключается в смирении, в довольствовании малым.

Стр. 60. *Пикты* — древнейшее население Шотландии. В IX в. были покорены скоттами и ассимилировались с ними.

Стр. 64. *Кортес* Эрнандо (1485—1547) — испанский конкистадор, завоеватель Мексики.

Стр. 67. *Мудрый мантуанец.* — Вергилий был родом из города Мантуи.

Ventis surgentibus — цитата из 5-й песни поэмы Вергилия «Энеида».

Nemorum murmur — цитата из 1-й песни поэмы «Георгики».

Стр. 68. *Дрэммок* — шотландское блюдо: мучная болтушка на воде.

Крауди — болтушка на молоке.

Стр. 69. *O fortunati nimium!* — слегка измененное восклицание из 2-й песни поэмы «Георгики».

Святой Риньян (Ниниан) (360—432) — деятель церкви на территории нынешней Шотландии, обращавший пиктов в христианство. Шотландцы считают его своим покровителем.

Стр. 71. *Катераны*. — Так называли в Шотландии тех горцев, которые угоняли скот у равнинных жителей.

Стр. 74. *Офир* — легендарная страна, богатая золотом, о которой упоминается в библии. Израильский царь Соломон направил туда корабль, который вернулся с 420 (а не со 150, как утверждает Триптолемус) талантами (мера веса в древнем мире).

Бленд — шотландский напиток; смесь пахтанья с водой.

Стр. 77. *Михайлов день* — 29 сентября.

Dave (Дав) — часто встречающееся в римских комедиях имя раба.

Стр. 81. *Miseris succurere disco* — цитата из 1-й песни поэмы Вергилия «Энеида».

Стр. 82. *Бондука* (или *Боадицея*) — королева одного из бриттских племен в I в. н. э. Под ее руководством в 61 г. бритты восстали против римского владычества. Героиня трагедии Джона Флетчера «Боадицея» (1611).

Велледа — жрица германского племени бруктеров (I в.), считалась пророчицей и пользовалась огромным авторитетом.

Ауриния — жрица у древних германцев.

Стр. 83. *Тайный совет* — английское правительственное учреждение, ныне утратившее свое значение, но в XVI—XVII вв. игравшее весьма важную роль в жизни государства.

Стр. 84. *Роковые сестры*, или *Норны*, — в скандинавской мифологии три сестры, которые живут в чертоге у корней «мирового древа» и назначают жребий каждому человеку.

В эпиграфе неточно цитируемые слова Миранды, дочери мудреца и волшебника Просперо из драмы Шекспира «Буря» (акт I, сц. 2).

Стр. 90. *Один* — в скандинавской мифологии верховный бог, создатель земли и людей.

Стр. 92. *Иов* — библейский персонаж. Чтобы испытать его праведность, бог заставил его перенести разные бедствия, лишил Иова имущества, семьи и здоровья,

Хиалтландия — в переводе: горная страна; древненорвежское название Шетлендии.

Стр. 98. *Тэм О'Шэнтер* — герой одноименной поэмы Роберта Бернса (1791), возвращавшийся из кабака поздно ночью и на-толкнувшийся на хоровод нечистой силы.

Стр. 99. *Лига* — мера длины, равна 3 милям.

Стр. 105. *Эрик* — шведский король, который, по преданию, мог направлять ветры в ту сторону, куда он поворачивал козырек своей шапки.

Стр. 115. *Спенсер* Эдмунд (1552—1599) — английский поэт эпохи Возрождения. Наиболее известна его поэма «Королева фей». Выражение «учинить баталию» неоднократно встречается в поэме (ч. II, песня 2; ч. IV, песня 9).

Обирать египтян... — Слово «египтяне» употреблено в библейском смысле — «чужеземцы-завоеватели».

Стр. 120. В эпиграфе слова из баллады «Руфь» английского поэта-романтика Уильяма Вордсворта (1770—1850).

Стр. 122. *Олаф Трюгверсон* (или Трюгвесон) (963—1000) — норвежский король, потомок Гарольда Длинноволосого (или Гарольда Гарфагера), завоевателя Шетлендских островов.

Стр. 128. *Порто Белло* (нынешнее название — Портобельо) — город в Панаме, славившийся в прежние времена своей гаванью.

Стр. 129. *Консорт* — корабль, плавающий совместно с другим судном.

Дэви Джонс — на английском морском жаргоне — морской дьявол. «Отправиться к Дэви Джонсу» — отправиться на дно морское.

Стр. 131. *Ско-оф-Унст* — крайний северный мыс Шетлендских островов.

Сэр Артегал — персонаж из поэмы Спенсера «Королева фей», предок королевской династии Тюдоров. Приведенные в тексте слова сэра Артегала взяты из книги IV (песня 6).

Стр. 132. *Автолик* — персонаж из пьесы Шекспира «Зимняя сказка», бродяга и вор, переодетый корабейником.

Стр. 133. *Фрэнсис Дрейк* (1545—1595) — английский мореплаватель, совершал набеги на берега Африки и Америки, разграбил и потопил много испанских судов, участвовал в уничтожении испанского флота в 1588 г.

Морган Генри (1635—1688) — вице-губернатор Ямайки. В 1666 г. стал «адмиралом» английских каперов.

Стр. 139. *Клавдио* — персонаж из комедии Шекспира «Много шума из ничего», чье имя упоминается автором ошибочно, так как приведенная в тексте мысль принадлежит другому персонажу — Дону Педро (акт III, сц. 2).

Мартынов день — 11 ноября.

Стр. 141. *Файфец* — житель графства Файф, расположенного на востоке Шотландии.

Стр. 142. В эпиграфе цитата из 41-й главы повести английского писателя, критика и моралиста Сэмюэла Джонсона (1709—1784) «Расселас, принц абиссинский» (1799).

Стр. 146. *Валькирии* — в скандинавской мифологии воинственные девы, дочери Одина, которые носят над полем битвы, предрекая победу или смерть сражающимся воинам. Павших героев валькирии уносят в Валгаллу (чертог мертвых).

Стр. 158. «*Носиф*» — костюм амазонки.

Стр. 159. *Камачо* — богач из романа Сервантеса «Дон-Кихот», на свадьбе которого Санчо Панса «с беззаветною отвагою ринулся на приступ кастрюли» (т. II, гл. 20).

Стр. 165. *Форпит* — мера сыпучих тел, равная $\frac{1}{16}$ бушеля (1 бушель — 36,36 литра).

Стр. 168. *Земля Гошен* — плодородная и богатая местность в Египте. В ней жили евреи во время египетского пленения.

В эпиграфе цитата из «Юлия Цезаря» Шекспира (акт IV, сц. 2).

Стр. 170. ...*дурно, как Брюсу-абиссинцу...* — Имеется в виду Джеймс Брюс (1730—1794), английский путешественник, исследователь Эфиопии, которую он посетил в 1769—1771 гг., автор весьма популярных в Англии пятитомных «Путешествий» (первое издание в 1790 г.).

Iacta est alea — выражение, приписываемое Юлию Цезарю, когда он в 49 г. до н. э., вопреки запрещению сената, перешел со своими легионами реку Рубикон, что послужило поводом для начала гражданской войны в Риме.

Стр. 173. *Флотсам* — термин в английском праве, означающий остатки потерпевшего крушение корабля и его груза, обнаруженные на поверхности воды.

Джетсам — товары, выброшенные за борт при угрозе кораблекрушения. Если хозяева груза погибли, то флотсам и джетсам принадлежат королю. Эти законы постоянно нарушались жителями побережья, присваивавшими себе все, что оставалось после кораблекрушений.

Стр. 177. *Джон Драйден* (1631—1700) — английский поэт и драматург. Скотт чрезвычайно высоко оценивал творчество Драйдена, считая его третьим английским поэтом после Шекспира и Мильтона. Работая над «Пиратом», Скотт одновременно готовил к печати второе издание своей книги «Жизнь и творчество Драйдена». Отсюда многочисленные ссылки на Драйдена в этом романе.

«*Кофейня талантов*» — название лондонской кофейни, популярной среди лондонских литераторов XVII в.; принадлежала некоему Уиллу (Will's coffee-house).

Стр. 179. *Среди живых созданий до сих пор...* — слова из 1-й песни поэмы Спенсера «Изменчивость» (1596), которые Холкро цитирует очень приблизительно.

Стр. 181. *Сэр Луциус О'Триггер* — персонаж из комедий английского драматурга Ричарда Шеридана (1751—1816) «Соперники» (1775). Имеются в виду его слова о капитане Абсолюте: «Он так очевидно имеет все шансы на успех, что один вид его раздражает меня» (акт IV, сц. 3).

Стр. 182. *Гарольд Гарфагер* — см. прим. к стр. 122.

Стр. 183. «*Собака*» — на морском жаргоне — вахтенные часы в предраассветное время.

Стр. 184. *Краун Джон* (ум. 1703) — английский драматург, автор более десяти трагедий и комедий.

Тэйт Нейхум (1652—1715) — поэт и драматург, переводчик и издатель; его переделка «Короля Лира» шла в Англии до середины XIX в.

Прайор Мэтью (1664—1721) — английский государственный деятель и поэт.

Браун Томас (1663—1704) — английский поэт-сатирик.

Олдермен — член городского управления.

«*Сумасбродный щеголь*» — первая комедия Драйдена (1662).

Стр. 186. *Шедуэл Томас* (1642—1692) — английский поэт, композитор и драматург, один из зачинателей так называемой комедии Реставрации; непримиримый враг Драйдена.

И ныне ты, как новый Арион... — слова из сатирической поэмы Драйдена «Мак-Флекно» (1682). Арион (VII—VI вв. до н. э.) — древнегреческий поэт, о жизни которого слагалось много легенд. В одной из них говорится о том, что во время кораблекрушения Арион был вынесен из моря дельфином.

Стр. 188. *Рочестер* (1647—1680) — английский поэт эпохи Реставрации; был известен, в частности, непристойными стихами.

Этеридж Джордж (1635—1691) — английский дипломат и комедиограф.

В эпиграфе неточно цитируются строки из 8-й песни популярного в Англии рифмованного перевода поэмы Гомера «Одиссея», принадлежащего поэту Александру Попу (1688—1744).

Стр. 189. *Амфитрион* — греческий мифологический герой. После комедии Мольера «Амфитрион» (1668) это имя стало нарицательным для обозначения гостеприимного хозяина.

Стр. 198. *Ганимед* — в древнегреческой мифологии красивый юноша, любимец Зевса, виночерпий богов.

Стр. 199. *Ролло Быстроногий* — предводитель викингов, завоевавший Нормандию (начало X в.) и основавший государство норманнов.

Стр. 202. *Оссиановский оборот речи*. — Оссиан — легендарный ирландский певец (III в. н. э.). В 1765 г. шотландец Джеймс Макферсон (1736—1796) опубликовал «Поэмы Оссиана», которые на самом деле были созданы самим Макферсоном.

Стр. 207. *Блэкмор* Ричард (1654—1729) — английский врач и поэт.

Стр. 212. В эпиграфе цитата из «Ромео и Джульетты» Шекспира (акт I, сц. 4).

Стр. 213. *Грей* Томас (1716—1771) — английский поэт. В последние годы жизни заинтересовался скандинавской мифологией; основываясь на ней, написал две поэмы: «Роковые сестры» и «Происхождение Одина» (1768).

Стр. 216. *Левант* — старинное название стран, прилегающих к восточной части Средиземного моря.

Асквибо — шотландская водка.

Стр. 217. *Монтроз* Джеймс Грэм (1612—1650) — маркиз, вождь антиреспубликанских восстаний в 1645 и 1650 гг. В. Скотт посвятил ему роман «Легенда о Монтрозе» (см. т. 7).

Стр. 220. *Сабинянки* — согласно римским преданиям, девушки племени сабинян, похищенные во время праздника римскими юношами по приказанию Ромула, основателя и первого царя Рима.

...точно амазонки, присоединившиеся к пиррической пляске воинов Тесея. — Согласно древнегреческому мифу, афинский царь Тесей вместе со своими воинами отправился в страну воинственных дев амазонок и похитил их царицу Антиопу.

Стд. 222. *Лэнгспил* — разновидность арфы, распространенной на Шетлендских островах.

В эпитафии цитата из «Ромео и Джульетты» Шекспира (акт I, сц. 4).

Стр. 223. *Амфитрита* — в греческой мифологии жена морского бога Посейдона, одна из nereid, дочерей морского божества Нерея.

Прислужницы Клеопатры. — Имеются в виду слова Энобарба из трагедии Шекспира «Антоний и Клеопатра» (акт II, сц. 2).

Стр. 235. *Sparge nices, pueri* — цитата из поэмы Вергилия «Энеида» (песнь VIII).

Стр. 236. «*Битва у Летних островов*» — поэма английского поэта Эдмунда Уоллера (1606—1687).

Стр. 238. *Гольденвассер* — старинный ликер, получивший свое название оттого, что к нему добавлялось небольшое количество золотой пыли.

Стр. 250. ...они «*таили зло*»... — слова Гамлета из одноименной трагедии Шекспира (акт III, сц. 2).

Стр. 253. ...*король Иаков, как некогда король Чарли?* — Клод Холкро выражает надежду, что на английский престол вернется изгнанный в результате государственного переворота 1688 г. король из династии Стюартов Иаков II, точно так же, как в 1660 г. в результате реставрации Стюартов на престол взшел Карл II.

Стр. 263. *Законы мидян.* — По преданию, в древнем восточном государстве Мидии (VII—VI вв. до н. э.) раз принятые законы никогда не изменялись и не отменялись.

Стр. 265. *Себастьян и Доракс* — персонажи из трагедии Драйдена «Дон Себастьян» (1690). Себастьян, португальский король, захваченный в плен маврами, был спасен от смерти благородным португальцем Дораксом, который до этого был в ссоре с Себастьяном из-за соперничества в любви.

Стр. 267. В эпитафии цитата из первой части «Поэмы о старом моряке» Колриджа.

Стр. 270. *Тор* — в скандинавской мифологии бог грома и покровитель земледелия.

Стр. 275. *Хой* — второй по размерам остров Оркнейского архипелага.

Уоллес Джеймс (ум. 1688) — автор книги «Описание Оркнейских островов», вышедшей посмертно, в 1693 г., и переизданной в 1700 г.

Стр. 276. *Волуспа.* — В древнескандинавском литературном памятнике «Эдда» вёлуспой называется песня о происхождении

и грядущей гибели мира. Слово «вёлупса» означает «прорицание пророчицы». У В. Скотта это слово (в форме «волупса») ошибочно употреблено в значении «прорицательница».

Стр. 284. В эпитафии цитата из «Сна в летнюю ночь» Шекспира (акт III, сц. 2).

Стр. 289. *Бэйли* — в Шотландии старший член городского магистрата.

Стр. 294. *...одна испанская книга...* — Бренда имеет в виду роман Сервантеса «Дон-Кихот».

Стр. 296. В эпитафии слова из поэмы «Библиотека» английского поэта Джорджа Крабба (1754—1832), написанной им в 1781 г.

Стр. 297. *«Происхождение Одина»* — см. прим. к стр. 213.

Стр. 299. *Роберт Сибболд* (1641—1722) — шотландский врач, историк и географ, автор многочисленных трудов по истории и географии Шотландии, а также книг: «Описание Оркнейских островов с приложением их карт» (1711) и «Очерк о Туле древних» (1693).

Стр. 306. *Испанская Армада* — флот, который в 1588 г. был направлен королем Филиппом II под командованием герцога Филиппа Сидония и адмирала Мартинеса де Ренальдо для завоевания Англии. Ураган у Оркнейских островов потопил почти все испанские корабли.

Стр. 311. В эпитафии цитата из поэмы Байрона «Корсар» (1814).

Стр. 327. *Кацик* — употреблявшееся испанскими колонизаторами название вождей индейских племен в Центральной и Южной Америке.

Стр. 340. *«Прорицания Вергилия»* — сборник цитат из произведений Вергилия, составленный во II в. н. э. Уже тогда этому сборнику приписывались свойства пророческой книги.

Стр. 343. *Давенант* Уильям (1606—1668) — английский поэт и драматург, один из основателей Друри-лейнского театра.

Стр. 345. *Чантри* Френсис (1781—1842) — английский скульптор.

Стр. 350. *Тринкуло* — шут из драмы Шекспира «Буря». Завороженные музыкой духа Ариэля, Тринкуло и его спутники — Стефано и Калибан — забрели в болото, где потеряли бутылку с вином, испачкались в грязи и были избиты Ариэлем.

Стр. 360. В эпитафии цитата из трагедии младшего современника

менника Шекспира драматурга Джона Уэбстера (1580—1625) «Герцогиня Мальфи», написанной им в 1618 г. (акт V, сц. 3).

Стр. 362. «*Видение Мирзы*» — нравоучительный очерк (эссе) английского моралиста и писателя Ричарда Стиля (1671—1729), напечатанный в 159-м номере его журнала «Зритель». В своем видении Мирза узрел бесконечный поток воды, окутанный по краям туманом (символ реки жизни).

Стр. 370. *Линдсей* Анна (1750—1825) — автор очень распространенной в Англии в конце XVIII — начале XIX в. песни «Старый Робин Грей». В 1829 г. Скотт опубликовал эту песню и некоторые материалы об авторе.

Бэннетайнский клуб был основан под председательством В. Скотта в 1823 г. Свое название получил по имени Джорджа Бэннетайна (1545—1608), собирателя шотландских народных песен. Задачей клуба была публикация трудов о шотландской старине и произведений шотландской литературы. Им, в частности, была опубликована песня «Старый Робин Грей».

Стр. 377. *Паколет* — карлик из старинной французской повести «Валентин и Орсон» (XV в.), хозяин волшебной деревянной лошади, на которой он вывозит из темницы героев книги, братьев-близнецов Валентина и Орсона.

Стр. 380. *Удифферентование судна* — продольное наклонение корпуса судна.

Папская булла — распоряжение (или грамота) римского папы, скрепленная печатью.

Стр. 382. *Микл* Джеймс (1730—1799) — английский поэт. Эпиграфы к XXVII и XXVIII главам взяты из сборника «Траурный чертог, или Стихи на меланхолические темы».

Миф о Данае — древнегреческий миф, повествующий о том, что аргосскому царю Акрисию было предсказано, что у его дочери Данай родится сын, который свергнет и убьет деда. Стремясь избежать этой судьбы, Акрисий заключил Данаю в подземелье.

Стр. 415. *Рори Мхор из Данвегана* (правильнее: Рори О'Мор) — имя нескольких вождей освободительного движения ирландцев против англичан в XVI—XVII вв. Все они слились в народном творчестве в образ одного человека, наделенного огромной силой и храбростью.

Стр. 423. *В опасности я смелый мореход...* — слова из 1-й части поэмы Драйдена «Авессалом и Ахитофель» (1681).

Стр. 427. *Инфанг* — право хозяина поместья судить и наказывать вора, задержанного на его земле. *Аутфанг* — более широкое, чем инфанг, право лорда задержать вора за пределами своего поместья и предавать его своему суду.

Стр. 430. В эпиграфе цитата из исторической хроники Шекспира «Генрих IV» (ч. II, акт II, сц. 2).

Стр. 443. *Королева Бесс* — королева Елизавета I (1558—1603).

Принц Вольсций — персонаж из комедии фаворита Карла II Джорджа Вильерса, герцога Бакингема (1628—1687), «Репетиция». Влюбившись, принц Вольсций забывает о войне и вступает в спор с принцем Приттименом о превосходстве своей возлюбленной над его любовницей.

Стр. 448. *Фалинь* — веревка, которой шлюпка привязывается к пристани или судну.

Стр. 450. *Веселый болтун Панч и его благоверная Джоан* — комические персонажи английского народного театра, соответствующие русским Петрушке и Маланье.

Стр. 452. *Провост* — мэр города.

Стр. 460. *Просперо, Миранда* — отец и дочь, персонажи драмы Шекспира «Буря».

Стр. 477. *...нализался, как свинья Дэви...* — английская поговорка.

Стр. 486. *Белые отвороты* носили на своих мундирах английские военные моряки.

Стр. 487. *Дибдин* Чарлз (1745—1814) — английский композитор и поэт, автор многих стихотворений и песен, посвященных морякам. Слова «*Я бросил плуг, чтоб море бороздить*» взяты из его стихотворения «Карфиндо».

Стр. 488. *...сражаться с диким эфесским зверьем...* — выражение из 1-го послания апостола Павла коринфянам, означающее жестокую борьбу за свои принципы. Павел, согласно евангельскому преданию, был в течение трех лет христианским проповедником в малоазиатском городе Эфесе.

Стр. 489. *Generandi gloria mellis* — слова из поэмы Вергилия «Георгики» (песнь IV).

Стр. 492. *Курций* — легендарный римский герой, который добровольно пожертвовал жизнью, чтобы отвести опасность, угрожающую родному городу.

Стр. 498. В эпиграфе цитата из комедии Шекспира «Виндзорские насмешницы» (акт II, сц. 2).

Стр. 499. *Фордевинд* — курс судна, совпадающий с направлением ветра.

С осадкой столь глубокою, что волны... — слова из поэмы Драйдена «Год чудес 1666», написанной в 1667 г. и воспевающей победу английского флота над голландцами.

Стр. 502. *Аншпуг* — деревянный брус, используемый в качестве рычага для подъема и переворачивания тяжестей.

Стр. 508. *Тимофей* (450—360 до н. э.) — древнегреческий поэт.

Роль Кассио. — Банс намекает на эпизод из II действия трагедии Шекспира «Отелло».

Стр. 510. *Бэйс.* — Под этим именем в комедии «Репетиция» Бакингом сатирически изобразил Джона Драйдена.

Зимри. — Под этим именем Драйден язвительно высмеял Бакингема в 1-й части поэмы «Авессалом и Ахитофель».

Стр. 512. *Дон Себастьян* — см. прим. к стр. 265.

Бут Бартон (1681—1733) — актер в труппе Беттертона. Упоминание о Буте — анахронизм, так как Бут начал играть лишь в 1698 г., а приобрел славу после 1712 г.

Беттертон Томас (1635—1710) — английский драматург и актер. В 1695 г. основал свой собственный театр.

Стр. 513. *Сципион* (185—129 до н. э.) — римский полководец; завоевал иберийский (испанский) город Нумансию. Трагедия «Сципион Африканский» была написана французским драматургом Никола Прадоном (1632—1698) в 1697 г.

Дарий III — персидский царь (336—330 до н. э.), чья держава была уничтожена Александром Македонским.

Из гроба я восстал на дальний зов... — Этими словами Александра Македонского заканчивается IV акт трагедии английского драматурга Натаниеля Ли (1657—1691) «Королевы-соперницы, или Смерть Александра Великого» (1671).

Стр. 515. *Крюйт-камера* — корабельное помещение, в котором хранятся взрывчатые вещества.

Стр. 517. *Роксалана* (или Роксана) — первая жена Александра Македонского в трагедии Ли «Королевы-соперницы».

Томас Сесиаль — кум и сосед Санчо Пансы из романа Сервантеса «Дон-Кихот».

Прочь, удались, здесь буря разразится... — слова Роксаланы (акт III, сц. 1).

*Статир*а — вторая жена Александра, убитая Роксаланой. Слова «Так речь его сладка, так нежен вид» произнесены ею в I акте.

Лисимах, Клит — персонажи из той же трагедии.

Стр. 519. *Барнуэлл*. — Вероятно, В. Скотт имел в виду Брамвелла, одного из заговорщиков в «Спасенной Венеции» (точное название — «Спасенная Венеция, или Раскрытый заговор») — трагедии английского драматурга Томаса Отвэя (1652—1685).

Стр. 520. *Все дело их — набить бы только пузо!* — слова из 1-й части поэмы Драйдена «Авессалом и Ахитофель».

Стр. 533. В эпиграфе цитата из трагедии Шекспира «Макбет» (акт III, сц. 3) — слова Банко, которые цитируются неточно.

Стр. 539. *Шебека* — длинное, узкое парусное военное судно; часто использовалось пиратами.

Стр. 544. В эпиграфе цитата из поэмы Мэтью Прайора (1664—1721) «Генри и Эмма».

Стр. 545. ...*в памятную ночь 5 октября 1789 г.* ... — 5 октября 1789 г. по призыву Марата огромная толпа парижан, узнавших о контрреволюционной манифестации в Версальском дворце, направилась к этой резиденции короля Людовика XVI. Между народом и королевской гвардией произошли кровавые схватки. Поход разрушил контрреволюционные планы роялистов.

Стр. 547. *Имоинда* — красавица, возлюбленная африканского принца Оруноко из романа английской писательницы Афры Бен (1640—1689) «Оруноко, или Царственный раб» (1688). В Англии конца XVII в. этот роман неоднократно инсценировался.

Король Дункан — персонаж из трагедии Шекспира «Макбет».

Стр. 553. *Прогуляться по доске...* — Пленников, обреченных на смерть, пираты заставляли идти с завязанными глазами по доске, положенной на борт судна, до тех пор, пока те не падали в море.

Стр. 555. *Армида* — волшебница в поэме итальянского поэта Торквато Тассо (1544—1595) «Освобожденный Иерусалим» (1580). «*Прощай, прекрасная Армида*» — название одного из стихотворений Драйдена. Из этого же стихотворения взято и последующее двустишие, которое цитируется не совсем точно.

Стр. 556. *Кит-Кэт клуб* — лондонский клуб вигов, членами которого состояли такие писатели, как Стиль, Конгрив, Ванбру и другие.

Стр. 557. «*Баллада о девушке с каштановыми кудрями*» — старинная английская баллада о девушке, не боящейся никаких испытаний, которые должны выпасть на ее долю и долю ее возлюбленного. Этот сюжет использован Прайором в его поэме «Генри и Эмма».

Стр. 566. *Молчишь? Ну, значит, свет перевернулся...* — слова Ричарда, обращенные к его умирающему врагу, лорду Клиффорду, из исторической хроники Шекспира «Генрих VI» (ч. III, акт II, сц. 6).

Стр. 567. *Как ты ни злишь, клянусь крошечным адом...* — слова Джафира, главного героя трагедии Отвэя «Спасенная Венеция» (акт IV, сц. 2).

Стр. 569. *Eхеunt omnes* — обычная ремарка в финалах драматических произведений XVI—XVII вв.

Стр. 571. *Вас, капитан, как человека чести...* — слова Пьера, ближайшего друга Джафира («Спасенная Венеция», акт V, сц. 2).

Саути Роберт (1774—1843) — английский поэт-романтик.

Стр. 575. *Эспаньола* — старинное название острова Гаити.

Стр. 578. *Бегите же, молитесь об отсрочке!* — неточно цитируемые слова нищего из финала музыкально-сатирической комедии английского писателя Джона Гей (1685—1732) «Опера нищих» (1727).

Стр. 579. *Кренгование* — придание судну крена для осмотра, окраски и ремонта подводной его части.

Стр. 582. *Росций* Квинт (130—62 до н. э.) — известный римский комический актер.

Стр. 586. *...уподобилась Чосерову врачу...* — Имеется в виду доктор из стихотворных новелл основоположника английской поэзии Джеффри Чосера (1340—1400) «Кентерберийские рассказы». Автор говорит, что доктор в «Писании не очень был силен» (общий пролог к «Кентерберийским рассказам»).

Стр. 589. *Д-р Драйздаст* — вымышленный Скоттом автор некоторых предисловий к его романам.

...в начале царствования Георга I... — Английский король Георг I из ганноверской династии вступил на престол в 1714 г.

В. ШЕЙНКЕР

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПИРАТ

Предисловие к «Пирату»	7
Глава I	13
Глава II	23
Глава III	35
Глава IV	43
Глава V	65
Глава VI	84
Глава VII	98
Глава VIII	120
Глава IX	132
Глава X	142
Глава XI	154
Глава XII	168
Глава XIII	188
Глава XIV	200
Глава XV	212
Глава XVI	222
Глава XVII	236
Глава XVIII	252
Глава XIX	267
Глава XX	284
Глава XXI	296
Глава XXII	311
Глава XXIII	332
Глава XXIV	349

<i>Глава XXV</i>	360
<i>Глава XXVI</i>	370
<i>Глава XXVII</i>	382
<i>Глава XXVIII</i>	389
<i>Глава XXIX</i>	403
<i>Глава XXX</i>	413
<i>Глава XXXI</i>	430
<i>Глава XXXII</i>	449
<i>Глава XXXIII</i>	460
<i>Глава XXXIV</i>	471
<i>Глава XXXV</i>	487
<i>Глава XXXVI</i>	498
<i>Глава XXXVII</i>	518
<i>Глава XXXVIII</i>	533
<i>Глава XXXIX</i>	544
<i>Глава XL</i>	557
<i>Глава XLI</i>	571
<i>Глава XLII</i>	578
Комментарии	591

Замеченная опечатка в XI томе

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
56	18 сверху	отца	оцта

ВАЛЬТЕР СКОТТ
Собрание сочинений, т. 12

Редактор Н. Толстая
Художник Б. Воронецкий
Художественный редактор
Л. Чалова

Технический редактор
Э. Марковская
Корректор Е. Игнатьева

Сдано в набор 19/VI 1963 г.
Подписано к печати 12/XI 1963 г.
Бумага 84 × 108¹/₃₂ — 19,25 пег.
л = 31,57 усл. печ л. Уч.-изд л.
30,18 Тираж 300 000 экз За-
каз № 424. Цена 1 р. 15 к.

Гослитиздат
Ленинградское отделение
Ленинград, Невский пр., 28

Ленинградский Совет народного
хозяйства. Управление целлю-
лозно-бумажной и полиграфиче-
ской промышленности. Типогра-
фия № 1 «Печатный Двор» им.
А. М. Горького. Ленинград, Гат-
чинская, 26.